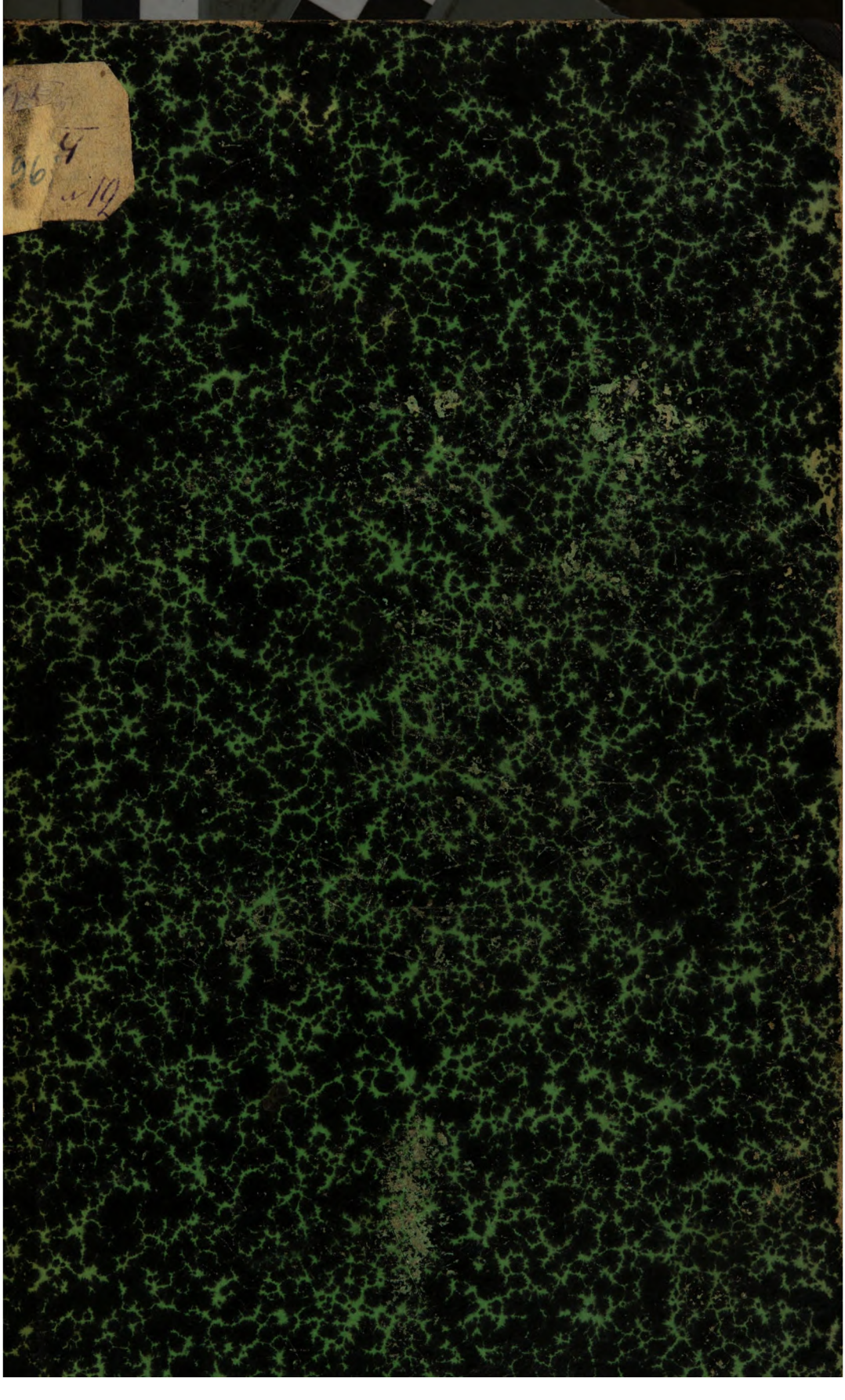
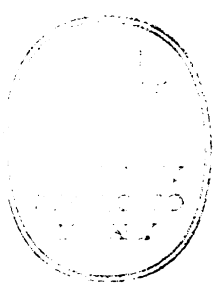


05
M.64.1905г.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

НА ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

„МІРЪ БОЖІЙ“.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ—XV—ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 28 до 30 листовъ.

Въ теченіе четырнадцати лѣтъ изданія направленіе и программа журнала «Міръ Божій» достаточно опредѣлились.

Въ XV-ый годъ своего существованія журналъ «Міръ Божій» вступаетъ при совершенно измѣнившихся для литературы условіяхъ.

Завоеванная страною свобода печати даетъ журналу возможность съ полной ясностью проявить свое направленіе и расширить программу.

Политическое и экономическое освобожденіе человѣка, идея рабочаго класса какъ идея всего человѣчества,—таковы основныя стремленія журнала.

Отстаивая вездѣ и всюду принципъ индивидуальности, культурнаго роста и совершенствованія свободной человѣческой личности, журналъ въ соціалистическомъ строѣ видитъ путь, ведущій къ осуществленію этого принципа. Ближайшей своей задачей журналъ ставитъ пропаганду идеи полнаго духовнаго и политическаго освобожденія личности и свободной борьбы за интересы трудящихся классовъ, т.-е. перехода власти въ руки народа.

Наконецъ, разсматривая федеративный строй, какъ форму, обезпечивающую свободное развитіе индивидуальностей національныхъ группъ, со всѣмъ многообразіемъ и богатствомъ ихъ духовныхъ стремленій въ области культурнаго творчества, журналъ отстаиваетъ идею автономности народовъ и народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства.

Выясненіе, развитіе, этико-философское обоснованіе и популяризація этихъ основныхъ идей—такова задача журнала, съ широкой образовательной программой.

Какъ и въ теченіе минувшихъ четырнадцати лѣтъ борьбы за культуру, право и свободу, редакція имѣетъ въ виду читателей изъ различныхъ слоевъ общества и народа и будетъ попрежнему заботиться о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать знанія по наукамъ государственнымъ, общественнымъ, историческимъ и естественнымъ.

Въ будущемъ 1906, пятнадцатомъ году изданія, журналъ будетъ издаваться по вышеизложенной программѣ; въ составъ редакціоннаго комитета входятъ—гг. **В. Агафоновъ, Ѳ. Батюшковъ, А. Богдановичъ, Н. Іорданскій, Вл. Кранихфельдъ, М. Куприна, А. Купринъ, М. Невѣдомскій и Е. Тарле.**

Въ журналѣ принимаютъ участье въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ слѣдующіе писатели и писательницы: В. Агафоновъ, Н. Азбелевъ, Allegro, В. Альбовъ, М. Альбова, Ев. Аничковъ, Л. Андреевъ, М. Арцыбашевъ, С. Ашевскій, Ѳ. Батюшковъ, Юл. Безродная, Вл. Беренштамъ, П. Берлинъ, М. Бернацкій, Билитъ, А. Богдановичъ, проф. К. Богдановичъ, Т. Богдановичъ, В. Богучарскій, акад. П. Бородинъ, проф. Брандтъ, И. Бунинъ, В. Вальтеръ, Л. Василевскій, П. Вейнбергъ, В. Вересаевъ, Б. Витмеръ, проф. Випперъ, В. Водовозовъ, Ч. Вѣтринскій, Г. Галина, П. Ганзенъ, проф. В. Гессенъ, И. Гинцбургъ, Л. Гуревичъ, Г. Даниловскій, Ал. Дживилеговъ, К. Диксонъ, проф. И. Догель, С. Елеонскій, С. Елпатьевскій, Д. Жбанковъ, проф. Зомбартъ, Хр. Инсаровъ, Н Іорданскій, А. Каменскій, А. Кауфманъ, Л. Клейнбортъ, М. Ковалевскій, Н. Котляревскій, А. Крандіевская, Вл. Кранихфельдъ, А. Купринъ, Л. Куприянова, В. Ладыженскій, Д. Левинъ, проф. Ф. Левинсонъ-Лесингъ, М. Лемке, Е. Лозинскій, А. Лукьяновъ, І. Любарскій, Ек. Лѣткова, С. Маковскій, П. Милюковъ, М. Невѣдомскій, проф. Д. Овсянико-Куликовскій, акад. С. Ольденбургъ, проф. И. Оршанскій, проф. А. Павловъ, А. Петрищевъ, Э. Пименова, К. Покровскій, Ѳ. Поступаевъ, И. Потапенко, С. Протопоповъ, С. Раппопортъ, проф. М. Ростовцевъ, А. Рыкачевъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, Скиталецъ, М. Славинскій, В. Сторожевъ, проф. Н. Стороженко, Вац. Сѣрошевскій, Танъ, проф. Ев. Тарле, В. Тотоміанцъ, М. Туганъ-Барановскій, Ив. Тхоржевскій, акад. А. Фаминцынъ, Б. Федченко, С. Франкъ, В. Хижняковъ, проф. Н. Холодковскій, проф. Г. Хлопинъ, проф. В. Церасскій, проф. Г. Челпановъ, Е. Чернобаевъ, Ев. Чириковъ, О. Чюмина, О. Шапиръ, В. Шарый, Л. Шейнисъ, П. Шмидтъ, В. Шутяковъ, П. Щеголевъ, С. Юшкевичъ, А. Яблоновскій, А. Ѳедоровъ и др.

Въ ближайшихъ книгахъ журнала будутъ помѣщены между прочими слѣдующія статьи и произведенія:

По беллетристикѣ: «Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ», *А. Куприна*; «Выстрѣлъ» (изъ серіи «Война»), *К. Ковальскаго*; «Канунъ», романъ изъ современной жизни, *И. Потапенко;* «Камни», повѣсть *А. Ѳедорова*; «Корридоръ», разсказъ *А. Каменскаго*;—«Дюссельдорфскіе граждане», ром. изъ эпохи 48-го года въ Германіи, *Клары Фибихъ*, пер. съ нѣм. М. Славинской; «Бродяги», *Кнута Гамсуна*, пер. Н. Ж.

По научному отдѣлу: «Въ гиблыхъ мѣстахъ», очерки изъ быта политическихъ ссыльныхъ въ Якутской области, *Вл. Беренштама;* «Очерки жизни и дѣятельности А. И. Герцена, Н. П. Огарева

и ихъ друзей», *М. Лемке*; «Паденіе абсолютизма», соціологическіе очерки *Е. Тарле*; «А. П. Чеховъ и его творчество», *М. Невѣдомскаго*.—«Исторія искусства», *Розенберга*, ч. II, съ многочисленными рисунками въ текстѣ; «Энциклопедисты», *Дюкро*.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ:

Критика. «Критическія замѣтки», А. Богдановича; «Театральныя замѣтки», Ѳ. Батюшкова; критическія статьи Вл. Кранихфельда и М. Невѣдомскаго.

Журнальные отголоски. Вл. Кранихфельда.

Внутреннее обозрѣніе. Н. Іорданскаго.

Провинціальный обзоръ. Ларскаго.

По поводу. Записки изъ текущей жизни.

Иностранное обозрѣніе.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Научный фельетонъ. В. Агафонова.

Изъ прошлаго русскаго общества (Обзоръ историческихъ журналовъ, мемуаровъ, монографій и т. д.)

Библіографическій отдѣлъ. Рецензіи по всѣмъ отраслямъ знанія. Сюда же входятъ и «Новости иностранной литературы».

Корреспонденціи, какъ изъ провинціи, такъ и заграничныя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна журнала:

На годъ . . . . . 8 р. | Съ доставкой и пересылкой
» полгода . . . . . 4 » | во всѣ города имперіи.

За границу . . . . . **10** руб.

Допускается разсрочка по третямъ года: 3 р. при подпискѣ; 3 р. въ апрѣлѣ; 2 р. въ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—7 р. Учащіеся могутъ выплачивать по 1 р. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается, кромѣ главной конторы въ С.-Петербургѣ (Разъѣзжая, 7) во всѣхъ магазинахъ. Разсрочка черезъ магазины не принимается.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

ОТЪ ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Уже не разъ въ тяжелыя минуты, переживаемыя нашей родиной, Императорскому Вольному Экономическому Обществу приходилось выполнять возлагаемыя на него временемъ задачи. По примѣру прошлыхъ голодовокъ и нынѣ Императорское Вольное Экономическое Общество позволяетъ себѣ обратиться ко всему русскому обществу съ предложеніемъ соединить свои силы въ борьбѣ съ новымъ бѣдствіемъ постигшемъ Россію. Ни на минуту не ослабляя общественной борьбы во имя освобожденія страны отъ угнетающихъ ее общихъ условій государственной жизни, благодаря которымъ каждый неурожай неизбѣжно сопровождается у насъ голодомъ, необходимо обратить вниманіе и силы общества также и на непосредственную помощь тѣмъ, которые уже теперь принуждены голодать.

Болѣе 23 губ. постигнуты неурожаемъ и уже страдаютъ мѣстами отъ тифа, а въ конецъ подорванное экономическое положеніе русской деревни, заставляетъ съ ужасомъ подумать о томъ, что будетъ съ этой деревней, лишенной хлѣба, топлива, скота, павшаго жертвой безкормицы. Впереди снова виднѣются сотни тысячъ жертвъ голода. Передъ этой картиной ужасной дѣйствительности священный долгъ каждаго прійти съ непосредственной помощью голодающимъ, отстаивая по мѣрѣ силъ своихъ самое святое право каждаго—право на жизнь.

Императорское Вольное Экономическое Общество призываетъ все русское общество помочь вопіющей народной нуждѣ, кто чѣмъ можетъ; съ своей же стороны оно беретъ на себя организацію помощи голодающимъ при тѣсномъ союзѣ въ этомъ дѣлѣ съ другими общественными организаціями.

Пожертвованія могутъ быть направляемы по адресу: Спб. Забалканскій д. 33, въ Императорское Вольное Экономическое Общество.

Свѣдѣнія о всѣхъ поступившихъ пожертвованіяхъ и отчетъ о нихъ будутъ своевременно публиковаться.

Вице-Президентъ **А. Фаминцынъ.**

И. д. Секретаря **В. Яковлевъ.**

Годъ XIV-й. № 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Ч 696

ДЕКАБРЬ.

1905 г.

С ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

AP50
.M67
v.14
no.12

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА 1906 Г.

1. ПАДЕНІЕ АБСОЛЮТИЗМА. (Соціолог. очеркъ). **Е. Тарле.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. КАРАВАНЪ. Изъ Châtiments. **В. Гюго. О. Чюминой** 27
3. ОХРАНИТЕЛЬ. (Разсказъ). **А. Крандіевской.** 30
4. ЗА ЧТО? Памяти убіенныхъ. (Очеркъ). **Н. Осиповича.** . . 52
5. КРОВАВЫЙ СИНОДИКЪ. **В. Богучарскаго** 67
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. *** **А. Лукьянова.** 80
7. ВЪ ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ. (Изъ воспоминаній). **С. Пантелѣевой.** 81
8. ЧААДАЕВЪ И НАДЕЖДИНЪ. (По неизданнымъ матеріаламъ). (Окончаніе). **Мих. Лемке** 91
9. ІУДА. Разсказъ изъ заводской жизни. **Бориса Лачинова.** 109
10. ПОБѢДИТЕЛЬ. Романъ **Эдуарда Рода.** Переводъ съ французскаго **З. Журавской.** Часть четвертая. (Окончаніе). . . 140
11. ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ГЕРЦЕНА. **С. Ашевскаго** 182
12. КОСТЕНКО И ЯКИМОВЪ. (Сцены изъ военнаго быта). **Билита.** 200
13. ВТОРОЙ СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦІАЦІИ АКАДЕМІЙ. Академика **А. Фаминцына.** 231
14. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ И АГРАРНЫЯ ПРОГРАММЫ. **А. Финна-Енотаевскаго** 242
15. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ МОЕМЪ ГОРОДѢ. **Билита** 264

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

16. РОЛЬ ПЕЧАТИ ВО ВРЕМЯ АВСТРІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1848 ГОДА. **Д-ра Л. Соколовскаго** 1
17. ПО ПОВОДУ. (Изъ жизни въ провинціи). Русская буржуазія и русское правительство.—Революція въ деревнѣ.—Революція въ войскахъ.—Почтово-телеграфная забастовка.—Соціалъ-демократическая рабочая партія и рабочіи организаціи. **І. Ларскаго.** 21
18. О РАБСТВѢ ВЪ ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТИ. **С. Протопопова** 41

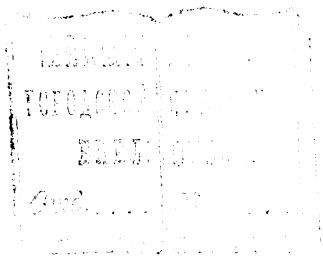
стр.

19. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Европейское общественное мнѣніе и русская свобода.—Опасенія турецкаго султана.—Опасенія германской реакціонной печати.—Вильгельмъ II и Альфонсъ XII.—Тревожные признаки.—Германская соціалъ-демократія и ремесленные синдикаты.—Борьба за избирательное право въ Австріи. — Положеніе Кабинета Рувье во Франціи.—Женская манифестація въ Лондонѣ.—Либеральная партія и ея положеніе 50
20. ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. Отношеніе японскаго народа къ заключенію мира. — Антиполицейскій бунтъ въ Токіо.—Успѣхи японскаго вліянія въ Китаѣ.—Послѣдствія войны 65
21. НАКАНУНѢ ВЫБОРОВЪ. (Письмо изъ Лондона). **С. И. Рапопорта** 68
22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА МІРЪ БОЖІЙ Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы — Публицистика. — Исторія. — Соціологія и политическая экономія. — Философія и психологія. — Географія. — Указатель рецензій за 1905 г. въ «библіографическомъ отдѣлѣ».—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 79
23. ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ. О русской сатирической журналистикѣ.—*PS.* Нашъ отвѣтъ «Сыну Отечества». **Вл. Кранихфельда** 109
24. НОВОЕ ПОКУШЕНІЕ НА СВОБОДУ ПЕЧАТИ. **Ѳ. Батюшкова**. 133
25. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. I. Политика «министерства 17 октября».—II. Новый избирательный законъ.—III. Третья политическая стачка и вооруженное возстаніе. **Ник. Іорданскаго.** 138

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. ОЧЕРКЪ ОБЩЕСТВЕННО - ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВѢКА. **Густава Майера.** Переводъ съ нѣмецкаго **Г. Котляра.** (Окончаніе). 97
27. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. **Р. Розенберга.** Переводъ съ нѣмецкаго **О. Ѳ. Павловской,** подъ редакціей проф. исторіи искусствъ **А. А. Павловскаго.** (Окончаніе I-й части). 321
28. СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ» ЗА 1905 ГОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.



ПАДЕНІЕ АБСОЛЮТИЗМА.

(Соціологическій очеркъ).

Вводныя замѣчанія.

I.

Однимъ изъ сложнѣйшихъ вопросовъ обществовѣдѣнія является, безспорно, вопросъ о такъ называемыхъ политическихъ революціяхъ и реакціяхъ, т.-е. о причинахъ, вызывающихъ рѣзкое, рѣшительное и, часто, насильственное измѣненіе даннаго политическаго строя, а затѣмъ иногда столь же рѣзкій и рѣшительный поворотъ назадъ, упадокъ преобразовательныхъ стремленій въ обществѣ и часто долговременный застой. И революція, и реакція суть явленія остро-болѣзненныя и высоко-поучительныя, и, конечно, именно этимъ объясняется, въ значительной мѣрѣ, обиліе научныхъ работъ, посвященныхъ описанію революціонныхъ и послѣ-революціонныхъ періодовъ. Но—scire est *percausas* scire, а именно выясненіе причинъ здѣсь является дѣломъ необычайной сложности.

Дѣло въ томъ, что выясненіе причинъ революцій и реакцій можетъ быть и несложнымъ, и очень сложнымъ, смотря по тому, какъ историкъ представляетъ себѣ свою задачу. Чтобы объяснить причины французской революціи 1789 года, достаточно изобразить картину матеріальнаго и умственнаго состоянія французскаго общества при старомъ режимѣ: это будетъ общимъ, суммарнымъ отвѣтомъ на вопросъ. Но этотъ отвѣтъ ничуть не разъяснитъ и не освѣтитъ *неизбѣжности* тѣхъ фазъ, чрезъ которыя прошла французская революція, послѣдовавшей за нею реакціи, военной диктатуры, реставраціи. Состояніе Германіи предъ 1848 годомъ объяснитъ мартовскій взрывъ, но реакція 50-хъ гг. не объяснитъ ни неизбѣжности конфликта ландтага Пруссіи съ правительствомъ въ 60-хъ гг., ни неизбѣжности того, что этотъ конфликтъ, грозившій революціею, окончился мыльнымъ пузыремъ. Словомъ, если историкъ довольствуется вопросомъ: что привело къ взрыву такого-то года такую-то страну?,—то онъ можетъ вспомнить всестороннюю картину состоянія этой страны предъ фатальнымъ годомъ,—и получитъ отвѣтъ. Онъ можетъ даже заявить о «неизбѣжности» революціи въ виду подобныхъ причинъ, благо, въ виду совер-

шившагося факта, никто его не можетъ опровергнуть. Но едва онъ поставитъ предъ собою рядъ другихъ вопросовъ: дѣйствительно ли такія-то условія соціологически-неизбѣжно должны вызвать революціонный кризисъ? Дѣйствительно ли неизбѣжны были подобныя фазы? Дѣйствительно ли реакція должна была повлечь за собою подобныя послѣдствія? едва онъ эти вопросы поставитъ, едва онъ захочетъ углубиться въ философскій анализъ самого процесса революціи и реакціи, почва подъ его ногами заколеблется, и онъ сразу почувствуетъ, что ему мало одной, двухъ, трехъ революціонныхъ исторій въ качествѣ матеріала, для изученія, что ему мало 1789, 1830, 1848 годовъ, о которыхъ онъ знаетъ много и достовѣрно, а что ему необходимъ матеріалъ пошире и поразнообразнѣе, что ему нужно привлечь и Марія, и Катилину, о которыхъ онъ почти ничего, съ требуемой полнотою, знать не..можетъ, и французскія жакеріи, и германскія возстанія крестьянъ, и причины, почему этихъ возстаній крестьянъ въ Германіи XVII вѣка почти не было, и т. д., и т. д. О революціяхъ и реакціяхъ прошлыхъ столѣтій и тысячелѣтій исторія знаетъ мало и недостовѣрно, и это страшно суживаетъ ту сумму матеріаловъ, надъ которой нужно оперировать. Старая, наивная и темная исторіографія отъ всѣхъ этихъ революцій сохраняла красивый жестъ, гордое слово, примѣры самопожертвованій, а объ ихъ поясненіи заботилась весьма мало, и историку тутъ надо считаться съ тѣмъ положеніемъ, которое прекрасно охарактеризовалъ (говоря о сѣверо-африканской церкви) одинъ англійскій изслѣдователь: «Эта церковь погибла *) такъ окончательно, что самыя причины ея гибели исчезли». Такъ исчезли изъ памяти человѣчества и подлинныя причины массы бывшихъ въ далекія времена революцій и реакцій.

Обладая, вслѣдствіе этого, слишкомъ ограниченнымъ матеріаломъ, историкъ долженъ стараться возможно точнѣе и опредѣленнѣе формулировать тѣ проблемы, къ рѣшенію которыхъ онъ приступаетъ, а также подмѣчать тѣ характерныя черты, которыя, на основаніи даже этого ограниченнаго матеріала, легче, подмѣтить.

Политическія революціи, въ самомъ главномъ и существенномъ, обусловливаются тѣмъ, что извѣстная форма управленія не только перестаетъ отвѣчать матеріальнымъ и моральнымъ потребностямъ общества, но что дальнѣйшее ея существованіе становится прямою угрозою для нормальнаго удовлетворенія нуждъ и интересовъ соціально-сильныхъ слоевъ народа. Соціально-сильный союзъ буржуазіи и крестьянства и городского пролетаріата произвелъ революцію 1789 года во Франціи; соціально-сильный, хотя и мимолетный, союзъ буржуазіи, рабочихъ и крестьянъ произвелъ германскія революціи 1848 года. Политическія революціи обуславливаются соціально - экономическими

*) Holme, Churches in North Africa (Lond. 1898): yet this Church has perished so completely that the very *causes* of its ruin have disappeared.

трансформаціями народной жизни: это ихъ основная причина, ихъ корень; *характеръ* можетъ зависѣть уже отъ иныхъ причинъ. Но ихъ неизбѣжные, обусловленные соціально-экономическою эволюціею общества *результаты*, т.-е. требуемыя этою эволюціею измѣненія политическаго строя, могутъ быть достигнуты съ сравнительно небольшимъ количествомъ насильственныхъ актовъ, тогда это революція «мирная», наподобіе англійской избирательной реформы 1832 года, или путемъ цѣлаго ряда насильственныхъ актовъ, а иногда и цѣлыхъ гражданскихъ войнъ. И вотъ, если будетъ поставленъ вопросъ объ условіяхъ, придающихъ данному кризису физіономію «мирной» реформы или насильственной революціи, то здѣсь мы тотчасъ же почувствуемъ необходимость сузить или, вѣрнѣе, разбить на части поле изслѣдованія; ибо, если правъ Генрихъ Риккертъ, видящій характерную черту исторической науки въ воспроизведеніи и познаніи *однократнаго* и *индивидуальнаго*, то правы также и тѣ, которые дальнѣйшій прогрессъ обществовѣдѣнія усматриваютъ въ выдѣленіи изъ этого однократнаго и индивидуальнаго—повторяющихся и общихъ чертъ. Однократенъ и индивидуаленъ тотъ пестрый хаосъ событій, который застылъ въ памяти человѣчества подъ названіемъ французской революціи, «великаго англійскаго бунта» XVII вѣка, объединенія Италіи и т. д., и сколько бы мы ни выдѣляли изъ этихъ сложнѣйшихъ клубковъ общихъ нитей, все равно каждый изъ нихъ сохранитъ нѣчто только ему свойственное и нигдѣ болѣе не встрѣчавшееся. Но отказаться отъ аналитической работы опредѣленія общихъ чертъ отъ чертъ индивидуальныхъ значило бы отчаяться въ возможности установленія и въ далекомъ будущемъ обществовѣдѣнія на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ.

Каждая революція имѣла видимою и сознанною цѣлью передачу политической власти изъ рукъ одного общественнаго класса въ руки другого или другихъ общественныхъ классовъ, и чуть не всѣ революціи показываютъ, что именно завоеванная этими революціями для облагодѣтельствованныхъ ими общественныхъ классовъ политическая власть является наиболѣе хрупкимъ изъ всѣхъ пріобрѣтеній. Англійскій средній классъ уже управлялъ Англіею въ эпоху долгаго парламента, въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка, онъ же, путемъ вторичной революціи, въ 1688 году опять отстоялъ конституціонную свободу, и спустя полтораста лѣтъ ему же, цѣною долгой и яростной борьбы, пришлось опять настаивать на своемъ правѣ участвовать въ управленіи государствомъ. Буржуазія, сознавшая себя во Франціи силою, провозгласившая устами Сіеса, что она должна быть «всѣмъ», захватившая въ революціонную эпоху политическую власть въ свои руки, принуждена была спустя сорокъ лѣтъ послѣ своего краткаго политическаго всемогущества, снова завоевывать себѣ его въ іюльскіе дни 1830 года. Шведская аристократія дважды за одинъ (XVIII вѣкъ)

*

завоевывала и теряла политическую власть, не утрачивая, въ маломальски серьезной степени, ни единаго изъ своихъ соціальныхъ преимуществъ и феодальныхъ прерогативъ, хотя всегда видимою, непосредственною, главенствовавшею въ сознаніи цѣлью аристократическихъ революцій была именно политическая власть. Число этихъ примѣровъ весьма легко было бы умножить, и всѣ они показываютъ одно: обусловленныя повелительною матеріальною необходимостью, соціально-экономическія измѣненія остаются прочнымъ достояніемъ пережившаго революцію общества, а измѣненія политическаго строя лишь постольку бываютъ прочны, поскольку нужны для закрѣпленія и торжества этихъ соціально-экономическихъ измѣненій.

Вотъ почему потеря внезапно достигнутой политической власти обыкновенно, тревожила лишь отдѣльныя единицы, а не весь утрачивавшій ее классъ, если только въ этомъ классѣ существовала увѣренность въ обезпеченности соціально-экономическихъ перемѣнъ. Послушаемъ апологета французской буржуазіи, любящаго хвалить ее за свободолюбіе и прочія качества. Пришелъ солдатъ и забралъ всю власть въ свои руки: «Нужно это констатировать,—буржуазія, очень далекая, на другой день послѣ 18-го Брюмера, отъ безпокойства, была полна спокойствія и довѣрія. Она надѣялась тогда на все, даже на сохраненіе обезпечивающихъ правовыхъ нормъ со стороны необыкновеннаго человѣка, отъ котораго прежде всего она требовала освященія революціи гражданскаго быта» *). Еще отчетливѣе выражена эта мысль въ слѣдующихъ словахъ: «Буржуазія тогда задала себѣ вопросъ: что же она должна сохранить отъ революціи? Эти люди... уже не вѣрили въ республику и свободу. Они придавали меньше важности формѣ правленія, нежели составу общества. Лишь бы общество осталось на основѣ равенства, лишь бы вліяніе духовенства было подавлено, лишь бы старая дворянская аристократія была уничтожена, и *существенное* изъ революціи казалось имъ сохраненнымъ» **). Эту послѣднюю фразу (l'essentiel de la Revolution leur parut conservé») приходится вспоминать, читая любую исторію любой послѣ-революціонной реакціи. Эта слишкомъ хорошо извѣстная историческая черта революцій особенно интересна именно потому, что политическія завоеванія, захватъ власти, являющіеся такими хрупкими и кажущіеся такими *«несущественными»* на другой день *послѣ* революціи, представляютъ собою одинъ изъ самыхъ яркихъ и шумныхъ лозунговъ *до* и *во время* революціи. Что тутъ такое происходитъ? Отъ чего зависитъ это измѣненіе и какова его психологія? Въ центрѣ поставленнаго нами вопроса стоитъ сложное понятіе, играющее въ обществовѣдѣніи огромную роль,—понятіе правительственной власти.

---

*) Bardoux, „La bourgeoisie française 1789—1848“ (Paris. 1886), стр. 102—103.
**) Bardoux, l. cit., стр. 109.

Правительство являлось главною изъ тѣхъ видимыхъ цитаделей, въ которыя била революціонная волна въ началѣ движенія, и *правительство* отступало въ общественномъ сознаніи на задній планъ, переставало интересовать, послѣ движенія; это второе правительство иногда усваивало себѣ очень многіе аллюры и черты перваго правительства и все-таки это не возбуждало прежней бури. Таковъ фактъ, къ разсмотрѣнію котораго мы обратимся, а разсмотрѣніе это не можетъ не привести насъ, прежде всего, къ проблемѣ о соціологической роли правительственной власти. Мы далеки, конечно, отъ намѣренія въ этой небольшой работѣ представить сколько-нибудь полный анализъ этой проблемы: мы отмѣтимъ лишь то, что непосредственно необходимо для нашей темы, и начнемъ съ правительствъ абсолютныхъ.

Никто не будетъ спорить противъ того положенія, что правительственная форма являлась въ исторіи порожденіемъ экономически-преобладающихъ силъ и что, въ свою очередь, она долженствовала закрѣпить и продолжить на неопредѣленное время (молившіяся за него лица выражались: «во вѣки вѣковъ») это соціальное господство представляемыхъ ею классовъ населенія. Такъ оно было всегда въ теоріи, но не всегда на практикѣ, потому что на практикѣ встрѣчались отклоненія. Мы не назвали бы эти отклоненія «уродливыми», потому что уродливъ горбъ, выросшій на спинѣ Аполлона Бельведерскаго, но совершенно естественъ онъ на спинѣ верблюда, родившагося съ зачатками этого горба. Абсолютныя правительства, какъ бы ни была прочна и соціологически вполнѣ ясно опредѣлима та почва интересовъ и нуждъ, которая ихъ вызвала къ жизни, въ силу самой природы своей, не могли не обнаружить вышеупомянутыхъ отклоненій. Суть и смыслъ этихъ отклоненій заключались въ томъ, что въ извѣстный моментъ своей долгой жизни (ибо въ исторіи они были всегда изъ числа самыхъ долговѣчныхъ) абсолютныя правительства начинали утрачивать понемногу (а съ теченіемъ времени все быстрѣе и быстрѣе) свой характеръ классового представительства, и все болѣе и болѣе превращались въ самостоятельную соціальную группу со своими особыми интересами, со своею индивидуальностью, со своею отдѣльною отъ *всѣхъ* классовъ общества духовною жизнью. Ихъ существованіе становилось какъ бы самоцѣлью, и такъ какъ эта эпоха, обыкновенно, хронологически совпадала съ началомъ политическаго пробужденія тѣхъ общественныхъ классовъ, которые издавна находились въ соціальной приниженности, то подобное деклассировавшееся правительство, въ моментъ рѣшительной схватки, лишено было возможности развить всѣ средства самозащиты, которыя были бы въ его распоряженіи, если бы оно не превратилось въ оторванное отъ взростившей его почвы растеніе. Но это уже касается обстановки гибели этихъ правительствъ, теперь же мы должны подробнѣе остановиться на характерныхъ чертахъ названнаго періода ихъ жизни. Оговоримся: мы не

видимъ серьезнаго возраженія въ такомъ, напримѣръ, указаніи, что если всякая правительственная форма есть порожденіе и представительство тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ, то какъ же мыслимъ періодъ, когда она перестаетъ этимъ представительствомъ быть? Во-первыхъ, *за это* она и гибнетъ, и подобный періодъ является именно предвѣстникомъ сторожащей ее гибели; во-вторыхъ, для немедленной гибели даже не многовѣкового, а эфемернаго правительства, необходима не только слабость защиты, но и наличность и сила нападенія, а это послѣднее обстоятельство зависѣло всегда отъ того, насколько ускоренно пойдетъ политическая мобилизація новыхъ общественныхъ слоевъ, выступающихъ на арену, т.-е. уже отъ цѣпи причинъ другого порядка. А отъ начала пробужденія этихъ слоевъ до рѣшительнаго выхода ихъ на арену борьбы можетъ пройти и сто лѣтъ, и больше; подобные промежуточные періоды—тоже исторія, хотя и не «сразу» укладывающаяся въ какую бы то ни было «строгую» теорію. Вторая наша оговорка касается слѣдующаго. Исторія политической идеологіи учитъ, что именно тогда, когда абсолютное правительство отрывалось отъ своей классовой почвы и становилось самоцѣлью, оно и его проповѣдники и апостолы начинали особенно усердно поучать и провозглашать, что тѣмъ-то оно и хорошо, что оно заботится не объ отдѣльномъ сословіи, но обо всѣхъ; что для него всѣ классы одинаковы; что оно «внѣ» классовъ; что, подобно любвеобильному отцу семейства, и проч., и проч. Другими словами, совершенно очевидно, что деклассировавшееся и *поэтому* ослабѣвшее правительство убѣждено было, что оно не ослабѣло, а стало крѣпче, вслѣдствіе пережитаго имъ измѣненія. Это очевидно. Но обществовѣдѣніе должно, слѣдуя совѣту Гарднера, «учиться не довѣрять очевидному и смотрѣть подъ поверхностью, цѣнить фактъ болѣе, нежели мнѣніе, и тенденціи болѣе, нежели аргументы». Поэтому, хотя очевидно, что деклассировавшіяся правительства выставляли своею силою то, что было ихъ слабостью, хотя, по своимъ «мнѣніямъ» и «аргументамъ», они очень радовались, что стоятъ «внѣ классовъ», но ихъ *тенденціи* всегда направлялись въ сторону судорожно-поспѣшной реставраціи классовыхъ началъ, а *факты* ихъ предсмертной дѣятельности (тамъ, гдѣ еще это было возможно) сводились къ возможно скорѣйшему водворенію, напримѣръ, дворянской политики и дворянской «эры», и т. п. Разумѣется, эти конвульсивныя содроганія уже ни къ чему привести и ничего спасти не могли, но мы только указываемъ, что сами обреченныя правительства, говоря одно, хвалясь однимъ, *дѣлали* другое, инстинктомъ понимая, *что* именно было для нихъ важно въ невозвратномъ прошломъ.

Эти золотыя слова совѣта *) «цѣнить фактъ болѣе, чѣмъ мнѣніе, и тенденціи, болѣе, нежели аргументы», постолько необходимо помнить

*) ...to value fact more than opinion and tendencies more than arguments.

историку, поскольку инстинктъ (и, особенно, инстинктъ самосохраненія) играетъ роль въ исторической эволюціи націй, классовъ и общественныхъ институтовъ.

II.

«Praesis ut prosis!» восклицалъ св. Бернардъ, обращаясь къ папѣ Евгенію IV, и въ этой сжатой формулѣ онъ выразилъ всю *логику* происхожденія всякой власти. Власть поставлена выше всѣхъ, *чтобы* она «всѣмъ» была полезна, или, иначе, *потому*, *что* она «всѣмъ» нужна. И до, и послѣ Гоббеса эта мысль подвергалась многочисленнымъ комментаріямъ и разнообразнымъ формулировкамъ. Абсолютная власть,—пока выдвинувшіе ее «всѣ» (т.-е. соціально-сильные круги населенія, которымъ она была необходима) за нее держались, ею дорожили и свое кровное сродство съ нею чувствовали,—была сильна и полна жизни. Римскіе императоры первыхъ вѣковъ, Людовикъ XI во Франціи, Вильгельмъ Завоеватель въ Англіи, Фердинандъ Католикъ или Филиппъ II въ Испаніи, московскіе князья и цари XIV—XVII вв.—вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ этой полноты жизненныхъ силъ, которая била ключомъ въ абсолютистскихъ правительственныхъ организмахъ, когда они не переставали сознавать свою соціальную роль и свою классовую или общенаціональную задачу. Ни пережитки болѣе свободнаго строя не являли опасности для римскаго принципата или побѣдителя англо-саксовъ Вильгельма или испанскихъ королей, ни могущественные феодалы ничего не подѣлали съ Людовикомъ XI, ни удѣлы, ни татары не продержались предъ Москвою. И этой исторической юности, бодрости, полноты жизненныхъ силъ абсолютизму хватало на вѣка, потому что агонія начиналась, обыкновенно, далеко не сразу послѣ того, какъ соціальная функція абсолютной власти была уже выполнена. Абсолютизмъ погибалъ не тогда, когда становился безполезенъ, даже не тогда, когда становился вреденъ, а тогда, когда начиналъ угрожать дальнѣйшему существованію либо всей націи, какъ самостоятельной единицы, либо значительныхъ слоевъ населенія, доведенныхъ имъ до близкой перспективы голодной смерти. Но если тогда онъ *погибалъ*, то *разлагался* онъ именно со времени завершенія своей соціальной функціи, а въ исторіи разложеніе вовсе не однозначуще съ гибелью, что можетъ подтвердить хотя бы благополучное существованіе обоихъ повелителей правовѣрныхъ, какъ Абдулъ-Гамида, такъ и Насръ-Эддина и долгаго ряда ихъ предковъ, чтобъ ужъ не выходить изъ экзотическихъ широтъ. Это разложеніе знаменовалось или, точнѣе, обусловливалось вышеуказанною деклассаціею абсолютной власти,—и замѣчательно, что никогда политическая идеологія, поэзія, церковныя проповѣди—такъ не возвеличивали, не воспѣвали, не обожествляли абсолютную власть, какъ именно тогда, когда она переста-

вала быть нужною, когда она начинала становиться неистощимымъ пандоринымъ ящикомъ всякихъ соціальныхъ бѣдствій. Никогда Людовику XI не льстили съ такимъ упоеніемъ безстыдства и въ стихахъ и въ прозѣ, и съ церковнаго амвона, какъ Людовику XIV или, даже, Людовику XV; никогда первые Габсбурги не имѣли при себѣ такихъ славословящихъ лакеевъ, какими были куртизаны Франца II или меттерниховскіе журналисты. И важно отмѣтить даже не столько это, т.-е. наличность хорошо оплачиваемыхъ хвалителей,—сколько то, что ихъ слушали и имъ, въ общемъ, вѣрили. Монархизмъ въ чувствѣ и въ мысли широко распространялся именно тогда, когда уже начиналась долгая эпоха соціальной ненужности абсолютной власти. Безспорно, однимъ изъ ингредіентовъ, создававшихъ этотъ психологическій феноменъ,—являлось то обстоятельство, что абсолютная власть, только что оказавшаяся сильною, только что сослужившая службу,—возбуждала преувеличенныя и розовыя надежды. Даже о французской буржуазіи предреволюціоннаго періода ея историкъ и (историкъ восторженный) говоритъ, что «традиціи ихъ были сервилистическими»,—и приписываетъ это проникнувшему въ душу буржуазіи преклоненію предъ монархіей. *) И насколько эти чувства и традиціи крѣпко укоренились—показываетъ вся исторія первыхъ лѣтъ революціи съ ея крестьянами, жгущими замки при крикахъ: «vive le roi»!,—съ ея буржуазіей, упорно сваливающей всю вину за всѣ поползновенія къ предательству—на «аристократовъ» и «дурныхъ совѣтниковъ», съ голодными пролетаріями Парижа, убѣжденными, что все зло только отъ одной «австріячки». Мы рѣшительно не можемъ найти возраженій противъ мнѣнія Жореса, высказаннаго имъ въ его «Исторіи учредительнаго собранія», что французская монархія должна была уже послѣ начала кризиса совершить рядъ ошибокъ одна другой непоправимѣе, чтобы погибнуть,—иначе же она могла бы стоять и стоять, конечно примѣнившись къ обстоятельствамъ и ставши искренно-конституціонной. Мы только сказали бы: ставши снова классовымъ представительствомъ, которымъ она давно перестала быть,—но уже на этотъ разъ не дворянства, а буржуазіи. Какъ монархія абсолютная она, конечно, погибла съ момента собранія генеральныхъ штатовъ.

Но если такимъ образомъ, абсолютизмъ поддерживается (и долго, и сильно поддерживается) монархическою идеологіею и монархическими традиціями, если въ этотъ періодъ долгаго разложенія, когда онъ уже никому, кромѣ своихъ креатуръ, ненуженъ, и почва изъ подъ него уходитъ, онъ продолжаетъ проживать моральный и матеріальный ка-

*) ...Leur admiration raisonnée pour les maitres qui se sont appelés. Louis XI, Richelieu, Louis XIV—avaient laissé dans leur intelligence politique des traces inéfacables... Le spectacle d'un despote réalisant les réformes démocratiques avait été leur éducation historique; de telle sorte que dans la pratique les traditions chez eux étaient serviles, Bardoux op. cit, стр. 45.

питалъ, накопленный въ предыдущую эпоху, то съ другой стороны есть могущественная и непреодолимая сила, которая дѣятельно борется съ идеологіей и съ традиціями, которая съ расточительностью и слѣпотою стихіи растрачиваетъ капиталъ абсолютизма, которая бьетъ абсолютизмъ тѣмъ болѣе страшно, что дѣлаетъ это его же собственными руками. Эта враждебная абсолютизму сила коренится въ стремленіи абсолютизма къ дѣятельности, къ проявленіямъ своего могущества-къ использованію своихъ средствъ втеченіе всего разбираемаго періода—періода его разложенія

Пояснимъ сказанное. Эмпирическій законъ обществовѣдѣнія, который можетъ быть подтвержденъ на многочисленныхъ примѣрахъ, заключается въ томъ, что никакое соціальное могущество, избавленное отъ своей первой заботы (т.-е. заботы о самосохраненіи), *не можетъ* оставаться праздным, спокойнымъ, неиспользованнымъ. Въ области духовныхъ вѣрованій этотъ законъ привелъ римское папство къ провозглашенію догмата непогрѣшимости; въ области экономическихъ отношеній онъ приводитъ капиталъ къ эпохѣ трестовъ и къ мечтамъ о «единомъ трестѣ»; въ области политической онъ приводилъ, обыкновенно, абсолютныя правительства къ нанесенію себѣ самимъ страшныхъ дезорганизующихъ ударовъ въ формѣ самыхъ безумныхъ и чудовищныхъ предпріятій. Пока папы боролись съ непокорными епископами сначала, съ соборными притязаніями затѣмъ, пока они не совсѣмъ были увѣрены въ своемъ духовномъ абсолютизмѣ въ католической церкви, догматъ о непогрѣшимости не провозглашался; и именно, когда фактически этотъ абсолютизмъ давно уже установился, догматъ былъ провозглашенъ, потому что Пію IX нужно было идти до конца, до послѣдней точки послѣдняго предѣла. Абсолютизмъ же политическій тоже всегда хотѣлъ идти до конца, но несчастье его было, во первыхъ, въ недостижимости цѣли, во вторыхъ—очень часто даже въ неясномъ ея пониманіи.

Абсолютная власть, переживающая *начало* отмѣченнаго нами періода, всегда почти представляетъ собою грандіознѣйшее соціальное могущество, какое только возможно вообразить. Враждебныя силы внутри страны сломлены, бояться соперниковъ нечего, всѣ они повержены въ прахъ; всѣ войны, нужныя для государства, или для господствующихъ классовъ, окончены съ желательными результатами. Инстинктъ самосохраненія, можетъ быть впервые послѣ столѣтій, наконецъ замолчалъ. Огромная сила освободилась.

Это и есть обстоятельство, полное величайшихъ опасностей, сначала только для государства, а въ концѣ концовъ, для самого абсолютизма. Сила освободилась, но не остановилась, и не можетъ остановиться въ виду самой своей громадности. Какъ сорвавшаяся съ цѣпей пушка на кораблѣ, описываемая Викторомъ Гюго, она бьетъ въ стѣны качающагося корабля, который ее носитъ, слѣпо разрушаетъ и этотъ ко-

рабль, и подвертывающихся людей, и себя. И далеко не послѣ первыхъ шаговъ ея разрушительной карьеры жертвы этой силы начинаютъ сознавать, что все несчастіе не въ ея неудачахъ, не въ ея необдуманностяхъ, даже не въ ея преступленіяхъ, а въ самомъ *фактѣ ея существованія.* Эта окончательная мысль приходитъ, обыкновенно, слишкомъ поздно, хотя она очень проста. Но совершенно справедливо повторяетъ за Аристотелемъ Зиммель, что самое важное въ предметѣ является нашему познанію позже всего; совершенно справедливо говоритъ онъ, что *простѣйшій результатъ* мышленія именно и *не есть* результатъ *простѣйшаго мышленія.* *) Вотъ почему прежде, чѣмъ обратить вниманіе на существо машины, цѣлыя поколѣнія сначала не перестаютъ ей же приносить жалобы на ея собственныя функціи; не перестаютъ почтительнѣйше сѣтовать предъ костромъ, который когда то былъ разложенъ ихъ желавшими согрѣться предками и который во время не былъ потушенъ, на пожары, имъ теперь распространяемые. Абсолютизмъ становился вреденъ съ того самаго времени, какъ становился безполезенъ, потому что по природѣ своей онъ въ покоѣ не могъ оставаться. И всѣ эти историческія сумасшествія, которыя онъ продѣлывалъ, всѣ эти «великодушныя» войны, «принципіальные» походы, истребленіе религіозныхъ диссидентовъ, порыванія къ всемірной гегемоніи и т. д. и т. д., все это были аргументы, которыми чудовищная соціальная сила неустанно доказывала людямъ, что если имъ уже не нужно ее утилизировать, то они *обязаны* ее разбить, потому что безъ дѣла она стоять не можетъ и не будетъ.

III.

Мы приведемъ лишь очень немногія иллюстраціи для поясненія вышесказаннаго.

Борьба абсолютизма съ его внутренними врагами, всѣ его ухищренія на этой почвѣ, все это намѣренно нами устраняется изъ числа подобныхъ иллюстрацій. Тутъ самооборона, тутъ абсолютизмъ подчиняется другому порядку импульсовъ, о чемъ у насъ рѣчь будетъ дальше. Мы беремъ его въ пору полнаго спокойствія за свою жизнь, въ эпоху свободы отъ заботъ самосохраненія. И мы видимъ, напримѣръ, что рѣдко какой обсолютизмъ въ такой счастливый періодъ своего существованія воздерживался отъ преслѣдованія еретиковъ и диссидентовъ, хотя это не вызывалось рѣшительно никакими потребностями ни его самого, ни тѣхъ классовъ, которые являлись его поддержками; и притомъ, чѣмъ могущественнѣе еще чувствовалъ себя абсолютизмъ, тѣмъ яростнѣе были преслѣдованія, разорявшія иногда не только гонимыхъ, но и правовѣрныхъ, наносившія тяжкій

*) Simmel, Ueber die seciale Differenzierung. Sociologische und psychologische Untersuchungen. Leipzig, 1890, стр. 3.

ударъ торговлѣ, промышленности, всему государству въ его цѣломъ. Но даже не жестокость, а именно полная безсмысленность этихъ преслѣдованій при названныхъ условіяхъ характернѣе всего. Ибо далеко *не* всегда и не при всѣхъ обстоятельствахъ религіозныя преслѣдованія могутъ быть названы безсмысленными, какъ бы гнусны и отвратительны для нашего нравственнаго чувства они ни были.

Въ психической жизни, прожитой человѣчествомъ, вопросъ о религіозныхъ преслѣдованіяхъ оставилъ странные (иногда до дикости) и сложные слѣды. И гонимые, и гонители смотрѣли на этотъ предметъ въ разныя времена—разно, но при всемъ разнообразіи ихъ взглядовъ возможно разсмотрѣть въ нихъ двѣ главныя точки зрѣнія: религіозную и государственную. Точка зрѣнія религіозная характеризуется, напримѣръ, (со стороны гонимыхъ) мыслью Тертулліана, полагавшаго, что первопричина религіознаго преслѣдованія есть испытующая Божья воля, а «діаволъ», т.-е. въ данномъ случаѣ преслѣдователи являются лишь орудіемъ испытанія мучениковъ въ крѣпости ихъ вѣры. *) Со стороны гонителей, религіозная точка зрѣнія въ самомъ безпримѣсномъ своемъ видѣ выражена, по нашему мнѣнію, въ одной фразѣ, вычитанной нами среди документовъ, относящихся къ исторіи вальденсовъ и катаровъ и собранныхъ покойнымъ Деллингеромъ: «кому же больше вѣрить Христу или еретику? **)» Въ этомъ отчаянномъ вопросѣ психологія гонителей въ вѣка вѣры. Другая точка зрѣнія—государственная. Ею вдохновлялись, напр., Вильгельмъ III, гнавшій и разорявшій «католиковъ» Ирландіи, потому что они стояли за Стюартовъ, неаполитанскіе Бурбоны, преслѣдовавшіе всякое религіозное разномысліе, потому что усматривали въ немъ признакъ вражды къ установленной формѣ правленія, Карлъ V, всю свою жизнь тщетно желавшій потушить реформацію, въ которой онъ видѣлъ ослабленіе императорской власти. Иногда къ этимъ побужденіямъ примѣшивалось (въ качествѣ вспомоществующаго психологическаго фактора) и личное суевѣріе гонителей, иногда этого и вовсе не было, какъ не могло его быть, напр., у *католика* лорда Бристоля, подавшаго голосъ въ палатѣ лордовъ за лишеніе католиковъ всякихъ политическихъ правъ (хотя эта мѣра изгоняла его самого изъ парламента), такъ какъ, по его мнѣнію, католики были угрозою для государственнаго блага и спокой-

*) см. Liber de fuga in persecutione гл. II (Patrologiae curs. comp. Migne, т. II, стр. 104): ...praecedere enim Dei voluntatem circa fidei probationem quae est ratio persecutionis, sequi autem diaboli iniquitatem ad instrumentum persecutionis, quae ratio est probationis.

**) „Cui ergo est amplius credendum—Christo vel haeretico?“ (см. De VIII haeresibus novis per quas modo dyabolus multos subvertit, et quomodo cognoscantur haeretici per tria cum venerint ad pervertendum. T. II. стр. 313. Beiträge zur Sectengeschichte des Mittelalters von Ign. v. Döllinger. Dokumente vernehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharier (Münch. 1890).

ствія Англіи. Часто эти два побужденія проявлялись одновременно, содѣйствуя общему результату; напр., государственная власть по своимъ соображеніямъ начинала преслѣдованія, а духовенство, подчиняясь собственнымъ импульсамъ, продолжало, расширяло и усиливало начатыя гоненія.

Но тѣ религіозныя преслѣдованія, о которыхъ мы начали говорить, какъ объ одной изъ характерныхъ эманацій абсолютизма, не знающаго на что употребить свою силу, представляютъ собою явленіе иного порядка; и мы нарочно отмѣтили выше два главныхъ вида преслѣдованій, чтобы оттѣнить особыя черты феномена, о которомъ теперь будетъ рѣчь.

Совершенно очевидно, что безгранично жестокое преслѣдованіе гугенотовъ государственными надобностями при Людовикѣ XIV уже не вызывалось и не оправдывалось. Со времени Ришелье и тѣни сепаратистскихъ тенденцій у гугенотовъ не было, и признака былой политической силы у нихъ не оставалось; поползновенія къ союзу съ Англіей, республиканскія мечты, требованіе крѣпостей, все это было и быльемъ поросло, и въ 80-хъ годахъ XVII стотѣтія гугеноты являлись смирнымъ и чуждымъ всякимъ политическимъ интересамъ слоемъ населенія, склоннымъ не менѣе остальныхъ народныхъ массъ въ это время относиться съ глубочайшимъ почтеніемъ къ личности короля и къ существующему политическому строю. Но преслѣдовать ихъ было не только вполнѣ безполезно *) для правительственной власти, а наносило ей еще существеннѣйшій вредъ. Недаромъ Кольберъ всю свою жизнь умолялъ короля не трогать гугенотовъ, потому что это страшно вредило планамъ торгово-промышленнаго развитія Франціи. Но еще при жизни его начались преслѣдованія, а стоило ему закрыть глаза, какъ король, m-me Ментенонъ и Лувуа вплотную принялись за дѣло искорененія ереси. Такъ какъ все безмолвствовало и раболѣпствовало предъ королемъ, то принялись выискивать обиды и нашли обиду королю въ исповѣдываніи не той религіи, къ которой принадлежалъ «великій» монархъ. Это выискиваніе обидъ характернѣйшая черта абсолютизма, избавленнаго отъ реальныхъ заботъ и желающаго занять свои досуги. Если не было революціонеровъ, преслѣдовались умѣренные реформисты; не было реформистовъ—преслѣдовались, вообще, всякія лица, даже идеализующія данный строй, но осмѣливающіяся дѣлать это хоть немного не показенному, хоть немного по своему; не было и такихъ, преслѣдовались религіозные отщепенцы, еретики и сектанты; казалось ихъ мало,—преслѣдовались круглыя шляпы, куреніе папиросъ

*) Прекрасно говоритъ объ этомъ Giraud-Teulon: „Louis XIV detruisit inutilem e les protestants: ceux-ci, depuis Richelieu, n'étaient plus un danger dans l'Etat et contre eux la Royauté absolue ne luttait plus pour son existence“ (La Royauté et la bourg., стр. 49).

на улицахъ, участіе въ масонскихъ ложахъ и т. д. и т. д. Такова историческая логика абсолютизма, который былъ въ движеніи, не потому, что ему нужно было двигаться къ извѣстной цѣли, а потому, что онъ не могъ не двигаться.

Истребленіе гугенотовъ сопровождалось, какъ извѣстно, такими ужасами, предъ которыми побѣднѣетъ содержаніе любого бульварнаго романа; оно длилось десятилѣтія, разорило сотни тысячъ семействъ, которыхъ не успѣло уничтожить, потрясло французскую промышленность и торговлю, обезсилило королевскую казну какъ разъ тогда, когда нужны были деньги на двѣ послѣднія войны Людовика XIV, значительно ухудшило дипломатическое положеніе Франціи, такъ какъ облегчило Вильгельму англійскому образованіе коалицій съ протестантскими державами, возбудило отчаянную гражданскую войну въ Севеннахъ, словомъ, могущественно содѣйствовало и въ непосредственныхъ, и въ болѣе далекихъ своихъ послѣдствіяхъ моральному крушенію абсолютизма. Вся безсмыслица преслѣдованія гугенотовъ была вполнѣ очевидна даже тѣмъ многочисленнымъ придворнымъ авантюристамъ, которые наживались на избіеніи и грабежѣ этихъ несчастныхъ людей, и какъ только они почувствовали, что уже кормящему ихъ государственному организму пора думать о собственномъ своемъ сохраненіи, что красные деньки абсолютизма прожиты, такъ сейчасъ же нечестивую ересь «de la réligion prétendue réformée» они оставили въ покоѣ, забросили, забыли, и принялись рѣзать уши и клеймить плечи продавцамъ революціонныхъ памфлетовъ, появившимся въ XVIII вѣкѣ, и ссылать на галеры разнощиковъ нелегальныхъ книгъ и брошюръ, отпечатанныхъ въ Голландіи.

Абсолютно ничѣмъ невызванное преслѣдованіе оборвалось столь же абсолютно немотивированно, какъ и началось. Остальная Франція такъ же безучастно отнеслась къ концу этого каприза, какъ и къ его началу и его страшнымъ послѣдствіямъ. И только въ революціонную эпоху нѣкоторые органы печати злорадно замѣтили, что отмѣною Нантскаго эдикта монархія сослужила большую службу освобожденію Франціи, такъ какъ эта мѣра наглядно разъяснила цѣлымъ поколѣніямъ все безуміе стараго строя.

Какъ разъ когда во Франціи свирѣпствовали драгоннады, въ московскомъ государствѣ шла борьба съ расколомъ. Но мы намѣренно оставимъ въ сторонѣ расколъ XVII столѣтія, когда онъ могъ еще возбуждать извѣстныя опасенія политическаго характера, когда у него была сила нѣсколько лѣтъ оборонять соловецкій монастырь, когда, словомъ, борьба противъ него могла иногда казаться самозащитою государственной власти (мы говоримъ тутъ лишь о возможныхъ тогда воззрѣніяхъ на расколъ). По этому, несмотря на соблазнительное хронологическое совпаденіе, русскій расколъ конца XVII вѣка и борьба

противъ него не могутъ здѣсь быть сопоставлены съ гугенотами и отмѣною нантскаго эдикта. Мы беремъ расколъ въ XIX вѣкѣ, когда политическія опасенія исчезли совершенно.

За все существованіе россійской имперіи не было эпохи, болѣе кипуче—дѣятельной по части мѣропріятій противъ раскола, нежели время Николая I. Не говоря уже объ Александрѣ II, отмѣнившемъ очень многое изъ этой области и сильно облегчившемъ положеніе раскольниковъ, но и Александръ I оставлялъ ихъ, сравнительно, въ спокойствіи. Вотъ что читаемъ объ этомъ у противника раскола: *) «Внѣшне окрѣпшій въ предшествовавшій періодъ, расколъ теперь вызвалъ обширную систему мѣръ, и прежде всего гражданскихъ. Царствованіе Николая Павловича является выдающимся въ этомъ отношеніи. Въ это время законовъ по части раскола было издано очень много, болѣе снисходительныхъ въ началѣ царствованія и болѣе строгихъ подъ конецъ его. Были учреждены секретные совѣщательные комитеты съ центральнымъ комитетомъ въ Петербургѣ. Самъ Государь Императоръ неустанно слѣдилъ за общимъ теченіемъ раскольническихъ дѣлъ, которыя доводились до свѣдѣнія Его Величества особо установленнымъ для нихъ порядкомъ». Всякій, кто хотя бы только приступалъ къ изученію царствованія Николая I, очень хорошо знаетъ, что эти мѣропріятія далеко не оставались только на бумагѣ. Сложнѣйшая система приводила къ тому, что все существованіе раскольника было обставлено сѣтью преградъ и препятствій. Хотѣлъ ли онъ отлучиться изъ мѣста приписки, хотѣлъ ли начать торговлю, собирался ли жениться, рождались ли у него дѣти, нужно ли было хоронить отца, приходилось ли, даже, чинить сгнившую крышу въ молельнѣ, все это сопровождалось придирками, запрещеніями, условными дозволеніями, грабительскими взятками, и еще счастье, что брали взятки, ибо законъ стремился совсѣмъ сдѣлать жизнь раскольника невыносимою. Даже среди царившаго рабства,—раскольникъ былъ паріей, жестоко и дѣятельно преслѣдуемымъ. Кто изучалъ исторію раскола въ николаевскую эпоху, тотъ едва-ли можетъ забыть получающееся при этомъ впечатлѣніе, будто нѣкто зорко и неустанно бдитъ надъ раскольниками изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ году въ годъ и все боится что нибудь изъ быта этихъ загнанныхъ людей оставить безъ полнаго своего вниманія. Но если задать себѣ при этомъ вопросъ: зачѣмъ? Cui prodest? Какой государственной надобности или, даже, какому классовому эгоизму все это должно удовлетворять? то такъ при этихъ вопросахъ и останешься. И чѣмъ больше углубляться въ конкретныя подробности, тѣмъ ярче, тѣмъ нагляднѣе (почти до каррикатурности) становится это характерное политическое искусство для искусства.

---

*) П. Смирновъ. Исторія русскаго раскола—старообрядчества, стр. 217. (Рязань, 1893).

«Въ 1836 году томскій прокуроръ далъ знать губернатору, что переселившійся изъ оренбургской губерніи въ 1825 году и причисленный къ деревнѣ Аѣ крестьянинъ Абабковъ привезъ съ собою человѣка, коего ложно выдаетъ за отца своего Варѳоломея, и что этотъ мнимый Варѳоломей проживаетъ гдѣ-то въ лѣсныхъ горахъ, куда для богомолья приходятъ къ нему какіе то другіе люди, затѣмъ неизвѣстно куда скрывающіеся». *) Разумѣется, государственная власть обезпокоилась и стала искать. «Нашли его въ избушкѣ, въ 50 верстахъ отъ деревни», затѣмъ нашли еще болѣе грозную опасность для существовавшаго соціальнаго строя въ лицѣ раскольника Паисія, «устроившаго себѣ помѣщеніе въ кедровомъ дуплѣ, среди неприступныхъ скалъ», гдѣ ни онъ никого, ни его никто не видѣлъ...

Этотъ образъ могущественнѣйшей въ мірѣ власти, считающей для себя непереноснымъ, чтобы въ кедровомъ дуплѣ среди неприступныхъ сибирскихъ скалъ отъ нея спрятался раскольникъ, и просовывающей труда «государственный мечъ»—этотъ образъ, при всей своей каррикатурности, замѣчательно ярко символизируетъ внутренній смыслъ разсматриваемыхъ явленій. Этотъ внутренній смыслъ—соціальная безцѣльность—въ подобныхъ случаяхъ заслоняетъ въ глазахъ изслѣдователя другую любопытную черту, присущую «психологіи» описываемыхъ фактовъ: безграничную и наивную вѣру во всемогущество насилія, въ возможность гдѣ угодно и когда угодно пустить эту панацею въ ходъ, и то, что разсказываетъ въ своихъ «Письмахъ о Россіи» Молинари о губернаторѣ, просвѣщавшемъ язычниковъ, характерно не для страны, а для историческаго фазиса, переживавшагося въ разное время всѣмъ европейскимъ континентомъ: **) «хотятъ ли знать, какъ понимаются религіозные вопросы нѣкоторыми высшими сановниками? Вотъ *достовѣрный* анекдотъ, который позволитъ объ этомъ судить. Въ царствованіе Николая I, былъ посланъ управлять западною Сибирью одинъ почтенный нѣмецъ, ультра формалистъ, каковымъ и долженъ быть всякій добрый нѣмецъ. Узнавши, что язычество еще существуетъ въ его губерніи, онъ почелъ долгомъ своимъ его искоренить. Прежде всего онъ произвелъ разслѣдованія о состояніи язычества и положеніи язычниковъ. Это разслѣдованіе ему показало, что не только каждое племя имѣло своихъ особыхъ боговъ, но, также, что одно племя имѣло ихъ больше, другое меньше. Онъ началъ съ прекращенія этой недопустимой анархіи, путемъ приведенія язычества къ единообразію. Съ этою цѣлью онъ издалъ приказъ, устанавливающій каталогъ *оффиціальныхъ* боговъ, которыхъ разрѣшалось почитать, при исключеніи всѣхъ прочихъ боговъ. Таковъ былъ первый шагъ къ прогрессу; но этого

*) Д. Н. Бѣликовъ, Томскій расколъ, 73. (Извѣстія Импер. Томск. Универс., за 1901 годъ, кн. 18-я).

**) Lettres sur la Russie, par M. g. de Molinari (Paris, 1877), стр. 105.

было недостаточно. Дѣло шло о привлеченіи мало по малу язычниковъ въ лоно православной церкви. Какъ поступить? Между идолопоклонствомъ, даже регламентированнымъ и единообразнымъ, и православіемъ разстояніе было, положительно, слишкомъ велико. Сразу его перешагнуть было, невозможно. Требовалась переходная ступень. Хорошо объ этомъ подумавши, нашъ бюрократъ пришелъ къ заключенію, что онъ разрѣшилъ дѣло, и обратился къ правительству съ длиннымъ мемуаромъ, въ которомъ доказывалъ необходимость постепенно обращать язычниковъ въ христіанство, путемъ *предварительнаго* ихъ обращенія... въ магометанство. Не было-ли разрѣшеніе этой задачи столь же ново, какъ и прекрасно, и не свидѣтельствовало-ли оно лишній разъ о наивной вѣрѣ бюрократіи въ свою врожденную способность разрѣшать всякого рода вопросы, вплоть до вопросовъ религіозныхъ?» Такимъ вопросомъ кончаетъ Молинари свое повѣствованіе о губернаторѣ съ апостольскими тенденціями *). Но точнѣе,—это—вѣра во всеобщую приложимость и пригодность насилія, соединенная съ фатальной необходимостью для власти, незнающей препонъ, бросаться всюду, ища точекъ приложенія своей силы.

IV.

Не выходя изъ области «внутренней политики», мы могли бы, и помимо религіозныхъ преслѣдованій, указать на цѣлыя категоріи фактовъ, подтверждающія высказанную выше мысль. Но мы перейдемъ теперь къ другому порядку явленій, иллюстрирующихъ саморазрушительную работу абсолютизма, когда онъ превратился въ особый надъ—общественный организмъ. Ничто такъ эту работу не характеризуетъ, какъ предпріятія и авантюры военно-дипломатическаго свойства.

Абсолютная власть часто предпринимала наступательныя войны тогда, когда это требовалось въ интересахъ пріобрѣтенія нужной населенію территоріи, или для упроченія и усиленія возникающей торгово-промышленной дѣятельности, или для обезпеченія такимъ путемъ государства отъ грозящаго въ будущемъ удара. Такія войны, обыкновенно, и получали характеръ «національныхъ», и цѣлесообразность ихъ съ точки зрѣнія государственнаго благосостоянія или, хотя бы, съ точки зрѣнія нуждъ опредѣленныхъ классовъ бывала вполнѣ доступна общественному сознанію. Такого рода войны, конечно, должны быть совершенно устранены отъ нашего разсмотрѣнія. Точно также мы здѣсь не коснемся, пока, и другого рода войнъ, которыми пестрятъ анналы исторіи абсолютныхъ правительствъ: войнъ, предпринимавшихся для такъ называемаго «отвлеченія вниманія» общества отъ внутреннихъ

*) Не его ли назвалъ Герценъ „равноапостольнымъ нѣмцемъ“? Мы не нашли этой замѣтки кото рую знаемъ лишь по заглавію.

дѣлъ (вродѣ войнъ Наполеона III и тому подобныхъ). О такого рода предпріятіяхъ придется говорить, когда рѣчь будетъ идти о самооборонѣ абсолютизма. Здѣсь же насъ интересуютъ тѣ войны, которыя предпринимались абсолютизмомъ рѣшительно безъ всякой нужды какъ для государства, такъ и для него самого.

Противорѣчитъ ли самое утвержденіе, что были мыслимы такія войны, основному нашему воззрѣнію на зависимость политическихъ феноменовъ отъ соотношеній соціальныхъ классовъ въ данной націи? Не противорѣчитъ нисколько. Подобныя войны имѣли непосредственною причиною своею психологическія свойства абсолютизма, о которыхъ выше шла рѣчь; а *возможны* онѣ были потому, что соціально-экономическія условія общества въ данный историческій моментъ допускали не только безпрепятственное существованіе абсолютизма, но и давали ему нестѣсняемый просторъ для проявленія этихъ его психологическихъ свойствъ. Опредѣленная классовая структура общества детерминируетъ лишь *возможность* того «однократнаго и индивидуальнаго», какимъ по мнѣнію Риккерта является всегда всякое историческое событіе; но spiritus movens, который обусловливаетъ *неизбѣжность* этого или однороднаго событія есть сила производная, хотя, въ конечномъ счетѣ, и вытекающая изъ того же источника, то есть изъ соціально-экономической структуры данной среды. Эта психолигическая производная сила въ данномъ случаѣ—и есть то состояніе абсолютизма, уже отслужившаго свою историческую службу, но еще не отправленнаго въ отставку, которое *не позволяетъ* ему *не* растрачивать самымъ хищническимъ образомъ накопленный раньше капиталъ.

Иногда эти военно-дипломатическія конвульсіи абсолютизма получали видъ стремленія къ европейской гегемоніи (какъ это было, напр., во второй половинѣ царствованія Людовика XIV), иногда онѣ никакого вида не получали, а такъ и оставались откровенными капризами двора (какъ это было при Людовикѣ XV и его фавориткахъ), иногда, наконецъ, онѣ являлись міру въ качествѣ «великодушныхъ» попытокъ спасти угрожаемый принципъ, выручить «сосѣда» и т. п. Тутъ область примѣровъ и иллюстрацій, вообще, ограничена, ибо роскошь подобныхъ проявленій силы могъ себѣ позволить, по самому существу дѣла, не всякій абсолютизмъ, а лишь такой, который водворился въ могущественномъ національномъ организмѣ.

Собственно внѣшняя схема такой политики сводилась, обыкновенно, въ конечномъ счетѣ къ тому ироническому опредѣленію, которое Вольтеръ далъ исторіи крестовыхъ походовъ: «государи, послѣ ограбленія своихъ королевствъ съ цѣлью выкупить страну, которая никогда имъ не принадлежала, окончательно разоряли свои земли уже для личнаго своего выкупа» *). Иногда могли быть удачны отдѣльные

*) Dictionnaire philosophique, слово Fanatisme (изд. 1857 г., т. V, стр. 562).

періоды этихъ войнъ, но вообще говоря, удача тутъ являлась исключеніемъ, и, во всякомъ случаѣ, къ прочнымъ результатамъ не приводила. Мы не будемъ останавливаться на причинахъ этихъ неудачъ, разбирать, играла ли тутъ главную роль апатія солдатъ, которыхъ вели на бойню по непонятнымъ для нихъ соображеніямъ, или органическая неспособность абсолютизма въ разбираемый періодъ его жизни создать и поддержать на требуемой высотѣ сложную и дѣеспособную военную машину, или еще иныя какія либо причины. Достаточно указать на результатъ, *почти* всегда, но не всегда наносившій серьезный ударъ моральному и матеріальному престижу иниціаторовъ подобныхъ войнъ. Вся французская внѣшняя политика за шестидесятилѣтнее царствованіе Людовика XV (особенно же со времени королевскаго совершеннолѣтія) была почти сплошной безсмыслицею. Ненужныя и нелѣпыя войны съ Англіей, еще болѣе нелѣпое вмѣшательство въ семилѣтнюю войну, неумѣлая и неудачная оппозиція политикѣ Екатерины II—все это именно и было тѣмъ стихійно расточительнымъ пожираніемъ ранѣе накопленнаго капитала, о которомъ мы говорили раньше. Абсолютизмъ въ свое время создавался и крѣпъ на внѣшнихъ войнахъ, и на нихъ же въ разсматриваемый періодъ обнаруживалъ яснѣе всего свою истинную дряхлость, прикрытую обманчивою репутаціею силы и бодрости; и нерѣдко война, начатая абсолютизмомъ какъ бы отъ избытка силы, кончалась такимъ крахомъ, который открывалъ собою періодъ агоніи. Тутъ давно существовавшій въ скрытомъ видѣ фактъ разомъ переходилъ въ сознаніе и абсолютистскихъ верховъ, и всѣхъ окружающихъ: соціальная опасность строя обнаруживалась въ одно время съ его слабостью, и, иногда, это влекло за собою предъявленіе накопившихся счетовъ. Но чаще внѣшнія войны не имѣли столь непосредственно рѣшающаго значенія и только становились однимъ изъ самыхъ внушительныхъ и крѣпкихъ звеньевъ въ той цѣпи, которая медленно, но съ фатальною неуклонностью обвивалась вокругъ абсолютизма, чтобы его задушить въ моментъ развязки борьбы. Войны Людовика XV отозвались впослѣдствіе, когда насталъ тотъ «потопъ», о которомъ, по преданію, такъ весело говорилъ старый король.

Русскій правительственный организмъ достигъ кульминаціи своего могущества къ концу царствованія Екатерины II, и затѣмъ послѣ нѣкотораго перерыва, этотъ моментъ для него повторился послѣ низложенія Наполеона I. Русское правительство екатерининскихъ временъ было правительствомъ классовымъ, дворянскимъ по преимуществу, но этотъ свой характеръ оно въ слѣдующую эпоху стало утрачивать, хотя и не сразу, а постепенно. Но организмъ, уже начинавшій жить своею совсѣмъ особою, самодовлѣющею жизнью, уже становился *надъ-общественнымъ*, уже не упускалъ при случаѣ подчеркнуть свой взглядъ

на *всѣ* сословія, какъ на нѣчто, имѣющее, такъ сказать, лишь пьедестальное значеніе. Павелъ Петровичъ заявлялъ, что у него знатенъ тотъ, на кого онъ смотритъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ на него смотритъ. «Вы видите, дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обходиться, какъ съ собаками», внушалъ Павелъ своимъ дѣтямъ, *) и безпристрастный историкъ всегда признаетъ, что тутъ слово рѣдко расходилось съ дѣломъ, и что это специфическое «уравненіе» дворянства съ прочими классами общества проводилось довольно усердно на основѣ высказаннаго Павломъ государственнаго принципа. Втеченіе всей первой половины XIX вѣка русское правительство не можетъ быть названо, съ полною точностью, представительствомъ дворянскихъ интересовъ, потому, что надъ-общественный его характеръ становился все рельефнѣе.

Но разобщенность между отдѣльными соціальными группами была такъ велика, отсутствіе какой бы то ни было организаціи среди угнетенныхъ классовъ—столь полнымъ, разбросанность населенія такъ мѣшала подготовкѣ къ борьбѣ, земля до такой степени являлась подавляюще-преобладавшей формою капитала, общій уровень матеріяльной и умственной культуры былъ такимъ низкимъ, что строй могъ себя чувствовать спокойнымъ. Онъ, собственно, не былъ силенъ, но онъ былъ не аттакуемъ ни изнутри, ни до Крыма—извнѣ; а это обстоятельство, субъективно, въ сознаніи правившихъ круговъ, вполнѣ компенсировало отсутствовавшую на самомъ дѣлѣ силу.

Что внѣшняя политика этого періода расходилась очень часто съ прямыми или косвенными интересами Россіи, это признаютъ теперь, кажется, всѣ мало-мальски безпристрастные историки; многіе (напр., Шильдеръ) даже расширяютъ хронологически этотъ періодъ, но мы тутъ остановимся лишь на эпохѣ, начавшейся пушечною пальбою на Сенатской площади и кончившейся пушечною пальбою у Малахова кургана.

Прежде всего, необычайная *дѣятельность* бросается въ глаза при изученіи исторіи россійской дипломатіи въ эту эпоху. Врагъ режима Герценъ отмѣчаетъ, что никогда русское правительство не было столь поглощено чужими дѣлами, никогда не давало столько совѣтовъ, такъ во все не вмѣшивалось. Другъ режима (и отчасти авторъ «совѣтовъ») графъ Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ, втеченіе всего періода, по существу совершенно согласенъ въ этомъ вопросѣ съ Герценомъ. Никогда не пойметъ *психологію* тѣхъ явленій, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, тотъ, кто полѣнится прочесть произведеніе пера этого маленькаго стараго куртизана, помѣченное 20-го ноября 1850 г. Это—французская записка, написанная тою изящнѣйшею прозою, какою владѣли съ такимъ искусствомъ дипломаты до-бисмарковскаго

*) Vous voyez, mes enfants, qu'il faut traitér les hommes, comme les chiens. См. Шильдеръ, „Павелъ I“, стр. 249.

періода, и представленная графомъ Нессельроде Николаю Павловичу по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія. Почтительный восторгъ проникаетъ всю записку, имѣющую цѣлью вкратцѣ охарактеризовать политику Россіи съ 1825 года по 1850. Вотъ небольшія изъ нихъ выдержки *).

«... Вскорѣ перевороты, вызванные въ 1830 году паденіемъ старшей линіи Бурбоновъ, открыли новый періодъ въ политикѣ Вашего Величества. Они придали царствованію Вашего Величества истинный характеръ, который въ грядущемъ будетъ его отличать. Вслѣдствіе этихъ революцій, Ваше Величество сдѣлались для міра представителемъ монархической идеи, поддержкою принциповъ порядка и безпристрастнымъ защитникомъ европейскаго равновѣсія. Но многотрудныя усилія, но безпрерывно возобновляющаяся борьба были связаны съ этою благородною ролью...». Нессельроде самую значительную и характерную часть именно и отводитъ благородной роли, такъ что предъ читателемъ Россія и ея интересы отходятъ куда-то даже не просто на второй планъ, а совсѣмъ въ даль и мракъ. Заботы о томъ, чтобы пагубные принципы гдѣ-нибудь на краю свѣта не восторжествовали, явственно предстаютъ въ видѣ главныхъ движущихъ пружинъ. Даже тихая грусть по тому поводу, что «географическая отдаленность» не позволила Россіи поддержать голландскаго короля въ борьбѣ съ бельгійскими мятежниками, до такой степени звучитъ въ тонъ всему краснорѣчію русскаго канцлера, что какъ-то уже и въ голову не придетъ естественный вопросъ: а какое было Россіи дѣло до голландскаго короля и бельгійскихъ мятежниковъ? Тутъ психологія совсѣмъ особая, тутъ роскошь фантазіи въ политикѣ, далеко превосходящая всякія «объявленія войны тиранамъ», о которыхъ шла рѣчь въ эпоху Конвента.

---

*) ...Bientôt bes bouleversements amenés en 1830 par la chute de la branche aînée des Bourbons ont ouvert une période nouvelle à la politique de Votre Majesté. Ils ont imprimé à son regne le veritable charactère qui le distinguera dans l'avenir. A la suite des ces révolutions, elle est devenue pour le monde le representant de l'idée monarchique, le soutien des principes d'ordre et le défenseur impratiae de l'equilibre Européen. Mais des laborieux efforts, une lutte sans cesse renaissante étaient attachés à ce noble rôle... La Hollande était sacrifiée, dans son conflit avec les Belges à l'extrême partialité de la France et de l'Angleterre. Si notre éloignement géographique et la timidité de nos alliés n'ont malheureusement pas permis qu'elle conservât la possession intacte des provinces qui formaient jadis avec elle le Royaume des Pays-Bas, au moins l'appui de Votre Majesté et son insistance énergique ont-ils servi à obtenir au roi meilleures conditioné territoriales allegé poids des ses sacrifices pécuniares, modifie ce que les clauses qu'on voulait lui imposer présentaient de trop onéreux pour ses interêts financiers et commerciaux.

Partout où chancealient les trônes, où la societé minée fléchissait sous l'effort des doctrines subversives, le bras puissant de Votre Majesté se fait deviner ou sentir.

Записка цѣликомъ была напечатана въ «Русской Старинѣ», и перепечатана въ V томѣ Treitschke («Deutsche Geschichte»).

Когда въ Петербургъ пришли первыя вѣсти о провозглашеніи во Франціи республики въ 1848 году, — государь сказалъ гвардейскимъ офицерамъ, чтобы они сѣдлали коней. Это первое намѣреніе смѣнилось выжиданіемъ, по мѣрѣ того, какъ революція охватывала весь континентъ. Затѣмъ, усмиреніе іюньскаго возстанія рабочихъ въ Парижѣ до такой степени понравилось Николаю I, что отношеніе его къ Франціи перемѣнилось. Любопытно, что на него произвелъ особенно отрадное впечатлѣніе такой совершенно побочный фактъ, какъ генеральскій чинъ усмирителя *). Сейчасъ же канцлеру Нессельроде было приказано написать любезнѣйшее письмо, которое Киселевъ и вручилъ генералу Кавеньяку. Затѣмъ начались чрезвычайно ласковыя отношенія къ французскому послу,—тогда какъ, напр., втеченіе всего царствованія Луи-Филиппа Николай I; а за нимъ и весь петербургскій свѣтъ, упорно «не замѣчали» французское посольство на томъ основаніи, что Луи-Филиппъ — «король баррикадъ», принялъ корону изъ рукъ іюльской революціи и т. д.—Но эта внезапная милость къ Франціи была вновь положена на гнѣвъ, когда Луи-Наполеонъ Бонапартъ захватилъ престолъ. Казалось бы, съ точки зрѣнія торжества «принциповъ» лучше ничего и пожелать нельзя было, — но нѣтъ: согласно договорамъ 1814—15 г.г. Бонапарты не имѣли правъ на французскій престолъ, а посему возстановленіе имперіи одобренія и не получило. Начались взаимныя колкости **), замѣна обычнаго «mon cher frère» обращеніемъ: «mon bon ami», безъ всякой нужды обострялись отношенія съ могущественною державою—и ко времени столкновенія съ Турціей—страшнѣйшій изъ союзныхъ враговъ былъ для Россіи окончательно приготовленъ ея же собственною принципіальною дипломатіею.

Но если по отношенію къ первоклассной военной державѣ можно было очень долго позволять себѣ капризы, внезапности и неожиданности, если отношенія къ Франціи за весь этотъ долгій періодъ обусловливались въ каждый данный моментъ не интересами Россіи, а внутренними дѣлами французскаго государства, до которыхъ Россіи не было ни малѣйшаго основанія касаться,—если эта политика только къ самому концу періода принесла свои горькіе плоды,—то относительно другихъ менѣе важныхъ и сильныхъ державъ подобное принципіаль-

*) L'Empereur qui, avant tout, était un soldat fut flatté de ce que, l'anarchie avait été vaincue par l'armée et la société sauvée par un général. A l'instant il se prit de sympathie pour le général Cavaignac qui venait de triompher de l'emeute et il vint à le féliciter. См. Edmond *Bapst*, „L'Empereur Nicolas I et La deuxieme République française", стр. 11. (Paris, 1898).

**) О *первомъ* періодѣ отношеній къ Наполеону III можно привести слова Флеровскаго, какъ вполнѣ точныя: „Наполеонъ III въ его глазахъ былъ блудный сынъ, который стремится исправиться. Онъ относился къ нему высокомѣрно, покровительственно, считалъ себя вправѣ читать ему наставленія, порицалъ его,—напр., за конфискацію имуществъ Людовика-Филиппа". Потомъ—отношенія стали еще хуже.

ное поведеніе было тогда совсѣмъ безопасно, — и иногда даже (какъ въ 1849 году) увѣнчивалось тріумфомъ. Нужно, кстати, по поводу 1849 года отмѣтить, что *военное* свое выступленіе режимъ на этотъ разъ счелъ долгомъ какъ бы оправдывать чѣмъ-то вродѣ нуждъ государственныхъ: венгровъ надо было усмирить на всякій случай, чтобы современемъ и поляки не взбунтовались и т. п. Но все это выходило весьма сбивчиво. Интересно, что, впрочемъ, этотъ послѣдній мотивъ упоминался не на первомъ планѣ. Вотъ что сказалъ Николай по поводу венгерскаго похода французскому послу Ламорисьеру: «Не думайте, чтобы я хотѣлъ защищать поведеніе Австріи въ этомъ дѣлѣ. Она нагромоздила самыя серьезныя ошибки однѣ на другія. Но въ конечномъ счетѣ *она допустила наводненіе Венгріи самыми субверсивными ученіями*. Правительство въ Венгріи попало въ руки людей безпорядка, а они призвали къ себѣ на помощь поляковъ. Это было возстаніе у моихъ дверей, обезпеченное убѣжище для тѣхъ, кто *хотѣлъ бы съять* возстаніе у меня. Нужно было его потушить или постоянно быть имъ — угрожаемымъ» *). Уже изъ этихъ словъ видно, что Николай не боялся *непосредственнаго* возстанія въ Польшѣ, — и что *прежде всего* онъ думалъ о гибельныхъ лжеученіяхъ, коимъ отдана на жертву Венгрія. Окончательно эта мысль торжествуетъ въ словахъ Николая I, обращенныхъ къ тому же Ламорисьеру 15-го августа 1849 года послѣ полученія извѣстія о побѣдѣ Людерса надъ Бемомъ: «Генералъ, дѣло, изъ-за котораго мы только что сражались, — *есть то самое, за которое бились вы въ іюнѣ прошлаго года*; противъ анархіи и демагогіи боролись мы» **). Здѣсь, въ терминахъ, рѣшительно ничего не оставляющихъ желать въ смыслѣ ясности и откровенности,— борьба русскихъ войскъ противъ венгровъ приравнивалась къ борьбѣ французскихъ войскъ противъ парижскихъ рабочихъ въ іюнѣ 1848 года,—и заявлялось, что вся эта война была предпринята для подавленія торжествовавшихъ *въ Венгріи* политическихъ принциповъ, антипатичныхъ русскому правительству. Спустя пять лѣтъ — «спасенная» вѣнская бюрократія въ мрачный финальный моментъ Николая заняла явно-враждебную и сильно повредившую Россіи позицію, — а венгры открыто выражали тогда же по этому поводу свой полный восторгъ. Вотъ на какой почвѣ, впервые послѣ усмиренія 1849 года, произошло минутное «единеніе между пастыремъ и пасомыми» въ габсбургской монархіи, — то единеніе, о которомъ столь сладостно пѣли газетныя рептиліи, аплодировавшія возстановленію въ Венгріи стараго порядка въ 1849 году: оно произошло на почвѣ ихъ общей ненависти къ Россіи. Таковы были реальныя послѣдствія этой политики. Въ видѣ

*) См. Bapst, l. c., стр. 73.

**) General, la cause pour laquelle nous venons de combattre est celle pour laquelle vous vous êtes battus au mois de Juin de l'année dernière; c'est contre lanarchie et demagogie que nous avions lutté.

«реванша» остались, впрочемъ, слѣды поэтическіе: «Прочь, прочь—австрійскаго Іуду—отъ гробовой его доски»,—восклицалъ поэтъ Тютчевъ по поводу прибытія австрійскаго эрцгерцога во главѣ депутаціи на похороны Николая. Столь огорчены были придворные и дипломатическіе круги, представителемъ которыхъ являлся Тютчевъ, забвеніемъ русскихъ національныхъ интересовъ, обнаруженнымъ австрійскими правительствующими лицами.

V.

Мы въ этихъ предварительныхъ, вводныхъ замѣткахъ, только вскользь отмѣтили образчики того, что считала своею задачею русская дипломатія въ періодъ Николая I. Въ общемъ, она столь же мало заботилась въ эту эпоху объ оправданіи своихъ капризовъ въ глазахъ общества, какъ и въ годы Павла I, сегодня отправлявшаго въ Италію Суворова поражать французскую гидру, а завтра замышлявшаго въ союзѣ съ этою же гидрою изгнать изъ Индіи англичанъ. Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas,—таковъ былъ при Павлѣ I и остался еще на очень долгое время послѣ него принципъ русской внѣшней политики. Этотъ самый принципъ торжествовалъ въ аналогичныя эпохи и въ другихъ государствахъ. Бэконъ былъ того мнѣнія, что смѣлость очень опасна при обсужденіи и полезна только въ дѣйствіи; что при обсуженіи хорошо видѣть опасности, но при выполненіи дѣла ихъ слѣдуетъ потерять изъ вида, если только онѣ не грозятъ совсѣмъ уже непосредственно. Вышеуказанная политика грѣшила не только фантастичностью и ненужностью цѣлей, которыя она себѣ ставила, но именно безграничною «смѣлостью» при обсужденіи способовъ и средствъ. Это и вело къ тому, что успѣшнѣйшими (въ смыслѣ быстроты дѣйствія) предпріятіями, которыя абсолютизмъ, повинуясь своей природѣ, пускалъ въ ходъ для собственнаго своего разрушенія, были обыкновенно предпріятія военно-дипломатическія.

Такъ тратился огромный капиталъ и ускорялась эволюція политическихъ формъ. Но это была лишь одна сторона дѣла: отмѣченныя черты психологіи абсолютизма дѣйствовали на него ослабляющимъ образомъ, уменьшали въ будущемъ его способность къ самооборонѣ, подтачивали тѣ историческіе корни, на которыхъ онъ держался, разъясняли и демонстрировали наглядно всю степень опасности его дальнѣйшаго существованія для государства и т. д. Тѣмъ не менѣе, никогда политическія формы не погибали *только* вслѣдствіе своей ненужности, вредности и, даже, внутренней слабости, а всегда для этого должны были предъ ними еще предварительно вырости новыя враждебныя силы. Если же этого на лицо не было, старое правленіе продолжало въ мирѣ и тишинѣ свое дальнѣйшее гніющее существованіе.

Обществовѣдѣніе имѣетъ дѣло съ такимъ необъятнымъ матеріаломъ, какъ вся человѣческая жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ; что же удивительнаго, что термины здѣсь часто оказываются недостаточно точными? Мы уже имѣли случай подчеркнуть, что въ исторіи понятіе: *разложеніе* и понятіе: *гибель* отнюдь не совпадаютъ; напомнимъ же объ этомъ снова и снова. Когда произносится такая фраза: «данный режимъ насквозь прогнилъ и испортился, а *потому*, не могъ не смѣниться новымъ, свѣжимъ» и пр. и пр., то можно утвердительно сказать, что это не научное утвержденіе, а словесный шаблонъ, съ которымъ истинная наука n'a rien à faire. Почему «не могъ не смѣниться»? Только потому, что сгнилъ?

Дѣло въ томъ, что въ исторіи, гдѣ такъ много стихійнаго и безсознательнаго, гдѣ такъ много природы и такъ мало телеологіи, до сихъ поръ часто подходятъ съ готовыми прописными формулами даже тѣ, которые считаютъ себя за тысячу верстъ отъ нихъ. Такъ какъ живой организмъ, пораженный внутренними недугами, начавшій заживо разлагаться, неминуемо и скоро гибнетъ, то «значитъ» такъ происходитъ или должно происходить и съ правительственнымъ строемъ, подобная аналогія (даже, часто, въ устахъ тѣхъ, которые давно и категорически отвергли *методъ* біологическихъ аналогій) лежитъ въ основѣ всѣхъ подобныхъ выводовъ. Африканскіе царьки съ незапамятныхъ временъ продавали своихъ вѣрноподданныхъ за сходную цѣну; германскіе государи дѣлали тоже самое въ XVIII столѣтіи. Теперь африканскіе царьки продолжаютъ это занятіе, а германскіе прекратили. Но кто же будетъ отрицать, что существенная причина, обусловившая эту перемѣну, заключается въ силѣ сопротивленія, обнаружившейся въ Германіи и не обнаружившейся въ Африкѣ? Кто будетъ отрицать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что африканскій строй можетъ продолжать благополучно гнить еще новую серію вѣковъ, отнюдь не разрушаясь окончательно и не погибая? Въ 1782 году одинъ наблюдатель писалъ (не объ одной Франціи, но о *всей* Европѣ): «Европа представляется мнѣ наканунѣ ужасной революціи. Масса такъ испорчена, что кровопусканіе могло бы быть необходимо» *). Но, вѣдь, «масса» была не менѣе испорчена хотя бы въ эпоху тридцатилѣтней войны,—и однако никто не говорилъ подобно Форстеру въ 1779 году: «Дѣла не могутъ оставаться, какъ теперь; всѣ симптомы на это указываютъ». Симптомы на это указывали не потому, что «масса» была «испорчена», и не потому, что «строй сгнилъ», а потому что въ концѣ XVIII вѣка было то, чего не было въ эпоху тридцатилѣтней войны: было въ широкихъ общественныхъ классахъ сознаніе необходимости измѣнить соціально-политическую структуру, мѣшавшую ихъ свободному матеріальному и

*) Sorel, L'Europe et la révolution française, I, стр. 103.

моральному развитію, и была вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣренность въ достаточныхъ для того силахъ.

Возводить себя въ перлъ созданія и въ законъ исторіи, смотрѣть на всякія попытки къ перемѣнѣ, какъ на святотатство,—свойственно всякому слишкомъ зажившемуся на свѣтѣ политическому строю. Чаще всего въ это заблужденіе впадалъ абсолютизмъ,—но случалось это и съ конституціоннымъ порядкомъ. Напримѣръ, ганзардовское собраніе парламентскихъ дебатовъ даетъ читателю, просматривающему его за 1817—1832 гг., много курьезныхъ образчиковъ того, съ какимъ восхищеніемъ противники парламентской реформы въ Англіи говорили о достоинствахъ старыхъ, предназначенныхъ къ сломкѣ—порядковъ, которые на всякій непредубѣжденный взглядъ являлись глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ. Любопытно также, что господствующіе слои,—въ какія бы разнообразныя политическія формы ни было облечено ихъ владычество,—охотно при всякомъ случаѣ адрессуютъ «низшіе» классы къ Провидѣнію, когда рѣчь заходитъ о невыносимой ихъ нуждѣ. Послѣ 1812 года петербургская бюрократія расхватала въ видѣ наградъ и поощреній себѣ самой весьма много народныхъ денегъ, что же касается до народа,—то она отдѣлалась указаніемъ, что *Господь Богъ воздастъ* мужичкамъ должное за ихъ патріотическое поведеніе. Въ такомъ же духѣ и Тьеръ заявилъ въ 1850 году, въ эпоху второй республики,—очевидно для назиданія рабочему классу: «Нищета есть неизбѣжное условіе въ общемъ планѣ Провидѣнія: нынѣшнее общество, покоясь даже на самыхъ справедливыхъ основахъ, не могло бы быть улучшено» *).

Но даже и безъ такихъ заявленій,—всѣмъ своимъ поведеніемъ правящіе слои, за которыми была сила и традиція, иной разъ прямо говорили, что они даже и согласны признать наличность самаго вопіющаго зла, на которое указываютъ ихъ враги,—но категорически отказываются видѣть въ этомъ злѣ нѣчто поправимое и, вообще, зависящее отъ воли человѣческой. Другими словами: грибокъ, производившій гніеніе въ соціальномъ организмѣ,—не только себя самого, но и производимое имъ гніеніе, склоненъ былъ торжественно объявлять искорененію *не* подлежащими и существующими, въ силу предвѣчныхъ, перманентныхъ законовъ. И еслибы политическая эволюція зависѣла отъ одного только желанія правившихъ еще въ XVIII вѣкѣ круговъ спасти общество отъ разложенія заживо, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Европа уже давно не превратилась бы въ огромное болото, полное міазмовъ и оглашаемое благодарственными и иными молебнами. Поэтому когда соціологъ ставитъ вопросъ о причинахъ

*) La misére est une condition inévitable dans le plan général de la Providence: la societé actuelle, reposant sur les bases les plus justes ne saurait etre améliorée.

гибели абсолютизма, то онъ долженъ всю силу своего анализа направить именно на всестороннее освѣщеніе вопроса: что ускорило политическую мобилизацію враждебныхъ абсолютизму общественныхъ силъ? Правильный отвѣтъ на это, если только онъ будетъ данъ съ требуемой ясностью и разносторонностью, непремѣнно разрѣшитъ ео ipso и другой вопросъ: насколько далеко зашло гніеніе правительственнаго организма къ моменту начала борьбы? Оба вопроса тѣсно между собою связаны, но первый представляетъ при бо́льшей сложности своей и гораздо большій интересъ для установленія причинной связи между явленіями.

Предлагаемыя замѣтки будутъ имѣть главною цѣлью своей опредѣлить на примѣрѣ французскаго абсолютизма XVIII вѣка то *соціологическое постоянное*, которое возможно отдѣлить отъ *историческаго перемѣннаго*, отъ специфической обстановки, среди которой погибъ французскій старый строй. Мы посмотримъ, не лежатъ ли въ основѣ разнохарактерныхъ по внѣшнему виду—фактовъ, отмѣтившихъ гибель абсолютизмовъ въ самыхъ далекихъ другъ отъ друга странахъ, иной разъ одинаковыя причины; мы попытаемся уловить то «повторяемое», безъ чего нѣтъ и не можетъ быть общественной науки. Но мы не будемъ при этомъ забывать, что всякія искусственныя сближенія, всякія притягиванія фактовъ за волосы—составляютъ пріемъ, совершенно въ наукѣ недопустимый и вполнѣ для нея безполезный. Если наука хочетъ оставаться наукою, а не превращаться въ поучительную мораль для пастырей или пасомыхъ, если она гонитъ отъ себя всякія дидактическія и партійныя поползновенія,—она всегда удовольствуется даже и скудными, но зато не фальсифицированными результатами анализа историческаго матеріала. Сходство между фактами можетъ быть познано лишь послѣ того, какъ замѣчено въ извѣстной степени различіе,—говоритъ американскій соціологъ *). Всецѣло раздѣляя это мнѣніе, мы постараемся въ дальнѣйшемъ изложеніи разсматривать факты въ ихъ исторической обстановкѣ, которая въ главномъ повторялась крайне рѣдко, а въ деталяхъ—никогда. *Различіе въ обстановкѣ*, на самомъ дѣлѣ, можетъ часто не затруднить, а облегчить пониманіе *сходства въ сущности* сравниваемыхъ явленій, и уже потому въ интересахъ науки—не замалчивать, не скрадывать это различіе,—а оттѣнять его и подчеркивать.

В. Тарле.

---

*) The principles of sociology, by F. H. Giddings, стр. 104 (New. Iork, 1896).

КАРАВАНЪ.

Изъ Châtiments.

В. Гюго.

1.

По дикимъ пустырямъ, по зелени саваннъ
Давно урочный путь свершаетъ караванъ:
Въ своемъ стремленіи къ добру неудержимы,
Идеи—вѣчные, святые пилигриммы,
Идутъ увѣренно и радостно впередъ!
Одинъ—со знаменемъ, другой—ковчегъ несетъ.
За ними, какъ потокъ неудержимый лавы,
Законы слѣдуютъ, обычаи и нравы.
Священный караванъ! Зовутъ его—Прогрессъ.
Мелькаютъ передъ нимъ: долины, темный лѣсъ,
Скрываясь за горой иль моремъ отдаленнымъ,
И сильные помочь готовы утомленнымъ.
Минута роздыха, чтобъ духъ перевести,
И вновь идутъ они, и нѣтъ конца пути.

При каждомъ роздыхѣ въ степи, гдѣ бьетъ родникъ,
На встрѣчу путникамъ выходитъ проводникъ:
Янъ Гуссъ и Мирабо, Вольтеръ, Савонаролла—
Указываютъ имъ въ сіяньи ореола
Далекій идеалъ. Сквозь сумракъ и туманъ
Къ желанной пристани стремится караванъ.
Тамъ свѣтитъ имъ заря великая свободы,
Любовь и мирный трудъ, связующій народы,
И чѣмъ дорога ихъ становится труднѣй—
Тѣмъ вѣра путниковъ могучѣй и сильнѣй.

Но вотъ когда земля ночной одѣлась тѣнью,
И путники, отдавшись утомленью,
Готовятся заснуть—тотчасъ вражда и зло,

Кишащія кругомъ, измѣривъ ихъ число,
Примѣшиваютъ вой къ ихъ радостному кличу,
Стараясь захватить бѣжавшую добычу.

2.

Усталые въ степи раскинули шатры,
При свѣтѣ яркихъ звѣздъ пылаютъ ихъ костры,
Давно настала ночь. Засните. Слава Богу.

Нѣтъ, бодрствуйте! Вы чуете тревогу?
Враги проснулись—и филинъ, и шакалъ,
Изъ тьмы ночной ползутъ предательство, измѣна,
Свѣрѣпый леопардъ, трусливая гіена.
Для хищниковъ урочный часъ насталъ:
Какъ шайка подлая убійцъ до крови жадныхъ,
Вся стая птицъ ночныхъ, чудовищъ кровожадныхъ—
Явилася вокругъ сіяющихъ огней.
Во мракѣ искрятся—все ближе и грознѣй
Блестящіе зрачки... Отчаянны и дики—
Изъ каждой рытвины звѣрей несутся крики,
На встрѣчу смѣльчакамъ звучитъ зловѣщій хоръ,
Съ угрозой огласивъ рычаніемъ просторъ,
И путники, творя во тьмѣ ночной молитвы,
Готовятся для предстоящей битвы.

Но вотъ стихаетъ все—рычаніе и стонъ,
Какъ вопль о помощи, что крикомъ заглушонъ,
Всѣ замерли въ тиши, предчувствіемъ объяты...
Напоминающій громовые раскаты,
Раздался въ темнотѣ какой-то грозный ревъ.
Онъ близко, онъ идетъ, гроза пустыни—левъ.

3.

Онъ поднялся—внезапно пробужденный,
Когда кругомъ ночная тѣнь легла,
Не какъ шакалъ, добычей привлеченный
И мертвецовъ терзающій тѣла,
Иль ягуаръ, грозящій изъ засады.
Нѣтъ, онъ возсталъ какъ мощный властелинъ,
Когда свѣтилъ небесныхъ міріады
Затеплились надъ сумракомъ долинъ.

И передъ нимъ трепещутъ ягуары,
Трусливые, узнавъ издалека
Его хвоста могучіе удары,
Которымъ левъ о сильные бока
Небрежно бьетъ. Огонь сіяетъ жгучій
Въ его глазахъ, глубоко дышетъ грудь,
И такъ всегда—спокойный и могучій,
Свершаетъ онъ свой неизмѣнный путь.
Почуявъ льва степнаго приближенье,
Толпа звѣрей спасается въ лѣса,
И при его могучемъ дуновеньи
Смолкаютъ всѣ ночные голоса.

4.

И такъ же изъ своей удушливой пещеры,
Стряхнувъ съ усиліемъ вѣковъ минувшихъ сонъ,
Воспрянешь ты, народъ французскій пробужденъ,
И въ этотъ день падутъ лжецы и лицемѣры.
Исчезнутъ рыцари сутаны и меча,
Бездѣльники въ душѣ, добыча палача,
Съ рукой мошенника подъ лайковой перчаткой,
Кутилы, неучи съ нахальною ухваткой,
Злодѣевъ и глупцовъ невыносимый сбродъ,
Въ которомъ всѣ плуты—отъ слугъ и до господъ.
Ихъ свора, сильная настойчивостью твердой
Урвать желанный кусъ, съ окровавленной мордой,
Рычащая давно надъ истиной святой
И разумомъ, она, почуявъ предъ собой
Могучаго врага—исчезнетъ безвозвратно
Изъ страха пробудить его опасный гнѣвъ,
Исчезнетъ, прежде чѣмъ въ пустынѣ необъятной
Послышится твое рычаніе, о левъ!

О. Чюмина.

ОХРАНИТЕЛЬ.

(Разсказъ).

I.

«Чувикины».

Жарко...

Всего только 10 часовъ, а ужъ дышать нечѣмъ даже въ тѣни подъ акаціями.

Раскаленный воздухъ замеръ, словно насторожился, чутко прислушиваясь къ пылающему на голубомъ небѣ большому, желтому солнцу.

Зелень деревьевъ, кустовъ и бурьяна, вся сѣдая отъ пыли и мертвая отъ жары, стоитъ на сухой, какъ камень, землѣ, не шелохнувшись.

Между акаціями, въ просвѣтахъ, за низенькимъ частоколомъ и дальше за пыльной дорогой съ грудами камней, сложенныхъ въ кубики аршина по два въ длину, и еще дальше—за выжженою до красна солончаковою степью видно море, такое же недвижимое, какъ воздухъ, и синее, глубокое, какъ небо.

Подъ акаціями столъ, накрытый бѣлою скатертью. На столѣ самоваръ, чайный приборъ, молоко, кавказскій сыръ, бублики. А надъ всей этой благодатью—рои мухъ, блестящихъ и крупныхъ, злыхъ и жадныхъ.

Чай пьютъ двѣ дѣвицы, изъ которыхъ одна,—маленькая и толстенькая, дочь профессора, бывшая курсистка, а нынѣ ссыльная бѣжавшая съ мѣста ссылки изъ Архангельской губерніи. Вслѣдствіе чего дѣвица эта называлась теперь уже не Лидіей Вашкевичъ, какъ называлась 22 года, а Дарьей Чувикиной, изъ мѣщанъ.

Другая—дочь священника, тоже особа дипломированная, ученая. И хоть пока не высылалась, но бурнымъ существованіемъ своимъ уже успѣла заинтриговать нѣкоторыхъ начальниковъ города Петербурга въ такой степени, что тоже была-бы не прочь промѣнять собственное имя свое, хотя бы и на Чувикину.

Дѣвицы появились въ маленькомъ приморскомъ городкѣ съ мѣсяцъ тому назадъ въ качествѣ «купальщицъ». Наняли двѣ ком-

наты у греческой вдовы Ходжапулло и зажили себѣ тихо и смирно, наслаждаясь природой, отдыхая отъ треволненій прошлаго и запасаясь силами на будущее.

На курортѣ ими рѣшительно никто не интересовался: ни мѣстная публика, ни пріѣзжая, курортная, ни даже начальство въ лицѣ пристава Феоктистова, который заинтересоваться былъ-бы долженъ, во всякомъ случаѣ, если не ими самими, то хотя бы ихъ паспортами.

Но дѣло въ томъ, что приставъ Феоктистовъ былъ начальникъ исключительный: паспорта прописывалъ не всѣ, а только тѣ, обладатели которыхъ его лично чѣмъ-нибудь «очаровали». И такъ какъ очаровывали пристава по большей части дамы, то и паспорта прописывались только дамскіе. За паспортами къ чаровницамъ приставъ являлся самолично, чѣмъ очаровательное знакомство и начиналось. Возвращалъ прописанные паспорта тоже самолично, чѣмъ знакомство укрѣплялось. Дамы отъ этого обязательнаго начальника были въ восторгѣ и называли его и въ глаза и за глаза не иначе, какъ «милый приставъ Феоктистовъ». Хотя, повторяемъ, нравились приставу не всѣ, а только немногія избранныя.

Чувикины въ число избранныхъ не попали. Приставъ съ перваго же взгляда забраковалъ ихъ рѣшительно и прочно: одна дѣвица показалась ему черезчуръ курносой, другая черезъ-чуръ носатой. И обѣ вмѣстѣ замухрыжками, которыя и «одѣться-то порядочно не умѣютъ».

И отверженныя женщины, пребывая въ полной безъизвѣстности, благославляли небо, создавшее тихенькій курортъ, и милаго пристава Феоктистова, которому онѣ такъ безнадежно не понравились. По ночамъ онѣ спокойно спали, а по днямъ спокойно гуляли, купались, жарились на южномъ солнцѣ, ѣли помидоры, баклажаны, копченыя барбульки и маринованную камбалу, вознаграждая себя за всѣ мытарства прошлаго, которое не имѣло ничего общаго съ крѣпкимъ сномъ и здоровымъ аппетитомъ...

II.

Все въ розовомъ свѣтѣ.

И сейчасъ, сидя за самоваромъ, дѣвицы были счастливы, какъ людоѣды.

Встали онѣ сегодня въ 8 часовъ. До девяти шлепали босыми ногами по берегу моря. Въ девять искупались. Послѣ купанья минутъ двадцать покоптились на солнцѣ. И теперь насыщались чаемъ, молокомъ, бубликами и сыромъ не только съ большимъ

аппетитомъ, но даже съ неприличною жадностью, словно въ послѣдній разъ ѣли онѣ не вчера вечеромъ, а дня три тому назадъ.

Время отъ времени отрывались онѣ отъ ѣды и питья и тогда болтали о дѣлахъ своихъ, которыя здѣсь, на груди природы, совсѣмъ не казались «плоховатыми», какъ мѣсяцъ назадъ, но, наоборотъ, въ высокой степени великолѣпными, такими же точно, какъ и тогда, когда дѣла эти ничѣмъ еще не были «испорчены».

— А, ей Богу, чудесно! — объявила поповна безмятежно, лѣнивымъ жестомъ закинувъ обѣ руки за голову и вытянувъ передъ собой полубосыя ноги въ красныхъ чувякахъ, но безъ чулокъ.

— Вотъ проживемъ здѣсь еще съ мѣсяцъ, а тамъ и айда въ Питеръ!

— Изловятъ,—спокойно замѣтила Чувикина.

— Почему ты такъ увѣрена?—задорно спросила поповна.— Живи аккуратно, не возись съ либералами, не форси и не болтай зря на ихъ банкетахъ и рефератахъ, работай однимъ словомъ чисто, и не изловятъ.

— Ну-ну, пусть будетъ такъ!—согласилась Чувикина для того только, чтобы не спорить.

И, замурлыкавъ пѣсенку, съ хозяйственнымъ видомъ принялась перемывать чашки.

Поповна поднялась, сладко потянулась и опять повалилась на пыльную траву. Растянувшись во всю длину своего тонкаго, гибкаго тѣла, она минуты три-четыре лежала тихо, глядѣла въ небо и чему-то весело усмѣхалась, точно видала тамъ что-то очень забавное для себя. И вдругъ разразилась звонкимъ, заливчатымъ хохотомъ.

— Ты чего это?—удивилась Чувкина и тоже принялась хохотать, какъ дурочка.

Поповна поднялась и стала крутить въ тугой жгутъ свои черные, какъ смола, роскошные волосы.

Была она полной противоположностью подруги своей, маленькой и толстенькой съ курносымъ пухлымъ личикомъ, бѣлокурымъ и голубоглазымъ.

Высокая, тонкая, плоскогрудая, какъ цыганка черная, глазастая и волосатая,—поповна напоминала тѣхъ «новыхъ женщинъ», которыми современные художники, по большей части иностранцы, украшаютъ обложки декадентскихъ произведеній.

У нея былъ большой ротъ съ ехиднымъ насмѣшливымъ рисункомъ тонкихъ губъ. Горбатый длинный носъ. Дивные, густые волосы. Узкое, все въ движеніи лицо. Смуглая кожа, огромные, выразительные и умные, какъ у собаки ученой, темно-каріе глаза. Когда она смѣялась, на нее нельзя было глядѣть безъ отвѣтнаго смѣха.

И сейчасъ Чувикина хохотала безъ всякаго смысла, только потому, что смѣялась поповна.

— Почему то мнѣ вдругъ припомнилось, какъ я съ Надеждинской отъ «архангеловъ» удрала,—сказала поповна весело.

И помолчавъ немного, продолжала, насмѣшливо прищуривъ яркіе, искро-метные глаза и скосивъ въ улыбку ехидный, тонкій ротъ.

— Понимаешь? Еще у воротъ увидала, что облава на насъ съ Карцевой... Но бѣжать было уже поздно. Вдругъ одинъ ко мнѣ подскакиваетъ: «вы куда, въ № 18-й?»—«Нѣтъ, говорю, въ 28-й». Сказала и иду себѣ дальше. Иду и думаю: «что бы такое сочинить! Ахъ, что бы такое?..» И отъ этихъ спѣшныхъ, но безрезультатныхъ потугъ творчества даже въ глазахъ рябитъ и земля подъ ногами шатается. Тѣмъ не менѣе вхожу на лѣстницу. А на лѣстницѣ опять они... у каждой двери по рожѣ... И опять—«вы куда, въ № 18-й?» А я свое: «нѣтъ, въ 28-й». Поднимаюсь по лѣстницѣ въ 5-й этажъ, а у самой сердце—гухъ! гухъ! гухъ! И въ башкѣ кавардакъ: никакъ все не придумаю, что же мнѣ сдѣлать, когда до 28-го доберусь? Вѣдь тамъ у меня ни души знакомой... И тѣмъ не менѣе подхожу. И тѣмъ не менѣе звонюсь, фактъ!—засмѣялась поповна.

— Вотъ наглость-то!—восхищенно вскрикнула Чувикина, звонко хлопнувъ въ ладоши.

— Звонюсь, а они столпились позади меня, и рожи у всѣхъ такія, что вотъ-вотъ вцѣпятся, словно гончія собаки въ дичину. Отворяетъ горничная... «Вамъ кого?» И чуть въ обморокъ не падаетъ, увидавъ мою свиту. И представь себѣ, въ тотъ самый моментъ, когда горничная помертвѣла—я вдругъ вся ожила! Разомъ, знаешь, этакое озареніе, осѣненіе свыше! Улыбнулась горничной самымъ безмятежнымъ образомъ и говорю ласково: «Изъ типографіи я... Передайте, пожалуйста, вашему барину, что корректура готова. И вотъ этотъ счетъ, кстати, отдайте». И я, дѣйствительно, подала счетъ... только не изъ типографіи, а отъ Мандля на мою кофту... фактъ!

— Кхи! кхи! кхи!..—закряхтѣла Чувикина, вся сотрясаясь отъ хохота, какъ отъ озноба лихорадки.—Ну дальше! Дальше!

— Ну, и повернулась и тѣмъ же независимымъ, спокойнымъ аллюромъ обратно. И что-жь ты думаешь? Тѣ, нижніе, видя, что верхніе не задержали, расступились передо мною этакъ почтительно, словно передъ генераломъ. А одинъ даже подъ козырекъ сдѣлалъ...

Отсмѣявшись, поповна начала было уже новую исторію, о томъ, какъ во время обыска у медички Щегловой околоточный надзиратель жженые квасцы за динамитъ принялъ, но тутъ про-

изошло событіе, которое разомъ внесло въ настроеніе дѣвицъ нѣчто новое и совершенно неожиданное.

Поповна вдругъ увидала солдата, мужа кухарки Татьяны, жившей у греческой вдовы Ходжапуло и прислуживавшей дѣвицамъ въ качествѣ горничной. Она вдругъ вспомнила что-то очень важное, и, разомъ сдѣлавшись серьезной, даже строгой, бросила Чувикиной взволнованной скороговоркой, понизивъ голосъ до шопота:

— Сейчасъ я тебѣ что-то разскажу про этого солдата.

Отъ взволнованнаго шопота поповны на Чувикину повѣяло такою многозначительною таинственностью, такою угрожающею загадкою, что она, какъ стояла, такъ и замерла на мѣстѣ съ чашкой въ одной рукѣ и съ полотенцемъ въ другой.

— Что такое?—тревожно, недоумѣло и испуганно впорошали ея сильно вытаращенные, голубые глазки и по-дѣтски раскрытый алый ротъ.

Но поповна молчала, продолжая загадочно глядѣть на солдата и ждать, когда тотъ пройдетъ дворъ и скроется въ кухнѣ.

Наконецъ, дождалась и, подсѣвъ къ Чувикиной, все тѣмъ же таинственнымъ, пониженнымъ до шопота тономъ объяснила:

— Вчера вечеромъ, когда ты уже легла въ постель, я вышла на дворъ и случайно разболталась съ Татьяной. И она, знаешь, что мнѣ сообщила? Да что мужъ ея въ жандармахъ служилъ и сыскомъ занимался... Что студенты его убить поклялись, почему онъ Одессу бросилъ и сюда перевелся въ пограничную стражу, что онъ и сейчасъ бы не прочь сыскомъ заняться, да жаль, нѣтъ тутъ ничего подходящаго... Такъ какъ дѣло «дуже выгодное, и всѣ до-чиста начальники мужа дуже уважали»,—перешла вдругъ поповна на хохлацкій жаргонъ, смѣшно и очень похоже передразнивая жену жандарма.

«— До чего жъ винъ вумственный... и-и-и! Мати Божья! Какъ заболакаетъ, какъ загомонитъ!.. Усе до чиста понимаетъ!.. И што воно и къ чему, усе до чиста! И колибъ не порѣшили убить его, не по чемъ бы изъ Одесты не ушелъ»... Какъ это тебѣ нравится, а?—уже громко спросила она, переходя въ прежній свой тонъ, веселый и беззаботный.

Чувикина отозвалась не сразу. Все ея пухлое, бѣлое личико, съ дѣтскимъ ртомъ и изумленно-вытаращенными глазками, съ минуту сосредоточенно и озабоченно размышляло.

— Н-да-а! коллизія прелюбопытная, хотя и не совсѣмъ безопасная!—наконецъ, протянула она и тоже улыбнулась, но довольно сдержанно, сверкнувъ только бѣлыми мелкими зубами, а глазами попрежнему продолжая о чемъ-то озабоченно раздумывать.

— А знаешь?—вскрикнула поповна задорно,—я его распрошу, какъ онъ занимался сысками, честное слово!

— Еще что выдумай!—недовольно буркнула Чувикина.

И этимъ недовольствомъ, вытекающимъ изъ легонькой трусости, еще сильнѣе подзадорила свою озорную пріятельницу.

— Ей-Богу, распрошу! Честное слово!.. Вѣдь это же чортъ знаетъ до чего интересно!

Чувикина недовѣрчиво покрутила головой и сказала басовито и какъ-то особенно солидно, словно состарилась вдругъ лѣтъ на тридцать и въ мудрую бабушку превратилась.

— Ой, не нарвись!

Для пущаго вразумленія она даже коротенькимъ пальчикомъ пригрозила.

— Вѣдь сама-жъ ты говоришь, что онъ и сейчасъ не прочь былъ бы сыскомъ заняться...

— Ерунда!—нетерпѣливо вскрикнула поповна.—И, наконецъ, онъ самъ все разболтаетъ, только затронь его, я въ этомъ увѣрена; «бо дуже винъ рѣчистый»... Слыхала, какъ онъ третьяго дня передъ хозяйкой насчетъ войны ораторствовалъ?

— Нѣтъ. А что, интересно?

Поповна, сдѣлавъ глупую и разудалую физіономію, звучно дернула носомъ и ухарски мотнула головой, передразнивая солдата съ такимъ же талантомъ, съ какимъ только что передразнивала его жену Татьяну.

— Японцы эти самые,—начала она выбрасывать слова скороговоркой безъ знаковъ препинанія,—какъ есть самые язычники. Такъ что настоящіе, которые едолопоклонники. Жертвоприношеніи богамъ ихнимъ, едоламъ—первое у нихъ дѣло! Сейчасъ, это, живого человѣка—разъ! разъ! По животу ножикомъ. Прозывается это у нихъ кари-кари. Кишки собакамъ, а прочее которое тѣло, корпусъ, значитъ, голову, тамъ и туловищу богамъ волокутъ... Такъ что на зарѣзъ идутъ русскіе наши, которые плѣнные... очень даже многіе страдаютъ...

Чувикина возмущенно сплюнула.

— Вотъ идіотъ-то!—сказала она полусердито.

— Нѣтъ, онъ только поэтъ и горячій темпераментъ, и какъ таковой, сильно увлекается и въ увлеченіи собственную фантазію выдаетъ за правду.

— Все же я тебѣ совѣтую не задирать его. Ну, его къ чорту! Затронешь, не отвяжешься! Какъ начнетъ интересоваться—кто мы? да что мы? да зачѣмъ? да откуда? Сама не рада будешь...

Но благоразумный совѣтъ Чувикиной-бабушки на этотъ разъ пропалъ даромъ.

*

III.

Любопытная коллизія.

Какъ нарочно въ ту самую минуту, когда поповна уже въ пятый или въ шестой разъ готова была завѣрить, что «это чортъ знаетъ до чего любопытно»,—въ ту самую минуту солдатъ снова появился на дворѣ, и озорная затѣя поповны сама собою перешла въ дѣло.

— Жуковъ! вы свободны сейчасъ? Можете съ нами поговорить?—вдругъ пропѣла поповна, обратившись къ солдату съ милой фамильярностію провинціальной простушки, немножко невоспитанной, немножко отъ природы придурковатой.

И солдатъ откликнулся на это лестное для него предложеніе именно такъ, какъ поповна и предсказывала. Онъ мгновенно весь просіялъ, точно именинникъ, молодцовато тряхнулъ головой и выкрикнулъ громко, съ готовностью, стремительною и радостною.

— Могу, госпожи! Чего изволите?

И, свернувъ съ дорожки, ведущей къ калиткѣ, двинулся влѣво къ «постоялкамъ», игриво срывая по пути головку чобора, растираая чоборъ въ рукѣ и съ чувствомъ его нюхая.

Чувикина не столько отъ страха, сколько отъ неловкости, отъ неумѣнія быстро приспособляться къ различнымъ положеніямъ жизни, нервно раскашлялась, раскраснѣлась и суетливо кинулась снова перемывать только что перемытыя чашки, стараясь не глядѣть ни на солдата, ни на безшабашную пріятельницу свою.

За то поповна разомъ же почувствовала себя въ своей новой роли легко и вольготно, какъ рыба въ водѣ.

Округливъ глаза и сжавъ тонкія губы сердечкомъ, что должно было выразить крайнюю наивность и такую же крайнюю невинность, поповна мигомъ согнала со своего узкаго и длиннаго лица лукавое озорство и ядовитую насмѣшку. И жеманясь по мѣщански, начала голосомъ пѣвучимъ и сладкимъ, безобразно растягивая слова и уродуя ударенія:

— Ужъ оченно Жуковъ интересно съ вами поговорить. Намедни слыхала я, какъ вы хозяйкѣ про японцевъ-то разсказывали, такъ даже диву далася: вотъ солдатъ-то, думаю, такъ солдатъ! Все понимаетъ лучше любого генерала... все до чиста объяснить можетъ, и что оно, и какъ, и къ чему все понимаетъ, лучше барина!..

Жуковъ, неловко переминаясь съ ноги на ногу, вопросительно хлопалъ круглыми глазами и ухмылялся пока еще не совсѣмъ рѣшительно, однимъ угломъ губастаго рта, обнажая острый, какъ у волка желтый клыкъ. Такъ какъ онъ еще не сообразилъ вполнѣ, чѣмъ заинтересовалъ «постоялокъ» и что ему надо дѣлать, чтобы этотъ интересъ оправдать, то и чувствовалъ себя нѣсколько скон-

фуженно, несвободно. И отъ конфуза, впрочемъ, самаго легкаго, скорѣе пріятнаго, чѣмъ непріятнаго, слушая поповну, усиленно хлопалъ глазами и старательно нюхалъ чоборъ.

Поповна же разливалась:

— Ужъ оченно вы умственный, да право слово! И намъ, вотъ, съ нею (кивокъ въ сторону Чувикиной) страсть до чего занятно умнаго человѣка послушать. Какъ живемъ мы съ нею въ глуши, почти что съ медвѣдями, она вонъ, при тетенькѣ-купчихѣ въ Звенигородѣ, а я при папашѣ священникѣ въ деревнѣ, то и выходитъ, что хоть грамотныя мы обѣ, въ сельскихъ школахъ учились, а не знаемъ ничего, что на свѣтѣ дѣлается.

Солдатъ, наконецъ, самодовольно крякнулъ и игриво отбросилъ смятый чоборъ въ сторону.

— Что касаемо одобреній характеру нашему, — началъ онъ самоувѣренно, уже совершенно овладѣвая собою и освобождаясь отъ всякаго стѣсненія, — то намъ не въ первой объ этимъ слышать... Такъ что отъ особъ даже замѣчательныхъ и высокопоставленныхъ похвалы слыхали не однажды.

— Вотъ, вотъ! — радостно подхватила поповна, бросая на Чувикину торжествующій взглядъ.

Освободивъ отъ подноса съ посудой табуретку, она подняла ее и подала солдату трепетными руками.

— Садитесь, Жуковъ! — попросила она ласково, почти нѣжно.

— Вахмистръ Жуковъ, — поправилъ солдатъ не безъ гордости.

Взялъ табуретку и разсѣлся не только непринужденно, но даже нахально, ухарски сдвинувъ картузъ на затылокъ и сильно раскарячивъ толстыя, какъ у слона, ноги, обтянутыя синими штанами.

У вахмистра была маленькая черноволосая голова на короткой бычьей шеѣ. Круглая, толстая рожа. Нахальные черные усы закрученные, какъ у штабныхъ писарей. Тупыя, широкія и короткія, далеко разставленныя одна отъ другой и какъ бы удивленныя брови. Лакейскою пошлостью дышали его изсиня-бѣлыя, чисто на чисто выбритыя щеки и подбородокъ. Идеально-нагло глядѣли свѣтлые и выпуклые, какъ у рака, глаза, почти безъ рѣсницъ и съ крупнымъ зрачкомъ прямымъ, открытымъ, но не острымъ, но не зоркимъ, а, наоборотъ, слѣпымъ и тупымъ, какъ у кабана. Отъ всей его молодцоватой, цвѣтущей, здоровенной фигуры въ щегольскомъ солдатскомъ нарядѣ — въ бѣлоснѣжной рубахѣ, въ отличныхъ синихъ штанахъ, ловко обтягивающихъ мускулистыя ляжки, въ блестящихъ, словно налакированныхъ сапогахъ, и въ маленькомъ, въ чехлѣ, картузикѣ, вѣяло животной сытостью и несокрушимымъ самодовольствомъ.

— Вѣдь, вотъ, жена ваша вчера мнѣ разсказала, что студенты васъ убить поклялись,—начала поповна медвяннымъ голосомъ, и тотчасъ же солдатъ перебилъ ее бравымъ выкрикомъ:

— Точно такъ! Совсѣмъ, было, подлецы изничтожили!

На что поповна слабо ахнула и перекрестилась жестомъ набожной просвирни.

— Страсти-то, страсти какія, Господи! Да за что же это они, озорники этакіе, а?

Она возмущенно развела длинными руками, исподлобья метнула вороватый взглядъ на Чувикину и тотчасъ же отвернулась отъ нея глубоко-удовлетворенная.

Чувикина, несмотря на неспособность къ актерству, на этотъ разъ тоже вдругъ «заиграла» къ великому удовольствію поповны.

Подперевъ пухлую мордочку кулакомъ, Чувикина сидѣла за столомъ дура-дурой, моргала глазками несмышленно, совсѣмъ по куриному, и улыбалась отнюдь не насмѣшливо, а кротко и умилительно, какъ и подобаетъ сельской дѣвицѣ, живущей «при тетенькѣ».

— Вѣдь вотъ мы и газеты иной разъ читаемъ, а что къ чему и не понимаемъ,—продолжала нагло врать поповна, стараясь разъ и на всегда укрѣпить Жукова на тотъ счетъ, что передъ нимъ—двѣ дурочки, двѣ захалустныя кувалды, наивныя полубарышни-полумужички, которыя въ жизни рѣшительно ничего не смыслятъ, но которыя смыслить все же желаютъ и даже «до чрезвычайности». И только вслѣдствіе этой круглой необразованности своей, да еще неутолимой жажды быть образованными,—онѣ даже и за простого солдата рады ухватиться, лишь бы поучиться уму-разуму.

— Иной разъ прочтешь въ «Листкѣ», что студенты взбунтовались. А почему? А отчего? И неизвѣстно. Сунешься къ благочинному — онъ у насъ считается въ деревнѣ первымъ умникомъ, — а тотъ самъ ничего не понимаетъ: ни бе, ни ме, ни кукуреку...

Жуковъ снисходительно улыбнулся и поглядѣлъ на дѣвицъ высокомѣрно даже до презрѣнья.

— Священники... развѣ-жъ они понимаютъ что касаемо политики?!—вопросилъ онъ холодно и надменно.—Не токмо что священники, но и многіе господа которые городскіе и даже въ высокихъ чинахъ, примѣромъ,—доктора тамъ, али инженеры и учители разные, и тѣ ничего ровно въ дѣлахъ политическихъ не смыслятъ. Потому, госпожи,—продолжалъ онъ учительно и строго до послѣдней степени,—тутъ секретъ... Такъ что тайна государственная. И знать объ этой тайнѣ дадено только намъ однимъ да еще сыскному. Такъ что ни тебѣ губернаторы, никакіе что ни на есть генералы и даже министры и сенаторы которые,—и тѣмъ не да-

дено знать того, что намъ да сыскному. Что только жандармы да сыскное порѣшатъ, такъ тому и быть. Политика и тому подобное касаемо государства безопасности...—пустился было вахмистръ въ отвлеченности, но хитрая поповна ловко перебила его, стараясь краснорѣчіе его направить на предметы для Чувикиныхъ болѣе любопытные, чѣмъ «политика и тому подобное» вообще.

— Какъ же это случилось, что студенты васъ убить порѣшили?—спросила она горестно.

— Да усмирялъ я ихъ, — пояснилъ Жуковъ небрежно, вынимая портабакъ и снова закуривая.

— Мнѣ начальство поручило всѣхъ ихъ до единаго нагайкой перепороть,—прихвастнулъ Жуковъ,—ну они и того...

Жуковъ жадно затянулся папиросой и, набравъ дыму полонъ ротъ, сталъ медленно выпускать его колечками.

— Мнѣ начальство такія дѣла поручало, что меня весь Одессъ зналъ. Какъ градоначальника, такъ точно и меня,—объявилъ онъ побѣдно, чуть-чуть угрожающе тараща глаза и важно надувая бритыя щеки.

— И ужъ ненавидѣли же меня студенты! — вскрикнулъ онъ радостно и самовлюбленно. — И-и-и-,батюшки мои! Ровно собаку бѣшеную ненавидѣли и боялись. Одинъ разъ такой случай былъ...

Онъ кашлянулъ въ кулакъ, словно пѣть собирался, привалился спиною къ краю стола и закинулъ одну вонючую ногу на другую.

IV.

Мѣстовъ нѣту!

— Взбунтовались это они подлѣ ниверситета... Жиды больше... Ну, конечно, сейчасъ же за нами... Я, это, впереди всѣхъ за мѣсто офицера... командую, ору, кричу... Строгій я былъ-страсть до чего!.. лютый, какъ звѣрь... Распалюсь, это, и не подходи!.. Одного ихняго жиденка ахнулъ. Схватилъ ревóльверъ да по башкѣ его трахъ! Знамо дѣло чубурахнулся со всѣхъ ногъ. А жиды-то всѣ до чиста и набросились на меня. У всѣхъ у нихъ палки съ ножами: съ виду палки, а какъ учнутъ бунтовать, такъ палки въ ножи оборотятъ и давай ими жандармовъ да полицейскихъ тыкать. Подскочили это они ко мнѣ всѣмъ кагаломъ и давай ширять и сзаду-то, и спереду и съ боковъ. Исширяли всего, ровно рѣшето! Кровь это съ меня фонтаномъ бьетъ... Ну, конечно, въ больницу свезли: съ мѣсяцъ провалялся. А студенты тѣмъ временемъ письмо къ намъ въ правленіе пишутъ: «подымется, молъ, выйдетъ на улицу, убьемъ какъ собаку. Такъ, молъ, и знайте...».

Жуковъ ухарскимъ жестомъ сдвинулъ фуражку на затылокъ и жадно затянулся папироской.

— А чего же студенты взбунтовались?—перебила его поповна.

— А чего они вообче бунтуютъ? Извѣстное дѣло—изъ самолюбія!—объяснилъ Жуковъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

— Самолюбивы они всѣ до чего, и-и-и! батюшки мои! Особливо жиды. Примѣромъ такъ: кончаютъ они свою училищу, университетъ, либо ниститутъ, а мѣстовъ нѣту. Ни тебѣ слѣдователей, ни прокуроровъ, ни докторовъ... Всѣ, какія есть мѣста у правительства, всѣ до чиста позаняты, а новымъ то, значитъ, дѣваться и некуда. Ну, сейчасъ же это недовольствіе, бунтъ. «Почему такое мѣстовъ намъ нѣту?»—кричатъ. «Чтобъ были мѣста! Знать того не хотимъ, что позаняты!.. Такъ что мы въ емназіяхъ по 8-ми лѣтъ сидѣли да въ университетѣ пять—и болѣе того ждать не намѣрены!». А гдѣ-жъ ихъ возьмешь, мѣстовъ то? Жди, когда какой слѣдователь или прокуроръ умретъ, а то заболѣетъ... Ну, извѣстно, сейчасъ же безобразіе, бунтъ... Сейчасъ, это, первымъ дѣломъ, высчее начальство ругать, костить на чемъ свѣтъ стоитъ: такіе-то и сякіе, и дураки-то, и прохвосты, и грабители, и негодяи и тому подобное. Сейчасъ это разные прокламацыи сочинять на счетъ того, что начальство, быдто бы, все себѣ забираетъ, всяческія тамъ почести и богатства, а имъ, вишь, шишъ съ масломъ!.. Ну, и къ рабочимъ это у нихъ первое дѣло, къ мужичкамъ обращеніе.

— Къ мужичка-амъ?—вскрикнула поповна, но на этотъ разъ уже безъ всякаго старанья въ игрѣ, отчего удивленье и возмущеніе вышло у нея такимъ неудачнымъ, грубо-шаржированнымъ и такимъ потѣшнымъ, что Чувикина едва удержалась отъ смѣха.

Но Жуковъ и тутъ не замѣтилъ мистификаціи. Упоенный самимъ собою, собственною «умственностью», онъ продолжалъ по прежнему хвастливо и безапелляціоно:

— Я дѣла эти политическія всѣ до чиста—во какъ произошелъ!—показалъ онъ здоровенный, волосатый кулакъ, словно «всѣ до чиста», какія только есть на свѣтѣ «дѣла», въ одномъ его кулакѣ были зажаты.

— Я и по сыскной части и по обыскамъ большой былъ мастеръ...

При этихъ словахъ обѣ дѣвицы разомъ, точно по командѣ, поджались, насторожились и на время даже «игру» свою забыли, цѣликомъ уйдя въ слухъ и зрѣніе.

V.

Маскарады.

— Къ примѣру, открыть тамъ типографію подпольную, либо заговоръ какой... Ну, сейчасъ это, начинаешь бросаться туда-сюда.

Разговариваешь съ однимъ, съ другимъ. Переодѣваешься въ разные наряды, въ родѣ какъ бы маскарадъ. Такъ обрядишься, что, вотъ, къ примѣру взять: сижу передъ вами, говорю съ вами, а вамъ и не въ домекъ—кто такой? Такъ себя раздѣлаешь подъ орѣхъ—жена не узнаетъ! У насъ въ правленіи этихъ самыхъ париковъ да разной одежи—пропасть! Есть шубы по тыщи рублей цѣною. И очковъ этихъ разныхъ. и шапокъ, и шляповъ—пропасть! Завались—одно слово!

— Хорошо. Искали у насъ какъ то типографію подпольную... Искали-искали, и нѣтъ тебѣ нигдѣ. А я возьми да и скажи какъ то полковнику: «вотъ, молъ, невидаль-то какая, не отыскать чтобъ! Да это даже невозможно! Поручили бы мнѣ—въ одинъ день отыскалъ бы!» А полковникъ поглядѣлъ на меня суръезно такъ и говоритъ: «Хорошо, вахмистръ. Я доложу объ тебѣ генералу». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Вызываетъ меня генералъ: «Ты, говоритъ, вахмистръ, обѣщался отыскать типографію?»—«Точно такъ, говорю, ваше превосходительство!»—«А найдешь?» А я ему на это: «Не могу того точно объявить, такъ что все отъ Бога. Но одначе взяться возьмусь даже съ моимъ удовольствіемъ!» «Хорошо,—говоритъ генералъ.—Отпустить ему, сколько онъ желаетъ. Скольки,—спрашиваетъ,—желаешь, Жуковъ, на дѣло?» «А скольки потребуется. Пока што, пожалуйте пятьсотъ рубликовъ»...

Жуковъ на мгновеніе спохватывается и смолкаетъ, очевидно, самъ пораженный размѣромъ суммы, спрошенной имъ у генерала. Толстая бритая рожа его слегка вытягивается и въ тупыхъ, круглыхъ глазахъ, вмѣстѣ со звѣрскою жадностью, вспыхиваетъ еще что то пугливое и недовѣрчивое.

Но замѣшательство длится всего мгновеніе. Вахмистръ быстро овладѣваетъ собою и продолжаетъ:

— Взялъ я это деньги и сейчасъ же двинулся на толкучку. Купилъ себѣ самый что ни на есть поганый—распоганый хохлацкій нарядъ: рубаху грязную, холщевую; шапченку рваную, шаровары дегтемъ вымазанные... такіе, что въ руки взять противно, а не токмо что на тѣло надѣть. Прихожу въ правленіе и парикъ себѣ стариковскій требую. Хорошо.

Жуковъ быстро и жадно докурилъ папироску и началъ тономъ уже пониженнымъ, таинственно и загадочно улыбаясь:

— А съ недѣлю тому назадъ такой случай вышелъ. Пришелъ я къ куму своему, столяру на именины. Стали пить, ѣсть... разговаривать... то да се... Былъ тамъ у него еще одинъ гость, мужичекъ изъ имѣнія барскаго. И вдругъ мужичекъ то этотъ мнѣ и говоритъ: «вотъ ты, кавалеръ, все со студентами воюешь. А у насъ въ имѣніи этого самаго студента—пропасть. Кажную недѣлю изъ города къ намъ валятъ. Не двойками, не пятками,

а прямо десяткамн». «А зачѣмъ?»—спрашиваю. «А кто-жъ его знаетъ. Пріѣдутъ, побудутъ съ бариномъ нашимъ и обратно въ городъ... Иной разъ человѣкъ по тридцать». Я это ничего не сказалъ. Только на носъ себѣ намоталъ... Хорошо. Являюсь къ полковнику. «Дозвольте, вашескородіе, на станцію Цыгановку съѣздить». «А зачѣмъ?» — спрашиваетъ полковникъ. «Да,—говорю,—рыба, вашскородіе наклевывается». Какая такая рыба—бѣлуга-ли, осетеръ-ли, или еще какая другая—не могу того точно объяснить, но только наклевывается. Засмѣялся полковникъ, любилъ онъ меня. «Хорошо,—говоритъ.—Ты у насъ, вахмистръ, башковитый! Поѣзжай!». Ну, вотъ мужичкомъ-то тогда и обрядился!—радостно объявилъ Жуковъ со смѣхомъ.

— Пріѣхалъ на станцію, лѣзу въ первый классъ, словно бы ничего не понимаю, какъ есть я мужикъ необразованный, а кондукторъ меня по шеѣ. Ну, думаю, аккуратно обрядился, никто не узнаетъ, а кондукторъ даже по шеѣ... гы-гы-гы!—заржалъ Жуковъ весело и самодовольно.

Дѣвицы тоже разсмѣялись, но далеко не весело. Однако, тотчасъ же обѣ снова насторожились, глядя на Жукова во всѣ глаза, жадно хватая каждое слово его.

— Пріѣхалъ въ имѣніе. И первымъ дѣломъ къ дворнику, Алексѣю, къ хохлу-то самому, что у столяра на именинахъ былъ. Тотъ глаза вытаращилъ, ничего не понимаетъ—какой такой человѣкъ пришелъ. А я бороду сорви да сейчасъ же и откройся.

Жуковъ хитро прищурилъ лѣвый глазъ, а правый уродливо расширилъ и зашепталъ тономъ страшнаго заговорщика:

— Слушай,—говорю,—двѣсти рубликовъ заработать желаешь? «Эге,—отвѣчаетъ хохолъ.—Кто-жъ отъ такой благодати откажется? Двѣсти рублей не 20 копѣекъ»!—«Ну, такъ вотъ, говорю, сейчасъ же мнѣ разсказывай, что оно тамъ и какъ. Когда студенты пріѣзжаютъ, что они у васъ дѣлаютъ»?—«А, говоритъ, все что-то по своему балакаютъ... всю ночь балакаютъ, а днемъ спятъ».—«Такъ»!—говорю самъ-себѣ. «Это намъ дѣло очень даже хорошо извѣстно, когда ночи въ разсужденьяхъ проводятъ замѣсто того, чтобы спать».

— Теперь братъ, вотъ что: какъ только это они соберутся, такъ сейчасъ мнѣ телеграмму давай. Ты телеграмму, а я двѣсти рублей тебѣ привезу, понялъ? «Понялъ,—отвѣчаетъ,—Только какъ же быть-то? Не одинъ вѣдь я выдавать должонъ, но еще и лакей и садовникъ... они-жъ тоже все знаютъ». «Ну, говорю, и имъ тоже по 200 цѣлковыхъ». «А гдѣ-жъ,—спрашиваетъ,—ты столько денегъ наберешь»?—«А это ужъ ты, дядько, не безпокойся: въ казнѣ денегъ много! На наше дѣло отпускаются не милліоны даже, а милліарды и квадрильярды... Трать сколько хочешь, лишь

бы корона въ цѣлости была. Такъ что не сумлѣвайся, деньги будутъ»!

— Пріѣзжаю въ городъ. Докладываю полковнику. Тотъ докладываетъ генералу. Генералъ сейчасъ же совѣтъ собираетъ. Обсуждаютъ, сговариваются и рѣшаютъ накрыть. Зовутъ меня сызнова. «Разсказывай, вахмистръ, еще разъ». Я разсказалъ.— «Такъ,—говоритъ генералъ,—ждешь телеграммы»?—«Такъ точно, ваше превосходительство, въ ожиданіи».—«Ну, ожидай! И какъ получишь, сейчасъ же неси мнѣ». Отпустили меня. А черезъ недѣлю и телеграмма. «Пріѣзжай»! Сейчасъ я своимъ донесъ. И сейчасъ это они всѣ кинулись переодѣваться. У насъ это завсегда такъ,—учительно объяснилъ Жуковъ,—переодѣваются въ вольное платье, ежели на дѣла идутъ. Переодѣваются кто кѣмъ: кто бариномъ нарядится, кто купцомъ, а кто священникомъ. Ѣдемъ всею кучею. А до станціи доѣхали и въ разсыпную, чтобы, значитъ, не примѣтно было. Къ имѣнію двинулись, кто какъ: кто на лошадяхъ, кто пѣшкомъ, кто къ лѣсу потянулъ, а кто полемъ пошелъ. Подошли къ имѣнію совсѣмъ уже въ сумеркахъ. Сошлись всѣ тутъ, да къ дворнику въ хату. Тамъ усѣлись и, не зажигая огня, дождались ночи. А ночью всѣ и нагрянули. Ну, сейчасъ же все и накрыли: сочиненія разныя, и вообще все... Человѣкъ двадцать накрыли тутъ, а прочихъ уже по ихъ слѣдамъ похватали...

VI.

Умнѣе даже князя!

Острое, напряженнее вниманіе слушательницъ великолѣпно помогало «башковитому» вахмистру развернуться во всей своей красѣ и силѣ. Необузданная фантазія его полыхала. Краснорѣчіе казалось неистощимымъ. Его словно прорвало, и онъ говорилъ, говорилъ безъ конца! Едва только кончалъ одну исторію, какъ тотчасъ же начиналъ другую, какъ будто мысленно поклялся заговорить Чувикиныхъ на смерть.

— Однажды послали меня обыскивать князя Черкасскаго,— началъ онъ, даже не передохнувъ послѣ исторіи съ типографіей.— Богачъ, именитый... Иду, это, я, какъ водится, ночью. Обыскиваютъ всегда по ночамъ,—скороговоркой, какъ бы мимоходомъ, бросилъ онъ поповнѣ тономъ строгаго учителя.—Хорошо. Внизу, на лѣстницѣ, полицію оставилъ, а самъ поднялся наверхъ и стучусь въ дверь. И сейчасъ же громко этакъ и серьезно сказалъ слова, которыя полагаются. Надо завсегда, какъ только къ дверямъ подходишь, такія слова говорить,—снова вставилъ онъ назидательно, но на этотъ разъ обращаясь уже къ Чувикиной. «По указу Его Императорскаго Величества долженъ я обыскать

васъ»—заревѣлъ вахмистръ грозно, стараясь внушить слушательницамъ уваженіе не только къ смыслу, но даже къ звуку магическихъ словъ.

Сказалъ эти самые слова и ужъ тогда будь покоенъ: кто бы онъ тамъ ни былъ, хоть расграфъ какой, раскнязь, а отворить должóнъ... Только скажи это самое слово: «По указу»... Ежели не отворитъ—имѣешь полную праву въ щепы весь домъ разнести, и ничего тебѣ не будетъ! Скажи только: «По указу»... А ужъ тамъ ломись, какъ только душѣ твоей угодно. Самъ генералъ-губернаторъ, али тамъ министръ, либо сенаторъ не смѣетъ ослухаться даже простого солдата, ежели только дадено ему это самое слово... «По указу» и конченъ балъ!.. Отпирай! Не то дверь съ петель сорву и весь домъ въ щепки разнесу...

Отъ сознанія собственнаго всемогущества Жуковъ даже взопрѣлъ весь. И свирѣпо вращая бѣлками глазъ и раздувая ноздри, онъ порывисто выхватилъ изъ кармана ситцевый платокъ съ красной каймой и принялся имъ отмахиваться, точно вѣеромъ.

Отъ большого, разгоряченнаго и потнаго тѣла его сильно запахло козой. И неподвижныя до той минуты, ошалѣлыя слушательницы, словно по уговору, поднялись и отодвинули свои табуретки на шагъ дальше, дабы оградить себя отъ отвратительнаго запаха, разносимаго вѣеромъ могущественнаго вахмистра.

— Отворилъ мнѣ дверь самъ князь. Я, это, только что морду въ дверь просунулъ и началъ: «По указу»... какъ онъ меня—разъ по щекѣ! А я, не будь дуракъ, вскочилъ въ переднюю со всѣми нашими, да сейчасъ же, первымъ дѣломъ, схватилъ князя за грудки, вотъ такъ (Жуковъ показалъ, какъ), да объ земь! Да ногами... Ужъ я его тузилъ-тузилъ, возилъ-возилъ, насилу опамятовался. А, опомнившись, подумалъ: «Ежели же я его невзначай убью, то еще, пожалуй, съ меня же и взыщется... очень даже просто! Потому какъ убивать мнѣ его было не дадено, а только штобъ обыскать»... И сейчасъ же это оборотился по другому и всякое приличіе благородства припомнилъ... которыя, значитъ, къ чему слова... Такъ что очень даже насъ всѣхъ, обучаютъ вѣжливостямъ... И говорю это ему: «Дозвольте, сдѣлайте вамъ такое одолженіе, ваше сіятельство, ключики отъ вашего письменнаго стола, а сами потрудитесь посидѣть вотъ тутъ, на диванчикѣ! Будьте столько добры, сдѣлайте вамъ такое одолженіе»!

Однимъ словомъ, обошелся, какъ должно, прилично и благородно, какъ будто ни онъ меня по мордѣ не съѣздилъ, ни я его чуть до смерти не укокошилъ. А князь это едва дышитъ... Вся морда въ крови, и ротъ разинулъ, ровно рыба дохлая. Хрипитъ, изъ рота кровь. Упалъ на диванъ, и какъ мертвый. А мнѣ наплевать!.. Я взялъ у него ключи и занялся своимъ дѣломъ... Началъ искать... Ну, и сразу же увидалъ, что бумаги и книги подозри-

тельныя... Собрали мы все съ околоточнымъ, сгребли въ кучу и начальству представили все въ аккуратѣ. Князя, конешно, арестовали. За бумаги его судили. А онъ на судѣ-то, передъ прокуроромъ и генераломъ только одно и кричитъ, што, молъ, не потерплю обиды отъ хама... Это отъ меня, тоись!—радостно пояснилъ Жуковъ.

— Вызвали это меня на судъ. «Какъ было дѣло»? спрашиваетъ предсѣдатель. «А такъ, говорю, что ударимши они первые... допрежъ меня, тоись, по физіогноміи. А ужъ потомъ того и я ихъ толконулъ маленько, обороняясь. Я только что просунулъ голову въ дверь, только что, Господи благослови!—разинулъ ротъ: «По указу», а они меня и хвать по личности. Ну, я тутъ и восчувствовалъ, что ударили не меня, а Государя Императора по физіогноміи. И, сама собою, возгорѣлось у меня сердце за начальство. Потому какъ я это самое слово сказалъ: «По указу»... Ежели бы не говорилъ того слова, тогда бы обиду принялъ на свой счетъ и перенесъ бы ее послушно, какъ есть я простой солдатъ, а они князь... Но какъ слово было уже сказано, то и долженъ же я былъ за корону вступиться, за правительство? И, сама-собою, далъ сдачу!

— Тогда предсѣдатель обратился къ князю да и говоритъ: «какъ же это вы, князь, служебнаго человѣка ударили? Вѣдь не по своей же волѣ онъ явился къ вамъ, а по приказу начальства? Какое же это вы имѣете полное право начальство оскорблять? И выходитъ, значитъ, что вотъ онъ простой солдатъ, а умнѣе даже князя!»

Князь тутъ какъ закипитъ!.. Гордый, діаволъ!.. Потому—богачъ, милліонщикъ и къ тому же еще и титулъ. «Ежели же я сплю,—говоритъ,—то имѣю я полное право въ моемъ дому спокой чувствовать? А какая то чортова свинья ко мнѣ ночью ломится и въ моемъ собственномъ дому мѣшаетъ мнѣ спать! То долженъ же я свинью по мордѣ палкой съѣздить, али нѣтъ»?

А я ему, князю то, на это и отлилъ пулю:

«Коли, ежели свинья, говорю, заходитъ въ чужой огородъ, то ее бьютъ палкою. Это, дѣйствительно, точно такъ. Но огородъ то былъ не чужой для меня. Съ той самой секунды, какъ я сказалъ: «по указу»—уже огородъ то мой, выходитъ, правительственный, тоись, а не князевъ. А князь этого не допущаетъ и все лѣзетъ распоряжаться въ чужой огородъ. Такъ что свинья, которая лѣзетъ въ чужой огородъ носомъ картошку ковырять... Ну, я и взялъ палку и, конешно, свинью прогналъ... отъ картошки, тоись»... Судьи тутъ, предсѣдатель и прочіе, такъ и покатились со смѣху!.. Даже за животики ухватились, до того я ихъ распотѣшилъ! «Ну, говорятъ, вахмистръ, ступай съ Богомъ! Хоть ты и солдатъ, а долгъ службы понимаешь прекрасно. И

умѣе выходишь даже князя!» Князя сослали въ Сибирь за бумаги на три года, а мнѣ за побои хоть бы што... А студенты и прочіе образованные господа, князевы-то знакомые, стали мнѣ письма писать, что, молъ, убьемъ, какъ собаку...

VII.

Морозова сынъ.

— Однако, и опасная же ваша должность,—сказала поповна для того только, чтобы не молчать.

Обыкновенно молчаніе, наступавшее на одну—другую минуту разомъ напоминало поповнѣ объ ея «роли», которую ей играть уже давно надоѣло, но и не играть, быть самой собою, тоже было отвратительно. И едва только Жуковъ закрывалъ ротъ, какъ она новымъ вопросомъ или замѣчаніемъ гнала его, и безъ того стремительнаго въ своемъ безудержномъ краснорѣчіи, все дальше и дальше.

— Опасная должность, что и говорить,—живо отозвался вахмистръ и еще живѣе продолжалъ:

— Но и веселая, одначе!.. Ужасть до чего веселая, занятная! Сколько этихъ разныхъ приключеніевъ—страсть!—тряхнулъ онъ головой лихо, въ настоящемъ упоеніи.

— Поручили мнѣ однажды слѣдить за однимъ богатымъ евреемъ, Бегманъ, по фамиліи... Хорошо. Куда Бегманъ, туда и я... У насъ такіе есть, что только тѣмъ и заняты, что слѣдятъ за подозрительными. Называются они филеры. Филеръ должонъ васъ съ глазъ не спускать. Вы, къ примѣру, на базаръ, и онъ на базаръ. Вы въ аптеку, и онъ за вами въ аптеку. Вы въ гости, и онъ слѣдомъ за вами, по пятамъ вашимъ такъ и идетъ...

— Да зачѣмъ же?—удивилась на этотъ разъ уже Чувикина, дѣлая большіе глаза.

— А чтобы выслѣдить съ кѣмъ вы знакомы и кто къ вамъ подходитъ,—радостно объяснилъ Жуковъ.—И тотъ, кто съ вами знакомъ, тотъ ужъ попадаетъ подъ надзоръ. И за нимъ глядятъ. Да не токмо што за нимъ, а за его даже знакомыми, которыя съ вами совсѣмъ, можетъ, и не водятся. Филеръ должонъ все про человѣка знать: и какіе у него глаза, и какой носъ, и какая шляпа, и гдѣ вечера проводитъ... все до чиста! Между филерами ужасть до чего много извозчиковъ... Но только это—особъ статья, филеры эти самые. У нихъ—свое дѣло, а у насъ, жандармовъ, свое.

— Какъ же вы за Бегманомъ слѣдили?—нетерпѣливо и, едва уже скрывая раздраженье, перебила Жукова поповна.

— А сейчасъ, сейчасъ!—слегка виновато спохватился солдауъ.—Такъ вотъ... поручили мнѣ, я и началъ. По гостиницамъ, это, ѣзжу, какъ хорошій господинъ, по театрамъ всякимъ. Шуба

на мнѣ дорогая, часы, манишка, перчатки, шапка бобровая—все, какъ быть должно. Куда Бегманъ, туда и я. Деньгами это сорю, за все въ три дорога плачу, не разсчитываю, какъ вообче господа. Благо—денегъ дадено пропасть, сколько желаешь столько и трать...

Вотъ такимъ манеромъ сижу я однажды въ гостиницѣ, гдѣ Бегманъ со своей компаніей кутилъ. Сижу себѣ и тоже дорогія вина пью и отличными закусками закусываю. А самъ обряженъ... Подъ московскаго купца Морозова обрядился...

Хорошо. Сижу это. А они всѣ немного поодаль отъ меня кутятъ, смѣются, разговариваютъ. Только, это, одинъ изъ нихъ подходитъ и становится ко мнѣ задомъ. А у господъ, у которыхъ всякія понятія благородства, это первымъ невѣжествомъ считается, когда задомъ къ тебѣ стоитъ или сидитъ. И сейчасъ это господинъ то оборачивается ко мнѣ и говоритъ: «ахъ, извините, пожалуйста, што я къ вамъ задомъ!» А я себѣ продолжаю сидѣть солидно, и тоже быдто бы господинъ хорошій и всякое приличіе благородства постигаю не хуже его, отвѣчаю ему хорошо такъ, нѣжнымъ голосомъ: «Не безпокойтесь объ мене, пожалуйста, сдѣлайте вамъ такое одолженіе, продолжайте вашъ пріятный разговоръ!» И такъ я это ему понравился, что онъ подсѣлъ ко мнѣ да и говоритъ: «вы откедова?»—«Изъ Москвы», отвѣчаю.—«Какъ же вамъ фамилія?»—«А фамилія мнѣ Морозовъ... сынъ купца Морозова». Какъ услыхалъ, это, онъ, такъ сейчасъ же и бросился къ Бегману.—«Бегманъ, Бегманъ!—кричитъ,—твой товарищъ объявился, сынъ купца Морозова!» Тотъ сейчасъ же изъ за стола вскочилъ и кинулся ко мнѣ здоровкаться.—«Какимъ манеромъ вы здѣся?—спрашиваетъ.—А родители ваши какъ поживаютъ?»

— Ну, я, конешно, чтобы не прошибиться, отвѣчаю: «а незнаю, право слово, какъ мои родители поживаютъ. Такъ что ѣздилъ я въ Америку и только что оттедова вернумши, то и не могу вамъ объяснить про родителевъ моихъ». И сейчасъ же, не долго думая, началъ я порядки наши русскіе ругать, и министровъ, и государя костить, поношать на чемъ свѣтъ стоитъ: и такіе-то, говорю, и сякіе... и дармоѣды, и прохвосты. Ужъ я ихъ честилъ, честилъ!.. А Бегманъ то и радъ. «Вѣрно!—оретъ во всю глотку.—Молодчина Морозовъ! Всѣ они сукины сыны!» И тоже давай ихъ всѣхъ подъ орѣхъ раздѣлывать: и воры то, и грабители, и прохвосты. И всю нашу государству ограбили да прогуляли съ цыганками, да съ балетными арфянками...

Дѣвицы, наконецъ, не выдержали дольше пытки: гомерическій хохотъ вырвался сперва у поповны, потомъ у Чувикиной дикимъ, неистовымъ взрывомъ, громкимъ, звонкимъ и длиннымъ до того, что Жуковъ минутъ на пять долженъ былъ прервать повѣствованіе свое на самомъ интересномъ мѣстѣ.

И только до крайности влюбленный въ себя, «башковитый» вахмистръ, которому судьбою «дадено» было столь много, что онъ рѣшительно лишился способности сомнѣваться въ собственной проницательности хотя бы на мгновеніе,—только онъ въ хохотѣ Чувикиныхъ не почуялъ ничего другого, кромѣ чрезмѣрнаго восхищенія, чрезмѣрнаго восторга передъ необычайнымъ остроуміемъ и находчивостью купца Морозова.

Наконецъ, дѣвицы образумились, смолкли. И опять усѣлись чинно и впились въ Жукова плутовскими глазами, полными жаднаго вниманія.

И Жуковъ продолжалъ, улыбаясь удовлетворенно до послѣдней степени.

— Ругалъ, это, онъ, ругалъ начальство, а потомъ возьми, да и признайся: а я, говоритъ, портретъ царскій въ клочья изорвалъ. Раму изломалъ въ куски, а портретъ бросилъ и ногами затопталъ.

«Такъ!»—думаю себѣ.—Готовъ голубчикъ. И болѣе мнѣ съ тобою валандаться нечего. Поднялся да и говорю: «Что-й-то у меня голова закружилась! Пойтить, пройтись по колидору, что-ли»... Вышелъ и въ швейцарскую внизъ спустился.

А тамъ наши сидятъ. Я и говорю имъ: какъ только дамъ три звонка, такъ вы и являйтесь ко мнѣ наверхъ. Хорошо. Ворочаюсь въ залу. Подсаживаюсь опять къ Бегману да и говорю: «И что это за необразованная страна наша, такъ простоже ужасти! Такъ много въ государствѣ нашемъ разныхъ жуликовъ и мошельниковъ, что безъ револьвера и по улицамъ ходить невозможно!» А Бегманъ мнѣ на это: «Я самъ завсегда при револьверѣ». «А ну,—говорю,—покажьте-ка!» Онъ это сейчасъ же вынимаетъ изъ кармана и подаетъ мнѣ. Револьверъ дорогой, отличный... въ серебряной оправѣ. Я это держу его въ одной рукѣ разглядываю, хвалю, а самъ тѣмъ временемъ другую руку протянулъ къ звонку и...

Жуковъ вновь хитро сощурилъ лѣвый глазъ и уродливо расширилъ правый и показалъ пальцами, какъ онъ надавливалъ кнопку звонка, произнося при этомъ какъ то особенно игриво-ядовито: «и разъ! и два! и три!»

— Позвонилъ и жду. И все револьверъ быдто разглядываю. Наши сейчасъ же всѣ и ввалились въ залу, человѣкъ шесть и прямо ко мнѣ подходятъ. Бегманъ увидалъ, что дѣло что то не ладно да сейчасъ же за карманъ хватился, за револьверъ, тоись. Но я револьверъ поднялъ, нацѣлился въ него и говорю: «не безпокойтесь, сдѣлайте вамъ такое одолженіе, не тревожьтесь. Вотъ вашъ револьверъ, а вы собирайтесь-ка съ нами»... Тутъ онъ догадался, что я за господинъ такой, да какъ закричитъ, ровно бѣшеный: «Такъ ты не Морозова сы-ы-нъ! А ты сукинъ сы-ы-нъ! Убить, говоритъ, тебя, прохвоста мало!..»

Жуковъ блаженно заржалъ. Дѣвицы его дружно поддержали. И всѣ трое перестали смѣяться только тогда, когда вдругъ поповна озабоченно спохватилась, вспомнивъ, что не спросила у Жукова самаго интереснаго: какъ онъ женщинъ обыскивалъ.

VIII.

Самое интересное.

Но для «самаго интереснаго» Жуковъ уже усталъ, выдохся настолько, что разсказывалъ о немъ коротко, въ самыхъ общихъ чертахъ.

— Вотъ съ кѣмъ коммиссія-то была... съ бабами!.. Кричатъ это, визжатъ, ругаются!...

— «Вы,—говоритъ,—не смѣете! Какое такое полное право ваше, чтобы меня тревожить?» Всѣ они ведутъ себя гордо, заносчиво, ровно княгини какія. Ну, а я, конешно, безъ вниманія. Знай себѣ, дѣлаю, что требуется и никакихъ! А ежели какая раскричится не въ мѣру—пригрозишь хорошенько, и успокоится. Въ участокъ, молъ, отправлю, очень просто!

Сталъ какъ то одну обыскивать, а она въ постели. «Уходите!—кричитъ,—я встану!» «Вставайте,—отвѣчаю, а самъ ни съ мѣста.—«Но я при мужчиновъ не могу вставать!» «Тогда не вставайте. А подушечку вашу все-жъ таки намъ дозвольте осмотрѣть и матрацъ, и одѣяльце». И сейчасъ это городовой изъ подъ головы ея подушку—шаркъ! Потомъ матрацъ шаркъ!-шаркъ! Одѣяло, простыню .. все до чиста изъ подъ нея повыдергали. А она барахтается по голымъ доскамъ въ одной рубашенкѣ, почитай што голая и верещитъ тебѣ, ровно поросенокъ... Я же тѣмъ временемъ подушку полосую. По закону полагается два-три разрѣза, а я, бывало, исполосую всю вдоль и впоперекъ, всѣ перья повыпущу. И такимъ же манеромъ и съ матрацемъ, и одѣяло, ежели ватное, распорю... Такую контрабанду устроишь, бывало, что-мое почтеніе. «Изверги»!—кричитъ. «Нѣтъ на васъ переводу!» А я ей: «Покричи, покричи! Скажи хоть одно еще бранное слово, и ротъ перьями забью, а то и руки къ лопаткамъ полотенцемъ привяжу». Замолчитъ это въ злобѣ. А иная такъ даже заплачетъ...

— Да, должность ваша занятная!—сказала поповна усталымъ звукомъ, зѣвнула и скучно взглянула на Чувикину, какъ бы давая знать этимъ взглядомъ, что хорошее всегда дается понемногу, а тутъ дано очень много, и надо честь знать.

Но Жуковъ заговорилъ, и поповна опять потянулась къ нему, какъ желѣзо къ магниту.

IX.

Вродѣ какъ бы охота.

— Веселая должность, что и говорить. Въ родѣ какъ бы охота: такъ тебя всего и поджигаетъ. Нѣтъ дѣла, самъ его отыскиваешь. Сколько разъ бывало придешь въ трактиръ, либо на бульваръ, подсядешь, это, къ рабочимъ, а то къ семинаристамъ, а то къ чиновникамъ, къ разнымъ служащимъ. И ну государя ругать — министровъ, тамъ, сенаторовъ... Тѣ, конечно, слухаютъ. И которые ежели пугнутъ тебя городовымъ, либо вовсе кулакъ покажутъ... обидятся, тоись, за начальство то, то выходитъ, тутъ тебѣ работы никакой не будетъ, подымайся и уходи. Но ежели же начинаютъ тебѣ поддакивать — сиди и слухай и запоминай! Ежели же, которые не поддакиваютъ, а только молчатъ, сидятъ равводушно, такъ и тутъ дѣло твое непропаще: лови, братцы, примѣчай, записывай и слѣди... Должность, однимъ словомъ, бѣдовая. Тутъ надо умъ, да умъ. Толкъ да понятіе... Жалко, вотъ, что тутъ ничего нѣту. Ужъ я сколько разъ ночью вставалъ съ постели и по городу ходилъ... Гдѣ огонь, туда и я. Подойду къ ставнямъ и ну глядѣть въ щелочки. Только нѣтъ тутъ ничего сурьезнаго. Господа либо чай пьютъ, либо въ карты играютъ, такая досада!.. А то бы я себѣ и тутъ какое ни на есть дѣло отыскалъ...

Поповна глянула на Чувикину, Чувикина на Поповну и на мгновенія лица у нихъ у обѣихъ стали тусклыя, какъ у жалкихъ преступницъ. Но новый и на этотъ разъ ужъ послѣдній разсказъ Жукова подѣйствовалъ на нихъ, какъ живая вода...

X.

А въ концѣ концовъ страшно.

— Эхъ, ежелибъ я жизни своей не жалѣлъ, не почемъ бы тутъ не остался.. Безпремѣнно въ Одессъ маханулъ бы обратно, а то въ Москву, въ Питеръ... куда-нибудь, гдѣ дѣло есть.

— Да зачѣмъ же вы здѣсь, я все-таки не пойму?—спросила Чувикина.

— А какъ же бы я оставался въ Одессѣ, когда меня весь городъ зналъ? И сколько же разъ меня прикончить хотѣли? За однимъ ходилъ-ходилъ, а онъ возьми да и сними съ меня карточку, аппаратомъ, тоись... Снялъ, да на оборотѣ написалъ: «Въ Жандармское Правленіе. Ежели эта ваша собачка за мною по пяткамъ ходитъ, то упреждаю, что собачка будетъ убита». Вложилъ въ конвертъ и прислалъ намъ. Полковникъ поглядѣлъ и говоритъ: «Плохо твое дѣло, Жуковъ. И лучше тебѣ уходить отъ насъ. Поѣзжай изъ Одесса куда-нибудь». А я взялъ да и совсѣмъ ушелъ изъ жандармовъ. Потому дюже страшно... До той степени

страшно, што даже сна рѣшился и пищи. Все мнѣ сны такіе снятся, что быдто бы меня убиваютъ. Намедни встрѣлъ въ саду двухъ студентовъ—такъ сталъ вотъ какъ ваша кофта. Прибѣжалъ къ Татьянѣ, а она даже креститься отъ ужасти начала. Такъ что я какъ мертвецъ отъ страху. А студенты-то вовсе оказались безвредные. Я потомъ за ними поглядѣлъ, такъ очень даже несурьезные. Больше насчетъ барышень, а за политикой совсѣмъ даже не гонятся... Вотъ и живу тутъ въ пограничникахъ... Дѣло наше—за контрабандой слѣдить, а ея тутъ совсѣмъ и нѣту. И совсѣмъ отъ скуки хоть съ ума сходи. Толкнулся было къ жандарму. Здѣсь все же жандармъ приставленъ для политики и прочаго, ежели што окажется... Прихожу къ нему: «есть дѣла?—спрашиваю. «Какія, говоритъ, тутъ дѣла. Все тихо-смирно, все благополучно». И дуракъ радуется, что все тихо да благополучно. А настоящему жандарму, который умный и дѣло свое понимаетъ, то чѣмъ безпокойнѣе, тѣмъ лучше. Этотъ же дуракъ завелъ себѣ огородъ, корову, бабу, утокъ да свиней и радуется...

Жуковъ помолчалъ немного съ видомъ человѣка безъ вины виноватого, незаслуженно обиженнаго и, наконецъ, поднялся съ мѣста, рѣшивъ, вѣроятно, что послѣ всего сказаннаго ему уже положительно нечѣмъ больше щегольнуть передъ слушательницами. На прощанье онъ широко взмахнулъ рукою, изображая крайнее отчаяніе и такую же крайнюю удаль безшабашной натуры, и повторилъ.

— Ежелибъ не жалѣлъ своей жизни, удралъ бы въ Одессъ... Чего тутъ, въ этомъ городишкѣ?.. Со скуки сдохнешь!..

И улыбнувшись дѣвицамъ въ послѣдній разъ улыбкой побѣдителя, счастливаго своею побѣдою, онъ круто, по солдатски, повернулся и пошелъ отъ нихъ прочь...

XI.

Каково?!

А дѣвицы остались на своихъ мѣстахъ...

Минутъ десять сидѣли они, какъ ошалѣлыя...

Что то путанное, хаотическое, какъ кошмаръ, клубилось въ мозгу и въ сердцѣ.

И не то злиться хотѣлось до озвѣрѣнія, не то хохотать до истерики.

Было отвратительно, какъ послѣ сильнаго пріема рвотнаго.

И въ то же время ощущалось удовольствіе въ родѣ того, когда неожиданно цѣнную находку найдешь.

Въ общемъ же было изумительно до ошалѣлости.

И дѣвицы сидѣли неподвижно, съ лицами поблѣднѣвшими, какъ отъ угара, и изумленными, ошалѣлыми глазами какъ бы спрашивали одна другую: «Каково, а? Нѣтъ, ты только подумай—каково?»

А. Крандіевская.

---

*

ЗА ЧТО?

Памяти убіенныхъ.

I.

Свѣтлый радостный день. По глянцевитой спинкѣ чугунныхъ рельсъ плавно движется конка. Мѣрно стучатъ конскія копыта, звонко трубитъ рожокъ кучера. На площадку доносятся отрывки спора—слышится характерный акцентъ.

— Я васъ спрашиваю за что-о?

Еврейка порывисто поднялась съ мѣста.

Та, къ кому она обратилась, высокая дама, дородная и въ кольцахъ, брезгливо повела локтями, иронически улыбнулась, посмотрѣла заискивающе на своего сосѣда, худенькаго чиновника въ мягкихъ усахъ завитушкахъ. Онъ снисходительно осклабился,

— Что-о? Что вы говорите?—ребенка зарѣзали?—возмущалась еврейка, уже блѣдная отъ негодующаго волненія.

— Такъ это же неправда!—Вы слышите?—Женщина истерически всплеснула руками.

— Это во-первыхъ!—Еврейка сдѣлала удареніе на «во» и гнѣвно загнула указательный палецъ. Дама что-то отвѣтила, отвѣтила тихо, ехидно гримасничая и я только разслышалъ... всегда... невинны... какъ же...

— Ну скажемъ ужъ... скажемъ, что среди нашихъ нашелся злодѣй... нашелся разбойникъ... нашелся черный человѣкъ... и таки убилъ..

Чтобъ моихъ дѣтей такъ убили, если тутъ есть хоть капелька правды,—спохватилась еврейка.—Но скажемъ ужъ! Такъ рѣжьте этого душегуба... Хоть на мелкіе кусочки... А почему мы всѣ виноваты? За что на всѣхъ насъ нападаютъ?—Вотъ вы ужъ молчите. А-а? Вы уже не можете мнѣ отвѣтить...

Вагонъ движется, мягко стучатъ конскія копыта, протяжно трубитъ рожокъ и его густые звуки гармонично сливаются съ раковиннымъ гуломъ бодраго утра. Тротуары, мостовая еще сырая отъ обильной росы, усыпана желтыми блестками утренняго солнца. Живыя ленты праздничной толпы, изгибаясь, непрерывно

тянутся. Колышутся тонкія полосы красныхъ знаменъ, изъ открытыхъ оконъ, изъ балконовъ, убранныхъ яркими коврами, нѣжныя руки женщинъ сыпятъ цвѣтами. Бурныя привѣтствія... восторженные возгласы...

И вдругъ въ радостную гамму человѣческаго ликованья грубо ворвался тревожный слухъ, неясный и пугливый... Какъ похоронное покрывало передъ свадебнымъ кортежомъ, онъ угловато всталъ, угрожающе промелькнулъ. Скрылся—а за нимъ остался зловѣщій слѣдъ...

Спустя немного онъ снова пришелъ, окруженный жалкой свитой тревожныхъ шепотовъ, растерянныхъ бѣглецовъ. Отъ нихъ трудно, добиться, что собственно произошло, какъ и когда это случилось. Они скрылись въ самомъ началѣ. Еле успѣли выбраться, уйти... За ними гнались, гнались вооруженные... въ догонку посылали выстрѣлы. Все остальное и для нихъ не ясно... Но слово «погромъ» уже раздалось, произнесено увѣренно, точно. Говорятъ про человѣческія жертвы.

Мучительно не хочется вѣрить. Смущенный умъ строитъ утѣшительныя предположенія... быть можетъ простая драка... уличное столкновеніе... Напуганному воображенію, робкому воображенію еврея—легко, естественно преувеличить...

Къ вечеру сомнѣнья исчезли. Стали извѣстны подробности великаго, чудовищнаго злодѣянія...

Надо отправиться. Надо выбѣжать на улицу, властно остановить ликующихъ людей, закричать, заголосить на весь міръ... Нѣтъ силъ... Боюсь... Если это увижу, это красное чудовище съ огромной окровавленной мордой и лохматыми лапами—то, что называется «еврейскій погромъ», я потеряю самое цѣнное достояніе души—вѣру. Все мое сознаніе, какъ паутиной, опутано этой боязнью. Я уже разъ пережилъ этотъ темный ужасъ. Тогда за нѣсколько дней до Пасхи по городу стали носиться слухи о предстоящей бѣдѣ. Слухи были расплывчатые, жутко-таинственные, чудовищно-грозные. Никто не могъ объяснить, откуда они взялись, гдѣ, по какому поводу они возникли, кто ихъ пустилъ.

Подобно призракамъ, они были безъ формы, безъ очертаній, и какъ призраки, страшны по своей неуловимости. Никто имъ не вѣрилъ, и всѣ ихъ боялись...

Неотвратимые, какъ фатумъ, витали они надъ встревоженнымъ городомъ и съ каждымъ днемъ становились упорнѣй.

Тогда тоже, какъ теперь, было радостное утро, тоже свѣтлое, мирное, и тоже вдругъ пронесся тревожный шопотъ: «ой погромъ».

Куда-то бѣжала праздничная толпа, издали доносился рѣзкій гулъ съ глухими перерывами; побѣжалъ и я. Въ головѣ у меня

путалось. Сердце колотилось... замирало... Мысли медленно ползли, будто весь мозгъ былъ облитъ клеемъ...

Я бѣгалъ, останавливался, спутанно соображая, прислушиваясь, опять бѣгалъ и вдругъ повернулъ обратно. Въ моемъ сознаніи уже рисовались картины погрома, и я испугался. Мнѣ страшно стало встрѣтиться лицомъ къ лицу съ *этимъ*. Не за себя страшно. Нѣтъ. Напротивъ, у меня возникло непреодолимое желаніе самому попасть въ объекты разгрома: «вѣдь ихъ бьютъ, грабятъ, такъ пусть и меня»...

Испытывалъ въ высшей степени сложное чувство. Тутъ былъ ужасъ и стыдъ за громилъ, чувство виновности передъ избиваемыми; была безсильная злоба, переплетенная жгучей обидой. Будто тебя самого оплевали, облили помоями. Я чувствовалъ, что какъ только увижу это, въ моемъ міровоззрѣніи образуется брешь...

Я сталъ медленно двигаться по опустѣвшей улицѣ, безпомощно оглядываясь на закрытыя ворота, на запертыя ставни.

Кое-гдѣ окна были открыты и сквозь вычищенныя стекла замелькали иконы... появились пасхи... Скоро и на воротахъ водрузились кресты, свѣчи...

Это христіанское населеніе отмѣчало себя, огораживало, провоцировало сосѣдей евреевъ.

...Откуда-то сразу раздались многоголосые клики. Вотъ они стали громче, грознѣе... Топотъ бѣгущихъ.. и изъ-за угла вынырнула фигура стараго еврея. У него подъ мышкой сапожныя колодки. Онъ растрепанъ и бѣжитъ большими отрывистыми прыжками...

За нимъ съ улюлюканьемъ и гикомъ гонится толпа. Я кинулся къ ней. Я узналъ преслѣдователей. Это мои сосѣди-артельщики столяры.. Мои ученики...

Годъ, цѣлый годъ возился я съ ними, обивалъ за нихъ пороги, читалъ имъ книжки, будилъ классовое сознаніе, развивалъ.

— Что вы дѣлаете? Это же бѣднякъ—старикъ-сапожникъ!—Я кричалъ на всю улицу надорваннымъ, рыдающимъ крикомъ.. Толпа остановилась. Кое у кого по привычкѣ заерзалъ картузъ на головѣ, кто-то даже лѣниво снялъ фуражку.

— Мы такъ... Эт-та пужаемъ яго...

— Зачѣ-ѣмъ? Зачѣмъ вы его пугаете? Это же братъ вашъ! Работникъ!.. Человѣкъ!..

Меня прервали.

Въ толпѣ послышалось недовольное урчанье.

— Ко-е-о? Че-ловѣкъ? Ж-жидъ!..

Днемъ того же дня на моихъ глазахъ громили убогую мастерскую швеи, жадно растаскивали жалкія пожитки.

Группа молодыхъ парней, человѣкъ съ тридцать, съ тягучимъ ревомъ ломала окна, мебель, засовывая что было поудобнѣе въ карманы, за пазуху... Другая кучка старалась надъ кухонной утварью.

Вотъ при громкихъ крикахъ «ура» изъ сѣней выволокли ушатъ съ водой: Воду со смѣхомъ вылили, а надъ опрокинутой посудиной долго возились нѣсколько подростковъ, разбивая ее каменьями... Неподалеку отъ нихъ два мужика, степенныхъ и въ большихъ сапогахъ, старательно рвали перину... Массы пуха густыми облаками летали, трепыхаясь въ весеннемъ воздухѣ и, испуганно кружась въ разныя стороны, немощно опускались, прикрывая землю взбухшей, пушистой настилкой.

Тутъ же рядомъ, подъ мрачный ревъ грабежа, расположилась идиллическая группа изъ трехъ лицъ: двѣ бабы и мальчикъ лѣтъ десяти. Группа мирно дѣлила коробку стекляруса, перекидываясь замѣчаніями, заливаясь хохотомъ. Сама швея и двое ея дѣтокъ, малютокъ дѣвочекъ, въ нижнихъ юбочкахъ и босикомъ, искали спасенія въ квартирѣ моего пріятеля, учителя музыки.

Дѣтки, какъ перепуганныя птички, растерянно оглядывались, жались другъ къ дружкѣ, цѣпляясь за мать, вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ.

Мать ежеминутно обнимала ихъ, изъ припухшихъ вѣкъ густыми струями сыпались крупныя слезы.

— Евреи, дѣти милосердія! За что это мнѣ? Куда же я теперь дѣнусь голая, босая съ этими малюсенькими?—Она рыдала захлебываясь, билась головой, рвала волосы.

— Вѣдь восемь лѣтъ работала! Восемь кровавыхъ лѣтъ! Ой, Боже! Мой сильный Богъ! Что же ты молчишь?

И заметалась... изступленно.

Нѣсколько юношей истерически рвались на защиту мастерской. Ихъ удерживали силой. Сыпали доводами подлаго разсудка.

Но вотъ мимо квартиры музыканта съ оглушительнымъ свистомъ и дикимъ воемъ пронеслась толпа. И подъ рѣжущій лязгъ разбитаго стекла къ намъ въ окна полетѣли камни.

Осколки булыжника попали въ фортепіано и грозно забарабанили по клавишамъ. Мой пріятель, народолюбецъ чистѣйшей воды, опустивъ голову на разбитую рояль, какъ дитя, плакалъ отъ острой обиды.

...Дверь грубо распахнулась. На порогѣ съ ведрами въ рукахъ стоялъ нашъ водовозъ Титъ, рослый великанъ съ рыжей бородой, въ новой кумачевой рубахѣ... Водонозъ былъ пьянъ и по его обвѣтренному лицу, по потнымъ щекамъ плыла улыбка. Титъ, балансируя туловищемъ, поставилъ ведра, покровительственно оглядѣлъ насъ и брезгливо проронилъ:

— Оспода евреи, не бо-о-сь! Теперь не тронутъ... Я здѣ-ѣ-сь! — И покачиваясь, ткнулъ себя въ грудь мохнатой ладонью.

Плачущій музыкантъ поднялся. Онъ что-то крикнулъ, кинулся къ водовозу; но пошатнулся, упалъ и, спрятавъ голову въ колѣни, въ истерикѣ забился объ полъ.

На другой день, когда погромъ прекратился, къ намъ пришелъ пріятель изъ мѣстныхъ интеллигентовъ. Давнымъ давно во дни юности своей онъ былъ ярымъ радикаломъ, опростился, ходилъ въ народъ, побывалъ въ Сибири, Потомъ попался. Постепенно онъ присмирѣлъ, получилъ богатое наслѣдство, пересталъ ѣсть мясо, сдѣлался усерднымъ адептомъ «непротивленія злу».

Стотысячный вегетаріанецъ, выражая намъ свои соболѣзнованія, между прочимъ, замѣтилъ, что вотъ это пробужденіе народа привело его въ умиленіе: оно ему напомнило молодость.

Свою богатую квартиру онъ иконой оградилъ отъ «народнаго пробужденія»...

Всѣ эти картины, немного, правда, спутанно, но все же ярко проносились теперь въ моей памяти: я ихъ вновь переживалъ. Заныли старыя раны, и оттого я со дня на день оттягивалъ свою поѣздку.

II.

Собрался я ровно черезъ десять дней. Вагонъ, въ которомъ я и мой товарищъ, корреспондентъ столичной газеты, сѣли, былъ пустъ. Кромѣ насъ въ немъ было еще два пассажира: деревенскій батюшка и помѣщикъ. Они помѣстились насупротивъ. Какъ только поѣздъ отошелъ, я улегся, мой же товарищъ, человѣкъ весьма общительный, разговорился съ нашими спутниками. Черезъ нѣкоторое время какъ то обнаружилось, что братъ помѣщика, другъ моего коллеги, вмѣстѣ живали въ Средне-Колымскѣ. Часа черезъ два мой пріятель и помѣщикъ уже фамильярно хлопали другъ дружку по колѣну, по плечу. Они раза два сходили въ станціонные буфеты. Видно сошлись.

И батюшка, и помѣщикъ оказались интеллигентными людьми: они слѣдили за журналистикой, за новыми теченіями. Въ разговорѣ, какъ это всегда бываетъ на югѣ, коснулись еврейскаго вопроса, евреевъ. Собесѣдники пріятеля видно приняли насъ за христіанъ: они не стѣснялись, были откровенны... И я съ холоднымъ ужасомъ услышалъ по истинѣ канибальскія рѣчи...

Мой товарищъ поблѣднѣлъ и, негодуя, закричалъ:

— Замолчите... я... еврей!..

Наступило неловкое, жуткое молчаніе. Помѣщикъ сильно скон-

фузился и растерянно залепеталъ какія-то жалостливыя междометія.

. . . . . .

Пріѣхали. На вокзалѣ какое-то сдержанное движеніе. Насъ подозрительно осматриваютъ. Мнѣ кажется, что даже враждебно. Ни одного извозчика еврея.

Было еще совсѣмъ рано. Стоялъ тихій вечеръ, свѣтлый, мягкій, а между тѣмъ на всемъ нашемъ долгомъ пути отъ вокзала до гостинницы мы не встрѣчали евреевъ.

Какъ я потомъ узналъ, они воздерживались отъ поѣздки въ ночныхъ поѣздахъ. Съ наступленіемъ сумерекъ еврейское населеніе выходило изъ своихъ домовъ только въ случаяхъ рѣдкой необходимости.

И дома обитала острая тревога. Зловѣщіе слухи все еще продолжали витать надъ несчастнымъ городомъ. Ждали возобновленія погрома и потому къ ночи тревога выростала въ нѣмой страхъ. Люди имѣли видъ маніаковъ, да они и были таковыми: они страдали маніей преслѣдованія. По ночамъ ходили только группами. Шли на цыпочкахъ, сдерживая стукъ своихъ собственныхъ шаговъ. Старались пройти незамѣченными, съежившись, держась за стѣны заборовъ, чтобы при первой же опасности скрыться въ ближайшій дворъ.

По временамъ слышны тревожные окрики, пугливые, придушенные...

Это состояніе заражаетъ. Настроеніе нѣмого ужаса передается и вамъ, пріѣзжему. И начинаетъ казаться, что за каждымъ домомъ, за каждымъ деревомъ подстерегаютъ, что самъ ночной мракъ враждебенъ, за каждымъ поворотомъ онъ стоитъ, притаился, предательски выжидаетъ...

Ночью я не чувствовалъ дыханія стотысячнаго города. Весь израненный, залитый кровью, онъ боится крикнуть, позвать на помощь. Прикинулся мертвымъ, судорожно сдерживаетъ рвущіеся стоны. Боится громко вздохнуть. И мечась въ мучительной безсонницѣ, съ пугливымъ напряженіемъ прислушивается, не идутъ ли убійцы...

Всю ночь не смыкалъ глазъ и только къ разсвѣту забылся, но и во снѣ за мною гнались кошмарныя видѣнія. Мнѣ снились черные своды, багровый горизонтъ. Гигантскій крестъ вздымался къ угрюмымъ небесамъ, на крестѣ умиралъ распятый Христосъ, а у его израненныхъ ногъ толпы христіанъ остервенѣло рвали дѣтей еврейскихъ.

Ужасно было ночью. Не лучше было днемъ. Все носило похоронный видъ. Слѣды ужаснаго разрушенья еще были совсѣмъ свѣжи. Отъ былого оживленія южнаго города, уютнаго, привѣтливаго нѣтъ и слѣда.

Изрѣдка мелькнетъ пришибленная фигура, ежеминутно оглядываясь, какъ травленный олень...

Понуро стоятъ разграбленныя дома. Зіяющія отверстія разрушенныхъ оконъ, похожія на открытый ротъ, съ вышибленными зубами, испуганно замолкли, какъ будто въ нихъ отъ мучительной боли застылъ крикъ отчаянія.

Изломанныя двери немощно свѣсились оторванными досками и, какъ тяжело раненныя, простерли разбитыя руки: безмолвно просятъ пощады у бездушной улицы...

На молодой листвѣ деревьевъ, на яркой зелени тротуарныхъ кустовъ, какъ клочья савана, повисли бѣлые хлопья гусинаго пуха.

Повсюду, куда ни посмотришь—смерть, разрушенье и черное безмолвіе.

Вотъ цѣлый холмъ обломковъ. Груда разорванныхъ книгъ, разбитыхъ частей рояля тѣсно смѣшались съ разломанными кусками рабочихъ инструментовъ.

По какой-то странной случайности надъ этой пестрой грудой обломковъ человѣческаго труда и мысли, развѣвается дѣтская рубашоночка, изодранная и вся въ крови...

Съ каменныхъ домовъ сорваны желѣзныя крыши, разобраны стѣны, полы выворочены... На глазахъ невольно навертываются слезы...

Одноэтажный домикъ особнякъ. Изъ разбитыхъ оконъ хмуро выглядываютъ обнаженныя стѣны покоевъ. Съ нихъ грубо сорваны дорогіе обои. На разбитомъ мраморѣ разрушеннаго крыльца, полулежа усѣлся старый еврей. Голова ветхозавѣтнаго пророка, длинная сѣдая борода. Старикъ, повидимому, владѣлецъ разграбленнаго домика—безъ сюртука, безъ жилета. Поверхъ чистой бѣлой рубахи, съ большимъ отложнымъ воротомъ, одѣтъ шелковый талесъ-котенъ, съ длинными кистями. Старецъ задремалъ на солнопекѣ.

Проходитъ группа молодыхъ евреевъ. Остановились. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ еще юноша, почтительно будитъ старца.

— Рэбъ Вигдоръ, а рэбъ Вигдоръ! Встаньте... Извините... Неловко такъ на улицѣ... безъ верхняго платья...

Старецъ просыпается. Онъ медленно приподымаетъ свои длинные вѣки, скорбно смотритъ на юношу, обводитъ вкругъ глазами и... безнадежно машетъ рукой, какъ бы говоритъ: «что теперь послѣ этой напасти, прилично или неприлично».

Молодые люди качаютъ головами: они понимаютъ, они согласны.

Неподалеку отъ домика уцѣлѣвшій рундучекъ мастероваго Подхожу—мастерская бондаря. Бондарь застылъ въ хмурой апатіи—онъ смотритъ тупо, изрѣдка нервно передергиваетъ плечами.

— Добрый полдень! Что, рэбъ куревъ, какъ дѣла? Видно они васъ пощадили?

Мастеровой, мужчина лѣтъ подъ тридцать съ отрѣзанными ушами, апатично смотритъ на меня, потомъ медленно, медленно говоритъ:

— Вы меня не знаете. Не знали раньше. И я васъ въ первый разъ вижу. Вы даже не можете себѣ представить, какой бале-босъ былъ до этого несчастья Іюна бондарь. А вотъ посмотрите.

Онъ пальцемъ указываетъ на правый уголъ мастерской. Тамъ груда щепья: разбитые на мелкіе кусочки инструменты...

...«Домъ Скорби». Кровавый день сдѣлалъ его надолго памятникомъ для мѣстной общины. Тутъ былъ убитъ старикъ и опозорена его дочь.

На камняхъ двора еще видны желтыя пятна: слѣды человѣческой крови.

Евреи утверждаютъ, что слѣды эти несмываемы.

— Отмывали ее тутъ... скоблили... напрасно это... разсказываетъ одинъ изъ жильцовъ, благообразный еврей.

— Останется во вѣки,—убѣжденно продолжаетъ онъ.

— Ко Всевышнему вопіетъ... У насъ въ Пятикнижіи написано: «и кровь это душа». Не сойдетъ до тѣхъ поръ, покуда Господь не взыщетъ...

Въ квартирѣ покойнаго молодой человѣкъ, рослый, съ богатырской грудью, вѣжливо поддвигаетъ мнѣ стулъ. У него большіе черные глаза. Когда онъ на васъ смотритъ, становится не по себѣ. Въ его глазахъ навсегда остался застывшій ужасъ... Онъ видимо обрадовался свѣжему человѣку и, не дожидаясь моихъ вопросовъ, самъ заговариваетъ.

— Ой, что я вамъ разскажу!—Онъ сильно заволновался.— На меня ихъ навалило шестеро... Душили меня... потомъ взялись за отца... Сестра... она выскочила изъ печки, спрятали мы ее туда... Дѣвушка.. знали мы куда прятать? Она бросилась, къ разбойникамъ бросилась... цѣловала имъ сапоги... они ее тоже... потомъ я видалъ, какъ она пала на отца, хотѣла его прикрыть собой... Они ее стащили... Съ головы отца лилась кровь... Я отбивался руками, ногами... Кричалъ, впился зубами кому-то изъ разбойниковъ въ затылокъ... меня оглушили... Лучше бы убили... И за что это? И гдѣ Богъ былъ? Богъ гдѣ-ѣ?

И забѣгалъ по комнатѣ, лицо его исказилось судорогами...

— Какъ я теперь живу? Вы меня спросите. А—а? Ой, человѣкъ крѣпче желѣза...

Онъ всплеснулъ руками, закинулъ ихъ за голову и уставился своими страшными глазами. И казалось, что вотъ, вотъ они выскочатъ изъ его глубокихъ припухшихъ впадинъ . . . .

А черезъ часъ я его видѣлъ за прилавкомъ. Человѣкъ, у котораго убили отца и опозорили сестру, сидѣлъ на порогѣ своей лавки. Торговалъ.

Онъ вѣчно будетъ помнить, какъ позорили сестру, въ глазахъ его навсегда останется застывшій ужасъ. И не отомститъ. И будетъ сидѣть въ своей лавкѣ, продавать товары, быть можетъ тому, кто убилъ его отца...

...Палаты еврейской больницы переполнены ранеными. Вездѣ, куда ни посмотришь на койкахъ, на полу, въ сѣняхъ, повсюду тяжело раненые. Свороченныя скулы, челюсти... переломанныя руки, ноги... Разбитые черепа... Много женщинъ. Есть подростки, совсѣмъ малютки—сироты, только что лишившіяся отцовъ, матерей—крошки съ забинтованными головками. Они такъ тѣсно окружаютъ меня, такъ довѣрчиво прижимаются къ моимъ ногамъ...

Одному кривому стекольщику желѣзной гирей вышибли послѣдній глазъ. Пятнадцать лѣтъ этотъ еврей жилъ стѣна въ стѣну съ сосѣдями, жили мирно, спокойно и вотъ...

Ослѣпленный разсказываетъ объ этомъ съ эпической простотой.

— Два раза онъ меня вдарилъ, гирей этой самой... Ну извѣстно... это же глазъ.

Докторъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ чуднымъ симпатичнымъ лицомъ, разсказываетъ о пережитыхъ ужасахъ. Первые дни они, врачи и сестры, были въ кровавомъ туманѣ: тутъ стоны раненыхъ, а съ улицы доносится ревъ толпы: христіане пытались штурмовать больницу, перебить и раненыхъ, и врачей... Голосъ доктора дрожитъ, обрывается. Но слезъ нѣтъ... Видно высохли всѣ. . . . . .

Разгромленная синагога оказалась уже отремонтированной, хотя слѣды осквернѣнія не совсѣмъ еще изгладились.

Это святотатственное злодѣяніе свершилось среди бѣлаго дня, на глазахъ многолюдной толпы.

Когда стало извѣстно, что варвары намѣрены надругаться надъ храмомъ, старый шамесъ рѣшилъ остаться при святилищѣ. Онъ одѣлъ чистое бѣлье, облачился въ талесъ и тефилимъ и съ чисто-еврейской покорностью, съ глубокой вѣрой въ божеское предопредѣленіе, ждалъ мученическаго конца...

...Пьяная толпа приближается... Во встревоженномъ сознаніи благочестиваго старика мелькаетъ: «не пошлетъ ли Милосердый чуда... Всемогущій не допуститъ поруганія своего дома... Онъ оградитъ святую Тору... злодѣевъ безумныхъ громъ разразитъ»...

Ватага подошла... ватага уже проникла въ притворъ. Ревъ и чудовищная хула...

— Грѣшны евреи... за грѣхи народа.

Шамесъ торопливыми шагами поднимается по деревяннымъ

ступенямъ къ алтарю... Съ благовѣйнымъ трепетомъ открываетъ онъ дверцы ковчега. Его ссохшія губы лобзаютъ въ экстазѣ старыя свитки закона. И припалъ къ нимъ, тихо и торопливо шепчетъ:

— Исповѣдуюсь передъ тобой, Господи, Богъ отцовъ моихъ, съ радостью отдаю плоть свою на растерзаніе—они не вѣдаютъ имени твоего... Да будетъ смерть моя искупленіемъ за всѣ грѣхи мои... За грѣхи всѣхъ дѣтей Израилевыхъ...

...Трескъ и грохотъ. Гулко падаетъ дверь. Въ храмъ ворвалась ватага изверговъ. Много женщинъ. Шамесъ быстро задергиваетъ священный паройхесъ.

— Въ руки твои, Господи, предаю духъ мой... Слушай, Израиль!

— Жидовская мор-рд-да! свинячье ухо! у-у-у!—И подъ своды синагоги посыпалось гнусное сквернословіе.

Шамесъ застылъ отъ ужаса.

Какой-то рослый варваръ съ ножемъ въ рукахъ кидается къ ковчегу.

Старый шамесъ очнулся, схватилъ края талеса, распростеръ руки. Онъ пытается защитить Великую Святыню Израиля . . . .

. . . . . .

Надъ убитымъ глумились. Свитки священныхъ книгъ остервенѣло рвались Женщины, безстыдно жестикулируя, предавали ихъ поруганію. И у изуродованнаго трупа старца, на растерзанныхъ лоскутьяхъ Торы плясалъ пьяный варваръ, топча ногами слово Бога...

III.

— Ну-съ, что-о?—вдоволь насмотрѣлись, видали всѣ наши болячки?

Юноша пытливо смотритъ на моего товарища.

Тотъ блѣдный, измученный упорно уставился въ оконное стекло, какъ бы желая пронзить густую тьму, которая вонъ тамъ за окномъ сплотилась въ непроницаемую массу. Въ нашемъ номерѣ собралось человѣкъ десять. Большею частью молодежь, разныхъ оттѣнковъ и фракцій.

Завтра, съ утреннимъ поѣздомъ мы отъѣзжаемъ, и вотъ пришли проститься съ нами. У всѣхъ слякотное настроеніе. Но намъ уѣзжающимъ все же лучше: мы покидаемъ это кошмарное мѣсто. Мнѣ хочется чѣмъ-нибудь утѣшить вотъ эту славную молодежь, сказать имъ на прощанье что-нибудь хорошее, не банальное, но у меня нѣтъ словъ. Языкъ сталъ какимъ-то дубовымъ, неповоротливымъ...

Стаканы налиты, но чай давно остылъ, никто къ нему и не притронулся.

— Да-а!—протянулъ снова юноша.

— Вотъ вы, антисіонисты, должны теперь громко отречься отъ своихъ взглядовъ, и, такъ сказать, всенародно присоединиться къ намъ.

— Это почему?

Мой коллега встрепенулся.

— Вы еще спрашиваете? Теперь послѣ этого ужаса?

— Да, спрашиваю, и именно теперь.

Юноша недоумѣвающе посмотрѣлъ на своего оппонента, нетерпѣливо тряхнулъ головой и быстро заговорилъ.

— Вотъ до чего довела насъ пропаганда ассимиляторовъ, ослѣпила всѣхъ...

— Причемъ тутъ ассимиляція? Я тоже еврей, —горячо запротестовалъ товарищъ.

— Что за нетерпимость! Позвольте мнѣ имѣть свои убѣжденія!

Сіонистъ не слушалъ и продолжалъ порывисто, страстно:

— Вы не видите, какъ насъ ненавидятъ, вездѣ, повсюду, всегда! Вы, общечеловѣки, постоянно на всѣхъ стогнахъ возглашали! «прогрессъ, прогрессъ, народы уже насъ не рѣжутъ, не сожигаютъ, скоро, скоро насъ сравнятъ съ другими, какъ братьевъ, примутъ въ объятія», и такъ далѣе... Ну съ, и что же? Въ результатѣ—эта кровавая баня... Да-а! Чего же вамъ еще нужно? Какія еще доказательства, что тутъ немыслимо оставаться... Народъ въ опасности..! Цѣлому племени грозитъ гибель... Понимаете ли вы это?..

Голосъ его гнѣвно дрожалъ, волосы разсыпались...

— Я и говорю—Палестина. Собственная страна! Въ землѣ предковъ кто подымется противъ насъ. Тамъ, и только тамъ заживемъ мы мирно, по-людски, безъ тревожныхъ оглядокъ, какъ травленные звѣри... Да, вотъ что!

— Это, знаете, немного того... съ вашей стороны, немножко смѣло сказано,—засуетился другой юноша, студентъ политехникума.

— Мнѣ очень не хотѣлось бы сцѣпиться теперь съ вами, послѣ этой напасти. Непріятно. Вѣдь и я еврей. Но...—студентъ немного замялся.

— Почему вы, сіонисты, взяли монополію на патріотизмъ? Кто вамъ ее выдалъ?

— Страна предковъ... наша земля... Да уже прошло 200 земскихъ давностей, какъ мы изъ нея ушли... Да-а!

— Наша земля здѣсь!..—Студентъ ткнулъ кулаками впередъ.

— Предки наши—аборигены этой страны... наши братья проливали за нее кровь, поливаютъ ее своимъ потомъ, слезами!...

— Кто насъ смѣетъ гнать изъ собственнаго дома?

— Изъ собственнаго дома?!—Ха-ха!—нервно засмѣялся сіонистъ. Ну и аргументація у васъ...

— Да и смѣхъ не аргументъ,—горячился студентъ.—Довольно исходовъ! Довольно воевать тыломъ. Съ врагомъ надо сражаться фронтомъ. Такъ именно боролись древніе іудеи...

— Куда вы насъ зовете?.. Къ туркамъ, гдѣ также льется кровь маленькихъ народовъ. Гдѣ тамъ гарантія нашей безопасности? Не въ турецкомъ ли самодержавіи? И что вы издѣваетесь надъ общечеловѣками? Это теченіе красной нитью проходитъ черезъ всю нашу исторію. Оно старо, какъ самъ іудаизмъ... Тора, пророки,—великіе учителя Талмуда были «общечеловѣками», ибо все человѣческое—общечеловѣческое...

— И я скажу вамъ, покуда «они» не станутъ человѣками, намъ скверно будетъ, ибо мало насъ.

— Наша историческая миссія—учить народы гуманизму. Понимаете?

Студентъ раскраснѣлся, все его лицо сіяло глубокой вѣрой.

— Еще бы, какъ не понять... А покуда «они» станутъ «человѣками», они насъ сотрутъ съ лица земли...

— Не сотрутъ!

Голосъ студента звучалъ бодро, увѣренно.

— Да не перебивайте! Я васъ долго и терпѣливо слушалъ.

— Такъ вотъ... я утверждаю—«сотрутъ», потому что не думаете же вы всѣхъ звѣрей въ десять лѣтъ въ людей обратить... Это разъ. Потомъ вы и вамъ подобные, отдаю вамъ справедливость, за всѣхъ погибали: за Ивана, за Яна, за Жана... Ну, а за Ицека, за Хаима, кто заступится?

Студентъ сорвался съ мѣста.

— Погибали за другихъ, потому что инстинктивно чувствовали, въ чемъ спасеніе наше,—закричалъ онъ.

Его противникъ, не слушая, съ горечью продолжалъ:

— Почему мы должны отдуваться за всѣхъ? За что? Да развѣ можно предписывать цѣлому народу, чтобы онъ пожертвовалъ собой за другихъ? Прямо нелѣпо. За насъ другіе заступались? Развѣ въ газетахъ... Когда человѣка бьютъ на улицѣ,—онъ крикнетъ,—находятся заступники, а съ нами тутъ что выдѣлывали? Надъ нами издѣвались, избивали, какъ бѣшенныхъ собакъ...— Онъ зарыдалъ и подымая вверхъ руки, яростно кричалъ:—сестеръ нашихъ, нашихъ маленькихъ сестеръ позорили... грудныхъ дѣтей на куски разрывали... сжигали живьемъ... и это видѣли и молчали... Да вѣдь это... это... это...

Онъ истерически умолкъ. Его успокоили.

Потомъ опять поднялись шумныя возраженія. Разговоръ сталъ общимъ, спутаннымъ.

Въ одномъ углу студентъ, уцѣпившись за пуговицу моего пиджака, доказывалъ, отчаянно жестикулируя, что ненависть не должна смущать.

— «Дики... звѣри... значитъ мы ихъ еще плохо учимъ. Ученикъ изъ хорошаго дома любитъ учителя, напримѣръ, какъ въ Америкѣ. Ну, а тутъ дичь... понятно...

На диванѣ мѣстный журналистъ рекомендовалъ эмиграцію и только въ Соединенные Штаты.

— Развѣ дѣло въ расхищеніи,—глухо гудѣлъ его надтреснутый басъ.—Развѣ у меня квартиру разбили? вѣру мою разбили... Не имущество—душу ограбили. Что я теперь такое? Старая щетка. И дерево потрескалось, и щетина вылѣзла...—онъ съ грустной улыбкой указалъ на свою лысину.—Дѣти тутъ растутъ, какъ сорная трава... Ни въ учебное заведеніе, ни—я знаю куда?.. А тамъ они будутъ гражданами... понимаете? Полноправными гражданами.

— Вы увлекаетесь,—возразилъ уже успокоившійся сіонистъ.

— Нѣтъ, для маленькихъ народовъ нѣтъ справедливости. Только своя территорія. Вотъ Швейцарія, даже маленькая Черногорія... вотъ я и говорю: только свое государство...

За полночь. Номеръ весь въ облакахъ табачнаго дыма. Его сизыя струйки, изгибаясь низко плывутъ надъ самымъ столомъ, и сквозь этотъ клубящійся туманъ силуэты спорящихъ принимаютъ странныя, расплывчатыя очертанія.

А за окномъ уже брезжили слабые проблески разсвѣта.

IV.

Поѣздъ мчится задорно шумно, съ грохотомъ и свистомъ. Въ вагонѣ 3-го класса много народа! русскихъ, евреевъ, румынъ. Пестрый говоръ, давка, суетливая возня. Рядомъ со мной у окна стоитъ маленькая дѣвочка, лѣтъ четырехъ. Милое личико, черные курчавые локоны, на лбу повязка...

Вотъ она, запыхаясь, взобралась на вагонную лавочку и припала къ оконному стеклу, довѣрчиво и беззаботно опираясь на мое плечо...

Поѣздъ летитъ, убѣгаетъ, а предъ нами съ каждымъ мгновеніемъ развертываются восхитительные виды Ново-Россіи.

День свѣтлый, ясный, какъ улыбка младенца. Блѣдноголубая грань горизонта нѣжно обнимаетъ сіяющую землю, кроткую, смирную. Клочья паровознаго дыма съ оранжевыми просвѣтами по срединѣ, какъ стайка мохнатыхъ птичекъ, неслышно рѣютъ надъ тонкими стеблями зеленаго сѣна, надъ молодыми ростками хлѣ-

бовъ. Вотъ они прильнули къ усатымъ верхушкамъ колосьевъ, и какъ бы изливъ всю свою нѣжность, медленно разстаяли въ чистой синевѣ... А въ окна вагона смотритъ убѣгающій ландшафтъ, вывертываясь передъ поѣздомъ, какъ гигантское мельничное колесо.

Вотъ зеленый пригорокъ. По немъ мирно разбрелось стадо овецъ, пасутся кони.

И кажется, если бы сюда, въ эту смиренную степь помѣстить всю злобу людскую, всю черную ненависть человѣка, она бы растаяла, умиротворилась.

...Дѣвочка—большой поэтъ: она жадно слѣдитъ за убѣгающей далью, за уплывающимъ слѣдомъ стальныхъ рельсъ и громко восторгается.

— Ахъ, горочка! Мостикъ!.. Ой, лошадушка! Какая красивенькая! Дядя посмотрите, вотъ овечки.—Она радостно улыбается.

— Мама! Мамуся! Иди сюда! Смотри тоже... ой, мальчишечка!

Къ окну приближается молодая красивая женщина съ забинтованной головой. На рукахъ у нея здоровенный двухлѣтній бутузъ, краснощекій, какъ спѣлое яблоко. Женщина одѣта очень странно: великолѣпная шелковая юбка и старая рваная кофточка,—видно съ чужого плеча.

И у малютки головка тоже въ повязкѣ. Онъ тянется ко мнѣ своими ручонками, улыбается...

— Куда ѣдете?—спрашиваетъ даму мой пріятель.

— Куда? — Женщина пожимаетъ плечами. — Развѣ я знаю «куда». Куда поѣздъ повезетъ... Лишь бы подальше отъ этого чернаго мѣста.

Она немного помолчала, пригорюнилась, а потомъ медленно, какъ бы про себя заговорила:

— Какъ евреи живутъ, какъ евреи еще держатся на ногахъ, такъ это развѣ можно объяснить...

Она недоумѣвающе повела плечами и заговорила болѣе спокойно:

— Ужъ мы совсѣмъ приготовились къ смерти!.. Но Тотъ, Кто живетъ вѣчно!.. да а!.. собралось насъ семь человѣкъ: трое мужчинъ,—насъ женщинъ было четверо... въ подвалѣ... да двое дѣтей, мои, вотъ эти... Усѣлись мы на полу, широко распустили подолы юбокъ: ими мы прикрыли мужчинъ. Вотъ и его спрятала—женщина указала на щупленькаго еврея. Тотъ вздохнулъ, заалѣлся и еле слышно пустилъ:

— Когда испугъ входитъ въ сердце, такъ развѣ знаешь, что дѣлаешь...

Женщина оправила юбку и продолжала:

— Думаемъ: убьютъ насъ бабъ, такъ у дѣтей останутся кормильцы.—Моя Ханочка, вотъ она,—женщина любовно указала на дѣвочку,—спрашиваетъ его, мужа: «Папа, насъ зарѣжутъ?» А

«мой» ей изъ подъ юбки: «молись дѣточка, говори, Боженька, Боженька»... ой-ой-ой!—Еврейка глубоко вздохнула.

— Ну вотъ слышимъ вбѣжали... стали ломать... поломали тамъ, что имъ нужно было... и ищутъ насъ... мы чуть не умерли. Что я говорю? таки, какъ будто умерли... Ну, они къ намъ... Бить ногами, желѣзными полосами... таки изъ нашихъ собственныхъ кроватей выломали эти полосы... А я держала на рукахъ вотъ его, Шмилика, думаю: кто же на младенца руку занесетъ...

— Ну... одинъ изъ нихъ замахнулся на дите... желѣзомъ... я ухватилась за желѣзо... Плачу и кричу: На-а! Смотри! Неужели убьешь такое полнокровное дите? Можетъ и у тебя дѣти? А Ханочка, вотъ она, заплакала и говоритъ ему: «не рѣжьте мою мамочку, нате вамъ мою куклу». Ну, у него показалась искра человѣка. Онъ еще разъ бухнулъ меня по головѣ... Дите ударилъ, но такъ себѣ... И Ханочку... по головкѣ... и говоритъ своей шайкѣ: «ну ихъ, идемъ! У меня тоже трое дѣтей»...

— И смотрите—маленькая пискля, а далъ Богъ ей разумъ: вотъ она наша спасительница! Посмотрите на нее, прошу васъ, чтобы она была на долгіе годы здорова и счастлива!..

Дѣвочка стыдливо пряталась за подолъ матери, а та продолжала:

— Какъ только они ушли, пришелъ къ намъ хозяинъ нашей квартиры и говоритъ: «я сегодня много жидовъ зарѣзалъ, какъ свиней на бойнѣ... ажъ усталъ. У насъ только рѣжутъ,—а въ Турціи, такъ тамъ у вашихъ сердца вырываютъ и кишки тоже. Потому,—у насъ милосердіе». Еврейка горько улыбнулась.

— Это онъ насъ поздравилъ со спасеніемъ... Отдалъ «мазелтовъ» *).

— Какъ мы остались живы?—Женщина недоумѣвающе развела руками.

— Думаешь, размышляешь и не понимаешь... Когда дарованы годы... Владыко Вселенной! Онъ знаетъ все. Вѣрно, такъ должно было случиться.

Она замолчала. Молчали и слушатели. И слышно было, какъ глухо пыхтѣлъ паровозъ и гнѣвно стучали вагонныя колеса...

Н. Осиповичъ.

---

*) Мазелъ-Товъ поздравленіе.

КРОВАВЫЙ СИНОДИКЪ.

(Прочитано авторомъ 10 ноября 1905 года на митингѣ протеста противъ смертной казни) *).

Мрачна будетъ моя повѣсть. На меня выпала нелегкая задача развернуть предъ вами страницы сочащагося кровью синодика, въ которомъ вписаны имена многаго множества борцовъ и мучениковъ за свободу нашей родины. На этомъ основаніи, прежде чѣмъ приступить къ чтенію, я предлагаю вамъ почтить память всѣхъ ихъ вставаніемъ.

Гоненія самодержавной власти на людей, преданныхъ свободѣ, началось, можно сказать, одновременно съ самымъ появленіемъ такихъ людей. Я не буду останавливаться на судьбѣ одного изъ нашихъ первомучениковъ—А. Н. Радищева, автора знаменитой книги «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». За напечатаніе этой «ужасной» книги, представлявшей собою главнымъ образомъ протестъ противъ крѣпостного права, сенаторы Великой Екатерины приговорили Радищева «наказать смертью, а именно, по силѣ воинскаго устава 20 августа, отсѣчь голову». Болѣе трехъ недѣль медлила послѣ этого императрица съ конфирмаціей приговора и, наконецъ, по случаю заключенія мира съ Швеціей «для всеобщей радости» указомъ 4 сентября 1790 года замѣнила Радищеву смертную казнь ссылкою въ Илимскій острогъ на границѣ Якутской области. Дальнѣйшая судьба его общеизвѣстна.

Пройдемъ мимо царствованія Александра Перваго, отличавшагося огромнымъ количествомъ смертей подъ палками и шпицрутенами, но не знавшаго открытыхъ приговоровъ къ смертной казни, и перейдемъ прямо къ тѣмъ днямъ, когда на престолъ возсѣлъ такъ называемый «Незабвенный» Николай. Вамъ, конечно, извѣстны декабрскія событія 1825 года въ Петербургѣ и на Югѣ Россіи. Въ результатѣ открытіе составленнаго еще въ предшествовавшее царствованіе заговора и невѣроятный по своей жестокости приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда. По рѣшенію этого судилища были приговорены къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы 31 человѣкъ, а сверхъ того еще

*) Печатается въ немного дополненномъ видѣ. *В. Б.*

5 человѣкъ—къ четвертованію. Эти 31 были: 1) полковникъ кн.-Трубецкой; 2) поручикъ кн. Оболенскій; 3) подполковникъ Матвей Муравьевъ-Апостолъ; 4 и 5) двое братьевъ подпоручики Борисовы; 6) подпоручикъ Горбачевскій; 7) майоръ Спиридовъ; 8) штабсъ-ротмистръ кн. Барятинскій; 9) коллежскій асессоръ Кюхельбекеръ; 10) капитанъ Якубовичъ; 11) подполковникъ Поджіо; 12) полковникъ Артамоновъ-Муравьевъ; 13) прапорщикъ Вадковскій; 14) прапорщикъ Бечасновъ; 15) полковникъ Давыдовъ; 16) генералъ-интендантъ Юшневскій; 17) штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ (извѣстный писатель Марлинскій); 18) подпоручикъ Андреевичъ; 19) капитанъ Никита Муравьевъ; 20) коллежскій асессоръ Пущинъ (извѣстный другъ и лицейскій товарищъ Пушкина); 21) генералъ-майоръ кн. Волконскій; 22) капитанъ Якушкинъ; 23) подпоручикъ Пестовъ; 24) лейтенантъ Арбузовъ; 25) лейтенантъ Завалишинъ; 26) полковникъ Повало-Швейковскій; 27) поручикъ Пановъ; 28) поручикъ Сутговъ; 29) штабсъ-капитанъ кн. Щепинъ-Ростовскій; 30) мичманъ Дивовъ и 31) извѣстный ученый и литераторъ Н. И. Тургеневъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ только Тургеневъ, какъ находившійся во время суда за-границей и потому осужденный заочно, не испыталъ всѣхъ томительно-долгихъ ужасныхъ дней пребыванія между жизнью и смертью. На долю всѣхъ остальныхъ выпало испить эту чашу полностью.

Но этимъ лицамъ все-таки, въ концѣ концовъ, смертная казнь была замѣнена каторгой. Не то случилось съ ихъ приговоренными къ четвертованію пятью товарищами: полковникомъ Пестелемъ, извѣстнымъ поэтомъ Рылѣевымъ, полковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и отставнымъ поручикомъ Каховскимъ. «Милость» къ нимъ ограничилась лишь замѣною лютыхъ орудій казни веревками, и 13 іюля Пестель, Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій окончили дни свои на висѣлицѣ.

Веревками и кандалами отвѣтила такимъ образомъ 80 лѣтъ тому назадъ самодержавная власть на беззавѣтный порывъ лучшихъ сыновъ земли русской къ свободѣ.

Кто были эти люди? Я не имѣю возможности останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ и напомню лишь вамъ тѣ строки, которыя поэтическая душа Рылѣева, какъ-бы предчувствуя собственный жребій, вложила въ уста героя его поэмы Войнаровскаго.

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На угнетателей народа.
Судьба меня уже обрекла,
Но гдѣ-жъ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной—
Я это чувствую, я знаю

И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благославляю.

Да, это Рылѣевъ говорилъ о себѣ. Это смѣло можно утверждать, ибо во время шествія на эшафотъ, когда сопровождавшій осужденныхъ священникъ Мысловскій сталъ ихъ утѣшать, то, обратясь къ нему, Рылѣевъ сказалъ: «прижми руку къ моему сердцу и скажи: бьется-ли оно сильнѣе обыкновеннаго?»

Взойдя на роковыя ступеньки, онъ же промолвилъ:

«Рылѣевъ умираетъ, какъ злодѣй, да помянетъ его Россія»!

Настало время, когда Россія должна проникнуть во всю глубину произнесенныхъ 80 лѣтъ тому назадъ словъ борца и мученика за ея свободу...

Приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда процессъ декабристовъ еще не окончился. Изъ участниковъ возстанія Черниговскаго пѣхотнаго полка въ Петербургъ были доставлены только Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ, которые, какъ я уже говорилъ, и были тамъ повѣшены. Остальные офицеры были преданы суду ауди-торіатскаго департамента, который и вынесъ имъ слѣдующій (дѣлаю буквальную выписку изъ всеподданнѣйшаго по этому дѣлу доклада) приговоръ: «барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ ихъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни, а сообщниковъ Муравьева: Кузьмина, Щипиллу и Муравьева-Апостола (Ипполита), участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, изъ списковъ выключить, какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ не дѣлать, но, поставя висѣлицу, къ вѣчному ихъ посрамленію прибить подъ оною имена ихъ».

Высочайшая конфирмація:

«барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго поставить въ городѣ Васильковѣ при собраніи командъ 9 пѣхотной дивизіи подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева—Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ ихъ изъ списковъ».

Все это и было продѣлано съ пунктуальною точностью.

Позвольте на одну минуту остановиться на дальнѣйшей судьбѣ Ивана Ивановича Сухинова. По прибытіи въ каторгу этотъ человѣкъ не только не палъ духомъ, но задумалъ поднять возстаніе въ Сибири, начавши его съ Зарентуйскаго рудника. Заговоръ былъ открытъ въ то время, когда въ немъ уже приняли участіе многія сотни лицъ. Началось слѣдствіе, а затѣмъ и судъ, который приговорилъ Сухинова (значитъ, уже второй разъ въ его жизни) и его пятерыхъ товарищей,—на этотъ разъ уголовныхъ ссыльныхъ,—къ смертной казни. Приговоръ былъ направленъ въ Петербургъ и пока онъ оттуда воз-

ратился, Сухиновъ повѣсился въ тюрьмѣ. Остальные 5 приговоренныхъ—Бочаровъ, Голиковъ, Бондаревъ, Птицынъ и Непомнящій были разстрѣляны.

Вы мнѣ позволите пройти мимо польскаго возстанія 1830 года, такъ какъ это вывело-бы меня далеко за предѣлы моей темы. Довольно вамъ сказать, что въ высочайшемъ манифестѣ отъ 4-го сентября 1834 года поименовано приговоренныхъ къ повѣшенію 249 лицъ, въ томъ числѣ и знаменитый польскій историкъ Іохимъ Лелевель,—и къ отсѣченію головы 9 лицъ,—въ числѣ ихъ и князь Адамъ Чарторыжскій. Такъ какъ всѣ эти лица укрылись уже въ это время заграницу, то манифестъ замѣнялъ имъ смертную казнь пожизненнымъ изгнаніемъ изъ Россіи, предупреждая, что, если кто-либо изъ нихъ явно или тайно появится въ предѣлахъ Россійской Имперіи, то съ нимъ будетъ поступлено «по всей строгости Полевого Уголовнаго Уложенія Дѣйствующей Арміи».

Не буду я касаться и непрекращавшихся въ Польшѣ въ теченіе всего царствованія Николая Перваго попытокъ организовать тамъ новое возстаніе, за что поплатился жизнью на эшафотѣ далеко не одинъ только извѣстный Конарскій, а перейду прямо къ приговору въ Петербургѣ въ 1849 году по дѣлу такъ называемыхъ Петрашевцевъ.

Излагать это дѣло такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, я, конечно, не имѣю здѣсь возможности, но привести нѣсколько строкъ изъ опубликованнаго о немъ въ № 276 «Русскаго Инвалида» за 1849 годъ правительственнаго сообщенія считаю необходимымъ.

Строки эти гласятъ:

«Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія испроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ.

«Но въ Россіи, гдѣ Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и до селѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго, только горсть людей совершенно ничтожныхъ, большею частью молодыхъ и безнравственныхъ мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли бы только тогда получить опасное развитіе, если бы бдительность правительства не открыла зла въ самомъ началѣ».

Въ чемъ же выразились конкретныя дѣянія «злоумышленниковъ»?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ приговоръ:

Михаилъ Буташевичъ Петрашевскій: «за преступный замыселъ къ испроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго рода, большею частью, молодыхъ людей, распространеніе между ними зловредныхъ идей богохуленіемъ, дерзкими словами противъ Священной Особы Го-

сударя Императора, превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ мѣръ и *порицаніемъ государственныхъ лицъ* и, наконецъ, за *покушеніе* составить для той же цѣли тайное общество»,—*подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.*

Николай Спѣшневъ. — «за злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ за *покушеніе* для этой цѣли составить тайное общество и произнесеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчей противъ религіи»,—*подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.*

Это главные «преступники». Далѣе идутъ гвардейскіе поручики Момбелли и Григорьевъ, гвардейскій капитанъ Львовъ, студентъ петербургскаго университета Филипповъ, знаменитый впослѣдствіи писатель Ф. М. Достоевскій, Ахшарумовъ, Дуровъ, Ханыковъ, братья Дебу, Толль, Ястржембскій, Плещеевъ (извѣстный поэтъ), Кашкинъ, Головинскій, Пальмъ, Тимковскій, Европеусъ, Шапошниковъ, всѣ—всѣ—*къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.*

Головинскій, напр., приговоренъ къ этому наказанію «за возмутительные въ высшей степени *разговоры* противъ правительства на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова»!..

Всѣмъ этимъ лицамъ смертная казнь была замѣнена другими наказаніями, но объ этомъ осужденные узнали только на эшафотѣ, когда они стояли тамъ уже въ саванахъ. Что пережили они за эти минуты, вы, конечно, знаете изъ сочиненій Ф. М. Достоевскаго.

Наступило новое царствованіе съ его якобы широкимъ реформаторскимъ размахомъ, но, увы, смертная казнь по политическимъ дѣламъ стала практиковаться еще шире, чѣмъ даже въ прежнія времена.

Я опять-таки не буду касаться того огромнаго количества жертвъ, которое поглотилъ эшафотъ во время польскаго возстанія 1863 года, а ограничусь тѣми же рамками, которыхъ держался я и въ моемъ предшествовавшемъ изложеніи.

17-го апрѣля 1861 года, т.-е. очень скоро послѣ крестьянской реформы, былъ преданъ военному суду схваченный въ селѣ Бездѣ Казанской губерніи за обращенную къ крестьянамъ рѣчь о томъ, что вся земля должна принадлежать народу, крестьянинъ Антонъ Петровъ. Черезъ два дня онъ былъ разстрѣлянъ.

Въ слѣдующемъ 1862 году уже были разстрѣляны офицеры Арнгольдъ и Сливицкій и юнкеръ Ростковскій. За что? «За храненіе и распространеніе между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія». Неправда ли, какая знакомая, какъ часто повторявшаяся цѣлыя десятилѣтія формулировка?.. Поэтому же дѣлу былъ прогнанъ сквозь строй и забитъ до смерти рядовой Щуръ. Отмѣчая одновременное пролитіе крови интеллигентовъ и крестьянина въ солдатскомъ мундирѣ, Герценъ тогда же предсказывалъ, что изъ увлаженной этой кровью земли взойдутъ не тѣ всходы, которыхъ добивалось правительство.

За подобную же вину былъ приговоренъ къ разстрѣлянію въ томъ же году подполковникъ Красовскій. Ему смерть была замѣнена каторгой.

Въ слѣдующемъ 1863 году къ разстрѣлянію былъ приговоренъ офицеръ Ушаковъ; приговоренъ онъ былъ, какъ сказано въ № 34 «Сенатскихъ Вѣдомостей» за 1863 годъ, «за распространеніе вредныхъ идей между фабричными рабочими посредствомъ чтенія и передачи имъ сочиненій возмутительнаго содержанія съ преступною цѣлью возбужденія ихъ противъ правительства».

Вотъ съ какого времени стала уже вестись пропаганда среди рабочихъ. Она имѣетъ за собою почтенный возрастъ свыше 40 лѣтъ.

Ушакову смертная казнь была также замѣнена каторгой.

Въ 1864 году въ Казани разсматривалось дѣло о такъ называемомъ «казанскомъ заговорѣ». По этому дѣлу 6-го іюня того же года въ Казани были разстрѣляны штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ и дворянинъ Кеневичъ.

Скрывшійся было по этому дѣлу офицеръ Чернякъ былъ арестованъ въ слѣдующемъ году и разстрѣлянъ въ Вильно.

4-го апрѣля 1866 года Дмитрій Каракозовъ выстрѣлилъ въ императора Александра II. 3-го сентября того же года Каракозовъ былъ повѣшенъ.

Началось дѣло такъ называемыхъ «Каракозовцевъ». По этому дѣлу къ повѣшенію былъ приговоренъ Ишутинъ. Смерть была замѣнена каторгой, но лишь на эшафотѣ послѣ того, какъ надъ нимъ былъ продѣланъ весь обрядъ казни.

Здѣсь начинается пауза. Революціонное движеніе 70-хъ годовъ подавлялось правительствомъ со страшною и, поистинѣ, безсмысленною жестокостью: за передачу крестьянину брошюрки въ родѣ «Хитрой Механики», представляющей собою переложеніе рѣчи Лассаля о косвенныхъ налогахъ, люди посылались въ каторгу, запирались въ каменные мѣшки централокъ, томились цѣлые годы въ крѣпостяхъ и въ лучшемъ случаѣ высылались безъ всякаго суда и безъ всякаго назначенія срока въ Сибирь, но смертныхъ казней до 1878 года не было. Первая казнь совершена была въ Одессѣ 2-го августа 1878 года надъ Иваномъ Ковальскимъ, приговореннымъ къ разстрѣлянію за вооруженное сопротивленіе жандармамъ.

Затѣмъ количество смертныхъ казней чрезвычайно усилилось послѣ совершеннаго Соловьевымъ 2-го апрѣля 1879 года покушенія на жизнь Александра II. Немедленно послѣ этого въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ были учреждены генералъ-губернаторства, а существовавшимъ и до того времени генералъ-губернаторамъ Кіевскому, Московскому и Варшавскому были предоставлены новыя полномочія.

Началась черная дѣятельность военныхъ судовъ, приговоры которыхъ стали утверждаться генералъ губернаторами. Имена Гурко, Черт-

кова и Тотлебена спорили въ кровавой славѣ съ именами турецкихъ пашей.

Уже 20-го апрѣля въ Петербургѣ былъ повѣшенъ офицеръ Дубровинъ. Почти одновременно съ тѣмъ въ Кіевѣ были приговорены къ разстрѣлянію Брандиеръ, Антоновъ (настоящая его фамилія Свириденко), Валерьянъ Осинскій и Софья Лешернъ. Чертковъ замѣнилъ Лешернъ казнь вѣчной каторгой, замѣнивши вмѣстѣ съ тѣмъ троимъ осужденнымъ мущинамъ разстрѣляніе повѣшеніемъ. 14 мая Брандиеръ, Антоновъ и Осинскій были повѣшены.

«Наше дѣло,—писалъ Осинскій своимъ друзьямъ въ письмѣ, опубликованномъ въ «Листкѣ Земли и Воли»,—*не можетъ* (курсивъ подлинника) никогда погибнуть, и эта то увѣренность и заставляетъ насъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ вопросу о смерти».

18 іюня въ Кіевѣ же повѣшены Горскій, Бильчанскій и Федоровъ (настоящая фамилія Гобстъ).

«Да здравствуетъ революція!»,—крикнулъ на эшафотѣ Бильчанскій и высоко подбросилъ вверхъ свою шапку.

Не отставалъ отъ своего кіевскаго коллеги и одесскій Тотлебенъ.

5 августа одесскій военно-окружной судъ приговорилъ къ повѣшенію сразу пять человѣкъ: Чубарова, Лизогуба, Давиденко, Виттенберга и Логовенко. Тотлебенъ утвердилъ приговоръ, и первые трое были повѣшены 10 августа въ Одессѣ, а Виттенбергъ и Логовенко были отвезены въ Николаевъ и тамъ повѣшены на слѣдующій день. Все хотѣли страху нагнать: дѣло въ томъ, что Логовенко былъ матросомъ расположеннаго въ Николаевѣ черноморскаго экипажа (по этому дѣлу матросовъ привлекалось много), а Виттенбергъ однимъ изъ пропагандистовъ среди матросовъ. Вотъ и рѣшили казнить ихъ въ Николаевѣ на страхъ матросамъ, да только не зналъ Тотлебенъ, съ какими людьми онъ имѣетъ дѣло. На личностяхъ Лизогуба и Виттенберга лежала особая, какъ любилъ выражаться Герценъ, печать помазанія. Первый милліонеръ—аскетъ, отдавшій состояніе и жизнь дѣлу народнаго освобожденія и умершій, по свидѣтельству очевидцевъ, съ улыбкою на устахъ, второй... но пусть его образъ явится предъ вами въ напечатанныхъ въ № 1 «Народной Воли» его собственныхъ двухъ письмахъ, написанныхъ имъ наканунѣ казни:

1) Къ товарищамъ:

Мои друзья! Мнѣ, конечно, нехочется умереть, и сказать, что я умираю охотно, было-бы съ моей стороны ложью, но это послѣднее обстоятельство пусть не бросаетъ тѣни на мою вѣру и стойкость моихъ убѣжденій: вспомните, что самымъ высшимъ примѣромъ человѣколюбія и самопожертвованія былъ, безъ сомнѣнія, Спаситель: однако и онъ молился: «и да минуетъ меня чаша сія». Слѣдовательно, какъ могу и я не молиться о томъ же? Тѣмъ не менѣе и я, подобно ему,

говорю себѣ: если иначе нельзя, или для того, чтобы восторжествовалъ *соціализмъ* (курсивъ подлинника), необходимо, чтобы пролилась кровь моя, если переходъ изъ настоящаго строя въ лучшій невозможенъ иначе, какъ только перешагнувши черезъ наши трупы, то пусть наша кровь проливается, пусть она падетъ искупленіемъ на пользу человѣчества; а что наша кровь послужитъ удобреніемъ для той почвы, на которой взойдетъ сѣмя *соціализма*, что соціализмъ восторжествуетъ и восторжествуетъ скоро, это моя вѣра! Тутъ опять вспоминаю слова Спасителя: «истинно говорю вамъ, что многіе изъ находящихся здѣсь не вкусятъ смерти, какъ настанетъ царствіе небесное»,—я въ этомъ убѣжденъ, какъ убѣжденъ въ томъ, что земля движется. И когда я взойду на эшафотъ и веревка коснется моей шеи, то послѣдняя моя мысль будетъ: «а все-таки она движется, и никому въ мірѣ не остановить ея движенія!»

2) Спеціальное посланіе къ ***.

Если ты придаешь какое-либо значеніе моей волѣ, если считаешь священнымъ мое послѣднее желаніе, то оставь всякую мысль о мести: «прости имъ, не знаютъ бо, что творятъ». Это также знаменіе времени: умъ ихъ помутился, они видятъ, что скоро настанетъ другое время, и не знаютъ, какъ отвратить его. Еще разъ прошу тебя, оставь всякую мысль о мести. *Виттенбергъ.*

Могутъ ли добавить что-нибудь наши коментаріи къ этимъ строкамъ?..

7 декабря того же года и въ той же Одессѣ были повѣшены Малинка, Дробязгинъ и Майданскій. Еще до того въ Петербургѣ былъ повѣшенъ Соловьевъ и приговоренъ къ повѣшенію Мирскій. Послѣднему смертная казнь была замѣнена вѣчной каторгой.

Въ 1880 году дѣло обстояло по прежнему: 5 марта въ Кіевѣ были повѣшены Розовскій и Лозинскій. Розовскій былъ признанъ виновнымъ буквально лишь въ томъ, что хранилъ у себя нѣсколько прокламацій. Къ тому же онъ былъ несовершеннолѣтній. И, тѣмъ не менѣе, онъ былъ повѣшенъ. Это тѣ самые Лозинскій и Розовскій, которыхъ Левъ Толстой выводитъ подъ ихъ собственными фамиліями (съ нѣкоторыми, однако, невѣрностями) въ романѣ «Воскресенье».

Въ Кіевѣ же были приговорены къ смерти Михаилъ Поповъ и Игнатъ Ивановъ. Смерть была замѣнена каторгой. Оба они были отправлены на Кару, а затѣмъ были перевезены въ Шлиссельбургъ; тамъ Ивановъ впалъ въ душевное разстройство, а Поповъ послѣ 22 лѣтняго пребыванія въ Шлиссельбургѣ освобожденъ только на-дняхъ.

Въ Петербургѣ также шли казни: 22 февраля повѣшенъ Лорисъ-Меликовымъ Млодецкій, а затѣмъ приговорены къ смерти Сабуровъ (настоящая фамилія Оболешевъ) и Адріанъ Михайловъ. Смерть замѣнена вѣчною каторгою. Осенью петербургскій военно-окружной судъ приговорилъ къ повѣшенію сразу пять человѣкъ: интеллигентовъ Квятковскаго и Ширяева и рабочихъ Прѣснякова, Тихонова и Оклад-

скаго. Ширяеву, Тихонову и Окладскому смертная казнь была замѣнена каторгой, а Квятковскій и Прѣсняковъ 4 ноября были повѣшены.

На ихъ смерть у революціоннаго поэта вылилось извѣстное стихотвореніе, начинающее словами:

И опять палачи!.. Сердца крикъ замолчи!..
Снова въ петляхъ качаются трупы,
На мученья бойцовъ, нашихъ лучшихъ сыновъ
Смотрятъ массы безжизненно тупы.

Весь этотъ свирѣпый бѣлый терроръ не остановилъ дѣятельности революціонеровъ: совершилось событіе 1 марта 1881 года.

По этому дѣлу къ повѣшенію были приговорены Желябовъ, Тимофей Михайловъ, Кибальчичъ, Рысаковъ и двѣ женщины: Софья Перовская и Гесся Гельфманъ. Послѣдняя, какъ находившая въ то время въ состояніи беременности, казнена не была (она умерла затѣмъ въ Петропавловской крѣпости), а Перовская 3 апрѣля 1881 года раздѣлила на эшафотѣ участь своихъ четверыхъ товарищей-мущинъ.

Въ Кіевѣ въ томъ же году былъ приговоренъ къ смерти Щедринъ. Смерть ему была замѣнена вѣчной каторгой и его отправили на Кару. Въ Иркутскѣ, узнавши про неописуемо издѣвательское обращеніе тюремнаго инспектора Соловьева съ политическими каторжанками, Щедринъ далъ ему пощечину. За это его снова приговорили къ смерти, которая ему была замѣнена,—но чѣмъ? Прикованіемъ къ тачкѣ! Затѣмъ Шедринъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ впалъ въ душевное разстройство.

Въ Иркутскѣ же за убійство, во время попытки къ побѣгу, тюремнаго надзирателя былъ повѣшенъ Легкій.

Въ Петербургѣ за покушеніе на жизнь Черевина былъ приговоренъ къ смерти Саньковскій. Смерть замѣнена каторгой.

Въ 1882 году въ Петербургѣ были приговорены къ повѣшенію сразу десять человѣкъ и въ ихъ числѣ двѣ женщины: Александръ Михайловъ, Колоткевичъ, Фроленко, Исаевъ, Емельяновъ, Лангансъ, Тетерка, Сухановъ, Татьяна Лебедева и Анна Якимова. По поводу этого приговора написалъ замѣчательное письмо Викторъ Гюго. Передъ зданіемъ русскаго посольства въ Парижѣ произошла демонстрація.

Всѣмъ осужденнымъ смертная казнь была замѣнена вѣчной каторгой, за исключеніемъ Суханова, котораго, какъ военнослужащаго (онъ былъ лейтенантъ флота), Александръ III приказалъ разстрѣлять, что и было приведено въ исполненіе въ Кронштадтѣ. Остальные почти всѣ были заключены въ Шлиссельбургъ. Изъ нихъ дожилъ до нашихъ дней одинъ только М. Ф. Фроленко. Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ, впрочемъ, изъ Шлиссельбургской могилы и Н. А. Морозовъ, приговоренный по тому же дѣлу къ безсрочной каторгѣ.

Въ Петербургѣ же были приговорены къ повѣшенію по подозрѣнію въ убійствѣ шпіона Прейма Нагорный и Евсѣевъ. Смерть замѣнена каторгой.

Въ Саратовѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію Поливановъ. Просидѣвши 20 лѣтъ въ Шлиссельбургѣ, онъ былъ отправленъ въ Сибирь. Оттуда онъ бѣжалъ за границу. Тамъ онъ, къ несчастью, застрѣлился.

Въ томъ же году за убійство военнаго прокурора Стрѣльникова въ Одессѣ были повѣшены,—оба подъ чужими именами,—бывшій студентъ Желваковъ и рабочій Халтуринъ. Это былъ тотъ самый Халтуринъ, котораго власти давно уже розыскивали по обвиненію во взрывѣ зимняго дворца, тотъ самый Халтуринъ, который еще въ 1879 году основалъ въ Петербургѣ «Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ» съ сотнями членовъ.

1883 годъ начался приговоромъ въ Читѣ къ повѣшенію Маріи Кутитонской, выстрѣлившей въ забайкальскаго губернатора Ильяшевича, отличившагося личнымъ руководительствомъ при звѣрскомъ избіеніи политическихъ каторжанъ на Карѣ. Смерть была замѣнена каторгой. Кутитонская умерла въ иркутской тюрьмѣ.

Затѣмъ въ Петербургѣ были приговорены къ повѣшенію Богдановичъ, Буцевичъ, Грачевскій, Теллаловъ и Златопольскій. Всѣ они вмѣсто казни были заключены въ застѣнкѣ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей и тамъ всѣ до единаго сложили свои кости.

Въ томъ же году за пощечину, данную генералъ-губернатору Восточной Сибири Анучину, разстрѣлянъ въ Иркутскѣ учитель гимназіи Неустроевъ.

Необходимо прибавить, что около этого же времени въ Шлиссельбургѣ были разстрѣляны сначала Минаковъ, а потомъ Мышкинъ. Напомню вамъ, что Ип. Ник. Мышкинъ былъ знаменитый въ свое время революціонеръ, прославившійся между прочимъ отважною попыткою освободить изъ Вилюйска Якутской области (для чего онъ переодѣлся въ мундиръ жандармскаго офицера) Чернышевскаго и замѣчательной, много разъ переиздававшейся и заграницей и въ нелегальныхъ типографіяхъ въ Россіи, рѣчью, произнесенною имъ на судѣ во время процесса 193-хъ.

Въ 1884 году въ Петербургѣ опять были приговорены къ повѣшенію сразу 8 человѣкъ,—шесть офицеровъ и двѣ женщины: Рогачевъ, баронъ Штромбергъ, Ашенбренеръ, Похитоновъ, Тихоновичъ, Ювачевъ, Вѣра Ник. Фигнеръ и Людьмила Ал. Волькенштейнъ. Изъ этихъ лицъ Рогачевъ и Штромбергъ были повѣшены въ Шлиссельбургѣ, а остальные заключены туда же. Тамъ Тихановичъ умеръ, Похитоновъ лишился разсудка и затѣмъ тоже умеръ въ больницѣ для умалишенныхъ. Остальные, къ счастью, дожили до лучшихъ дней.

Въ 1885 году въ Харьковѣ повѣшенъ Лисянскій, а въ Ростовѣ-на-Дону приговоренъ къ повѣшенію и затѣмъ заключенъ въ Шлиссельбургъ Манучаровъ.

Въ концѣ того же года въ Варшавѣ были приговорены къ повѣшенію 6 человѣкъ: мировой судья Бардовскій (русскій), офицеръ Люри

(русскій), бывшій студентъ Куницкій и рабочіе Шмаусъ, Петрусинскій и Оссовскій (всѣ четверо поляки).

Въ январѣ 1886 г. смертная казнь Люри и Шмаусу была замѣнена каторгою, а Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій были повѣшены.

Въ томъ же году въ Варшавѣ же былъ повѣшенъ рабочій Ковалевскій. Не только объ его процессѣ, но и о самомъ фактѣ казни правительство не опубликовало ни строки.

Въ 1887 году въ Петербургѣ были приговорены къ повѣшенію Лопатинъ, Салова, Сергѣй Ивановъ, Стародворскій, Канашевичъ, Сухомлиновъ и находящійся въ этой залѣ среди насъ Петръ Филипповичъ Якубовичъ. Удѣломъ нѣсколькихъ изъ осужденныхъ сталъ по обыкновенію Шлиссельбургъ. Канашевичъ тамъ и скончался. Лопатинъ и Стародворскій только-что выпущены на свободу.

Въ маѣ того же года въ Шлиссельбургѣ были повѣшены осужденные по дѣлу 1-го марта 1887 года: Генераловъ, Осипановъ, Ульяновъ, Андреюшкинъ и Шевыревъ.

Въ 1888 г. былъ приговоренъ къ смерти и затѣмъ заключенъ въ Шлиссельбургъ Оржихъ.

Въ 1889 году въ Якутскѣ за вооруженное сопротивленіе властямъ были повѣшены Зотовъ, Коганъ-Бернштейнъ и Гаусманъ. Я былъ въ Якутской области въ то время и мнѣ, какъ и многимъ другимъ, хорошо извѣстно, что тутъ было совершено вопіющее беззаконіе даже съ формальной точки зрѣнія. Если Николай Львовичъ Зотовъ стрѣлялъ въ офицера Карамзина и вице-губернатора Осташкина, чего онъ вовсе и не скрывалъ на допросахъ, то Левъ Матвѣевичъ Коганъ-Бернштейнъ и Альбертъ Львовичъ Гаусманъ *совсѣмъ не стрѣляли*. Но первый, подавалъ, по крайней мѣрѣ, голосъ за вооруженное сопротивленіе; что же касается Гаусмана, то онъ былъ все время *противъ* вооруженнаго сопротивленія, стрѣлять и не думалъ, а между тѣмъ онъ былъ признанъ виновнымъ въ стрѣльбѣ и повѣшенъ... Совершена ужаснѣйшая, непоправимая «юридическая *ошибка*!..» Ко всему этому надо прибавить, что раненый въ ноги двумя солдатскими пулями, Коганъ-Бернштейнъ не могъ послѣ этого подыматься на ноги и былъ принесенъ на эшафотъ на кровати!!...

Тѣло Зотова было зарыто «въ чистомъ полѣ». Тѣла Когана-Бернштейна и Гаусмана, по настоянію еврейскаго раввина, были ему выданы и погребены на еврейскомъ кладбищѣ. Товарищи-ссыльные положили на могилы каменныя плиты съ высѣченными на нихъ словами изъ Евангелія: «больше сія любви никто же иматъ да кто душу свою положитъ за други своя». Однако, власти вскорѣ приказали уничтожить на могильныхъ плитахъ эти слова. Явились каменотёсы и молотками истребили надписи. Мотивировалась эта мѣра тѣмъ, что «неприлично помѣщать изреченіе изъ Евангелія на могилахъ евреевъ»...

Новая страница въ исторіи кровавыхъ репрессій была открыта казнью Балмашева, совершенною въ Шлиссельбургѣ.

За Балмашевымъ послѣдовалъ Лекертъ, казненный въ Вильно.

Затѣмъ въ Харьковѣ былъ приговоренъ къ смерти Качуръ,—вы знаете его дальнѣйшую судьбу.

Далѣе послѣдовалъ смертный приговоръ Гершуни и Мельникову. Они томятся въ Шлиссельбургѣ и до настоящей минуты.

Но самымъ кровавымъ годомъ является, конечно, текущій 1905-й.

Въ мартѣ текущаго года въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію крестьянинъ Пиляшекъ. Смерть замѣнена каторгою.

5 апрѣля въ Москвѣ приговоренъ къ повѣшенію за убійство великаго князя Сергѣя Александровича Иванъ Коляевъ.

Казнь совершена 10 мая все въ томъ же мрачномъ Шлиссельбургѣ.

31 мая въ Двинскѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на убійство пристава Еремина 19-лѣтній Дейчъ. Смерть замѣнена каторгой.

6 іюня въ томъ же Двинскѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на убійство помощника полицеймейстера Булыгина Маньковскій. Дѣло пересматривалось и при вторичномъ его разсматриваніи Маньковскій былъ оправданъ. Чуть было не произошла такимъ образомъ «юридическая *ошибка*».

11 іюня въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ брошеніи бомбы въ полицейское управленіе рабочій Окржея. Несмотря на несовершеннолѣтіе Окржеи, онъ былъ повѣшенъ.

Вскорѣ послѣ этого въ Варшавѣ же былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на жизнь городового Давидъ Краузе. Черезъ нѣсколько дней Краузе былъ повѣшенъ.

15 іюня въ Петербургѣ приговоренъ къ повѣшенію за убійство околодочнаго надзирателя Каволина 20-ти-лѣтній рабочій Васильевъ. Вскорѣ Васильевъ былъ повѣшенъ въ Шлиссельбургѣ.

Около этого же времени въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ нанесеніи раны городовому 20-лѣтній рабочій Комаровскій. Смерть замѣнена каторгой.

Почти одновременно съ тѣмъ въ Петербургѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за вооруженное сопротивленіе Гершковичъ. Онъ повѣшенъ въ Шлиссельбургѣ вмѣстѣ съ Васильевымъ.

Въ іюнѣ же въ Житомірѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за убійство пристава Куярова Сидорчукъ. Смерть замѣнена каторгой.

Вслѣдъ затѣмъ въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ смерти и повѣшенъ 65-ти-лѣтній старикъ Каспржакъ.

Тогда же въ Двинскѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на убійство пристава Курляндскаго Персинъ. Смерть замѣнена каторгой.

23 іюля въ Москвѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за убійство

градоначальника гр. Шувалова Куликовскій. Смерть замѣнена каторгой.

2 августа въ Петербургѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за убійство въ Выборгѣ жандармскаго подполковника Крамаренко финляндецъ Прокопе. Смерть замѣнена каторгой.

12 августа въ Нижнемъ-Новгородѣ за убійство начальника охраннаго отдѣленія Грешнера былъ повѣшенъ Никифоровъ.

24 августа въ Севастополѣ разстрѣляны четыре матроса съ броненосца «Прутъ»: Петровъ, Титовъ, Адаменко и Черный.

Вскорѣ послѣ этого разстрѣляны еще два матроса съ «Георгія Побѣдоносца»: Дейнега и Кошуба.

Около этого же времени въ Одессѣ за покушеніе на убійство «агента охраннаго отдѣленія» былъ приговоренъ къ повѣшенію Алешкеръ. Смерть замѣнена каторгой.

16 сентября въ Нѣжинѣ за покушеніе на убійство пристава Крещановскаго былъ приговоренъ къ повѣшенію 20-ти-лѣтній Абрамъ Лаго. Смерть замѣнена каторгой.

21 сентября въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвиняемый въ убійствѣ казака Лукова Орыма. 30 сентября Орыма былъ повѣшенъ.

Таковъ текущій, по истинѣ, кровавый годъ. Но вы, быть можетъ, ожидаете отъ меня итоговъ всего развернутаго мною передъ вами кроваваго синодика. Я этого дѣлать не буду. Зачѣмъ тутъ итоги, зачѣмъ мертвыя статистическія выкладки? Живое чувство возмущенія, которое несомнѣнно испытываете въ эту минуту вы всѣ противъ тѣхъ, кто въ теченіе цѣлаго столѣтія систематически проливалъ кровь борцовъ за свободу, и гнѣвный протестъ противъ самой возможности дальнѣйшаго существованія смертной казни,—да будутъ результатомъ и итогомъ нашего сегодняшняго митинга. Но не забудемъ при этомъ и тѣхъ, кто продолжаетъ и понынѣ томиться въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ. Подъ давленіемъ революціи правительство уже многихъ амнистировало, но амнистія эта все еще далеко не полная. Я называлъ вамъ имена Гершуни и Мельникова. Эти люди находятся и теперь въ Шлиссельбургѣ. Тамъ же томятся Карповичъ, Сазоновъ и Сикорскій. Надъ Россіей занялась заря свободы. Она обязываетъ насъ напречь всѣ силы, дабы возвратить свободѣ *всѣхъ*, кто трудился и боролся во имя ея. Отмѣна смертной казни и амнистія, амнистія безъ всякихъ исключеній, ограниченій и изъятій,—вотъ что должно стать лозунгомъ данной минуты!

В. Богучарскій.

* * *

И жизнь и смерть слились въ глухой борьбѣ,
И въ этотъ мигъ мысль гаснетъ о судьбѣ,
Другая мысль—о родинѣ свободной
Горитъ звѣздою путеводной!
И что вчера еще рождало страхъ,
Встрѣчаемъ мы безъ ужаса въ сердцахъ,
Несясь впередъ, какъ волны океана,
Въ безумномъ вихрѣ урагана!
Не слышно слезъ надъ тѣми, кто упалъ,
Кого унесъ на дно могилы валъ,—
Стихійныхъ силъ могучее теченье
Таитъ холодное забвенье.
Но часъ пробьетъ—побѣды свѣтлый часъ,
Воскреснутъ всѣ, кто въ битвѣ палъ за насъ,
Чтобъ вѣчно жить на родинѣ свободной
Въ великой памяти народной!

А. Лукьяновъ.

ВЪ ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ.

(Изъ воспоминаній).

Съ той поры прошло гораздо болѣе сорока лѣтъ, но таково свойство старческой памяти, что воспоминанія изъ давно прошедшихъ временъ ярче и живѣе, чѣмъ о совершившемся нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Не вступая въ оцѣнку фактовъ и дѣлъ не касавшихся меня лично, я только нѣкоторыми штрихами отмѣчу пережитое мною въ 64 и 66 году. Старые друзья не разъ говорили мнѣ, чтобы я записала то, что помню объ этомъ времени. Будетъ-ли это «за упокой» давно прошедшему?—Недавнее отличается отъ стараго сгущенною краскою!

Въ 1864 году мнѣ едва исполнилось восемнадцать лѣтъ, чрезвычайно подвижная, впечатлительная, избалованная, по складу я была почти ребенкомъ, хотя недѣли черезъ двѣ и ожидала появленія на свѣтъ своего ребенка. Въ памятную ночь на 11 Декабря, я слышала сквозь сонъ, какъ горничная разбудила мужа, какъ онъ тихо одѣлся и куда-то ушелъ, и я подумала «вѣрно что нибудь въ типографіи», но скоро пробудилъ полушопотъ мужа:

«Встань, мой другъ, сюда придутъ».

«?!»

«Въ домѣ дѣлается обыскъ».

Я спѣшно одѣлась, вышла. Наша квартира была полна жандармами, собиравшимися проникнуть и въ спальню, чтобы все перешарить. Уже книги, письма, дѣловыя бумаги, фотографическія карточки трудою были свалены въ бѣльевыя корзины, жандармы ихъ завязали и увезли, увезли и мужа, сказавшаго мнѣ на прощанье: «Не тревожься,—это пустяки,—я скоро вернусь». Однако онъ не вернулся, а подъ вечеръ явился изъ III отдѣленія жандармскій офицеръ съ запискою отъ мужа, чтобы я вручила подателю: «бѣлье, всѣ папиросы и всѣ сигары».

Наша пріятельница М. А. Богданова—Быкова, жившая съ нами (мы жили въ домѣ, гдѣ помѣщались книгоиздательство и типографія Тиблена, которою мужъ управлялъ), съ утра побывала у моего отца, сообщила о погромѣ, а отецъ съѣздилъ въ III Отдѣленіе, оттуда ко мнѣ, успокаивая, что все пустяки,—формализмъ какихъ-то справокъ. Онъ скрывалъ отъ меня правду, опасаясь, что страшная вѣсть можетъ убить меня и ребенка. Но отцу, конечно, не удалось скрыть того, о

чемъ уже знали всѣ. Черезъ нѣсколько дней на улицѣ я встрѣтила одного товарища мужа по университету, В. И. М., который услышавъ отъ меня, что изъ III Отдѣленія все еще нѣтъ вѣстей, съ удивленіемъ воскликнулъ:

«Какъ, развѣ вы не знаете, что въ тотъ-же день его препроводили въ Вильно!?»

«Въ Вильно!» и я пошатнулась, вѣдь въ Вильно былъ тотъ страшный, безпощадный звѣрь, съ физіономіею бульдога, Муравьевъ—вѣшатель... Мнѣ уже почудился въ рядахъ растрѣленныхъ, повѣшенныхъ обликъ моего двадцатичетырехлѣтняго мужа... Моя молодая голова мутилась, ноги подкашивались, но собравъ всю свою энергію, я бѣгомъ бросилась домой, чтобы сейчасъ-же отправиться въ Вильно. На лѣстницѣ передо мною поднималась высокая фигура моего отца, которому я крикнула:

«Ты скрывалъ,—онъ въ Вильно!» и, догнавъ отца, пристально посмотрѣла ему въ лицо, онъ страшно поблѣднѣлъ и бормоталъ: «какой дуракъ сообщилъ тебѣ такую чепуху!» но я убѣдилась, что это не чепуха, и войдя въ квартиру, вытащила саквояжъ, начавъ торопливо укладывать дорожныя вещи.

«Куда ты?!»

«Въ Вильно».

Совсѣмъ растерявшійся, отецъ только сказалъ: «безумная, вѣдь ты погубишь не только себя!» Какъ разъ въ это время изъ прихожей въ столовую вошелъ гость, худой, высокій, сутулый въ вицмундирѣ мин. народ. просвѣщенія, въ очкахъ, съ портфелемъ. «Владиславъ Юліановичъ, подумайте, она собралась въ Вильно! Какое безуміе».

Завязавъ торопливо ленты шляпки у подбородка, схвативъ сакъ, я уже направилась къ двери, но гость подошелъ и, спокойно протирая очки, внимательно поглядѣвъ прищуренными, близоруками глазами, сказалъ:

«Если бы вы взяли себя хоть немного въ руки, вы не рѣшились-бы на то, что сами назовете поступкомъ «кисейныхъ».

Въ шестидесятыхъ годахъ «кисейная барышня или барыня» были терминами презрѣнія для передовой женской молодежи, подразумѣвая поверхностныхъ, свѣтскихъ, и неразвитыхъ женщинъ.—Я невольно пріостановилась, пораженная невѣроятными словами моего величайшаго друга В. Ю. Х., а онъ продолжалъ, вѣроятно довольный тѣмъ, что смогъ пріостановить меня:

«Въ вагонѣ, по дорогѣ въ Вильно, съ вами можетъ случиться катастрофа, вы этимъ убьете себя и новорожденнаго, а въ лучшемъ случаѣ превратитесь въ калѣку. А кто-же, позвольте спросить, въ нужную минуту будетъ заботиться, хлопотать о немъ? Только жена, мать сестра могутъ это дѣлать. У насъ въ Польшѣ только женщины ходатайствуютъ объ облегченіи участи приговоренныхъ, вырываютъ ихъ изъ...»

«Онъ ужъ, можетъ быть, повѣшенъ скорымъ судомъ Муравьева... едва могла выговорить я,—что-то сжимало мнѣ горло.

«Да вѣдь слѣдствіе не закончено! Отецъ вашъ дважды съѣздилъ въ Вильно. Это скрывали отъ васъ просто потому, чтобы не волновать въ такое время, когда волненія вамъ вредны. Поѣздкою въ Вильно вы ничего не добьетесь!»

«Что-же дѣлать, что дѣлать!»

«Дайте бумагу большого формата, я напишу прошеніе о разрѣшеніи вамъ переписки съ мужемъ, а вы перепишите. Обратимся къ Потапову,—у него жена полька. Вѣдь дни Муравьева въ Вильнѣ сочтены. Всѣ говорятъ объ его отставкѣ».

Машинально, какъ во снѣ, брала я бумагу, переписывала прошеніе, сочиненное товарищемъ моего мужа по университету В. Ю. Х., который въ тѣ времена горяче раздѣлялъ стремленія передовыхъ людей шестидесятыхъ годовъ.

Черезъ нѣсколько дней у меня благополучно родилась дочь, а въ январѣ разрѣшена была переписка изъ виленской тюрьмы, устроенной въ упраздненномъ монастырѣ доминикановъ.—Помню одинъ изъ курьезовъ строгостей тогдашней тюремной цензуры писемъ. Дѣло вышло изъ-за безпокойства мужа о моемъ здоровьи, онъ узналъ, что мнѣ прописано желѣзо, но зная мою безпечность, просилъ въ письмѣ: «не забывать желѣзныя пилюли». Послѣдняя фраза создала цѣлую исторію. Въ камеру тюрьмы къ мужу явился членъ слѣдственной коммиссіи, рѣзко заявивъ: «Если вы будете позволять себѣ въ письмахъ «двусмысленности», то вамъ запретятъ переписку съ женою». Понять трудно, что такое примерещилось членамъ виленской военно-судной коммиссіи въ моихъ безобидныхъ желѣзныхъ пилюляхъ!

Многое тогда грезилось виленскимъ бюрократамъ шестидесятыхъ годовъ. Ихъ конечно увлекало служебное рвеніе, но настолько свыше разума, что оно превращалось въ какой-то фарсъ.—Что касается виленскихъ гражданскихъ чиновъ, то виленскія лѣтописи богаты повѣствованіями о чрезмѣрныхъ жертвахъ Бахусу новыхъ чиновниковъ, привозимыхъ съ бору да съ сосенки, заново обмундированныхъ и пропивавшихъ все вплоть до вицмундировъ, что приводило къ необходимости частыхъ смѣнъ, не только мундировъ, но и носителей оныхъ.

Фарсъ однако примѣшивался къ средневѣковой инквизиціи. Трудно себѣ представить, что могло твориться въ ужасныхъ виленскихъ застѣнкахъ, если при допросахъ политическихъ оффиціально допускались розги, палки и опросъ превращался въ настоящую инквизицію. Исключеніе дѣлалось для дворянъ, но поручикъ Гогель, членъ военно-судной коммиссіи: «сожалѣлъ, что къ дворянамъ недозволено примѣнять физическую пытку и приходится ограничиваться лишь нравственными пытками». Къ числу нравственныхъ воздѣйствій причисляли восемнадцатичасовыя собесѣдованія, безъ перерыва, но съ послѣду-

ющими перерывами ночнаго сна для новыхъ собесѣдованій со слѣдователями. Не малую роль играли всякого рода застращиванія.

Нѣсколько позже на свиданіяхъ въ Вильно мужъ разсказывалъ мнѣ, что во время слѣдствія ему грозили привлечь меня для допроса въ Вильно, хотя-бы съ постели, больную, угрожали, что засадятъ тестя, тещу, хотя послѣдніе не ясно понимали, за что это людей тащутъ въ Вильно.

Однажды, когда его привели на очную ставку,—онъ увидѣлъ на оконцѣ шиншиллевую муфту и синій шелковый капоръ,—точь въ точь мои. «Неужели они исполнили угрозу»—думалось ему. Это и другое обстоятельство мучили его, но онъ всего болѣе боялся, какъ-бы вѣки глазъ не повело у него знакомою ему судорожною дрожью...

Повидимому, онъ не измѣнилъ себѣ и видомъ своихъ душевныхъ страданій не доставилъ удовольствія застѣночнымъ палачамъ.

Въ маѣ, когда разрѣшили свиданія, я уѣхала съ отцемъ въ Вильно, гдѣ впервые увидѣла мужа среди гирлянды фіялковыхъ мундировъ. Мужъ блѣдный, исхудалый, наружно казался спокойнымъ.—Послѣ первыхъ объятій насъ охватило ощущеніе невыносимой неловкости, въ виду устремленныхъ на насъ испытывающихъ взглядовъ господъ, разсѣвшихся между нами, вокругъ стола. Такое sans façons компаніи «читающихъ въ сердцахъ фіялокъ» крайне поразило меня, по моей неопытности. Мнѣ очень хотѣлось отвернуться лицемъ къ заплеснѣвѣлой стѣнѣ доминикановъ и въ полнѣйшемъ отчаяніи, опустивъ глаза на кирпичный полъ, я думала: «первое наше свиданіе, послѣ безконечныхъ, мучительныхъ шести мѣсяцевъ разлуки... и такъ... осквернено!»

Отецъ, болѣе спокойный, пробовалъ заговаривать о томъ, о семъ, но все не клеилось, и ужъ не зная, что сказать, сообщалъ мужу о своей привычкѣ зимою и лѣтомъ купаться въ холодной водѣ, но купальни на р. Виліѣ невѣроятно грязны.—Въ послѣдней фразѣ усмотрѣли, какое-то иносказаніе, и мужу было объявлено, что свиданія прекратятся, если тесть позволитъ себѣ говорить «двусмысленности».

Этой загадки мой покойный отецъ такъ и не смогъ разгадать, не будучи способенъ проникнуть въ неизмѣримую глубину премудрости виленской военно-судной коммиссіи.

Возвратясь въ Петербургъ, отецъ прислалъ ко мнѣ въ Вильно малютку съ кормилицей, а мужъ къ осени переведенъ былъ въ другую тюрьму, въ упраздненномъ монастырѣ босачекъ, гдѣ свиданія происходили за перегородкою помѣщенія нижнихъ жандармскихъ чиновъ, въ родѣ большого чулана съ окномъ. Тутъ прескверно воняло махоркою и всякою дрянью, при чемъ жандармы безцеремонно входили, доставая какія нибудь вещи.

Вдругъ свиданія оборвались, безъ объясненія причинъ. Сильно встревоженная, я отправилась къ предсѣдателю военносудной коммиссіи, полковнику Лосеву, прося его хоть объяснить, почему запрещены свиданія, здоровъ-ли мужъ, что съ нимъ дѣлаютъ... И совершенно

измученная всевозможными сомнѣніями, опасеніями, безсонными ночами, я не смогла сдержать слезъ въ присутствіи Лосева, но толстый полковникъ только пыхтѣвшій, какъ самоваръ, когда я вошла, вдругъ затопалъ ногами, закричалъ, а что, я не поняла.

Кончился судъ и наступилъ день конфирмаціи въ цидатели. Въ этотъ день рано утромъ я должна была выйти на дорогу, которая вела изъ цидатели въ пересыльную тюрьму, чтобы увидать процессію приговоренныхъ въ новомъ облаченіи: въ кандалахъ, съ желтыми тузами на спинахъ. Только мнѣ не привелось выйти на дорогу, потому что въ эту ночь случилось у меня большая тревога. Заболѣвшая тифомъ мамка металась и въ бреду собиралась «удушить дитя», а оно тоже неистово кричало и металось.—Раннимъ утромъ совершенно измученная, я поручила квартирной хозяйкѣ-полькѣ поводиться съ ребенкомъ, а сама объѣздила всѣ больницы въ поискахъ, гдѣ-бы пріютить тифозную, но куда я ни обращалась, всюду двери закрывались передо мною, какъ только заслышатъ мою русскую рѣчь. По польски я говорить не умѣла. — Свою ненависть ко всему русскому поляки и литвины конечно проявляли гдѣ могли. Наконецъ выручилъ меня нѣмецъ, военный врачъ Фовелинъ, числившійся при штабѣ и тюрьмѣ. Онъ развязалъ мнѣ руки, устроивъ мамку въ тифозной лечебницѣ. Уже вечерѣло, когда я попала въ пересыльную тюрьму и тутъ впервые увидѣла энергическую фигуру Огрызки, которому выпала на долю (если не ошибаюсь) двадцатилѣтняя каторга. Они всѣ находились въ обшемъ помѣщеніи, у всѣхъ головы были почти выбритыя. Тутъ я узнала, что ихъ переправляютъ на слѣдующій день товарнымъ поѣздомъ черезъ Петербургъ, но Огрызко отдѣльно на Москву, минуя Петербургъ. Огрызко просилъ меня, поскорѣе, лично извѣстить его петербургскихъ друзей, чтобы они повліяли на его задержку въ Петербургѣ, надѣясь на возможность новаго слѣдствія и кассированія ужасающаго виленскаго приговора.

Наскоро уложившись, я тотчасъ уѣхала въ Петербургъ и въ этомъ поѣздѣ вторую ночь промаялась съ дѣвочкой, которая билась и кричала, какъ иступленная, а я никакъ не умѣла успокоить ее.

Но вотъ я у петербургскаго вокзала, въ окно вагона просунулась, совершенно посѣдѣвшая за этотъ годъ, львиная голова моего отца.

«Ну, что?»

«Шесть лѣтъ каторги.»

Сѣдая голова молча поникла.

Нашъ кучеръ Григорій лихо подкатилъ къ подъѣзду дома, гдѣ окна всей квартиры горѣли въ огняхъ. То былъ канунъ новаго года, рожденный день отца, а въ самый новый годъ его имянины—обычныя, большія торжества въ нашей семьѣ. Поднесла я, бѣднягѣ, подарки!—Сдавъ ребенка бабушкѣ, я торопилась исполнить порученіе Огрызко и немедленно уѣхала разыскивать его друзей. Но я никого изъ нихъ не застала дома, и прислуга не знала, или не хотѣла ска-

зать, гдѣ ихъ искать. Адресаты были холостяками и, гдѣ-то, въ чужихъ гнѣздахъ встрѣчали новый годъ.

Въ темнотѣ зимняго шестого часа утра мы пріѣхали на варшавскій вокзалъ. Мои родители, нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ и друзья мужа, прибывшіе встрѣчать его, упросили стражу привести его на нѣсколько минутъ въ общій залъ. Когда онъ вошелъ и снялъ сѣрую шапку каторжника съ наушниками, мать невольно ахнула, едва узнавъ его лицо, до того оно исхудало, словно послѣ тяжкой, долгой болѣзни.

Совсѣмъ разсвѣло, когда ихъ повели въ пересыльную тюрьму, а кареты и сани съ друзьями и родными двигались нѣкоторое время шагомъ, рядомъ съ ними, шедшими подъ конвоемъ.—Въ каретѣ моя мать закрылась платкомъ,—кажется, плакала, отецъ отвернулся къ противоположному окну, а я высунулась до половины и не могла оторвать глазъ отъ рядовъ каторжанъ, и мнѣ казалось, что только отецъ, мать и эта карета мѣшаютъ мнѣ итти «съ ними» рядомъ, хотя, вѣроятно, я походила нѣсколько на вспугнутаго птенца. Незнакомый мнѣ тогда М. А. Коссовскій, шедшій въ ряду съ краю, сталъ мнѣ весело улыбаться изъ подъ нелѣпой шапки съ наушниками. Онъ приплясывалъ на ходу, словно согрѣвая ноги на ходьбѣ, и встряхивалъ за плечами сѣрый холщевый мѣшокъ съ бѣльемъ. Даже желтый тузъ на его спинѣ не смотрѣлъ такъ трагически уныло...

Въ петербургской пересыльной тюрьмѣ М. А. Коссовскій своимъ дѣланнымъ или настоящимъ юморомъ какъ-то подбадривалъ сидящихъ, да и посѣтителей. Въ тѣ времена въ пересыльную тюрьму допускали рѣшительно всѣхъ, желавшихъ навѣстить ссыльныхъ, и тюремная пріемная превращалась въ раутъ. Послѣ декабристовъ и петрашевцевъ черезъ Петербургъ пересылались только поляки-повстанцы и постепенно лишь массовыя высылки превратились въ обыденное существованіе долготерпѣливыхъ гражданъ.

Въ ожиданіи лѣтняго, болѣе легкаго пути въ Сибирь, подъ предлогомъ болѣзни, мужъ былъ устроенъ въ больницѣ, при рабочемъ домѣ. Въ общей палатѣ находились и другіе такіе-же выжидающіе, а также и дѣйствительно больные поляки. Былъ тутъ даже помѣшанный докторъ Горвичъ, вѣчно слонявшійся вдоль стѣны, съ жалобнымъ причитаніемъ: «Iesus Maria, Iesus Maria!», а заканчивалъ ругательствами.

4-го Апрѣля грянулъ каракозовскій выстрѣлъ, а 16-го апрѣля приговорённымъ по польскому дѣлу сдѣланы были облегченія, такъ что и мужу шестилѣтняя каторга должна была замѣниться ссылкою на поселеніе. Но въ III отдѣленіи слышать не хотѣли объ облегченіяхъ для русскихъ и на мои ходатайства о примѣненіи новаго манифеста отвѣчали: «Ничего не будетъ», или «тамъ, на мѣстѣ, можетъ быть, примѣнятъ». Паника и вмѣстѣ озлобленіе чувствовались на каждомъ шагу.

Отправлялись мы въ восточную Сибирь не этапнымъ порядкомъ, а на свой счетъ, уплачивая за весь путь жандармовъ туда и обратно. Чтобы имѣть возможность взять съ собою няню для ребенка, т. е.,

нуждаясь въ третьемъ свободномъ мѣстѣ въ тарантасѣ, я начала хлопоты о назначеніи лишь одного жандарма вмѣсто двухъ, но очень сурово отнесся къ моей просьбѣ бывшій шефъ жандармовъ П. А. Шуваловъ, рѣзко сказавшій: «Роты мало для такого нераскаяннаго!» Пришлось оставить въ Петербургѣ, къ удовольствію бабушки, ея внучку. Безъ няни, въ дорогѣ, я не съумѣла-бы справиться съ ребенкомъ. Моя мать, безпокоясь за меня и за мою дочь, пыталась отговорить отъ слѣдованія въ Сибирь за мужемъ, но наконецъ сказала: «Повидимому, у тебя нѣтъ другого свѣта кромѣ Сибири, но для чего-же ребенка невиннаго терзать!»

Въ Маѣ 1866 года намъ приходилось отправиться въ далекій, лошадной тогда путь. Желѣзная дорога существовала только до Нижняго-Новгорода. Мой отецъ, отстрачивая минуты разлуки со мною, рѣшилъ проводить меня до Казани на пароходѣ.

Совсѣмъ готовые къ отъѣзду, одѣтые по дорожному, мы присѣли на минутку, какъ это водилось въ нашей патріархальной семьѣ передъ разлукою. Посидѣвъ, помолчавъ, разомъ поднялись, перекрестились и стали прощаться. Мать плача крестила меня, поднесли прощаться дочурку, весело разсмѣявшуюся, наказывая мнѣ: «мама, Олѣ бомбось».

Въ Нижнемъ съ желѣзной дороги пересѣли на пароходъ, а около Казани жандармы внезапно сдѣлали заявленіе, о не разрѣшеніи мнѣ дальнѣйшаго слѣдованія. Отцу пришлось обращаться къ властямъ, чтобы вразумить жандармскаго унтера и рядового о правахъ женъ слѣдовать въ каторгу за мужьями.—Насталъ и часъ вѣчной разлуки съ отцемъ, онъ уплывалъ вверхъ по Волгѣ, а нашъ путь лежалъ по Камѣ на Пермь.

Все дальше и дальше въ страшное, въ неизвѣстное... Я обѣщала отцу, что поднимусь на пароходный мостикъ, махну платкомъ въ послѣдній разъ—на прощанье. Но я не смогла подняться на мостикъ, а спряталась въ каюту, чтобы отецъ не увидѣлъ съ своего парахода, какъ далеко я не на высотѣ положенія, невыносимо страдая, корчась отъ рыданій. Я чуяла, что не увижу его.—Позже онъ писалъ мнѣ въ Сибирь, спрашивая: «почему не поднялась на мостикъ махнуть платкомъ въ послѣдній разъ?»

Я никогда болѣе не увидѣла этого благороднаго, талантливаго, самобытнаго человѣка, моего лучшаго друга.

Съ Перьми началось утомительнѣйшее путешествіе съ жандармами на переднемъ сидѣньи въ тарантасѣ, такъ что нельзя было протянуть ногъ для сна ночью. Жандармы ни разу не позволили остановиться для ночлега или передышки, ссылаясь на строгое предписаніе. И мы скакали, скакали день и ночь, лишь мѣняя ямщиковъ и лошадей, едва закусывая во время перемѣнъ лошадей.—Простудясь еще на пороходѣ, я совсѣмъ расхворалась, жаръ, боли, и на станціи городка Кунгуръ пришлось призвать доктора, прописавшаго лекарства, ванну, спокойное лежанье и прочія невозможности. Жандармы, не допустивъ

къ намъ ссыльныхъ поляковъ, желавшихъ насъ повидать, низачто не хотѣли останавливаться и, посовѣтывавшись между собою, сказали, что не препятствуютъ мнѣ лежать на станціи, но мужа повезутъ дальше—«останавливаться имъ не приказано». Ну, и я конечно объявила, что поѣду дальше, ямщикъ поднялъ меня, какъ ребенка и посадилъ въ тарантасъ. Только докторъ, увидѣвъ, что оба жандарма усаживаются на лавочку противъ меня въ тарантасѣ, не на шутку разсердился, пригрозилъ жалобою на истязаніе, если только одинъ изъ жандармовъ не пересядетъ на козлы къ ямщику, и не дастъ больной протянуть ногъ.

Молодость черпаетъ силы изъ самой себя и я поправилась въ дорогѣ безъ всякихъ лакарствъ и несмотря на бѣшенную скачку. Такъ мы доѣхали до Тобольска, гдѣ мужа водворили въ пересыльную тюрьму, а я заняла въ гостинницѣ номеръ, дверь котораго выходила въ бильярдную, при чемъ въ дверномъ замкѣ не имѣлось ни ключа, ни задвижки, а другихъ номеровъ не оказывалось, по увѣренію грязнаго полового. Съ вечера въ бильярдной начался шумъ, гамъ, пьяные голоса и я со страха забарикадировала дверь коммодомъ, нагромоздила на него стулья, и придвинула столъ.

Въ Тобольскѣ губернаторомъ тогда былъ полякъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ, знакомый моего отца.—Наѣздомъ въ Петербургъ, онъ бывалъ и обѣдалъ у него. Конечно, я привезла ему письмо отъ отца и Деспотъ-Зеновичъ сообщилъ мнѣ, что при жандармахъ не оказалось обычныхъ бумагъ—по какому дѣлу осужденъ препровождаемый. Онъ прибавилъ, что вынужденъ отправить оффиціальный запросъ въ Вильно, намѣстнику западнаго края, Кауфману, иначе нѣтъ возможности примѣнить тѣ облегченія, на которыя мужъ имѣлъ право, т. е. замѣну каторги безсрочною ссылкою съ лишеніемъ правъ.

Пришлось дожидаться отвѣта изъ Вильно. Положеніе А. И. Деспотъ-Зеновича, какъ поляка, было далеко не изъ легкихъ, доносы сыпались на него въ Петербургъ. Онъ не долго губернаторствовалъ. Тогда самая обиходная гуманность по отношенію къ пересылаемымъ соотечественникамъ вмѣнялась ему какъ «попустительство» тобольскими блюстителями.—Многіе разсказывали, да и сама я видѣла, какъ подъ часъ приходилось лавировать этому тобольскому губернатору: грозно возвышался его громкій голосъ, строго сводились густыя, темныя брови, но стоило отвернуться испытующимъ, назойливымъ тобольскимъ ищейкамъ, какъ глаза Александра Ивановича мгновенно уже привѣтливо смотрѣли на людей.

На слѣдующее утро, въ гостинницу ко мнѣ явилась маленькая, добродушная старушка, сѣдая, въ чепцѣ, съ двумя буклями на вискахъ, она объяснялась наполовину по польски, наполовину по русски, сообщая о полученіи письма отъ сыновей изъ Петербурга, поручавшихъ ей оказать мнѣ всевозможную помощь. Тоже писала ей дочь изъ Вильно, мужъ которой временно сидѣлъ въ одной тюрьмѣ съ моимъ

мужемъ. Я нѣсколько изумлялась, никогда не слыхавъ въ Петербургѣ фамиліи ея сыновей. Старушка упросила меня переѣхать къ ней на житье, потому что такой молоденькой женщинѣ неприлично останавливаться въ гостинницѣ, похожей на «кабакъ». Она не только настояла на моемъ переселеніи, но даже устроила меня въ своей спальнѣ, заставивъ своего старика перекочевать въ столовую. — Эти сосланные старички, Ямонтъ, съ двумя дочерьми, печальными, блѣдными дѣвушками, приняли меня чужую, словно свою близкую, родную, а незадолго передъ тѣмъ они совершенно отреклись отъ одного изъ своихъ сыновей (высланнаго административнымъ порядкомъ безъ лишенія правъ), который по легкомыслію былъ причиною какихъ-то арестовъ.

По вечерамъ у нихъ нерѣдко собиралось тобольское польское общество, молодежь пѣла. Здѣсь, и въ другихъ сибирскихъ городахъ, я впервые услышала чудныя, польскія и литовскія народныя пѣсни, то грустныя, мелодичныя, то веселыя или боевыя, полныя огня, жизни. Произведенія Шопена и Монюшко, въ которыхъ, какъ бы воплотилось народное творчество, смѣнялись гимнами и пѣснями временъ повстанья.

Недѣли черезъ двѣ пришелъ отвѣтъ намѣстника изъ Вильно и А. И. Деспотъ-Зеновичъ могъ скинуть съ плечъ мужа шестилѣтнюю каторгу.—Далѣе, въ восточную Сибирь, онъ отправлялся въ качествѣ поселенца, лишеннаго правъ. Распростясь и на память обмѣнявшись портретами съ гостепріимными старичками, мы поплыли по Оби къ Томску. Нашъ пароходъ тянулъ баржу съ уголовными и тѣми политическими, для которыхъ не хватало мѣстъ на пароходѣ. Кромѣ насъ, другихъ русскихъ тутъ не было, тогда пересылались только поляки, литвины, евреи, нѣкоторые отправлялись въ ссылку съ женами, дочерьми. Особенно мнѣ памятенъ славный старый докторъ литвинъ съ громадною сѣдою бородою, то кроткими, то сверкающими синими глазами. Плаваніе предстояло продолжительное, вверхъ по теченію рѣки приходилось тащить баржу нашему слабосильному пароходику. Книгъ у насъ было мало, газетъ давнымъ давно не видѣли. Со скуки мужъ игралъ съ докторомъ въ шахматы, въ пикетъ. Къ пароходу подплывали остяцкія лодки съ рыбою, дичью, лѣсной ягодой. Мы сами закупали всю провизію у остяковъ, а также во время остановокъ парохода въ городкахъ, какъ Нарымъ, Сургутъ, гдѣ мы свободно ходили безъ всякаго конвоя. Наше общее хозяйство вела опытная въ кулинарномъ дѣлѣ пани (теперь забыла, какъ звали нашу благодѣтельницу!). Остальныя женщины, мы по очереди помогали ей въ качествѣ кухонныхъ нижнихъ чиновъ *). У нашей импровизированной поварихи былъ чудесный контральто и вечеромъ я подсажи[illegible]лась къ ней на палубѣ, прося спѣть. Особенно захватывала меня одна ея простая, польская пѣсня: «о родномъ краѣ, который хоть бы разъ еще увидѣть» («za tém krajem, jak by za rajem»).

*) Только хлѣбъ мы брали на пароходѣ.

Неслась пѣсня по пустынной, тихой рѣкѣ, въ глухіе лѣса и тундры, а на грудь ложился все болѣе тяжелый камень...

Почти всѣ окружающіе насъ были людьми перевалившими средній возрастъ и старики, то были послѣдніе могиканы—остатки отъ повстанья. Польская молодежъ давно была перестрѣлена, перевѣшена, погибла въ бояхъ, или-же изнывала въ рудникахъ Сибири.

Наконецъ мы причалили къ Томску, существовавшему еще въ простотѣ патріархальныхъ нравовъ, т.-е. водворенные въ пересыльную тюрьму политическіе могли свободно выходить, безъ конвоя, просто на «честное слово», что вернуться изъ города вечеромъ въ тюрьму къ перекличкѣ.

Конечно, теперь уже давно насажденная цивилизація въ Томскѣ упразднила патріархальные сибирскіе нравы и введено высшее развитіе системы воздѣйствія.

Въ Томскѣ, двѣ совершенно мнѣ незнакомыя, почтенныя, польскія семьи тотчасъ-же на параходной пристани приняли меня подъ свое покровительство. Онѣ жили въ большой общей квартирѣ, гдѣ и поселили меня. Сюда ежедневно приглашался и мужъ къ обѣду при угощеніи на славу польскихъ хозяекъ.—Наши томскіе хлѣбосолы были бездѣтными стариками, заброшенными въ чуждый край и смотрѣли очень тоскливо.

Далѣе, въ енисейскую губернію пришлось отправиться съ цѣлою партіею политическихъ въ сопровожденіи казацкаго конвоя. Ѣхали мы на перекладныхъ телѣжкахъ, пѣли, перебрасывались замѣчаніями, а нашъ эскортъ—добродушные, сибирскіе казаки не только ни въ чемъ насъ не стѣсняли, но послушно исполняли порученія. Вооружены они были столь тупыми шашками, что едва-ли можно разрѣзать ими тѣ огурцы, которые разыскивали для меня эти стражники на станціяхъ по сибирскимъ деревнямъ.

Затѣмъ уже безъ конвоя изъ Красноярска, въ тайгу, мы ѣхали въ кошевкѣ, по такому выбитому лѣсному проселку только что прошедшими на пріиски обозами, кошевка по минутно опрокидовалась и мы выпадали. Особенно тягостно это было по ночамъ, но мы все-таки не хотѣли останавливаться для ночлега въ избахъ таежныхъ зимовьевъ, кишевшихъ вшами и клопами. Вынужденные двигаться по бездорожицѣ почти шагомъ, мѣняя лишь лошадей и ямщиковъ, мы вступили въ самую глубь сѣверной тайги, гдѣ на тысячи верстъ непроходимые лѣса надвигаются, словно сжимая своимъ дикимъ кольцомъ, гдѣ горятъ глаза волчьихъ стай, гдѣ бродятъ сѣрые медвѣди, гдѣ подавляющая тоска безлюдья изматываетъ душу...

С. Пантелѣева.

ЧААДАЕВЪ и НАДЕЖДИНЪ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

(*Окончаніе* *).

VI.

Чаадаевъ въ 1837—1856 гг.

Князь Голицынъ ежемѣсячно доносилъ государю о «состояніи здоровья» Чаадаева. Первый рапортъ за декабрь 1836 года гласилъ: «въ теченіе прошедшаго декабря мѣсяца были предпринимаемы нужныя средства къ врачеванію отставного ротмистра Чаадаева **) и состояніе здоровья его находится въ прежнемъ положеніи...»

17-го декабря московское губернское правленіе свидѣтельствовало умственныя способности Екатерины Дмитріевны Пановой, урожденной Улыбышевой, по просьбѣ мужа ея, пожелавшаго помѣстить жену въ лѣчебное заведеніе Саблера. Изъ сдѣланныхъ ею отвѣтовъ на вопросы правленія видно, что Пановой было 32 года, что замужемъ она пятнадцать лѣтъ, дѣтей не имѣетъ; живетъ всегда въ Москвѣ, зимою же иногда въ деревнѣ, гдѣ владѣетъ 150 душами. На вопросъ: «довольна ли она мѣстомъ своего жительства?» Панова отвѣчала: «я самая счастливая женщина во всемъ мірѣ и всѣмъ была довольна». На вопросъ: «чтитъ-ли и исполняетъ-ли она законы какъ духовные, такъ и гражданскіе?» послѣдовалъ отвѣтъ: «Въ законахъ гражданскихъ я, какъ республиканка, по-религіи же я также исповѣдую законы духовные, какъ и вы всѣ, господа, а когда была польская война, то я молилась Богу, чтобы Онъ полякамъ ниспослалъ побѣду». Когда же ей сказали, что она лучше бы сдѣлала, если бы молилась за русскихъ, Панова отвѣтила: «молилась Богу за поляковъ потому, что они сражались за вольность». О своихъ нервахъ она заявила, что они «до того раздражительны, что я дрожу до отчаянія, до исступленія, а особенно когда начинаютъ меня бить и вязать...» Все это, осо-

---

*) См. „Міръ Божій", № 11, ноябрь 1905 г.

**) Первый разъ, что въ официальной перепискѣ фамилія его написана правильно.

бенно моленье за поляковъ, дало основаніе правленію признать Панову «въ разстроенномъ состояніи умственныхъ способностей» и помѣстить въ сумасшедшій домъ.

Читателю ясно, что мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ многихъ, особенно въ старину, случаевъ, когда за небольшую даже взятку можно было сгноить человѣка въ ужасно обставленныхъ желтыхъ домахъ...

Панова была давно знакома съ Чаадаевымъ. Какъ только до него дошли слухи о ея «сумасшествіи», Чаадаевъ попросилъ черезъ пристава разрѣшенія явиться къ московскому оберъ-полицеймейстеру, Л. М. Цынскому; разрѣшеніе послѣдовало. Явившись, Чаадаевъ объявилъ и вкратцѣ изложилъ письменно, что «коллежская секретарша Панова во время свидѣтельствованія ее губернскимъ правленіемъ въ умственныхъ способностяхъ, разсказывала въ присутствіи, что она республиканка и что во время войны въ 1831 году она молилась за поляковъ, и тому подобные вздоры говорила; а потому онъ опасается, чтобы по прежнимъ его съ Пановою связямъ правительство не заключило, что онъ причиною внушенія ей подобнаго рода мыслей, такъ какъ философическія письма, припечатанныя въ Телескопѣ, были писаны къ ней».

На слѣдующій день (7-го января) Чаадаевъ писалъ Цынскому:

«М. Г. Левъ Михайловичъ. Несколько строкъ, написанныхъ мною вчера у вашего превосходительства объ моихъ сношеніяхъ съ госпожею Пановой, мнѣ кажется недостаточны для объясненія этого обстоятельства, и потому позвольте мнѣ объяснить Вамъ оное еще разъ. Я познакомился съ госпожею Пановой въ 1827 году въ подмосковной, гдѣ она и мужъ ее были мнѣ сосѣдями. Тамъ я съ нею видался часто, потому что въ бездомствѣ находилъ въ этихъ свиданіяхъ развлеченіе. На другой годъ, переселившись въ Москву, куды и они переѣхали, продолжалъ я съ нею видаться. Въ то время господинъ Пановъ занялъ у меня 1.000 руб. и около того же времени отъ жены его получилъ я письмо, *на которое отвѣчалъ тѣмъ, которое напечатано въ Телескопѣ, но къ ней его не послалъ, потому что писалъ его довольно долго, а потомъ знакомство наше прекратилось**). Между тѣмъ срокъ по векселю прошелъ, и я не получилъ ни капитала, ни процентовъ. Спустя кажется еще годъ подалъ я вексель ко взысканію, и получилъ отъ госпожи Пановой другое письмо довольно грубое, въ которомъ она меня упрекала въ моемъ поступкѣ. Въ 1834 году передалъ я вексель купцу Лахтину за 800 руб. Въ это время я не видался съ ними, и даже не зналъ гдѣ они находятся. Прошлаго года госпожа Панова вдругъ извѣстила меня что она здѣсь, и съ легкомысліемъ объявила мнѣ, что вексель будучи выплаченъ, она же-

*) Курсивъ вездѣ мой. Ясно, что 1-е „письмо“ писалось въ 1828 году.

лаетъ возобновить со мною знакомство, на что я отвѣчалъ что готовъ ее видѣть. Тогда она пріѣхала ко мнѣ съ мужемъ, *и тутъ впервые узнала о существованіи письма къ ней написаннаго* и давно всѣмъ извѣстнаго *). Мы въ это время еще раза два видѣлись; потомъ она уѣхала въ Нижній, и болѣе я ее не видалъ. Надобно еще знать, что всѣ протчіе, такъ называемые мои философическія письма, написаны какъ будто къ той же женщинѣ, *но что г. Панова объ нихъ никогда даже не слыхала.*

«Что касается до того, что эта нещастная женщина теперь, въ сумашествіи, говоритъ, на примѣръ, что она республиканка, что она молилась за поляковъ, и протчій вздоръ, то я увѣренъ, что есть ли спросить ее говорилъ ли я съ ней когда-либо про что-нибудь подобное, то она, несмотря на свое жалкое положеніе, не смотря на то что почитаетъ себя безсмертною и въ припадкахъ бьетъ людей, конечно скажетъ что нѣтъ. Сверхъ того и мужъ ее тоже можетъ подтвердить.

«Все это пишу къ Вашему превосходительству потому что въ городѣ много говорятъ объ моихъ сношеніяхъ съ нею, прибавляя разныя нелѣпости, и потому что я лишенный всякой ограды, не имѣю возможности защитить себя ни отъ клеветы, ни отъ злонамѣренія. Впротчемъ я убѣжденъ что мудрое правительство не обратитъ никакого вниманія на слова безумной женщины, тѣмъ болѣе что имѣетъ въ рукахъ мои бумаги, изъ которыхъ можно ясно видеть сколь мало я раздѣляю мнѣнія ныне бредствующихъ умствователей.

«Честь имѣю быть, м. г., съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга Петръ Чаадаевъ» **).

Вамъ, читатель, непріятно какъ то дѣлается, когда вы читаете это поспѣшное отреченіе, да еще съ такимъ концомъ, человѣка, который тоже дѣлалъ видъ, что вѣрилъ въ сумасшествіе женщины, слишкомъ радикальной для современнаго ему московскаго общества... Я думаю, что Чаадаева оправдываютъ страданія отъ собственнаго «сумасшествія», которыя онъ, дѣйствительно, не будучи никогда республиканцемъ, боялся увеличить.

10 апрѣля, въ отчетѣ за мартъ, кн. Голицынъ къ обычной формѣ рапорта прибавилъ: «Нынѣ г. Чаадаевъ уже не находится въ такомъ расположеніи духа какъ было при сочиненіи извѣстныхъ Вашему Императорскому Величеству философическихъ писемъ, онъ вполнѣ возчувствовалъ и заблужденіе свое, которое его завлекло къ изложенію лож-

---

*) Въ „краткой запискѣ“ Чаадаевъ говоритъ, что мужъ Пановой былъ у него на другой день и взялъ это письмо.

**) Это письмо очень неисправно, съ копіи, напечатано въ „Вѣст. Европы“ 1871 г., XI, 328—329.

ныхъ понятій, чрезъ что подвергнулся онъ справедливому гневу В. В. и общему нареканію».

Аналогичные рапорты были посланы еще 8 мая, 8 іюня и 9 іюля. На послѣднемъ рукою Бенкендорфа: «написать кн. Голицыну, что по пріѣздѣ государя въ Москву князь долженъ доложить о прекращеніи сего леченія». 29 октября 1837 года кн. Голицынъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, на которомъ 30-го была положена резолюція: «Освободить отъ медицинскаго надзора подъ условіемъ, не смѣть ничего писать» *).

Вотъ, слѣдовательно, почему мы не имѣемъ ничего, кромѣ единственнаго «письма»: Чаадаевъ, какъ писатель, уничтожено былъ до конца своихъ дней... Вникните въ эту ужасную кару, если можете понимать психологію писателя, и вамъ станетъ ясно многое изъ личной жизни «басманскаго философа»... Загнанный въ раковину собственнаго кабинета, собственныхъ мыслей и чувствъ, лишенный возможности широко дѣлиться ими съ окружающими, чувствовавшій на себѣ постоянный взоръ полицейскаго недреманнаго ока—этотъ человѣкъ сталъ болѣзненно чувствителенъ къ каждому прикосновенію... По вѣрному опредѣленію Герцена, онъ сталъ «лишнимъ, сломаннымъ человѣкомъ»...

И московское общество охраняло Чаадаева отъ всякихъ подобныхъ прикосновеній. Даже враги заботились объ этомъ. Когда въ 1844 году «въ Христѣ—Бозѣ нашемъ жандармствовавшій» Н. М. Языковъ, къ стыду славянофиловъ, называвшійся ихъ именемъ, написалъ на Чадаева прямой стихотворный доносъ, славянофилы всячески скрывали его, и только послѣ смерти Языкова онъ попался на глаза самому адресату.

Вотъ это позорное стихотвореніе:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна!
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю Папъ,—
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушной,
Всего чужого гордый рабъ!
Свое ты все презрѣлъ и выдалъ.
Но ты еще не сокрушенъ;
Но ты стоишь, плѣшивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ женъ!
Ты цѣлъ еще: тебѣ донынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ свѣтъ;

---

*) Это совершенно опровергаетъ показанія Жихарева, Свербеева и др. о срокахъ прощенія. Повторяю сказанное еще въ началѣ: за массою ошибокъ пи савшихъ о Чаадаевѣ, Надеждинѣ и „Телескопѣ“ я совершенно не считаю нужнымъ слѣдить и исправлять каждую изъ нихъ, потому что это очень бы испестрило работу. Указываю лишь наиболѣе важное.

Своей презрительной гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ.
Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать
На насъ, на все, что намъ священно,
Въ чемъ наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаемъ смиренно;
Твои преступныя слова,
Мы осыпаемъ похвалами,
Другъ другу ихъ передаемъ
Страннопріимными устами
И небрезгливымъ языкомъ!
А ты тѣмъ выше, тѣмъ ты краше:
Тебѣ угоденъ этотъ срамъ,
Тебѣ любезно рабство наше.
О горе намъ, о горе намъ! *)

Тотъ же Языковъ написалъ еще и другой доносъ на Чаадаева—конецъ посланія его къ К. С. Аксакову:

. . . . . .
Дай руку мнѣ. Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становитъ
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословитъ
И ненавидитъ всей душой,
И кто, нѣметчинѣ лукавой
Передался.—И вслѣдъ за ней,
За госпожею величавой
Идетъ блистательный лакей...
А православную царицу
И матерь русскихъ городовъ
Смѣнять на пышную блудницу
На вавилонскую готовъ! **)
. . . . . .

Прочитавъ со вниманіемъ оба эти доноса, только вѣроятно благодаря кн. Голицыну, не имѣвшіе вредныхъ для Чаадаева послѣдствій, вамъ станетъ ясно, что Чаадаевъ былъ неисправимымъ «западникомъ», хотя и поддерживалъ личныя отношенія съ лучшими изъ славянофиловъ. Кромѣ того, видно то широкое расположеніе и преклоненіе, которое проявляло московское общество къ своему басманскому аборигену. Этому не противорѣчатъ и другія свидѣтельства. Вѣроятно, та-

*) Заимствую изъ „Рус. Архива“ 1875 г. II, 111. По другому менѣе, по моему, вѣрному списку, они напечатаны у Жихарева („Вѣст. Евр.“ 1871 г., IX, 46—47).
**) „Вѣст. Европы“ 1871 г., IX, 44—45.

кое расположеніе было отчасти результатомъ психики и самого Чаадаева. «Умѣренность, терпимость и любовь ко всему доброму, умному, хорошему, въ какомъ бы цвѣтѣ оно ни являлось,—вотъ мое исповѣданіе»—писалъ онъ въ это время Погодину въ отвѣтъ на приглашеніе участвовать въ реформировавшемся «Москвитянинѣ» *).

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что Чаадаевъ былъ со всѣми хорошъ и близокъ. Какъ и у каждаго, друзей у него было не особенно много, гораздо больше пріятелей и людей вполнѣ расположенныхъ, но были и враги, такіе враги, которые только дѣлали честь Чаадаеву, не смѣя смотрѣть ему въ глаза или злобствуя противъ него **)...

«Сначала въ продолженіе двухъ, трехъ, много четырехъ годовъ,—разсказываетъ Жихаревъ,—отъ него отчасти сторонились мало, впрочемъ, замѣтное число болѣе или менѣе офиціальныхъ или, быть можетъ, болѣе или менѣе трусливыхъ людей, да нѣсколько видныхъ тузовъ обоего пола, недовольныхъ и разгнѣванныхъ его мнѣніями, которыхъ они, однакоже, подробно и въ ясной точности никогда не знали. Съ прошествіемъ времени и это явленіе совершенно исчезло. Тузы не замедлили разобраться по кладбищамъ, офиціальные люди перестали дичиться, а къ робкимъ возвратилась бодрость, и въ чистомъ результатѣ оказалось, что его исторія способствовала къ выработанію для него большого общественнаго положенія... Онъ сталъ входить въ сношенія, со всѣми безъ различія, какъ будто бы его «исторіи» никогда не существовало, съ людьми офиціальными, правительственными, государственными, придворными, познакомился съ митрополитомъ и бывалъ приглашаемъ на праздники, гдѣ присутствовали государи и дворъ. Только до личныхъ сношеній ни съ государемъ, ни съ членами императорской фамиліи онъ не дожилъ» ***).

На гостепріимство москвичей Чаадаевъ отвѣчалъ широко распахнутыми дверьми собственнаго дома. Сначала вечерами по средамъ, а затѣмъ утрами по понедѣльникамъ онъ собиралъ у себя массу самыхъ разнообразныхъ членовъ общества и способствовалъ живому обмѣну мнѣній и новостей. «Кто бы ни проѣзжалъ черезъ городъ изъ людей замѣчательныхъ, давній знакомецъ посѣщалъ его, незнакомый спѣшилъ съ нимъ знакомиться. Кюстинъ, Могенъ, Мармье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берліозъ, Гакстгаузенъ,—всѣ у него перебывали» ****).

Здѣсь кстати привести прекрасное мѣсто изъ «Былого и думъ», гдѣ Герценъ отвѣчаетъ на вопросы, сами собой встающіе, вѣроятно, и передъ нѣкоторыми изъ читателей настоящей работы.

---

*) „Вѣст. Европы“ 1871 г., XI, 342.

**) Къ сожалѣнію, въ число враговъ попалъ какъ то и князь П. В. Долгоруковъ, потомъ эмигрировавшій изъ Россіи. Интересующіеся найдутъ объ этомъ страницы у Жихарева („Вѣст. Европы“ 1871 г. IX, 48—49).

***) „Вѣст. Европы“, 1871 г., IX, 39—40.

****) *Свербеевъ*, н. с., „Рус. Архивъ“ 1868 г., VI, 995.

«Зачѣмъ въ его небольшомъ, скромномъ кабинетѣ толпились по понедѣльникамъ «тузы» англійскаго клуба, патриціи Тверского бульвара? Зачѣмъ модныя дамы заглядывали въ келью угрюмаго мыслителя, зачѣмъ генералы, не желающіе ничего штатскаго, считали себя обязанными явиться къ старику, неловко прикинуться образованными людьми и хвастаться потомъ, перевирая какое-нибудь слово Чаадаева, сказанное на ихъ же счетъ? Зачѣмъ я встрѣчаю у него дикаго Американца-Толстого и дикаго генералъ-адъютанта Шипова, уничтожившаго просвѣщеніе въ Польшѣ? Чаадаевъ не только не дѣлалъ имъ уступокъ, но тѣснилъ ихъ и очень хорошо давалъ имъ чувствовать разстояніе между нимъ и ими. Разумѣется, что люди эти ѣздили къ нему и звали на свои рауты изъ тщеславія, но до этого дѣла нѣтъ; тутъ важно невольное сознаніе, что мысль стала мощью, имѣла свое почетное мѣсто вопреки высочайшему повелѣнію» *).

По словамъ Жихарева,—«Чаадаевъ отъ остальныхъ людей отличался необыкновенной нравственно-духовной возбудительностью. Онъ въ высокой степени былъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ *anregend*. Его разговоръ и даже одно его присутствіе дѣйствовали на другихъ, какъ дѣйствуетъ шпора на благородную лошадь. При немъ какъ то нельзя, не ловко было отдаваться ежедневной пошлости. При его появленіи всякій какъ-то невольно, нравственно и умственно осматривался, прибирался и охорашивался» **).

Это вполнѣ подтверждаетъ свидѣтельство Кирпичникова, что папки Румянцевскаго музея съ чаадаевскими бумагами переполнены письмами, авторы которыхъ обращаются къ нему со словами «cher et bon maître» и подписываются «disciple» ***).

Это, конечно, не значитъ, что тогдашняя молодежь считала Чаадаева своимъ учителемъ. Наиболѣе передовые ея представители сознавали, что онъ «отсталъ». Таково было впечатлѣніе и Герцена, записавшаго послѣ одного спора съ Чаадаевымъ о католицизмѣ и современности въ сентябрѣ 1842 года: «при всемъ большомъ умѣ, при всей начитанности и ловкости въ изложеніи и развитіи своей мысли, онъ ужасно отсталъ... Это голосъ изъ гроба, голосъ изъ страны смерти и уничтоженія. Намъ страненъ этотъ голосъ» ****). Это не мѣшало уваженію. Тотъ же Герценъ, дѣлая передъ отъѣздомъ за границу прощальный обѣдъ, въ числѣ немногихъ пригласилъ и Чаадаева и пилъ особо за его здоровье.

Чаадаевъ былъ постоянно въ курсѣ общественной и литературной жизни, всегда самъ участвовала въ ней, поскольку могъ.

---

*) „Сочиненія“, VII, 278—279.

**) „Вѣстникъ Европы“, 1871 г., IX, 42.

***) *Кирпичниковъ*, н. с., II, 135.

****) „Сочиненія“, VI. 24.

Москва живетъ лекціями Грановскаго—Чаадаевъ, конечно, въ числѣ слушателей и въ восторгѣ отъ ихъ содержанія.

На слѣдующій зимній сезонъ читаетъ лекціи «московскій сквернословъ» Шевыревъ, а славянофилы ихъ всячески муссируютъ—Чаадаевъ опять сидитъ въ публикѣ, но, конечно, уже съ иными впечатлѣніями. «Не сомнѣваюсь,—пишетъ онъ французу Сиркуру,—что нашему профессору, въ концѣ концовъ, удастся доказать съ полной очевидностью превосходства нашей цивилизаціи надъ вашей,—тезисъ, къ которому сводится вся его программа» *)...

Хомяковъ провелъ цѣлый рядъ бесѣдъ на свою излюбленную тему—Чаадаевъ уже сообщаетъ о нихъ тому же Сиркуру: «Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ мыслителей, котораго вы легко узнаете по этому признаку, недавно доказалъ съ отличающей его силой логики, что въ принципѣ христіанство было возможно лишь въ нашей соціальной средѣ, что лишь въ ней оно могло расцвѣсти вполнѣ, такъ какъ мы были единственнымъ народомъ въ мірѣ, вполнѣ приспособленнымъ къ тому, чтобы принять его въ его чистѣйшей формѣ; откуда слѣдуетъ, какъ видите, что Іисусъ Христосъ, строго говоря, могъ бы не разсылать своихъ апостоловъ по всей землѣ и что для исполненія распредѣленной между ними обязанности было совершенно достаточно одного апостола Андрея»...

Все это такъ дѣйствовало на Чаадаева, что въ то же самое время онъ пишетъ А. И. Тургеневу: «Мы затопили у себя курную хату; сидимъ въ дыму; зги божьей не видать» **).

«Переписка съ друзьями» Гоголя тоже оцѣнена Чаадаевымъ по достоинству. По его мнѣнію, Гоголь насъ немного обманулъ, вотъ почему мы на него и сердимся.

«Что касается до меня,—пишетъ онъ кн. Вяземскому,—то мнѣ кажется, что всего любопытнѣе въ этомъ случаѣ не самъ Гоголь, а то, что его такимъ сотворило, какимъ онъ теперь предъ нами явился. Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время, напыщенною народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Какъ народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чванство искони въ обычаѣ, гдѣ оно, такъ ска-

*) „Вѣстн. Европы“ 1900 г., XII, 473.
**) „Вѣстн. Европы“ 1871 г., XI, 333.

зать, по неволѣ вышло изъ событій историческихъ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пошлая, тамъ оно по этому самому принадлежитъ толпѣ и на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не можетъ; у насъ же слабость эта вдругъ развернулась, наперекоръ всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ вѣковыхъ привычекъ и понятій, самымъ неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала врасплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, отъ нея дурѣютъ»!.. «Но знаете ли, откуда взялось у насъ на Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло оттого, что намъ понадобился писатель, котораго бы могли поставить на ряду со всѣми великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ иныхъ писателей настоящаго времени и прошлаго. Это странно, но это сущая правда» *)...

Событія 1848—1849 годовъ значительно повліяли на Чаадаева. Онъ, подобно Герцену, сталъ испытывать тотъ соціальный пессимизмъ, который совершенно вырвалъ всякую надежду на будущее Европы. У Чаадаева, конечно, онъ сказался, не такъ ярко, потому что, съ одной стороны, онъ былъ человѣкомъ другихъ лѣтъ и взглядовъ, а съ другой—не видѣлъ событій вплотную. Но во всякомъ случаѣ вѣра его въ Европу какъ бы надломилась.

Вотъ что онъ писалъ Хомякову: «въ одномъ только не могу съ нимъ **) согласиться, а именно, что намъ не нужно заниматься Европой, что намъ должно оставить о ней попеченіе. Я полагаю, напротивъ того, что попеченіе наше о ней теперь необходимо, что намъ очень нужно ей теперь заняться. Такъ, вѣроятно, думалъ и тотъ, который увѣнчаетъ насъ новой, славной побѣдой. Не знаю, какъ сочинитель письма не замѣтилъ, что еслибъ мы не занимались Европой, то насъ бы не было въ Венгріи, то мятежъ не былъ бы укрощенъ, что Венгрія не была бы у ногъ русскаго Царя, великодушный Бахъ находился бы теперь очень въ непріятномъ положеніи, общая ваша пріятельница была бы въ глубокомъ горѣ и, наконецъ, мы не имѣли бы случая обнаружить своего въ торжествѣ смиренія. Въ томъ совершенно согласенъ съ вашимъ почтеннымъ сочувственникомъ, что Европа намъ завидуетъ, и увѣренъ, что еслибъ лучше насъ знала, еслибъ видѣла, какъ благоденствуемъ у себя дома, то еще пуще стала бы завидовать, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ намъ должно было оставить о ней попеченіе. Вражда ея не должна насъ лишать нашего высокаго призванія внести порядокъ, возвратить народамъ покой, научить ихъ повиноваться властямъ, такъ какъ мы сами имъ повинуемся, однимъ словомъ, внести въ міръ, преданный безначалію, наше спасительное *начало*» ***).

*) „Вѣстн. Европы“ 1871 г., XI, 336, 337.

**) Кто-то пересылалъ черезъ Чаадаева свою статью Хомякову. Она была прочитана первымъ до передачи. О ней и рѣчь идетъ.

***) „Вѣстн. Европы“ 1871 г., XI, 341.

Я думаю, что центръ тяжести всего этого прославленія нашего благополучія лежитъ въ послѣдней фразѣ: Чаадаеву чудилась возможность спасти Европу... И здѣсь сходство съ Герценомъ.

Этотъ отрывокъ не будетъ очень удивителенъ, если вспомнить пессимизмъ Герцена, вылившійся въ «Письма изъ Франціи и Италіи». Напримѣръ: «Вся Европа выйдетъ изъ фукъ своихъ, будетъ втянута въ общій разгромъ; предѣлы странъ измѣнятся; народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и оскорблены. Города, взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣютъ, образованіе падетъ, фабрики остановятся, въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ рукъ, какъ послѣ Тридцатилѣтней войны; усталые, заморенные народы покорятся всему, военный деспотизмъ замѣнитъ всякую законность и всякое управленіе. Тогда побѣдители начнутъ драку за добычу. Испуганная цивилизація, индустрія побѣгутъ въ Англію, въ Америку, унося съ собой, отъ гибели кто деньги, кто науку, кто начатый трудъ. Изъ Европы сдѣлается нѣчто въ родѣ Богеміи послѣ гусситовъ» *).

А, вѣдь, Чаадаевъ видѣлъ еще къ тому же, что рушатся страны католицизма...

Только тѣ, кто боленъ близорукостью, могутъ бросать это письмо къ Хомякову, какъ обвиненіе Чаадаева въ паденіи **)...

Во всякомъ случаѣ, этотъ періодъ его жизни заслуживалъ бы серьезнаго вниманія и изученія, если бы мы обладали какими-нибудь къ этому источниками.

У Чаадаева случай паденія былъ, но позже.

Въ 1853 г. Герценъ выпустилъ второе изданіе «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», гдѣ о Чаадаевѣ, между прочимъ, говорится: «Enfin il vint un homme dont l'âme débordait d'amertume... Sévère et froid, l'auteur demande compte à la Russie de toutes les souffrances dont elle abreuve un homme qui ose sortir de l'état de brute». По словамъ Жихарева, Чаадаевъ узналъ о книгѣ отъ гр. А. Ѳ. Орлова, шефа жандармовъ, съ которымъ онъ давно былъ знакомъ. Онъ былъ очень доволенъ и польщенъ отзывами Герцена и вдругъ,

*) „Сочиненія", V, 159.

**) Здѣсь кстати упомянуть объ одной передержкѣ Щебальскаго. Этотъ „историкъ", спеціально занимавшійся много лѣтъ подборомъ основаній такихъ посылокъ, изъ которыхъ никогда бы нельзя было вывести желательнаго ему заключенія, вздумалъ, между прочимъ, обезславить Чаадаева. При способностяхъ къ оклеветанію это и то не удалось. Вотъ что онъ продѣлывалъ, напримѣръ. У Жихарева есть разсказъ, какъ А. С. Цуриковъ передѣлалъ на французскій языкъ „Клеветникамъ Россіи" и далъ брошюрку Чаадаеву. Щебальскій, не задумываясь, переписалъ эту передѣлку на Чаадаева и, тряся ею въ воздухѣ, кричалъ: „вотъ каковъ вашъ хваленый либералъ!" А чтобы не остаться безъ резерва, даже сослался на Жихарева. Вся эта свистопляска напечатана въ ноябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" 1884 года.

на другой же день пишетъ Орлову: «М. г. графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Слышу, что въ книгѣ Герцена мнѣ приписываются мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ моими мнѣніями. Хотя изъ словъ вашего сіятельства и вижу, что въ этой *наглой клеветѣ* не видите особенной важности, однако, не могу не опасаться, чтобы она не оставила въ умѣ вашемъ нѣкотораго впечатлѣнія. Глубоко благодаренъ бы былъ вашему сіятельству, если бы вамъ угодно было доставить мнѣ возможность ее опровергнуть и представить вамъ письменно это опроверженіе, *а, можетъ быть, и опроверженіе всей книги.* Для этого, разумѣется, нужна мнѣ самая книга, которой не могу имѣть иначе, какъ изъ рукъ вашихъ.

«Каждый русскій, каждый вѣрноподданный Царя, въ которомъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, *долженъ гордиться* быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда *наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину*, приписываетъ намъ собственные свои чувства и кидаетъ на имя наше *собственный свой позоръ*?

«Смѣю надѣятьея, ваше сіятельство, что благосклонно примите мою просьбу и если не заблагоразсудите ее исполнить, то сохраните мнѣ ваше благорасположеніе» *).

Очень скоро послѣ отправки этого письма по адресу, Чаадаевъ копію съ него прислалъ Жихареву, назначая на другой день съ нимъ гдѣ-то отобѣдать. Жихаревъ въ упоръ назвалъ эту выходку «bassesse gratuite» (ненужной гадостью), а Чаадаевъ отвѣтилъ: «Mon cher, on tient à sa peau»... Герценъ никогда не узналъ, насколько унизился боявшійся за свою шкуру Чаадаевъ... Вѣдь онъ его отнюдь не считалъ «гнуснымъ бѣглецомъ», а за два года до выхода книги самъ же писалъ ему... Но это письмо какъ разъ и наводитъ на мысль, что Чаадаевъ ясно сознавалъ, что «гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу», и «не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ униженіемъ и которое по этому самому пагубнѣе перваго» **).

Но врядъ ли мы можемъ бросить за это въ него камнемъ обвиненія, въ него, который имѣлъ уже на плечахъ 60 лѣтъ... Вѣдь, не перестали же мы уважать Некрасова за то, что, тоже берегя свою шкуру, онъ рѣшился вдругъ сказать Муравьеву-Виленскому:

„Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги“!

---

*) ...стникъ Европы“ 1871 г., IX, 50. Курсивъ мой.

**) „Сочиненія А. И. Герцена“, VII, 263.

А при николаевскихъ порядкахъ личности было гораздо труднѣе выдержать себя до конца...

Кромѣ того, весьма возможно, что Чаадаевъ зналъ въ это время и ужъ навѣрное ясно ощущалъ снова усилившійся за собой полицейскій надзоръ. Этимъ онъ обязанъ былъ гр. Закревскому, который въ заботахъ о крѣпости николаевскаго строя добился (въ 1852 году) политическаго гоненія на славянофиловъ, къ которымъ причислилъ и Чаадаева. Узнавъ объ этомъ, московскій жандармъ, генералъ Перфильевъ всячески доказывалъ, что ни Армфельдъ, ни Свербеевъ, ни Чаадаевъ никакъ не могутъ быть причислены къ славянофиламъ и потому подлежатъ освобожденію отъ полицейскаго надзора,—но это ни къ чему не привело: Закревскій не сдавался, находя, что поведеніе Чаадаева предосудительно *).

14 апрѣля 1856 г. Чаадаева не стало.

VII.

Надеждинъ въ 1837—1856 гг.

Въ началѣ февраля 1837 г. Надеждинъ выѣхалъ изъ Москвы въ ссылку. Повидимому, онъ успѣлъ еще тамъ познакомиться съ исправлявшемъ тогда должность вологодскаго губернатора **), генераломъ Д. Н. Болговскимъ, и заручиться отъ него письмомъ къ его помощнику, П. А. Ножеву. По крайней мѣрѣ, 10-го февраля, уже изъ Вологды, Надеждинъ пишетъ Болговскому, что прибылъ туда. «Съ симъ вмѣстѣ позвольте мнѣ излить предъ Вами чувства глубочайшей признательности за тотъ благосклонный пріемъ, который я встрѣтилъ въ Вологдѣ и которымъ я обязанъ благородному покровительству В. Пр—ва. Въ Павлѣ Апполоновичѣ, которому я имѣлъ честь вручить Ваше посьмо, нашелъ я самую лестную снисходительность, самое обязательное вниманіе ко всѣмъ нуждамъ моего положенія; Богъ да благословитъ его и Васъ! Половина тяжести спала съ души моей, когда я увидѣлъ, въ чьи руки угодно было промыслу предать судьбу мою. Какъ высочайшее счастіе, цѣню я, что долженъ жить подъ начальствомъ В. П. Одно только печалитъ меня, что слишкомъ дальнее разстояніе не дозволитъ мнѣ воспользоваться всѣмъ благодѣтельнымъ вліяніемъ, какое оно могло бы имѣть не только на внѣшнее, но и на внутреннее состояніе. Подъ непосредственнымъ

*) Изъ архива III отдѣленія, дѣло № 471. 1 экспед. 1849 года.

**) Собственно: военнаго губернатора города Вологды и вологодскаго гражданскаго губернатора. Этотъ Болговской, будучи полковникомъ, былъ замѣшанъ въ дѣло Сперанскаго 1812 года. Его тогда арестовали, привезли въ Петербургъ и сослали въ Сибирь. Съ дороги Александръ I вернулъ его и снова далъ полкъ („Сочиненія“ Герцена, II. 357).

Вашимъ надзоромъ я бы тверже вынесъ свое несчастіе и скорѣе бы укрѣпился въ духѣ, чтобы, согласно отеческой волѣ милосерднаго Монарха, загладить вину свою и собраться съ новыми, достойными силами для служенія Ему и Отечеству. Но да будетъ во всемъ воля Божія! Мой долгъ безусловная покорность, глубокая преданность Промыслу и надежда на его благость. Всѣ желанія, какія дозволяю я себѣ имѣть, состоятъ въ томъ, чтобы Богъ продлилъ ваше пребываніе въ Вологдѣ для моего счастія. Пока я буду чувствовать себя подъ начальствомъ В. П., отчаяніе не найдетъ доступа въ мою душу; я не буду считать себя погибшимъ».

Въ концѣ февраля Болговской вошелъ къ Бенкендорфу со слѣдующей докладной запиской: «*Надеждинъ*, надворный совѣтникъ, ему повелѣно быть въ Усть-сысольскомъ городѣ, отстоящемъ отъ губернскаго слишкомъ 800 верстъ. Дерзская не только редакція послѣднихъ бредней Чаадаева, но и апологія въ собственномъ его примѣчаніи изложенной въ пользу и смыслѣ сихъ писемъ, суть праведный приговоръ его; не менѣе того убѣждаясь видами правительства желающаго дарованіе сего писателя обратить на пользу и во славу любезнаго отечества *), заставляетъ меня мыслить, что пребываніе Надеждина въ въ губернскомъ городѣ болѣе будетъ соотвѣтственно таковой цѣли и сіе потому, что тутъ находясь подъ личнымъ моимъ надзоромъ, онъ не только не учинитъ ничего противузаконнаго, но можетъ статься, не удасся ли мнѣ внушить ему не страхъ одинъ полицейскій, но и убѣдя его въ ложномъ о вещахъ понятіи, съ тѣмъ вмѣстѣ перелить въ него и настоящее чувство соотечественника вѣрноподданнаго...».

Вслѣдъ за этой удивительно понятной и грамотной бумагой слѣдовала другая, въ которой сообщалось, что въ виду ревматизма обѣихъ ногъ, «гемаррійдальныхъ» припадковъ и боли въ груди, Надеждинъ остается пока въ Вологдѣ. 30-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ Бенкендорфу представленіе Болговскаго объ ослабленіи надзора за Надеждинымъ и о переводѣ его въ Вологду. Министру было отвѣчено: «надзоръ долженъ быть обыкновенный полицейскій. Ему нѣтъ воспрещенія писать и присылать сюда свои сочиненія, которыя и будутъ разсматриваться цензурою». Дѣлать докладъ государю о Вологдѣ Бенкендорфъ «не счелъ себя въ правѣ». Въ іюлѣ Надеждинъ выѣхалъ въ Усть-Сысольскъ.

Тамъ онъ сталъ составлять статьи для «Энциклопедическаго Словаря» Плюшара (болѣе 100) и кое-что посылалъ въ «Библіотеку для Чтенія» и въ «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду». Усиленная работа объяснялась, кромѣ всего другого, необходимостью расплачиваться съ долгами... Вскорѣ Надеждинъ узналъ, что Е. В. Сухово-

*) Это вполнѣ подтверждаетъ слова Никитенка.

Кобылина уѣхала за границу и въ Испаніи вышла за графа Генрика Сальяса-де-Турнемира *).

Спустя нѣкоторое время, 31-го августа, Надеждинъ снова возбуждаетъ вопросъ о переѣздѣ въ Вологду. Изложивъ въ письмѣ своемъ Бологовскому ходъ своей болѣзни, онъ продолжаетъ:

«Въ такомъ крайнемъ положеніи беру смѣлость обратиться къ благородному покровительству В. П., какъ единственнаго ходатая несчастныхъ предъ великодушнымъ правительствомъ, которое столько же милосердо, сколько и правосудно. Глубоко сознавая вину свою, я готовъ терпѣть всякое наказаніе. Но, В. П., я желалъ бы сохранить остатки бѣднаго моего существованія, чтобы хотя сколько-нибудь загладить несчастный проступокъ, погубившій меня, будущими, неусыпными трудами на пользу отечества. Безпредѣльное милосердіе Монарха не лишило меня этой надежды, даровавъ возможность трудиться. изливать и передавать свои мысли. В. П. понимаете всю важность этого единственно остающагося мнѣ утѣшенія. Я бы не побоялся смерти въ этой отдаленной пустынѣ; я боюсь только оставить на себѣ пятно моего несчастнаго проступка. Жизнь дорога для меня въ томъ только отношеніи, что я надѣюсь смыть ею это пятно—надѣюсь доказать, какъ чиста моя душа, какъ неукоризненъ мой истинный образъ мыслей, какой безпредѣльной преданностью исполнено сердце мое къ любезному Отечеству и обожаемому Монарху. Для этой высокой цѣли я готовъ употребить всѣ мои силы, все рвеніе; но мнѣ недостаетъ физическихъ силъ которыя скоро могутъ и вовсе истощиться. Удостойте-жь, В. П., милостиваго вниманія это первое **) и послѣднее прошеніе, которымъ осмѣливаюсь утруждать въ лицѣ Вашемъ правосудное и милосердое правительство! Будьте моимъ воскресителемъ! Исходатайствуйте мнѣ возможность существовать и трудиться—по крайней мѣрѣ, подъ Вашимъ непосредственнымъ надзоромъ, руководствомъ и попечительностью! Съ моей же стороны, я смѣю обѣщать, и сдержу обѣщаніе—что покровительство Ваше будетъ оправдано всею моею жизнью».

Снова Болговской возбуждаетъ ходатайство. Повторивъ почти слово въ слово свою прежнюю докладную записку, онъ такъ заканчиваетъ свое отношеніе къ Бенкендорфу: «смѣю только по долгу и обязанности сказать, что Надеждинъ во все время бытія его въ губерніи ведетъ себя отлично, скромно, ежечасно раскаивается въ проступкѣ своемъ и что томительное сіе чувство можетъ быть есть главнѣйшая причина и въ разстройствѣ его жизненности. Обстоятельство сіе, равно и жребій сего Надеждина имѣю честь предать ходатайствунѣжнаго сердца Вашего сіятельства».

---

*) *Н. Барсуковъ*, н. с., V. 51—56.

**) Далеко не первое.

29-го октября 1837 г., въ тотъ же день, когда кн. Голицынъ вошелъ съ докладомъ о Чаадаевѣ, гр. Бенкендорфъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о переводѣ Надеждина въ Вологду. 3-го ноября послѣдовала резолюція: «согласенъ, но имѣть подъ строгимъ надзоромъ».

Въ мартѣ 1838 г. Болговской просилъ Бенкендорфа возбудить ходатайство о совершенномъ прощеніи Надеждина. 8-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ былъ увѣдомленъ о разрѣшеніи Надеждину «жить всюду, гдѣ пожелаетъ».

Возвратясь въ Петербургъ, Надеждинъ уже рѣшилъ промѣнять литературу на службу или вѣрнѣе—на служебную литературу *).

Въ августѣ 1839 г. онъ обратился къ Дубельту съ просьбой дать удостовѣреніе, что со стороны III Отдѣленія нѣтъ никакихъ препятствій къ поступленію его на какую угодно государственную службу,—и, конечно, немедленно получилъ. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Одессу, чтобы служить при тамошнемъ попечителѣ, Д. М. Княжевичѣ. Тамъ онъ, помимо службы, сталъ довольно много работать въ открытомъ въ 1840 году въ Одессѣ Обществѣ Исторіи и Древностей, отъ котораго получилъ научную командировку въ славянскія земли, продолжавшуюся болѣе года. Затѣмъ, вернувшись въ Одессу и пробывъ тамъ до весны 1842 года, онъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Интересную бумагу по этому поводу отослало III Отдѣленіе министру Л. А. Перовскому въ отвѣтъ на его запросъ, можно ли Надеждина взять къ себѣ. «Ген.-ад. гр. Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Е. Пр—ву Л. А., вслѣдствіе записки Е. П. имѣетъ честь увѣдомить, что въ дарованномъ 7-го класса Надеждину въ 1838 г. Всемилостивѣйшемъ прощеніи, не заключалось никакого ограниченія, а потому не можетъ предстоять ему препятствій вступить въ службу. Къ сему гр. Бенкендорфъ долгомъ считаетъ присовокупить, что [по имѣющимся свѣдѣніямъ Надеждинъ ведетъ жизнь скромную и человѣкъ благонамѣренный]». Въ черновикѣ, исправленномъ рукою Бенкендорфа, по расположенію Дубельта къ Надеждину, вмѣсто словъ, взятыхъ мною въ скобки стояло: «прекрасныя качества души Надеждина дѣлаютъ его вполнѣ достойнымъ вниманія начальства»...

Надеждинъ вступилъ въ должность редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Помощникомъ себѣ онъ избралъ В. В. Григорьева,—человѣка, въ судьбѣ котораго было два замѣтныхъ момента: оклеветаніе Грановскаго, за что Григорьева общественное

*) Изъ литераторовъ онъ былъ очень близокъ съ Владиславлевымъ, жандармскимъ полковникомъ, издававшимъ подъ покровительствомъ гр. Бенкендорфа альманахъ „Утренняя Заря“, и съ Краевскимъ, пріятелемъ того же Владиславлева.

мнѣніе занесло въ разрядъ гнусныхъ пасквилянтовъ,—и начальство ваніе главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати... «Съ почтеннѣйшимъ Николаемъ Ивановичемъ мы живемъ чуть-чуть что не душа въ душу»— писалъ сей господинъ Погодину...

Но Перовскій не оставилъ его исключительно при «Журналѣ». Надеждинъ былъ у него мастеромъ на всѣ руки, начиная со всеподданнѣйшихъ докладовъ и кончая заказными патріотическими статьями въ газеты.

Такъ, напримѣръ, когда въ 1848 году, какой то крестьянинъ Титовъ, подойдя на пожарѣ къ Николаю I и взявъ его за капюшонъ шинели, сказалъ ему: «Баринъ, отойди, убьютъ!» и съ силою сдернулъ государя съ мѣста, куда вскорѣ вылетѣлъ изъ окна горящаго дома огромный станокъ,—Надеждинъ написалъ, по приказанію Перовскаго, статью для «Русскаго Инвалида».

Конецъ ея заслуживаетъ вниманіе для оцѣнки, какъ «старался» Надеждинъ загладить свой «несчастный проступокъ».

«Заслуживаетъ примѣчанія и то, что Титовъ до сихъ поръ ни разу не былъ на пожарахъ, тутъ же, какъ будто нарочно что то потянуло его идти на пожаръ такъ поздно, въ глухую полночь; и когда онъ вмѣстѣ съ другими вбѣжалъ въ домъ, чтобы помогать выбрасываться, опять что то, безъ всякаго сторонняго приказанія или внушенія, такъ Богъ знаетъ какъ, увлекло его на улицу, съ мыслью предостереженія, которая повидимому столь мало согласна съ приписываемою простолюдинамъ безпечностью и невнимательностью.

«Случай этотъ, такъ дивно великій въ своей простотѣ, оправдываетъ слова Псалмопѣвца извѣстныя наизустъ каждому русскому, который, всякій разъ какъ слышитъ ихъ въ Святой Церкви, всегда съ благовѣйнымъ умиленіемъ относитъ къ священной особѣ помазанника Божія, держащаго въ рукѣ своей благо милліоновъ: «Яко ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранити Тя во всѣхъ путяхъ Твоихъ, на рукахъ возмутъ Тя, да некогда преткнеши о камень ногу Твою». *)

Случайно эта статья не была напечатана...

Приспособился Надеждинъ и къ службѣ по расколу. Извѣстны взгляды на послѣдній въ эпоху Николая I... Въ 1845 г. Надеждинъ выпустилъ одно секретное изданіе—«Изслѣдованіе о скопческой ереси **), въ 1846 г. другое—О заграничныхъ роскольникахъ» ***)—оба изданы министерствомъ, въ Петербургѣ. Передъ выпускомъ второй книги Надеждинъ ѣздилъ въ Бѣлую-Криницу. Взгляды его на рас-

---

*) *П. Мельниковъ*, „Спасеніе жизни Императора Николая Павловича“, „Рус. Архивъ“ 1879 г., I, 140—141.

**) Перепечатано въ „Сборникѣ правительств. свѣдѣній о раскольникахъ“ Кельсіева, вып. III, 1862.

***) Напечатано въ вып. I (1860 г.) того же Сборника.

колъ хорошо иллюстрируются его ученикомъ и достойнымъ преемникомъ по этой части—П. И. Мельниковымъ-Печерскимъ. Этотъ господинъ рекомендовалъ наказывать «упорствующихъ» отобраніемъ... дѣтей! Ужъ, значитъ, хороши были поступоки Надеждина по части службы, если И. С. Аксаковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ тоже на службу къ Перовскому и поневолѣ видѣвшійся нѣсколько разъ съ Надеждинымъ, пишетъ домой: «Вамъ, *конечно*, непріятна эта близость сношеній съ Н.**. Она для меня еще непріятнѣе,—но я въ отношеніяхъ своихъ къ нему такъ самостоятеленъ, и онъ это такъ чувствуетъ, что эта близость ровно ничего не значитъ». *) Писалось это С. Т. Аксакову, который былъ раньше близкимъ другомъ Надеждина... Изъ другихъ писемъ И. С. видно, какъ неловко себя чувствовалъ Надеждинъ въ присутствіи честнаго молодого чиновника и какъ старательно отваживалъ его отъ дѣлъ по расколу...

Пыпинъ, очень высоко цѣнящій Надеждина, находитъ, однако, что сочиненія его о раскольникахъ «оставляютъ впечатлѣніе крайне несимпатичное». **)

Надеждинъ завелъ даже особыя связи съ заграничнымъ православнымъ духовенствомъ и, пользуясь ими, устраивалъ, изданіе на славянскихъ языкахъ брошюръ и книгъ, въ которыхъ расколъ трактовался съ точки зрѣнія русскаго правительства. Передатчикомъ денегъ за такіе труды былъ «совѣстливый» чиновникъ ***).

Случайно мнѣ пришлось натолкнуться на интересную бумагу въ «Слѣдственномъ дѣлѣ Петрашевскаго», веденномъ извѣстнымъ И. П. Липранди. Оказывается, Надеждинъ давалъ свое заключеніе по поводу рукописной книги: «Библіотека здраваго разсудка, или собраніе важныхъ сочиненій для спасенія», взятой на обыскѣ у А. А. Тучкова, тестя Огарева, въ 1849 году. Вотъ часть этого заключенія: «Статьи эти всѣ направлены противъ религіи и имѣютъ содержаніе самое богохульное. Въ нихъ осмѣиваются и даже просто подвергаются самому безстыдному ругательству священнѣйшіе обряды, таинства и догматы христіанской вѣры; не щадится и самое лицо Іисуса Христа, не говоря уже о прочихъ святыхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ открыто нападается на всѣ общественныя постановленія, столь тѣсно связанныя съ религіею: проповѣдуется естественное равенство людей, опровер-

*) „Иванъ Сѣргѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ", ч. I-я, т. II, 6 Въ сентябрьской книжкѣ 1905 года „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" помѣщена біографія Надеждина, написанная Н. К. Козминымъ. Какъ и слѣдовало ожидать — это неразборчивая апологія, настолько неразборчивая, что г. Козминъ рѣшился назвать отношенія Надеждина къ раскольникамъ „совѣстливыми"... Отчего бы послѣ этого не выдать преміи за добродѣтель и пріятелю его Липранди...

**) „Исторія рус. этнографіи", Спб. 1890 г. т. I. 270.

***) Рус. Арх." 1873 г., 1131—1140.

гаются и преслѣдуются всѣ установленныя различія сословій, чиновъ, властей и т. д. При переводѣ этихъ вредныхъ статей на русскій языкъ имѣлось, какъ видно изъ многихъ мѣстъ, явное намѣреніе приноровить ихъ къ русскимъ обычаямъ и обстоятельствамъ; говорится, напримѣръ, объ Андреѣ черезъ плечо и т. п.». Этого отрывка достаточно, чтобы видѣть, насколько Надеждинъ оправдалъ ожиданія Липранди... Нѣтъ основаній предполагать, что это была единственная въ такомъ родѣ экспертиза *).

Все это располагало Перовскаго къ своему образцово ретивому чиновнику и, кромѣ денежныхъ пособій, настолько значительныхъ, что Надеждинъ сталъ обладателемъ имѣнія въ Крыму,—онъ произвелъ его въ теченіе семи лѣтъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и наградилъ орденомъ Владиміра 3-й степени **)...

Въ 1853 г. Надеждина разбилъ лѣвосторонній параличъ, а 11 января 1856 года онъ умеръ.

Такимъ образомъ почти одновременно сошли въ могилу оба героя «телескоповской исторіи»: одинъ съ тѣмъ, чтобъ возбуждать въ потомствѣ теплую симпатію, другой—чтобъ подать примѣръ, какъ можетъ изломать человѣка, не обладающаго нравственными устоями.

Мих. Лемке.

---

*) „Дѣло“ это хранится въ Московскомъ историческомъ музеѣ, было прислано недавно въ Петербургъ для В. И. Семевскаго, благодаря любезности котораго и В. И. Срезневскому, я имѣлъ возможность ознакомиться съ этимъ очень интереснымъ документомъ, писаннымъ рукой самого автора.

**) Для насъ все это гораздо важнѣе, чѣмъ дѣятельность Надеждина на другихъ поприщахъ, напримѣръ, этнографо-географическомъ, о которомъ я просто предпочитаю молчать.

ІУДА.

Разсказъ изъ заводской жизни.

I.

Всего лишь мгновеніе тому назадъ все грохотало, двигалось и вращалось въ обширномъ, высокомъ зданіи желѣзодѣлательнаго отдѣленія Картавинскихъ металлургическихъ заводовъ. Ярко освѣщенное рядами дуговыхъ электрическихъ фонарей, въ сильномъ голубоватомъ свѣтѣ которыхъ меркли, какъ свѣтляки въ лунную ночь, безчисленные желтые огоньки лампіоновъ, оно было наполнено гулкимъ дребезжаніемъ вальцовыхъ станковъ, раскатывавшихъ нагрѣтые добѣла листы желѣза. Въ разныхъ мѣстахъ его мощно падали на массивныя наковальни тысячепудовые молоты и звонкая дробь ручныхъ молотковъ неумолчно сопровождала ихъ потрясавшіе всю округу удары.

Всего лишь мгновеніе назадъ раздавался въ немъ пронзительный визгъ мѣрорѣзныхъ машинъ, которыя не отрѣзывали, а какъ то откусывали по шаблонамъ только что вытянутые, еще свѣтло-красные, рельсы, и меланхолическое завываніе вентиляторовъ у плавильныхъ печей стремилось смягчить, сгладить этотъ визгъ, отъ котораго разбаливаются зубы и подираетъ по кожѣ морозъ.

Всего мгновеніе тому назадъ вагонетки съ углемъ и рудой пробѣгали поминутно по воздушной желѣзной дорогѣ, висящей надъ печами вдоль всей желѣзодѣлательной мастерской и выходящей чрезъ проломанное высоко въ стѣнѣ отверстіе наружу, на дворъ, гдѣ все одѣто ночью. То здѣсь, то тамъ поднимались люки въ сводахъ этихъ печей, окутанныхъ струями горячаго воздуха и оттого волновавшихся, какъ волнуются въ лѣтній полдень отдаленныя нагрѣтыя солнцемъ строенья и ограды, и туда съ шумомъ сыпалось содержимое вагончиковъ.

И вотъ—стоило лишь двумъ стрѣлкамъ на циферблатѣ башенныхъ часовъ, украшающихъ одну изъ стѣнъ мастерской, слиться воедино на мистической цифрѣ полуночи—все смирилось, замолкло, остановилось, умерло...

Оборвались какія-то таинственныя струны, которыя, вѣроятно, были ужъ слишкомъ туго натянуты, черезчуръ нервно игравшимъ, въ безмолвіи ночи, свою партію мятущимся трудомъ. Тихій ангелъ пролетѣлъ по длинному-длинному зданію прокатной мастерской.

И никакіе звуки, никакіе шумы не приходятъ на смѣну смирившимся, замолкшимъ, умершимъ. Такъ тихо, такъ глухо, что невольно хочется спросить: не улетѣла-ль и жизнь изъ этой мрачной желѣзодѣлательной, напуганная кѣмъ или чѣмъ-нибудь, въ мистическій мигъ полуночи?.. Черные задымленные люди, голоса которыхъ были слишкомъ безсильны, слишкомъ слабы во время мощнаго говора созданныхъ ихъ руками металлическихъ сооруженій; люди, казавшіеся тогда нѣмыми,—остаются нѣмыми и теперь. Смертельная усталость ярко отражается на ихъ лицахъ и тѣлахъ, поблѣднѣвшихъ и осунувшихся внезапно, и они не дѣлаютъ даже никакихъ жестовъ или знаковъ другъ другу, какъ во время своей, только лишь конченной, титанической работы. Имъ, двигавшимъ, бросавшимъ, ковавшимъ предъ тѣмъ металлическія громады въ десятки и сотни пудовъ, теперь кажется совершенно невозможнымъ двинуть пальцемъ; точно въ тотъ моментъ, когда стрѣлки часовъ соединились вмѣстѣ, знаменуя полночь, какая-то сверхестественная сила сковала ихъ. Сковала до того властно, что они—какъ вотъ мой товарищъ по плавильной печи и вальцовому станку, Андрей Костомилинъ—не могутъ даже стереть со своихъ лицъ, худощавыхъ и темныхъ, струекъ пота, сбирающихся на бровяхъ и усахъ ихъ въ капли, серебристо-блестящія въ электрическомъ свѣтѣ.

Гдѣ-то вдалекѣ, не то на дворѣ, не то въ другихъ зданіяхъ завода звенитъ колокольчикъ. Это сторожъ, проходя по мастерскимъ, со звоночкомъ въ рукѣ, возвѣщаетъ, что наступило обѣденное время для ночной смѣны рабочихъ. Нестерпимо прозаическія слова «обѣденное время» смѣняютъ полное загадочной поэзіи созвучіе «полночь», и, разсыпаясь какъ миражъ, исчезаетъ очарованье, которому на мгновенье поддались даже эти грубые, ничего общаго съ поэзіей не имѣющіе люди. Мертвая для земли, но полная запредѣльной жизни грань между вчера и сегодня перейдена, начинаются новыя сутки и начинается новая суета людей, черное скопище которыхъ я созерцаю здѣсь, насильственно втиснутый въ него могучей рукой судьбы.

II.

Мои товарищи, которые уже задвигались—довольно, впрочемъ, вяло—группами и отдѣльными фигурами по мастерской, не люди. Они—такіе же станки, какъ вальцовки и рельсопрокатки, только

сдѣланныя изъ нѣсколько иного матеріала и инымъ способомъ. Притомъ, они также автоматичны и тупы. Они не подозрѣваютъ того, что имъ слѣдуетъ быть не только желѣзодѣлателями и рельсопрокатчиками, но и людьми. Правда, они въ этомъ не виноваты, но это не измѣняетъ дѣйствительности.

Они собираются пить чай, водку и закусывать различной снѣдью, т.-е. исполнять одну изъ функцій, свойственныхъ даже низшимъ изъ низшихъ организмовъ: заготовить горючій матеріалъ для поддержанія извѣстной теплоты въ помѣщеніяхъ ихъ тѣлъ— какъ говорятъ физіологи.

И больше ничего. Правда, они перекидываются какими-то словами, но это ничто иное какъ лѣнивыя пререканія о томъ, кому сегодня очередь разводить огонь для приготовленія чая.

А вотъ мнѣ такъ ничего, въ настоящее время, не хочется. Ни пить, ни ѣсть. Отъ стакана чаю, собственно говоря, я и не отказался бы, да страшитъ возня съ его приготовленіемъ. Еще-бы: налить чайникъ, нести его къ очагу, минутъ пять кипятить его тамъ, перебраниваясь изъ-за мѣста съ другими, мыть стаканъ!..

Нѣтъ, это невозможно!

Эта процедура теперь мнѣ кажется безконечно болѣе тяжелой, чѣмъ нѣсколько минутъ тому назадъ—трудъ вытягиванія семипудовой полосы желѣза, осыпавшей меня раскаленными искрами, заставлявшей обливаться потомъ и дѣлавшей еще различныя, непріятныя для меня вещи.

Повидимому, въ этомъ отношеніи многіе согласны со мной— иначе откуда-бы взяться этимъ пререканіямъ объ очереди разведенія огня—трудѣ, выполнимомъ въ двадцать секундъ.

Въ затихшей, точно вымирающей, мастерской становится довольно тоскливо. Слышится легкій скрипъ отворяемыхъ шкапчиковъ, вдѣланныхъ кой-гдѣ въ нишахъ стѣнъ, и звонъ доставаемой изъ нихъ посуды. Шуршитъ бумага, изъ свертковъ которой рабочіе достаютъ провизію, гдѣ-то потрескиваетъ что-то, поджариваемое на сковородкѣ, поставленной на одинъ изъ неостывшихъ еще, недавно откованныхъ стальныхъ брусьевъ. А вотъ раздается и гулкое хлопанье донышка бутылки объ ладонь, сопровождаемое чьимъ-то одобрительнымъ возгласомъ:

— Ишь какъ! Ловко! — пробка залетѣла — не видать! Мастеръ! практикуйся больше, навастривайся, на старость хлѣбъ будетъ!

Но возгласъ этотъ звучитъ какъ-то странно. Сказанъ онъ шутливымъ тономъ, а между тѣмъ сопровождается какимъ-то мимолетнымъ эхо, какъ слова эктеніи въ пустомъ соборѣ. И это эхо сообщаетъ ему печальный оттѣнокъ, дѣлаетъ его какой-то замогильной шуткой, тѣмъ болѣе, что высказавшаго его не видно:

онъ скрывается гдѣ-то въ пространствѣ, какъ «таинственный голосъ» старинныхъ пьесъ.

Да и видные мнѣ люди, слишкомъ незначительные въ сравненіи съ внушительными размѣрами окружающихъ ихъ сооруженій изъ желѣза и мѣди, какъ-то стушевываются. Точно стыдясь своей незначительности, притаились они по разнымъ закоулкамъ прокатной. Точно опасаясь что феерическое освѣщеніе ея поможетъ тому, отъ кого они прячутся, ихъ найти, они разъединили нѣкоторые проводники электричества, и много голубовато-матовыхъ солнцъ погасло, къ великой радости лампочекъ накаливанія, желтенькія спирали которыхъ ярче засверкали въ своихъ клѣточкахъ изъ желѣзной сѣтки.

И принявъ такія предосторожности, люди, молчаливые и загадочные, какъ гномы, приготовляются къ своему полуночному обѣду. Кто сѣлъ у шкапчика, что-то выпивая и чѣмъ-то заѣдая, кто полулежа на одномъ изъ едва лишь остывшихъ листовъ желѣза обдираетъ кожу съ небольшой рыбы. Иные мостятся кучками у импровизированныхъ изъ чугунныхъ плитъ столовъ, въ голодномъ ожиданіи готовящагося очереднымъ чая; иные вяло слоняются туда и сюда, очевидно сами не зная зачѣмъ. И всѣ въ общемъ кажутся малоразличимыми, на подобіе китайскихъ тѣней, такъ какъ лица и фигуры ихъ, черныя и сумрачныя, сливаются съ чернымъ и сумрачнымъ фономъ стѣнъ, печей и машинъ мастерской, которая и походитъ поэтому на оставленный людьми, но еще освѣщенный многочисленными паникадилами храмъ.

Я снимаю пальто съ гвоздя, и, накинувъ его на плечи, ухожу изъ мастерской. Что мнѣ здѣсь дѣлать? Мнѣ, воскреснувшему человѣку, среди остающихся мертвыми. Воскрешать, развѣ, ихъ?! Но, во-первыхъ, врядъ-ли у меня станетъ на это умѣнья, а, во-вторыхъ, они такъ утомлены... да и вообще, это совершенно невозможно сдѣлать въ часы—нужны годы! И нужно много, много сильныхъ людей... Такіе-же одиночки, какъ я, будутъ превращаться въ мертвецовъ сами... будутъ умирать жалкой смертью—смертью скитальца, пришедшаго въ чужую страну не знающимъ ея языка, но гордо желающаго научить ее своему, чтобъ на немъ передать свои мысли.

Но если это должно случиться, то пусть случится не сегодня, не въ эту полночь. Я воспользуюсь ею, чтобъ, оставивъ компанію своихъ бывшихъ партнеровъ на роли рычаговъ и машинъ, удалиться въ любимое общество одинокихъ: въ общество своего воображенія, своей мысли, которыя, конечно, чужды мнѣ, пока я здѣсь, въ этомъ прокопченномъ насквозь капищѣ современнаго Молоха.

Желѣзная дверь съ лязгомъ захлопулась за мной, и я окутанъ

августовской ночью, тихою, теплою и, главное, что я люблю больше всего, мрачною, какъ неправославная душа.

Я, впрочемъ, не могу утверждать, что неправославная душа какъ-нибудь особенно темна, и говорю такъ, основываясь не на какихъ-либо личныхъ наблюденіяхъ, а на словахъ моей старухи няни, отъ которой я слышалъ ихъ въ дѣтствѣ. Авторитетъ старости, который какъ-никакъ а нужно уважать, не позволяетъ мнѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ моей первой наставницы.

Ни единой звѣздочки, ни единой зарницы. Кой-гдѣ въ черномъ пространствѣ разбросаны шары фонарей, но и они кажутся безсильными освѣтить хотя-бы тѣ столбы, на которыхъ привѣшены. Впрочемъ, отъ этого они даже выигрываютъ, такъ какъ дѣлаются похожими на небесныя тѣла, почему-либо не открытыя еще земными астрономами.

Ни одно изъ многочисленныхъ заводскихъ зданій не выдѣляется изъ тьмы, и только на томъ мѣстѣ, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, находится крестообразный, не имѣющій оконъ въ стѣнахъ, корпусъ литейной, горятъ не сгарая, высоко, въ воздухѣ, нѣсколько громадныхъ огненныхъ сноповъ, сверкающихъ всѣми цвѣтами радуги.

Эти снопы волнующагося въ тихомъ воздухѣ пламени удивительно напоминаютъ мнѣ тѣ блуждающіе огни, которые я видѣлъ на Апшеронскомъ полуостровѣ въ вечера жаркихъ дней и которые, какъ говорятъ, еще обоготворяются послѣдними адептами величественнаго ученія Зороастра.

Повидимому, сегодня кромѣ желѣзодѣлательной и литейной никакія другія мастерскія завода не работаютъ. Оттого-то и тишина такая, что слабое шуршаніе моихъ сапогъ по землѣ отдается окрестъ.

Каменная высокая ограда, вдоль которой я иду, не видя ея, а лишь ощущая ея присутствіе, подобно слѣпцамъ, приводитъ меня къ рѣкѣ, на берегу которой возвышается заводская водокачка. Изъ раскрытыхъ оконъ ея мнѣ слышно, какъ журчитъ рѣчная вода, сливаясь съ водой артезіанскихъ колодцевъ въ трубахъ насосовъ. И этотъ мелодическій шумъ, наполняющій похожее на средневѣковой замокъ зданіе, усыпилъ единственнаго обитателя водокачки — дежурнаго машиниста. Уронивъ голову на грубый столъ, къ которому привинчены тиски, онъ спитъ. Руки его безпомощно, какъ веревки, сплелись у головы, фуражка валяется на полу. Низко висящій надъ нимъ лампіонъ озаряетъ его желтоватымъ свѣтомъ, въ которомъ безпокойно мечется какой-то мотылекъ, влетѣвшій вѣроятно чрезъ то же окно, въ которое я смотрю.

Не разбудить ли его? Вѣдь, онъ рискуетъ быть оштрафованнымъ, если налѣзетъ какое начальство!..

А впрочемъ, Богъ съ нимъ. Съ одной стороны, одному въ пустынномъ зданіи бдѣть не легко, съ другой—врядъ ли кто изъ власть имущихъ пойдетъ въ такую ночь шататься по заводу подобно мнѣ.

Потому что—нечего грѣха таить—жутковато!

Жутью вѣяло и отъ той ограды, мимо которой я шелъ сюда, не видя, а лишь ощущая ее; и отъ этой готической водокачки, гдѣ куски мѣди движутся и стучатъ, гдѣ вода что-то неумолчно говоритъ, а человѣкъ не то спитъ, не то окаменѣлъ. Жутью, могильной и холодной, вѣетъ и отъ этой вотъ башни, гдѣ вода глубокихъ земныхъ нѣдръ пьетъ кислородъ, свергаясь сверху и разбиваясь при паденіи на миріады брызгъ. Темно. Окна—точно глазницы въ черепѣ, чернѣютъ пустотой на темномъ фонѣ стѣнъ, и лишь глухой шумъ сильнаго ливня доносится изъ нея.

А вотъ и мое неизмѣнное пристанище въ ночныхъ скитаніяхъ по заводу. Старый цилиндръ, съ незапамятныхъ временъ позабытый кѣмъ-то невдали отъ дверей литейной мастерской, осѣненный тремя акаціями—единственными представительницами растительнаго царства на многодесятинной территоріи заводовъ.

Бѣдныя деревца! кто занесъ васъ сюда, на почву, прослоенную угольными шлаками, отравленную красной ржавчиной, въ туманъ вѣчнаго дыма, вырывающагося прямо на васъ изъ литейной? Долго-ли еще суждено прозябать здѣсь вамъ, худымъ, искривленнымъ, обладающимъ бо́льшимъ количествомъ колючекъ, чѣмъ листьевъ? Многимъ-ли поколѣніямъ изсушенныхъ у доменъ работниковъ будете создавать вы въ часъ обѣденнаго отдыха жалкую, но дорогую иллюзію природы, такъ жестоко подавленной здѣсь огнемъ и желѣзомъ? Или уже черезъ какой-нибудь годъ придетъ подобно мнѣ одурманенный чадомъ и грохотомъ мастерской желѣзодѣлатель посидѣть въ тишинѣ ночи на древнемъ цилиндрѣ, и вы не склонитесь надъ нимъ своею мелкой листвой, а будете торчать въ темнотѣ безобразными, сухими рогульками...

Вообще, акаціи не подаютъ надеждъ на долговѣчность. Вотъ цилиндръ—дѣло другое. Онъ будетъ, несомнѣнно, здѣсь до конца міра, и до конца міра заводскимъ нелюдимамъ можно будетъ пользоваться имъ какъ убѣжищемъ отъ шумнаго свѣта. И сидѣть на немъ довольно удобно. Только вотъ кусокъ заржавѣвшаго поршня, упирающійся въ бокъ, причиняетъ нѣкоторое безпокойство. Но это пустякъ. Въ общемъ—спокойно, какъ въ креслѣ директора нашего завода, и не хуже чѣмъ въ томъ креслѣ можно вздремнуть. Но не заснуть! Боже упаси. А то послѣ, въ два часа, когда сторожъ прозвонитъ вдали начало работъ и придется подниматься,— невыносимое состояніе. Оказывается, не столько отдохнулъ, сколько измаялся. Весь скелетъ ноетъ точно въ при-

ступѣ общаго ревматизма, а тѣло вродѣ какъ-бы измочалено. Вѣроятно, такъ чувствуетъ себя китаецъ, принявшій по приговору какого-нибудь изъ его мандариновъ съ полтысячи бамбуковъ.

III.

Обстоятельства благопріятствуютъ мнѣ выполнить принятое благоразумное рѣшеніе. Едва только сладкая истома—предвѣстница подкрадывающагося сна—охватываетъ меня, едва въ головѣ водворяется какое-то блаженномысліе,—какъ вдругъ раздается сильный лязгъ со стороны литейной.

Длинная, прямоугольная полоса свѣта ложится на черную землю, на ней рѣзко вырисовываются двѣ человѣческія фигуры, потомъ слышится тотъ-же лязгъ и опять полная темнота вокругъ. А какой-то голосъ, повидимому сильно выпившаго человѣка бормочетъ:

— Ну, зачѣмъ ты меня вызвалъ? А?! Говори зачѣмъ вызвалъ?

Робкій, запинающійся, но, кажется, трезвый голосъ отвѣчаетъ ему:

— Тс... ради Бога. не кричи такъ. Кто-нибудь можетъ услыш...

— Зачѣмъ ты меня вызвалъ? Говори зачѣмъ вызвалъ? А?

Запинающійся голосъ, дѣлая напрасныя попытки придать себѣ твердости, безсвязно, умоляюще бормочетъ:

— Да видишь, я хотѣлъ... я хотѣлъ сказать тебѣ... попросить тебя... не говори такъ при нихъ, а то вѣдь они могутъ догадаться...

— Пускай догадаются... не то я имъ самъ скажу... ей, ей...

— Но, Коля, послушай...

— Не называй меня Колей! не смѣй!—громко кричитъ выпившій голосъ, а трезвый, какъ-бы стараясь заглушить эту звучность своею тихостью шепчетъ чуть слышно:

— Ну, хорошо, хорошо... не кричи... ну, будь такой добрый!

— Ты только за этимъ меня звалъ?—раздраженно, еще громче, кричитъ пьяный.

— Ну, Коля, вѣдь... ты же братъ мнѣ, что-же—ты такъ... хуже врага...—лепечетъ трезвый, и сдавленныя, готовыя прорваться рыданія, слышатся мнѣ въ этомъ лепетѣ.

— Врешь! я не братъ тебѣ! Какой я тебѣ братъ? съ тѣхъ поръ какъ ты потопилъ столько людей, какой я тебѣ братъ?—безпорядочно, волнуясь, возражаетъ пьяный.—Я никого не топилъ, и ты мнѣ не братъ. Но до сегодня я все думалъ, что ты это такъ, по глупости, анъ ты разсчетъ имѣлъ! Значитъ, столько людей пусть пропадаетъ, лишь-бы тебя бригадиромъ *) сдѣлали!

*) Бригадиръ—старшій мастеровой въ группѣ ихъ, человѣкъ въ 10—50, называемой бригадой.

Да?!—ты дрянь, ты мнѣ не братъ. И моли Бога, чтобъ я сейчасъ-же не разсказалъ всѣмъ.. Да... вотъ пойду и разскажу. Потому эта твоя подлость мнѣ довольно уже крови испортила! И когда-бы ты по глупости, или что другое, а не то что... Вотъ пойду, выпью еще да и разскажу!

— Ну, слушай, Коля, ну как...

— Я тебѣ сказалъ: не смѣй звать меня Колей!

— Ну слушай... ну какая тебѣ польза говорить? Что я тебѣ сдѣлалъ?

— А тебѣ только твоя шкура дорога!! Значитъ, если мнѣ ничего, такъ я долженъ тебѣ подлости такія спускать! Ты тамъ людей губи, а я, значитъ, молчокъ! Да, по твоему?! Нѣтъ, братецъ ты мой, этому не бывать!

Тяжелые шаги быстро шарахаютъ по направленію къ литейной,—очевидно, пьяный направляется къ двери, и совершенно заглушаютъ плачущій, тревожный шопотъ трезваго, который, было, опять торопливо зазвучалъ. Прямоугольный бликъ свѣта вновь ложится на землю, на немъ вырисовываются двѣ человѣческія фигуры, дверь лязгаетъ, и вокругъ меня прежняя тишина.

Начавшая было охватывать меня сонливость исчезла. Этотъ странный разговоръ въ молчаніи безвѣздной августовской ночи, разговоръ, въ которомъ не было сущности, а только намеки, ясные однимъ собесѣдникамъ, странно волновалъ меня. Пока онъ длился, я чувствовалъ себя очень неловко, сидя въ своемъ цилиндрѣ, теперь же мнѣ еще больше не по себѣ. Обоихъ разговаривавшихъ я знаю хорошо. Это братья Поручневы, модельщики при литейной мастерской, знатоки своего дѣла, довольно хорошіе люди. Особенно этотъ младшій, двадцативосьмилѣтній Алексѣй, тревожно-молящій голосъ котораго еще звучитъ у меня въ ушахъ. Недавно Костомилинъ задумалъ сдѣлать деревянныя рукояти къ одной изъ паръ нашихъ клещей, и этотъ Алексѣй по первой просьбѣ выточилъ намъ таковыя, очень удобныя, и даже былъ такъ добръ, что отполировалъ ихъ. Что же съ нимъ такого случилось? что онъ сдѣлалъ, что даже его братъ, Николай, этотъ суровый съ виду, но добродушный мужчина не признаетъ его теперь своимъ братомъ?.. А что это не пьяная блажь, что какая-то вина не отвергается и самимъ Алексѣемъ—видно изъ униженныхъ моленій и всего поведенія его во время ихъ странной, отрывистой бесѣды... О какихъ «потопленныхъ» людяхъ говорилъ старшій Поручневъ?.. Неужели?..

Какой скверной, неотвязной мыслью наполняется мой мозгъ. Точнѣе, это не мысль, а предчувствіе ея, желаніе избѣжать ея прежде чѣмъ она сдѣлается увѣренностью. Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть! это... страшно...

Но въ такомъ случаѣ что же? Что заставило Николая Поручнева бросить въ лицо брату слова непризнанія его братомъ?.. Почему тотъ принялъ эти слова какъ должное за что-то возмездіе?!.

Я вскакиваю съ цилиндра и почти бѣгомъ бѣгу въ желѣзодѣлательную. Мнѣ хочется быстрыми движеніями отдѣлаться отъ тяжелой мысли, мнѣ хочется уйти поскорѣе отъ мѣста, гдѣ, если эта мысль правдива, я присутствовалъ при прологѣ драмы, таинственно завязываемой таинственнымъ Рокомъ... Тамъ въ мастерской какіе ни есть, но все же люди, тамъ все же жизнь, разговоръ, а скоро начнется шумъ и грохотъ труда и этотъ прологъ потеряетъ для меня свой зловѣщій смыслъ.

Но когда я вхожу въ мастерскую, меня постигаютъ небольшія разочарованія. Во-первыхъ, въ ней почти невидно людей и неслышно ихъ рѣчей, а во-вторыхъ, часы показываютъ только пятьдесятъ перваго и, слѣдовательно, остается еще болѣе часа «обѣда».

Тишина почти такая же, какъ на дворѣ; сварочныя печи наглухо закрыты, вентиляторы при нихъ остановлены. Большая часть рабочихъ дремлетъ въ растяжку на чугунныхъ плитахъ и верстакахъ у стѣнъ и только невдали отъ шумной вагранной печи *), гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ настланъ досчатый полъ, ненужная и опасная роскошь для желѣзодѣлательной—собралась кучка, человѣкъ въ тридцать, которая еще, кажется, не закончила чаепитія, увлекшись разговорами.

Я иду къ нимъ, я ощущаю неодолимую потребность быть вмѣстѣ съ людьми, но, подойдя къ компаніи, не имѣю причины вмѣшиваться въ ихъ разговоръ, а потому начинаю обозрѣвать вагранку.

Она, впрочемъ, предметъ довольно интересный. Она стоитъ у стѣны, разъединяющей нашу мастерскую отъ литейной, и представляетъ собой желѣзный цилиндръ сажня два въ поперечникѣ и около пяти въ высоту. Внизу цилиндръ этотъ имѣетъ отверстіе, теперь наглухо задѣланное чугунной плитой и кирпичной кладкой, которое будетъ открыто только для выпуска расплавленнаго металла. На высотѣ же человѣческаго роста въ немъ ярко свѣтится окошечко, со стекломъ величиною въ ладонь, въ которое смотрятъ, готовъ ли сплавъ и чего въ немъ не хватаетъ, «чего онъ хочетъ». Воздухъ для горѣнія въ вагранку гонятъ два мощныхъ электрическихъ вентилятора, которые одни только и нарушаютъ тишину мастерской своимъ гудѣньемъ, сходнымъ съ гудѣньемъ шмелей.

Я заглядываю въ окошечко вагранки. Боже, неужели грѣшники въ аду будутъ горѣть въ огнѣ, хотя въ половинное число

*) Плавильная печь относительно небольшихъ размѣровъ.

градусовъ слабѣе этого огня? Вѣдь это ужасно: пламя, не желтое и не красное, а ослѣпительно бѣлое, сплошнымъ столбомъ убѣгаетъ предъ моими глазами вверхъ, въ десятисаженную трубу, которая выступаетъ такъ высоко тамъ, надъ крышей, и изъ которой теперь рвется гигантскій языкъ пламени, въ темнотѣ ночи августа напоминающій чудные огни Апшеронскаго полуострова. А тяга-то, тяга!—куски раскаленнаго угля, величиной съ кулакъ, то и дѣло отрываются отъ скипѣвшейся въ общую лаву ихъ груды и улетаютъ вверхъ, какъ шлаки въ жерлѣ вулкана.

Позади меня что то гремитъ. Я оглядываюсь и вижу двоихъ рабочихъ, толкающихъ по рельсамъ, идущимъ къ вагранкѣ, двѣ вагонетки. Они вкатываютъ эти вагонетки на площадку подъемной машины, примыкающей къ печи, поднимаются съ ними на высоту трехъ саженъ и, открывъ тамъ тяжелый чугунный заслонъ, опрокидываютъ въ утробу вагранки сначала уголь, а потомъ чугунъ—содержимое своихъ вагонетокъ.

И я опять смотрю въ окошечко, хотя ничего въ немъ не вижу—тамъ темно и черно. Огня нѣтъ, онъ погасъ задушенный тяжестью обрушившагося на него обвала, густой дымъ окутываетъ его. Но лишь на мгновенье. Вотъ желѣзныя стѣны печи вздрагиваютъ отъ сильнаго взрыва скопившихся въ одинъ мигъ газовъ, уголь занимается краснымъ пламенемъ, которое тотчасъ переходитъ въ желтое и бѣлое. Мелкіе куски чугуна начинаютъ раскаляться и плавиться, разливаясь золотыми струйками, а я прекращаю созерцаніе, такъ какъ глаза что-то не то сохнутъ, не то слезятся, и я принужденъ тереть ихъ кулакомъ, выбирая для этого болѣе чистыя мѣста на послѣднемъ.

Въ нашей мастерской вагранкѣ дѣла нѣтъ никакого, и она стоитъ у насъ потому, что ей, какъ «сверхкомплектной», не хватило мѣста въ литейной, гдѣ она должна быть. Впрочемъ, литейщики, проломавши въ стѣнѣ отверстіе и вставивъ сквозь него въ устье вагранки желобъ для стока сплава, пользуются ею, совершенно не заходя къ намъ въ мастерскую, такъ что мы, неся всѣ непріятности постояннаго присутствія у насъ этой громоздкой гостьи, лишены возможности вознаградить себя за то красивымъ и поэтическимъ зрѣлищемъ отливки. Хотя мои товарищи вовсе, быть можетъ, не опечалены этимъ лишеніемъ, но я, признаться, люблю смотрѣть, когда,

Утвердивши форму въ глинѣ,
Обожженную огнемъ,—

льютъ тяжелыя, безшумныя струи металла, сыплющія крупныя разноцвѣтныя искры. Должно быть, Шиллеръ, начавшій свою «Пѣснь о Колоколѣ» изображеніемъ картины въ такомъ родѣ, раздѣлялъ мои вкусы въ этомъ отношеніи.

IV.

Невдалекѣ отъ пьющихъ чай и бесѣдующихъ на помостѣ я расчищаю на землѣ небольшое пространство отъ сора и кусковъ чугуна и желѣза, затѣмъ, сбросивъ съ себя кожаный фартухъ, разстилаю его на очищенномъ мѣстѣ. Получается довольно порядочная постель, такъ какъ у меня есть и подушка—свернутое въ комокъ пальто, которое я набросилъ на плечи, выходя изъ мастерской. Во всякомъ случаѣ лечь, а въ особенности вытянуться хотя-бы въ три своихъ роста можно съ полнымъ удобствомъ, что я и дѣлаю, причемъ вытягиваюсь, конечно, только по мѣрѣ возможности.

Хорошо! Главное—не жарко. Сильный потокъ воздуха отъ дверей къ вагранкѣ тянется холоднымъ теченіемъ надо мной и превосходно освѣжаетъ изломанные члены едва отдышавшагося бреннаго тѣла. Правда, отъ этого освѣжающаго теченія легко можетъ приключиться основательное воспаленіе легкихъ, ревматизмъ или иная какая хворь, но объ этихъ вещахъ теперь не хочется думать, тѣмъ болѣе, что прокатчику ихъ все равно не избѣжать. Останешься цѣлъ полежавъ на полу—пойдешь въ больницу отъ печи. А то понесутъ отъ станка. Терять нечего, къ тридцати годамъ будешь вполнѣ годенъ нищимъ слѣпцамъ въ вожатые.

Только-бы не заснуть. Еще часъ обѣда. Еще часъ не допустить этого самопроизвольнаго смыканія вѣкъ, словно намагниченныхъ. Какое-бы подыскать себѣ занятіе?..

Сначала я предполагаю кликнуть къ себѣ дремлющаго у своего горна кузнеца Сапихина, весьма степеннаго и благообразнаго саратовца, съ прямымъ проборомъ и бородкой клинышкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неукротимо—рьянаго безпоповца, чтобы вступить съ нимъ въ диспутъ о скуфьяхъ, камилавкахъ, набедренникахъ и т. п. предметахъ. Но по зрѣломъ, вѣрнѣе лѣнивомъ, размышленіи я отклоняю эту мысль, такъ какъ съ нимъ нельзя говорить о этихъ вещахъ академически, съ прохладцей. Задѣваютъ-ли они его за живое, что-ли, но, обыкновенно такой сдержанный, онъ дѣлается вдругъ весьма свирѣпымъ фанатикомъ, осыпающимъ своего собесѣдника брызгами слюны, бранью и даже нерѣдко вступающимъ съ нимъ въ драку. Мнѣ-же, въ настоящую минуту, послѣднее совершенно нежелательно.

И я раздумываю: не начать-ли мнѣ разговора въ перекличку? Этакъ обратиться съ какимъ-нибудь ничего незначащимъ вопросомъ къ кому-нибудь изъ благодушествующихъ за чаемъ на помостѣ, потомъ ждать неторопливаго и соотвѣтственно ничего незначащаго отвѣта, потомъ опять спросить что-либо...

Къ сожалѣнію приходится отказаться и отъ этого намѣренія, такъ какъ за порядочной отдаленностью моего ложа отъ помоста и за гудѣньемъ вентиляторовъ у вагранки мнѣ придется значительно напрягать голосъ, чтобы мои реплики могли быть услышаны, и даже—страшно сказать—дополнять ихъ какими-нибудь жестами.

Но о чемъ они говорятъ? Два-три только вошедшихъ въ мои уши слова ихъ бесѣды странно и жутко всколыхнули во мнѣ ту самую, скверную, родившуюся въ тяжеломъ мракѣ августовской ночи, мысль, отъ которой я чуть-ли не бѣгомъ спасался сюда, въ мастерскую. И почему это?—вѣдь этотъ разговоръ за послѣднее время самый обычный въ заводѣ; удивительно, какое трагическое значеніе пріобрѣтаетъ онъ теперь для меня. Что за слабость!

. . . . . .

— Да-а! Скажи пожалуйста! И кто-бы это такой могъ быть? Вотъ задача, такъ задача! Вѣдь нашелся такой! А-а! Столько-то народу потопить!

. . . . . .

«Потопить!» Опять слышу я это жуткое слово. Какъ скверно звучитъ оно. Въ немъ чудится крикъ кого-то захлебывающагося, тонущаго... а кто-то сверху давитъ, давитъ... топитъ... убиваетъ...

. . . . . .

— Что и говорить! Іуда!—одно слово!

. . . . . .

— Нѣтъ, господа, все это оттого, что промежду насъ согласья нѣту. Сами себя губимъ, сами себя продаемъ!

— За нюхъ табаку!

— Вотъ, вотъ! Лишь бы мнѣ было, значитъ, хорошо, а ты—какъ хочешь!—чортъ съ тобой! Либо пропадай, либо...

— Да не «либо», а прямо пропадай. Ужъ какой, тамъ, «либо!» Тридцать семь человѣкъ Богъ вѣсть гдѣ, и Богъ вѣсть что съ ними будетъ, а онъ «либо!»

— Д-да, братъ, тутъ не «либомъ» пахнетъ! Это...

— Наказаніе божецкое!

. . . . . .

— У-у, чортъ! Вотъ узнать-бы, кто...

. . . . . .

— А мнѣ кажется, господа, что если взяться хорошенько, такъ его можно найти! Только, конечно, со стараніемъ поискать...

— Найдешь, какже, держи карманъ! Пятнадцать тысячъ народу въ заводѣ-то. Одинъ человѣкъ—что иголка въ скирдѣ!

— Само собой. Тутъ—не то что у какого кустаря *). Да и

*) Кустарями въ заводахъ зовутъ промышленныя заведенія съ небольшимъ числомъ рабочихъ.

то... третьяго года работалъ я это, какъ-то, въ Севастополѣ... Такъ, не то заводишка, не то сарайчикъ какой. По ремонту пароходовъ: котлы перемѣнить, листъ на бортъ аль на днище новый дать, шпанготъ *) какой выкинуть... Да... и вотъ есть языкъ, знаемъ всѣ, что есть проклятый, а чтобы найти его — нельзя. Такъ-таки и нельзя! Что въ мастерской ни дѣлается, все хозяинъ знаетъ, да и не токмо что хозяинъ, а и приставъ и жандаръ! Ужъ мы такъ, ужъ мы сякъ! Нѣтъ, хоть лопни! Такъ и не узнали ничего. А всѣхъ рабочихъ сорокъ два только и было!..

— То-то и оно-то!

— Да!.. Вѣдь это, братцы, народъ тонкій—комаръ носа не подточитъ. Это все одно, что у насъ, на военной службѣ, шпіенъ. Онъ должонъ, на случай чего, въ случаѣ, если въ непріятельскомъ лагерѣ попался, съ ихнимъ народомъ какъ свой быть. И по ихнему говорить и все. Потому, чуть узнали—ему сейчасъ, значитъ, капутъ. На разстрѣлъ!—военъ—полевой судъ! О—о, шпіенъ—это... Нашъ ротный, штацъ-капитанъ Скоковъ, всегда, бывало, говоритъ: «шпіенъ должонъ быть самый умный человѣкъ изъ всѣхъ солдатъ, потому какъ»...

— Ну, крупа, пошелъ своихъ капитановъ вспоминать. Не надоѣли они тебѣ въ солдатчинѣ, что-ль? Ты-бы лучше забывалъ про это дѣло! да... Извѣстно военщина... сбылъ съ плечъ—да и ладно, да и помалкивай, какъ-бы ее и не было. Глядь и забылъ помаленьку!

— Забылъ! А она меня забудетъ-то?! Какже!—вонъ какъ позапрошлый годъ этотъ, какъ его, большой кулакъ, тамъ бунтовался, такъ чуть-чуть не загребли!

— Ужъ не ты-ль, солдатъ, тутъ у насъ нашпіонилъ? Чего ухмыляешься?! Самъ-же говоришь, что васъ тамъ обучали очень спеціально до этого дѣла!

— Ну да, мели больше! тамъ насъ обучали противъ которые непріятели, а не противъ тамъ что такое! У насъ насчетъ этого, тоже, братъ, не полагается.

Ежели ты, скажемъ, послѣ переклички ушелъ, скажемъ, въ трактиръ либо куда, а я дневальный—такъ я фильфебелю насчетъ этого докладывать не моги!

А-то тоже, вдругорядь, зубовъ не досчитаешься отъ всѣхъ прочіихъ... товарищевъ. А съ этимъ Юдой, который здѣсь, я-бъ тоже раздѣлался въ лучшемъ видѣ, на манеръ какъ съ иностраннымъ шпіономъ... когда-бы зналъ...

— Когда-бы зналъ!!—эхомъ вторитъ кто-то... . . . . .

— Вотъ погоди—ужо раздѣлаешься. Въ то воскресенье у то-

*) Желѣзное ребро корабельнаго корпуса.

карнаго старшаго крестины, такъ онъ позоветъ, сказываютъ, на нихъ счетовода изъ директорской канцеляріи—того, знаешь, горбатенькаго, въ очкахъ?!

— Мм...

— Ну того, что еще какъ раздаетъ разсчетныя книжки передъ получкой, такъ каждому въ грудь кулакомъ тыкаетъ и все приговариваетъ: «вотъ тебѣ, моя радость, а вотъ тебѣ, мое сокровище, а вотъ тебѣ, мой золотой»!

— Ага, ну знаю.

— Такъ вотъ его. Пьетъ шибко—говорятъ, четверть стукнетъ—и ни въ одномъ глазу! А окромя его еще младшаго письмоводителя. Ну а этотъ, какъ напьется, такъ очень откровенный. Сейчасъ, значитъ, на себѣ одежу и рубашку пополамъ и кричитъ: «вотъ душа моя! Вотъ вся какъ на ладони! Берите ее, аспиды! Кому что надо—все выложу, все скажу»! И еще много кричитъ... прошлый разъ, на Владиміра, именинникомъ былъ, здорово раззорался. Да такъ все складно... слово къ слову—даромъ что пьяный...

— Ну чортъ съ нимъ!—что-же съ этого, что старшой ихъ на крестьины зоветъ?

— А то, что онъ мекаетъ ихъ налить, да выпытать кое-что... Они вѣдь безпремѣнно знаютъ!

— Фью-ю!—простота твой старшой! Тутъ, почитай, самъ директоръ ничего не знаетъ, а не то, что тамъ писаря какіе-то! Откуда имъ знать!? Они, какъ и мы: сидятъ, пишутъ, тамъ табели, наряды, что-ли, а тутъ, вразъ, пріѣхали, забрали и уѣхали! А кто, что?—почемъ имъ знать! . . . . . .

Лежа на спинѣ, пристально смотря вверхъ, туда, гдѣ сквозь закопченную стеклянную крышу виднѣется тьма ночи, я не совсѣмъ хладнокровно слушаю эти малосвязныя, но объединенныя внутреннимъ содержаніемъ замѣчанія собесѣдниковъ, сидящихъ внѣ моего кругозора и потому невидимыхъ мнѣ. Мысль, что я знаю ту тайну, знать которую такъ страстно желали-бы они—волнуетъ меня. Волнуютъ меня и эти отрывистыя, дышащіе гнѣвомъ и угрозой, реплики всѣхъ бесѣдующихъ, не исключая и наивнаго солдата, и тотъ, явственно еще слышный мнѣ, молящій голосъ Алексѣя Поручнева, донесшійся ко мнѣ въ ночномъ безмолвіи, вблизи изсушенныхъ акацій:

— Ради Бога, не кричи такъ. Кто нибудь можетъ услышать!..

И я чувствую, что раздѣляю тревогу сказавшаго эти слова, полныя тревоги. Что-то тамъ дѣлаетъ пьяный Николай. Не нарочно-ли онъ напился, чтобы имѣть храбрость выдать родного брата?

Кто-то изъ сидящихъ на помостѣ съ долгимъ и глубокимъ вздохомъ произноситъ, резюмируя все высказанное:

— Дѣла-а!

Что вызываютъ въ моей памяти всѣ эти «дѣла», до сихъ поръ такъ волнующія всѣхъ рабочихъ и служащихъ громаднаго завода? Впрочемъ, вѣдь все это происходило недавно—недѣли три тому назадъ. Недѣли три тому назадъ въ заводъ неожиданно прикатилъ уѣздный исправникъ съ какимъ-то чиновникомъ и нѣсколькими жандармами, который сначала прошелъ въ контору директора, а оттуда—въ литейную мастерскую. Здѣсь по его указаніямъ, какъ по писанному, изъ подъ груды старыхъ тиглей и чугунныхъ формъ были извлечены кипы какихъ-то писанныхъ и печатныхъ и книгъ, и листковъ, нѣсколько десятковъ револьверовъ и различнаго оружія, а также разобранный типографскій станокъ. Почти тоже, и также экспромтомъ, было найдено въ токарной мастерской, въ большомъ шкафѣ для запасныхъ шестеренъ. А во всемъ заводѣ къ вечеру были арестованы болѣе тридцати человѣкъ, которыхъ тотчасъ-же, въ товарномъ вагонѣ увезли въ губернію. Черезъ два дня снова пріѣзжала таже компанія и снова взяла нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ начальника токарнаго отдѣленія и двухъ табельщиковъ. Кромѣ того, на этотъ разъ она прошлась и въ городъ, значительную часть населенія котораго составляютъ заводскіе, и тамъ вела себя очень любопытно. Рылась въ сундукахъ и комодахъ и даже поднимала половицы топоромъ.

Изъ всѣхъ забранныхъ до сихъ поръ вернулось только трое, которые о себѣ расказываютъ чрезвычайно непріятныя вещи, а о товарищахъ—не знаютъ ничего.

И эта таинственность судьбы исчезнувшихъ людей до сихъ поръ не только не даетъ войти въ спокойное русло взбудораженной событіемъ жизни тысячъ заводскихъ, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волнуетъ ее. Чѣмъ непроглядѣе сумракъ, окутывающій случившееся, въ его теперешнемъ состояніи, тѣмъ болѣе страстно прилагаютъ всѣ свои усилія къ открытію корня всей исторіи—къ нахожденію «Іуды», въ наличности котораго никто не сомнѣвался, ибо слишкомъ очевидно, что исправникъ и жандармскій капитанъ играли свою партію по нотамъ, врученнымъ имъ заранѣе.

Изо дня въ день, изъ часа въ часъ всѣ задаютъ себѣ томительный, но до сихъ поръ безотвѣтный вопросъ: «кто Іуда?» У тисковъ, у токарнаго станка, у кузнечныхъ горнилъ и литейныхъ формъ строятъ предположенія и догадки по этому поводу. Для отысканія «его» предлагались различные способы, между которыми выдѣлялся особой серьезностью одинъ, который можно

было бы назвать: способъ наибольшаго заподозрѣнія. Хотѣли собрать противъ предполагаемыхъ кандидатовъ въ Іуды улики, прямыя и косвенныя и вообще какія только нашлись бы. Тотъ, у кого въ конечномъ выводѣ окажется наиболѣе подавляющее число уликъ, будетъ подлинный Іуда. Однако, этотъ проектъ не былъ исполненъ по нѣсколькимъ причинамъ и, между прочимъ, потому, что рѣшительно никого нельзя было заподозрѣть, т.-е не было къ кому примѣнить «способъ». Такъ, говорятъ, нѣкогда не солютовали шведскому королю по многимъ причинамъ и, между прочимъ, за неимѣніемъ пороху. Затѣмъ предлагали еще одинъ проектъ, который врядъ ли оказался бы дѣйствительнымъ въ наше маловѣрное время, такъ какъ цѣликомъ основывался на предполагаемой богобоязненности населенія завода и на непосредственномъ участіи небесныхъ силъ въ дѣлахъ его. Намѣревались въ ближайшій праздничный день, послѣ обѣдни, отправиться всѣмъ заводомъ въ поле, вырыть тамъ ровъ, возможно глубокій и полутора аршинъ ширины, и укрѣпить надъ нимъ, на двухъ высоко-скрещенныхъ жердяхъ, образъ. Затѣмъ всѣ должны бы были прыгать черезъ ровъ между жердей, взирая на икону, что чистые сердцемъ исполнили бы очень легко, Іуду же Богъ обнаружилъ бы, ввергнувъ его въ ровъ.

Противъ такой затѣи, смахивающей на средневѣковый Божій судъ, скептики приводили различные доводы. Между прочимъ они утверждали, что черезъ ровъ перепрыгнетъ не только тотъ, кто имѣетъ чистую совѣсть, но вообще всякій, кто имѣетъ здоровыя ноги и умѣетъ хорошо прыгать, хотя-бъ у него совѣсть и была «не чище голенищи». Точно также, обвалиться въ ровъ можетъ значительная часть испытуемыхъ—пусть тысяча; но вѣдь столько Іудъ быть не можетъ! Затѣмъ они указывали, что многіе уклонятся отъ прыганья по уважительнымъ причинамъ: напримѣръ, въ заводѣ насчитывается шестнадцать одноногихъ—жертвъ своей безпечности или безпечности начальства завода, пренебрегшаго оградить рѣшетками опасныя мѣста машинъ. Какъ же будутъ они прыгать? Безъ сомнѣнія, всѣ попадутъ въ предатели—если будутъ, а совсѣмъ оставить ихъ въ покоѣ—нельзя; можетъ Іуда то и впрямь между ними. Также есть много стариковъ, которые и на гладкой-то землѣ, и подъ ноги-то глядя, не могутъ сдѣлать шага больше полуаршина. А тутъ—дѣлай въ полтора, да съ разбѣгу, да еще смотря вверхъ! Наконецъ многіе, и ужъ, конечно, Іуда въ томъ числѣ, просто не явятся безъ никакихъ причинъ.

Возражая на эти доводы, сторонники Божьяго суда вводили слѣдующія поправки и дополненія въ проектѣ:

1) назначить нѣсколько свѣдующихъ людей стоять у рва и

судить по совѣсти: перепрыгиваетъ ли его такой-то испытуемый, благодаря своей непричастности къ преступленію или благодаря очевидной ловкости и, можетъ статься, заблаговременной подготовкѣ. Послѣднихъ отводить и, по окончаніи общаго прыганія, переиспытать, расширивъ ровъ до двухъ аршинъ (фанатики проекта предлагали до трехъ).

2) Въ случаѣ значительнаго количества попавшихъ въ ровъ— переиспытать ихъ; если же таковыхъ будетъ не много, то примѣнить къ нимъ способъ наибольшаго заподозрѣнія.

3) Къ одноногимъ и старикамъ тоже примѣнить этотъ способъ.

4) Всѣхъ испытанныхъ записывать; такимъ образомъ, неявившіеся будутъ открыты и противъ нихъ можно будетъ направить особо тщательный розыскъ.

Пререканія противниковъ и защитниковъ Божьяго суда довольно ожесточенно происходили дня три. Первые не уставали безъ конца приводить различныя возраженія, вторые съ той же неутомимостью парировали ихъ. Но уже на четвертый день всѣ какъ-то вдругъ прозрѣли и увидѣли всю наивность и никчемность своихъ споровъ. Увидѣли всю глубину ихъ пустоты. А увидавъ, смирились, примирились, отложили проекты всякихъ розысковъ и ограничиваются теперь только меланхолическими изліяніями или бурными тирадами о человѣческой низости вродѣ тѣхъ, отрывки которыхъ доносятся до меня.

Лежа на спинѣ, пристально смотря вверхъ туда, откуда сквозь закопченную стеклянную крышу льется мракъ августовской ночи, который уже давно бы окружалъ меня здѣсь, еслибы не эти матово-голубыя солнца, висящія надо мной, я по необычно сильной тягѣ холоднаго воздуха, потянувшейся чрезъ меня, догадываюсь, что отворилась въ мастерскую дверь. Вѣроятно, кто-нибудь вошелъ или входитъ. Да, вошелъ, притомъ посѣтитель, видно, нежданный, потому что всѣ примолкли.

— Честь имѣю, господа!

— Здравствуй, здравствуй!

— Здорово, братъ, здорово! Что ты это къ намъ пожаловалъ? Сколько лѣтъ, сколько зимъ!..

Я приподнимаюсь, чтобы посмотрѣть, кто пришелъ. А!—Софронинъ, баловень завода, одинъ изъ первыхъ донъ-жуановъ нашего уѣзда. Личность довольно любопытная; въ русскихъ заводахъ такіе стали появляться только въ самое послѣднее время; такъ, по крайней мѣрѣ, единогласно свидѣтельствуютъ старики. Дѣйствительно, водки почти не пьетъ, обращенія съ товарищами и вообще всѣми отмѣнно вѣжливаго, но въ то же время полнаго нѣкоего горделиваго достоинства. Не своему брату назвать себя на «ты» не позволитъ, хотя бы и былъ одѣтъ въ истрепан-

ный рабочій костюмъ. Впрочемъ, послѣдняго съ нимъ никогда, кажется, не случается: не то что въ свободное время, а даже и на работѣ онъ одѣтъ чуть ли не съ иголочки, довольно строго соблюдая моду. Хотя литейщикамъ, къ которымъ онъ принадлежитъ, при сравнительной чистотѣ ихъ работы это не такъ трудно. Они вообще франты. Вотъ хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ бы онъ въ чесучевой чистой сорочкѣ «фантази», да въ свѣтлой шляпѣ «генералъ Деветъ», которыя онъ обычно носитъ, постоялъ на моемъ мѣстѣ: у сварочной печи иль у вальцевъ. А то что...

Вотъ и теперь онъ ровно не на ночной смѣнѣ, а на какой-либо вечеринкѣ, гдѣ его присутствіе всегда такъ желательно для хозяевъ, а особенно для ихъ дочекъ. Свѣтло-сѣрое — въ тонъ шляпѣ — лѣтнее пальто безъ единой морщинки, наброшенное на плечи, совершенно не запачканный темный костюмъ, неизмѣнная «фантазии» со шнуркомъ, золотая цѣпочка съ многочисленными брелоками на жилетѣ... И что значитъ въѣлись франтовскія привычки въ человѣка: изъ литейной къ намъ два шага, а онъ—съ тросточкой. Да и трость фешенебельная: тонкая, съ серебрянымъ набалдашникомъ въ видѣ длинноволосой женской головки, сработанной въ стилѣ модернъ.

— Ну, будь гостемъ, коль пришелъ. Садись... вонъ... Да тутъ тебѣ и сѣсть негдѣ... все въ сажѣ...

— Да я не сидѣть къ вамъ пришелъ.

— Не сидѣть... по дѣлу значитъ... ну, стой.

. . . . . .

— Вотъ ужъ не ожидалъ, что Сафронинъ въ ночной смѣнѣ работаетъ! Да тамъ вѣдь, безъ тебя, что-жь эти-то будутъ дѣлать? Съума посходятъ!

— А ну ихъ. Я оттого и ночи работаю. А то не отвяжешься. А такъ: нужно, говорю, работа спѣшная, мастеръ приказалъ быть...

— Та-акъ! Ну-да, тебѣ вѣдь нельзя по нашенски, напрямки отрѣзать: убирайтесь, молъ, туда-то и туда-то, подолы окаянные, надоѣли!—ты вѣдь кавалеръ со всякимъ обхожденіемъ. Все: «извините; если позволите; съ величайшимъ нашимъ удовольствіемъ»!..

— Ну вотъ и врешь!

— А что?

— Зачѣмъ-же еще «нашимъ». Просто: съ величайшимъ удовольствіемъ. Или еще лучше: съ удовольствіемъ!

— То-то и есть! Куда ужъ намъ, съ суконнымъ рыломъ!..

— Да тутъ рыло не причемъ. Первоначальныя правила вѣжливости и общепринятыя выраженія усвоить не трудно никому. Была-бъ охота...

— Какъ, какъ ты сказалъ?! «первона... на... на...»

— Первоначальныя правила...

— Ага, стой! первоначальныя правила вѣжливости и общепринятыя выраженія. Такъ? Ну я понимаю все это!

. . . . . .

— Да... Софронину хорошо всякіе эти деликатности усвоить... такъ что-ль ты сказалъ?

— Такъ. Почему?

— Да потому. Тетка домовладѣлка, квартиру она тебѣ съ удовольствіемъ, харчъ тоже, бѣлье... весь порядокъ около тебя тоже... Чего тебѣ?—заработалъ семьдесятъ-восемьдесятъ цѣлковыхъ, франтись, ходи по гостямъ, къ студентамъ-практикантамъ учиться ходи... да теперь ихъ, впрочемъ, нѣту. Вмѣстѣ съ нашими аукнули... Самъ одинъ... женъ—сколько хочешь, а захотѣлъ только одну... съ приданымъ любую дѣвку бери... хоть у попа, хоть у кузнечнаго мастера, хоть у Антохина купца эту... востроглазую. Въ церкви съ тебя глазъ не сводитъ, безстыжая. Опять-же: въ заводѣ выросъ, учился, свой человѣкъ здѣсь; начальство по имени отчеству зоветъ... Дмитрій Петровичъ... не какъ нибудь!

— Ну ладно — послѣ доскажешь. Дѣло вотъ въ чемъ: Іуда нашелся.

— Что-о?

— Митя, ну?!

— Да не можетъ быть! Да ты не врешь?!

— Кто? кто таковъ?

— Да ты впрямь?!

— Разъ говорю—значитъ впрямь!

Меня точно электрическимъ токомъ поднимаетъ на ноги, я немогу отвести глазъ отъ этой стройной фигуры молодого человѣка, рѣзко вырисовывающейся въ голубомъ свѣтѣ дугового фонаря на темномъ фонѣ желѣзодѣлательной. И со всѣми прокатчиками то же. Почти всѣ они вскочили на своемъ помостѣ и позами своими олицетворяютъ самое страстное любопытство. А Софронинъ холодно, раздѣльно отчеканиваетъ слова:

— Разъ говорю — значитъ впрямь! Стану я вамъ лгать. Поручневъ Алексѣй. Самъ братъ его, Николай, только что сказалъ. Хватилъ муху—еще съ вечера—да и сказалъ. Говоритъ: не въ моготу скрывать. Скрывалъ, говоритъ, три недѣли, а теперь довольно. Думалъ, говоритъ, что Алешка это по глупости, а онъ по корысти. Чтобъ на мѣсто бригаднаго стать, котораго забрали.

— Ильяшина?!

— Его самаго. Онъ — Алешка-то — былъ злой на него за что-то, что-ли, а тутъ еще корысть, значитъ, такая... ну онъ къ исправнику... такъ и такъ, говоритъ, бригадный Ильяшинъ

всему дѣлу голова. Вы, говоритъ, господинъ исправникъ, послѣ этого похлопочите, чтобы меня на его мѣсто... за услугу... Ну тотъ похлопоталъ, ему что, сказалъ директору, директоръ литейному мастеру...

— Значитъ Алексѣй теперь бригаднымъ?!

— Само собой. Вотъ чрезъ это-то Николай, главное дѣло, и выдалъ его. Потому увидѣлъ, что тотъ съ разсчетомъ...

. . . . . .

Пауза длится не долго. Всѣ слишкомъ нервно настроились чтобы молчать. И я слышу раздающійся откуда-то изъ глубины мастерской сильный голосъ Врублевскаго, поляка, недавно пріѣхавшаго изъ Царства и еще съ сильнымъ акцентомъ говорящаго по русски:

— А тэнъ, Николай, якъ узналъ, цо его братъ то сдѣлалъ?!

— Николай узналъ потому — также громко отвѣчаетъ Софронинъ, — что исправникъ присылалъ къ нимъ въ домъ за Алексѣемъ за два дня до того, какъ пріѣхали жандармы. И онъ заставилъ его, брата значитъ, въ ту же ночь признаться во всемъ. Только Алексѣй говорилъ ему, что онъ не знаетъ, почему его позвали, а не кого другого и говорилъ, что его тамъ били сотскіе и онъ отъ страха сказалъ. А когда его, намедни, назначили бригаднымъ, то Николай присталъ къ нему опять: почему это? И тотъ, въ концѣ концовъ сказалъ все... что онъ еще передъ тѣмъ ходилъ къ исправнику не разъ...

— Эге-е... Добже!.. хлопецъ не дуракъ!..

— Ишь аспидъ... тварь...

— Такъ вотъ, господа, какъ вы?—продолжаетъ Софронинъ, обращаясь ко всѣмъ—наши послали меня спросить. Или мы оставимъ это дѣло, или... вѣдь сорокъ человѣкъ — не шутка! Притомъ: потачки тоже нельзя давать; жить нельзя будетъ, слова нельзя будетъ сказать, вздохнуть свободно...

— Это да! это вѣрно, ей Богу, братцы, вѣрно,—врывается въ наступившую на мгновеніе тишину звонкій фальцетъ солдата, — это, напримѣръ, какъ и у насъ: прикомандировали въ седьму роту—не къ намъ, гдѣ я былъ, а въ седьму роту, я былъ въ третьей—унтера, изъ унтеръ-офицерской школы, то-то шельма, то-то идолъ; ни ты слова сказать, ни ты обругаться, а ужъ про начальство что—упаси Богъ! Прежде, бывало, фильфебеля ихней роты такъ и звали всѣ за глаза: отрубинскій интендатъ! — потому онъ купцу Отрубину полотно, которое намъ значитъ на портянки, продавалъ! Опять же докладъ сапожный и приварокъ! Идетъ онъ—а мы: ребята, смирно, отрубинскій интендантъ идетъ! Да! А этотъ, изъ школы-то, какъ поступилъ, такъ чуть услышитъ это самое, рапортъ, да сейчасъ

рапортъ!.. по начальству, ротному, ну и тамъ кому слѣдуетъ... потому они тамъ, въ школѣ, насчетъ рапортовъ здорово обучаются. Они...

Солдатъ видимо входитъ во вкусъ разсказа, но кто то грубо обрываетъ его:

— Ну, полно молоть, протупея!—они-то обучаются, а ты, вотъ даже молчать не выучился! Звонитъ, звонитъ, ажъ уши залегли!

А Врублевскій, выдвигаясь на первый планъ своей громадной, сухощавой, немного сутулой фигурой, беретъ Софронина за пуговицу и, слегка жестикулируя свободной рукой, говоритъ ему:

— Вы позовите его сюда, этого, который сдѣлалъ доносъ. Пусть сейчасъ же идетъ... а якъ онъ не захочетъ итти, то скажите ему, цо мы придемъ къ нему, и то буде хуже. И нехъ ваши тамъ, сколько человѣкъ, идутъ, и братъ его нехъ идетъ.. нужно спросить, нужно все разобрать... може, онъ ма е какоеоправданіе. Ну, идите, а то южъ вонъ двадцать второго...

Софронинъ поворачивается и идетъ къ дверямъ, и когда онъ уже почти скрывается въ нихъ, то Миненко, приземистый и вѣчно хмурый прокатчикъ лѣтъ сорока, флегматичный и медлительный какъ истый хохолъ, необыкновенно живо вскакиваетъ съ верстака, гдѣ онъ, казалось, уже спалъ и громко кричитъ въ догонку уходящему:

— Да смотрите-жъ, тамъ, когда будете вести его сюда, чтобы онъ не удралъ отъ васъ... ночь темная... Нѣтъ, лучше постойтека, я пойду съ вами. Дѣло будетъ вѣрнѣе!

Онъ бѣгомъ догоняетъ Софроника, и они скрываются за дверью, что-то громко говоря. А меня отъ этого внезапнаго оклика Миненки, отъ этой необычной живости, всегда безстрастнаго хохла, вдругъ охватываетъ какое-то жесткое, сжимающее горло и грудную клѣтку чувство. Что-то похожее на то, когда спишь и голова сползшая съ подушки только начинаетъ затекать, но уже ясно ощущается приближеніе кошмара, уже видны въ темнотѣ его смутныя очертанія, уже глухо бьется сердце и холодный потъ выступаетъ изъ всѣхъ поръ омертвѣвшаго тѣла.

Минута... тянется другая, третья... Тянутся ощутительно медленно, точно увязая на пути.

Врублевскій неподвижно стоитъ на томъ же мѣстѣ, ярко озаренный электричествомъ, нервно играя пальцами. Около него группируется все увеличивающаяся кучка, совершенно безмолвная. Вообще тихо, тихо... только вентиляторы у вагранки продолжаютъ выть, наполняя ея огненную геенну воздухомъ, но этотъ шумъ слишкомъ меланхоличенъ, слишкомъ монотоненъ, чтобы быть диссонансомъ, и какъ бы сливается съ тишиной. И, повидимому, демонстративно желая нарушить ее, Семеновъ, молодой черново-

лосый, черноусый кузнецъ, подходитъ къ кучкѣ со стаканомъ чая въ рукѣ и, звонко помѣшивая въ немъ ложочкой, что-то, кому-то говоритъ громкимъ, натянуто-непринужденнымъ голосомъ.

Но остается безъ отвѣта.

. . . . . .

А мнѣ безумно хочется подбѣжать къ электрическимъ соединителямъ, замкнуть ихъ. . открыть вентили у цилиндровъ машинъ... чтобы и токъ, и паръ привели въ движеніе всѣ эти приводы, трансмиссіи, станки, вальцы, чтобы загрохотали паровые молоты, и завизжали мѣрорѣзки... чтобъ разошлась сумрачная толпа этихъ черныхъ, безмолвныхъ людей.

V.

Они идутъ. Шаги и отрывистые голоса слышны за дверью. Они вошли. Софронина не видать. Ахъ, нѣтъ—вонъ онъ, сзади. Старшій Поручневъ съ растрепанными волосами, безъ шапки, съ расширенными глазами рядомъ съ нимъ. Миненко держитъ руку на плечѣ Алексѣя Поручнева или держитъ его за плечо—не понять—и подталкиваетъ его впередъ. Ихъ окружаютъ человѣкъ десять; трое модельщики, теперешніе подчиненные Алексѣя, остальные изъ литейной. Вонъ тотъ мнѣ знакомъ: страстный любитель чтенія бульварныхъ романовъ съ таинственными приключеніями; обладаетъ полнымъ собраніемъ сочиненій Ксавье де Монтепена, чѣмъ очень гордится и славится въ заводѣ.

Пройдя нѣсколько шаговъ отъ двери, Алексѣй пріостанавливается, несмотря на подталкиваніе Миненки. Яркій свѣтъ падаетъ на лицо его, и я съ ужасомъ вижу, что оно блѣдно, что на немъ до осязательности отчетливо рисуются испугъ и растерянность.

Врублевскій вскидываетъ голову:

— А идите немного сюда! Вотъ сюда, ближе!

— Не стѣсняйтесь,—подхватываетъ Семеновъ, широкой улыбкой открывая рядъ прекрасныхъ зубовъ, красиво оттѣняемыхъ его черными усами,—будьте какъ дома... какъ у исправника!..

Полякъ съ неудовольствіемъ окидываетъ его тяжелымъ взглядомъ, и кузнецъ смолкаетъ въ смущеніи, которое тщетно старается скрыть, звеня ложечкой и стаканомъ.

Алексѣй медленно подходитъ со всей своей свитой, и только его братъ остается тамъ, гдѣ стоялъ—почти у двери—съ тѣмъ же страннымъ выраженіемъ стеклянныхъ глазъ.

И всѣ молчатъ, и опять тишина. Только съ легкимъ погромыхиваньемъ плавно катятъ двое рабочихъ-стариковъ вагонетки съ углемъ и чугуномъ въ вагранкѣ. Но и они, докативъ ихъ туда и установивъ на подъемную площадку, оставляютъ свое дѣло и приближаются къ общему собранію.

Врублевскій прерываетъ безмолвіе. По какому-то таинственному и тайному соглашенію этотъ сутулый, сумрачный человѣкъ облеченъ сошедшимся чернымъ судилищемъ въ званіе его предсѣдателя, и потому никто не осмѣливается говорить прежде его.

— Это вы? Какъ же это вы такъ? У васъ были какія-нибудь причины? Почему вы это сдѣлали?!

Поручневъ хочетъ что-то сказать, но запинается. Его губы дрожатъ, подбородокъ тоже, онъ ни съ того, ни съ сего поднимаетъ руку къ лицу и начинаетъ тщательно разсматривать ладонь, судорожно подергивающіеся пальцы... О, тряпка, дуракъ, чортъ тебя возьми! Да соберись съ духомъ, ляги, выворачивайся, смѣло, нагло... не лѣзь въ петлю самъ!..

— Только вы говорите правду,—продолжаетъ, видя его замѣшательство Врублевскій,—потому что теперь все равно ужъ все извѣстно, а что не извѣстно, то мы узнаемъ не сегодня—завтра!

— Теперь ужъ пойдетъ,—съ апломбомъ звонко поддакиваетъ солдатъ.—Лишь бы ниточка, а тамъ, братъ-ты мой, и клубочекъ размотается. Это извѣстно. Это какъ у насъ, передъ тѣмъ какъ на маневры итти, двѣ винтовки, каларнетъ-пистонъ и двѣ новыхъ шкуры, еще не надѣванныхъ, для большого барабана, украли. Изъ чихауза... Кто, что—Богъ вѣсть! А командиръ полковой— сурьезный былъ, бѣда!—сейчасъ это приказъ по полку: розыскать, чтобы немед...

— Да погоди ты, шкура для большого барабана!—укоризненно останавливаетъ кто-то изъ заднихъ рядовъ солдата, и онъ суетливо спѣшитъ стушеваться подъ общій недовольный ропотъ.

А Поручневъ молчитъ, видимо, совершенно не находя словъ или не будучи въ состояніи ихъ произнести. Черныя, грозныя тучи сгущаются надъ нимъ, и вдругъ какъ молнія, прорѣзывающая эти тучи, раздается громкій, слегка надтреснутый голосъ его брата, который кричитъ отъ двери:

— Да ему нечего и говорить-то! Развѣ вы не видите?! Ну что? Былъ онъ сердитъ на нашего бригаднаго. Это точно. Это и я зналъ. Хотѣлъ стать на его мѣсто. Этого я не зналъ. Ну взялъ да и... пошелъ къ исправнику... Такъ и такъ... Ильяшинъ, молъ, всему зачинщикъ... и въ прошломъ году онъ больше всѣхъ орудовалъ и теперь собирается. Ну, а тамъ, конечно, тоже не совсѣмъ дураки!..

— Рады!

— Рады-то рады, а акромя того... Одинъ, говорятъ, Ильяшинъ ничего не могъ бы сдѣлать... Вы, ужъ, говорятъ, не затрудняйте насъ... вамъ это, навѣрное, все доподлинно извѣстно... Да, такъ—коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть—онъ имъ человѣкъ съ полсотни и накаталъ!..

*

Сердито-сдержанный гулъ голосовъ проносится по зданію. Даже изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ мастерской, гдѣ отдыхаютъ растянувшіеся на желѣзныхъ листахъ рабочіе, слышатся восклицанія разныхъ интонацій:

— Ахъ, сволочь!

— Ничего себѣ... молодецъ!

— Повѣсить мало!

— Что больше не насказалъ?! Валялъ бы, благословясь, человѣкъ пятьсотъ. Подрядъ. Тамъ разберутъ!

— Вотъ анаѳема! вотъ иродъ проклятый!

. . . . . .

— Что-жъ вы молчите? У васъ нѣтъ ничего сказать?—повышаетъ голосъ Врублевскій.

— Я... я... не хотѣлъ... всѣхъ.. только одного Ильяшина, онъ для меня вредный былъ... А тамъ заставили сказать... выспросили... самъ не знаю, какъ вышло... Хитры они... самъ не знаю какъ... я хотѣлъ только одного, Ильяшина... потому онъ для меня нехорошъ былъ... И какъ такъ оно вышло—самъ не знаю... какъ...

Этотъ несчастный, можетъ быть, не путался бы такъ, еслибы его не гипнотизировали своими пристальными взорами всѣ окружающіе. Особенно этотъ сатана Семеновъ, черные глаза котораго горячечно блестятъ, а лицо поблѣднѣло и безпрестанно судорожно подергивается. Онъ все еще машинально помѣшиваетъ ложечкой давно остывшій чай въ стаканѣ, который держитъ предъ собой.

А Алексѣй лепечетъ, путаясь все больше и больше, посинѣвшими губами:

— Я самъ... не знаю... мнѣ самому очень жаль, что такъ вышло... я готовъ, не знаю что сдѣлать... Я хотѣлъ только одного...

— Позвольте,—рѣзко останавливаетъ его Софронинъ, протягивая руку впередъ,—хотя бы и противъ одного вы не должны были дѣлать этого. Есть средства: заводское начальство, товарищи. А къ исправникамъ ходятъ только предатели... Іуды!

— Искаріоты!

. . . . . .

— Я... я... самъ не знаю... простите, братцы, будьте добры... сжальтесь!..

— А ты былъ добрымъ?

— А ты жалѣлъ?

— Жалѣлъ волкъ кобылу, оставилъ хвостъ да гри...

Стаканъ съ давно остывшимъ чаемъ съ тихимъ звономъ разбивается объ високъ Алексѣя, осыпая осколками близъ стоящихъ. Поручневъ слегка клонится назадъ, но страшные удары мускули-

стыхъ кулаковъ не повергаютъ, а какъ-то приколачиваютъ его тотчасъ же къ землѣ. И набалдашникъ фешенебельной трости—серебряный, въ видѣ женской головки, сработанной въ стилѣ модернъ—принимаетъ въ этомъ приколачиваніи дѣятельное участіе, странно поблескивая среди матово-черныхъ, высоко поднимаемыхъ рукъ...

. . . . . .

Секунды, кажущіяся мнѣ часами, бѣгутъ, стоновъ не слышно—слышны только гулкіе удары, гармонирующіе съ гуломъ вентиляторовъ. Я, подбѣжавъ къ толпящимся вокругъ избиваемаго, оттаскиваю и отталкиваю то того, то другого, но они, страшные, съ налитыми кровью глазами свирѣпо устремляются—ругая меня трехэтажными созвучіями—обратно и изъ всѣхъ силъ протискиваются къ невидимому мнѣ Поручневу. Даже солдатъ, этотъ полублаженный и глуповатый малый, рвется туда-же, съ совершенно измѣнившимся, полнымъ рѣшимости и осмысленной злобы лицомъ.

— Господа, идите-же сюда... помогите!—громко кричу я, обращаясь къ непринимающимъ участія въ избіеніи рабочимъ, сидящимъ и лежащимъ, совершенно хладнокровно, повсюду на верстакахъ, чугунныхъ плитахъ и у печей,—вѣдь они убьютъ его... Нельзя-же такъ... скорѣе!

— А ну его...

— Собакѣ собачья смерть!

— А ты что за защитникъ?!

— Онъ, вѣрно, себѣ хочетъ схлопотать!

И у меня невольно вырываются по адресу этихъ дѣлающихъ желѣзо, желѣзно - равнодушныхъ людей совершенно наивныя и никчемныя слова:

— Да есть-ли у васъ, наконецъ, нервы?!

Но они, кажется, не слышали, не поняли или просто не обратили вниманія на этотъ вопросъ . . . . . .

Симферопольскій татаринъ Чогладжіевъ, молотобоецъ, до этой поры тихонько лежавшій у своего горна на разостланномъ по землѣ азямѣ, вдругъ поспѣшно подхватывается, какъ-бы вспомнивъ о чемъ-то неотложномъ, вытаскиваетъ изъ кадки съ водой самые большіе, полупудовые клещи, поднимаетъ ихъ обѣими руками надъ головой и бѣжитъ къ толпѣ, дико вопя:

— Разайдысь, разайдысь!.. кулакомъ толка муха бьютъ!

Оглядываясь на его вопль, предъ нимъ всѣ разступаются, и чрезъ проходъ виднѣются смутныя очертанія лежащаго Поручнева..

Боже, но вѣдь одинъ ударъ этимъ—смерть!—молніей прono-

сится у меня въ головѣ и когда Чогладжіевъ, нагнувшись всѣмъ станомъ впередъ, а руки съ клещами закинувъ назадъ, пробѣгаетъ мимо меня, я ожесточенно вырываю у него страшное орудіе и отшвыриваю его далеко прочь, къ сварочнымъ печамъ. Едва не упавшій съ разбѣгу татаринъ поворачивается ко мнѣ. Его узенькіе, азіатскіе глазки мечутъ искры злости, брызги слюны бѣшенства летятъ мнѣ въ лицо:

— Зачѣмъ вырывалъ?! Зачѣмъ не давалъ?! Зачѣмъ бросалъ клещи? А?! Ты кто такой?! А?!

— Дуракъ, ты убьешь!—произношу я возможно внушительнѣе и серьезнѣе, собравъ все свое самообладаніе. Мнѣ вдругъ припоминается давно читанный мною романъ, герой котораго однимъ взглядомъ остановилъ толпу, разграблявшую домъ его невѣсты. Почему-же это невозможно для меня, разъ возможно было для того героя? Вѣдь вотъ и Нитцше говоритъ, что каждый человѣкъ...

— Такой сволочь нужно убиватъ,—оретъ, наступая на меня Чогладжіевъ, повидимому, нисколько не обращая вниманія на мой пристальный взглядъ, которымъ я надѣялся подѣйствовать на него,—онъ убивалъ—его убить!.. и тебя тоже... Зачѣмъ мѣшаешься!.. не хочешь билъ—стой, а зачѣмъ мѣшаешься!

Нѣкоторые обернулись и смотрятъ на меня и я—о позоръ!—теряюсь подъ ихъ взглядами точно также, какъ терялся двѣ минуты назадъ Поручневъ, и я, какъ онъ, не нахожу словъ для возраженія этому узколобому татарину... Однако, когда онъ, видя мое смущеніе, кидается туда, гдѣ упали клещи, я все-таки нахожу въ себѣ довольно рѣшимости, чтобы, подскочивъ къ нему, схватить его за плечи и удерживать отъ этой попытки.

Такъ какъ я гораздо выше и сильнѣе его, то это не стоитъ мнѣ большихъ усилій, но положеніе мое въ высшей степени нелѣпо. Вѣдь долго держать его нельзя, а тѣмъ временемъ клещи можетъ взять всякій другой; да развѣ только клещи...

— Пусти чортъ, зачѣмъ держалъ!—визжитъ Чогладжіевъ, вертясь у меня въ рукахъ, судорожно сжимающихъ его.

— Нѣтъ, не пущу!—съ апломбомъ, хотя, къ стыду моему, сильно неровнымъ голосомъ, заявляю я.—Вамъ дай только волю, такъ вы...

Тяжелый ударъ чьего-то кулака, нанесенный не то сзади, не то сбоку въ область моего праваго уха, выбиваетъ меня въ это мгновеніе изъ равновѣсія, и я, выпустивъ татарина, падаю лицомъ въ черную пыль . . . . . .

Во мнѣ нѣтъ ни злобы, ни желанія мести, ни испуга. Ничего. Полное отупѣніе. Кто меня ударилъ?—не все-ли равно. Кажется,

впрочемъ, Врублевскій: онъ первый началъ всматриваться внимательно въ меня во время моей схватки съ татариномъ. Ударилъ— оно и лучше: по крайней мѣрѣ, разрѣшилъ глупое и неопредѣленное положеніе, въ которомъ я находился. Только, чортъ возьми, вѣдь, падая, я всего на нѣсколько сантиметровъ не задѣлъ лбомъ или вискомъ выступа этой чугунной болванки... Брр...

Я поднимаюсь и, неоглядываясь, потихоньку иду къ крану, такъ какъ у меня во рту и ноздряхъ масса пыли и есть, кажется, ссадины на лицѣ. Идя я замѣчаю, что клещи лежатъ тамъ, куда я ихъ швырнулъ. Слава Богу! Мой поступокъ, какъ ни казался нелѣпъ, а пользу все-таки принесъ. Эпизодъ со мной отвлекъ ихъ, повидимому, отъ того... бѣднаго Іуды.

Холодная вода цѣлитъ меня лучше всякой живой воды, если послѣдняя бываетъ не только въ сказкахъ. Я подставляю подъ обильныя струи попеременно голову, шею, руки. Когда начинаю вытираться торчавшимъ надъ краномъ комкомъ чистой пакли, ко мнѣ подходитъ съ сердито-соболѣзнующимъ видомъ Костомилинъ:

— Охота была мѣшаться! Вотъ и схватилъ. Моли Бога, что такъ обошлось. Тутъ, другъ, мѣшаться нельзя; дѣло такое общее. Братъ родной стоитъ въ сторонѣ, а ты влѣзъ. На будущее время будешь знать А что въ другомъ мѣстѣ, гдѣ народъ поазартнѣе, такъ и тебя-бъ заодно уходили...

Послѣднее слово остро поражаетъ меня.

— Какъ уходили?! Развѣ Поручневъ?.. развѣ онъ..

Я рѣшительно не могу докончить вопроса. Послѣднее слово его слишкомъ жутко...

— Да вотъ... лежитъ. Кажется, еще дышитъ!

И я боязливо смотрю туда. Да, онъ «лежитъ». А около него, невдали, стоитъ Врублевскій, опять сгорбившійся, опять нахмурившій сумрачно брови. Поручневъ лежитъ какъ-то ничкомъ, съ неестественно искривленной шеей и залитымъ кровью лицомъ. Онъ страшно хрипитъ и тѣло его сводятъ судороги. Когда онѣ прекращаются, то изъ рта несчастнаго съ клокотаньемъ вываливаются красные хлопья и, падая въ черную пыль, дѣлаются черной грязью . . . . . .

Поклонникъ Ксавье-де-Монтепена съ напряженнымъ вниманіемъ всматривается въ лицо Іуды и въ эту грязь . . . . . .

Врублевскій выпрямляется и окидываетъ взглядомъ всю мастерскую. На секунду этотъ взглядъ останавливается на мнѣ, враждебный, испытующій, но я выдерживаю его довольно стойко. Потомъ онъ кричитъ:

— Ну, гдѣ-жь вы, чего-жь вы тамъ посядали? Его-жь нужно

убрать! Десять минутъ осталось. Тамъ и Хмелевъ може прійти. Чего-жь вы... идите кто-нибудь! Не буду-же я одинъ самъ возиться тутей!

Въ разныхъ углахъ прокатной копошатся, о чемъ-то разговариваютъ, нѣкоторые изъ избивавшихъ подходятъ къ крану, пьютъ воду, но къ Врублевскому никто не идетъ.

— Да идите-же кто-нибудь!—уже повелѣвающе восклицаетъ онъ, и эта интонація удерживаетъ меня на мѣстѣ, тогда какъ мгновеніе назадъ я уже хотѣлъ итти къ нему, а болѣе, конечно, къ Алексѣю, на помощь.

И вотъ Миненко, который, доставивъ Поручнева на судилище, опять пріобрѣлъ свое обычное безстрастіе, опять завалился на верстакъ, какъ ни въ чемъ ни бывало,—вторично покидаетъ мѣсто своего отдыха и приближается къ поляку, ворча что-то себѣ подъ носъ. Они переворачиваютъ Поручнева на спину, довольно безцеремонно, поднимаютъ ему вѣки и что-то тихо говорятъ между собой. Я съ болѣзненнымъ любопытствомъ ожидаю ихъ дѣйствій. Что-то они будутъ дѣлать? Вѣрно, лить воду на него. А вѣдь можно было-бы сейчасъ-же вызвать по телефону заводского доктора... ну, сказать ему, что разбило машиной что-ли... а то эти «свои средствія»...

Миненко зачѣмъ-то подзываетъ старшаго брата, Николая, который, повидимому, такъ и не покидалъ своего мѣста у дверей все время. Тотъ подходитъ и, понуривъ голову, смотритъ на Алексѣя. Что онъ чувствуетъ теперь, этотъ человѣкъ, при видѣ родной крови, смѣшивающейся съ пылью?..

Они ему что-то говорятъ, показывая на лежащаго и опять поднимая его вѣки. Николай слушаетъ ихъ довольно равнодушно, потомъ машетъ рукой и уходитъ. До меня доносится:

— А дѣлайте, что хотите!..

Дверь захлопывается за нимъ. И Софронина я не вижу. Ахъ, нѣтъ, вонъ онъ, у парового молота, опускаетъ и поднимаетъ его, то открывая, то закрывая паръ. Видимо, забавляется. Кажется, этотъ молодой человѣкъ уже забылъ о томъ, что онъ только что дѣлалъ.

Миненко и Врублевскій поднимаютъ, возмутительно небрежно, начинающаго тихо стонать Поручнева и несутъ его къ стѣнѣ, отдѣляющей прокатную отъ литейной. вѣрно желая положить у нея бѣднягу до прихода начальства. Когда они поравнялись со мной, то Врублевскій, остановившись и спустивъ на выставленную впередъ ногу туловище несомаго, освобожденной рукой дѣлаетъ мнѣ угрожающій жестъ и вполголоса произноситъ:

— А вы—смотрите!

Мнѣ хотѣлось-бы знать, какую мысль вкладывалъ онъ въ эти предостерегающія слова. Неужели онъ думаетъ, что я разскажу «кому слѣдуетъ» о страшной расправѣ съ Іудой?! О, нѣтъ, о, нѣтъ! довольно страданій, довольно горя! И тѣ слишкомъ сорокъ оторванныхъ отъ міра, лишенныхъ всего, что красило ихъ и безъ того сумрачное существованіе, томящихся теперь гдѣ-нибудь въ низкосводныхъ казематахъ безъ проблеска надежды на скорую свободу; и этотъ стократъ несчастный предатель, который такъ искренно говоритъ, что онъ «самъ не зналъ», что «такъ выйдетъ»; и этотъ Николай, столько времени боровшійся съ чувствомъ любви къ родному брату и смутнымъ сознаніемъ своего гражданскаго долга,—развѣ всего вынесеннаго и выстраданнаго этими людьми мало? Развѣ требуетъ жестокій богъ жизни еще человѣческихъ мукъ и скорбей, безцѣльныхъ и безсмысленныхъ?..

. . . . . .

Однако, что они тамъ дѣлаютъ? Они бросили его грубо на землю, а сами занялись скатываньемъ съ подъемной у вагранки площадки тѣхъ вагонетокъ, которыя были на ней установлены кочегарами въ началѣ допроса Поручнева. Зачѣмъ это имъ? Ужъ не думаютъ-ли они укрывать его на этой площадкѣ до утра, чтобы, идя съ работы, отнести его въ домъ. Но вѣдь, во-первыхъ, площадка ежечасно нужна, для доставленія въ печь угля и металла, такъ какъ на разсвѣтѣ будетъ отливка, а во-вторыхъ, онъ, оставаясь такъ долго безъ врачебной помощи, можетъ умереть. Неужели они такъ жестоки, чтобы не принять этого во вниманіе.

Но вѣдь они дѣйствительно такъ и дѣлаютъ — тащатъ его на площадку. Что-же это такое! Онъ, можетъ быть, не такъ плохъ и во время поданная помощь многое сдѣлала-бы!.. Нѣтъ, это невозможно! И чего всѣ смотрятъ только...

— Костомилинъ, пойди ты,—Врублевскій на меня сердитъ, на зло не послушаетъ,—скажи ему, что нельзя-же такъ! Ну, побили... наказали... но надо-же и сердце имѣть! Скажи имъ, что вся мастерская заявитъ, что онъ... ну упалъ... разбился... а то вѣдь умретъ, хуже будетъ... пойдетъ слѣдствіе. А такъ повѣрятъ... всѣмъ, и братъ притомъ... ну иди, скорѣй-же!

— Да чего иди, куда иди?! по воздуху летѣть, что-ли?! Ты смотри, допрежь, что они дѣлаютъ!

— Да... въ самомъ дѣлѣ... зачѣмъ-же они поднялись?.. Костомилинъ, Андрей, голубчикъ, что-же это такое... вѣдь онъ еще живой... онъ, можетъ быть, все чувствуетъ и слышитъ!..

Сибирякъ не слушаетъ моихъ словъ; онъ поворачивается и куда-то уходитъ. И у самого меня вдругъ что-то перехватило горло и я не могу произнести ни звука... Я хочу кричать, во-

пить и то-же не могу... Бѣжать, бѣжать къ нимъ, не позволить этого дѣлать, спустить площадку, биться, драться, или, еще лучше, бѣжать отсюда, изъ этого сумрачнаго зданія, но ноги мои точно скованы. Онѣ парализованы столбнякомъ и я могу только смотрѣть глазами, точно стремящимися выйти изъ орбитъ, какъ Миненко поднимаетъ блокомъ заслонъ вагранки, какъ изъ жерла ея вырывается снопъ огня и багроваго дыма одѣвающаго ихъ зловѣщимъ облакомъ, какъ они съ размаху бросаютъ туда, въ это жерло, въ этотъ огонь и дымъ Алексѣя Поручнева...

. . . . . .

Іуду!..

. . . . . .

Они спустились... поставили вновь вагонетки. Миненко вытираетъ со лба потъ рукавомъ рубашки, Врублевскій куда-то уходитъ, низко—низко сгорбившись, точно придавленный. И все обыкновенно... Только тише стало... никто ничего не говоритъ. И... даже... ноги мои опять могутъ итти. И я подхожу къ окошечку вагранки, но почти ничего не вижу. Нѣтъ, вижу: бѣлое—бѣлое, ослѣпительное пламя кружится бѣшеной метелью около чего-то длиннаго. А вонъ, въ полуаршинѣ отъ моихъ глазъ, красная все увеличивающаяся въ толщинѣ рука, покрытая коробящимися и обугленными уже лоскутьями кожи, уперлась пальцами въ расплавленный чугунъ, который быстро обращаетъ ихъ въ пепелъ, заволакиваясь струйками дыма... Мнѣ, кажется, я слышу чадный запахъ этого дыма, но, конечно, это только галлюцинація моего обоняніе, происходящая отъ излишняго нервнаго напряженія: вѣдь, стѣны печи желѣзныя, а окошко, въ которое я смотрю—изъ толстаго стекла! слѣдовательно, никакой запахъ оттуда распространяться не можетъ.

До меня доносится звонъ колокольчика. Откуда-то издалека... сзади... вѣрно сторожъ звонить начало работъ.—Машинально повернувъ голову, я смотрю на сѣрый циферблатъ часовъ, украшающихъ противоположную закопченную стѣну. Да, два часа! Сейчасъ начнется работа, застучатъ станки, вальцы. Будутъ тянуть и рѣзать по шаблонамъ рельсы, будутъ ковать брусья. А мы съ Костомилинымъ вновь примемся за изготовленіе полосъ желѣза, сортъ «ноль-девятнадцать». Все пойдетъ своимъ порядкомъ.

А почему же они не идутъ по мѣстамъ? Собрались всѣ толпой невдалекѣ и смотрятъ на меня... иль они смотрятъ на печь?.. Ага, видно совѣсть-то заговорила! А гдѣ-же сторожъ?—колокольчикъ все звонитъ, а его нѣтъ. Вѣрно онъ еще на дворѣ; впрочемъ, это все равно. Важно, что два часа; кошмаръ кончился, надо итти работать; наши пакеты вѣрно всѣ сплавились въ одинъ.

И я хочу итти, но странное явленіе, совершенно неожиданное и необъяснимое, привлекаетъ мое вниманіе. Вагранка, на которую я опираюсь рукой, вдругъ начинаетъ подниматься, точно выростая изъ земли. Я это ясно ощущаю и вижу потому, что, во-первыхъ, поднимаясь, она скользитъ подъ моей рукой, а во-вторыхъ, окошечко тоже уходитъ вверхъ. Это изумительно!—вѣдь законъ тяготѣнія...

Ахъ, да, а я-то и не догадался: это вѣдь земля опускается, и я, слѣдовательно, съ ней; вагранка-же стоитъ на мѣстѣ, какъ прежде; оттого-то моя рука и скользитъ по ней внизъ. Вѣрно происходитъ какой нибудь космическій феноменъ! земля, напримѣръ, уклонилась съ своей орбиты и падаетъ на солнце, или землятрясеніе, или провалъ территоріи нашихъ заводовъ; вѣдь это бываетъ... напримѣръ, въ Лиссабонѣ... конечно: вотъ и всѣ фонари погасли—станція, значитъ тоже разрушается или порвались провода тока. Темно, и лица рабочихъ, все смотрящихъ на меня, точно въ какомъ-то туманѣ... А колокольчикъ звенитъ—вѣрно сторожъ уже вошелъ въ мастерскую—и звенитъ сильно, сильно, глухо, какъ будто звонятъ колокола всего міра и весь міръ наполненъ его тяжелымъ гулкимъ звономъ. Бумъ, бумъ, бумъ... и фонари погасли, но за то какіе красивые огненные круги вращаются и пересѣкаются въ черномъ пространствѣ: красные, зеленые, желтые...

Борисъ Лачиновъ.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Романъ **Эдуарда Рода.**

Переводъ съ французскаго **З. Журавской.**

(*Окончаніе* *).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ понедѣльникъ, получивъ отъ патрона инструкціи, Сутръ хотѣлъ уже уйти, но Делемонъ, сидѣвшій надъ конторскими книгами, окликнулъ его, наморщивъ лобъ и озабоченно вертя въ рукахъ карандашъ.

— Сутръ!

— Г. Делемонъ?

— Что, если ускорить вашу свадьбу? а? какъ вы думаете?

Эта мысль пришла ему въ голову только вчера: онъ положительно чувствовалъ себя слишкомъ одинокимъ въ своей семьѣ, рядомъ съ этой женщиной, которой онъ почти боялся, и дѣтьми, такими непохожими на него, въ томъ возрастѣ, когда люди уже начинаютъ искать опоры. Этотъ зять, выбранный имъ самимъ, выдрессированный подъ его вліяніемъ, пріученный слушаться его, будетъ хорошимъ союзникомъ, пожалуй, болѣе надежнымъ чѣмъ Бернаръ—фантазеръ, всегда готовый во имя гуманности передаться на сторону врага. Задумано—сдѣлано; онъ ничего не откладывалъ въ долгій ящикъ.

Гигантъ остановился и повернулся къ нему, наивнымъ жестомъ прижавъ руку къ сердцу.—Ахъ, г. Делемонъ, какъ *я* думаю!—

Его тоненькій голосокъ застревалъ въ горлѣ, глаза стали влажными; все его могучее тѣло трепетало отъ волненія.

—Присядьте, другъ мой, успокойтесь—и побесѣдуемъ!...

Сутръ покорно сѣлъ.

— Вы помните нашъ уговоръ: повѣнчать васъ, когда моей дочери исполнится двадцать одинъ годъ, а до тѣхъ поръ и не заводить рѣчи о свадьбѣ. Намъ пришлось бы ждать до осени. Но Алиса

*) См. „Міръ Божій“, № 11, ноябрь 1905 г.

такъ благоразумна, такъ серьезна—на мой взглядъ, даже слишкомъ серьезна для своихъ лѣтъ!—Не сыграть ли свадьбу раньше?

— О, что касается меня, г. Делемонъ, вы понимаете, я лучшаго и желать не могу!..—Совладавъ съ своимъ волненіемъ, онъ вспомнилъ, какое равнодушіе выказывала ему молодая дѣвушка, въ особенности въ послѣднее время, и радость его омрачилась; онъ вздохнулъ, во взорѣ выразилось сомнѣніе:—Но... мадмуазель Алиса... захочетъ ли она?

Делемонъ усмѣхнулся: развѣ у его дочери есть своя воля? Она захочетъ того, чего хочетъ онъ, какъ всегда!—Да вѣдь это у насъ давно рѣшено. Полгода раньше, полгода позже—не все ли равно?—А по мнѣ, лучше раньше. Знаете, въ животѣ и смерти никто не воленъ... Разъ дѣло наложено, чего тянуть... Такъ значитъ, коли вы согласны, я переговорю съ дочкой... сегодня же вечеромъ. Ладно? Ну-съ, теперь надо вамъ объяснить, какъ я понимаю эту комбинацію. Вы должны стать на мою точку зрѣнія.

Онъ властнымъ тономъ началъ излагать условія контракта—прижимистаго, почти оскорбительнаго, такъ много въ немъ было предосторожностей, приковывающихъ состояніе невѣсты къ заводу и гарантирующихъ его отъ всякихъ случайностей семейной жизни. Сутръ только кивалъ головой; онъ на все соглашался. Ничего не внося въ семью, онъ ничего и не требовалъ. Для всякаго другого, такого же бѣдняка, какъ онъ, но алчнаго, или честолюбиваго, такой бракъ представлялся бы прежде всего блестящей партіей. Но Сутръ вносилъ сюда чувство—чувство сложное, куда входило и благоговѣніе передъ хозяиномъ, и привязанность къ заводу, и нѣчто вродѣ обожанія къ самой Алисѣ; съ тѣхъ поръ, какъ ему обѣщали ее, какъ высшую награду, онъ любилъ ее, и ради нея самой, и потому, что въ ней соединялось для него все, чего онъ могъ ждать отъ жизни. Какъ человѣкъ, который долго ждалъ, онъ и вѣрилъ, и не вѣрилъ своему счастью.

— Теперь намъ надо сговориться еще насчетъ одного,—продолжалъ Делемонъ покончивъ съ контрактомъ.—Меня очень безпокоитъ здоровье жены. Алиса необходима дома. И я хотѣлъ-бы не разставаться съ нею. Домъ достаточно великъ, чтобы пріютить молодыхъ. Удобно вамъ это?

Удобно ли? Конечно, нѣтъ! Онъ такъ мечталъ увезти свою жену въ ихъ собственное уютное гнѣздышко, гдѣ могла бы расцвѣсти нѣжность.—Онъ понурилъ голову, не смѣя отказать. Делемонъ принялся убѣждать его.—Это избавитъ васъ отъ множества хлопотъ. Не надо будетъ тратить время на поиски квартиры, на покупку мебели... не говоря уже объ экономіи!.. Притомъ же, это, конечно, не на вѣки вѣчные—само собой — только пока намъ всѣмъ будетъ хорошо и удобно.

Грустно было для начала принести въ жертву милые сюрпризы

уединенія вдвоемъ, прелестные невозвратимые дни медоваго мѣсяца. Сутръ чувствовалъ это; онъ, какъ и всѣ, лелѣялъ въ уголкѣ души свою завѣтную мечту. Но такой случай упускать не годится. И онъ, вздохнувъ, сказалъ: Какъ вамъ будетъ угодно, г. Делемонъ.

Онъ смотрѣлъ большимъ ребенкомъ, такимъ беззащитнымъ, наивнымъ, кроткимъ—такимъ послушнымъ. Делемонъ потиралъ руки отъ удовольствія,—глаза его заблестѣли, лицо приняло добродушно-лукавое выраженіе:

— Кстати, еще одно, другъ мой... Не надо-ли вамъ что-нибудь ликвидировать въ прошломъ? Вы понимаете?—ну, какую-нибудь тамъ связь, холостую интрижку?

Сутръ покраснѣлъ до ушей... Конечно, въ его годы и при его сложеніи онъ не могъ ждать до свадьбы, какъ красная дѣвица.—Да, г. Делемонъ—пролепеталъ онъ,—да, у меня есть пріятельница...

Заводчикъ благосклонно подмигнулъ ему:—Само собой!—Ну, такъ вотъ, дорогой мой, это надо ликвидировать—и безъ проволочекъ. Само собой, надо это сдѣлать прилично... Если вамъ понадобится помощь, разсчитывайте на меня... Скажите однако, что такое эта ваша пріятельница? Что за женщина?

Сутръ еще больше сконфузился. Онъ никогда не думалъ, чтобы въ его холостой жизни было что-либо предсудительное; однако исповѣдываться передъ будущимъ тестемъ ему было стыдно и страшно слышать порицаніе. Онъ смущенно пролепеталъ:—Ей двадцать три года... Она работаетъ...

Делемонъ вздрогнулъ:—На заводѣ, несчастный!..

— О! г. Делемонъ, какъ вы могли это подумать!.. Я слишкомъ уважаю нашъ заводъ.

— Вы напугали меня. Ну такъ что же это—работница? продавщица изъ магазина?

— Да, она служитъ въ большомъ магазинѣ.

— Можетъ быть, это не такъ легко будетъ устроить... Но вы то сами, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ привязаны къ ней?

Ихъ связь тянулась уже два года; для него молодая женщина обманывала родителей, которые считали ее честной. Онъ зналъ, что его любятъ, но самъ не вносилъ въ этотъ романъ никакой экзальтаціи; она подвернулась ему въ подходящій моментъ и онъ взялъ ея душу и тѣло, не заглядывая въ будущее.

— О!—воскликнулъ онъ—вѣдь это только пока, въ ожиданіи... Я никогда ей ничего не обѣщалъ. Къ тому же, она такая кроткая, милая, она не станетъ заводить исторій.

— Ну такъ вотъ, что, Сутръ; если хотите послушаться добраго совѣта, не мѣшкайте и не ходите вокругъ да около. Такія вещи нужно дѣлать сразу, отрубилъ и готово!—Заводчикъ взмахнулъ рукой, какъ будто рубнувъ топоромъ.—Самое лучшее, безъ всякихъ подходовъ.

Не то раскиснешь, разнѣжничаешься, и надѣлаешь глупостей... Предупреждаю, что никакихъ отсрочекъ я вамъ не дамъ. Сегодня же вечеромъ я поговорю съ дочерью, назначимъ день и завтра закажемъ пригласительные билеты. А тамъ—честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

Перспектива тягостнаго объясненія не портила радости Сутра: «она знала, думалъ онъ, что это не можетъ длиться вѣчно». Онъ сталъ думать, нельзя ли предложить ей вознагражденіе, какъ деликатно намекнулъ будущій тесть. Но его подруга была совсѣмъ не корыстная—подарокъ обидѣлъ бы ее, а не утѣшилъ. Что же дѣлать? какъ быть? Ужъ, конечно, безъ слезъ не обойдется. Сутръ былъ искренно огорченъ этимъ. Но потомъ онъ подумалъ, что такое горе не вѣчно и что это со многими бываетъ. Люди встрѣчаются, влюбляются, сходятся и расходятся: такова жизнь. Самое простое—не видаться съ ней больше, написать хорошее прощальное письмо, сказать, что онъ уѣзжаетъ надолго, даже, можетъ быть, сказать правду...

Пока Сутръ старательно сочинялъ это письмо, Делемонъ увелъ дочь въ кабинетъ и повелъ рѣчь почти въ такихъ же выраженіяхъ какъ съ Сутромъ:—Скажи ка мнѣ, Алиса, какъ ты думаешь, что если ускорить свадьбу?

Молодая дѣвушка поблѣднѣла и посмотрѣла на отца.—Зачѣмъ?

Делемонъ сразу понялъ, что здѣсь разговоръ приметъ другой оборотъ: Сутръ не спрашивалъ зачѣмъ.—Зачѣмъ?—повторилъ онъ.—Богъ мой, да потому что нѣтъ надобности больше ждать. Ты такъ благоразумна—даже слишкомъ, право!.. У тебя вдвое больше здраваго смысла, чѣмъ нужно для того, чтобы вести собственное хозяйство. А твой женихъ—онъ нарочно подчеркнулъ это слово—твой женихъ очень влюбленъ. Это ничего, что онъ такой огромный, сердце у него нѣжное! И онъ усталъ ждать.

Алиса положила голову на руки; она не знала, что сказать. Такая мужественная въ обыденной жизни, когда приходилось заботиться о другихъ, она терялась, какъ только ей приходилось рѣшать что-нибудь серьезное относительно себя самой. Да и гдѣ взять энергіи противиться отцу? Она не такъ сильно любила себя, чтобы торговаться; ея чувство къ Бюрье было совершенно призрачное, безъ надежды, безъ завтрашняго дня; всетаки Сутръ былъ добрый товарищъ, котораго она уважала; онъ раздѣлялъ ея взгляды и когда нибудь поможетъ ей осуществить ея добрыя намѣренія.

— Ты, кажется, не въ восторгѣ?

Она все молчала. Горькая усмѣшка скользнула по ея губамъ и исчезла. Лицо приняло выраженіе спокойствія, чуждаго всякихъ иллюзій.

— Полагаю, что ты не раздумала? Нѣтъ? Тѣмъ лучше. Вѣдь это давно рѣшенный вопросъ, оттого мы и не говорили объ этомъ... И увѣряю тебя, это будетъ не худо. Денегъ у него нѣтъ, конечно, но

зато онъ славный малый, другъ дома, отлично знаетъ заводъ, привязанъ къ нему не меньше меня; въ случаѣ надобности, способенъ и завѣдывать имъ. Когда меня не станетъ, онъ будетъ отличнымъ компаньономъ для Бернара. Ты понимаешь, онъ вѣдь началъ съ самаго начала, какъ я!.. Такія соображенія всегда слѣдуетъ принимать въ разсчетъ, не правда ли? Если не думать о деньгахъ, лучшей партіи и не найти.

Всѣ эти доводы попадали какъ разъ обратно цѣли; по мѣрѣ того, какъ говорилъ отецъ, лицо Алисы становилось все печальнѣе, такъ что даже у него явилось сомнѣніе, мысль, что онъ ошибается и думаетъ больше о собственныхъ интересахъ, чѣмъ о счастьѣ дочери. Какъ бы отвѣчая на эту мысль, онъ прибавилъ:—Съ Эстеллой я бы не сталъ такъ разсуждать, но ты—ты умница, ты здраво смотришь на вещи, тебѣ не нужно громкихъ фразъ, ты знаешь, что замужество вещь серьезная и что жизнь не романъ.

Молодая дѣвушка протестовала только въ душѣ, гдѣ таилась мечта о счастьѣ. Отецъ перешелъ къ послѣднему пункту:—Къ тому же наша жизнь совсѣмъ не измѣнится: вы оба будете жить съ нами. Это уже рѣшено. Здоровье моей жены такъ разстроено; ты понимаешь, что мнѣ не хотѣлось бы разставаться съ тобой. Домъ достаточно помѣстителенъ... Да такъ будетъ и экономнѣе, меньше хлопотъ... И твоему мужу будетъ удобнѣе, ближе къ заводу...

Если Алиса чего нибудь ждала отъ этого брака, такъ именно независимости, перемѣны мѣста, своего угла. А теперь оказывается и впереди все тоже—тотъ же заводъ, безобразный Степъ, прикованный на цѣпь у двери, дымъ отъ высокихъ трубъ, застилающій небо, загроможденный дворъ, гдѣ мелькаютъ усталые силуэты рабочихъ, вѣчный шумъ въ рабочемъ городкѣ, бѣлье, развѣшанное на подоконникахъ—все, что давило и гнело ея душу—все, о чемъ она мечтала, по крайней мѣрѣ, забыть, уходя въ новую жизнь, если ужъ нельзя было измѣнить этого при жизни отца. Но вслухъ она этого не высказывала.

— Ты ничего не говоришь?.. Ну скажи же хоть слово! Я хотѣлъ бы знать, что ты думаешь, довольна ли ты этой комбинаціей?

Не глядя на него, она прошептала:—Не знаю.

Онъ сразу вспылилъ:—Какъ не знаешь? Что это значитъ! Каждый человѣкъ долженъ знать, чего онъ хочетъ!..—Но замѣтивъ слезы, повисшія у нея на рѣсницахъ, смягчился.—Ну вотъ, теперь ты плачешь,—о чемъ? Вѣдь ты же согласна? Да? Да! Такъ о чемъ же плакать?.. Что? Отъ волненія? Г-мъ! Я предпочелъ бы видѣть тебя болѣе радостной. Вонъ Сутръ такъ прямо сіяетъ. Ужъ у него то не пришлось вытягивать щипцами согласіе!

Слѣдовало ли добиваться болѣе категорическаго отвѣта? Ба, молодыя дѣвушки всѣ таковы: чувства свои они прячутъ, а слезы льютъ при каждомъ удобномъ случаѣ, сами не зная о чемъ, и потомъ у нихъ

всегда фантазіи, на которыя разумный человѣкъ не долженъ обращать вниманія. Гдѣ же имъ самимъ устраивать свою жизнь!.. Делемонъ всталъ, поцѣловалъ дочку въ лобъ, что случалось не часто, и заключилъ:— Вотъ увидишь, ты будешь съ нимъ очень счастлива!

Новость на другой же день разнеслась по дому, потомъ по заводу. Сутръ теперь каждый день приходилъ обѣдать, носилъ цвѣты. Заказаны были пригласительные билеты. Заботы о приданомъ поручены были госпожѣ Делемонъ. Визитовъ предстояло немного, такъ какъ въ Парижѣ у нихъ, кромѣ Романешей, не было родственниковъ и очень мало знакомыхъ.

Бернаръ узналъ объ этомъ въ лицеѣ изъ коротенькаго письма Алисы, сообщавшаго фактъ безъ всякихъ комментарій. Онъ давно считалъ замужество Алисы дѣломъ рѣшеннымъ, но сухость этихъ строкъ встревожила его, и когда въ субботу, вернувшись домой, онъ нашелъ сестру взволнованной и печальной, онъ отчасти угадалъ, что происходило въ ея душѣ. Жениха она избѣгала или выказывала ему равнодушіе; въ глазахъ ея братъ прочелъ страданіе, и когда Сутръ ушелъ, братъ послѣдовалъ за нею въ ея комнату, чтобы поговорить по душѣ.

До сихъ поръ молодые люди не имѣли тайнъ другъ отъ друга. Тайны начались съ первымъ дыханіемъ любви. Могла ли Алиса повѣрить брату чувство, зародившееся въ ней послѣ встрѣчи съ Бюрье, когда она не сознавалась въ немъ и самой себѣ? А между тѣмъ оно сказывалось. Нѣсколькими недѣлями раньше она спокойно сдержала бы данное слово, изъ уваженія къ принятому на себя обязательству, изъ послушанія волѣ отца,—потому, наконецъ, что она до извѣстной степени благоволила жениху, конечно, не была влюблена въ него, но всетаки надѣялась современемъ привязаться къ нему. Теперь она уступила, правда, но все существо ея возмущалось противъ этого, предчувствуя нѣжность, готовую родиться въ душѣ, жажду счастья, весь волшебный миражъ, созданный мимолетной мечтой, возникшей въ юной душѣ отъ встрѣчи двухъ взглядовъ. Какъ невидимый полюсъ издали притягиваетъ къ себѣ предметы, и не подозрѣвающіе объ его существованіи, такъ любовь, еще не названная Алисой по имени, звала ее къ себѣ, на свой путь. При первыхъ же словахъ, при первомъ же вопросѣ брата, она расплакалась. Молодой человѣкъ тоже взволновался.

— Ты плачешь въ такую минуту, которая должна бы быть радостной? Алиса, что значатъ эти слезы?

Она заплакала еще горше. Можно ли было отвѣтить яснѣе?

— Ты измѣнилась? Ты не любишь Сутра? Не хочешь идти за него? Почему? Скажи мнѣ все, сестренка, умоляю тебя! Я вѣдь хочу помочь тебѣ. Я попробую—можетъ быть мнѣ удастся... Но надо же знать! Прежде всего, что ты сказала отцу?

— Ничего. Ты вѣдь его знаешь. Что пользы говорить!..

— Какъ, ты не защищалась? Ты согласилась, не сдѣлавъ даже попытки взять назадъ свое слово?

Она безнадежно махнула рукой.—Я ничего не сказала.

— А онъ принялъ твое молчаніе за согласіе? Какъ это похоже на него! Онъ слышитъ только то, что ему угодно слышать, вѣритъ только тому, что ему нравится. Но развѣ можно складывать оружіе безъ борьбы? Я не узнаю тебя, сестренка. Такъ часто я видѣлъ тебя мужественной, а тутъ выказала слабость, даже трусость. Я положительно тебя не понимаю! Хорошо, что еще есть время: надо говорить, надо дѣйствовать.

Она опять уныло махнула рукой.—Что я могу сказать? что сдѣлать?

— Прежде всего объясниться съ отцомъ. Ты не рѣшишься? Однако, ты умѣешь иногда перечить ему.

— Да, когда это нужно для другихъ... Но для себя...

— Правда. Ну такъ я поговорю съ нимъ, если хочешь.

Сильная воля разбудила болѣе слабую; надежда вернулась въ сердце Алисы.

— О, Бернаръ, еслибъ ты это сдѣлалъ!

— Почему же нѣтъ? Разъ ты не любишь Сутра, не хочешь идти за него, надо же это сказать. Ты, можетъ, любишь другого?

Она поспѣшно запротестовала.

— Нѣтъ, нѣтъ! Но только не этотъ, только не онъ.

Бернаръ дивился, откуда у нея вдругъ такая антипатія къ человѣку, съ которымъ она раньше мирилась, и рѣшилъ, что Сутръ съ его огромнымъ ростомъ, тоненькимъ голосомъ и тупостью ума не могъ нравиться молодой дѣвушкѣ съ утонченными вкусами и наклонностями. Онъ подумалъ немного, поискалъ выхода и съ отцовской рѣшительностью воскликнулъ:

— Рѣшено, я поговорю съ отцомъ, и мы увидимъ!

— Скорѣе поговори. Пригласительные билеты уже готовы. Онъ унесъ съ собой вчера вечеромъ цѣлую пачку. Я увѣрена, что онъ сгораетъ желаніемъ поскорѣе разослать ихъ.

При этихъ словахъ она улыбнулась: торопливость Сутра теперь, когда она снова могла надѣяться, казалась ей немного комичной; теперь она готова была трунить надъ нимъ съ жестокостью, свойственной лучшимъ изъ женщинъ, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, который ихъ любитъ, но котораго онѣ не любятъ.

II.

На другой день съ первой почтой пришло письмо отъ покинутой,— жалкое письмо, полное возмущенія, отчаянія, жалобъ, угрозъ, моленій

гдѣ изъ подъ любви скользила ненависть, гдѣ и въ самой ненависти жила любовь—послѣдняя попытка въ такую минуту, когда не разбираютъ средствъ, когда въ страданіи становишься низкимъ или выставляешь на показъ свои раны, испытывая острую радость отъ сознанія, какъ онѣ страшны и отвратительны. Несчастная разсказывала все: восторги первыхъ встрѣчъ, мольбы, свое сопротивленіе, борьбу и паденіе. Она разсказывала, какъ она долго безгранично вѣрила въ человѣка, который взялъ ее только для препровожденія времени, какъ она терзалась, возвращаясь домой послѣ свиданія съ краской стыда въ лицѣ и безуміемъ страсти въ сердцѣ, съ тяжестью постояннаго обмана на душѣ, подъ гнетомъ котораго она опускалась все ниже и ниже; разсказывала свои угрызенія, отчаяніе и новыя ошибки, и невозможность потерять того, кто заполнилъ ея всю жизнь. Въ безъискуственныхъ фразахъ, не скрывавшихъ пылкости ея темперамента, она перебирала всю грязь страстей, не думая о томъ, что письмо ея будетъ читать невинная дѣвушка, не заботясь о злѣ, которое она могла причинить. Она говорила все безъ хитрости, безъ утайки, и внизу, на послѣдней страницѣ поставила свое имя: Анжель Эрдинъ, и адресъ. Кромѣ того, въ конвертѣ лежала грубо чувственная записка, написанная крупнымъ почеркомъ Сутра, и его прощальное письмо, полное еще болѣе грубой, невѣроятной лжи—въ концѣ концовъ, онъ рѣшился остановиться на этомъ. Словомъ, здѣсь были и доказательства, и возможность провѣрить ихъ, и возможность отвѣтить. Алиса пожирала эти листки съ волненіемъ и отвращеніемъ, къ которымъ примѣшивалась доля радости: вѣдь это было вѣрное спасеніе, постыдное изгнаніе того, кого она про себя называла уже негодяемъ. И, подчеркивая ногтемъ наиболѣе поразившія её фразы, она говорила Бернару, читавшему черезъ ея плечо:

— Что скажетъ отецъ, когда узнаетъ. Онъ и не подозрѣваетъ, бѣдный, онъ такъ вѣритъ этому человѣку, считаетъ его честнымъ, безупречнымъ. Пусть-ка онъ узнаетъ!

Болѣе свѣдующій, если не болѣе опытный въ жизни юноша, подумавъ, далъ удивившій Алису отвѣтъ:

— Да, некрасивая исторія. Но съ отцомъ я буду говорить о ней только въ томъ случаѣ, если это окажется неизбѣжнымъ, и я не знаю, что онъ скажетъ... Видишь ли, такія вещи мужчины нерѣдко извиняютъ. Ты не знаешь!..

Делемонъ уѣхалъ съ утра, предупредивъ кучера, что онъ вернется только къ обѣду, Объясненіе пришлось отложить. Зато къ завтраку явился Сутръ, который хотѣлъ вполнѣ использовать свое воскресенье. Онъ пришелъ свѣже выбритый, съ закрученными кверху усами, въ синемъ галстухѣ, тонкихъ ботинкахъ, въ новыхъ перчаткахъ, съ большимъ бѣлымъ букетомъ, весь сіяющій счастьемъ. Онъ не замѣтилъ ни холодности невѣсты, которая вообще не баловала его нѣжностью,

ни трагическихъ взглядовъ Эстеллы, которой онъ вообще не замѣчалъ, ни умышленно подчеркнутой сдержанности Бернара. Послѣ завтрака, оставшись покурить съ Бернаромъ на верандѣ, онъ началъ говорить съ нимъ по душѣ, какъ съ братомъ, разсказывалъ свои планы, мечты, добродушные и грубоватые, какъ самъ онъ, порхавшіе все вокругъ того же завода съ граціей индюшекъ на птичьемъ дворѣ.

— Какъ мы славно заживемъ, Бернаръ! Вѣдь мы такъ давно знаемъ другъ друга, знаемъ, кто чего стоитъ... Что можетъ быть лучше дружной, согласной семьи, гдѣ всѣ цѣнятъ и уважаютъ другъ друга!..

Бернаръ не удержался и добавилъ: «Гдѣ никто ничего не скрываетъ другъ отъ друга», но Сутръ не понялъ намека. Онъ продолжалъ изливаться; отчасти изъ благожелательности очень довольнаго человѣка, отчасти для того, чтобы навести разговоръ на излюбленныя темы будущаго шурина, онъ заговорилъ о реформахъ, которыя можно будетъ потомъ ввести на заводѣ, когда это разрѣшитъ Делемонъ:

— Нѣкоторыя реформы безусловно необходимы, я это признаю. Хозяинъ тоже это признаетъ, но у него свои привычки. Надо его постепенно къ этому привести. Мы всѣ приложимъ старанія. Моя жена поможетъ намъ. Она такъ добра.

Бернаръ не въ состояніи былъ поддерживать этого разговора, такъ какъ не хотѣлъ быть неискреннимъ и не могъ сказать ничего опредѣленнаго, не поговоривъ съ отцомъ. Къ счастью, изъ гостинной донеслись звуки рояля. Онъ бросилъ недокуренную папироску и увлекъ своего собесѣдника въ гостинную.

Эстелла убаюкивала свою грусть шопеновскими вальсами. Въ ея нервной, порывистой, индивидуальной игрѣ ярко прорывалась наружу вся гроза, кипѣвшая въ ея душѣ. Бернаръ понялъ только, что сестра его сдѣлала большіе успѣхи и поздравилъ ее.

— А знаешь-ли, вѣдь ты очень мило стала играть. Тебѣ надо больше работать. Играй же; зачѣмъ ты перестала? Вы любите музыку, Сутръ?

Сутръ ничего не понималъ въ ней и обыкновенно не имѣлъ времени слушать, но въ эту минуту развѣ онъ могъ чего-нибудь не любить! И онъ убѣжденно воскликнулъ: — О да, очень люблю! — И съ усиліемъ вытянулъ изъ себя длиннѣйшій комплиментъ по адресу Эстеллы. Пока онъ успѣлъ окончить свою фразу, Бернаръ исчезъ. Молодая дѣвушка взволнованная, хотѣла было опять начать играть, но руки ея дрожали, ноты прыгали у нея передъ глазами и она бросила тетрадь, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу играть при постороннихъ.

Сутръ во всякомъ случаѣ больше предпочиталъ слушать музыку, чѣмъ разговаривать. Онъ запротестовалъ:

— Но вѣдь я непосторонній, я все равно, что братъ!..

Эстелла съ трескомъ захлопнула крышку, такъ что зазвенѣли всѣ клавиши.

— Нѣтъ, нѣтъ, и при васъ не могу.

Онъ подумалъ: «Однако, она не изъ кроткихъ, моя будущая своячениця». Молодая дѣвушка встала, чувствуя, что у ней подкашиваются ноги, и забилась въ уголокъ дивана. Надо же было сѣсть возлѣ нея и поговорить съ ней о чемъ-нибудь. И Сутръ изощрялся, придумывая темы, не подозрѣвая, что каждое слово его для нея небесная музыка и пѣніе ангеловъ. Она была счастлива и безумно ревновала, и хотѣла умереть: ея тайна сквозила въ ея взглядѣ, голосѣ, въ каждомъ движеніи. Она дрожала отъ стыда и сгорала желаніемъ быть разгаданной, и ненавидѣла его за то, что онъ не понимаетъ. Ея сердце рвалось къ этому другому сердцу, которое билось такъ близко отъ него, но билось совершенно ровно. И она спасалась молчаніемъ, а онъ все говорилъ, переходя отъ одной темы къ другой, смѣясь только потому, что ему было весело. Вскорѣ онъ перешелъ къ тому чѣмъ была полна вся его голова.

— Разъ ужъ мы заговорили такъ по душѣ, мадмуазель Эстелла...— Онъ взялъ ее за руки, не чувствуя, что она вся дрожитъ.—... Я хотѣлъ бы съ вами посовѣтоваться объ одной вещи... Очень это меня затрудняетъ. Видите-ли, когда дѣло идетъ не о бутылкахъ, я совсѣмъ профанъ... Я, видите-ли, хочу съ вами посовѣтоваться насчетъ... насчетъ свадебной корзинки...

Это было уже слишкомъ. Молодая дѣвушка вскочила, бросила на него отчаянный взглядъ и выбѣжала изъ комнаты. Сутръ въ недоумѣніи спрашивалъ себя:—«Что съ ней такое дѣлается?» и не находилъ иного объясненія, кромѣ: «Чудачка!» Да и раздумывать объ этомъ было некогда. Явились Романеши; начались поздравленія, комплименты, поцѣлуи, длиннѣйшая комедія, тягостная и унизительная для Алисы и Бернара.

Делемонъ вернулся только къ обѣду. Бернаръ, все время подстерегавшій его, послѣдовалъ за нимъ въ контору и тамъ у нихъ произошло длиннѣйшее объясненіе, въ которомъ отецъ и сынъ обнаружили одинаковую энергію и упорство. Делемонъ и слышать не хотѣлъ о разрывѣ съ Сутромъ. Заявленіе сына, что исторія съ покинутой дѣвушкой извѣстна и ему, и Алисѣ, покоробило заводчика—даже люди, привычные къ компромиссамъ, не любятъ посвящать своихъ дѣтей въ печальную науку жизни. Но Делемонъ никогда не уступалъ. Онъ подавилъ въ себѣ невольное чувство стыда и храбро отвѣтилъ сыну, что онъ это зналъ, что Сутръ предупредилъ его.

— Ты зналъ!—возможно-ли?

Въ этомъ крикѣ было столько отчаянія и укора, что отецъ почувствовалъ, какъ въ душѣ его поднимается отвращеніе ко всѣмъ тѣмъ гнусностямъ, которыя онъ видѣлъ, дѣлалъ самъ и терпѣлъ

вокругъ себя. Но ихъ такъ много въ жизни; его собственная жизнь была такъ полна ими! И онъ могъ утѣшить сына только пошлой мудростью своего житейскаго опыта, возмущавшаго Бернара своимъ цинизмомъ и жестокостью.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ онъ гнѣвно,—если жизнь такова, какъ ты говоришь, я презираю ее! плюю на нее. Мы съ Алисой не вѣримъ, что она такая, не хотимъ вѣрить!

— Да узнайте же ее сначала, глупыя вы дѣти! Жизнь станетъ невозможной, если въ нее не вносить немного снисхожденія — ну хоть къ другимъ, если не къ самому себѣ. Сутръ былъ слабъ, согласенъ, если хочешь, даже виновенъ. Но, Боже мой, съ кѣмъ изъ мужчинъ этого не бываетъ! Такъ неужели изъ-за этого разстраивать бракъ, рѣшенный уже такъ давно? Полно, что значитъ ошибка молодости,— неужели изъ-за этого портить себѣ жизнь! Онъ полюбитъ свою жену— онъ уже любитъ ее—и будетъ отличнымъ мужемъ... Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ измѣнить нашихъ плановъ.—Въ голосѣ его опять звучала нотка деспотизма. Онъ уже жалѣлъ о томъ, что имѣлъ слабость допустить себя до длинныхъ объясненій, подрывающихъ его авторитетъ. Бернаръ быстро сообразилъ, что ему остается только одно—прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ.

— И такъ, отецъ, ты не хочешь разорвать съ Сутромъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я разскажу ему, что произошло. Если въ немъ есть хоть капля деликатности, онъ самъ уйдетъ.

Пойманный врасплохъ Делемонъ воскликнулъ:—Я запрещаю тебѣ говорить съ нимъ объ этомъ!

Ни сердитый взглядъ, ни властный тонъ не испугали молодого человѣка.

— Какъ мнѣ это ни прискорбно, я долженъ буду ослушаться тебя, отецъ. Это будетъ въ первый разъ.—Въ его тонѣ было такое самообладаніе, такая спокойная рѣшимость, что Делемонъ, болѣе удивленный, чѣмъ разсерженный, невольно подумалъ: онъ настоящій мужчина. И эта мысль льстила его отцовской гордости, хотя и задѣвала его тщеславіе. Но тотчасъ же онъ сказалъ себѣ: «послѣднее слово должно быть за мной». Понимая, что силой тутъ ничего не возьмешь, онъ прибѣгнулъ къ хитрости и съ добродушнымъ видомъ началъ:— Ну что-жъ, поговори съ Сутромъ мой мальчикъ, поговори. Ты увидишь, что ты воюешь съ вѣтряными мельницами! Я вѣдь знаю твою сестру, она совсѣмъ не героиня; она очень разсудительна и не будетъ долго упрямиться, а Сутръ человѣкъ дѣловой и къ тому-же прошелъ хорошую школу; онъ знаетъ, чего онъ хочетъ, и не выпуститъ того, что у него въ рукахъ, и не позволитъ непослушнымъ дѣтямъ разрушить его планы. Поди, поговори съ нимъ, ты увидишь, стоило-ли тратить краснорѣчія.

Позвонили къ обѣду—уже во-второй разъ. И Делемонъ почти шутливо закончилъ:—Знаешь ли ты, что я сегодня не завтракалъ?... Вотъ это всегда такъ: пока вы тутъ мудрите, я бѣгаю или работаю для васъ, и въ будни, и въ праздникъ одинаково. Я голоденъ, какъ волкъ. Идемъ! Успѣешь за столомъ все обдумать.

Еслибъ не Романеши, этотъ обѣдъ въ честь жениха и невѣсты былъ бы похожъ на похоронный. Но Клара болтала безъ умолку, дѣти шумѣли, стучали ножами, зубами и тарелками; а Романешъ устроилъ себѣ соотвѣтствующую случаю физіономію—радостную, съ оттѣнкомъ торжественности. Онъ то мечтательно задумывался, то, кротко улыбаясь, бросалъ отечески умиленный взглядъ на жениха и невѣсту, то снисходительно-лукаво подмигивалъ шурину, то занималъ его жену, какъ всегда, погруженную въ свои мрачныя мысли и равнодушную ко всему окружающему. Очевидно, ему хотѣлось, чтобы Алиса и Эстелла, и Сутръ, и Бернаръ думали:—«Ахъ, этотъ дядя Романешъ, что это за человѣкъ, какъ онъ тонко все понимаетъ!» Время отъ времени своей холеной, немного пухлой и очень волосатой рукой онъ расправлялъ торчащую бороду успокоительнымъ жестомъ, невольно привлекавшимъ вниманіе, и ровнымъ голосомъ, ласкавшимъ фразы, какъ лакомка ласкаетъ зрѣлый плодъ, прежде чѣмъ отвѣдать его, ронялъ афоризмы:

— Бракъ—это свободный союзъ двухъ свободныхъ существъ, заключаемый подъ надежной охраной закона. Бракъ не тайна, какой его до сихъ поръ считаютъ нѣкоторые суевѣрные умы. Но это важный актъ, ибо это есть торжественное передъ лицомъ всѣхъ заявленіе о желаніи своемъ основать семью, т. е. внести новое звено въ непрерывную цѣпь существованій. Вы не должны видѣть въ бракѣ изолированный, эгоистическій актъ. Напротивъ, онъ представляетъ собою первое посвященіе въ коллективную жизнь, которая есть истинная жизнь человѣка, гдѣ существуешь не для себя одного, но для семьи—въ силу привязанности къ ней, для всѣхъ—въ силу солидарности!

При этомъ словѣ, которое онъ не могъ произнести безъ паѳоса, онъ перегнулся черезъ столъ и протянулъ руку, какъ бы благословляя. Можно было подумать, что онъ правитъ службу, какъ вѣрный послѣдователь Робеспьера, какъ вѣрный служитель той свѣтской религіи, къ которой онъ въ душѣ принадлежалъ. Онъ сыпалъ и сыпалъ слова, считая ихъ вполнѣ умѣстными, и не подозрѣвая, какимъ они звучатъ диссонансомъ, что однако не мѣшало его прекрасному аппетиту. И онъ же вечеромъ попросилъ Эстеллу сыграть что-нибудь.—Въ радости хорошо слушать музыку. Она сестра поэзіи, которая должна проникать собой всѣ акты жизни.

Молодая дѣвушка долго упрямилась, потомъ наконецъ уступила и, бросивъ Сутру долгій взглядъ, подмѣченный одной только Кларой, сѣла за рояль. Она играла третій вальсъ Шопена, тотъ, гдѣ прелю-

дія звучитъ такой кроткой жалобой; клавиши плакали подъ ея нервными пальцами, какъ человѣческіе голоса. Когда она дошла до того мѣста, гдѣ ритмъ ускоряется и жалоба переходитъ въ танецъ, силы измѣнили ей, она разрыдалась и лишилась чувствъ. Всѣ растерялись, побѣжали за водой, за нюхательной солью, за уксусомъ. Пока женщины хлопотали вокругъ Эстеллы, Романешъ говорилъ своему испуганному шурину:—Ваша дочь—артистка; она обожаетъ музыку, но музыка причиняетъ ей страданіе. Всегда страдаешь, когда слишкомъ любишь.

Открывъ глаза, Эстелла увидала надъ собой старшую сестру, которая смачивала ей лобъ и виски, и невольнымъ жестомъ отстранила ее, лепеча какъ во снѣ:—Нѣтъ, нѣтъ, не ты!.. Только не ты.

Клара, очень наблюдательная, хотя и не придававшая ничему значенія, шепнула на ухо брату:—Ужъ не ревнуетъ ли она, Альсидъ?

Делемонъ, уже успокоенный возразилъ:—Твой мужъ говоритъ, что это отъ музыки. Я думаю, что это просто отъ жары.—И онъ обратилъ все въ шутку.

Обморокъ Эстеллы сократилъ вечеръ. Мальчики притихли и Романеши скоро ушли, ссылаясь на усталость и на необходимость дать отдыхъ больной.

Прощаясь съ гостями, Делемонъ слышалъ, какъ сынъ его сказалъ Сутру:—Мнѣ надо поговорить съ вами; я васъ провожу.—Онъ тотчасъ же подошелъ и, дружески потрепавъ по плечу гиганта, прибавилъ:—Другъ мой, Сутръ, не принимайте въ серьезъ словъ этого вѣтрогона, не дѣлайте изъ этого трагедіи. Не забывайте, что у него еще молоко на губахъ не обсохло. Вы вѣдь знаете, кто здѣсь хозяинъ.

Молодые люди вышли вмѣстѣ и нарочно замедлили шагъ, чтобы отстать отъ шумной группы Романешей. Ясная зимняя ночь окутала ихъ безмолвіемъ и прохладой. Звѣзды сіяли на небѣ; въ тѣсныхъ рядахъ оконъ рабочаго поселка свѣтились огоньки. Изъ-подъ навѣса сверкало красное пламя печей, озаряя силуэты мелькавшихъ передъ нимъ рабочихъ. Романеши сѣли въ вагонъ трамвая, остановившагося невдалекѣ отъ воротъ. Вагонъ ушелъ, и все кругомъ стихло. Тогда Бернаръ, остановивъ Сутра на пустынномъ шоссе, заявилъ ему искренно и прямо:—Вотъ что мнѣ нужно сказать вамъ Сутръ: моя сестра хочетъ, чтобъ вы вернули ей слово. Отецъ иного мнѣнія—онъ за васъ, но Алиса обращается къ вашей честности. Она не можетъ васъ любить...

Гигантъ согнулся, словно чья-то мощная желѣзная рука придавила его. Бернаръ покончилъ съ нимъ послѣднимъ ударомъ:

— А такъ какъ ей извѣстны всѣ ваши исторіи, то она не можетъ и уважать васъ.

III.

На другой день утромъ Сутръ не пошелъ на заводъ. Ему нужно было подумать о многомъ, а думать ему приходилось не часто, и дѣйствовалъ онъ больше по привычкѣ, или по инстинкту. Онъ горевалъ о своей утратѣ, проклиналъ «случай», открывшій глаза Бернару, клялся, что никогда больше не увидитъ ни завода, ни семьи хозяина; ни той, которыя была первоначальной причиной всѣхъ его несчастій; на нее онъ сердился больше всѣхъ, хотя и не зналъ о злополучномъ письмѣ. Особенно его язвила и мучила мелкая, но отравленная мысль о пригласительномъ билетѣ, который онъ не удержался и наканунѣ послалъ Бюрье. Со времени встрѣчи на мосту онъ угадывалъ, что инспекторъ неравнодушенъ къ его невѣстѣ. Ему было пріятно нанести сопернику этотъ ударъ въ отместку за всѣ булавочные уколы его самолюбію. Но его оружіе обратилось теперь противъ него самого. Ахъ, еслибы можно было вернуть это письмо!.. Но оно уже дошло по назначенію.

Бюрье пробѣжалъ его съ горькой усмѣшкой: худшія его предчувствія оправдывались. Какая жалость! Впрочемъ, рано или поздно «этимъ» должно было кончиться. Бросивъ измятый листокъ въ каминъ, онъ пробормоталъ нѣсколько презрительныхъ словъ по адресу счастливаго соперника, о которомъ онъ давно рѣшилъ «скотина, ничего больше». Ночью онъ долго не могъ уснуть; ревность, огорченіе, обида не давали ему покоя. Порывы гнѣва и ненависти, злобныя мысли о мести хлестали его, какъ буйный вихрь, и въ то-же время здравый смыслъ подсказывалъ, что въ его бѣдѣ никто не виноватъ, что все это логика жизни, и тѣ, кто обидѣлъ его, только выполняютъ свое предназначеніе. Думая и раздумывая обо всемъ этомъ, онъ наконецъ успокоился и заснулъ. А проснувшись, первой мыслью его было скрыть свое огорченіе, пойти на заводъ, показаться тамъ всѣмъ съ спокойнымъ лицомъ и даже поздравить Сутра.

Въ послѣднее время инспекторъ приходилъ на заводъ Делемона заранѣе предрасположенный въ пользу того, что онъ увидитъ. Это, конечно, не помѣшало бы ему при случаѣ исполнить свой долгъ, но это мѣшало ему сердиться на плутни Готто, приглядываться къ нимъ, возмущаться лукавымъ бездѣйствіемъ дирекціи; это окружало Делемона ореоломъ патріархальнаго добродушія, объяснявшаго его антипатію къ новымъ законамъ; это замѣняло боевое настроеніе снисходительностью. Теперь у инспектора словно сразу раскрылись глаза и онъ увидѣлъ все въ прежнемъ свѣтѣ.

Какъ разъ въ это утро прислали новую партію маленькихъ итальянцевъ. Сразу видно было, что эти четыре мальчугана гораздо моложе законнаго возраста—тщедушные, слабенькіе, неловкіе. Бюрье сталъ ихъ разспрашивать, но ничего не добился. Ироническіе взгляды

Готто раздражали его больше, чѣмъ когда либо: этотъ негодяй положительно издѣвался надъ нимъ. Онъ прошелъ въ контору, гдѣ Делемо́нъ изучалъ чертежъ новой машины для нагрѣванія бутылокъ, потребовалъ книжки, просмотрѣлъ ихъ и убѣдился, что цифры лѣтъ подскоблены.

Три дня тому назадъ такое открытіе было бы очень тягостно для Бюрье, потому что это былъ уже не пустякъ, за который можно было только оштрафовать; теперь ему было только пріятно. Дѣлая отмѣтки въ своей записной книжкѣ, онъ злобно думалъ: «это будетъ моимъ свадебнымъ подаркомъ», и усмѣхался этой мысли.

Делемонъ, искоса слѣдившій за нимъ спросилъ его:—Вы опять нашли къ чему придраться, господинъ инспекторъ?

— Увы, да, господинъ Делемонъ.

— Да вѣдь книжки въ порядкѣ, какъ и прежнія?

— О, еще лучше прежнихъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—и заводчикъ неосторожно добавилъ!—Я смотрѣлъ эти книжки и Сутръ тоже смотрѣлъ.

— А вотъ какъ! И вы ничего тамъ не замѣтили необычайнаго?

— Нѣтъ, ничего.

Делемонъ говорилъ правду: онъ такъ привыкъ въ этихъ вещахъ смотрѣть сквозь пальцы, что не замѣтилъ подскабливанія.—А вы?—спросилъ онъ.

— О, вѣдь вы знаете; это мое ремесло.

Онъ поднялся, свернулъ портфель, вспомнилъ, что хотѣлъ поздравить Делемона, но раздумалъ, сказавъ себѣ: «нѣтъ, я лучше пошлю визитную карточку». Прощаясь, заводчикъ показалъ ему чертежъ, лежавшій на столѣ:—Вотъ когда мы заведемъ у себя эту машинку, господинъ инспекторъ, тогда у васъ будетъ много свободнаго времени.

— Тѣмъ лучше для всѣхъ, господинъ Делемонъ. Пока до свиданья.

— До свиданья, господинъ инспекторъ, до свиданья!

Проходя по двору, инспекторъ замѣтилъ на крыльцѣ подъ маркизой тонкій силуэтъ Алисы и серьезно учтиво поклонился ей. Молодая дѣвушка отвѣтила наклоненіемъ головы. Бюрье показалось, что она смотритъ ему вслѣдъ. У воротъ онъ встрѣтилъ Сутра, который рѣшился таки прійти, и, вспомнивъ свое вчерашнее рѣшеніе, пошелъ къ нему съ протянутой рукой, съ улыбкой на губахъ.

— Поздравляю васъ, господинъ Сутръ.

Гигантъ сконфузился, какъ то весь съежился, покраснѣлъ и пробормоталъ, бросивъ на него умоляющій взглядъ:—

— Нѣтъ, господинъ инспекторъ, этотъ бракъ не состоится.—Возникли... препятствія... Я даже—извините меня—хотѣлъ васъ попросить объ одной вещи—никому не говорить, что вы получили приглашеніе... Самое лучшее—уничтожьте его.—И онъ жалобнымъ тономъ добавилъ:—Я только одно и послалъ.

Бюрье понялъ, улыбнулся и великодушно обѣщалъ. Сутръ, разсыпался въ благодарностяхъ, горячо пожимая ему руку, забывъ обо всѣхъ своихъ обидахъ, и бормоча:—А счастье было такъ близко, такъ близко!..

Во второй разъ настроеніе Бюрье измѣнилось: только что онъ ненавидѣлъ Сутра, теперь онъ почти жалѣлъ его. «Бѣдняга, онъ кажется очень огорченъ!» Безумная надежда, какъ только молнія блеснула въ его душѣ, но тотчасъ же погасла, когда онъ вспомнилъ о книжкахъ: онъ уже былъ наказанъ за то, что порадовался чужой бѣдѣ. Эта исторія была равносильна объявленію войны Делемону и, слѣдовательно, должна была еще больше отдалить его отъ Алисы. Правду сказать, можно было бы замять ее... У него явилось искушеніе, но онъ тотчасъ же подавилъ его...

Тѣмъ временемъ Делемонъ посрединѣ двора ворчливо бранилъ Сутра.—Ну что такое? что тамъ съ вами приключилось? Куда вы пропали сегодня утромъ?

— Извините меня, господинъ Делемонъ, не могъ я сегодня работать.

Съ опущенной головой, съ жалкими глазами, онъ былъ похожъ на битую собаку, и Делемонъ принялся утѣшать его, все время подталкивая его къ конторѣ.

— Что вы такое разсказываете? Ужъ не изъ-за того ли что вамъ Бернаръ вчера сказалъ.—Бросьте! пустяки, ребячество, дорогой мой!

Сутръ остановился и высвободилъ свои руки:—Ребячество, господинъ Делемонъ? О нѣтъ! къ несчастью, нѣтъ!

— Да что онъ говорилъ вамъ?

Сутръ повторилъ слово въ слово. Коротенькія фразы Бернара, которыя онъ втеченіе двѣнадцати часовъ безпрестанно повторялъ себѣ, запечатлѣлись въ его умѣ, какъ смертный приговоръ.

— А вы что ему отвѣтили?

— Ничего, господинъ Делемонъ.

— Какъ ничего?

— Все сразу рухнуло, что же я могъ ему сказать?

— Да мало ли что! Надо же защищаться, отрицать, выиграть время.—Своимъ обычнымъ властнымъ жестомъ онъ разрѣзалъ воздухъ и продолжалъ:—Или вы не знаете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло—кажись пора бы вамъ знать меня, за пятнадцать лѣтъ, что мы работаемъ вмѣстѣ! Неужели вы думаете, что въ конфликтѣ между дѣтьми и мной послѣднее слово будетъ за ними? Я здѣсь еще хозяинъ, чортъ побери! И я далъ вамъ слово! Что же вамъ еще нужно? Наше соглашеніе остается въ полной силѣ.—Онъ взялъ подъ руку Сутра и хотѣлъ увести его въ контору, какъ будто разговоръ былъ уже конченъ и всѣ препятствія устранены. Но Сутръ, какъ огромная, неподвижная масса, уперся на мѣстѣ и не поднималъ глазъ съ земли.

— О, господинъ Делемонъ, еслибъ это зависѣло только отъ васъ!

Еслибъ это зависѣло только отъ васъ, я знаю, знаю... Только тутъ... мадмуазель Алиса.

— Моя дочь? Ну это мы еще увидимъ. Идемте! Мы сейчасъ поговоримъ съ ней.

Сутръ не двигался, озабоченно качая своей тяжелой головой:— Послѣ того, что мнѣ сказалъ Бернаръ, господинъ Делемонъ, это не поможетъ... Вы понимаете—я думалъ, что она всетаки немного привязана ко мнѣ, потому что—потому что вѣдь согласилась же она... Но разъ этого нѣтъ... Вы понимаете—я не хочу, чтобы ее принуждали, тѣмъ болѣе, что тутъ эта проклятая исторія... Ахъ, эта исторія!.. Никогда я не посмѣю послѣ этого показаться ей на глаза.

— Полноте, дорогой мой, какъ вы преувеличиваете! Все это ваше воображеніе. И откуда оно у васъ взялось? Вотъ ужъ не думалъ!.. Будьте же немного разсудительнѣе. У всѣхъ мужчинъ бываютъ «исторіи». Что же изъ того? Вѣдь вы порвали, не такъ ли? Значитъ кончено. Позвольте мнѣ объясниться съ дочкой. Вы знаете мою тактику: стремительно и прямо къ цѣли—въ этихъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ другихъ.

Сутръ и радъ былъ бы повѣрить, но вѣрный инстинктъ говорилъ ему, что Алиса не измѣнится, и, еслибы даже она покорилась волѣ отца, ихъ семейная жизнь была бы испорчена въ самомъ началѣ. Чувство, руководившее имъ, было слишкомъ сложно для его тяжеловѣснаго ума и неуклюжаго языка. Но онъ все-таки пытался объясниться:

— Вы очень добры, господинъ Делемонъ, очень добры, да!.. Но видите-ли, это невозможно! О, я не ошибаюсь, нѣтъ. Я вижу яснѣе, чѣмъ хотѣлъ бы видѣть! Послѣ этой проклятой исторіи все измѣнилось. Мадмуазель Алиса не хочетъ идти за меня. А я не хочу, чтобы она шла за меня противъ воли. Нѣтъ, это ужъ конченное дѣло, увѣряю васъ...—Онъ съ тяжелымъ вздохомъ добавилъ:—Такъ ужъ лучше намъ не видаться! Не стану я больше къ вамъ ходить, господинъ Делемонъ. Видите-ли, это не изъ неблагодарности, конечно, а—очень ужъ мнѣ тяжело!.. Да и заводъ... вотъ и заводъ тоже... Я ужъ лучше уйду отъ васъ, господинъ Делемонъ.

При этомъ неожиданномъ ударѣ патронъ недоумѣло поднялъ руки и тотчасъ же уронилъ ихъ. Въ это время подошелъ Люстро съ какимъ то вопросомъ; онъ прогналъ его:—Потомъ Люстро, вы же видите, что я занятъ!—и вернулся къ своему собесѣднику, который не смѣлъ поднять на него глазъ:—Такъ ли я разслышалъ, Сутръ? Честное слово, я ушамъ своимъ не вѣрю! Вы, котораго я всегда считалъ здравомыслящимъ человѣкомъ, вы хотите уйдти съ завода? Да вѣдь это ваша служба, ваша карьера, все ваше будущее! Допустимъ даже, что моя дочка заупрямится—хотя я этому не вѣрю—или что вы сами изъ ложно понятой деликатности будете упорно держаться этой точки зрѣнія—нелѣпой, дорогой мой, совершенно нелѣпой. Чѣмъ же это мѣняетъ наши отношенія? Вы отлично знаете, что у меня подъ

рукой нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить васъ, и я вовсе не намѣренъ искать, могу васъ увѣрить! Вы сами, гдѣ вы найдете такое мѣсто, какъ здѣсь? Мы привыкли другъ къ другу... Съ какихъ это поръ люди перестраиваютъ всю свою жизнь изъ-за того только, что свадьба разстроилась?

Сутръ слушалъ, но попрежнему качалъ головой съ грустнымъ упорствомъ человѣка, который принялъ рѣшеніе и хочетъ остаться при немъ.

— Вы мнѣ нужны больше, чѣмъ когда-либо, продолжалъ патронъ.— Я вамъ прямо это говорю. Вы пользуетесь моимъ довѣріемъ, вы хорошій служащій, преданный, тонко знающій свое дѣло. Вы не можете такъ уйти отъ меня. Это невозможно. Это въ вашихъ собственныхъ интересахъ. Да наконецъ, и благодарность тоже...

Больше привыкшій отдавать приказанія, чѣмъ убѣждать, Делемонъ истощилъ всѣ свои доводы, а Сутръ оставался непреклоннымъ: препятствія только раздражали его боевой темпераментъ; онъ хотѣлъ во что бы то ни стало восторжествовать надъ упрямцемъ. Пріискивая новые, убѣдительные аргументы, онъ вспомнилъ странныя слова его сестры Клары объ Эстеллѣ и, не раздумывая, не взвѣшивая, брякнулъ:— И потомъ, вы знаете, у меня есть еще другая дочь.

Теперь настала очередь Сутра спрашивать себя, не ослышался ли онъ. Но хозяинъ уже продолжалъ со своей обычной стремительностью:—Эстелла, вы никогда на нее не смотрѣли? Ну понятно, вы не думали о ней... Можетъ быть, эта и не отказалась бы. Честное слово, я думаю, что она не отказалась бы.

— Ахъ,—вздохнулъ Сутръ,—я любилъ мадмуазель Алису!

Не смотря на все его почтеніе къ хозяину, его шокировало это предложеніе; онъ мысленно порицалъ этого отца, настолько привыкшаго подчинять интересы своей семьи интересамъ дѣла, что онъ забывалъ самую элементарную деликатность. Это можно въ торговлѣ: не хотите «бургонскихъ» бутылокъ, такъ вотъ вамъ «нѣмецкія», но нельзя же мѣнять невѣстъ, какъ дамъ во время вальса... А хозяинъ все твердилъ свое:

— Да, да, я знаю, что вы славный малый и деликатный. Потому то я и цѣпляюсь за васъ, дорогой мой. Чортъ побери, надежные служащіе не валяются по дорогѣ, а зятья тѣмъ болѣе! И это было такъ удобно для завода... Я знаю, что Алиса вамъ давно нравилась... вѣдь Эстелла—похожа на нее... Честное слово, очень похожа! Когда онѣ были дѣтьми, я ихъ иногда смѣшивалъ, какъ близнецовъ... Вы хоть посмотрите на нее какъ-нибудь мимоходомъ, не подавая виду... Подумайте нѣсколько деньковъ. Ради Бога только не предпринимайте ничего необдуманно, въ вашихъ же собственныхъ интересахъ, другъ мой. Хотите маленькій отпускъ? На недѣльку? Рѣшено... до будущаго понедѣльника! Подите домой, отдохните, погуляйте —моціонъ это

очень полезно для проясненія мыслей, а когда успокоитесь, мы потолкуемъ. Я это дѣло беру на себя... Вы останетесь, Сутръ, я вамъ говорю, что вы останетесь.

Растроганный такой настойчивостью, Сутръ пролепеталъ: — Ахъ, господинъ Делемонъ, я вижу, что вы дорожите мной. Это для меня большая честь. Вѣдь и я привыкъ къ вамъ—и къ заводу тоже... Если я уйду отъ васъ, мнѣ будетъ очень тяжело.

Уходя, онъ уже чувствовалъ, что деспотическая воля, которой онъ привыкъ повиноваться, и на этотъ разъ властно поведетъ его за собою.

IV.

Прошло нѣсколько дней. О происшедшемъ никто не заговаривалъ. Алиса вздохнула свободнѣе; ревность Эстеллы улеглась, у нея явилась надежда. Что касается Сутра, онъ пришелъ даже раньше, чѣмъ истекъ срокъ его отпуска, съ покорнымъ видомъ сбѣжавшей сабаки, которая вернулась и сама просовываетъ голову въ ошейникъ. Делемонъ принялъ его такъ, какъ бы ничего не случилось, хотя и съ оттѣнкомъ ироніи, какъ будто говорившей: Я это зналъ, и въ первый день новаго года позвалъ его обѣдать.—Какъ всякій годъ, неправда-ли? Почему нѣтъ? Къ тому же будутъ Романеши и этотъ мой племянникъ—мы его взяли на праздники. Вы не будете чувствовать себя неловко. Надо же когда-нибудь начать.

Сутръ, нѣсколько сконфуженный, для виду отнѣкивался, но пришелъ, какъ и въ прежніе годы, съ коробкой шоколадныхъ конфектъ. Никто не удивился его приходу. Только мѣсто его оказалось занятымъ Валентиномъ, а его посадили рядомъ съ Эстеллой. Онъ нашелъ ее хорошенькой, симпатичной, былъ сразу захваченъ магнетизмомъ любви которая прячется, но позволяетъ угадывать себя. Вначалѣ онъ былъ смущенъ, но не долго. Алиса встрѣтила его очень просто. Бернаръ немножко высокомѣрно протянулъ ему руку; Клара посматривала на него лукаво, но одобрительно.

Весь вечеръ Сутръ не отходилъ отъ Эстеллы. Слишкомъ еще невинная для того, чтобы кокетничать, и слишкомъ влюбленная, молодая дѣвушка держалась просто и отъ этого казалась еще милѣй. Вся ея рѣзкость, упрямство, эгоизмъ потонули въ радости, въ проснувшейся надеждѣ. Делемонъ искоса наблюдалъ за ними, сидя въ углу, возлѣ Романеша, который ничего не говорилъ и все время яростно жевалъ свою сигару. Дѣти играли. Время отъ времени кто-нибудь изъ нихъ, запыхавшись, кидался на колѣни Эстеллѣ; дѣвушка красивымъ движеніемъ руки ласково гладила его по головѣ и опять съ улыбкой поворачивалась къ своему собесѣднику. И Сутръ уже снова начиналъ разматывать клубокъ своихъ грезъ о семейномъ счастьѣ, не замѣчая, что ему подмѣнили шелкъ. На прощанье Делемонъ отвелъ его въ

сторону и спросилъ, оглядываясь на младшую дочку:—Кстати, вы не возобновили сношеній съ вашей пріятельницей?.

— Боже избави, г. Делемонъ! я слишкомъ золъ на нее за всѣ огорченія, которыя она мнѣ причинила.

— Она не преслѣдуетъ васъ?

— Пишетъ письма, да я ихъ бросаю не распечатанными.

Сутръ не добавилъ, что она все время бродитъ около фабрики и, онъ, уходя, пробирается домой окольнымъ путемъ.

— Это хорошо! Это умно... Ну, а остальное предоставьте мнѣ—понимаете? Вотъ увидите, на этотъ разъ все пойдетъ хорошо.

Видъ у него былъ самый благодушный, отеческій. Сутръ потупился, немного смущенный, но, какъ всегда, покорный.

Утро слѣдующаго дня принесло съ собой крупную неожиданность: на заводъ явилась полиція, съ приказомъ произвести обыскъ и допросить Готто, а также и «его предполагаемыхъ сообщниковъ».

Делемонъ забылъ объ угрозѣ инспектора и вначалѣ не особенно смутился, разсчитывая отдѣлаться просто штрафомъ, но скоро онъ понялъ, что дѣло выходитъ посерьезнѣй. Готто, со страху позабывшій французскій языкъ, все отрицалъ, плевался, бранился и божился, что возрастъ дѣтей законный, что ихъ бумаги въ порядкѣ, а книжки онъ получилъ изъ мэріи.—Чтобы я ихъ тронулъ, господинъ комиссаръ! Да я бы лучше отрубилъ себѣ руку—обѣ руки! Да я и писать не умѣю!

Допрошенный въ свою очередь Делемонъ совершенно забылъ, какъ онъ хвасталъ Бюрье, что самъ провѣрялъ книжки, и свалилъ всю отвѣтственность на своего помощника.—Это его дѣло... Есть мнѣ время провѣрять документы моихъ служащихъ, или смотрѣть имъ въ зубы: сколько имъ лѣтъ—$12^3/_4$ или $13^1/_2$.

Сутръ совсѣмъ растерялся. Страхъ разойтись въ показаніяхъ съ хозяиномъ сдѣлалъ то, что онъ самъ путался и противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу. Его огромное тѣло, казалось, готово было рухнуть, языкъ съ трудомъ ворочался во рту; видъ у него былъ такой жалкій, что комиссаръ наконецъ прямо спросилъ его:—Да ужъ не вы ли это подчистили цифры?—Тутъ онъ окончательно одурѣлъ и отпирался такъ взволнованно, такъ неумѣло, что только всѣхъ убѣдилъ въ своей виновности.

Наконецъ, комиссаръ отпустилъ его и принялся за дѣтей. Работа у иныхъ горновъ стала, у другихъ шла съ заминками; заводъ походилъ на улей, куда залетѣла ночная бабочка. И по уходѣ полиціи не скоро возстановился порядокъ; рабочіе пересмѣивались, шептались между собой; образовались двѣ партіи. Одни злобно радовались вмѣшательству государства, подъ эгидой котораго ихъ требованія могли отнынѣ организоваться, расти, свергнуть авторитетъ патроновъ; они радовались, что силы, которыя до сихъ поръ только гнели ихъ, на-

чинаютъ имъ покоряться, и что скоро ихъ классъ станетъ правящимъ. Другіе, смирные, миролюбивые, ограниченные, втайнѣ не довѣряли этой навязанной имъ помощи, за которую приходилось расплачиваться иными жертвами, постороннему вмѣшательству, умалявшему ихъ независимость, посягавшему на милую ихъ сердцу рутину, на ихъ вѣковую привычку къ труду безъ отвѣтственности, къ скромному достатку, которымъ они, при своихъ скромныхъ потребностяхъ, готовы были довольствоваться. Эти два противоположныхъ теченія сталкивались и на заводѣ, и на дворѣ, и дома, въ рабочемъ городкѣ. Споры начинались вполголоса, потомъ разгорались все жарче, затрогивая всѣ спорные вопросы отношеній труда и капитала, вмѣшательство государства и т. д., и т. д. Кое-кто пытался объяснить, въ чемъ дѣло, маленькимъ виновникамъ всей этой кутерьмы. Но они поняли только, что полиція приходила за ними, и клялись, что имъ отлично живется и что синьора—ангелъ.

На другой день Готто исчезъ вмѣстѣ съ своей супругой, оставивъ безъ гроша денегъ всѣхъ своихъ питомцевъ. При нихъ бѣдныя дѣти изъ страха, изъ сознанія своей безпомощности, не жалуясь, терпѣли всякія обиды и жизнь впроголодь; но теперь пришелъ настоящій голодъ, и этотъ голодъ, властный и жестокій, вывелъ ихъ изъ апатіи. Теперь они сами воплями, понятными на всѣхъ языкахъ, зазывали къ себѣ сосѣдей возвращавшихся съ работы домой, уводили ихъ въ свой смрадный подвалъ, показывали свои жалкія тѣла, исполосованныя рубцами и кровоподтеками. Весь ужасъ этого долгаго мученичества вышелъ наружу, оскорбляя картиной острой нищеты спокойную, сытую жизнь сосѣдей, вызывая въ нихъ жалость и возмущеніе. Делемонъ поспѣшилъ помочь деньгами—слишкомъ поздно. Новая сила—общественное мнѣніе, судья подчасъ неосторожный, но порою такой прозорливый,—винило его наравнѣ съ торговцемъ невольниками, забрасывало грязью его имя. Недоброжелатели изобрѣтали подробности; скоро скандалъ попалъ и на столбцы газетъ...

Романешъ не замедлилъ притащить цѣлую пачку газетныхъ вырѣзокъ, гдѣ ругали Делемона. Профессоръ колебался между искреннимъ негодованіемъ и родственной солидарностью, побуждавшей его все таки поддерживать шурина, богатство котораго бросало пріятный отблескъ на его собственную бѣдность, ибо онъ еще во многихъ отношеніяхъ оставался буржуемъ, хотя и думалъ, что освободился отъ предразсудковъ своей касты. Но заводчикъ съ первыхъ же словъ оборвалъ его.—Онъ вовсе не считалъ себя виноватымъ, бранилъ лгунишекъ газетчиковъ и былъ увѣренъ, что дѣло кончится пустяками.

Сплавивъ деверя, онъ не менѣе успѣшно избѣгнулъ объясненія и съ женой,—теперь молчавшей по цѣлымъ днямъ,—и съ дочерьми, объявивъ имъ, что онѣ ничего не понимаютъ, но Бернара онъ принужденъ былъ выслушать.

За это время юноша пережилъ многое. Перешептыванья товарищей, прятавшихъ глаза и понижавшихъ голосъ при его появленіи; рѣзкія нападки его любимыхъ газетъ, гдѣ имя его отца стало теперь символомъ преступной жестокости правящихъ классовъ, множество всплывавшихъ въ памяти мелочей, подтверждавшихъ обвиненія, измучили его душу. Голосъ справедливости, болѣе сильный, чѣмъ голосъ крови, говорилъ ему, что эта травля не такъ ужъ незаслужена, что въ ненависти — оздоровленіе. Въ немъ боролись самыя противорѣчивыя чувства; онъ испытывалъ потребность хоть кому нибудь отплатить за всѣ эти оскорбленія, но вмѣсто того, чтобы поддаться облегчающему порыву, онъ спорилъ самъ съ собой, убѣждалъ себя и не могъ рѣшиться. Жизнь еще не успѣла испортить его: онъ могъ нанести ударъ лишь при условіи увѣренности въ своей правотѣ, а онъ не былъ увѣренъ. И сомнѣніе убивало его гордость, удерживало его руку. Наконецъ послѣ одной особенно оскорбительной статьи, онъ съ газетой въ рукахъ пришелъ въ контору къ отцу.

Делемонъ предвидѣлъ это и не тревожился: не понимая и не признавая никакихъ побудительны мотивовъ, кромѣ соображеній выгоды, руководящихъ большинствомъ людей въ битвѣ жизни, даже когда ихъ прикрываютъ другой личиной, онъ думалъ, что и сыномъ его управляютъ такія же побужденія, какъ имъ, всегда думавшемъ о побѣдѣ и никогда о справедливости. А между тѣмъ онъ столкнулся съ совершенно чуждымъ ему міровоззрѣніемъ—съ волей, такой же сильной и твердой, и быстро оріентирующейся, какъ у него самого, но служащей душѣ иного закала,—съ унаслѣдованнымъ отъ него быстрымъ умомъ, но какъ будто управляемымъ иными законами: словомъ, передъ нимъ было изображеніе его самого, но настолько облагороженное, что, узнавъ, какъ въ зеркалѣ, свои черты, онъ долженъ былъ сохранить навѣки тайное желаніе реализировать это сходство, и смутный стыдъ отъ сознанія, что онъ далекъ отъ этого. Спокойный, серьезный, съ удивительнымъ самообладаніемъ сдерживая свое волненіе, сынъ положилъ передъ нимъ газету, и когда Делемонъ, пожимая плечами, прочелъ отчеркнутую статью, сказалъ ему:

— Отецъ, у меня свои понятія о чести. Я считаю долгомъ наказать человѣка, написавшаго эту статью. Но для этого я долженъ быть увѣренъ, что онъ клевещетъ на насъ. А, какъ это ни ужасно сказать, у меня такой увѣренности нѣтъ. Я не знаю хорошенько, что происходило у насъ на заводѣ; мнѣ нужно быть увѣреннымъ, что и ты ничего не зналъ обо всѣхъ этихъ гнусностяхъ, этихъ мученіяхъ и жестокостяхъ.

Его голосъ звучалъ почти торжественно. Заводчикъ хотѣлъ, какъ всегда, надменно и небрежно махнуть рукой, но жестъ не вышелъ: его опять охватило сознаніе своего униженія, какъ тогда во время допроса комиссара. На этотъ разъ не осторожность, не страхъ помѣ-

шали ему отвѣтить готовой ложью, но другое чувство, болѣе мучительное, болѣе острое и трагическое; ему предстояла дилемма: солгать и толкнуть своего сына на опасное, быть можетъ, гибельное приключеніе, или же сказать правду—то-есть, что онъ не зналъ всей правды раньше, потому что не хотѣлъ ея знать, но не находился въ полномъ невѣдѣніи—и потерять уваженіе своего сына. Ему страшно было услышать звукъ собственнаго голоса. А между тѣмъ нужно было отвѣтить.

— Прежде всего,—началъ онъ не глядя на сына,—зачѣмъ устраивать скандалъ? Къ чему онъ можетъ привести? Къ дуэли. А ты еще считаешь себя передовымъ, свободнымъ отъ предразсудковъ!.. Дуэль—Что такое дуэль? Что она доказываетъ?

— Это другой вопросъ. Мы потомъ можемъ обсудить и его. Но сначала, отецъ, пожалуйста, первый.

Диверсія не удалась. Бѣдный Делемонъ провелъ рукою по лбу, ища другой.—У меня тоже свои понятія о чести... Еслибъ я считалъ себя оскорбленнымъ, я бы зналъ, что дѣлать. На это—на это есть судъ! Ну, да, судъ, конечно! Но я выше такихъ оскорбленій... И потомъ, это тебя не касается: ты еще ребенокъ, ты ничего не смыслишь въ практической жизни.

Твердый голосъ отвѣтилъ ему:—Нѣтъ, я уже не ребенокъ. Я наблюдаю, читаю, понимаю, чувствую... И я силенъ, отецъ, и я ношу твое имя... Я честь нашего имени берегу; это мое право.

Въ голосѣ, до тѣхъ поръ спокойномъ и сдержанномъ, зазвенѣли молодыя, горячія ноты:—Я такъ жажду воспользоваться этимъ правомъ! Вотъ почему я прошу тебя все мнѣ сказать.

Кругъ понемногу смыкался. Чувствуя, что никакія увертки не помогутъ, Делемонъ пролепеталъ:—Въ этихъ росказняхъ много лжи. Напримѣръ, эти подчистки—конечно, я не зналъ о нихъ, даю тебѣ слово! Что за нелѣпость обвинять меня въ этомъ!.. Ты себѣ представляешь меня подскабливающимъ перочиннымъ ножикомъ цифры лѣтъ въ этихъ свидѣтельствахъ? Нѣтъ, ты только представь себѣ!..

Онъ попробовалъ засмѣяться, но смѣхъ не вышелъ.

— О, я такъ и думалъ! Я и зналъ, что ты неспособенъ на подлогъ. Не это меня тревожитъ—другое... Всѣ эти жестокости, истязанія, весь этотъ кошмаръ... Вѣдь это хуже, чѣмъ нарушеніе статьи закона. Это преступленія противъ человѣчества, еще болѣе ужасныя потому, что они оплачиваются, приносятъ доходъ... Вотъ почему, отецъ, я хочу быть увѣренъ, что ты не зналъ о нихъ!

Нѣсколько секундъ прошли безъ отвѣта. Делемонъ чувствовалъ, что нельзя даже солгать. Въ первый разъ онъ спросилъ себя: «Неужели же я соучастникъ преступленія?» И тотчасъ же отвѣтилъ себѣ: «Невозможно!» Взволнованный до глубины души, онъ всетаки совладалъ съ собой и отвѣтилъ:—Меня предупреждали, да... какой то священникъ... потомъ этотъ инспекторъ, Бюрье... я не повѣрилъ...

Бернаръ бросилъ газету, которая жгла ему руки. Наступило тягостное молчаніе. Отецъ и сынъ отвернулись другъ отъ друга. Делемонъ совладалъ съ собой и добавилъ:—Все это впрочемъ преувеличено; ты самъ видишь. Прошу тебя успокойся и жди конца!

Бернару теперь хотѣлось только одного: увидѣть собственными глазами всѣ ужасы, о которыхъ говорили газеты. Онъ разыскалъ Billancour, гдѣ жилъ Готто съ маленькими итальянцами... У подвала все время толпился народъ, негодующій, возмущенный. Онъ прислушался: обрывки фразъ хлестали ему по лицу, какъ пощечины:—Понятное дѣло, и Делемонъ такой же... Кровопійцы, разбойники! думаютъ, что богатые, такъ и подъ судъ не попадутъ... И этотъ олухъ, его помощникъ, такой же разбойникъ... Вотъ злодѣи-то, хуже всякихъ бродягъ...

Въ толпѣ шныряли репортеры съ записными книжками. Одинъ замѣтилъ Бернара и остановилъ его.—Извините, вы не здѣшній? Не можете ли вы сообщить мнѣ подробности о...

Не дождавшись конца фразы, Бернаръ повернулся къ нему спиной. Онъ попалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда дѣтей отправляли на родину. Полицейскій коммиссаръ, Бюрье, аббатъ Медаль, агенты поминутно выходили и входили въ подвалъ. Наконецъ, на порогѣ показалась кучка жертвъ. У всѣхъ были испуганныя, жалкія лица; долгія страданія, казалось, особенно тяготили ихъ въ моментъ избавленія; иные хромали или волочили ногу, другіе кашляли или дрожали отъ озноба. Всѣ шли медленно, оборванные, худые, съ выступавшими изъ подъ лохмотьевъ костями. Всѣ они жались другъ къ дружкѣ и смотрѣли въ землю, а если и подымали невзначай свои большіе, скорбные глаза, то спѣшили тотчасъ же опустить ихъ. Ни мундиры, ни трехцвѣтныя шапки не успокаивали ихъ; они попрежнему боялись Готто, боялись, что онъ разыщетъ ихъ дома и будетъ преслѣдовать ихъ самихъ и ихъ семьи безпощадной местью тысячерукой *Камморры*...

При видѣ ихъ раздались рукоплесканія. Ихъ одѣляли лакомствами, апельсинами, платьемъ. Они принимали подарки безъ улыбки, съ тѣми же мрачными лицами рабовъ, и шли за своими вожатыми ровнымъ шагомъ, какъ скотъ, все равно ведутъ ли его на пастбище или на бойню. Толпа, наоборотъ, радовалась ихъ освобожденію; одинъ Бернаръ чувствовалъ, что ничья доброта не облегчитъ тяжести, которая легла къ нему на сердце отъ этой картины. Нѣкоторые изъ сосѣдей узнали его, отпускали шуточки на его счетъ. Но онъ убѣжалъ не изъ-за нихъ, а для того, чтобы не видѣть этихъ жертвъ, образы которыхъ отнынѣ будутъ всюду слѣдовать за нимъ, отравляя всѣ источники его радости.

*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Тѣмъ временемъ дѣло маленькихъ носильщиковъ подвигалось своимъ чередомъ. Возникъ еще новый инцидентъ, какъ будто нарочно, чтобы обострить положеніе: съ одного стекляннаго завода на югѣ бѣжало трое мальчиковъ; послѣ долгихъ скитаній, еле живые отъ голода и лишеній, они добрались до Марселя. Объ этомъ конечно заговорили въ газетахъ и кстати снова начали трепать имя Делемона. Заводчикъ сердился, негодовалъ, но не смѣлъ возмущаться громко. За послѣднее время онъ очень измѣнился; его обычная твердая воля измѣнила ему: онъ медлилъ, колебался, принималъ крутыя рѣшенія, потомъ вдругъ отказывался отъ нихъ, ни съ того ни съ сего началъ вдругъ изливаться передъ репортеромъ, а на другой день, прочитавъ свои слова въ газетѣ, объявилъ, что на порогъ къ себѣ не пуститъ ни одного репортера. Тогда журналисты, въ погонѣ за свѣдѣніями, принялись интервьюировать сосѣдей, рабочихъ на заводѣ, случайныхъ захожихъ людей. Одинъ изобразилъ въ ужасающемъ видѣ Степа, съ его отвислыми щеками, острыми клыками и налитыми кровью глазами. Другой, встрѣтивъ госпожу Делемонъ, пристalъ ней, ухитрился вытянуть изъ нея нѣсколько словъ и передѣлалъ ихъ по своему, такъ что вышло, какъ будто она ему говорила:—Ахъ сударь, еслибъ люди знали, что творится на заводѣ!.. Еслибъ они знали!..

Разсвирѣпѣвшій Делемонъ кинулся къ женѣ съ газетой, но бѣдная женщина читала и перечитывала отмѣченныя строки, не узнавая своихъ рѣчей, а мужъ стоялъ надъ нею и кричалъ:—Что у меня творится на заводѣ это всякій можетъ видѣть! У меня поддувалы зарабатываютъ до десяти франковъ въ день, иной разъ больше... У меня даже послѣдній поденьщикъ, и тотъ получаетъ достаточно. Ты это знаешь лучше, чѣмъ кто бы то ни было, и ты же мнѣ подкладываешь свинью именно въ то время, когда обо мнѣ кричатъ, что я эксплоататоръ и чуть не людоѣдъ. Что же ты погубить меня хочешь, что-ли?

Она отвѣтила какъ во снѣ, не глядя на него: — Раззореніе уже идетъ... давно... я вѣдь знаю...

Онъ въ отчаяніи всплеснулъ руками: — Опять эти химеры, этотъ нелѣпый бредъ! Да справься же ты, поговори съ нотаріусомъ. Вѣдь я видѣлся съ нимъ, говорилъ, показывалъ ему книги; теперь онъ знаетъ, какъ обстоитъ дѣло.

Она не слушала. Она медленно указала рукой на заводъ, гдѣ пылали печи, на высокія трубы, извергавшія черный дымъ, на огромные унылые дома рабочаго городка.

— Ты строилъ на пескѣ, сказала она.—Все это рушится — вотъ увидишь,—все!..

Это библейское пророчество съ такой силой выразило неясное предчувствіе, дремавшее въ его собственной душѣ, что Делемонъ, прикованный къ мѣсту, не нашелъ словъ для отвѣта.

Его ждалъ еще другой ударъ, нанесенный рукой близкаго человѣка. «Egalité» помѣстила интервью съ Романешомъ, совершенно уничтожившее его.

До сорока лѣтъ нужда, неудачи, обязательный трудъ не давали Романешу вырваться изъ тѣснаго круга скудной жизни учителя. Но онъ не отчаявался. Увлекаясь политикой и ради нея самой и въ качествѣ честолюбца, какъ игрокъ, который ищетъ въ картахъ двойного удовольствія—игры и выигрыша, профессоръ искренно вѣрилъ, что случай когда-нибудь выдвинетъ его, чтобы дать ему возможность сдѣлать немного добра. Эти честныя стремленія еще усиливали непрестанно томившую его жажду власти; безкорыстныя побужденія смѣшивались въ его душѣ съ своекорыстными именно въ той пропорціи, въ какой это бываетъ съ людьми, судьба которыхъ зависитъ отъ хода событій и которые, не столько въ силу личной своей цѣнности, сколько по волѣ обстоятельствъ, могутъ сдѣлаться посредственными политиками, или же историческими дѣятелями. Понялъ ли онъ, что урочный часъ пробилъ именно въ тотъ моментъ, какъ въ его скромной квартиркѣ появился репортеръ въ поискахъ за построчными, или же не угадалъ въ немъ вѣстника своей судьбы? Взвѣшивалъ ли онъ свои слова, расчитывая, какое они произведетъ впечатлѣніе или простой случай придалъ имъ такую значительность? Неизвѣстно. Но только маленькій репортеръ, слушавшій его съ стилографомъ въ рукѣ, самъ того не подозрѣвая, положилъ начало блестящей карьерѣ.

Выразивъ сожалѣніе, что ему приходится давать свѣдѣнія по такому щекотливому вопросу, Романешъ нарисовалъ портретъ своего шурина столь же искусной, какъ и коварной рукой: портретъ человѣка энергичнаго, честнаго, знающаго свое дѣло, умѣряющаго извѣстной долей добродушія свое врожденное, не знающее преградъ честолюбіе, неспособнаго совершить проступокъ противъ закона и, напротивъ, способнаго на великодушный порывъ, въ общемъ человѣка не дурнаго, лучше многихъ ему подобныхъ—«да вотъ и теперь у него въ домѣ живетъ сирота—племянникъ, котораго онъ воспитываетъ на свой счетъ, и меня пригласилъ опекуномъ»,—но этотъ недурной человѣкъ—промышленникъ. Могъ ли онъ уйти отъ послѣдствій, неизбѣжно вытекающихъ изъ его положенія? Онъ проявляетъ гуманность, когда онъ разсуждаетъ, то есть въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ съ сиротой племянникомъ. Обыкновенно же ему приходится брать примѣръ съ своихъ конкурентовъ и бороться съ ними ихъ же оружіемъ; онъ становится эгоистомъ «жестокимъ и жаднымъ», ибо эти «качества» необходимы въ обществѣ, гдѣ «законъ силы тѣснитъ законъ справедливости». Въ битвѣ интересовъ развѣ побѣдитель

не плѣнникъ своей побѣды? Необходимость безъ конца умножать пріобрѣтенное, аппетиты, развивающіеся вмѣстѣ съ успѣхомъ, честолюбіе конкурренціи парализуютъ великодушныя чувства, запрещая прислушиваться къ ихъ голосу. Делемонъ слѣдовалъ лишь общему закону и понемногу ожесточился. Онъ давно уже не замѣчаетъ недостатковъ ни своей промышленности, ни тѣхъ учрежденій, которыя онъ основываетъ,—какъ ему кажется, для блага рабочихъ, а на дѣлѣ для собственной выгоды, ни тѣхъ бѣдствій, которыя идутъ ему на пользу, ибо умъ его исключительно занятъ дѣлами. Виновенъ? Нѣтъ! Виновенъ, не онъ, а «капиталистическій общественный строй», вынуждающій его быть именно такимъ, а не другимъ, строй, дѣлающій изъ благожелательныхъ патроновъ жестокихъ эксплоататоровъ!—Оставивъ въ покоѣ шурина, Романешъ перешелъ къ общимъ мѣстамъ, упомянулъ о мученикахъ дѣтяхъ, горячо доказывалъ, что пора покончить съ существующимъ режимомъ...—что, пока фактическая власть въ рукахъ капиталаонъ будетъ злоупотреблять ею, мѣшая наступленію царства справедливости,—что пока экономическія отношенія не урегулированы закономъ, въ этой области всегда будутъ палачи и жертвы, работорговцы и рабы, эксплоататоры и эксплоатируемые... А между тѣмъ подъ рукою есть готовый способъ избавленія отъ всѣхъ этихъ золъ: онъ въ соціальныхъ реформахъ, которыхъ требуютъ «великіе провозвѣстники коллективизма».

Все это было не ново, говорилось уже тысячу, разъ, но кто знаетъ, откуда берется вѣтеръ, уносящій въ даль тѣ или другія слова? *Эти* были услышаны. Интервью перепечатали всѣ газеты; однѣ соглашались съ Романешемъ, другія возражали ему. Два дня спустя въ «Egalité» появилась замѣтка, обѣщавшая подписчикамъ постоянное сотрудничество г. Максимильяна Романеша

Профессоръ нашелъ свою дорогу; теперь у него явилось то, чего ему не доставало прежде—увѣренность въ жестахъ, въ словахъ, въ намѣреніяхъ. Его шуринъ первый констатировалъ эту перемѣну. Въ слѣдующее же воскресенье, профессоръ, захвативъ съ собой старшаго сына, какъ ни въ чемъ не бывало явился къ Делемону.

— Какъ! Это вы?

Романешъ уже снималъ свои мѣховыя перчатки, съ замѣтнымъ удовольствіемъ потирая руки.—И замѣтьте, пѣшкомъ, дорогой мой... Мнѣ нуженъ былъ маленькій моціонъ. Ничто такъ не бодритъ ума, какъ хорошая прогулка въ сухую погоду. А Робертъ можетъ много ходить, не уставая, какъ и отецъ его.

Заводчикъ не могъ оправиться отъ изумленія:—Какъ, вы рѣшаетесь явиться къ собакѣ—капиталисту?.. Къ гнусному буржую?.. къ безсердечному эксплоататору?.. Другъ мой, вы должно быть ошиблись дверью!

Романешъ не разъ выслушивалъ такіе репреманды съ обычной

снисходительностью слабаго къ сильному. Но теперь смиреніе было неумѣстно, онъ чувствовалъ свою силу;—Послушайте, возразилъ онъ тѣмъ же тономъ, на что вы жалуетесь? Развѣ я не отдалъ вамъ должнаго! Я призналъ ваши личныя качества, восхвалялъ ихъ, увѣрялъ даже, что вы лучше другихъ своихъ собратій, а, по совѣсти говоря, я думаю, что всѣ вы стоите одинъ другого!

Послѣ такой реплики заводчикъ сразу сбавилъ тонъ и въ послѣдовавшемъ обычномъ спорѣ никакъ нельзя было сказать, что побѣда осталась за нимъ.

Этотъ разговоръ былъ не послѣднимъ его униженіемъ: два дня спустя ему пришлось явиться въ судъ. Его заставили прождать три часа—его, не умѣвшаго ждать—въ длинной, мрачной пріемной второго этажа. Время отъ времени на одну скамью съ нимъ садился какой-нибудь оборванецъ; Делемонъ косился на него и спѣшилъ отвернуться. Здѣсь были люди всякихъ классовъ и состояній, какъ онъ, мѣнявшіе мѣста, то шагая по длинному корридору, то глядя въ окна, выходящія на большой сѣрый дворъ, чтобъ заглушить тоску ожиданія. Когда тревожный взоръ его встрѣчался съ добродушными съ виду глазами какого-нибудь агента, онъ притворялся, что ему нисколько не страшно, а на самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя слабымъ какъ насѣкомое, надъ которымъ занесена тяжелая рука. Сердце его шибко забилось, когда передъ нимъ наконецъ распахнули узкую боковую дверь, и онъ очутился въ присутствіи холодно-учтиваго господина, облеченнаго властью, отъ которой зависѣла теперь и жизнь его и свобода. Предлагаемые вопросы зондировали его совѣсть, словно какой то маленькій органъ, невидимый невооруженному глазу и обнаруживающій свое строеніе только подъ микроскопомъ; ужасающе зоркіе глаза заглядывали въ самые потайные уголки и рылись въ нихъ съ проницательностью, которую даетъ привычка искать дурныхъ побужденій, предвзятое правило не вѣрить хорошему, но отыскивать ложь, порокъ или преступленіе. У Делемона хватило однако же хладнокровія сообразить, что если нравственно онъ и является участникомъ преступленія, реальной вины за нимъ нѣтъ, и уликъ противъ него не имѣется. Говорило противъ него только его собственное заявленіе инспектору, что онъ самъ просматривалъ книжки. Но ему удалось довольно легко вывернуться, разъяснивъ, что онъ смотрѣлъ только марки и подписи, что книжки просматриваетъ обыкновенно Сутръ, но Сутръ честнѣйшій человѣкъ и оба они были обмануты негодяемъ Готто.

Сутръ отдѣлался не такъ легко. Его волненіе, растерянность и замѣшательство сильно вредили ему при допросахъ и каждый разъ онъ возвращался отъ слѣдователя такимъ несчастнымъ, что жалко было смотрѣть на него. Единственнымъ его утѣшеніемъ были вечера, проводимые въ домѣ хозяина и трогательное сочувствіе, которое выказывала ему Эстелла.

Молодая дѣвушка, освободившись отъ мучившей ее ревности и необходимости скрывать бурю, кипѣвшую въ ея пылкой душѣ, словно переродилась. Созданная для любви, не способная ни на какое другое чувство и чуткая къ малѣйшимъ оттѣнкамъ этого, она цѣликомъ отдалась ему съ перваго же момента, какъ сердце ея забилось быстрѣе для перваго мужчины, прошедшаго черезъ ея орбиту,—можетъ быть, именно потому, что этотъ мужчина былъ женихомъ другой. Въ сущности болѣе страстная, чѣмъ нѣжная, она однако чувствовала, что обстоятельства требуютъ отъ нея больше участія и кротости, чѣмъ огня, и была очаровательна въ своей пылкой преданности. У нея бывали минуты экзальтаціи, когда ей хотѣлось, чтобы Сутръ былъ еще несчастнѣе, чтобы она могла приносить ему неслыханныя жертвы, когда ей хотѣлось видѣть его гонимымъ, раззореннымъ, узникомъ и дѣлить съ нимъ одиночество, нищету и заключеніе. Но она скрывала эти порывы и Сутръ не догадывался о нихъ. Онъ только чувствовалъ, что нравится, что ему готово улыбнуться новое счастье и вздыхалъ:

— Только бы уладилось поскорѣй это проклятое дѣло!..

II.

Когда «проклятое дѣло» кончилось, между заводчикомъ и Сутромъ въ той-же конторѣ, гдѣ обсуждался бракъ Алисы, произошелъ приблизительно тотъ-же разговоръ, только на этотъ разъ рѣчь шла объ Эстеллѣ.—«Все то-же и контрактъ тотъ-же, только имя другое»,—слегка иронизировалъ Делемонъ. Гигантъ не заставилъ себя упрашивать—онъ успѣлъ уже перенести свое чувство на вторую сестру,—и они скоро поладили. Уже кончая разговоръ, они оба одновременно увидали Антуана Бюрье, уходившаго послѣ осмотра завода, и переглянулись, стиснувъ зубы. У Делемона даже кончики бровей поднялись къ верху, какъ опрокинутыя запятыя.

— Что ему еще тутъ понадобилось, этому животному? Неужто намъ никогда не удастся спихнуть его съ шеи? Ужъ кажется довольно навредилъ!

Оба были одинаково злы на инспектора и видѣли въ немъ виновника всѣхъ своихъ золъ: съ другимъ менѣе романическимъ, болѣе покладистымъ, принимающимъ въ разсчетъ ихъ затруднительное положеніе и обстоятельства, никогда бы не вышло такой глупой исторіи...

— А я то находилъ, что ихъ законы хороши!— пробормоталъ Сутръ.—Ну, попадись онъ мнѣ гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ... да я бы его!

— Полноте, голубчикъ! за это вамъ пришлось бы слишкомъ дорого расплачиваться!..—Делемонъ всегда боялся приступовъ гнѣва въ этомъ гигантѣ, обыкновенно, такомъ послушномъ и смирномъ, какъ бояться пробужденія свирѣпости въ кроткихъ, но очень сильныхъ со-

бакахъ, которыя въ гнѣвѣ могутъ быть ужасными.—А знаете-ли вы, что вѣдь, въ сущности, онъ оказалъ вамъ услугу, вылечивъ васъ отъ всѣхъ этихъ глупыхъ идей соціализма, коллективизма и т. п.

— О, г. Делемонъ, насчетъ этого вы можете быть спокойны. Послѣ того, что со мною было!..

Не замѣтивъ на этотъ разъ на заводѣ ничего подозрительнаго, инспекторъ мирно шелъ по двору къ воротамъ, радуясь, что законъ одержалъ полную побѣду и что онъ, Бюрье, до извѣстной степени способствовалъ ей. Онъ былъ увѣренъ, что, послѣ такого урока, патроны уже не будутъ оказывать серьезнаго сопротивленія, а тамъ привыкнутъ и не будутъ даже чувствовать ига, которое теперь кажется имъ нестерпимымъ. Проходя мимо конторы, онъ машинально поднялъ голову, встрѣтилъ злобные взгляды обоихъ директоровъ и поклонился. Делемонъ вспыхнулъ и слегка прикоснулся къ шляпѣ; Сутръ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ. Бюрье стало немножко грустно и больно, что его жертва, принесенная долгу,—такъ плохо оцѣнена. Мысль его невольно вернулась къ той, кого онъ видѣлъ у постели маленькаго больного итальянца, кто былъ ему такъ близокъ въ этотъ незабвенный часъ и кого онъ съ тѣхъ поръ напрасно призывалъ. Какъ она теперь далека отъ него! Кто знаетъ, быть можетъ, и она также видитъ въ немъ врага и коритъ себя за проблескъ симпатіи...

Въ тотъ самый моментъ, какъ за инспекторомъ захлопнулись ворота, онъ увидалъ Алису на мостикѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ разъ уже встрѣтилъ ее. Она шла совсѣмъ одна—такая граціозная и милая въ своей коротенькой каракулевой жакеткѣ. Она шла такой упругой легкой походкой; казалось, вотъ, вотъ она умчится, и пройдутъ мѣсяцы и годы до случайной новой встрѣчи. Приподнимая шляпу, Бюрье бросила на нее умоляющій взглядъ. Дѣвушка помедлила—посмотрѣла на окно конторы—и остановилась, протягивая руку. Отъ волненія оба въ первый моментъ не могли говорить, быть можетъ, оба одинаково боялись, что вотъ такъ, на улицѣ, имъ не высказать всего того, что накопилось въ душѣ всего, что хочется сказать.

— Вы не повѣрите, какъ я счастливъ, мадмуазель, что наконецъ кончилось это печальное дѣло,—говорилъ Бюрье, дивясь самъ себѣ, что онъ произноситъ такія слова, когда въ сердцѣ его поетъ совсѣмъ другое.—Что я могъ сдѣлать? Я поступалъ, какъ велитъ мнѣ долгъ. Я увѣренъ, что вы это поняли... Но какое облегченіе для меня знать, что это ни для кого не имѣло дурныхъ послѣдствій!..

Не смѣя взглянуть на него, Алиса прошептала съ интонаціей, придававшей совсѣмъ иной смыслъ ея отвѣту.

— Да, теперь это кончено!..

Она смотрѣла вдаль, на унылый сѣрый горизонтъ. Оба смолкли. По зимнему небу ползли клубы дыма изъ фабричныхъ трубъ. Свѣжій

вѣтеръ обвѣвалъ ихъ, подъ ногами у нихъ струились вольныя воды рѣки, а между ними стояла невидимой преградой чужая воля, и не сломить имъ было, не опрокинуть эту преграду.

— Вашъ батюшка, должно быть, очень сердитъ на меня,—продолжалъ Бюрье.—Увѣряю васъ, онъ неправъ! Всякій другой на моемъ мѣстѣ поступилъ бы также... Ему навѣрное никогда и въ голову не придетъ, что я чуть было не измѣнилъ своему долгу... На минуту у меня явилось искушеніе... Если бы я могъ избавить его отъ всѣхъ этихъ непріятностей, не нарушая своего долга, увѣряю васъ, я бы это сдѣлалъ!

Въ его голосѣ слышались грудныя дрожащія ноты.—Я бы это сдѣлалъ ради васъ!..

Дѣвушка опустила рѣсницы.—Вы хорошо сдѣлали... Надо всегда и во всемъ поступать, какъ велитъ долгъ,—прежде всего—чего бы это ни стоило...

— Значитъ, вы не раздѣляете чувствъ вашего батюшки? Вы не гнѣваетесь на меня?

На этотъ разъ дѣвушка посмотрѣла ему прямо въ глаза, оскорбленная такимъ сомнѣніемъ въ ея искренности.

— Какъ вы могли это думать!

— Я боялся!.. Простите меня! Я не могъ васъ видѣть... Но если бы я зналъ! ахъ, если бы я зналъ!.. Вы меня поняли, я это чувствую.. Вы меня поняли—правда?.. Видите ли, иногда, то, что кажется такимъ труднымъ... при извѣстной энергіи и мужествѣ... если быть за одно и ничего не бояться... все-таки въ концѣ-концовъ добьешься своего... надо только хотѣть!..

Алиса покачала головой, шепча:—Есть вещи... невозможныя..

— Невозможныя! Это пустое слово!.. Если бы вы хотѣли, какъ я хочу!.. Если бы вы только дали мнѣ знакъ!.. Ручаюсь вамъ, что для меня не было бы ничего невозможнаго!..

Онъ увлекался, какъ борецъ, готовый на все, чтобы достигнуть цѣли, хотя бы для этого нужно было перешагнуть черезъ кого-нибудь или нанести ударъ. Но Алиса была изъ другого тѣста; тамъ, гдѣ дѣло шло о ней самой, она предпочитала покорность борьбѣ. Она опять тихо покачала головой, шепча:

— Есть вещи невозможныя...

И, не давая ему руки, лишь наклонивъ головку съ безконечной грустью она уронила:—Прощайте!..

Бюрье не отвѣтилъ. Стоя на тротуарѣ онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ—теперь ея поступь уже не была такъ легка; у воротъ она на минуту остановилась, потомъ исчезла, словно проглоченная заводомъ.

Какъ игривыя волны потока сгоняютъ и уносятъ въ разныя стороны облетѣвшія листья, такъ волны жизни, въ своемъ равнодушномъ стремленіи, играя, соединяютъ и разъединяютъ сердца. Онѣ унесли

далеко другъ отъ друга Бюрье и Алису послѣ мимолетнаго сближенія; другія—должны были соединить Эстеллу и Сутра...

Алиса слѣдила за игрой, которую вела ея сестра, не принимая ее въ сурьезъ, видя въ ней капризъ или кокетство, быть можеть, реваншъ оскорбленнаго самолюбія—послѣднее невольно приходило ей на умъ, хотя она и не подозрѣвала, въ чемъ могла заключаться обида. Она не допускала мысли, чтобы сестра ея, зная причины ея разрыва съ Сутромъ, могла влюбиться въ такого человѣка. Понятное дѣло, разъ отецъ его привелъ, приходилось волей-неволей выносить его, все равно, какъ фабричный дымъ и шумъ, лай Сепа и всякія другія неудобства жизни—и даже съ виду благодушно, какъ это обыкновенно дѣлается, когда ужъ человѣкъ идетъ на компромиссъ. Но и только, здѣсь предѣлъ возможныхъ уступокъ. Наконецъ, неужели самъ Сутръ, зная, что его прошлое извѣстно и оцѣнено по достоинству, осмѣлился бы возобновить свои попытки съ младшей сестрой послѣ того, какъ его отвергла старшая? И все-таки, когда Алиса замѣтила, что ея бывшій женихъ уже не смотритъ битой собакой, а напротивъ снова держится фамильярно, какъ старый другъ дома, въ умѣ ея невольно явилось подозрѣніе. Посовѣтовавшись съ Бернаромъ, она рѣшила предупредить сестру. Но съ первыхъ же словъ передъ нею встала непреклонная воля хищницы, которая, разъ захвативъ, не выпускаетъ добычи, воля, еще усиливаемая страстью, которой Алиса не способна была ни понять, ни испытать, пылкостью властныхъ инстинктовъ, которымъ эта необузданная натура не умѣла отказывать.

— Ты говоришь объ этой... твари, Алиса? Мосье Сутръ пересталъ съ ней видаться съ тѣхъ поръ, какъ онъ приходитъ сюда для меня!

— Но вѣдь это-то и гнуснѣе всего!—воскликнула Алиса, не обративъ вниманія на недовольную мину сестры.

— Онъ соблазнилъ эту бѣдную дѣвушку, навлекъ на нее стыдъ и несчастье, заранѣе зная, что онъ броситъ ее, потому что у него были свои планы, потому что онъ притворялся, будто любитъ меня... Цѣлыхъ два года онъ только и дѣлалъ, что лгалъ и обманывалъ.

— Обманывалъ, кого? Тебя?—быть можетъ!.. Ее?—несомнѣнно!.. Но меня?—нѣтъ!.. Все это его прошлое. *Я его* знаю и не помню, не хочу его знать!.. Тогда онъ еще не любилъ меня; онъ даже, кажется, не разглядѣлъ меня, какъ слѣдуетъ... Но теперь-то онъ любитъ *меня*—наконецъ!—меня—меня одну! И мнѣ отъ него ничего больше не нужно. Остальное—о, остальное!

Въ этомъ жестѣ, словно отметавшемъ весь міръ, было столько страсти, что Алиса, вдругъ догадавшись, воскликнула:

— Такъ ты любила его? и раньше?..

Эстелла въ свою очередь удивилась.

— Неужели ты не догадывалась?

— О! Какъ ты можешь это думать!.. Если бы я знала!..

— Вотъ видишь! Каждый идетъ за своимъ счастьемъ, не глядя ни вправо, ни влѣво... Ты думала, что ты любима; ты сама не любила, а между тѣмъ ты ногами топтала мое сердце. Ахъ! какъ ты терзала его, какъ попирала, сама того не замѣчая. Я иной разъ думала, что ты это нарочно, изъ гордости, изъ жестокости, и ненавидѣла тебя... Но теперь я ужъ не сержусь, не сержусь на тебя. Это — тоже прошлое. Ты спросишь, зачѣмъ же я въ такомъ случаѣ напоминала о немъ? Да просто для того, чтобы показать, что всѣ мы стоимъ другъ друга!.. Вѣрь мнѣ, не слѣдуетъ никого презирать—люди и жизнь вездѣ одни и тѣ же. Каждый ловитъ на лету, что ему нужно и что удалось поймать—деньги, счастье, славу, любовь. А другіе? Пусть каждый беретъ свою долю и покрѣпче хранитъ ее!..

Такая молодая, прелестная, какъ сама весна, откуда она въ свои девятнадцать лѣтъ почерпнула эту ужасную новость? изъ какого отравленнаго источника? Какіе опыты и разочарованія она могла испытать?..

— Бѣдная сестра!—грустно сказала Алиса, — сколько ты должна была выстрадать, чтобы дойти до этого!..

Много дней и часовъ она потомъ думала объ этомъ, поразившемъ ее какъ громомъ, открытіи, о непонятной неразгаданной душѣ, лишь на мигъ, словно въ блескѣ молніи, раскрывшейся передъ нею и снова замкнувшей въ себѣ свои тайны. А между тѣмъ, это была душа самаго близкаго, родственнаго ей существа—ея сестры. Чего же ждать отъ другихъ, когда и родные такъ чужды? на что надѣяться? чего требовать отъ жизни?.. И Алиса говорила себѣ, что она будетъ жить и умретъ одна, и что единственная любовь, которой стоитъ жизнь, это любовь, которая таится и бѣжитъ отъ любимаго — какъ ея любовь...

III.

Дни шли почти не отличаясь другъ отъ друга, едва отмѣченные эпизодами, не остающимися въ памяти. Делемонъ открылъ Эстеллѣ при покупкѣ приданаго болѣе широкій кредитъ, чѣмъ могла расчитывать молодая дѣвушка;—было сдѣлано нѣсколько визитовъ; Сутръ, съ каждымъ днемъ все больше влюблявшійся въ свою невѣсту, удивлялъ и сердилъ будущаго тестя неожиданной расточительностью.

На горизонтѣ молодой парочки бывали и тучки—напримѣръ, встрѣча съ инспекторомъ, который такъ ядовито поздравилъ Сутра съ тѣмъ, что онъ снова женихъ, что Сутру страшно захотѣлось дать ему по физіономіи. Но еще больше его тревожила и огорчала упорная холодность Бернара. Онъ чувствовалъ, что его судитъ и осуждаетъ съ безпощадной суровостью человѣкъ еще очень молодой, но съ уже сложившимся характеромъ, человѣкъ, съ которымъ ему впослѣдствіи придется считаться и симпатію котораго онъ очень хотѣлъ бы вернуть. Всѣ его авансы встрѣчали отпоръ, но такой корректный, что къ нему

нельзя было придраться, и даже достигали противоположнаго результата: однажды, когда онъ что называется пересолилъ, ему былъ данъ слѣдующій обидный отвѣтъ:—мы съ вами будемъ одной семьи, Сутръ, но мы никогда не будемъ одной породы.

Алиса, болѣе великодушная, не высказывалась такъ открыто, но и въ ея молчаніи Сутръ чувствовалъ осужденіе, и, какъ онъ ни старался игнорировать это, мысль, что ему никогда не вернуть уваженія «этихъ двухъ», отравляла его счастье.

Случалось ему порой думать и о покинутой дѣвушкѣ, то же не безъ тревоги. Вначалѣ она писала ему письма, полныя укоровъ, часами бродила вокругъ фабрики, подстерегая его выходъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ, потомъ затихла и не подавала признаковъ жизни. Сутръ убѣждалъ себя, что она забыла или утѣшилась, но это не всегда ему удавалось; порой онъ задумывался, тревожился за будущее, потомъ опять возвращался къ мирному блаженству настоящаго. Онъ не зналъ, что его нареченная получила приблизительно такое же письмо, какъ Алиса, только болѣе рѣзкое, такъ какъ писавшая его была озлоблена долгимъ напраснымъ ожиданіемъ и униженіями, прибавившимися къ горю.

Письмо это вызвало цѣлую бурю въ пылкой душѣ Эстеллы: вспышку ревности къ прошлому, которой она не хотѣла дать воли, но отъ которой раскрылись старыя раны, твердую рѣшимость навсегда покончить этимъ прошлымъ и тутъ же страхъ обычной въ такихъ случаяхъ мести—револьвера или еще того хуже—сѣрной кислоты; но въ концѣ концовъ она рѣшила затаить въ себѣ всю эту жгучую тревогу. Письмо было изорвано и брошено; дѣвушка никому не сказала о немъ ни слова, и на лицѣ ея не отразилась буря, всколыхнувшая ея душу...

Такъ наступилъ день свадьбы.

Рѣшено было обойтись безъ всякой торжественности: вѣнчаніе, потомъ семейный завтракъ, а потомъ молодые уѣдутъ недѣльки на двѣ на югъ, на солнце. Приглашены были только Романеши и, по настоянію Алисы, Валентинъ. Свидѣтелями были Люстро, докторъ Бернаръ и Романешъ. Делемонъ былъ очень этимъ доволенъ: свадьба дочери и такъ отнимала у него половину рабочаго дня.

Въ назначенный часъ пріѣхали кареты и отвезли всѣхъ участниковъ торжества въ небольшую хорошенькую церковь Сентъ-Этьеннъ д'Исси, украшенную цвѣтами: Делемонъ не любилъ «пускать пыль въ глаза», но и не хотѣлъ прослыть скупымъ, поэтому все было «какъ слѣдуетъ». И все время Романешъ критиковалъ окружающее, дѣлясь своими размышленіями съ Алисой.

Романешъ наклонился къ уху Алисы и шепнулъ:—Вашъ отецъ кажется въ восторгѣ. Онъ повидимому убѣжденъ, что этотъ бракъ очень выгодная сдѣлка.

Молодая дѣвушка сжала губы и лицо ея приняло почти страдальческое выраженіе.

Молодая дѣвушка вообще была согласна съ дядей, но ей становилось больно, когда онъ такъ грубо гороритъ о близкихъ, и она возразила:—Сутръ искренно влюбленъ—теперь!

Романешъ посмотрѣлъ на нее и недовольно сжалъ губы:—Вотъ и эта одной съ ними породы, даромъ что лучше ихъ всѣхъ! Бранить бранитъ, а попробуй поднести спасительный ножъ, сейчасъ отводитъ руку... Онъ обернулся къ ней и спросилъ, глядя ей прямо въ глаза:—Ты ли это говоришь?

Алиса покраснѣла.—Во всякомъ случаѣ сестра моя искренно влюблена. Я слишкомъ въ этомъ увѣрена, она давно его любитъ.

Обрядъ вѣнчанія кончился.

Всѣ участники церемоніи парами прошли черезъ церковь. Делемонъ съ улыбкой раскланивался со знакомыми, которыхъ онъ узналъ въ толпѣ! Алиса снова взяла подъ руку Романеша и тотъ шепнулъ ей, когда они вошли въ ризницу:—Какъ я подумаю, что Сутру пришлось взять свидѣтельство о томъ, что онъ былъ у исповѣди!..

Подписали контрактъ и экипажи снова двинулись въ обратный путь. Напротивъ Романеша пугливо забилась въ уголъ маленькая Дотти, такая хорошенькая въ своемъ бѣломъ платьѣ. Рядомъ съ нею, вытянувшись въ струнку, сидѣлъ Валентинъ. Онъ былъ счастливъ, что Алиса такъ близко отъ него, несмѣлъ заговорить съ нею, но не сводилъ съ нея глазъ и тысяча смутныхъ чувствъ роились въ его нѣжной и робкой душѣ. Романешъ наклонился къ нему и ласково потрепалъ его по щекѣ, говоря:—Что братъ, ты вѣдь поди впервой видишь свадьбу?

Мальчикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, такъ тебѣ везетъ. Это настоящая буржуазная свадьба, шикарная, со всѣми онерами. Ты ослѣпленъ? Ба, это не удивительно: въ твои годы—что блеститъ, то и золото. Но такъ какъ человѣку, въ особенности бѣдняку, надлежитъ разбираться въ томъ, что онъ видитъ, и не смѣшивать пузыря съ фонаремъ, то я скажу что ты видѣлъ... Ты видѣлъ людей, которые притворялись сосредоточенными, притворяясь, что они молятся Богу, въ котораго они притворяются что вѣрятъ. Ты спросишь, зачѣмъ эта комедія? А затѣмъ, чтобы придать оттѣнокъ торжественности простой коммерческой сдѣлкѣ... Такъ то братъ, работай, учись, готовься къ борьбѣ со всей этой ложью, когда ты будешь большой.

— Да, мой мальчикъ,—сказала Алиса, вглядываясь въ его блѣдное личико, словно стараясь прочесть на немъ тайны будущаго.—Да, мой мальчикъ, работать надо. И прежде всего старайся сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ!

— О! о! усмѣхнулся Романешъ,—видно что ты только что изъ церкви; ты проповѣдуешь Евангеліе... Терпѣніе и смиреніе—не такъ ли? Собирайте себѣ сокровища на небеси, пока тѣ, кто похитрѣе

васъ, будутъ копить ихъ на землѣ! Пѣсенка не нова, только никто ее ужъ не слушаетъ... Или и ты переходишь въ непріятельскій лагерь? Уже? И пари держу—вмѣстѣ съ Бернаромъ?.. Ну чтожъ, это меня не удивитъ. Трудно богатому войти въ—только я сказалъ бы: не въ «царство небесное», а въ «республику справедливости». Но выводъ остается тѣмъ же.

Алиса не выпускала руки Валентина. Ей не хотѣлось отвѣчать; она не была согласна съ дядей, но не была увѣрена и въ собственной правотѣ. Но такъ какъ дядя продолжалъ доказывать ей, что буржуазный бракъ отжилъ, и его надо сдать въ архивъ, спасая самый институтъ брака, она тихо сказала:—Я никого не сужу, я не умѣю читать въ сердцахъ. На землѣ много зла, очень много. И я вижу это какъ вы, да и кто этого не видитъ?.. Но откуда же придетъ спасеніе?

— Спасеніе въ нашихъ рукахъ! Я думалъ ты изъ тѣхъ, кто это знаетъ, Алиса... Общественный человѣкъ хозяинъ своей судьбы; нужно только больше справедливости въ распредѣленіи коллективныхъ благъ, въ распредѣленіи знаній и ума, въ организаціи власти: въ этомъ все... Утопія?.. Прежде можетъ быть; теперь нѣтъ! Мы уже не бродимъ въ потемкахъ, мы ясно видимъ цѣль. Въ нашемъ распоряженіи научные способы достигнуть ея. Спасеніе, дитя мое, въ томъ, чтобы положить конецъ нашему теперешнему режиму, порожденному термидорской реакціей; оно въ возвращеніи къ истиннымъ демократическимъ идеямъ истинной революціи, Робеспьера. Спасеніе въ торжествѣ тѣхъ, которыя олицетворяютъ собою численность, а слѣдовательно и право, и которые побѣдятъ, когда поймутъ, что они также и сила.

Алиса съ усиліемъ заставила себя сосредоточиться на этихъ трудныхъ вопросахъ. Она долго раздѣляла взгляды своего дяди, но въ эту минуту она поняла ихъ слабую сторону. Какъ всѣ великодушные люди, она мечтала о лучшей долѣ для всего человѣчества, безъ различія цвѣта и рассы, безъ границъ и барьеровъ, а ее изъ области абсолютнаго сразу переносили въ область реальнаго, обсуждая послѣдствія историческаго дня. Она думала о томъ времени, когда изъ такого же дряхлаго, истощеннаго, испорченнаго міра, великое слово любви извлекло новый міръ, обновленный полной надеждой. А съ ней говорили о политикѣ, то есть о ненависти, интригахъ, борьбѣ партій, близорукихъ взглядовъ, подозрительныхъ комбинацій.—Нѣтъ, нѣтъ, не въ этомъ спасеніе.

Романешъ ждалъ отвѣта, какъ хорошій стратегъ, который не пренебрегаетъ и малыми побѣдами, какъ ловкій вождь, который дорожитъ сторонниками. Когда Алиса заговорила, казалось, прозвучалъ не ея голосъ, а чей то другой издали, изъ глубины души, куда обстоятельства и чужія вліянія пока еще не давали ей заглянуть, но гдѣ

должны были таиться ея истинныя сокровища, не тронутый резервъ ея благородной натуры.

— Спасеніе, повторила она.—Я бы ждала его скорѣе отъ обновленія душъ... Но какъ совершится оно? Этого вы не говорите.

Романешъ думалъ, что знаетъ свою племянницу, но этотъ вопросъ былъ для него такой неожиданностью, что онъ въ первую минуту смутился.

— Ты слишкомъ многаго хочешь! Если тебѣ нуженъ новый спаситель, я не знаю, гдѣ взять тебѣ его. Да человѣчество и не нуждается въ немъ: оно уже вышло изъ возраста, когда нужны тайны. Если ты этого ждешь, тебѣ придется долго ждать... Я тебѣ предлагаю, что у меня есть подъ рукой: соціальную реформу.—Онъ провелъ рукой по бородѣ и добавилъ: — Я полагаю, это чего нибудь да стоитъ.

Онъ охотно привелъ бы доказательства, развилъ бы по пунктамъ свою программу, но—путь былъ конченъ.

Рабочіе давно ужъ ждали возвращенія изъ церкви, чтобы поднести цвѣты новобрачнымъ. Все населеніе рабочаго городка высыпало на улицу, подошли сосѣди, любопытные, случайные прохожіе; на заводскомъ дворѣ собралась густая толпа, которая переливалась на улицу до самаго моста. Толпа была настроена скорѣе благодушно, перебрасывалась шуточками, остротами, удивлялась, почему такъ долго не ѣдутъ. Наконецъ показались кареты. Толпа отхлынула на тротуары, очистивъ мѣсто для поѣзжанъ. Изъ рядовъ высовывались любопытныя лица, отыскивая за поднятыми стеклами вуаль новобрачной, бѣлый букетъ Сутра и лицо хозяина. Нѣкоторые кланялись. Делемонъ рукой посылалъ привѣтствія. Когда всѣ поѣзжане вышли изъ экипажей и расположились группой на крыльцѣ, изъ толпы выдѣлилась делегація, двѣнадцать рабочихъ. Они шли медленно, не въ ногу, чувствуя себя неловко подъ всѣми этими, устремленными на нихъ взглядами. Ими предводительствовалъ Данзинъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ огромнымъ бѣлымъ букетомъ, бѣлыя ленты котораго развѣвалъ весенній вѣтерокъ. Букетъ видимо заботилъ его; Данзинъ несъ его съ большими предосторожностями, прижимая его къ груди, но такъ, чтобы не помять розъ, и улыбался доброй конфузливой улыбкой. Его товарищи также улыбались, забавляясь тѣмъ, что онъ конфузится, словно великовозрастный ученикъ, который не знаетъ урока и напускаетъ на себя кротость, чтобы смягчить учителя. Въ толпѣ многіе тоже усмѣхались, одни собственнымъ шуточкамъ, другіе — просто изъ доброжелательства, ибо видъ счастья, или того, что принимаютъ за счастье, всегда настраиваетъ пріятно.

Согласно инструкціи Делемона, лично выработавшаго весь церемоніалъ встрѣчи, Данзинъ остался у подножья крыльца, а молодые спустились на три ступеньки ему на встрѣчу. Эстелла опиралась на

на руку Сутра; изъ подъ раздвинутаго вуаля виднѣлось ея радостное юное личико. Сутръ не зналъ, куда дѣвать свою шляпу и держалъ ее въ рукѣ; шевеля губами, онъ мысленно повторялъ три фразы заранѣе приготовленнаго отвѣта, боясь, какъ бы не сбиться. Данзинъ прикрылъ рукою ротъ, откланялся и началъ:

«Сударыня,

«Позвольте мнѣ преподнести вамъ, отъ имени моихъ товарищей...

Два выстрѣла, раздавшіеся одинъ за другимъ, не дали ему кончить: молодая женщина, выйдя изъ толпы, выстрѣлила въ новобрачныхъ. Первая пуля не долетѣла. Вторая пронеслась такъ близко отъ Сутра, что тотъ почувствовалъ вѣтеръ на щекѣ, и попала прямо въ сердце стоявшей за нимъ Алисѣ. Молодая дѣвушка шагнула въ впередъ, пошатнулась и упала безъ стона, безъ крика. Убійцу уже схватили, обезоружили. Растерявшіеся родственники столпились вокругъ жертвы; докторъ разрѣзалъ ей корсажъ. Степъ отчаянно вылъ, дергая цѣпь. Внезапно раздался отчаянный крикъ, пронзительный, страшный, покрывшій весь шумъ и говоръ; крикъ повторился нѣсколько разъ и перешелъ въ хохотъ еще болѣе ужасный: госпожа Делемонъ, съ безумными глазами, сорвала съ себя шляпку, разметала волосы и въ ярости кидалась на толпу.

IV.

Бюрье снова пришелъ на заводъ не столько по дѣлу, сколько изъ мучительной потребности узнать подробности катастрофы отъ близкихъ людей, а не изъ газетъ. Ему казалось, что въ мѣстахъ, гдѣ жила Алиса, все еще полно ею, хотѣлось услыхать ея имя, имя изъ устъ тѣхъ, кто имѣлъ право быть возлѣ ея мертвой и плакать о ней.

На заводѣ все было попрежнему и въ тоже время все казалось ему какимъ то другимъ, точно ослабѣла невидимая пружина, приводившая въ ходъ этотъ сложный механизмъ, и рука, поддерживавшая порядокъ въ этомъ маленькомъ заводскомъ міркѣ. Часъ былъ рабочій; въ обычное время въ этотъ часъ вы не нашли бы на заводѣ ни одного человѣка безъ дѣла. А теперь у самаго крыльца Сутръ проклажался, разговаривая со своей молодой женой, которой трауръ былъ необычайно къ лицу. На дворѣ работница заигрывала съ Крето, позабывъ о строгостяхъ заводскаго устава; дальше стояли группой у ломовой телѣги и болтали между собою возчики. Даже у печей работа не кипѣла, какъ всегда, а какъ будто шла лѣниво и не было прежней размѣренности въ движеніяхъ. Инспекторъ подошелъ къ Люстро, который только что выбранилъ какого-то мальчугана.

— Какъ здоровье г. Делемона?—спросилъ онъ соболѣзнующимъ тономъ.

— Патронъ изъ крѣпкаго дерева,—отвѣчалъ надсмотрщикъ;—а все-таки его здорово пришибло.

Онъ бѣгло оглядѣлъ мастерскую и сразу замѣтилъ двѣ-три неисправности, которыя были бы невозможны нѣсколько дней тому назадъ.

— Еще бы, сразу два такихъ несчастья! Одновременно два такихъ удара. Какъ не пришибить, всякаго пришибетъ.

— Будьте спокойны,—г. инспекторъ, онъ оправится.

— Правда-ли, что г-жа Делемонъ въ сумасшедшемъ домѣ?

— Да гдѣ же ей больше быть бѣдняжкѣ.

— А сынъ?

— Сынъ-то здѣсь.

Очевидно, надсмотрщикъ не хотѣлъ говорить или самъ ничего не зналъ. Да и къ чему эти безполезные вопросы? И тѣмъ не менѣе Бюрье вглядывался въ лица рабочихъ, ловилъ ихъ взгляды, хотя они ничего ему не говорили. Многіе изъ нихъ знали Алису, многихъ она навѣщала во время болѣзни жены или ребенка. Думали-ли они, глядя на этотъ бѣлый домъ, что онъ остался безъ души? Спрашивали-ли они себя, какъ спрашивалъ онъ: «почему именно она, самая лучшая, самая невинная?» Раздумывая объ этомъ, Бюрье замѣтилъ Делемона, который шелъ взглянуть на горнъ; голова его была опущена, руки заложены заспину. Это былъ, казалось, уже не тотъ человѣкъ. Его могучій станъ согнулся, словно сдавленный тяжестью, въ пристальномъ взорѣ видна была неотвязная мысль; губы, все время шевелившіяся подъ жесткими усами, придавали всему лицу выраженіе озабоченной грусти. Завидя Бюрье, онъ сказалъ:—А, г. инспекторъ!—И отвѣтилъ на поклонъ. Но на этотъ разъ въ тонѣ его не было ни ироніи, ни насмѣшки, одно лишь полное равнодушіе. Бюрье пожалъ ему руку:—Повѣрьте, я горячо сочувствую.

— Да, да, вы прислали цвѣты, я очень тронутъ.—Голосъ его дрогнулъ.—Вы вѣдь были немного знакомы съ моими дочерьми. Маленькій итальянецъ... госпиталь... Помню... помню...

— Я всего раза два видѣлъ мадмуазель Алису, но навсегда сохраню о ней воспоминаніе.

Заводчикъ вздохнулъ.—Какъ всѣ, кто зналъ ее.

И помолчавъ, онъ прибавилъ:—Я, знаете, здѣсь многое думаю передѣлать, какъ ей хотѣлось... Въ память ея... Да и по другимъ причинамъ... Прежде я многаго не понималъ, а теперь все ясно, какъ хрусталь!—Онъ посмотрѣлъ на инспектора, который повидимому ждалъ объясненія этихъ странныхъ словъ, махнулъ рукой своимъ обычнымъ деспотическимъ жестомъ, разрѣзавшимъ воздухъ, началъ было:—Послѣ такого несчастія, знаете-ли, послѣ такого несчастья...—и, не докончивъ, отошелъ.

Бюрье видѣлъ, какъ онъ долго стоялъ неподвижно у горна, по-

томъ видѣлъ, какъ къ нему подошелъ Сутръ, и, чтобы не встрѣчаться съ нимъ, хотѣлъ уйти, но въ это время онъ замѣтилъ Бернара. Молодые люди оба разомъ остановились и протянули другъ другу руки.

— Я знаю, что моя сестра очень симпатизировала вамъ,—сказалъ Бернаръ.

— Я никогда ее не забуду!—воскликнулъ Бюрье, не пытаясь даже скрыть свое чувство.

Слезы выступили на глазахъ Бернара.

— Если бы вы знали, чѣмъ она была для всѣхъ насъ—для меня!.. Если бы вы знали, до какой степени она была намъ необходима!.. Онъ указалъ рукой на алѣвшія вдали печи, на силуеты рабочихъ, мелькавшіе вокругъ недвижной фигуры Делемона.—О здѣсь все великолѣпно устроено. Мой отецъ вложилъ сюда всю свою энергію, весь свой умъ, а онъ человѣкъ недюжинный! Онъ хотѣлъ создать заводъ. И создалъ: онъ живетъ, онъ въ ходу и дальше будетъ жить; но, видите-ли, онъ отдалъ заводу всю свою душу, для семьи у него ничего не осталось. Весь нашъ домъ держался Алисой. Она одна умѣла хранить тепло, поддерживать угасавшее пламя домашняго очага... Теперь, когда ея нѣтъ, мнѣ кажется и пламя погаснетъ и все рушится. И отецъ подался: два удара, одинъ за другимъ, пробили броню. Посмотрите на него, вѣдь его узнать нельзя... Нѣтъ, неблагополучно въ нашемъ домѣ.

Бюрье пытался ободрить его, говорилъ о необходимости быть мужественнымъ, гнать сомнѣнія.

— Вашъ отецъ оправится понемногу. Онъ человѣкъ съ характеромъ и онъ такъ любитъ свое дѣло. А у васъ вся жизнь впереди, столько надеждъ...—Бернаръ прикрылъ рукою глаза, какъ бы не желая видѣть передъ собой этого долгаго пути; въ эту минуту онъ не хотѣлъ надѣяться.

— Вы не можете себѣ представить, какой чудный учитель горе... Словно завѣса падаетъ съ глазъ, словно какое то откровеніе. Вы повѣрите, что отецъ сказалъ мнѣ вчера вечеромъ:—«Прости мнѣ Господи, боюсь, что я до сихъ поръ совсѣмъ не понималъ жизни!» Это его собственныя слова. А вѣдь вы знаете моего отца!.. Вѣдь для каждаго человѣка его жизнь загадка. И вотъ мнѣ кажется, что чья то невидимая рука бросила намъ ключъ отъ этой загадки. Я теперь понимаю многое, что мнѣ прежде было неясно. Напримѣръ, для меня теперь ясна причинная связь событій. Эта катастрофа должна была произойти, такъ или иначе. Заводъ цѣлъ, очагъ рухнулъ—такъ оно и должно было быть! Съ самого начала архитекторъ все свое вниманіе посвящаетъ одному и небрежетъ другимъ. Конечно, это другое должно рухнуть, не правда ли? Одно только меня смущаетъ...

Онъ запнулся, стѣсняясь говорить о такихъ интимныхъ вещахъ

съ постороннимъ. Но смутное чутье подсказывало ему, что этотъ человѣкъ не былъ чужимъ его покойной сестрѣ и что никто въ мірѣ не пойметъ и не утѣшитъ его лучше, чѣмъ онъ.

— Моя сестра вѣдь долгое время была невѣстой Сутра. Вы, можетъ быть, не знали этого?

— Нѣтъ, я зналъ,—просто сказалъ Бюрье:

— А вы знаете, изъ-за чего разстроилась ихъ свадьба? Вѣдь какъ разъ изъ-за этой особы... Ну да той, которая стрѣляла. Алиса всегда была готова жертвовать собой. Она, быть можетъ, и покорилась бы волѣ отца; но тутъ она узнала всю эту исторію и рѣшила, что у Сутра есть другія обязанности и что его поведеніе... Ну вы понимаете меня... Я думалъ такъ же, какъ она, а мой отецъ... Ахъ, для отца это все пустяки... Вторую сестру мою тоже предупреждали, но она не такъ совѣстлива... И надо же было, чтобы пуля попала именно въ Алису! Почему? Ну скажите мнѣ: почему? Вы можете это понять?

Вопросъ этотъ не удивилъ Бюрье. Онъ и самъ думалъ объ этомъ, но отвѣтить себѣ не могъ.

— Случай,—пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю въ случай... Это первое попавшееся, случайное объясненіе. Оно меня не удовлетворяетъ... Здѣсь должна быть причина; мы ея не знаемъ, она скрыта отъ насъ, но она есть! Бюпье, никогда не стремившійся проникнуть взоромъ за предѣлы горизонта, удивился такой настойчивости. Она казалась ему чѣмъ-то болѣзненнымъ.

— Пуля не была предназначена ей,—пояснилъ онъ. — На этотъ счетъ, кажется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Преступница категорически это утверждаетъ. Какъ сообщаютъ газеты, она заявила полиціи, что цѣлила въ Сутра и промахнулась. Пуля могла и вовсе ни въ кого не попасть.

— Да, конечно,—нерѣшительно согласился Бернаръ, но тотчасъ же воскликнулъ:—Нѣтъ, это не случай! Такъ нужно было, чтобы погибла именно она, самая чистая въ этомъ конфликтѣ мелкихъ интересовъ и низменныхъ страстей. На это были особыя причины.

— Какія же?

— Я ихъ угадываю, но не знаю... Причины, выходящія изъ ряда обычныхъ предметовъ нашего изслѣдованія... Причины, лежащія очень глубоко, являющіяся какъ бы далекимъ отголоскомъ нашихъ поступковъ—я не знаю, какъ это выразить.

Бюрье ласково, но неодобрительно покачалъ головой: его положительный умъ не могъ допустить, чтобы въ конкретномъ фактѣ не было конкретной причины. Убійца плохо цѣлилась или просто револьверъ былъ плохой—къ чему искать другихъ объясненій.

— Причины,—пробормоталъ онъ,—причины очень просты.

Бернаръ видѣлъ, что они перестали понимать другъ друга.—Нѣтъ,

не очень простыя,—возразилъ онъ съ кроткимъ упорствомъ,—напротивъ, очень сложныя и далекія...

И, пожимая руку инспектора, онъ закончилъ:—Быть можетъ, когда-нибудь мы узнаемъ!..

И молодые люди разошлись въ разныя стороны. Съ минуту Бернаръ смотрѣлъ вслѣдъ медленно удалявшемуся Бюрье, потомъ, обернувшись, увидѣлъ отца все такого же неподвижнаго въ красномъ свѣтѣ печей, разсѣяннаго, совершенно безучастнаго къ кипѣвшей вокругъ него работѣ. Какія мысли роились въ головѣ этого борца по натурѣ здѣсь на аренѣ его побѣдъ, въ центрѣ міра, созданнаго его творческой энергіей? Что творилось въ этой душѣ, ожесточенной долгой борьбой и теперь воспрянувшей послѣ двухъ жестокихъ ударовъ? Прежде такой энергичный, онъ теперь стоялъ недвижно какъ статуя и, какова бы ни была его тайна, его лицо умѣло хранить ее. Не спуская съ него глазъ, молодой человѣкъ опять повторилъ себѣ: «Почему?» и не нашелъ отвѣта. Онъ только чувствовалъ, что въ этой таинственной цѣпи нашихъ поступковъ и слѣдствій ихъ есть какая-то неизбѣжность, которую умъ угадываетъ, но не въ состояніи уловить о которой твердитъ внутренній голосъ, но не находитъ ей объясненія. Восходя къ первоначальной причинѣ катастрофы, такъ жестоко поразившей ихъ, онъ видѣлъ все ту же первоначальную отцовскую ошибку предпочтеніе мелкихъ житейскихъ интересовъ и мимолетныхъ побѣдъ тому, что единственно важно въ жизни. Какъ могла эта ошибка погубить ту, которая не раздѣляла ее, напротивъ, осуждала и, быть можетъ, могла бы исправить, это звено ускользало изъ его рукъ. Въ противоположность Бюрье, все объяснившаго неумѣньемъ убійцы стрѣлять, онъ видѣлъ здѣсь неразрѣшенный вопросъ или тайну. И не умѣя ни разрѣшить, ни угадать, въ тоскѣ и сомнѣніи повторялъ себѣ:

— Быть можетъ, когда-нибудь мы узнаемъ!..

Конецъ.

По поводу изданія сочиненій Герцена.

Оцѣнивая вліяніе русскихъ писателей на русское общество, Левъ Толстой на первомъ мѣстѣ ставитъ Пушкина, на второмъ—Герцена, на третьемъ—Гоголя, на четвертомъ—Тургенева. Пушкину онъ удѣляетъ тридцать процентовъ этого вліянія, Герцену — восемнадцать, Гоголю—пятнадцать, Тургеневу—только десять. Приведенныя цифровыя даты, конечно, имѣютъ только приблизительное значеніе, потому что никакого статистическаго матеріала по этому вопросу не имѣется. Есть, правда, въ русской литературѣ не лишенная интереса попытка опредѣлить культурное вліяніе отдѣльныхъ писателей посредствомъ опроса русской интеллигенціи—я говорю о книжкѣ г. Ледерле «Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія» (Спб. 1895); но полученные такимъ путемъ результаты по отношенію къ Герцену оказались иными, чѣмъ у Толстого. Въ приложенномъ къ этой книжкѣ «Спискѣ книгъ, получившихъ болѣе семи голосовъ», русскіе писатели расположены въ такомъ порядкѣ: Пушкинъ, Тургеневъ, Лермонтовъ, Толстой, Гоголь, Гончаровъ, Достоевскій, Бѣлинскій и Добролюбовъ, Островскій, Салтыковъ, Некрасовъ и т. д. Герценъ же въ этомъ спискѣ вовсе отсутствуетъ. А между тѣмъ въ числѣ 86 лицъ, отвѣтившихъ на вопросъ г. Ледерле о книгахъ, наиболѣе способствовавшихъ умственному и нравственному развитію, находятся такіе общеизвѣстные дѣятели русской литературы и науки, какъ Гольцевъ, Жемчужниковъ, Кайгородовъ, Кони, Короленко, Модестовъ, Мордовцевъ, Оболенскій, В. Острогорскій, А. Петрушевскій, Полонскій, М. Семевскій, Скабичевскій, Стасовъ, Сумцовъ, Д. Тихомировъ, Эртель и др. На первый взглядъ можетъ показаться, что имя Герцена изгнано изъ книги г. Ледерле по цензурнымъ соображеніямъ, тѣмъ болѣе, что авторъ «Былого и думъ» не значится и въ именномъ указателѣ. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ «Мнѣніями русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія» встрѣчается и Герценъ, но, главнымъ образомъ, какъ беллетристъ. *Весь* Герценъ упоминается только въ отзывахъ г. Гольцева и покойнаго В. П. Острогорскаго, по мнѣнію котораго онъ стоитъ «во главѣ разумѣнія русской жизни, ея задачъ и направленія».

Итакъ, по мнѣнію Толстого, вліяніе Герцена очень велико, выше

вліянія Тургенева и Гоголя, а по мнѣнію корреспондентовъ г. Ледерле, это вліяніе очень слабо: чуть не ниже Грибоѣдова и даже Загоскина. Такое рѣзкое противорѣчіе можно объяснить только исключительной судьбой, которая тяготѣетъ надъ сочиненіями Герцена. «Блестящій и глубокій», по отзыву Толстого, Герценъ съ его свободной, безцензурной рѣчью производитъ неизгладимое впечатлѣніе на каждаго, кому удается познакомиться съ заграничнымъ изданіемъ его сочиненій. Но, къ сожалѣнію, такихъ счастливцевъ очень не много, во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ читателей остальныхъ русскихъ классиковъ. По этому правъ Толстой съ его высокой оцѣнкой вліянія Герцена на русское общество въ лицѣ избранныхъ представителей; правы и лица, запрошенныя г. Ледерле, отмѣтивъ сравнительно слабое вліяніе Герцена на средняго русскаго читателя.

Легко понять, какъ много потеряло русское общество, почти лишенное непосредственнаго знакомства съ однимъ изъ «тѣхъ нашихъ національныхъ героевъ, при одномъ имени которыхъ — по словамъ г. Булгакова — расширяется грудь и учащенно бьется сердце». Къ чести русскаго общества надо сказать, что оно никогда, даже въ такія мрачныя эпохи, какъ семилѣтіе послѣ февральской революціи и восьмидесятые годы, не мирилось съ цензурнымъ запретомъ, лежавшимъ на сочиненіяхъ Герцена. Борьба общества съ правительствомъ вокругъ имени Герцена начинается еще въ сороковыхъ годахъ, когда попечитель московскаго учебнаго округа гр. Строгановъ находилъ, что статьи Искандера «развращаютъ студентовъ», а сами студенты «гурьбою ходили въ кондитерскія» читать эти статьи, не смотря на ихъ вынужденную «темноту». Послѣ февральской революціи «Отечественныя Записки» со статьями Герцена скупались, конфисковались и подвергались сожженію, а студенты вырывали эти статьи изъ старыхъ книжекъ и переплетали въ особые сборники. Когда Герценъ вырвался изъ рукъ николаевской полиціи и цензуры, и за границей раздалась его смѣлая, свободная рѣчь, полная негодованія и проклятій по адресу офиціальной Россіи,—послѣдовалъ цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій, направленныхъ противъ заграничныхъ изданій и сочиненій писателя, котораго имп. Николай называлъ «измѣнникомъ» и «мошенникомъ». Уже въ 1853 году, «по случаю учрежденія въ Лондонѣ изгнанникомъ Герценомъ русской типографіи», министръ народнаго просвѣщенія Норовъ предписалъ вѣдомству иностранной цензуры обращать строжайшее вниманіе на всѣ безъ изъятія русскія книги и листы, привозимыя изъ-за границы. Подобныя же распоряженія даются министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ въ 1855 году, когда стала выходить «Полярная Звѣзда», и въ 1857 году, когда изъ Лондона на всю Россію сталъ раздаваться могучій набатъ «Колокола». Врагъ въ лицѣ Герцена казался столь сильнымъ и опаснымъ, что мобилизація цензуры и полиціи оказалась недостаточной. На помощь была призвана

дипломатія, и канцлеру Горчакову удалось добиться запрещенія «Колокола» и «Полярной Звѣзды» въ Пруссіи, Саксоніи и даже вольномъ городѣ Франкфуртѣ («Очерки» Лемке, сс. 294 и 327).

Но безцензурная рѣчь Герцена разбивала всѣ преграды и проникала въ Россію даже при императорѣ Николаѣ, а послѣ его смерти лондонскія изданія широкимъ потокомъ разлились по всей странѣ, воспрянувшей подъ громъ севастопольской канонады отъ тяжелаго тридцатилѣтняго сна. Особенной распространенностью и популярностью пользовался «Колоколъ» въ періодъ 1857—1862 годовъ, когда онъ читался повсемѣстно, отъ императорскихъ и великокняжескихъ дворцовъ до каморки гимназиста въ глухой провинціи. Не даромъ Никитенко въ офиціальномъ докладѣ 1861 года заявилъ, что «настоящее молодое поколѣніе большею частію воспитывается на идеяхъ «Колокола», «Современника» и... «Русскаго Слова». Не даромъ и Коля Красоткинъ, изображенный Достоевскимъ въ романѣ «Братья Карамазовы», читаетъ «Колоколъ» и настолько пропитался герценовскимъ духомъ, что ненавидитъ свое имя, потому что къ этому имени Герценъ относился съ глубочайшей ненавистью.

«Таинственными путями, часто неизвѣстными и самому Герцену, «Колоколъ» проникалъ въ самые отдаленные уголки Россіи, и тѣми же таинственными путями стали получаться въ Лондонѣ достовѣрныя, нерѣдко документальныя данныя о состояніи Россіи, о настроеніи русскаго общества и о намѣреніяхъ правительства. Въ Россіи съ нетерпѣніемъ ждали выхода каждаго новаго листка «Колокола», платили за него иногда огромныя деньги и жадно поглощали каждое слово; разоблаченія «Колокола» были предметомъ оживленныхъ бесѣдъ и грозою всѣхъ тѣхъ администраторовъ и общественныхъ дѣятелей, поведеніе которыхъ вызывало суровое осужденіе лондонскихъ публицистовъ. «Колоколъ» неутомимо звонилъ обо всѣхъ недостойныхъ продѣлкахъ, обманахъ, подкупахъ, взяточничествѣ,—звонилъ на всю Россію, и отъ этого звона старались бѣжать какъ можно дальше и прятаться въ недосягаемыя норы даже и такіе люди, которые еще недавно ничего не стыдились... Многіе въ то время смотрѣли на «Колоколъ», какъ на своего рода высшій трибуналъ, какъ на послѣднее прибѣжище, куда можно было принести жалобу или заявить о несправедливости» («Минувшій вѣкъ» Морозова, сс. 502, 505). Послѣ смерти грознаго императора Николая, передъ которымъ трепетала вся Россія, по словамъ кн. Мещерскаго, «явился новый страхъ—Герценъ; явилась новая служебная совѣсть—Герценъ; явился новый идолъ—Герценъ... Все сосредоточилось въ Герценѣ... Герценъ основалъ эпоху обличенія... Во всѣхъ министерствахъ забили тревогу; вездѣ явились корреспонденты Герцена изъ министерства; то были столоначальники и начальники отдѣленій; вслѣдствіе этого всѣ начальства до министра включительно—съ одной стороны трепетно и злобно доискивались: кто ихъ Іуда, а

съ другой стороны — жили въ нервномъ страхѣ Герцена, ибо знали, что Герценъ имѣетъ читателей въ зимнемъ дворцѣ... Доходило до того, что, право, безъ преувеличенія можно сказать—въ иныхъ сферахъ и кружкахъ Герцена боялись болѣе, чѣмъ правительства» («Мои воспоминанія», I, 67—71).

Существуетъ много частью анекдотическихъ, частью достовѣрныхъ разсказовъ о томъ страхѣ и ужасѣ, который наводилъ Герценъ на русскую бюрократію, не знавшую при Николаѣ никакихъ границъ своему произволу и самовластію. Извѣстно, что Щепкинъ добился справедливости у директора театровъ Гедеонова только угрозой передать дѣло «Колоколу». Одному министру приписываютъ такой отвѣтъ на жалобу просителя: «Дѣлайте, что хотите, — хоть государю жалуйтесь, хоть даже въ «Колоколъ» пишете—мнѣ все равно!» Про одного николаевскаго служаку говорятъ, что онъ умеръ отъ страха, увидавши свое имя въ «Колоколѣ». Передаютъ, какъ фактъ, что нѣкоторые номера «Колокола» перепечатывались въ Петербургѣ, чтобы скрыть отъ Александра II беззаконія его министровъ. «Наши потомки—писала одна газета въ 1870 г. — съ трудомъ поймутъ, какой ужасъ наводило на иныхъ господъ извѣстіе, что они попали въ газету Герцена».

Въ настоящее время едва ли кто можетъ сомнѣваться въ той громадной пользѣ, которую приносилъ страхъ, наводимый «Колоколомъ» на русскую самодержавную бюрократію. Сознавали эту пользу и многіе современники, даже такіе умѣренные люди, какъ Никитенко, цензорскія уши котораго не выносили только свободы и рѣзкости герценовскихъ выраженій. Сознавали также и пользу выставленной «Колоколомъ» положительной программы, которая на первыхъ порахъ совпадала съ желаніями лучшихъ русскихъ людей того времени и даже самого правительства *). Недаромъ газета Герцена съ дозволенія Александра II доставлялась въ редакціонную коммиссію, вырабатывавшую положеніе 19-го февраля 1861 года, не только къ свѣдѣнію, что пишутъ о крестьянскомъ вопросѣ заграницей, но и къ руководству для «исправленія и усовершенствованія проекта положеній». И это въ то время, когда имя Герцена, повторяемое на всемъ пространствѣ Россіи, было изгнано изъ русской подцензурной печати, когда даже обличать и ругать его можно было только при помощи заграничнаго печатнаго станка.

Русское общество не только читало лондонскія изданія, не только содѣйствовало провозу ихъ черезъ границу даже въ видѣ казеннаго груза, не только доставляло Герцену матеріалы для его обличеній,— то же самое общество въ лицѣ отдѣльныхъ представителей пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы посѣтить знаменитаго эми-

*) Александру II приписываютъ слова: „Герценъ часто даетъ намъ дѣльныя мысли“.

гранта въ Лондонѣ и высказать ему чувства самаго глубокаго уваженія. Кто только не совершалъ паломничества въ лондонское изгнаніе Герцена! Московскіе друзья и враги Герцена, величайшіе писатели и выдающіеся ученые, убѣленные сѣдинами декабристы и молодые съ едва пробивавшимся пухомъ эмигранты, либеральничающіе офицерики и жуирущіе купчики, атаманъ некрасовцевъ и старообрядческій архіерей и т. д. и т. д. Достаточно назвать Льва Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Писемскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Кавелина, Ив. Аксакова, Иванова, Щепкина, В. и С. Боткиныхъ, Пыпина, кн. Волконскаго (декабриста), Пыпина, Чичерина, кн. Черкасскаго, Шелгунова и Каткова, чтобы видѣть, какія знаменитости ѣздили въ Англію, большею частью, на поклоненіе Герцену. А какія страстныя посланія и признанія въ любви и уваженіи пересылались Герцену изъ Россіи! Самъ Громека, служившій раньше въ жандармеріи, а въ 1861 году сдѣлавшійся начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, писалъ Герцену такія строки: «Утѣшительно думать, что у насъ въ Лондонѣ свой король есть. И когда бы вы знали, какъ боятся этого короля... У насъ одна только надежда—на васъ... Если бы вы были среди насъ—вы были бы русскимъ Гарибальди... А на правительство надежды нѣтъ никакой: оно окончательно свихнуло съ ума».

Конечно, подобныя посланія и паломничества въ Лондонѣ не оставались тайной для III Отдѣленія, но правительство смотрѣло на нихъ сквозь пальцы и даже не прочь было привлечь Герцена на государственную службу. Самъ министръ юстиціи Панинъ, по свидѣтельству Пятковскаго, находилъ, что «критическій умъ Герцена могъ бы принести большую пользу въ кругу обязанностей статсъ-секретаря государственнаго совѣта при докладѣ и обсужденіи различныхъ министерскихъ проектовъ». Только послѣ освобожденія крестьянъ, когда въ воздухѣ повѣяло холодомъ реакціи, измѣнилось и отношеніе къ Герцену. Сначала думали было образумить его инспирированными брошюрами Шедо-Ферроти, приглашавшими понизить рѣзкій и оскорбительный тонъ «Колокола» по отношенію къ высокопоставленнымъ лицамъ и помочь правительству въ его преобразовательной дѣятельности. Затѣмъ, когда никакія заигрыванія не удались, съ имени Герцена былъ снятъ цензурный запретъ, и на него набросились Катковъ и подобные ему литературные бульдоги со всѣмъ арсеналомъ присущихъ имъ крѣпкихъ словечекъ въ такомъ родѣ: «выболтавшійся острословъ», «бѣглый апостолъ революціи», «недоносокъ на всѣхъ поприщахъ», «бойкій острякъ и кривляка», «жалкій ломака», «старая блудница», «бездушный фразеръ» и т. д. Когда же «С.-Петербургскія Вѣдомости» осмѣлились въ 1863 году привести слова Шедо-Ферроти, гдѣ Герценъ названъ «честнѣйшимъ человѣкомъ», цензоръ, пропустившій подобное выраженіе безъ оговорки со стороны редакціи, получилъ выговоръ (См. «Эпоху цензурныхъ реформъ» Лемке). Нельзя было называть Гер-

цена честнымъ человѣкомъ, нельзя стало и входить съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, личныя и письменныя. Въ 1862 году сыновья гр. Ростовцева, несмотря на заслуги отца и флигель-адъютантскіе аксельбанты, были исключены изъ службы за посѣщеніе Герцена. Близкія сношенія съ Герценомъ доставили массу всякаго рода непріятностей и Тургеневу: его даже вызывали въ Петербургъ и допрашивали въ сенатѣ. Посѣтители Герцена, замѣченные русскими шпіонами, при возвращеніи въ Россію стали подвергаться обыскамъ и арестамъ.

Какъ разъ въ это время правительственнаго и журнальнаго похода на Герцена его популярность среди русскаго общества сильно падаетъ. По свидѣтельству самого издателя, къ концу 1863 года расходъ «Колокола» съ 2500—3000 сошелъ на 500 и ни разу не подымался далѣе 1000 экземпляровъ». Но главными причинами, вызвавшими такое паденіе популярности лондонскаго «короля», были не репрессивныя мѣры правительства и не ругань Каткова съ братіей, а реакція въ самомъ обществѣ и рѣзкая перемѣна въ духѣ и направленіи «Колокола». Пожары 1862 года и прокламаціи, призывавшія къ поджогамъ, грабежамъ и убійствамъ, страшно запугали общество. А такъ какъ «Колоколъ» въ это время, подъ вліяніемъ Огарева и особенно Бакунина, сталъ все болѣе и болѣе принимать соціалистическій и даже анархическій характеръ, то естественно могла возникнуть мысль о солидарности Герцена съ составителями революціонныхъ прокламацій. Неудачное вмѣшательство «Колокола» въ польскій вопросъ окончательно подорвало популярность Герцена въ Россіи, и онъ самъ скоро замѣтилъ сдѣланную ошибку и сильно жалѣлъ о своей «уступчивости съ ропотомъ», о своей «слабости съ мятежомъ и протестомъ». «Сколькими несчастіями—писалъ онъ впослѣдствіи—было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если-бъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя... Причиной быстрой сговорчивости былъ ложный стыдъ, а иногда и лучшія побужденія любви, дружбы, снисхожденія; но почему же все это побѣждало логику?» (III, 494). Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ «Колоколъ», по выраженію Герцена, умеръ, какъ Клейнмихель, никѣмъ не оплаканъ. «Начиная съ 1865 года—говоритъ Страховъ—листокъ «Колокола» былъ величайшею рѣдкостью въ самомъ Петербургѣ, потому что никто имъ не интересовался, никто не находилъ не только важнымъ, а даже любопытнымъ взглянуть, что думаетъ и пишетъ Герценъ. Трудно найти примѣръ болѣе быстраго и глубокаго паденія. Если бы въ 1866, 1867 годахъ «Колоколъ» свободно продавался въ Россіи, то его навѣрное покупали бы очень немногіе, и то какъ курьезъ, какъ явленіе, не имѣющее никакого смысла, никакого отношенія къ дѣйствительности».

Авторитетъ Герцена палъ не только въ глазахъ правительства и

общества, но и среди радикальной молодежи, которая стала находить его отсталымъ и своей назойливостью отравляла ему существованіе за границей. Достаточно прочесть статью «Общій фондъ», чтобы видѣть, какія непріязненныя чувства возбуждали въ Герценѣ тѣ лица, которыхъ онъ называлъ «Дантистами нигилизма». А въ интимныхъ письмахъ къ Огареву, щедрый на рѣзкія словечки по адресу кого бы то ни было, Герценъ не щадилъ такихъ выраженій, какъ «бездарные прыщи самолюбія, гной, сопровождающій благодѣтельную горячку 1856—1862 годовъ, кантонисты революціи, сдѣлавшіе себя генералами», «революціонный сифилисъ», «милые щенята псевдонигилизма», «бездарная пѣна», «гниль на корню», «тухлая грязь», «шайка негодяевъ» и т. д. и т. д. Противная сторона, конечно, не оставалась въ долгу, она язвила Герцена и словесно, и печатно и даже грозила отъ слова перейти къ дѣлу.

Всѣ эти обстоятельства имѣли своимъ послѣдствіемъ тотъ фактъ, что во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ имя Герцена уже перестало быть пугаломъ, такъ что возможно было не только появленіе его писемъ въ русскихъ газетахъ за полной подписью, но и второе изданіе романа «Кто виноватъ?»—не говоря уже о фельетонахъ «Скуки ради», напечатанныхъ въ газетѣ «Недѣля» подъ псевдонимомъ Ніонскаго. На сношенія съ Герценомъ опять стали смотрѣть снисходительно, и Погодинъ могъ даже напечатать въ газетѣ «Русскій» 1867 года разсказъ о встрѣчѣ за границей съ издателемъ «Колокола». Правда, враги Герцена не дремали и, не довольствуясь прежними обвиненіями въ развращеніи молодого поколѣнія, взвели на него новыя клеветы въ родѣ «гнусной легенды» о связи его съ тульчинскимъ агентствомъ поджигателей. Но зато нашлись у знаменитаго эмигранта и друзья которые вновь подняли вопросъ о возвращеніи его на родину, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ страстно желалъ вернуться въ Россію. Такъ, Погодинъ въ 1865 году предлагалъ Герцену написать исторію Европы послѣ французской революціи, посвятить книгу императору Александру II и такимъ путемъ добиться возвращенія на родину. «Вѣрьте—писалъ онъ Герцену—искренности моихъ желаній: видѣть васъ протрезвившимся, покаявшимся... очистившимся и омывшимся въ банѣ паки бытія, возвращеннымъ русской словесности и европейской наукѣ, получившимъ всемилостивѣйшее прощеніе и водвореннымъ на мѣсто жительства въ сосѣдней съ Москвою губерніи, пока мѣстная полиція аттестатомъ о добропорядочномъ поведеніи не облегчитъ для васъ переселеніе въ Москву, чтобы умереть спокойно, между своими, тамъ, гдѣ родились, а не между небомъ и землей, на чужбинѣ, гдѣ вы теперь бобылемъ и пролетаріемъ тревожно скитаетесь» («Заря» 1870 г. № 2).

Свое бобыльство и свою безпріютность въ Европѣ Герценъ сознавалъ очень хорошо, но возвратиться на родину такимъ путемъ,

какой предлагалъ Погодинъ, то-есть черезъ полицейскій надзоръ, да еще съ Соловками въ перспективѣ, онъ, конечно, не могъ. Вопросъ о возвращеніи Герцена, однако, поднимался не разъ. Въ 1869 году его осыпали вопросами, правда ли, что онъ вмѣстѣ съ Огаревымъ возвращается въ Россію. Въ этихъ слухахъ Герценъ готовъ былъ видѣть даже офиціозные намеки и находилъ, что «честно возвратиться» домой лучше, чѣмъ переселяться въ Брюссель. Даже наканунѣ смерти Герценъ говорилъ окружающимъ: «отчего бы не ѣхать намъ въ Россію?» Но тогдашняя Россія была недостойна пріютить одного изъ самыхъ свободомыслящихъ своихъ сыновъ.

Смерть Герцена вызвала цѣлый рядъ газетныхъ и журнальныхъ некрологовъ, которые не умолчали, что въ послѣдніе годы своей жизни великій покойникъ утратилъ «всякое вліяніе на русское общество», и не поскупились на указанія его дѣйствительныхъ и мнимыхъ недостатковъ. Но не были забыты и выдающіяся заслуги Герцена, хотя онѣ и не могли быть указаны ясно и опредѣленно. «С.-Петербургскія Вѣдомости», самая либеральная изъ тогдашнихъ русскихъ газетъ, могла напечатать только такія строки: «Герценъ стоитъ на ряду съ наиболѣе выдающимися представителями литературы своего времени. Вмѣстѣ съ Гоголемъ, Бѣлинскимъ, Грановскимъ, Тургеневымъ, онъ былъ въ литературѣ главнѣйшимъ выразителемъ широкаго плодотворнаго умственнаго движенія, подготовившаго общество ко многимъ преобразованіямъ нашего времени. По силѣ и величинѣ своего дарованія, по обширности образованія, научнаго и художественнаго, по энергіи и глубинѣ мысли, Герценъ представляетъ выдающееся явленіе». Въ такомъ же духѣ и тонѣ былъ написанъ и длинный некрологъ «Вѣстника Европы», гдѣ отмѣчались также «необыкновенный талантъ и нравственныя достоинства» покойнаго писателя. Даже враждебныя Герцену изданія и лица нашли у него достойное похвалы и сочувствія. Такъ, крѣпостническая «Вѣсть» заявила, что, «какъ художникъ и замѣчательный беллетристъ, онъ (Герценъ) возвратится на родину, чтобы занять здѣсь свое настоящее видное мѣсто въ исторіи нашей литературы». Даже Гиляровъ-Платоновъ призналъ, что Герценъ «принесъ свою долю пользы, хотя косвенно: своею судьбою доказалъ на дѣлѣ всю благотворность свободной печати, всю опасность отъ ея принужденнаго молчанія»*).

Даже старикъ Погодинъ, неоднократно осмѣянный Герценомъ, счелъ возможнымъ печатно заговорить о своей любви къ человѣку, котораго онъ когда-то считалъ «наилютѣйшимъ» изъ своихъ литературныхъ враговъ. «Скажу откровенно—писалъ Погодинъ о Герценѣ въ «Зарѣ»—что при всемъ безусловномъ осужденіи его теорій, соці-

*) Газетныя цитаты взяты изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1870 г., № 2 изъ хроники „Наши общественныя дѣла“.

альныхъ и религіозныхъ, при всемъ живѣйшемъ отвращеніи отъ его личныхъ выходокъ, у меня все-таки лежало къ нему сердце: мнѣ чуялось, что онъ любитъ отечество искренно и желаетъ искренно добра ему». «Герцена—говоритъ Погодинъ дальше—при началѣ его литературнаго поприща... я почти презиралъ... Много лѣтъ спустя, мнѣ попались за границей новыя его сочиненія, тамъ напечатанныя, и Герценъ выросъ въ моихъ глазахъ: я увидѣлъ въ немъ талантъ, силу, оригинальность, умъ... Мое возврѣніе на Герцена измѣнилось».

За газетными и журнальными некрологами послѣдовали и болѣе крупныя статьи, имѣвшія цѣлью разсмотрѣть и оцѣнить Герцена, насколько это было возможно при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ крупныя статьи г. Скабичевскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Три человѣка сороковыхъ годовъ») и Страхова въ «Зарѣ», до сихъ поръ находящія значительный кругъ читателей. Эти статьи, особенно вмѣстѣ взятыя, впервые болѣе или менѣе подробно познакомили русскаго читателя съ жизнью и литературною дѣятельностью Герцена въ Россіи и за границей. Эти же самыя статьи положили начало и непрекратившемуся до сихъ поръ спору о томъ, къ какому лагерю принадлежалъ Герценъ въ послѣдніе годы своей жизни, къ западникамъ или славянофиламъ. По мнѣнію Страхова, въ лицѣ Герцена «*отчаявшійся западникъ* превратился въ *нигилистическаго славянофила*, а во многихъ отношеніяхъ оказался истинно *русскимъ человѣкомъ*» (курсивъ Страхова). По болѣе справедливому мнѣнію г. Скабичевскаго, «Герценъ сходился съ славянофилами только въ томъ, что Европа гніетъ и будущее принадлежитъ Россіи, но за этими общими основаніями Герценъ и славянофилы расходились совершенно въ двѣ противоположныя стороны», не только въ религіозныхъ, но и въ политическихъ взглядахъ. Статьи г. Скабичевскаго и Страхова заслуживаютъ также вниманія и какъ однѣ изъ первыхъ попытокъ реабилитировать Герцена въ глазахъ русскаго общества, снять съ него или, по крайней мѣрѣ, ослабить распространенное его врагами обвиненіе «въ растлѣніи цѣлаго поколѣнія». И въ этой общей тенденціи названные писатели, при всемъ различіи ихъ основныхъ воззрѣній, оказались почти солидарными. Страховъ видѣлъ главную задачу и заслугу Герцена въ борьбѣ съ европейскими понятіями, при чемъ спеціальной задачей Герцена онъ считалъ «борьбу съ революціонными идеями». И г. Скабичевскій указывалъ, что представленіе о Герценѣ, какъ о революціонерѣ, составилось тогда, когда «онъ высказывалъ самыя умѣренныя убѣжденія» и осмѣивалъ составителей революціонныхъ и анархическихъ прокламацій.

Послѣ смерти Герцена сдѣланы были и попытки къ изданію его сочиненій въ Россіи. Одна такая попытка удалась—это анонимный сборникъ «Раздумье», куда вошла большая часть журнальныхъ статей Герцена, напечатанныхъ въ Россіи. Но зато третье изданіе романа

«Кто виноватъ?» (Спб. 1871) не было допущено къ продажѣ. Что касается собранія сочиненій Герцена, то оно могло появиться только въ заграничномъ (неполномъ) изданіи, вышедшемъ въ Женевѣ въ теченіе семидесятыхъ годовъ. Но изданіе это было доступно очень не многимъ, и громадному большинству читателей приходилось знакомиться съ заграничнымъ Герценомъ только по отдѣльнымъ цитатамъ. Въ этомъ отношеніи особенную услугу на первыхъ порахъ оказала упомянутая статья Страхова, вошедшая въ первый томъ сборника «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ». Не маловажное значеніе для ознакомленія русскаго читателя съ жизнью Герцена имѣли и воспоминанія его кузины Татьяны Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ», печатавшіяся въ «Русской Старинѣ» въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ и составившія въ отдѣльномъ изданіи три тома. Тутъ мы находимъ и пересказъ «Былого и думъ» своими словами, и перепечатку журнальныхъ статей Герцена, и нѣкоторыя юношескія его произведенія, и многія его письма, написанныя въ Россіи и за границей. Если къ статьямъ г. Скабичевскаго и Страхова и къ воспоминаніямъ Пассекъ прибавить еще книгу Пыпина о Бѣлинскомъ, то будутъ указаны всѣ существенные вклады въ русскую литературу о Герценѣ за періодъ семидесятыхъ годовъ. Вклады эти не могли быть особенно многочисленными и важными уже въ силу того обстоятельства, что даже имя Герцена не всегда можно было печатать полностью. Такъ, напримѣръ, «Вѣстникъ Европы» при жизни императора Александра II не рѣшался печатать это имя полностью въ статьяхъ Пыпина и Анненкова.

Слѣдующее десятилѣтіе дало еще меньше вкладовъ въ литературу о Герценѣ. Кромѣ окончанія воспоминаній Пассекъ, кромѣ цѣнныхъ статей Анненкова: «Замѣчательное десятилѣтіе» и «Идеалисты тридцатыхъ годовъ», можно указать только кое-какіе юношескіе опыты Герцена, кое-какія воспоминанія и статьи о немъ, кое-какія его письма. Больше всего въ литературѣ восьмидесятыхъ годовъ говорится о Герценѣ до эмиграціи, о заграничной же его жизни и дѣятельности можно было говорить почти исключительно въ такихъ изданіяхъ, какъ спеціальная «Русская Старина» и благонамѣренный «Русскій Вѣстникъ». Изъ книгъ, вышедшихъ въ восьмидесятыхъ годахъ, особеннаго вниманія, съ интересующей насъ точки зрѣнія, заслуживаетъ только второй томъ сочиненія В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ», гдѣ подробно говорится объ отношеніи Герцена къ крѣпостному праву.

Несравненно богаче литература о Герценѣ въ періодъ девяностыхъ годовъ, особенно за вторую половину этого десятилѣтія. Тутъ можно указать воспоминанія Тучковой-Огаревой, Бѣлоголового и Пятковскаго, обширнѣйшую переписку Герцена съ невѣстой, статьи Некрасовой, Милюкова, Вѣтринскаго и др., книжку г. Смирнова въ біогра-

фической библіотекѣ Павленкова, наконецъ, книги г. Барсукова о Погодинѣ, г. Вѣтринскаго о Грановскомъ, Е. Соловьева о Бѣлинскомъ съ многочисленными и обширными цитатами изъ сочиненій Герцена. Сюда еще нужно присоединить цѣлый рядъ статей, посвященныхъ Герцену по случаю тридцатилѣтія со дня его смерти. Всѣ эти статьи 1900 года съ большею, чѣмъ когда бы то ни было прежде, свободой отмѣтили выдающіяся достоинства и заслуги Герцена и его огромное культурное значеніе для Россіи въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ. «Тонкій знатокъ человѣческой психологіи, Герценъ—по словамъ П. Н. Милюкова («Міръ Божій» 1900 г., № 2), въ то же время врагъ всякаго оппортюнизма, врагъ компромиссовъ и временныхъ рѣшеній. Онъ видѣлъ далеко—и еще дальше ставилъ цѣль, достойную своей дѣятельности. Вотъ почему жизнь съ ея черепашьимъ ходомъ долго не исчерпаетъ его критики и не оставитъ позади его идеаловъ».

По мнѣнію г. Горнфельда («Русское Богатство» 1900 г.. № 1), даже въ журнальныхъ статьяхъ Герцена, написанныхъ до эмиграціи, «все также свѣжо и нетлѣнно, все также дышитъ безсмертіемъ». Обширная статья г. Богучарскаго въ «Научномъ Обозрѣніи» заканчивается такими словами: «Страстная отзывчивость на явленія жизни, глубокая вѣра въ мощь науки и чисто-рыцарское служеніе ея истинамъ составляютъ существеннѣйшія черты духовной физіономіи Герцена. Прибавьте сюда изъ ряда вонъ выходящій литературный талантъ, и вы получите ту ослѣпительно яркую личность, имя которой—Александъ Ивановичъ Герценъ. И имя это будетъ славно на Руси въ роды и роды!». По словамъ г. Морозова въ «Образованіи», «теперь, когда уже не осталось мѣста личному раздраженію и полемическимъ преувеличеніямъ, все ярче и ярче выдѣляется то «вѣчное», чѣмъ такъ привлекала и еще долго будетъ привлекать къ себѣ личность Герцена, какъ одного изъ лучшихъ русскихъ писателей, какъ благороднаго борца за независимость мысли, за правду и человѣческое достоинство».

Въ газетахъ также были посвящены Герцену восторженныя статьи. Вотъ что писалъ, напримѣръ, г. Амфитеатровъ въ покойной «Россіи» о Герценѣ: «Онъ указалъ мнѣ новыя цѣли, новыя свѣтлыя точки, ради которыхъ стоитъ еще съ людьми жить и людское творить. Онъ указалъ мнѣ, гдѣ грѣхъ и гдѣ раскаяніе. Онъ научилъ меня не страшиться прошлаго и вѣрить въ будущее. Я люблю его, какъ полубога» (Цитата изъ статьи П. Н. Милюкова).

Нисколько неудивительно, что за подобными отзывами слѣдовали горячія пожеланія, чтобы сочиненія Герцена, хотя бы съ цензурными урѣзками, сдѣлались, наконецъ, доступными обширнымъ кругамъ русскаго общества. Даже «Новое Время» устами г. Перцова заявило, что «держать подъ запретомъ мысль Герцена... это въ настоящее

время одно изъ самыхъ странныхъ недоразумѣній въ области русской цензуры». Выражалась даже надежда, что и прахъ Герцена когда-нибудь будетъ перевезенъ изъ Ниццы въ Россію и его новая могила сдѣлается «народной святыней». Высказывалось, наконецъ, пожеланіе, чтобы появилась «настоящая серьезная книга о Герценѣ», такъ какъ его очень мало знаютъ и съ его именемъ связываютъ всевозможные жупелы и самыя ошибочныя представленія. Такой книги до сихъ поръ не появлялось, да при существовавшихъ условіяхъ и не могло появиться; но зато послѣ 1900 года вышелъ цѣлый рядъ сборниковъ, куда, между прочимъ, вошли прежнія статьи о Герценѣ, и цѣлый рядъ новыхъ статей съ обширными выписками изъ заграничныхъ изданій Герцена. Таковы книги и статьи гг. Милюкова, Богучарскаго, Батуринскаго, С. Булгакова, Морозова, покойнаго Пятковскаго и мн. др.

Въ то время, когда авторы отдѣльныхъ статей и такихъ компилятивныхъ книгъ, какъ «Жизнь и труды Погодина», «Герценъ и его друзья», перепечатывали изъ заграничнаго изданія сочиненій Герцена и даже изъ «Колокола» цѣлыя страницы, покойный Павленковъ, а потомъ его душеприказчики вели съ цензурнымъ вѣдомствомъ упорную борьбу, имѣвшую цѣлью дать русскому читателю хотя бы очищенное изданіе сочиненій знаменитаго публициста. Борьба эта началась еще въ 1894 году, когда Павленковъ пріобрѣлъ у наслѣдниковъ Герцена право на изданіе его сочиненій, и продолжалась болѣе десяти лѣтъ. Въ 1900 году получено было даже Высочайшее разрѣшеніе на это изданіе подъ отвѣтственностью главнаго управленія по дѣламъ печати. Но главное цензурное вѣдомство нашло возможнымъ исполнить волю самодержавнаго монарха только въ концѣ 1904 года, когда побиваемая Японіей бюрократическая Россія трещала по всѣмъ швамъ. Вырванныя наконецъ изъ желѣзныхъ рукавицъ цензуры, сочиненія Герцена были напечатаны и поступили въ продажу, но въ такомъ ужасномъ видѣ, который можетъ вызвать только самое глубокое негодованіе. Въ этомъ изданіи сдѣланы цѣлыя сотни, если не тысячи, крупныхъ и мелкихъ пропусковъ: пропущены отдѣльныя слова, пропущены цѣлыя предложенія, цѣлые отрывки, цѣлыя главы, цѣлыя статьи и брошюры. Такъ, напримѣръ, въ новомъ изданіи нѣтъ большей части статей «Колокола», нѣтъ брошюры «Франція или Англія?» нѣтъ книги «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи», нѣтъ рѣчей Герцена и предисловій къ изданнымъ имъ книгамъ. Конечно, никто и не ожидалъ до 17 октября полнаго собранія сочиненій такого писателя, который не умѣлъ щадить ненавистныхъ ему лицъ и ненавистные ему принципы и особенно былъ безпощаденъ къ русскимъ самодержцамъ и къ самому принципу неограниченной монархіи. Но въ новомъ изданіи исключены самыя невинныя вещи, относительно которыхъ можно только развести руками и при видѣ которыхъ можно только подивиться

тому страху, какой наводилъ Герценъ на русскую цензуру. Возьмемъ, напримѣръ, «Дневникъ» Герцена, веденный имъ въ Россіи, при постоянномъ опасеніи, что онъ попадется въ руки тайной полиціи. Казалось бы, тутъ нецензурнаго почти ничего не можетъ быть, а между тѣмъ пропусковъ сдѣлано много. Подъ 20 мая 1842 г. пропущена фраза: «двоихъ дѣтей я ужъ лишился по милости гоненій». Подъ 3 февраля 1844 г. пропущена замѣтка о шпіонствѣ Греча въ Парижѣ. Подъ 30 марта того же года отсутствуетъ фраза: «времена Бирона и безумныхъ мѣръ Павла очію совершаются». Подъ 3 апрѣля пропущены анекдоты о Петрѣ Великомъ. Пропущена вся запись подъ 10 апрѣля о бунтѣ тамбовскихъ крестьянъ. Въ длинной записи подъ 20 іюля нѣтъ словъ: «византійская церковь скромно легла у подножія трона». Подъ 27 декабря пропущены слова: «плетью гонятъ насъ къ просвѣщенію, плетью наказываютъ слишкомъ просвѣщенныхъ». Наконецъ, въ послѣдней записи Герцена подъ 29 октября 1845 г. отсутствуютъ такія строки: «На первомъ планѣ несчастная, бѣдная Польша, первый свободный шагъ долженъ состоять въ примиреніи, нѣтъ болѣе,—въ просьбѣ, чтобы она простила Россію за то, что сдѣлано ея руками, но волею одного человѣка. Мы потеряли уваженіе въ Европѣ, на русскихъ смотрятъ съ злобой, почти съ презрѣніемъ. Россія становится представительницей всего ретрограднаго».

Очень много пропусковъ такого же невиннаго характера и въ самомъ капитальномъ сочиненіи Герцена, въ его «Быломъ и думахъ». Такъ, въ главѣ VI умолчано, что императоръ Николай послѣ полежаевской исторіи возненавидѣлъ Московскій университетъ и называлъ его «разсадникомъ разврата». Тамъ же нѣтъ фразы: «Мы были увѣрены, что изъ этой аудиторіи выйдетъ та фаланга, которая пойдетъ за Пестелемъ и Рылѣевымъ». Пропущено также заявленіе Герцена: «Мы радовались каждому пораженію Дибича, не вѣрили неуспѣхамъ поляковъ, и я тотчасъ прибавилъ въ свой иконостасъ портретъ Ѳаддея Костюшки». Вообще, почти все, что говоритъ Герценъ объ императорѣ Николаѣ, о Польшѣ, о декабристахъ, подвергалось самому безжалостному изгнанію. Но было и еще много вопросовъ и предметовъ, взятыхъ подъ усиленную охрану цензуры. Такъ, въ главѣ XIII пропущено о еврейскихъ дѣтяхъ. Въ главѣ XVI нѣтъ отзыва объ архитектурномъ стилѣ Тона («пятиглавые судки съ луковками вмѣсто пробокъ на индо-византійскій манеръ»). Въ статьѣ «Н. Х. К.» оказалось невозможнымъ передать мнѣніе ректора Московскаго университета, Гейма, который послѣ учрежденія каѳедры богословія сказалъ: Es ist Ende mit der grossen Hochschule Ruthenias. Нельзя было также напечатать, что Кетчеръ «вмѣсто молитвы на сонъ грядущій читалъ рѣчи Марата и Робеспьера».

Еще больше пропусковъ въ другихъ произведеніяхъ Герцена, написанныхъ и изданныхъ за границей. Въ «Письмахъ изъ Франціи и

Италіи» нѣкоторыя главы сокращены почти на половину. Въ книгѣ «Съ того берега» пропущена вся послѣдняя глава, а въ предисловіи нѣтъ такихъ фразъ: «власть у насъ... свободнѣе, нежели въ Турціи, нежели въ Персіи, остается личный трудъ втиши или личный протестъ издали». «Эмиграція—первый признакъ приближающагося переворота» и др. Въ томъ же сочиненіи исключены такія фразы: «аристократія вообще болѣе или менѣе образованная антропофагія» (на стр. 203), «соціализмъ соотвѣтствуетъ назарейскому ученію въ Римѣ» (на стр. 219). Въ статьѣ «Русскій народъ и соціализмъ» на стр. 267 отсутствуетъ указаніе, что въ 1830 г. русская молодежь «всѣмъ сердцемъ сочувствовала полякамъ»; на стр. 271 пропущено указаніе, что «попы утратили всякое вліяніе вслѣдствіе жадности, пьянства и близкихъ сношеній съ полиціей»; на стр. 278 въ отзывѣ о картинѣ Брюлова нѣтъ словъ: «это вдохновеніе, навѣянное петербургской атмосферой». Въ предисловіи къ статьѣ «Крещеная собственность» исчезла фраза: «если ни правительство, ни помѣщики ничего не сдѣлаютъ—сдѣлаетъ топоръ». Въ той же статьѣ оказалось невозможнымъ напечатать, что русскій помѣщикъ «ограниченъ только однимъ топоромъ мужика». Въ сочиненіи «Старый міръ и Россія» пропущены слова, что наше отечество «управляется адъютантами, ординарцами, писарями и эстафетами». Въ третьемъ письмѣ «Къ старому товарищу» нѣтъ словъ: «съ консерватизмомъ народа труднѣе бороться, чѣмъ съ консерватизмомъ трона и амвона».

Страхъ къ свободной безцензурной рѣчи былъ такъ силенъ, что пропущенными оказались даже такія фразы и отрывки, которые уже давно извѣстны русскому читателю изъ статей и книгъ, гдѣ говорится о Герценѣ. Такъ, въ статьяхъ Страхова, написанныхъ въ годъ смерти Герцена, есть фразы, которыхъ нѣтъ въ новомъ изданіи. Въ сочиненіи г. Барсукова о Погодинѣ читатель также найдетъ слова Герцена, пропущенныя въ новомъ изданіи его сочиненій. Даже въ статьѣ г. Морозова нѣкоторыя цитаты полнѣе знакомятъ съ взглядами Герцена. А вѣдь эта статья была напечатана въ подцензурномъ журналѣ «Образованіе», да еще въ то время, когда этотъ журналъ допускался въ народныя читальни. Значитъ, полуграмотный посѣтитель народной читальни въ 1900 году могъ читать такія вещи, которыхъ нельзя было напечатать въ 1905 году! Развѣ это не возмутительно.

Чтобы показать, какъ варварски расправлялись съ Герценомъ, я позволю привести нѣсколько цитатъ изъ статьи «Юрьевъ день» по книгѣ В. И. Семевскаго, поставивъ въ скобки тѣ мѣста, которыхъ нѣтъ въ новомъ изданіи. «А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. (Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другого цѣпами и вилами, тамъ-то приказчика задушили бабы на полѣ, тамъ-то камергера высѣкли розгами и взяли съ него

подписку молчать). Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ, (они только не умѣютъ приняться сообща за дѣло)... И вы, и я, мы чувствуемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо. Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны (по царской милости или по милости пугачевщины).,. Спасите себя отъ крѣпостного права (и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить). Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго». И вся статья сокращена и изуродована такимъ же образомъ.

Лица, распоряжавшіяся текстомъ Герцена съ такимъ чисто-татарскимъ самоуправствомъ и произволомъ, не ограничились одними крупными и мелкими купюрами; они позволили себѣ уродовать и искажать отдѣльныя мысли Герцена! Гдѣ у Герцена глубоко сказано: «вѣра въ душѣ людской или частный фактъ или эпидемія», тамъ осталась куцая фраза: «вѣра въ душѣ людской частный фактъ» (V, 240). У Герцена сказано: «императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, *ему не удается ничего хорошаго*, и это, между прочимъ, оттого, что онъ вовсе не понимаетъ *ничего русскаго и* ничего гражданскаго»; въ новомъ изданіи слова, набранныя курсивомъ, пропущены (V, 291). Герценъ говоритъ, что «патологія и характеристика Екатерины, Павла и Александра—единственный ключъ къ пониманію русской исторіи новаго времени»; въ новомъ изданіи слово «патологія» отсутствуетъ (VI, 110).

Думаю, что приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ искалѣченномъ, отрепанномъ и общипанномъ видѣ возвратились въ Россію сочиненія Герцена. Но и въ такомъ жалкомъ видѣ Герценъ все-таки великъ, могучъ и страшенъ врагамъ свободы. Какъ древній русскій витязь являлся издали на выручку родины отъ враговъ, такъ явился и Герценъ изъ своего изгнанія въ самый рѣшительный моментъ освободительнаго движенія, чтобы навести ужасъ на сторонниковъ стараго режима и возбудить борцовъ за свободу къ новымъ усиліямъ.

Намъ могутъ замѣтить, что Герценъ не совсѣмъ надежный союзникъ въ современной борьбѣ, что нѣкоторыя его любимыя идеи и отдѣльные взгляды могутъ послужить даже орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто силится отстоять старое. Могутъ указать, что Герценъ черезчуръ разочарованъ въ западно-европейской буржуазной культурѣ, черезчуръ большія надежды возлагаетъ на русскую общину, черезчуръ увлекается старымъ, до-научнымъ, утопическимъ соціализмомъ и т. д. Могутъ указать также, что, по мнѣнію Герцена, «представительная система—хитро придуманное средство перегонять въ слова и безконечные споры общественные потребности и энергическую готовность дѣйствовать». Напомнятъ и скептическое отношеніе Герцена къ всеобщей подачѣ голосовъ, посредствомъ которой французы зарѣзали свою свободу при Наполеонѣ III. Найдутся, можетъ быть, и такіе политики,

которые въ своей проповѣди реванша по отношенію къ Японіи призовутъ на помощь и Герцена, потому-де, что онъ называлъ Тихій океанъ Средиземнымъ моремъ будущаго и говорилъ, что «Сибирь должна спуститься къ китайской границѣ». Еще вѣроятнѣе, что какой-нибудь рьяный юдофобъ сопричтетъ Герцена къ своему лику на томъ основаніи, что онъ часто употребляетъ слово «жидъ». Попытка въ подобномъ родѣ и была уже сдѣлана покойнымъ Пятковскимъ, который въ своихъ воспоминаніяхъ о Герценѣ подчеркиваетъ, что «въ числѣ его сотрудниковъ и близкихъ людей не было ни одного жида».

Вообще, едва ли кто рѣшится отрицать тотъ фактъ, что въ сочиненіяхъ Герцена найдется не мало мыслей и взглядовъ, которые могутъ смутить современнаго читателя. Но въ одномъ не можетъ быть никакого сомнѣнія — въ томъ, что въ лицѣ Герцена мы имѣемъ самаго злѣйшаго врага режима произвола и насилія и самаго пламеннаго борца за святыя права человѣка и гражданина. Онъ былъ рыцаремъ индивидуальной и политической свободы въ теченіе всей своей жизни, начиная съ того времени, когда «казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческій сонъ его души». Мальчикомъ еще онъ сталъ противъ тѣхъ, на чьей сторонѣ «картечь и побѣды», и заключилъ съ Огаревымъ вѣчный союзъ для борьбы за свободу. Юношей онъ вступилъ въ московскій университетъ «съ твердою цѣлью основать зерно общества по образу и подобію декабристовъ» и «проповѣдывалъ» въ аудиторіяхъ революцію, конституцію и республику, а «пуще всего.., ненависть ко всякому насилію, ко всякому произволу». Съ этимъ же произволомъ онъ боролся въ качествѣ чиновника и подцензурнаго писателя. Но орлиная мысль его и нравственное чувство не могли примириться ни съ канцелярскими, ни съ цензурными тисками николаевской Россіи. Герценъ спасается за границу и тамъ выступаетъ самымъ безпощаднымъ прокуроромъ по отношенію къ дореформенной Россіи и отдаетъ «подъ судъ общественнаго мнѣнія» всѣхъ вершителей ея судебъ, не щадя ни чина, ни положенія. Много пользы принесло Россіи свободное слово Герцена, многихъ перемѣнъ къ лучшему дождался онъ послѣ смерти императора Николая, но еще больше задачъ завѣщалъ онъ грядущимъ поколѣніямъ, оставивъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ евангеліе политической свободы. И долго еще на сочиненіяхъ Герцена будутъ воспитываться свободные граждане свободной Россіи. Нужно только, чтобы издатели сочиненій Герцена, погрѣшившіе излишней уступчивостью цензурнымъ аргусамъ, устыдились того варварства, которое учинено надъ мыслями великаго публициста, и дали русскому читателю, какъ можно скорѣе и безъ всякихъ урѣзокъ, новое изданіе «Былого и думъ», а также заграничныхъ книгъ, брошюръ и статей Герцена, не исключая статей «Колокола». Тогда только увидятъ и поймутъ, что такое Герценъ.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о примѣчаніяхъ, которыми

снабжено новое изданіе сочиненій Герцена. Тамъ мы находимъ библіографическія указанія, краткія свѣдѣнія объ упоминаемыхъ въ текстѣ лицахъ, раскрытіе иниціаловъ, разъясненіе отдѣльныхъ намековъ и т. п. Къ сожалѣнію, эти указанія не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными: въ нихъ очень много лишняго и рядомъ съ этимъ нѣтъ необходимаго. Непонятно, напримѣръ, почему относительно однихъ произведеній Герцена даны библіографическія примѣчанія, а относительно другихъ ничего не сказано. Даже относительно «Былого и думъ» нѣтъ библіографической справки. Правда, это произведеніе имѣетъ предисловіе самого Герцена. Но въ этомъ предисловіи нѣтъ указаній на первое, лондонское, изданіе мемуаровъ въ четырехъ томахъ. Не указаны также переводы «Былого и думъ» на иностранные языки. Подобныхъ указаній нѣтъ также относительно книги «Съ того берега» и цѣлаго ряда другихъ статей Герцена.

Гораздо щедрѣе новое изданіе на краткія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Герцена. Ограничиваясь двумя первыми буквами алфавита, можно указать словарныя свѣдѣнія о такихъ именахъ, какъ Агассисъ, Анахарсисъ, Аполлоній Тіанскій, Бабефъ, Базедовъ, Одилонъ Барро, Яковъ Бемъ, Бенкендорфъ, Беннигсенъ, Биша, Бланки, Блудовъ, В. Боткинъ, Буало, Буле, Бюхананъ и т. д. Неужели издатели предназначали сочиненія Герцена для такихъ читателей, которымъ надо объяснять, кто такой былъ Аполлоній Тіанскій, Базедовъ, даже Бенкендорфъ и Блудовъ? Для такихъ читателей несравненно было бы полезнѣе перевести на русскій языкъ многочисленныя слова и выраженія въ сочиненіяхъ Герцена на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Гораздо полезнѣе было бы также, если бы составитель примѣчаній оставилъ въ покоѣ имена, находящіяся въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ, и далъ бы свѣдѣнія о лицахъ менѣе извѣстныхъ, оставленныхъ безъ всякихъ указаній.

Далѣе, въ текстѣ сочиненій Герцена много иниціаловъ, которыми онъ обозначалъ живыхъ лицъ вслѣдствіе вполнѣ понятныхъ соображеній. Теперь слѣдовало бы эти иниціалы въ текстѣ вездѣ замѣнить полными фамиліями, а не отсылать читателя сплошь и рядомъ къ примѣчаніямъ въ концѣ книги, чтобы вмѣсто Б. прочитать Боткинъ или Бакунинъ, вмѣсто К.—Кетчеръ, вмѣсто С.—Сатинъ, вмѣсто Т.—Тургеневъ и т. д. Но и въ примѣчаніяхъ раскрыты далеко не всѣ иниціалы, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было бы очень легко сдѣлать. Такъ, въ XII главѣ «Былого и думъ» упоминаются Г. senior, Г. junior и начальникъ III Отдѣленія М. Дѣло, очевидно, идетъ о князьяхъ Голицыныхъ и Мордвиновѣ. «Т. жили въ томъ же домѣ» (III, 24)—это, безъ сомнѣнія, Тучковы. Министръ юстиціи П., упоминаемый на 139 стр. III тома,—это знаменитый Панинъ. Отставной гвардейскій офицеръ, упоминаемый въ статьѣ «Апогей и перигей»,—это Савичъ.

Юноша Б., о которомъ говорится въ статьѣ «Общій фондъ»,—это Бахметевъ. Генералъ Г., упоминаемый на 533 стр. III тома,—Гаугъ. «Т., извѣстный вѣнскій клубистъ и агитаторъ» (III, 327)—Таузенау и т. д.

Еще больше оставлено безъ разъясненія отдѣльныхъ намековъ и непонятныхъ для средняго читателя мѣстъ. Такъ, напримѣръ, на 243 стр. II тома упоминается «Консуэло», къ которой писала жена Герцена, но не указывается, что здѣсь идетъ рѣчь о Тучковой. На 320 стр. сказано: «я въ другой книгѣ говорилъ о развитіи Бѣлинскаго и объ его литературной дѣятельности», но не сдѣлано указанія, что эта книга—«О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи». На 334 стр. VI тома Герценъ спрашиваетъ: «какъ могли они подогрѣть обвиненія Елагина?» Къ этимъ словамъ слѣдовало бы сдѣлать указаніе на ругательную книжку цензора Елагина «Искандеръ-Герценъ», изданную въ 1859 г. въ Берлинѣ. Въ томъ же томѣ на стр. 353 говорится: «Какой-нибудь эксъ-ракъ «Библіотеки для чтенія», романистъ, аферистъ, драматистъ, ставитъ на сцену новую русскую жизнь съ подхалюзной точки зрѣнія подьячаго, не совсѣмъ вымывшаго руки отъ... канцелярскихъ чернилъ, дѣлаетъ шаржи на событія, отъ которыхъ еще до сихъ поръ льются слезы, и чертитъ силуэты какихъ-то дураковъ въ Лондонѣ, воображая, что это наши портреты» и т. д. Для несообразительнаго читателя слѣдовало бы къ этимъ строкамъ сдѣлать примѣчаніе, что тутъ имѣется въ виду Писемскій и его романъ «Взбаламученное море». Подобныя примѣчанія для читателей Герцена были бы несравненно полезнѣе, чѣмъ свѣдѣнія о томъ, что Шешковскій былъ начальникомъ тайной полиціи при Екатеринѣ II, что Максимъ Желѣзнякъ былъ предводителемъ гайдамаковъ, а Иванъ Гонта—«иниціаторомъ уманской рѣзни». Думаю, что читатели Герцена въ подобныхъ указаніяхъ не будутъ нуждаться.

С. Ашевскій.

КОСТЕНКО и ЯКИМОВЪ.

(Сцены изъ военнаго быта).

I.

Полученъ былъ приказъ готовиться къ смотру.

И съ самаго утра въ скучныхъ, сѣрыхъ казармахъ закипала напряженная работа, и непрерывно тянулась до самаго вечера, когда въ окна казармъ уже заглядывали ночныя, неуловимо-грустныя тѣни.

Командиры ротъ и фельдфебеля съ озабоченными лицами подсчитывали и приводили въ должный порядокъ имущество цейхгаузовъ; старые солдаты-мастера наскоро ремонтировали и подкрашивали полинявшую за зиму внѣшность казармъ; а унтеръ-офицеры были заняты подготовкой къ смотру молодыхъ солдатъ.

Смотра всѣ боялись, потому что начальникъ дивизіи былъ новый, и его еще не знали. Что главнымъ образомъ требуетъ онъ отъ офицера и солдата, какіе отдѣлы больше другихъ останавливаютъ на себѣ его вниманіе, строгъ онъ, или покладистъ,—офицеры не знали, и это мучило ихъ. И поэтому они съ утра до вечера находились теперь въ казармахъ, бѣгали, суетились и придирались то къ строевой службѣ солдатъ, то къ словесности, то къ состоянію хозяйства и имущества въ цейхгаузахъ и кухняхъ.

И чѣмъ ближе былъ день смотра, тѣмъ больше волновались они.

Волновался и штабсъ—капитанъ Левицкій, несмотря на то, что его вторая рота считалась въ полку образцовой, подтянутой.

Всегда первой выходила вторая рота на плацъ на ученіе и послѣдней возвращалась оттуда. Всегда раньше, чѣмъ въ другихъ ротахъ, начинался въ ней утренній осмотръ солдатъ и позже кончался. И всегда въ лагеряхъ, на задней линейкѣ этой роты, стоялъ подъ ружьемъ болѣе длинный рядъ наказанныхъ солдатъ, чѣмъ въ другихъ ротахъ.

И этотъ длинный рядъ людей, послѣ тяжелаго лѣтняго заня-

тія поставленный еще на два часа подъ ружье, былъ недвижимъ, какъ рядъ каменныхъ статуй. И, когда кто-нибудь изъ этихъ людей падалъ, съ него стаскивали амуницію, обливали холодной водой и укладывали въ тѣнистое мѣсто. А послѣ, когда онъ успѣвалъ уже отдохнуть и снова побывать на занятіи, его снова ставили подъ ружье... чтобы *достоять* назначенное ему наказаніе—два часа.

И, когда въ кружкѣ офицеровъ полковой адъютантъ поручикъ Чижъ намекнулъ однажды въ шутливой формѣ командиру второй роты штабсъ-капитану Левицкому на порядки въ его ротѣ, Левицкій рѣзко оборвалъ поручика:

— Мнѣ вручили толпу мужиковъ,—я долженъ сдѣлать изъ нихъ солдатъ. И я дѣлаю то, что нужно, понимаете.

— Дѣлать можно разно,—спокойно замѣтилъ ему поручикъ Чижъ:—въ Римъ ведутъ много дорогъ.

— Ну, и ступайте, по какой хотите. Вѣдь я вамъ не указываю... Что за бабья страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла,—Левицкій сердито пожалъ плечами:—Какъ будто зудъ какой-то у человѣка... Вы, поручикъ, еще молоды, научились-бы вы за собой смотрѣть...

II.

Штабсъ-капитанъ Левицкій поднимался изъ нижняго этажа казармы въ верхній, гдѣ занимались молодые солдаты. Все утро онъ провелъ въ цейхгаузѣ и на кухнѣ. Тамъ былъ образцовый порядокъ.

Высокій и тонкій, съ лицомъ какъ будто заостреннымъ къ носу, штабсъ-капитанъ Левицкій шелъ, немного опустивъ голову и внимательно вглядываясь въ каждый предметъ, попадавшійся ему на глаза.

Раздалась команда:

— Рота, смирно!.. Глаза на-пра-во!

Выстроенные въ длинный рядъ молодые солдаты мгновенно приняли бодрый видъ и, повернувъ немного головы направо, слѣдили за подходившимъ командиромъ.

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, вашескородіе!—Отвѣтный крикъ одновременно прорѣзалъ пространство и одновременно замеръ. Какъ будто крикнуло не сорокъ голосовъ, а одинъ.

— Дружнѣй отвѣчать!.. Что вы со сна, что-ли!.. Я васъ разбужу!..— И Левицкій, остановившись, сердито повторилъ привѣтствіе:—Здорово, молодцы!..

И еще разъ отвѣтный крикъ ярко вспыхнулъ и мгновенно погасъ.

Левицкій быстро и почти вплотную подбѣжалъ къ стоявшему на правомъ флангѣ вольноопредѣляющемуся!

— Піотровскій, отчего рта не открываете, когда отвѣчаете!.. Что это за барство такое!.. Это вамъ не академія художествъ, слышите... здѣсь нѣтъ цирлихъ манирлихъ!.. Отвѣчать громко, ротъ открывать—чтобы слышно было и видно было!.. Художникъ!.. Мнѣ плевать на вашъ польскій гоноръ, понимаете!.. И въ голосѣ Левицкаго задрожало что-то жестокое, полное презрѣнія и ненависти: — Я вамъ такой пейзажъ закачу, что вы забудете свой гоноръ!.. Строй—это священное мѣсто, а вы мнѣ портите строй!.. Отвѣчать какъ слѣдуетъ!..

Левицкій быстро отвернулся отъ Піотровскаго, сталъ на прежнее мѣсто и, пробѣжавъ глазами по молодымъ, напряженнымъ лицамъ солдатъ, крикнулъ раздраженнымъ, злымъ голосомъ:

— Отвѣчать, сволочи! Не спать! Здорово, молодцы!

И въ третій разъ отвѣтный крикъ, звонкій, яркій и полный какой-то странной бодрости, рѣзнулъ воздухъ и мгновенно оборвался.

Левицкій, слегка нагнувшись головой впередъ, слушалъ. И потомъ онъ быстро выпрямился. Глаза его стали мутными и въ нихъ рѣзко, почти выпукло, выдѣлялись темныя, пересѣкавшія другъ друга, жилки.

— Махометзянъ!.. Это ты отстаешь, татарва поганая!—Левицкій подбѣжалъ къ Махометзяну и ткнулъ его кулакомъ въ лобъ. Не смѣй мнѣ отставать!.. Убью, какъ собаку!..

Левицкій взглянулъ на солдатъ, среди которыхъ пролетѣлъ неясный шорохъ.

— Это что!.. кто шевелится!.. Смирно!.. Отвѣчать, какъ слѣдуетъ. Еще разъ: Здорово, молодцы!

Отвѣтнымъ крикомъ Левицкій остался доволенъ.

— Молодцы, ребята. Хорошо отвѣчаете.

— Рады стараться, вашескородіе!

— Смотри-же, завтра смотръ, пусть кто-нибудь подгадитъ—шкуру сдеру, стервы этакія!.. Стой вольно, оправься.

Нѣсколько минутъ Левицкій ходилъ по ротѣ, заглядывая подъ койки, подъ тюфяки и въ шкафчики. Потомъ онъ подошелъ къ большой печкѣ, покрытой черной жестью, и провелъ пальцемъ по ея выпуклой поверхности. Жесть была тщательно вытерта и палецъ не оставилъ слѣда. Левицкій еще разъ посмотрѣлъ на нее и отошелъ.

— Ну, молодыхъ солдатъ на прицѣлку.

Унтеръ-офицеры засуетились. По ротѣ раздалась команда:

— Катай шинеля. Одѣвай ранцы. Становись. Живо.

Чрезъ двѣ минуты солдаты, туго обтянутые скатанными ши-

нелями, поочереди подходили къ Левицкому, который провѣрялъ ихъ прицѣлку. Онъ держалъ маленькую ручную мишеньку и однимъ глазомъ смотрѣлъ въ дырочку, продѣланную въ прицѣльной точкѣ.

— Правѣй цѣлься!.. Ослѣпъ ты, не видишь, животное! Довольно, слѣдующій.

Унтеръ-офицеръ скомандовалъ: — Костенко, шагомъ маршъ; стой; цѣлься.

Костенко цѣлился. Онъ видѣлъ мишень, и дырочку въ мишени, и изъ этой дырочки на него смотрѣлъ глазъ командира — холодный, стальной и гипнотизирующій своей неподвижностью.

— А животъ, животъ убери! Что ты мнѣ свой животъ прешь, а? Зачѣмъ мнѣ твой животъ!—Левицкій опустилъ руку, въ которой держалъ мишеньку. Онъ говорилъ тихо, и слова у него выходили такими странными. И казалось, что онъ кому-то жалуется и готовъ даже заплакать:—И сколько учишь ихъ, что при стрѣльбѣ нельзя выпячивать живота, нельзя, а они...—Левицкій подошелъ къ Костенко, поднялъ мишеньку и продолжалъ тѣмъ же тихимъ и жалобнымъ голосомъ:—Учили тебя, вѣдь учили, отчего же ты выпячиваешь животъ, отчего!.. Подлецъ ты, сволочь ты, вѣдь я же тебя такъ не оставлю, вѣдь я же тебя научу, научу!.. И Левицкій ударялъ мишенькой по щекамъ Костенки въ тактъ плавно произносимому слову «научу, научу». — Убери животъ, говорю я тебѣ... Ну, теперь цѣлься.

Левицкій снова глядѣлъ въ мишеньку. Его рука уже дрожала, и, когда онъ глядѣлъ въ дырочку, ему казалось, что ружейный штыкъ то подымается, то опускается.

— Ты цѣлишься, или не цѣлишься?—глухо спросилъ онъ.

— Такъ точно, вашескородіе, цѣлюсь,—произнесъ Костенко.

— Такъ цѣлятся? Такъ цѣлятся? Скотина!—Левицкій выпрямился, ухватился рукой за штыкъ его ружья и нѣсколько разъ коротко двинулъ ружье къ себѣ и отъ себя. И ружье нѣсколько разъ отрывалось отъ Костенко и потомъ обратно тыкалось ему прикладомъ въ лицо, въ шею и въ плечо...

До вечера пробылъ штабсъ-капитанъ Левицкій въ ротѣ и все провѣрялъ знанія солдатъ. Потомъ онъ приказалъ распустить ихъ, дать имъ поужинать и сейчасъ-же послѣ ужина засадить за словесность. Самъ-же ушелъ. Онъ усталъ.

III.

Послѣ урока словесности, Костенко подошелъ къ своей койкѣ. Онъ чувствовалъ, что его душу давитъ какая то черная, тяжелая тьма... Онъ легъ и сталъ думать. «Почему его бьютъ, почему издѣваются надъ нимъ? Если-бы онъ не умѣлъ стрѣлять,

если-бы не попадалъ, ну—еще понятно. Но, когда стрѣляли дробинками, онъ вѣдь не хуже другихъ попадалъ въ цѣль. Не все равно *ему*: убралъ животъ, или не убралъ. Главное—вѣрно стрѣлять, а животъ,—что *ему* животъ дался. И почему *онъ* бьетъ... постоянно бьетъ и ругаетъ»...

Костенко растерянно протянулъ руку къ койкѣ, стоявшей рядомъ:

— Слухайтэ, дядько Якимовъ.

На его зовъ никто не откликнулся. Протянутая рука ощутила подъ собой не теплое дыханіе человѣческаго тѣла, а грубошероховатое сукно солдатскаго одѣяла.

«Койка пуста. Якимова нѣтъ». Костенко какъ-то сразу сжался. «Да, вотъ *это* все время давитъ его душу, *это*... И зачѣмъ онъ протянулъ руку! Развѣ онъ не зналъ... Якимовъ укралъ у него пять рублей, онъ пожаловался, и Якимовъ теперь на гауптвахтѣ»...

Костенко почувствовалъ, что онъ одинъ, его друга нѣтъ. Ему стало жутко, какъ если-бы въ ротѣ больше не было людей и было-бы темно въ этомъ большомъ помѣщеніи. Онъ привязался къ Якимову за то, что тотъ, какъ старый солдатъ, всегда оказывалъ ему покровительство, всегда помогалъ ему совѣтомъ и еще за то, что тотъ, какъ сапожникъ, часто избавлялъ его отъ лишнихъ зуботычинъ взводнаго:—приладить ремешки, подковырять ранецъ, починить во время сапоги—вѣдь это очень важно для новобранца, и управиться съ этимъ не всегда легко. И когда много обидъ приносилъ ему иной день этой службы, онъ тогда бывало прибѣгаетъ къ сочувствію Якимова и разсказываетъ ему все: и про свою прежнюю жизнь, и про жену, и про эти безконечныя обиды на военной службѣ; и онъ чувствовалъ тогда, что онъ здѣсь не одинокъ... А теперь Якимова нѣтъ, Якимовъ на гауптвахтѣ и... *изъ-за него*, да, *изъ-за него*.

Это сознаніе мучило Костенко, и онъ старался заглушить въ себѣ темные укоры, вспоминая о томъ, что Якимовъ не всегда безкорыстно оказывалъ ему услуги. Якимовъ часто требовалъ, чтобы Костенко угощалъ его водкой, чистилъ ему сапоги, и изрѣдка Якимовъ изподтишка бывало и пинка дастъ ему. И все же Костенко чувствовалъ себя виноватымъ передъ Якимовымъ.

Тѣ пять рублей, которые укралъ у него Якимовъ, были присланы ему изъ дому, и Костенко хорошо зналъ, какъ тяжело достаются тамъ, въ деревнѣ, такія деньги, и онъ пожаловался на Якимова, но въ душѣ его все-же давило тяжелое чувство виновности предъ Якимовымъ.

Сосѣдняя пустая койка глядѣла на него холодно, сурово и укоризненно.

Костенко всталъ. Въ немъ мучительно ныло чувство одино-

чества и ему страшно захотѣлось уйти отъ этихъ мыслей, и быть съ кѣмъ-нибудь, и говорить о чемъ-нибудь и не чувствовать вокругъ себя такой угрюмой пустоты.

Онъ подошелъ къ койкѣ Махометзяна.

IV.

У Махометзяна былъ гость, къ нему пришелъ изъ другой роты его землякъ—татаринъ. Обнявшись, сидѣли они на койкѣ и на никому непонятномъ гортанномъ языкѣ разсказывали другъ другу объ этой странной жизни, въ которой такъ много хлѣба, одежды тепла и... такъ мало счастья.

И въ дружескомъ разговорѣ горечи этой непонятной для нихъ жизни становились менѣе острыми; и молодость, на время загнанная въ темные углы души, снова начинала свѣтиться легкимъ смѣхомъ въ ихъ узкихъ черныхъ глазахъ.

Костенко подошелъ къ Махометзяну и дружески хлопнулъ его по плечу:

— Що, братуха, добрэ?.. Землякъ пришла?.. Душа веселый сталъ...—Костенко почему-то казалось, что чѣмъ неправильнѣе онъ будетъ говорить, тѣмъ лучше долженъ понять его Махометзянъ:—Товарищъ, землякъ, трэба языкъ балакать... Молодецъ, братъ. Здорово такъ... да.

Товарищи-татаре посмотрѣли на Костенко дружелюбнымъ смѣющимся взглядомъ. Махометзянъ жестомъ указалъ ему мѣсто около себя:

— Садь... Мой землякъ пришла минэ гаварить... Гаварить хорошъ... Нелза гаварить—надо помирайтъ. — И Махометзянъ сдѣлалъ испуганное лицо, и въ его глазахъ пробѣжалъ тотъ ужасъ, которымъ была-бы полна эта жизнь, если-бы нельзя было поговорить изрѣдка съ близкимъ, понимающимъ и сочувствующимъ человѣкомъ.

— Да, побалакать—цэ доброе дiло. Колы такiй человѣкъ е... А вотъ, братуха, я чоловикъ нэтъ, нэма,—Костенко указалъ на пустую койку Якимова:—Якимовъ ушла... балакать нэма съ кимъ... Да, ушла Якимовъ... отъ воно яке дiло...

Махометзянъ быстро и серьезно взглянулъ на Костенко.

— Якимо боръ... тэбэ дэнга кралъ... Якимо тэбѣ нэ харошъ...

— Ну, нэ харошъ!.. Дюже ты, братъ, умный сталъ!—Въ голосѣ Костенко слышалось боль за оскорбленную и задѣтую честь близкаго человѣка:—Ты кажешь—воръ, а щожъ винъ у тэбэ вкралъ, що?

— Якимо тэбѣ кралъ, пять рубля кралъ. . Якимо менэ не кралъ.

— Ну отъ бачишь, ничого въ тэбѣ винъ нэ вкралъ, такъ и

мовчи. Вотъ що пье винъ... Ну цэ вже друго дiло; цэ, братъ ты мой... Грозный окликъ взводнаго прервалъ ихъ разговоръ.

V.

Большое ротное помѣщеніе, освѣщенное привѣшенными къ потолку керосиновыми лампами, какъ будто опустѣло. Въ четырехъ углахъ его въ два ряда выстроились взводы. И на фонѣ сѣрыхъ казарменныхъ стѣнъ, эти два ряда людей казались такими же, какъ и эти стѣны—сѣрыми, неподвижными и безучастными.

Фельдфебель стоялъ среди казармы. Это былъ большой плечистый человѣкъ съ медленными, вялыми движеніями, съ холоднымъ взглядомъ, въ которомъ изрѣдка пробѣгала искра іроніи, насмѣшки и скептицизма.

— Ну, взводные, дѣлай повѣрку.

Каждый взводный по списку, который онъ держалъ въ рукахъ, сталъ выкликивать солдатъ по ихъ фамиліямъ.

Странныя и смѣшныя тутъ были фамиліи. Какъ будто со всѣхъ концовъ большой земли русской сошлись они сюда, чтобы сказать: «А я вотъ кто, а я вотъ что! смѣшно, неправда ли»? Тутъ были фамиліи: Китъ, Мазныца, Вишня, Сатана, Кисель, Дура, Рыба, Бочка. И въ первое время, послѣ прибытія новобранцевъ, эти фамиліи вызывали смѣхъ, шутки и зубоскальство. Но послѣ къ нимъ привыкали.

Взводный громко выкликалъ фамиліи.

— Костенко?

— Я.

— Махометзянъ?

— Есть.

— Піотровскій?

— Здѣсь.

— Якимовъ?

Отвѣта не послѣдовало.

Фельдфебель лѣниво повернулъ большую голову въ сторону взводнаго и съ дѣланной гримасой презрѣнія заговорилъ:

— Якимовъ... Онъ Якимова ищетъ... Якимовъ уже цѣлую недѣлю на гауптвахтѣ торчитъ, а онъ: Якимовъ. Полюбился онъ тебѣ, что ли? Или, можетъ быть, сапоги порвались... а? Якимовъ, вѣдь, сапожникъ...

Взводный злобно огрызнулся:

— Знаю и я, что онъ на гапбахтѣ, а только я... по правиламъ, всѣхъ перекликаю; оно такъ законнѣе выходитъ. Потому, ежели есть—отвѣтитъ есть. Ежели нѣтъ...

— Законники, всѣ вы законники.—И фельдфебель, передраз-

нивая взводнаго, медленно продолжалъ:—Ежели есть — отвѣтитъ есть, а ежели нѣтъ... Ну, что отвѣтитъ, а? Ничего не отвѣтитъ. Чего же еще перекликать; эхъ, вы, герои... Ну, довольно, всѣ значитъ есть?

— Есть.—Отвѣтили сразу всѣ четверо взводныхъ.

— Пой молитву, въ такомъ случаѣ.

И сразу во всѣхъ четырехъ взводахъ запѣли молитву. Какъ ни были близки другъ къ другу взводы, это пѣніе все же выходило неровнымъ, нестройнымъ и дикимъ. Одинъ взводъ уже умолкалъ, когда другой еще тянулъ послѣднюю ноту, а третій только начиналъ эту ноту.

Когда пѣніе умолкло, фельдфебель флегматично посмотрѣлъ вокругъ себя и медленно, слегка въ носъ, заговорилъ, протягивая каждое слово:

— Христіане считаются, православные христіане... Хоть бы молитву пропѣли какъ люди, а то... тянутъ, бараны—мэ, мэ, мэ...— фельдфебель безнадежно махнулъ рукой. — Дармоѣды; напрасно только на васъ казна тратится; и никому отъ васъ никакой пользы нѣтъ. Ну, да чортъ съ вами, горбатаго могила исправитъ, мужикъ мужикомъ останется. Довольно, разойдись и сейчасъ спать. Эй, взводные, завтра поднять ихъ въ четыре часа. Все почистить, уложить и быть въ готовности. Къ восьми часамъ будемъ строиться на дворѣ для смотра. Взводные, смотрите; особенное вниманіе обратить на этихъ, какъ ихъ... магометовъ. Господи, и за какіе грѣхи намъ этихъ идоловъ посылать стали; экая татарва поганая.

При словѣ «татарва» Махометзянъ виновато опустилъ глаза. Его существованіе начинало казаться ему преступленіемъ, его служба въ полку—ошибкой *того*, который сверху правитъ судьбами людей.

— Ну, разойдись. Да, чуть не забылъ; гдѣ ротный писарь?

Къ фельдфебелю подбѣжалъ юркій разбитной солдатикъ.

— Чего прикажете, господинъ фельдфебель?

— Чего прикажу, а вотъ чего.—Фельдфебель нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на писаря:—Прежде всего скажи мнѣ, на какомъ основаніи ты позволилъ себѣ сдѣлать это... волосы съ прической, съ проборомъ? Ты уставу внутренней службы не подчиняешься, что-ли? Смотри, какъ бы я тебя передъ смотромъ не причесалъ *по своему*.—Фельдфебель говорилъ медленно, ровно и спокойно:— Смотри же, обрати свое вниманіе. Не люблю я, когда писаришки позволяютъ себѣ привилегіи имѣть. Ну-съ, а теперь вотъ что. Сегодня Якимова судили за кражу пяти рублей у Костенко, такъ вотъ, есть уже объ этомъ формальный приговоръ? былъ ты въ канцеляріи?

Смущенный неожиданнымъ выговоромъ фельдфебеля и обѣщаніемъ причесать по *своему*, писарь отвѣтилъ сухо и дѣловито:

— Якимовъ къ ста розгамъ присужденъ. Только полковой адъютантъ поручикъ Чижъ говорили, что приговоръ завтра лишь будетъ напечатанъ.

— Знаю я и безъ тебя, къ чему присужденъ Якимовъ. — Фельдфебель сдѣлалъ въ воздухѣ неопредѣленное движеніе рукой: — Чего и можно было ожидать, да. Вѣдь я же его предупреждалъ, и неоднократно. Говорилъ-же я ему:—Якимовъ, берегись, не гуляй запоемъ, добра тебѣ отъ этого не прибудетъ. Ну, онъ, конечно, не слушалъ, потому хамъ-хамомъ и останется. Ему все равно—что въ чистотѣ и приличномъ видѣ жить, что въ вонючей канавѣ валяться.—Ну и чортъ съ нимъ, собакѣ собачья честь. Разъ укралъ — его тогда въ тюрьму и въ разрядъ штрафованныхъ; теперь во второй разъ укралъ — ему сотню розогъ; въ третій разъ украдетъ—его въ дисциплинарный батальонъ попросятъ. Тамъ хорошо, тамъ исправятъ, тамъ розги — это каждый день, какъ хлѣбъ, какъ борщъ, какъ молитва; да и все пьянство, пьянство губитъ. И хорошъ мастеръ, могъ-бы какъ жить... а вотъ поди-же. Ну, довольно, ложись и спи.—И фельдфебель тяжело ступая своими громадными плоскими ступнями, медленно вышелъ изъ роты.

— Дядько, а дядько, — Костенко осторожно прикоснулся къ рукѣ писаря: — Якъ же цэ, плэтьми... За що, за що! Хибажъ я думавъ, що воно такъ будэ.. плэтьми...—Костенко старался говорить спокойно, но голосъ его всхлипывалъ, становясь то громче, то тише, и глаза, не мигая, глядѣли въ лицо писаря.

— Розгами, а не плэтьми.—И писарь продолжалъ, передразнивая Костенко, грубоватымъ деревяннымъ голосомъ: — Хибажъ я знавъ, що... Не зналъ, ну такъ зачѣмъ жаловался? Эхъ ты, бабье полтавское, за пять рублей человѣка продалъ.

Костенко подавилъ въ себѣ стонъ.

— Дядько, яжъ нэ знавъ! Яжъ на Якимова нэ казавъ! Я только за гроши докладалъ начальству.

— Ну, отвяжись отъ меня, чего присталъ!

— Я, дядько... може можно, щобъ дiло якъ нибудь того... — Костенко говорилъ тихо, съ опаской:—Та вы-же, дядько, писарь; вы-же все знаетэ; якъ воно можно зроботы, щобъ Якимова...

— Ну такъ что, ты думаешь, если я писарь, то я все могу сдѣлать; дуракъ ты. Что писарь?—слѣдователь, генералъ, Богъ? Мужикъ ты. Присудили и кончено. Вотъ если полковникъ не подпишетъ, ну тогда другое дѣло. Только подпишетъ онъ, потому и онъ на службѣ и какъ ему законъ скажетъ, такъ и онъ сдѣлаетъ... Пойду я постричься, а то, въ самомъ дѣлѣ, достанется.

Писарь отошелъ отъ Костенко и, какъ бы что то вспомнивъ, вернулся.

— Ты, братъ, не убивайся такъ. Ежели бы ты и не жаловался, Якимова все равно къ розгамъ присудили бы. Онъ, видишь ли, взялъ однажды у командира сапоги для починки, понесъ ихъ въ городъ, продалъ, пропилъ... его тогда за это на двѣ недѣли на хлѣбъ и воду, и еще въ разрядъ штрафованныхъ на годъ. Теперь онъ у тебя укралъ и тоже, значитъ, пьянствовалъ. Ушелъ въ городъ безъ разрѣшенія. Такъ вотъ его за пьянство и за трехдневную отлучку и присудили. Вѣдь онъ штрафованный... Такъ что ты...

Костенко покачалъ головой. Онъ чувствовалъ, что онъ виноватъ.

— Довольно тамъ разговаривать, черти!—раздался сердитый окрикъ взводнаго:—Ложись, спи. Завтра смотръ.

Черезъ пять минутъ Костенко раздѣтый лежалъ уже на койкѣ. Онъ думалъ о томъ, что завтра будетъ смотръ и что этотъ смотръ можетъ принести много невзгодъ. Онъ думалъ также о томъ, что дома теперь съ утра до ночи работаютъ надъ черной жадной землей и бросаютъ въ нее свои силы съ надеждой на солнце, на дождь и на Бога. Но о чемъ-бы онъ не думалъ, онъ все-же чувствовалъ, что гдѣ-то глубоко въ немъ лежитъ мучительная мысль о Якимовѣ. И эта мысль лежитъ, не двигаясь и не глядя на него, и ея какъ будто нѣтъ, но она есть и давитъ его душу.

Онъ закрывалъ глаза и мертвымъ неслышнымъ шепотомъ говорилъ себѣ:—Спи же, спи... Ночь уже... Завтра смотръ.

А ночь давно уже обняла казарму и чернымъ тѣломъ прижалась къ ея окнамъ и отдѣлила всѣхъ спящихъ здѣсь людей отъ остального міра. Здѣсь нужно забыть все: землю, семью, людей, жизнь... Здѣсь нужно знать только долгъ, налагаемый службой: маршировку, ружейные пріемы и словесность...

VI.

Молодые солдаты второй роты, въ числѣ сорока человѣкъ, выстроились длиннымъ рядомъ передъ казармой. Разложенные передъ ними ранцы были вычищены ваксой и воскомъ и блестѣли черными глянцевитыми квадратиками. На крышкахъ ранцевъ выдѣлялись мѣдные котелки, въ металлической поверхности которыхъ солнце отражалось продолговатыми яркими пучками лучей.

Начальникъ дивизіи нѣсколько мгновеній зорко смотрѣлъ на рядъ молодыхъ солдатъ. Со всѣхъ точекъ этой живой линіи острыми радіусами бѣжали къ нему напряженные, взволнованные взоры.

За начальникомъ дивизіи стоялъ командиръ полка, нѣсколько офицеровъ дивизіоннаго штаба, нѣсколько офицеровъ полка; и немного впереди, не сводя глазъ съ начальника дивизіи, стоялъ подошедшій теперь съ рапортомъ штабсъ-капитанъ Левицкій. Его длинная вытянутая фигура стояла, слегка наклонившись впередъ, и худое лицо его, суживавшееся и заостренное къ носу, застыло въ ожиданіи отвѣтныхъ словъ генерала.

Генералъ поднесъ руку къ фуражкѣ, слегка кивнулъ головой Левицкому и, минуя его, приблизился къ солдатамъ.

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство.—Эти нѣсколько словъ слились въ одно гулкое, бодрое эхо.

— Ну-съ, начнемъ съ этихъ, съ *господъ*...—Легкая иронія мелькнула въ тонѣ генерала. Онъ подошелъ къ стоявшему на правомъ флангѣ вольноопредѣляющемуся.

— Фамилія?—Генералъ, не желая обращаться къ вольноопредѣляющемуся на *вы* и не имѣя права обращаться къ нему на *ты*, старался избѣгать личныхъ мѣстоимѣній.

— Піотровскій, ваше превосходительство.

— Русскій?..

— Полякъ, ваше превосходительство.

— Разрядъ?

Піотровскій не сразу сообразилъ, что спрашиваетъ генералъ. Левицкій изъ за спины генерала поднялъ одинъ палецъ.

— По первому разряду, ваше превосходительство,—поспѣшилъ отвѣтить Піотровскій.

Генералъ недовольно пожалъ плечами:

— Не мѣшаетъ поскорѣе отвѣчать. У солдата должна быть развита сообразительность Ну-съ, образованіе?

Піотровскій снова не понялъ вопроса.

— Я спрашиваю, гдѣ получено образованіе, въ какомъ учебномъ заведеніи.—Генералъ развелъ руками:—Что требовать отъ *простого*, если *образованный* ничего не понимаетъ! Ну-съ, отвѣчать.

— Въ академіи художествъ, ваше превосходительство.

— А, вотъ что...—Генералъ иронически улыбнулся:—Художникъ. Рафаэль... Мадонна... конечно, конечно, что общаго они имѣютъ съ жалкими солдатскими интересами! Ну-съ, а локоны... то есть волосы подстрижены, а?

— Такъ точно, ваше превосходительство, подстрижены.

Генералъ вплотную придвинулся къ Піотровскому.

— Снять фуражку.

Піотровскій быстро сдернулъ съ головы фуражку. Волосы еле замѣтной щетинкой свѣтло переливались подъ лучами солнца. Генералъ поднялъ руку и провелъ ладонью по головѣ Піотровскаго.

— Можно еще короче. Ротный командиръ, прошу принять это къ свѣдѣнію.

Левицкій приложилъ руку къ фуражкѣ и съ благоговѣйной покорностью сказалъ:—Слушаю, ваше превосходительство!

Генералъ сдѣлалъ два шага назадъ и взглянулъ на Піотровскаго.

— Раскатать и скатать шинель.

Піотровскій схватилъ лежавшую передъ ранцемъ скатанную шинель, отстегнулъ отъ нея ремешки, встряхнулъ ее въ воздухѣ, затѣмъ распласталъ ее на землѣ и сталъ быстро скатывать въ узкую, плоскую полосу. Потомъ онъ согнулъ эту полосу, вложилъ одинъ ея конецъ въ другой, снова обхватилъ ихъ ремешками и, поднявъ съ земли, поднесъ генералу образовавшійся кругъ.

— Такъ, хорошо, хорошо.—Генералъ взялъ въ руки шинель, мялъ ее и нѣсколько разъ поворачивалъ передъ собой:—Такъ, хорошо. А это что за складка, а?.. Шинели не умѣетъ скатать... *образованный* человѣкъ!.. Вы видите, господа офицеры, вотъ эта складка придется какъ разъ на плечѣ, и чрезъ нѣсколько часовъ похода она натретъ на плечѣ рану, и господинъ вольноопредѣляющійся, *бывшій художникъ*, выйдетъ изъ строя и *поползетъ* въ линейку... вези его тогда...—Генералъ швырнулъ шинель Піотровскому:—Совѣтую учиться и быть *настоящимъ* солдатомъ, на службѣ нѣтъ художествъ.

Генералъ двинулся дальше. Онъ шелъ вдоль линіи, вглядываясь въ лица солдатъ, въ ихъ одежду и амуницію. Офицеры тихо слѣдовали за нимъ.

— Еще одинъ вольноопредѣляющійся... О-о, сколько у васъ этого добра!—Генералъ остановился передъ вольноопредѣляющимся:—Русскій, Полякъ, Еврей?

— Русскій, ваше превосходительство.

— Образованіе?

— Юридическій факультетъ, ваше превосходительство.

— Это хорошо, одобряю.—Генералъ кивнулъ головой и выжидательно взглянулъ на вольноопредѣляющагося. Вольноопредѣляющійся молчалъ.

— Ротный командиръ, что это, а! Онъ не хочетъ отвѣчать! Это бунтъ!..

Вольноопредѣляющійся спокойно и твердо заговорилъ:

— Одобреніе вашего превосходительства относилось къ моему прошлому, такъ что...

— Молчать!—топнулъ ногой генералъ:—молокососъ!.. Ротный командиръ отучитъ его отъ лишнихъ разсужденій!.. Этихъ господъ на кордѣ гонять нужно, какъ лошадей...

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, ранецъ показать.

Вольноопредѣляющійся поднялъ ранецъ и генералъ сталъ медленно вынимать изъ него вещи. Онъ вынулъ сапожные щетки, коробочку ваксы, солдатскій галстукъ, полотняную рубашку, катушку нитокъ. И каждую вещь онъ поднималъ въ воздухѣ и вертѣлъ предъ глазами и разсматривалъ съ особымъ видомъ человѣка, тонко разбирающагося въ этихъ какъ будто ненужныхъ, но въ дѣйствительности очень важныхъ вещахъ.

— Хорошо уложено.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

— Ну вотъ, и раньше такъ нужно было отвѣтить, а не мудрить. Фамилія?

— Немировскій, ваше превосходительство.

Генералъ повернулся къ полковому командиру:—это вашъ сынъ?

— Племянникъ, ваше превосходительство.

— Вотъ какъ. Отчего же вы его по военной части не пустили? И не дожидаясь отвѣта полковника, генералъ снова обратился къ вольноопредѣляющемуся:—сбросить правый сапогъ.

Немировскій присѣлъ на землю и быстро, безъ усилія, снялъ сапогъ.

— Свободенъ значитъ, не жметъ, это хорошо. Развернуть портянку.

Немировскій развернулъ въ воздухѣ портянку. Генералъ наклонился къ ней и потянулъ носомъ.

— Да, ничего, чиста.—Потомъ онъ наклонился и приложилъ палецъ руки къ плотно подрѣзанному ногтю толстаго пальца ноги Немировскаго:—Больше стричь нужно ногти, это мѣшаетъ въ походѣ... дырки въ портянкахъ протираетъ... нечистота заводится... Идемъ дальше.

Генералъ, за нимъ ротный командиръ, полковой командиръ и всѣ остальные офицеры снова пошли вдоль строя.

Махометзянъ застылъ. Его дыханіе мгновенно оборвалось. Генералъ остановился передъ нимъ.

— Ранецъ покажи.

Махометзянъ поднялъ ранецъ. Тонкая, незамѣтная дрожь пробѣжала по его пальцамъ и они, какъ желѣзные, судорожно стиснули стѣнки ранца.

— Мундиръ покажи. Сбрось его.

Махометзянъ быстро поставилъ ранецъ на мѣсто, скинулъ мундиръ и вытянулъ его передъ генераломъ.

— Поверни его. Подкладку покажи,

Изъ-за спины генерала Левицкій сдѣлалъ жестъ рукой, словно поворачивая что-то въ воздухѣ. Махометзянъ понялъ, въ его глазахъ пробѣжала искра радости, онъ повернулъ мундиръ. Ге-

нералъ тыкалъ пальцемъ въ мѣста, гдѣ находились швы. Все было цѣло.

— Хорошо.

— Ратъ цтаратца, баше пребосходительстбо.

Генералъ внимательно посмотрѣлъ на Махометзяна.

— Ты какой губерніи?

— Упимскъ губернъ, баше пребосходительстбо.

— Ты татаринъ?

— Такъ тушна, баше пребосходительстбо.

— Ты здоровъ?

— Такъ тушна, баше пребосходительстбо.

— А что у тебя за цвѣтъ лица странный, не то желтый, не то блѣдный?.. Это, во всякомъ случаѣ, цвѣтъ не солдатскій.

Махометзянъ молчалъ, ничего не понимая. Онъ взглядывалъ на ротнаго командира штабсъ-капитана Левицкаго, надѣясь встрѣтить какой нибудь намекъ, но оттуда никакихъ указаній не послѣдовало. И онъ молчалъ. И постепенно въ его душу сталъ входить страхъ. «Надо сказать что-нибудь; во чтобы-то ни стало надо... молчать—значитъ погубить себя... но что сказать... что онъ спрашиваетъ». И ухватившись за какъ-будто понятныя слова генерала: «цвѣтъ солдатскій», Махометзянъ заговорилъ:

— Сбѣтъ солдатскій... тушитъ нужна послэ побѣрка и ложись спатъ. Можно ишо до одиннадцать часа сидитъ, мундиръ починяитъ, а послэ туши сбѣтъ, ложись.

Генералъ махнулъ рукой.

— Молчи, чего залопоталъ. Я не тебя спрашиваю. Ротный командиръ, вѣдь этотъ вопросъ къ вамъ относится. Я отъ васъ, а не отъ него жду объясненія. Этотъ солдатъ, быть можетъ, не здоровъ а?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, больные тамъ, въ околоткѣ... больные... Штабсъ-капитанъ Левицкій волновался, торопился, умолкалъ и снова начиналъ говорить:—Больные въ околодкѣ... Я больныхъ въ строй не ставлю.

Губы генерала презрительно искривились.

— Больныхъ въ строй не ставите! А имѣете вы право ставить ихъ, да?.. Удивительная логика. А скажите все-же, отчего у этого солдата такой видъ, не то апельсинъ, не то лимонъ?

— Не могу знать, ваше превосходительство, это... можетъ быть... отъ воздуха...

— То есть, какъ это: «отъ воздуха»?—Генералъ сердито посмотрѣлъ на Левицкаго:—Ничего не понимаю.

— У нихъ дома, ваше превосходительство, они живутъ всегда на чистомъ воздухѣ... а здѣсь... казармы...

— Ка-зар-мы,—протянулъ генералъ:—А въ казармахъ воз-

духа нѣтъ? Онѣ у васъ, быть можетъ, герметически закупорены... Вы, быть можетъ, никогда даже не провѣтриваете ихъ...

— Мы, ваше превосходительство, провѣтриваемъ.

— Да, отъ одного смотра къ другому! А когда смотра нѣтъ, тогда вы спокойно...

— Никакъ нѣтъ, мы...

— Прошу не перебивать!—крикнулъ генералъ, рѣзко и выразительно взглянулъ на Левицкаго:—Вы не умѣете держаться, объявляю вамъ выговоръ.

Левицкій растерянно опустилъ руку, потомъ снова поднялъ ее къ козырьку и уже не опускалъ ее, пока генералъ смотрѣлъ на него.

— Да-съ... такъ я вамъ говорю,—продолжалъ сердито генералъ:—что въ ротѣ должна быть постоянная вентиляція, нужно открывать окна, нужно выводить солдатъ на гимнастику и на прогулки. Нужно,—голосъ генерала становился все злѣе и непріятнѣе:—нужно пользоваться воздухомъ, гдѣ только возможно и не дать солдату киснуть. Воздухъ-то есть, вездѣ есть, но имъ нужно умѣть пользоваться, самъ онъ въ глотку не полѣзетъ.

Махометзянъ растерянно переводилъ свой взглядъ съ генерала на ротнаго командира, но ничего не могъ понять. Онъ видѣлъ только, что генералъ очень недоволенъ; и онъ видѣлъ также, что углы глазъ у ротнаго командира подергиваются къ вискамъ, какъ будто ихъ кто-то каждый разъ то потянетъ, то отпуститъ; а это онъ всегда замѣчалъ у своего командира, когда въ ротѣ начиналось что-нибудь нехорошее: подергивались углы глазъ, потомъ сжимались всегда кулаки, потомъ командиръ бросался на солдата и билъ, билъ, билъ.

Махометзянъ глядѣлъ на нихъ и чувствовалъ, что виноватъ только онъ. «Онъ должно быть что-то не такъ сказалъ, какъ нужно, и вотъ теперь изъ-за него генералъ ругаетъ ротнаго командира. Да, конечно, это ясно».

И мелкой дрожью пробѣгалъ по членамъ Махометзяна тонкій, острый холодокъ. «Онъ во всемъ виноватъ. Теперь его жизнь здѣсь будетъ ужасна, его доканаютъ».

А генералъ все говорилъ, говорилъ, взвизгивая, брызжа слюною и отдуваясь. И вдругъ онъ, словно вспомнивъ что-то, сразу оборвалъ свою рѣчь и обернулся къ Махометзяну.

— Службу знаешь?

— Такъ тушна, баше пребосходительстбо, знаемъ.

— Назови прямыхъ своихъ начальниковъ.

— Одилонный началникъ—ипреторъ Сабинъ, збодный—млачій мунтеръ-опицеръ Тиченко, питпебиль...

— Довольно, молодецъ, хорошо отвѣчаешь!—Генералъ искоса

взглянулъ на вольноопредѣляющихся.—Хорошо, не мѣшало бы и другимъ такъ.

— Ратъ цтаратца, баше пробосходительстбо.—Махометзянъ умолкъ. Холодными струйками сбѣгало что то по спинѣ. Страшное желаніе узнать свою судьбу охватило Махометзяна. Онъ осторожно повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ его взводный и... встрѣтилъ одобрительный, ласковый взглядъ. И Махометзянъ на языкѣ, который понятенъ душѣ каждаго человѣка, сказалъ себѣ:—Ты спасенъ.

И въ эту минуту въ немъ, какъ зарница вспыхнула и освѣтила всю его темную тяжелую жизнь, чудная мысль: — Если-бы та некрасивая—прекрасная женщина могла знать, какъ онъ гордъ теперь и какъ счастливъ... хорошо и легко стало бы и у нея на душѣ.

VII.

Генералъ стоялъ передъ Костенко и любовался его здоровымъ, бодрымъ и вмѣстѣ спокойнымъ видомъ.

— Твоя фамилія?

— Костенко, ваше превосходительство.

— Какой губерніи?

— Полтавской, ваше превосходительство.

— Малоросъ, хохолъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Да, это сейчасъ видно, — съ довольной улыбкой замѣтилъ генералъ:—Ну-съ, скажи мнѣ, Костенко, сколько мяса ты получаешь?

— Пывъ хфунта на дэнь, ваше превосходительство

— А хлѣба сколько?

— Три хфунта, ваше превосходительство.

— Такъ-съ, а хватаетъ тебѣ этого хлѣба, не голодаешь?

— Бувае що ни, ваше превосходительство, не хватае.

Генералъ обернулся, ища глазами ротнаго командира, который робко жался къ группѣ офицеровъ полка.

Полковникъ тихо произнесъ:

— Штабсъ-капитанъ Левицкій, васъ ищутъ; пожалуйста, не отставайте; кто-жъ будетъ давать объясненія въ вашей ротѣ?

— Какъ васъ?.. Генералъ немного запнулся и потомъ продолжалъ:—Штабсъ-капитанъ Левицкій... да... Скажите пожалуйста, штабсъ-капитанъ Левицкій, случалось вамъ когда-нибудь провѣрять получку хлѣба въ ротѣ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, я.. я всегда... я часто провѣряю.

— *Всегда... и часто.*—Генералъ недоумѣвающе пожалъ плечами:—Что это значитъ: *всегда и часто*? Странная диверсія!.. Ну-съ, и какъ же, штабсъ-капитанъ Левицкій, ничего вы не замѣчали, когда провѣряли *всегда и часто* эти солдатскія получки?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительсто, не замѣчалъ, вѣсъ полный.

— Полный: еще бы!..—Генералъ дѣланно засмѣялся:—развѣ кто нибудь позволитъ себѣ содрать съ солдата лотъ, или два лота хлѣба... Да, а все же, штабсъ-капитанъ Левицкій, я совѣтую вамъ... генералъ многозначительно посмотрѣлъ на Левицкаго:—понимаете, *совѣтую* почаще провѣрять получки хлѣба.

Костенко слушалъ, и его начинало охватывать безпокойное непріятное чувство. Ему раньше казалось, что и вопросы генерала, и отвѣты, которые онъ генералу давалъ, были совсѣмъ добродушные и безобидные, а между тѣмъ онъ видѣлъ теперь, какъ уже выростало что-то новое, идущее къ нему навстрѣчу такъ же непріязненно и темно, какъ и вся служба.

— Ну, а скажи мнѣ, Костенко, что ты дѣлаешь, если не хватаетъ у тебя хлѣба?

Костенко обрадовался. Онъ рѣшилъ, что направленіе вопросовъ стало благопріятнѣе, и онъ воспользуется этимъ, чтобы загладить прежнюю откровенность. «Къ чему эта откровенность? Кому она нужна? Она только ошибка, за которую можно тяжело поплатиться».

— Тыльки малость, самую малость не хватае, ваше превосходительство.

Генералъ ласково хлопнулъ его по плечу:

— Ты братъ, не хитри, это не нужно. Ты прямо отвѣть.

Костенко понялъ, что генерала обмануть трудно.

— Якъ нэ хватае, тоди я, ваше превосходительство, у лавци покупаю.

— А, вотъ оно какъ,—протянулъ генералъ:—у лавци покупаешь. На сколько?

— На три, або на пять копіекъ бувае, ваше превосходительство.

— Такъ, хорошо, хорошо; а гдѣ ты деньги берешь? вѣрно изъ дому присылаютъ тебѣ, а? и по многу посылаютъ?

— Зъ місяцъ будэ, якъ симь карбованцевъ прибуло, ваше превосходительство.

— И много еще у тебя осталось денегъ?

Костенко смущенно опустилъ глаза.

— Ничего у тебя не осталось, а, ничего?—удивленно заторопился генералъ:—Ты все проѣлъ... Или ты, быть можетъ, пропилъ?.. генералъ рѣзко обернулся къ Левицкому:—Я упоминалъ въ приказахъ, что выдавать молодымъ солдатамъ деньги, которыя

имъ присылаютъ изъ дому, нужно только по частямъ, по мѣрѣ надобности... Почему не принимаются во вниманіе приказы!— Господа,—обратился генералъ къ другимъ офицерамъ полка.— Господа, эти приказы—не беллетристика, они присылаются вамъ не для того, чтобы читать ихъ на сонъ грядущій. Эти приказы для васъ руководство. Въ нихъ, какъ въ евангеліи, вы должны искать всѣ указанія для исполненія вашего долга. Прошу принять къ свѣдѣнію.

Офицеры поднесли руки къ фуражкамъ и почтительно пошевеливали губами.

— Ну, а ты, Костенко, какъ-же тебѣ не стыдно? Дома работаютъ, стараются урвать копѣйку, чтобы прислать тебѣ; они вѣдь думаютъ, что ты здѣсь на службѣ—ухъ, какой несчастный. Да, а ты вотъ спокойно пропилъ ихъ. Ловкій же ты парень. Вотъ ужъ не ожидалъ...

Костенко молчалъ. Для того, чтобы сбросить съ себя обвиненіе въ пьянствѣ и въ пренебреженіи трудомъ оставшейся дома семьи, нужно сказать два слова: Якимовъ укралъ. Но сказать ихъ... а что послѣ будетъ!.. Костенко ужъ не вѣрилъ генералу. Онъ понялъ, что генералу нужно только что-то выяснять, что-то открывать и дѣлать замѣчанія ротному командиру, а о томъ, какъ все это отразится послѣ на жизни Костенко въ ротѣ—объ этомъ генералъ и не думаетъ.

И Костенко молчалъ. Сказать про Якимова... нѣтъ нельзя. Кто знаетъ, какъ генералъ можетъ повернуть все это. Онъ можетъ такъ усложнить все, что и ему, Костенко, плохо придется, и Якимову пожалуй еще что нибудь, кромѣ розогъ, прибавятъ. И какъ ни мучительно было Костенко слушать упреки генерала, онъ все же рѣшилъ, что про Якимова ничего не скажетъ. Генералъ еще раза два скажетъ ему «стыдно, стыдно» и кончитъ, уйдетъ.

Но какъ долго говоритъ онъ!.. И глаза его такъ и впиваются въ душу Костенки. И Костенко не можетъ, не можетъ уже дальше выносить взгляда этихъ сѣрыхъ, острыхъ глазъ. И голосъ генерала скрипитъ, скрипитъ, и у Костенки такое ощущеніе, какъ будто влетѣла ему въ ухо большая сѣрокрылая муха, и летитъ все дальше, туда, въ середину головы, и тамъ концы ея крылышекъ начинаютъ задѣвать за что-то такое тонкое, болѣзненное... Это невыносимо—нѣтъ...

— Нэ пропывъ, ваше превосходительство, а вкралы...

Казалось, холодный, черный огонь вошелъ въ сознаніе Костенко. «Кто сказалъ генералу?.. Вѣдь не нужно было говорить... какъ это глупо... Нѣтъ, это не онъ сказалъ, онъ вѣдь рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не говорить... Можетъ быть, генералъ не слыхалъ, а? Зачѣмъ, зачѣмъ онъ сказалъ!.. онъ вѣдь не хотѣлъ... Это ужасно!»

— Украли,—протянулъ генералъ:—это превосходно! Вы слышите, штабсъ-капитанъ Левицкій, что происходитъ во ввѣренной вамъ ротѣ?

— Воръ найденъ и преданъ суду, ваше превосходительство,— Левицкій отрапортовалъ громко и радостно.

— Преданъ суду! И вы торжествуете! И вы готовы успокоиться на этомъ!.. Генералъ поднялъ обѣ руки вверхъ и потомъ сразу, опустивъ ихъ внизъ, хлопнулъ себя по бедрамъ:—Но вы совершенно, совершенно не понимаете своихъ обязанностей! Отдать человѣка подъ судъ... да вѣдь это всякій оселъ можетъ сдѣлать!.. Развѣ въ этомъ долгъ ротнаго командира? Онъ поставленъ, поймите вы, не для прокурорскихъ обязанностей. Онъ долженъ, поймите вы, предупреждать событія... онъ долженъ быть въ своей ротѣ отцомъ, воспитателемъ, наставникомъ!.. Подъ судъ!.. Хорошее рѣшеніе вопроса!.. Нѣтъ, господа, такое отношеніе къ дѣлу никуда, никуда не годится!.. Съ такимъ пониманіемъ своихъ обязанностей мы далеко не уйдемъ, нѣтъ...

Генералъ сердито кивнулъ головой штабсъ-капитану Левицкому и въ сопровожденіи офицеровъ пошелъ торопливой нервной походкой къ слѣдующей ротѣ.

Левицкій проводилъ генерала, быстро вернулся и вплотную надвинулся на Костенко:

— Подожди, хохолъ проклятый, я тебя научу языкомъ молотить! Хлѣба тебѣ не хватаетъ!.. всѣмъ хватаетъ, а тебѣ не хватаетъ... Дармоѣдъ, ты сюда обжираться пришелъ!.. Подожди!..— И деньги у тебя украли!.. Тебѣ няньку нужно, чтобъ берегла... самъ ты не можешь беречь!.. Я съ тобой посчитаюсь... О, я съ тобой посчитаюсь!..

Костенко глядѣлъ въ упоръ въ глаза ротнаго командира и въ нихъ читалъ онъ черную повѣсть тѣхъ дней, которыми будетъ богата здѣсь его жизнь.

VIII.

Недовольство, возникшее въ генералѣ во второй ротѣ, все росло, по мѣрѣ того, какъ осматривались другія роты, казармы и цейхгаузы. Вездѣ генералъ находилъ недостатки и упущенія. Онъ кипятился, набрасывался то на одного, то на другого офицера, и дѣлалъ замѣчанія и выговоры.

Къ тремъ часамъ смотръ былъ законченъ.

Подъѣхала карета. Генералъ сѣлъ, указалъ возлѣ себя мѣсто своему адъютанту и махнулъ рукой.

— Желаю здравствовать, господа. Трогай...

Лошади дернули. Карета плавно покатилась по утоптанному

двору казармы и черезъ нѣсколько времени исчезла въ сѣрой полосѣ пыльной дороги.

— Позвольте, господа и мнѣ поблагодарить васъ,—полковникъ нервно приподнялъ фуражку:—поблагодарить за успѣшный смотръ. Помните, господа, отнынѣ я буду безпощаденъ. Я буду взыскивать на каждомъ шагу и за каждую мелочь. Я не ограничусь одними выговорами, нѣтъ. Къ моимъ услугамъ и домашній арестъ, и гауптвахта, и еще многое другое... Господа, я почти сорокъ лѣтъ служу, я участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ, и,—продолжалъ полковникъ охрипшимъ голосомъ:—я, можно сказать, посѣдѣлъ въ бою, а такого сраму я *никогда* не испытывалъ... Это въ первый и—твердо надѣюсь—въ послѣдній разъ.

Между офицерами произошло движеніе. Изъ заднихъ рядовъ послышались несмѣлые голоса:

— Генералъ придирался къ ненужнымъ и неважнымъ мелочамъ. Онъ, господинъ полковникъ, несправедливъ. Если кое-кто и оказался... не вполнѣ... то... нельзя же всѣхъ огуломъ... Это не заслужено нами...

— Не заслужено,—быстро подхватилъ полковникъ:—Наоборотъ, мнѣ кажется, что всѣ благодарности, которыя вы раньше получали, были не заслужены... вы ихъ, быть можетъ... по ошибкѣ получали. Но не въ этомъ теперь дѣло. Помните, господа, теперь начинается второе полугодіе совмѣстной нашей службы, и я, во избѣжаніе могущихъ возникнуть между нами недоразумѣній, предупреждаю васъ: получать выговоры, стоять на дурномъ счету у высшаго начальства, не оправдать довѣрія, которое оказано мнѣ врученіемъ полка—нѣтъ, я этого не потерплю! Повторяю, я буду безпощаденъ. Прошу принять къ свѣдѣнію.

Полковникъ поклонился офицерамъ, надвинулъ фуражку на лобъ и, избѣгая встрѣчаться съ устремленными на него взглядами, быстро зашагалъ домой.

Чрезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ уже у своей квартиры, находившейся въ сторонѣ отъ главныхъ казарменныхъ корпусовъ. Ординарецъ открылъ ему дверь. Не снимая фуражки, онъ прошелъ прямо въ свой кабинетъ, захлопнулъ за собою двери и остановился. И здѣсь, наединѣ съ самимъ собою, этотъ человѣкъ какъ будто сбросилъ съ себя и со своей души маску. Онъ сгорбился, углы губъ старчески опустились, и онъ стоялъ жалкій и безпомощный, какъ получившій нагоняй подпрапорщикъ.

И ему стало жаль всѣхъ этихъ людей, которые, какъ и онъ, въ теченіе цѣлаго дня покорно выслушивали придирки, насмѣшки, колкости и выговоры. «Кому все это нужно, развѣ это служба?.. Служба—это нѣчто громадное, захватывающее жизнь человѣка... А это, это только самолюбіе... Самолюбіе генерала имѣетъ воз-

можность больше проявляться, самолюбіе полковника меньше, самолюбіе поручика... еще меньше, вѣдь подъ нимъ только солдатъ»...

Полковникъ растерянно развелъ руками: «Ну... что ты... такъ нельзя».. Онъ подошелъ къ висѣвшему на стѣнѣ портрету какого-то военнаго и взглянулъ не на портретъ, а на свое отраженіе, туманно появившееся въ стеклѣ. И удивленно, вполголоса онъ проговорилъ: «Однако, даже фуражки не сбросилъ... хорошъ! Ну, да чортъ съ ними... Сегодня выговоръ, завтра одобреніе, послѣзавтра лампасы... Унывать нельзя... Служба»... Онъ вытянулся и принялъ прежній бодрый видъ, «вотъ, еще приказа не подписалъ даже сегодня».

— Эй, ординарецъ.

Вошелъ ординарецъ.

— На, повѣсь фуражку. Потомъ пошли вѣстового въ полковую канцелярію, пусть онъ доложитъ полковому адъютанту поручику Чижу, что я прошу его принесть приказъ. Понялъ?

— Такъ точно.

— Маршъ, живо.

Ординарецъ вышелъ. Изъ внутреннихъ комнатъ квартиры въ кабинетъ торопливо вошелъ племянникъ полковника вольноопредѣляющійся Немировскій.

— Дядя, ты уже подписалъ сегодня бумаги?

— Нѣтъ, сейчасъ послалъ за ними. Поручикъ Чижъ ждетъ приглашенія. Какъ-бы я его за такую аккуратность не вздулъ на два-три дня подъ арестъ. А тебѣ чего нужно отъ бумагъ этихъ, поиздѣваться надъ ними?..

— Нѣтъ. Сегодня долженъ быть приговоръ.

— Знаю, у насъ теперь судъ засѣдаетъ; тебѣ-то что-жъ?— полковникъ говорилъ сухо и отрывисто.

— Приговорили къ розгамъ Якимова... рядового нашей роты.

— Ну, и ты, быть можетъ, клянчить за него явился?

— Ты еще не подписалъ вѣдь... И я думаю, ты не подпишешь... Къ чему розги... это позорный архаизмъ...

— Для юридическаго факультета—оборвалъ его полковникъ:— но не для полка... Сюда такая шваль приходитъ, такія подонки... А сегодняшній смотръ, онъ что показалъ... развѣ господъ офицеровъ не слѣдовало бы подъ розги уложить за него... О, я возьмусь за нихъ, за всѣхъ...

За дверьми послышался голосъ ординарца.

— Его благородіе поручикъ Чижъ.

— Войдите, поручикъ.

Поручикъ Чижъ вошелъ, держа въ рукахъ кожанный портфель. Онъ поклонился и остановился передъ полковникомъ.

— Господинъ поручикъ, я долженъ вамъ замѣтить, что вы запаздываете съ составленіемъ приказа. Сегодня въ приказѣ почти ничего нѣтъ, а вы, очевидно, только теперь справлялись съ нимъ. Полковникъ сердито посмотрѣлъ на своего адъютанта: — Должно быть, качества, присущія офицерамъ этого полка, не чужды и вамъ.

— Я встрѣтилъ вѣстового почти здѣсь, у самыхъ дверей, господинъ полковникъ. Я уже шелъ сюда.

Поручикъ Чижъ вынулъ изъ портфеля приказъ и подалъ полковнику, а самъ отошелъ къ вольноопредѣляющемуся, поздоровался съ нимъ, и они стали оживленно, но тихо разговаривать между собой.

Полковникъ читалъ приказъ стоя, разложивъ его передъ собой на столѣ. Нѣсколько разъ терялъ онъ нить того, что читалъ. Передъ нимъ совершенно неожиданно изъ какого-нибудь слова приказа вставало что-нибудь, съ этимъ словомъ сходное и напоминавшее одинъ изъ многихъ инцидентовъ недавняго смотра. Полковникъ морщился, напрягался и дѣлалъ усиліе, чтобы снова направить свое вниманіе на приказъ.

— Вотъ что, господинъ поручикъ,—сказалъ онъ, кончивъ читать приказъ:—составьте приказаніе слѣдующаго содержанія:—все, приготовленное къ смотру, пусть останется въ такомъ же положеніи, въ какомъ оно теперь находится; завтра я самъ произведу смотръ, для разъясненія господамъ офицерамъ, что замѣчанія начальника дивизіи не придирки, а дѣло.

Поручикъ Чижъ, оставивъ вольноопредѣляющагося, подошелъ къ столу, выслушалъ полковника и, записавъ все сказанное имъ, сталъ доставать изъ портфеля какія-то бумаги.

— Здѣсь еще приговоръ вчерашняго засѣданія суда, господинъ полковникъ.

— Хорошо, читайте, пожалуйста, я слушаю васъ.—Полковникъ сѣлъ въ кресло и, откинувшись на его спинку, сталъ внимательно слушать чтеніе адъютанта, дѣлавшаго особое удареніе на мѣстахъ, подчеркнутыхъ синимъ карандашемъ.

Когда онъ кончилъ читать, полковникъ всталъ и, глядя на племянника, твердо произнесъ, ударяя ладонью одной руки о другую въ тактъ главнымъ пунктамъ.

— Дѣло обстоитъ, значитъ, такъ: Якимовъ взялъ у своего командира пару сапогъ для починки и сапоги эти пропилъ, за это онъ приговоренъ былъ къ двухнедѣльному заключенію на хлѣбъ и воду и къ годичному зачисленію въ разрядъ штрафованныхъ,—разъ!—полковникъ ударилъ ладонью о столъ;—чѣрезъ полгода Якимовъ укралъ у товарища пять рублей и пропилъ ихъ, совершивъ при этомъ самовольную отлучку въ городъ,—два!

Полковникъ снова ударилъ ладонью:—принимая во вниманіе, что кража и самовольная отлучка совершены Якимовымъ въ то время, когда онъ числился въ разрядѣ штрафованныхъ, судъ приговорилъ его къ ста ударамъ розги. Такъ было дѣло, или я что нибудь спуталъ?

— Такъ, господинъ полковникъ, совершенно вѣрно,—отвѣтилъ поручикъ Чижъ, подвигая приговоръ къ полковнику:—угодно вамъ будетъ, господинъ полковникъ, апеллировать...

— Что такое?

— Я говорю, господинъ полковникъ, угодно вамъ апеллировать...

— Почему апеллировать!—раздраженно прервалъ полковникъ поручика Чижа:—почему апеллировать! Что это за преднамѣренное подсказываніе!

— Я не подсказываю, господинъ полковникъ, я только упоминаю о вашемъ правѣ: апеллировать или утверждать.

— Я безъ васъ знаю свои права!—полковникъ съ шумомъ двинулъ кресло:—не вамъ меня учить, понимаете! Прошу объяснить, почему вы мнѣ подсовываете апелляцію! Что руководитъ вами, какіе мотивы?

— Я, господинъ полковникъ, не подсовываю,—твердо и съ достоинствомъ произнесъ поручикъ Чижъ—а относительно апелляціи... я, конечно, на ея сторонѣ.

— Почему—*конечно*, почему? откуда эта авторитетность взялась!

— Хотя-бы потому, господинъ полковникъ, что по нашимъ же опредѣленіямъ солдатъ есть *защитникъ отечества*, а давать розги защитнику отечества...

Къ столу быстро подошелъ вольноопредѣляющійся.

— Розги—это позорно для *того, кого* наказываютъ; это ожесточаетъ *того, кто* наказываетъ, и это развращаетъ *того, кто* приговариваетъ...

— Осторожнѣй выражаться!—сердито посмотрѣлъ на вольноопредѣляющагося полковникъ,—новый Сократъ нашелся!.. Этотъ солдатъ—преступникъ, понимаешь!..

— Пьянство—болѣзнь, а не преступленіе; его нужно лѣчить, а не наказывать... да еще розгами.

Полковникъ презрительно махнулъ рукой:

— Это теорія *ученыхъ, а не наша.*—Онъ обмакнулъ перо въ чернила и наклонился надъ приговоромъ.

— Дядя, не нужно,—съ мольбою въ голосѣ, началъ вольноопредѣляющійся:—не дѣлай этого; не прибавляй ненужной жестокости... здѣсь ея и такъ довольно...

— Можно, господинъ полковникъ, апеллировать,—тихо, но настойчиво сказалъ поручикъ Чижъ:—апеллировать о замѣнѣ розогъ какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ...

— Прошу молчать!.. Получите приговоръ... Не забудьте прибавить къ дополненію приказа слѣдующее: завтра къ восьми часамъ утра произвести медицинскій осмотръ этому... какъ его... Якимову. А затѣмъ командиру перваго батальона привести приговоръ въ исполненіе въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ этого батальона.

Вольноопредѣляющійся взглянулъ на полковника:

— Дядя, а если врачъ найдетъ, что тѣлесному наказанію Якимова...

— Пожалуйста, прекратите эту комедію.

— Хорошо, хорошо, дядя, я прекращаю...—Вольноопредѣляющійся быстро направился къ дверямъ.

— Ты куда... Ты, быть можетъ, къ врачу?

— Да, я къ нему. Я постараюсь убѣдить его... Если, вмѣсто розогъ, будетъ другое наказаніе, отъ этого законъ не пострадаетъ.

— Если бы меня приговорили, я безпрекословно легъ-бы подъ розги,—раздраженно заговорилъ полковникъ:—почему-же для какого-то пьяницы Якимова я долженъ дѣлать исключеніе!

— Вольному-воля, спасенному-рай, дядя. Я тоже сдѣлаю то, что *долженъ* сдѣлать.

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь!

— Нѣтъ, сдѣлаю!—вспыхнулъ вольноопредѣляющійся.

— Хорошо, посмотримъ.—Полковникъ повернулся къ дверямъ и сказалъ громкимъ оффиціальнымъ тономъ: — ординарецъ, отъ дверей не отходить, господина вольноопредѣляющагося изъ комнаты не выпускать; слышишь тамъ?

— Такъ точно, вашескородіе—раздалось изъ-за дверей.

— Дядя, пустите меня, умоляю васъ! Къ чему это!..

— Сядь и молчи!

— Дядя, такъ нельзя, это насиліе!..

— Хорошо.

— Не хотите... не хотите... знайте же, это гадко, это гнусно, это...

Полковникъ придвинулъ адъютанту листъ бумаги и сухо сказалъ:

— Пишите.

Поручикъ удивленно взглянулъ на полковника.

— Что писать?

— Пишите: за употребленіе дерзкихъ выраженій въ разговорѣ съ командиромъ полка, вольноопредѣляющійся второй роты Немировскій подвергается пятидневному аресту на полковой гауптвахтѣ.

IX.

Якимовъ лежалъ на голыхъ досчатыхъ нарахъ у стѣны камеры Противоположная стѣна, полуосвѣщенная прикрученной керосиновой лампочкой, тускло глядѣла въ его лицо тупой пыльной бѣлизной.

Якимовъ ни о чемъ не думалъ и ничего не искалъ въ своей памяти.

Иногда ему казалось, что по стѣнѣ пробѣгали совсѣмъ тонкія, почти прозрачныя и безцвѣтныя тѣни, и тогда пыльная бѣлизна стѣны начинала колебаться и какъ будто расплывалась, и изъподъ нея внезапно выглядывали пятна рѣзкаго, ярко-желтаго и веселаго цвѣта.

И когда Якимовъ вглядывался въ этотъ яркій, смѣющійся цвѣтъ, онъ чувствовалъ что-то знакомое, безпокойное и вызывающее.

Да, это бывало такъ:

Онъ бросаетъ работу и съ нѣсколькими товарищами начинаетъ пить. Къ нимъ приходятъ женщины. Дѣлается шумно. Они вмѣстѣ пьютъ и поютъ. Женщины садятся къ нимъ на колѣни, даютъ себя трогать и обнимать. Становится весело, хорошо и тепло, и хочется все больше пить и быть съ женщинами. И когда кто-нибудь изъ товарищей говоритъ о работѣ, о мастерской, о хозяинѣ, его не слушаютъ и кричатъ ему: «Брось, дьяволъ!.. Пей и гуляй!.. Что тамъ... двумъ смертямъ не бывать»!.. И они гуляютъ, и имъ кажется, что на свѣтѣ есть только веселье, а все остальное гдѣ-то далеко, внѣ ощутимой жизни.

Да, и вотъ еще:

Сданные въ солдаты, направляются они, чужіе другъ другу люди, къ вокзалу. Всѣ они пьяны. Это дикая орда, охваченная безсмысленно-жестокой страстью разрушенія. Якимовъ среди нихъ. Всѣ лавки на улицѣ быстро закрываются. Толпа движется и на ходу разбиваетъ окна и двери, и набрасывается на встрѣчныхъ людей и съ безумнымъ гоготаньемъ преслѣдуетъ мелькнувшую въ проулкѣ женскую фигуру.

И Якимовъ тоже билъ стекла и сбивалъ съ ногъ случайныхъ прохожихъ и, вмѣстѣ съ толпой, составляя какъ бы ея неотъемлемую часть, гнался за женщиной. Полный, какъ и эта толпа, какого-то страннаго, откуда-то появившагося въ немъ презрѣнія и ненависти ко всѣмъ, кто не идетъ на военную службу, онъ нелѣпо размахивалъ руками, ругался, гоготалъ и преслѣдовалъ, не зная ясно, кого и за что.

И такъ ярко все онъ увидѣлъ, будто тутъ оно, близко, вотъ предъ нимъ... И снова, какъ тогда, почувствовалъ онъ, что его

охватила мутная, шумная волна хаотическаго движенія. И съ блестящими глазами онъ приподнялся съ наръ, немного подался впередъ и загоготалъ страннымъ, сдержаннымъ, какъ будто чужимъ голосомъ: Въ тусклой тишинѣ камеры это гоготанье откликнулось стальнымъ, звенящимъ перекатомъ, удивленно разсыпавшимся по угламъ вздрогнувшаго полусвѣта. И когда Якимовъ услыхалъ это гоготанье, ему стало жутко; онъ робко оглянулся, плотнѣе натянулъ на себя шинель и снова осторожно улегся на нары.

Потомъ служба. Онъ шагаетъ; повторяетъ много разъ слова объ обязанностяхъ солдата и о томъ, *что, какъ и кому нужно отвѣчать*; онъ стрѣляетъ, идетъ на маневры, и первый годъ службы конченъ.

Тускло смотритъ пыльная бѣлизна полуосвѣщенной стѣны.

Первый годъ службы конченъ. Все просто. Такъ должно быть. Якимовъ не думаетъ объ этомъ.

Онъ уже *старый* солдатъ. Въ строй его рѣдко берутъ. Онъ сапожникъ и постоянно занятъ работой, шьетъ сапоги для цейхгауза. Когда онъ дѣлаетъ починку *частную*, для солдатъ, солдаты платятъ ему. У него всегда есть деньги. По воскресеньямъ, когда онъ съ командой увольняется въ городъ для покупокъ, онъ начинаетъ пить, и каждый разъ все больше и больше. Онъ опаздываетъ, возвращается иногда послѣ повѣрки; на это смотрятъ сквозь пальцы—онъ сшилъ взводному пару сапогъ...

Въ сознаніи Якимова шевельнулось что-то знакомое. «Здѣсь, на гауптвахтѣ, въ этой же камерѣ онъ уже когда-то сидѣлъ. За что, что тогда случилось»? Онъ мучительно закрываетъ глаза, онъ думаетъ. Да, онъ вспомнилъ:

Было утро. Его позвали на квартиру ротнаго командира, штабсъ-капитана Левицкаго.

— Якимовъ, осмотри сапоги, годятся они еще куда-нибудь или нѣтъ.

Якимовъ долго осматривалъ сапоги. Онъ мялъ ихъ, тыкалъ пальцемъ въ швы, стучалъ согнутымъ пальцемъ о подошву, всовывалъ всю руку въ голенище и что-то ковырялъ тамъ.

— Плохо, вашескородіе.

На его лицѣ показалась сочувствующая командиру печальная улыбка.

— То-есть, какъ же плохо? Развѣ совсѣмъ уже не годятся?

— Годиться они, вашескородіе, пожалуй, еще годятся, но только...

— Что только?.. Да говори же, животное, скорѣй! Ломается, какъ дѣвка...

— Они, вашескородіе, еще годятся, но только придется новый товаръ прикупить; потому—ежели старый, онъ...

— Насколько нужно купить?

Якимовъ сталъ считать, загибая одинъ палецъ за другимъ.

— Сперва на подметки; ну рубль положимъ—разъ; потомъ на подборы и на...

— Да сколько всего, идолъ...

— Ну... ежели, вашескородіе, два рубля двадцать пять копеекъ... довольно.

— На. Тутъ три рубля. Сдачи принесешь. Смотри, выбирай хорошій товаръ, и чтобы завтра утромъ готово было.

— Такъ точно, вышескородіе. А только мнѣ для товару въ городъ пойтить нужно.

— Пойди хоть къ чорту... Скажи фельдфебелю, онъ билетъ напишетъ, безъ билета не ходить...

И когда фельдфебель, низко наклонивъ къ лѣвой рукѣ голову, писалъ билетъ. Якимовъ уже чувствовалъ странный трепетъ своего дыханія. Онъ уже чувствовалъ, что въ немъ подымается что-то безъ словъ и безъ мыслей. Скорѣе бы уйти...

Фельдфебель подалъ ему билетъ.

— На. Только смотри мнѣ, Якимовъ... Ты сталъ попивать послѣднее время, не запей и теперь. Ты идешь безъ команды и некому будетъ тебя вытащить, если ты запьешь.—Фельдфебель говорилъ спокойно, разсудительно, и каждое слово его смотрѣло серьезно и тяжело.—И потомъ, у тебя деньги командира и сапоги ты съ собой командирскіе берешь...

— Ихъ построчить нужно, господинъ фельдфебель.

— Знаю я, но только... смотри. Я тебя предупреждаю...

— Я, господинъ фельдфебель, что нужно сдѣлаю и сейчасъ вернусь... Я тамъ сидѣть не буду, что мнѣ тамъ...

— «Что мнѣ тамъ»! А я знаю, что тебѣ тамъ!.. запьешь, вотъ и будетъ... Ну, иди. Чортъ съ тобой. Самъ за себя отвѣчай...

И все было пропито... И тѣ три рубля, которые онъ раньше собралъ, и тѣ три рубля, которые даны были ему на покупку товара, и тѣ два рубля, которые кто-то во время попойки подсунулъ ему за сапоги командира.

Ярко желтымъ свѣтомъ вспыхнуло что-то въ глазахъ Якимова. Ликующимъ, беззаботнымъ весельемъ полны были кружившіеся вокругъ него люди; и тысячи переливающихся голосовъ трактирной музыкальной машины опьяняли своимъ гуломъ и смѣхомъ; и были женщины...

Потомъ... командиръ билъ жестоко... Онъ билъ руками и ногами по лицу и по животу. И потомъ отдалъ его подъ судъ.

— Собака!—прошепталъ Якимовъ, злобно открывая глаза.—Бьетъ, бьетъ, а потомъ еще подъ судъ... Звѣрь ненасытный!.. Все ему мало!

Блѣдно-печальный разсвѣтъ глядѣлъ уже въ окно камеры.

Двухнедѣльное заключеніе на хлѣбѣ и на водѣ. Зачисленіе на годъ въ разрядъ штрафованныхъ. Потомъ снова казармы и тягуче монотонная, сѣрая жизнь. Якимовъ слушалъ томительно-скучные для него разсказы деревенскаго парня Костенко о посѣвахъ и домовыхъ, о лошадяхъ и дѣвкахъ, и ему все это казалось страшно глупымъ.

Онъ не работалъ уже. Его заставляли ходить въ строй, исполнять всѣ требованія службы, и его не пускали уже больше въ городъ.

И это время казалось ему безконечнымъ и невыносимымъ.

Костенко получилъ изъ дому семь рублей. Онъ пошелъ съ Якимовымъ въ полковую лавочку, и они пропили тамъ два рубля.

Это было въ воскресный день. Костенко, пошатываясь, добрался до койки и почти мгновенно уснулъ тяжелымъ, глухимъ сномъ. Якимовъ бродилъ по ротѣ. Онъ съ завистью глядѣлъ на команду, которая съ веселымъ шумомъ строилась, чтобы идти въ городъ.

«Его не пустятъ. Онъ штрафованный. Къ нему относятся съ недовѣріемъ».

Команда тронулась. Унтеръ-офицеръ кивнулъ Якимову головой.

— Господинъ, а господинъ, въ городъ не желаете, ась?.. Или лучше еще подождете немного... еще такъ съ годикъ!..

Якимовъ отвернулся. Въ казармѣ почти пусто... «Пойти бы?..». Голова Якимова слегка кружится. Онъ подошелъ къ койкѣ и посмотрѣлъ на Костенко. У Костенко осталось пять рублей... «Попросить бы у него и пойти... пойти»...

— Костенко, братуха, займи денегъ.

Костенко, не раскрывая рта, замычалъ что то, и, не просыпаясь, повернулся на другой бокъ.

Якимовъ наклонился къ нему и проситъ. Онъ знаетъ, что Костенко ничего не слышитъ и ничего не понимаетъ, и онъ все-же проситъ... Ему кажется, что *такъ* можно будетъ взять... онъ вѣдь предупреждаетъ, проситъ... Это будетъ, ему кажется, не такъ преступно. «Ну, дай, займи, парнюга, заработаю—отдамъ...» Онъ такъ говоритъ, шепчетъ; а можетъ-быть, и нѣтъ; можетъ быть онъ только думаетъ это... «Ну, дай, парнюга...»

Онъ оглянулся. Никого вблизи нѣтъ. Его пальцы дрожатъ... Ну, дай, дай, дай... Пальцы тихо подымаютъ край тюфяка... Ощущеніе чего-то твердаго, холоднаго... Серебряные рубли.

И послѣ... онъ глухимъ пустыремъ пробирается въ городъ...

Рѣзкіе звуки барабаннаго боя. Бьютъ утреннюю зорю. День

все больше проникаетъ въ камеру яснымъ прозрачнымъ свѣтомъ.

Слышны шаги, звонъ перебираемыхъ ключей, лязгъ. Вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, потушилъ лампочку и, тронувъ Якимова за плечо, сказалъ ему:

— Вставай, герой. Готовься къ бою.

Потомъ вошелъ солдатъ, далъ Якимову метлу, и Якимовъ въ ихъ присутствіи побрызгалъ каменный полъ и замелъ.

Унтеръ-офицеръ и солдатъ вышли.

Якимовъ нѣсколько разъ набиралъ въ ротъ воды, выливалъ ее въ пригоршни и съ легкимъ фырканьемъ всполаскивалъ лицо. Краемъ шинели онъ утерся, потомъ сѣлъ на нары, придвинулъ къ себѣ хлѣбъ и воду и сталъ ѣсть. Онъ откусывалъ кусокъ хлѣба и сильно жевалъ его; и каждый разъ онъ подносилъ ко рту кружку съ водой и дѣлалъ изъ нея медленный, длинный, звучный глотокъ.

X.

Солдаты и офицеры перваго батальона построились во дворѣ казармы широкимъ квадратомъ, лицами къ его центру, въ которомъ образовалось пустое пространство. Туда прошелъ батальонный командиръ, маленькій, желчный и всегда чѣмъ то недовольный человѣкъ. Гладко выбритое лицо его глядѣло злыми глазами на батальоннаго адъютанта, который пришелъ позже на нѣсколько минутъ.

— Я думаю, что адъютантъ долженъ являться раньше батальоннаго командира, но никакъ не позже.

Адъютантъ вынулъ часы.

— Безъ десяти восемь, господинъ подполковникъ, а назначено лишь въ восемь.

Батальонный командиръ что-то пробормоталъ и отошелъ отъ него.

— Все ли приготовлено?

— Такъ точно, все, господинъ подполковникъ,—быстро отвѣтилъ дежурный офицеръ.

Батальонный командиръ подошелъ къ врачу, который стоялъ немного въ сторонѣ съ фельдшеромъ, двумя санитарами и носилками.

— Осмотрѣли?.. Выдержитъ порку?

Врачъ улыбнулся мелкой торопливой улыбкой и поднесъ руку къ козырьку.

— Несомнѣнно выдержитъ, господинъ подполковникъ, несом-

нѣнно... Онъ такъ, на видъ—не казистъ, но организація у него подходящая, то-есть не подходящая... а какъ-бы сказать... выдержитъ несомнѣнно...

Всѣ посмотрѣли на Якимова. Онъ стоялъ между двумя солдатами. Неподалеку находился дежурный фельдфебель и другихъ два солдата съ пучками розогъ подъ мышкой...

Батальонный адъютантъ громко и отчетливо читалъ приговоръ.

Кругомъ было хорошо. Солнце мягко грѣло. Его лучи, отраженные стальными штыками, отскакивали пучками весело смѣющихся искорокъ.

Адъютантъ кончилъ читать. Раздалась новая команда...

Якимовъ легъ. Два солдата сидѣли на его рукахъ, два солдата на ногахъ. Пучки розогъ положены были въ порядкѣ, чтобы можно было брать одну за другою, не задерживаясь.

— Начинать Фельдфебель, считай.

Стало совсѣмъ-совсѣмъ тихо. Потомъ послышался рѣзкій жалобный свистъ. Первая розга упала на тѣло, жадно прильнувъ къ нему съ обѣихъ сторонъ. Якимовъ рванулся.

— Одна!

Еще свистъ, такой же рѣзкій и жалобный.

— Двѣ!

Потомъ еще, еще и еще.

Темныя полоски избороздили тѣло Якимова. Онѣ вздувались и чернѣли. Становилось страшно. Якимовъ выл какимъ-то заглушеннымъ страннымъ голосомъ.

Одна полоска лопнула. Капля крови взлетѣла и коснулась лица солдата, сидѣвшаго на ногахъ Якимова. Солдатъ порывисто нагнулъ голову и о плечо вытеръ кровь.

Черныя полоски лопались одна за другой. Двѣ кровавыя змѣйки сбѣгали по обѣимъ сторонамъ тѣла и падали на землю, впитываясь въ нее.

Дикій вой; обрывающійся мгновенно стонъ; хриплые куски рыданія... Какъ будто сошлось нѣсколько страшно-безумныхъ человѣкъ и зубами отрываютъ они другъ у друга куски мяса.

— Пятьдесятъ!—считаетъ фельдфебель.

Врачъ вопросительно взглянулъ на подполковника:

— Передышку бы ему?

— Стой!—крикнулъ подполковникъ.

Стало тихо. Якимовъ поднялъ голову. Его лицо перекашивалось судорогой. Вокругъ рта образовалась густая, грязная пѣна изъ слезъ, слюны и пота.

— Больше не могу... не могу... не нужно...—Онъ издалъ

какой-то ревъ и мгновенно умолкъ, глядя на врача краснымъ, мутнымъ, безконечно умоляющимъ взоромъ.

Врачъ наклонился къ его лицу, приложилъ руку къ его сердцу и нѣсколько мгновеній слушалъ. Потомъ отошелъ отъ него и обратился къ батальонному командиру:

— Ничего... можно... выдержитъ...

Подполковникъ посмотрѣлъ на часы:—отдохнулъ, будетъ; я думаю, можно продолжать?

Врачъ сказалъ:—Можно.

Снова жалобно—рѣзкій свистъ розогъ.

Снова тонкія змѣйки человѣческой крови.

Снова куски хриплаго, дикаго рыданія.

Пятьсотъ солдатъ батальона стояли недвижно. Ихъ взгляды не теряли ни одного взмаха розги, ни одной судороги извивавшагося Якимова. И среди этого мертваго строя вдругъ странно звякнуло ударившееся о землю ружье Костенки. Всѣ вздрогнули. Глаза, какъ будто насильно оторванные отъ Якимова, сразу устремились въ другую сторону.

Трясущіеся пальцы Костенко выпустили ружье, и оно упало на землю. Костенко улыбнулся слабой виноватой улыбкой, нагнулся, дотронулся до ружья и на мгновенье остался въ такомъ согнутомъ положеніи. Потомъ онъ зашатался, уткнулся головой впередъ, въ землю, и тяжело повалился всѣмъ тѣломъ на ружье. Произошло минутное замѣшательство.

— Носилки!.. Фельдшеръ, забери его!—батальонный командиръ указалъ на Костенко.—Уноси! Маршъ!

Фельдфебель продолжалъ считать...

Билитъ.

Второй съѣздъ международной ассоціаціи академій.

Съ 25 по 27 мая (по новому стилю) 1904 г. состоялся въ Лондонѣ второй съѣздъ международной ассоціаціи академій. Исторія возникновенія этой ассоціаціи, ея задачи, а равно и первый съѣздъ ея въ Парижѣ, въ 1901 году, были мною обстоятельно изложены въ «Мірѣ Божіемъ» (1902 г. стр. 158—173).

Состоя въ органической связи съ первымъ, второй съѣздъ частью продолжалъ разработку вопросовъ, затронутыхъ и обсуждавшихся на первомъ съѣздѣ, частью возбудилъ рядъ новыхъ задачъ, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго изложенія.

Собранія этого съѣзда, какъ общія, такъ и частныя, по его двумъ отдѣленіямъ: физико-математическому и историко-филологическому происходили въ помѣщеніи Лондонскаго королевскаго общества (Burlington-house).

На первомъ общемъ собраніи, которымъ начался съѣздъ, оказалось на лицо 68 членовъ; среди нихъ 21—изъ Лондона, 14—изъ Парижа, 11—изъ Германіи, 7—изъ Вѣны, по два изъ Амстердама, Буда-Пешта, Копенгагена, Петербурга, Рима и Стокгольма; по одному изъ Брюсселя, Христіаніи, Мадрида и Вашингтона.

Общее собраніе открылось выборами предсѣдателя съѣзда. Въ виду состоявшагося на первомъ съѣздѣ ассоціаціи постановленія, выбирать на эту должность предсѣдателя совѣта ассоціаціи, какъ лица, наиболѣе знакомаго съ дѣлами ассоціаціи, предсѣдателемъ 2-го съѣзда былъ выбранъ членъ Лондонскаго королевскаго общества М. Фостеръ.

Въ рѣчи своей предсѣдатель съѣзда прежде всего помянулъ скончавшихся со времени перваго съѣзда членовъ ассоціаціи: историка Момзена, извѣстнаго знатока строенія мозга Гиса, бывшаго предсѣдателемъ коммиссіи по разслѣдованію мозга, и не менѣе извѣстнаго Марея въ Парижѣ, основателя международнаго института (по разслѣдованію способовъ контроля регистрирующихъ аппаратовъ, употребляемыхъ при физіологическихъ розысканіяхъ), названнаго институтомъ Марея, въ честь его основателя.

Предсѣдатель сообщилъ, что составъ ассоціаціи увеличился двумя присоединившимися къ ассоціаціи академіями: недавно возникшей бри-

танской академіей историко-филологическихъ наукъ и реальной академіей наукъ въ Мадридѣ *).

Далѣе президентъ съѣзда обратилъ вниманіе собранія на отсутствіе въ составѣ ассоціаціи Швейцаріи и Японіи, участіе которыхъ въ трудахъ ассоціаціи было бы крайне желательно.

Въ заключеніе президентъ сообщилъ, что въ розданномъ гг. членамъ ассоціаціи отчетѣ о дѣятельности ея совѣта (за промежутокъ времени между первымъ и вторымъ съѣздами) значатся два поступившія на усмотрѣніе совѣта предложенія, относительно которыхъ совѣтъ, по важности ихъ содержанія, не счелъ возможнымъ постановить опредѣленнаго рѣшенія. Одно изъ этихъ предложеній: выясненіе отношенія ассоціаціи къ научнымъ предпріятіямъ международнаго характера, требующимъ пособія отъ правительствъ, совѣтъ рѣшилъ включить въ программу занятій предстоящаго съѣзда; другое же: насколько желательно пріобрѣтеніе ассоціаціей недвижимаго имущества, положено передать на разрѣшеніе одного изъ будущихъ съѣздовъ, въ виду затруднительности положить въ настоящее время какое либо опредѣленное рѣшеніе.

За рѣчью предсѣдателя послѣдовало избраніе должностныхъ лицъ съѣзда: вице-предсѣдателя, почетныхъ предсѣдателей и секретарей съѣзда. Положено, что собраніе не будетъ открыто для прессы, но предоставлено секретарямъ съѣзда сообщать представителямъ прессы о ходѣ съѣзда все, что найдутъ нужнымъ. Собраніе затѣмъ перешло къ обсужденію текущихъ дѣлъ:

1) Предложенныя Вѣнской академіей и поддержанныя большею частью другими академіями измѣненія въ редакціи пунктовъ 4 и 5 въ § IX статутовъ. Въ этихъ пунктахъ точнѣе опредѣлены и нѣсколько видоизмѣнены выборы президента совѣта и его товарища. Принята слѣдующая редакція этихъ пунктовъ:

§ IX пунктъ 4. Президентъ совѣта назначается академіей выбранной для слѣдующаго съѣзда.

§ IX пунктъ 5. Вице-Президентъ, выбираемый изъ другой секціи, назначается подобнымъ же образомъ. Если же академія, предназначенная заправлять будущимъ съѣздомъ, окажется заключающей лишь одну изъ секцій, то выборъ вице-президента поручается ассоціаціей другой академіи.

По предложенію проф. Гомперца, положено, кромѣ того, производить выборъ вице-президента совѣта въ возможно скоромъ времени, не дожидаясь, какъ это практиковалось до сихъ поръ, полнаго собранія совѣта ассоціаціи; этимъ достигается возможность приступить по окон-

*) Въ засѣданія ассоціаціи былъ, кромѣ того, допущенъ и делегатъ академіи историческихъ наукъ въ Мадридѣ, окончательное присоединеніе которой не могло еще состояться, какъ выяснилось, только изъ за несоблюденія нѣкоторыхъ необходимыхъ для этого формальностей.

чаніи съѣзда немедленно къ веденію дѣлъ по обоимъ отдѣленіямъ, изъ коихъ одно вѣдаетъ президентъ совѣта, а другое вице-президентъ.

2) По обсужденіи вопроса касательно международныхъ предпріятій, требующихъ пособія отъ правительствъ, принята слѣдующая резолюція:

«Всякая новая международная организація, субсидируемая нѣсколькими государствами, должна быть предварительно строго разслѣдована, какъ по отношенію къ ея значенію, такъ и ея предмету; весьма желательно, чтобы предложенія касательно подобныхъ организацій, до окончательнаго приступа къ ихъ осуществленію, были тщательно взвѣшены и обсуждены международной ассоціаціей академій».

3. Заслушанъ представленный Армстронгомъ отчетъ-проектъ исполнительнаго комитета по изданію международной библіографіи и постановлено рѣшеніе: «Собраніе, признавая большое значеніе международной библіографіи (каталога) по естествознанію и математикѣ, считаетъ необходимымъ содѣйствовать возможно большему ознакомленію съ нимъ читающей публики, а также по возможности вліять на авторовъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ заглавіи работы обозначалось содержаніе ея по образцу, принятому лондонскимъ королевскимъ обществомъ въ международной библіографіи».

По поводу разсужденій о международной библіографіи, г. *Брайсъ* сообщилъ собранію, что Британская академія уже сдѣлала первые шаги къ изданію подобнаго же каталога по филологіи и остальнымъ отраслямъ знанія, не вошедшимъ въ библіографію по естествознанію и математикѣ.

4. Г. Бутру сдѣлалъ краткій докладъ о подготовительныхъ работахъ къ полному изданію каталога манускриптовъ Лейбница, произведенныхъ, по порученію ассоціаціи, академіей наукъ (Institut) и академіей моральныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ, совмѣстно съ королевской академіей наукъ въ Берлинѣ, и обратился затѣмъ къ общему собранію съ просьбою продлить срокъ изданія этого каталога, для котораго матеріалъ уже собранъ, до слѣдующаго общаго собранія въ 1907 году.

Проф. Д. Дарвинъ сообщилъ собранію, что подготовляется полное изданіе сочиненій Ньютона.

5. Въ заключеніе 1-го засѣданія общаго собранія мѣстомъ слѣдующаго съѣзда въ 1907 г. была выбрана Вѣна, а на этомъ основаніи признано, что Императорская академія въ Вѣнѣ съ 1-го января 1904 г. становится академіей—*заправительницей* на ближайшіе три года. Секціонныя засѣданія по обоимъ отдѣленіямъ ассоціаціи назначены на 26-е мая, а слѣдующее общее—на 27-е мая.

Засѣданія секціи по естествознанію и математикѣ были открыты отчетомъ проф. Вальдейера о дѣятельности коммиссіи по разслѣдованію анатоміи центральной нервной системы. Избранный ея предсѣдателемъ, на мѣсто скончавшагося, за нѣсколько дней до открытія съѣзда,

проф. Гиса, Проф. Вальдейеръ сообщилъ, что коммиссія имѣла засѣданіе 24-го мая въ полномъ составѣ: изъ центральнаго отдѣленія и семи спеціальныхъ подкоммиссій и приняла рѣшеніе: предложить академіямъ и обществамъ, вошедшимъ въ составъ ассоціаціи, сдѣлать отъ ея имени соотвѣтственнымъ правительствамъ или какой либо правительственной инстанціи, вѣдающей это дѣло, представленіе объ учрежденіи, для разслѣдованія строенія центральной нервной системы, спеціальнаго института или отдѣла его, если таковыхъ въ странѣ еще не имѣется. Кромѣ того, согласно предложенію предсѣдателя, положено пригласить въ центральный комитетъ, представляющій постоянную коммиссію соединенныхъ академій, по представителю отъ каждой академіи; представителемъ Россіи избранъ проф. Бехтеревъ.

По одобреніи этого предложенія собраніемъ, секція перешла къ обсужденію, внесеннаго лондонскимъ королевскимъ обществомъ, отъ имени международнаго геологическаго конгресса, предложенія ассоціаціи принять участіе въ тѣхъ изъ ученыхъ разслѣдованій конгресса, которыя, представляя большой интересъ для геологовъ, требуютъ геодезическихъ и другихъ измѣреній, лежащихъ внѣ сферы обыденныхъ геологическихъ розысканій.

Прочитано затѣмъ формулированное особымъ комитетомъ предложеніе касательно участія ассоціаціи, съ указаніемъ 3-хъ особенно важныхъ предметовъ подобной кооперації:

1. Учрежденіе сейсмологическихъ станцій по всей поверхности земного шара, снабженныхъ инструментами одинаковаго типа, которые бы сдѣлали возможнымъ точное сравненіе результатовъ.

2. Точная нивелировка въ горныхъ хребтахъ, подверженныхъ землетрясеніямъ, съ цѣлью выяснить, пребываютъ ли хребты неизмѣнившимися или же обнаруживаютъ перемѣщеніе: поднятіе или опусканіе.

3) Измѣреніе силы тяжести, насколько это касается геологическихъ вопросовъ и можетъ пролить свѣтъ относительно распредѣленія внутри земли (твердыхъ) массъ, такъ и крѣпости и явленій изостазіи земной коры.

Предложеніе это было поддержано представителемъ Парижской академіи наукъ Лапараномъ. Изъ его сообщенія выяснилось, что Парижская академія заинтересована проектомъ международной кооперації по геологическимъ вопросамъ съ 1900 года. На восьмомъ съѣздѣ геологовъ въ Парижѣ, по предложенію сэра А. Гейки (Geikie), состоящаго въ настоящее время секретаремъ лондонскаго королевскаго общества, была избрана коммиссія изъ 16 членовъ, которой поручено было указать, въ какихъ геологическихъ разслѣдованіяхъ международная кооперація могла бы быть всего болѣе полезной; этой же коммиссіи предоставлено было также выяснить, какимъ образомъ достигнуть наибольшаго единства въ методахъ разслѣдованія. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ выбранъ сэръ А. Гейки.

На девятомъ съѣздѣ международнаго геологическаго конгресса въ Вѣнѣ въ 1903 году серъ А. Гейки сдѣлалъ въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи по этому предмету докладъ и, выставивъ важность изученія землетрясеній и движеній земной коры, указалъ на необходимость привлечь къ участію въ этихъ разслѣдованіяхъ геодезистовъ и сдѣлать воззваніе къ международной геодезической ассоціаціи. Вслѣдъ затѣмъ онъ обратилъ вниманіе собранія на нашу ассоціацію академій, тогда только что открывшуюся, какъ на учрежденіе наиболѣе приспособленное къ выполненію вышеизложенныхъ пожеланій, и предложилъ съѣзду выбрать коммиссію изъ среды присутствующихъ членовъ для подготовительныхъ работъ по осуществленію предложеннаго. Общимъ собраніемъ съѣзда и была утверждена коммиссія изъ 8 членовъ, подъ предсѣдательствомъ сера А. Гейки. Членомъ коммиссіи со стороны Франціи, г. Барруа, былъ сдѣланъ въ этомъ смыслѣ докладъ сейсмологической коммиссіи при парижской академіи и принятъ ею весьма сочувственно.

Академія шире взглянула на это дѣло; подтвержденіе соотношеній между землетрясеніями съ измѣнчивостью твердости земной коры далеко не исчерпываетъ, по ея мнѣнію, задачи. Нельзя даже предвидѣть къ какимъ неожиданнымъ выводамъ можетъ привесть точное опредѣленіе, дружными усиліями, главныхъ центровъ сотрясенія земной коры и къ какимъ открытіямъ, относительно физическаго состоянія внутренности земнаго шара, поведутъ эти розысканія. Разслѣдованія послѣдняго времени являются, по мнѣнію академіи, новымъ аргументомъ въ пользу методическихъ розысканій въ этомъ направленіи. Разслѣдованіе аномаліи силы тяжести открыли тѣсную ихъ связь съ движеніями и смѣщеніями земной коры. На подобную же связь съ послѣдними указываютъ и наблюденныя аномаліи магнетизма. Наконецъ, обнаруженныя въ послѣдніе года незначительныя перемѣщенія полюса находятся, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, тоже въ зависимости отъ большихъ сейсмическихъ пертурбацій. Однимъ словомъ, разсматриваемый вопросъ является на столько общимъ, что въ одинаковой мѣрѣ въ состояніи заинтересовать астрономовъ, геодезистовъ, физиковъ и геологовъ.

Затѣмъ послѣдовалъ мой докладъ отъ имени нашей академіи наукъ, предложенный академикомъ Карпинскимъ:

«Въ виду имѣющагося у насъ спеціальнаго учрежденія для сейсмическихъ розысканій было бы, можетъ быть, практичнѣе въ настоящемъ случаѣ не включать вышеупомянутыхъ разслѣдованій въ кругъ непосредственныхъ трудовъ ассоціаціи.

«На основаніи международныхъ сношеній касательно сейсмическихъ розысканій, которыя завязались нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возникла въ С.-Петербургѣ мѣстная коммиссія по землетрясеніямъ; въ составъ ея вошли члены академіи наукъ по астрономіи (и геодезіи), по геологіи, физикѣ и метеорологіи, а также и представители другихъ учрежденій:

геодезической секціи Главнаго Штаба, геологическаго комитета, географическаго общества и проч. Коммиссія эта издаетъ свои труды (Comptes rendus и Bulletin) и располагаетъ годовымъ бюджетомъ въ 10.000 руб.

«При настоящихъ обстоятельствахъ не имѣется еще повода реорганизовать международную кооперацію по разслѣдованію землетрясеній, и казалось бы предпочтительнѣе учредить при каждой изъ академій мѣстныя сейсмическія коммиссіи подобныя тѣмъ, которыя имѣются въ Вѣнѣ и Петербургѣ. При посредствѣ этихъ коммиссій академіи и ассоціація могли бы войти въ непосредственныя сношенія и кооперації со спеціальными сейсмическимъ учрежденіемъ».

По поводу выяснившагося различія во взглядахъ, по отношенію къ предложенію международнаго геологическаго конгресса, произошли оживленныя пренія, результатомъ которыхъ было принятіе слѣдующаго предложенія проф. Бецольда: «образовать особую коммиссію для изысканія наилучшихъ способовъ согласованія существующихъ организацій со взглядами международной ассоціаціи академій». Кромѣ того, опредѣлено, чтобы коммиссія эта была составлена изъ представителей (по одному) отъ каждой изъ академій, имѣющихъ физико-математическое отдѣленіе; делегатомъ Россіи былъ выбранъ академикъ Карпинскій *).

Проф. Рике прочелъ слѣдующее предложеніе ассоціаціи отъ академій Гёттингена, Лейпцига, Мюнхена и Вѣны: «Предлагается международной ассоціаціи академій включить въ число своихъ задачъ разслѣдованіе явленій атмосфернаго электричества и озаботиться устройствомъ, срокомъ на два года, этихъ наблюденій на большомъ числѣ станцій, раціонально расположенныхъ по поверхности земного шара. По обсужденію этого предложенія положено выбрать коммиссію и поручить ей выработку плана розысканій и, если окажется возможнымъ, и организацію международной кооперації на два слѣдующихъ года».

Принято также предложеніе проф. Бецольда отъ имени берлинской академіи касательно земного магнетизма: образовать спеціальную коммиссію для разсмотрѣнія наилучшихъ методовъ производства магнит-

*) Засѣданія предложенной проф. Бецольдомъ коммиссіи состоялись въ 1904-мъ году 10—12 октября (по новому стилю), во Франкфуртѣ. Со стороны Россіи принималъ въ ней участіе академикъ Чернышевъ, замѣнившій Карпинскаго, въ виду невозможности для послѣдняго уѣхать изъ Петербурга. Изъ отчета академика Чернышева, заслушаннаго нашей академіей 10 октября 1904 г. выяснилось, что коммиссія разрѣшила поставленную ей задачу: предложивъ нѣкоторыя измѣненія въ международномъ соглашеніи сейсмологическаго союза именно: разграничить по возможности роль международной сейсмической ассоціаціи и мѣстныхъ коммиссій въ различныхъ странахъ; первой она предлагаетъ заняться той стороной сейсмическихъ явленій, которая представляетъ общій интересъ, главнымъ образомъ, микросейсмическими наблюденіями; мѣстнымъ же коммиссіямъ: самостоятельную разработку всѣхъ наблюденій, связанныхъ съ геологическимъ строеніемъ и съ макросейсмическими движеніями земной коры.

ныхъ наблюденій на морѣ, съ цѣлью осуществленія по всему протяженію параллельнаго круга опредѣленной широты магнитной съемки, предложенной на предыдущемъ съѣздѣ.

Серъ Давидъ Джиль представилъ слѣдующій отчетъ лондонскаго королевскаго общества о дѣятельности коммиссіи по измѣренію дуги 30-го меридіана въ Африкѣ:

«На съѣздѣ международной геодезической ассоціаціи, состоявшемся въ Парижѣ 26 сентября 1900 года, единодушно принята была предложенная г. Гиршемъ резолюція:

«Выслушавъ съ интересомъ докладъ сэра Давида Джиля о ходѣ геодезическихъ работъ въ Африкѣ, международная геодезическая ассоціаціи вполнѣ сочувствуетъ проекту измѣренія дуги 30-го меридіана въ Африкѣ и высказываетъ пожеланіе, чтобы правительства, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ оказали бы поддержку въ осуществленіи этого большого предпріятія.

Въ слѣдующемъ 1901 году, на съѣздѣ международной ассоціаціи академій послѣдовалъ докладъ по этому предмету со стороны лондонскаго королевскаго общества. Ассоціація, сочувствуя предложенію постановила слѣдующее:

1) выразить полную и самую живую симпатію проекту лондонскаго королевскаго общества;

2) увѣдомить лондонское королевское общество и правительства заинтересованныя этимъ предпріятіемъ о послѣдовавшемъ рѣшеніи, присовокупивъ къ нему замѣчанія, которыя сочла нужнымъ сдѣлать физико-математическая секція.

Затѣмъ слѣдуютъ въ отчетѣ коммиссіи спеціальныя данныя, касающіяся тріангуляціи; отчетъ заканчивается указаніемъ, что всего практичнѣе приступить въ возможно скоромъ времени къ измѣренію дуги меридіана въ Египтѣ, примкнувъ такимъ образомъ къ измѣренію дуги меридіана астрономомъ Струве въ сѣверномъ полушаріи.

Оказалось, что до пріѣзда на съѣздъ сэру Давиду Джилю оставались совершенно неизвѣстными произведенныя русскими геодезистами работы въ Турціи, имѣвшія цѣлью продолжить измѣреніе дуги меридіана Струве до острова Кандіи. Онъ узналъ объ этомъ отъ меня изъ записки, переданной мнѣ нашими академиками астрономами для прочтенія отъ имени с.-петербургской академіи въ засѣданіи ассоціаціи. Въ виду этого, по окончаніи своего доклада, сэръ Давидъ Джиль обратился ко мнѣ съ предложеніемъ прочесть записку нашихъ астрономовъ, слѣдующаго содержанія:

«Въ виду предложенія сэра Д. Джиля приступить къ измѣренію дуги 30-го меридіана въ Африкѣ въ связи съ частью дуги меридіана, измѣренной Струве въ 1855 году, Императорская академія наукъ въ С.-Петербургѣ считаетъ долгомъ обратить вниманіе ассоціаціи на работы въ этомъ направленіи русскихъ геодезистовъ въ Турціи.

«Работы эти имѣли цѣлью продолжить измѣреніе дуги меридіана до острова Кандіи, на чемъ настаивалъ еще Струве по окончаніи произведеннаго имъ измѣренія дуги меридіана, на протяженіи отъ Ледовитаго океана до Дуная.

«Только въ 1867 году русское правительство приступило къ этой работѣ, получивъ отъ оттоманскаго правительства разрѣшеніе на производство необходимыхъ предварительныхъ розысканій. Топотрафическій отдѣлъ генеральнаго штаба и центральной николаевской обсерваторіи исполнили эту рекогносцировку, порученную капитану Картаци, бывшему адъюнктъ-астрономомъ въ Пулковской обсерваторіи. Сопровождаемый тремя ассистентами, между прочимъ, капитаномъ Артамоновымъ, состоящимъ въ настоящее время начальникомъ топографическаго отдѣла генеральнаго штаба, капитанъ Картаци отправился въ Турцію и исполнилъ весьма удовлетворительно возложенное порученіе. Выбраны были мѣста для измѣренія базисовъ и 31 географическихъ позицій. Было, кромѣ того, опредѣлено, что главная сѣть, не считая сѣти базисовъ, будетъ состоять изъ 40 треугольниковъ, обнимающихъ 10 градусовъ меридіана.

По возвращеніи экспедиціи выработанъ былъ болѣе детальный планъ этой работы (см. «Jahresbericht am 21 Mai 1868 der Nicolai Hauptsternwarte, abgestattet von Otto Struve» и «Записки военно-топографическаго отдѣла».

По предложенію Джиля, во вниманіе къ сообщенію нашей академіи собраніе рѣшило, одобривъ отчетъ лондонскаго королевскаго общества дополнить его слѣдующими заключительными словами:

1) Ассоціація, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія заслушала симпатичное сообщеніе Императорской академіи наукъ по поводу дуги меридіана и предлагаетъ приступить къ дипломатическимъ переговорамъ для распространенія дуги Струве на Египетъ.

2) Второе дополненіе, относящееся также къ дугѣ меридіана сдѣлано слѣдующее:

Ассоціація выражаетъ надежду, что германское правительство, по ходатайству берлинской академіи, сдѣлаетъ необходимые шаги для измѣренія дуги вдоль озера Танганика помощью треугольниковъ поперекъ озера или же вдоль восточнаго берега.

Профессоръ Фредерикъ представилъ отчетъ покойнаго проф. Марея касательно работъ произведенныхъ въ институтѣ его имени. Марей сообщаетъ, что декретомъ президента Французской Республики 30 іюля 1903 года институтъ имени Марея признанъ учрежденіемъ для общества полезнымъ, и утверждены его статуты. Марей представляетъ значительный списокъ выдающихся ученыхъ, изъявившихъ согласіе сдѣлаться его членами, и испрашиваетъ утвержденіе ихъ ассоціаціей въ этомъ званіи. Сообщаются данныя о финансовомъ положеніи института и отчетъ о производящихся въ немъ работахъ, преимущественно касательно двоякаго рода примѣненія графическихъ приборовъ: *хронофотилографіи* (за-

писи на разстояніи) и *хронофотографіи* для изученія движеній человѣка и животныхъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія выбраны три спеціальныя коммиссіи: 1) для изысканія наилучшихъ способовъ согласованія дѣятельности по сейсмическимъ разслѣдованіямъ организацій, уже имѣющихся при академіяхъ для этой цѣли, съ пожеланіями ассоціаціи, 2) для организаціи разслѣдованій по атмосферному электричеству и 3) для розысканія наилучшихъ способовъ магнитныхъ опредѣленій на морѣ.

Засѣданія Историко-филологическаго Отдѣленія. Первымъ предметомъ обсужденія былъ вопросъ, уже поставленный на предыдущемъ съѣздѣ: о взаимномъ обмѣнѣ манускриптами. По этому предмету былъ заслушанъ докладъ Проф. Дильса, въ которомъ сообщалось, что еще не послѣдовало окончательнаго дипломатическаго акта между Правительствами по той причинѣ, что желательно выждать исхода переговоровъ Итальянскаго и Германскаго Правительствъ по обмѣну манускриптами между этими двумя державами, о чемъ возбужденъ былъ вопросъ на конгрессѣ историковъ въ Римѣ. Дильсъ надѣется, что если иниціатива по этому предмету будетъ предоставлена Берлинской академіи, то удастся оборудовать его въ продолженіи будущаго года.

Проф. *Гольцигеръ* предложилъ собранію, чтобы въ число библіотекъ, среди которыхъ предполагается обмѣнъ рукописями, была включена и библіотека хедива въ Каиро.

Академикъ *Залеманъ* заявилъ, что С.-Петербургская академія, сообща съ представителями различныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ библіотеки, обсуждали предложеніе Берлинской Академіи касательно обмѣна манускриптами; всѣ библіотеки, за исключеніемъ подвѣдомственныхъ Святѣйшему Синоду, согласились на предлагаемый обмѣнъ.

По заявленію Проф. Карабачека, всѣ библіотеки Австріи отнеслись сочувственно къ предложеніямъ Берлинской академіи наукъ.

Г. *Брайсъ* обратилъ вниманіе собранія на то, что Бодлеяновская библіотека и нѣкоторыя другія національныя библіотеки независимы отъ Правительствъ.

По мнѣнію Проф. Павла *Мейера,* было бы лучше производить обмѣнъ рукописей, ограничиваясь непосредственными сношеніями между библіотеками, не прибѣгая къ посредству министерствъ иностранныхъ дѣлъ.

По выслушаніи вышеприведенныхъ замѣчаній, докладъ Берлинской академіи былъ одобренъ, и ей предоставлена иниціатива въ этомъ дѣлѣ, съ просьбой включить въ число библіотекъ по взаимному обмѣну манускриптами и библіотеку хедива въ Каиро, такъ какъ облегченіе въ пользованіи ея манускриптными сокровищами весьма важно для оріенталистовъ Европы.

Затѣмъ секція подвергла обсужденію вопросъ объ изданія Махабхараты и признала, что изданіе Махабхараты по плану, предложен-

ному академіями Геттингена, Лейпцига, Мюнхена и Вѣны представляетъ большой научный интересъ; она съ большою симпатіею и одобреніемъ отнеслась къ печатнымъ предварительнымъ работамъ и высказала надежду, что изданіе это удастся благополучно довесть до конца.

По изданію Энциклопедіи Ислама представилъ отчетъ проф. Гуйе. Планъ изданія, выработанный имъ и профессоромъ Гольдцигеромъ, былъ разосланъ академіямъ въ концѣ 1902 года и къ нему смѣта изданія; въ докладѣ этомъ находится и просьба къ академіямъ о субсидіи. Въ 1903 году были получены субсидіи отъ академій Амстердама, Буда Пешта, Копенгагена, Лейпцига, С.-Петербурга и Мадрида; обѣщаны субсидіи академіями dei Lincei въ Римѣ и Вѣны. Отчетъ Проф. Гуйе былъ одобренъ секціею, и положено благодарить его за отчетъ.

Профессоръ Крумбахеръ представилъ отъ имени Мюнхенской академіи планъ изданія Сборника греческихъ актовъ среднихъ вѣковъ и позднѣйшаго времени, выработанный имъ и проф. Иречекомъ въ Вѣнѣ, согласно съ резолюціей общаго собранія съѣзда ассоціаціи академій въ Парижѣ. Въ немъ подвергнуты обсужденію содержаніе, цѣль, группировка матеріала сборника, къ нему же присоединенъ реэстръ Византійскихъ и новогреческихъ актовъ, составленный Павломъ Маркомъ.

Проф. С. Ламбросъ, въ Аѳинахъ, дополнилъ реэстръ указаніемъ, какіе изъ этихъ документовъ напечатаны, и какіе остались не опубликованными.

Средства на изданіе послѣдуютъ частью отъ Баварской Академіи изъ Тереяновскаго фонда; имѣются въ виду небольшія пожертвованія со стороны Вѣнской академіи, университета въ Аѳинахъ, греческаго археологическаго общества и греческаго правительства; крайне желательны пособія со стороны другихъ академій. Представители академій Венгерской, Вѣны и dei Lincei заявили, что академіи эти, по всему вѣроятію, окажутъ посильное пособіе. Д-ръ Дильсъ выразилъ сожалѣніе, что Берлинская академія не можетъ оказать матеріальнаго содѣйствія. Академикъ Залеманъ заявилъ, что С.-Петербургская академія относится весьма сочувственно къ этому предпріятію и что средства академіи, имѣющіяся на этотъ предметъ, предназначены на изданіе греческихъ актовъ Аѳона.

Секція, одобряя проэктъ изданія Баварской академіи наукъ, выразила надежду, что изданіе это благополучно будетъ доведено до конца, согласно представленному подробному плану.

Сэръ Р. Джебъ доложилъ секціи, приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ, предложеніе британской академіи издать полный древнегреческій словарь: матеріалъ къ составленію словаря по древне-греческому языку значительно возросъ въ послѣдніе годы, обогатившись многочисленными новыми документами, какъ по эпиграфикѣ, такъ и по литературѣ. Факты эти свидѣтельствуютъ, что наступило время обратить вниманіе на греческую лексикографію. Пособіе, подобное печатающемуся большому латинскому словарю, крайне желательно для успѣховъ греческой филологіи, такъ какъ словари по обширной гре-

ческой литературѣ послѣ Аристотеля не въ состояніи удовлетворить даже обыденныхъ потребностей, работающихъ въ этой области.

Крайнимъ предѣломъ греческой литературы для словаря принято начало седьмого вѣка по Р. Хр. на томъ основаніи, что за этимъ временемъ слѣдуетъ долгій періодъ ея затишья.

Секція отнеслась къ предложенію Британской академіи съ полнымъ сочувствіемъ и избрала изъ своей среды коммиссію для разработки плана изданія.

Проф. Дильсъ просилъ секцію отложить до слѣдующаго съѣзда обсужденіе плана изданія Corpus Medicorum antiquorum, на что и послѣдовало согласіе секціи.

Графъ Де-Франквиль представилъ отъ имени академіи моральныхъ и политическихъ наукъ мемуаръ Глассона, озаглавленный «Memoire sur la condition civile des Étrangers en France». Въ виду того, что трудъ этотъ не заключаетъ спеціальныхъ вопросовъ, требующихъ обсужденія и рѣшенія ассоціаціи, но въ то же время представляетъ цѣнный вкладъ въ изученіе чрезвычайно интереснаго и важнаго предмета, секція положила, не входя въ разсмотрѣніе этого труда, заявить г. Глассону сердечную признательность за его присылку. Нѣкоторыми изъ присутствующихъ было выражено полное одобреніе этого сочиненія и высказано пожеланіе, чтобы подобные труды появились и въ другихъ странахъ.

Послѣднее заслушанное предложеніе исходило отъ Британской академіи и касалось изданія новаго словаря Пали, языка на которомъ написана часть древнѣйшихъ буддійскихъ книгъ. Схема печатанія этого словаря уже составлена обществомъ, спеціально занимающимся этимъ предметомъ (Pali Text Society).

Секція вполнѣ сочувственно отнеслась, какъ къ составленію новаго словаря по языку Пали, такъ и къ предложенію, чтобы онъ былъ составленъ согласно плану, выработанному Pali Text Society.

Въ историко-филологической секціи былъ затронутъ также и вопросъ о международномъ вспомогательномъ языкѣ, не внесенный въ программу занятій секціи. Въ виду соображенія, что предметъ этотъ, обнимающій собою вопросъ о международныхъ сношеніяхъ вообще, непосредственно не затрогиваетъ научныхъ интересовъ, а также и потому, что делегатъ отъ Academie des Inscriptions et Belles lettres въ Парижѣ заявилъ, что ему поручено академіей противодѣйствовать обсужденію этого вопроса въ ассоціаціи, дальнѣйшей бесѣды на эту тему не послѣдовало.

Вышеприведенныя постановленія секцій были доложены общему собранію 27 мая и имъ одобрены и утверждены. Этимъ собраніемъ и закончился второй съѣздъ международной ассоціаціи академій.

А. Фаминцынъ.

Крестьянскій вопросъ и аграрныя программы.

Крестьянскій вопросъ—жгучій вопросъ современности, онъ—вопросъ политическій. Если на Западѣ, гдѣ крестьянство, какъ классъ—*сословіе*, сыграло уже свою историческую *прогрессивную* роль, если и тамъ мы видимъ «погоню за мужикомъ» со стороны различныхъ политическихъ партій, начиная съ консервативной и кончая крайней лѣвой, то это тѣмъ естественнѣе у насъ, гдѣ крестьянству приходится эту задачу теперь только выполнить. Если, далѣе, на Западѣ, гдѣ могучее развитіе капитализма отодвинуло крестьянство, какъ *экономическій* производительный общественный слой, на задній планъ, если и тамъ—за исключеніемъ Англіи—онъ, по выраженію Ф. Энгельса, продолжаетъ оставаться «существеннымъ факторомъ населенія, производства и политической силы», то это тѣмъ болѣе приложимо въ Россіи, гдѣ крестьяне—въ экономическомъ смыслѣ—составляютъ еще 55% среди *самодѣятельнаго* населенія *). Понятно, почему грозный призракъ все разростающагося у насъ крестьянскаго движенія заставляетъ считаться съ собой не только бюрократическія сферы, но все болѣе и болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе различныхъ формирующихся у насъ теперь политическихъ партій. Использовать этотъ стихійный соціально-политическій факторъ, направить его въ опредѣленное русло, дать ему опредѣленный лозунгъ—такова задача всякой партійной программы, которая претендуетъ быть жизненной, дѣйственной.

I.

Передъ нами программы трехъ *оппозиціонныхъ* партій: конституціоналистовъ-демократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ. Отношеніе каждой изъ этихъ партій вполнѣ опредѣляется

*) См. А. Лосицкаго: „Этюды о населеніи Россіи по переписи 1897 г.“ (Міръ Божій 1905 № 8). Среди всего населенія крестьяне, какъ *хозяева-земледѣльцы*, занимаютъ со своими семьями 64% (80 мил. д.) Какъ *сословіе* число крестьянъ около 97 мил. или 77%. Опредѣленіе нашихъ „народниковъ“ и конституціоналистовъ-демократовъ численности крестьянъ, какъ экономической группы, въ 4/5, и даже болѣе, всего населенія не выдерживаетъ никакой критики.

историческими общественными условіями жизни тѣхъ классовъ, которые онѣ представляютъ, и тѣми цѣлями, которыя онѣ *вообще* себѣ ставятъ.

Партія конституціоналистовъ-демократовъ въ настоящемъ своемъ видѣ есть bloc изъ «прогрессивныхъ» въ политическомъ отношеніи элементовъ различныхъ общественныхъ классовъ, и притомъ классовъ съ противоположными интересами. Она включаетъ въ себѣ аграріевъ—фритрэдеровъ, добивающихся политическаго вліянія съ цѣлью поддержать переживающее кризисъ крупное сельское хозяйство, и индустріальныхъ капиталистовъ—протекціонистовъ, требующихъ внутри страны свободнаго развитія промышленной жизни, прекращенія опеки бюрократіи, которая теперь выгодна лишь небольшой группѣ промышленниковъ-монополистовъ и финансовой аристократіи. Мы встрѣчаемъ въ ея средѣ и лицъ свободныхъ профессій, для которыхъ политическая свобода является непремѣннымъ условіемъ свободнаго развитія *буржуазной* культуры. По существу своему это—партія *крупной* буржуазіи. Она стремится къ уничтоженію всѣхъ отжившихъ хозяйственныхъ формъ и къ упроченію *современныхъ*, она стоитъ за разрушенія всѣхъ преградъ на пути капиталистическаго способа производства. Господство *частной* собственности на орудія труда, въ томъ числѣ и на землю—ея исходный пунктъ. Гражданская свобода—ея цѣль.

Подобно своимъ западно-европейскимъ старшимъ сестрамъ: французской буржуазіи 1789 и нѣмецкой 1848 г. она считаетъ себя единственно «національной» въ томъ смыслѣ, что она представляетъ въ своемъ лицѣ всю націю. Свои классовые интересы она отождествляетъ съ интересами всего народа; она зоветъ, поэтому, въ свои ряды, подъ свое знамя, *всѣ* оппозиціонные классы. Наученная опытомъ западно-европейской буржуазіи, она знаетъ, что «крестьянство самый естественный союзникъ ея въ борьбѣ противъ стараго режима». Промышленная буржуазія прекрасно сознаетъ, что «основой господства буржуазіи это разрушеніе феодализма въ деревнѣ и созданіе *свободнаго владѣющаго землей* крестьянскаго класса» (Марксъ). Партія конституціоналистовъ-демократовъ требуетъ, поэтому, уравненія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, измѣненія податной системы и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Чтобы примирить интересы крупнаго частновладѣльческаго хозяйства съ крестьянскимъ, расширеніе площади крестьянскихъ земель требуется путемъ отчужденія лишь *части* помѣщичьей земли, и при этомъ на началахъ обязательнаго за счетъ государства *выкупа*, Помѣстное дворянство, входящее въ эту партію, идетъ на эту «уступку», помня изъ исторіи, что поземельной аристократіи приходилось и безъ вознагражденія отказываться отъ своихъ феодальныхъ правъ, когда «ея замки были въ огнѣ **)...

**) Какова вообще экономическая физіономія аграрной группы, видно изъ слѣдующаго факта. Изъ 531 сольско-хозяйственныхъ комитетовъ Евр. Россіи

Вторая изъ разсматриваемыхъ нами партій—партія *соціалистовъ революціонеровъ*—состоитъ также изъ различныхъ элементовъ. Въ нее входятъ и болѣе радикальная часть интеллигенціи, и небольшія группы пролетаріата, но основа ея—*крестьянство*, и по существу своему она партія *мелкобуржуазной* демократіи. Какъ и вездѣ на Западѣ, такъ и у насъ, эта партія уже въ силу экономическихъ условій своего положенія защищаетъ *внѣ классовую* точку зрѣнія считаетъ себя представительницей интересовъ всѣхъ *трудящихся* классовъ. Въ политикѣ она требуетъ *народо*власти. Стоя на точкѣ зрѣнія мелко буржуазнаго соціализма, она видитъ центръ тяжести всѣхъ бѣдствій современнаго строя въ *распредѣленіи* продуктовъ, а не въ условіяхъ производства. Оставляя безъ измѣненія эти послѣднія, она стремится къ установленію началъ «справедливости» въ современномъ обмѣнѣ, къ укрѣпленію началъ *личнаго* труда. Исходнымъ и центральнымъ пунктомъ своей экономической программы она считаетъ *поземельную* реформу. Одна фракція ея стоитъ за «націонализацію», т. е. огосударствленіе земли, другая—за «соціализацію», т. е. за расширеніе общиннаго «землепользованія»; послѣдняя мѣра является у нихъ лишь «разновидностью» *первой*. *Характернымъ* для аграрной программы этой партіи является стремленіе къ распространенію и укрѣпленію *крестьянскаго* хозяйства, *мелкаго производства* въ земледѣліи. Въ общемъ же цѣли партіи соц.-рев. также неопредѣленны и противорѣчивы, какъ и ея составъ. Программа с. р. механическая смѣсь изъ мелкобуржуазныхъ и пролетарскихъ требованій *).

Наконецъ третья партія—партія *соціалъ-демократическая*. Это—

высказались по вопросу о земледѣльческихъ рабочихъ всего на всего 200 т. е. менѣе 40%, и то многіе изъ нихъ отдѣлались лишь нѣсколькими словами. Почти ничего не дали такія губерніи, какъ Харьковская, Херсонская, Екатеринославская и Тавричнская, гдѣ, какъ извѣстно, наемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ сильно развитъ. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ прямо указывалось, что никакого регулированія этого вопроса не нужно, что „все обстоитъ благополучно“ („Нужды деревни“ 1904 г., статья Хижнякова: „Рабочій вопросъ въ деревнѣ“ стр. 286—287).

*) Утвержденіе соц. революц., что ихъ *конечная* цѣль совпадаетъ съ таковой международнаго соціализма, не измѣняетъ сущности нашей характеристики. Какъ объ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и о классахъ и о партіяхъ судятъ не по тому, что они думаютъ или говорятъ о себѣ, а по тому, что дѣлаютъ. Слѣдуетъ помнить слова Лассаля:

Das Ziel nicht zeige, zeige auch den Weg,
Denn so verwachsen ist hinienden Weg und Ziel,
Dass eines sich stets ändert mit dem andern
Und anderer Weg auch anderes Ziel erzeugt.
(Franz von Sickingen).

Не указывай лишь цѣли, укажи и путь,
Ибо путь и цѣль такъ тѣсно срощены другъ съ другомъ,
Что одна измѣняется съ измѣненіемъ другого,
И другой путь создаетъ и другую цѣль.

партія *пролетаріата* одинаково какъ городского, такъ и сельскаго. Отличительная черта ея та, что она партія *классовой* борьбы. Борясь за уничтоженіе всѣхъ привиллегій, какъ правовыхъ, такъ и экономическихъ, за уничтоженіе всѣхъ условій господства и порабощенія, она тѣмъ самымъ является защитницей всѣхъ эксплуатируемыхъ трудящихся массъ. Но она въ то же время истинная носительница современнаго *соціальнаго развитія*, и уже по этому самому не можетъ являться представительницей интересовъ, стоящихъ на пути этого развитія.

Считая *частную* собственность на орудія производства, въ томъ числѣ и *на землю*, препятствіемъ ко всестороннему и безостановочному развитію производительныхъ силъ—этой основы всякаго культурнаго соціальнаго развитія—с. д. ставитъ своей цѣлью *обобществленіе* орудій труда. Но эта цѣль можетъ быть ею достигнута лишь на извѣстной ступени развитія матеріальныхъ силъ страны, осуществленіе ея можетъ быть начато лишь при наличности опредѣленной государственной формы—*диктатуры пролетаріата*. И то и другое требуетъ еще продолжительнаго и мучительнаго историческаго процесса, безпрерывной и обостренной классовой борьбы пролетаріата. *Ускореніе* этого процесса матеріальнаго развитія, *ослабленіе* всѣхъ его болѣзненныхъ сторонъ, *усиленіе* классоваго самосознанія пролетаріата—такова задача современной соц.-демократіи, таково преслѣдуемое ею теперь общественное *движеніе*, диктуемое ея великой *цѣлью*.

Исходя изъ того, что развитіе производительныхъ силъ можетъ при настоящихъ условіяхъ итти лишь путемъ *капиталистическимъ*, что въ данный моментъ дѣло идетъ у насъ не о *соціальномъ* переворотѣ, въ смыслѣ насажденія *новаго* способа производства, а о *политическомъ*, т.-е. измѣненіи правовыхъ нормъ, соціалъ-демократія вмѣстѣ съ буржуазными партіями борется за уничтоженіе всѣхъ сословныхъ рамокъ, всѣхъ остатковъ крѣпостничества, тормозящихъ наше общественное экономическое развитіе и давящихъ болѣе всего трудящіеся слои населенія. Исходя, далѣе, изъ того, что рычагомъ прогресса во всѣхъ общественныхъ формаціяхъ, покоющихся на частной собственности, является классовая борьба, с. д. стремится къ созданію у насъ политической атмосферы, въ которой пролетаріатъ, какъ классъ, могъ бы проявить *всѣ таящіяся въ немъ силы*. Соц.-демократы, поэтому, поддерживаютъ и толкаютъ впередъ всякую партію, являющуюся дѣйствительно *прогрессивно*-оппозиціонной современной нашей общественной *надстройкѣ*.

Въ рамкахъ современнаго капиталистическаго строя с. д. не выставляетъ никакихъ экономическихъ реформъ, которыя бы могли содѣйствовать усиленію капитала и государственной машины *на счетъ* пролетаріата. Имѣя своей исторической миссіей «экспропріацію экспропріаторовъ», с. д. партія не имѣетъ никакихъ основаній лишать частной

собственности мелкаго непосредственнаго производителя, крестьянина или ремесленника. С.-демократамъ незачѣмъ «насаждать» пролетаріатъ—какъ это имъ навязываютъ—но имъ незачѣмъ насаждать и мелкую собственность. Послѣднее уже и потому, что съ технической и съ общественной стороны мелкое производство является формой отсталой сравнительно съ крупнымъ, насажденіе котораго также не входитъ въ ихъ задачу. Позиція с. д. въ аграрномъ вопросѣ въ развитой капиталистической странѣ, такимъ образомъ, ясна. Никакой *крестьянской* программы, въ смыслѣ расширенія и укрѣпленія мелкой поземельной собственности, мелкаго производства, у *с. д. партіи* быть не можетъ. Но такой программы не можетъ быть и у с. д. въ Россіи, гдѣ на ряду съ капитализмомъ продолжаютъ существовать пережитки крѣпостныхъ поземельныхъ отношеній...

Крестьянинъ—мелкій буржуа не можетъ быть членомъ этой партіи, въ ея рядахъ можетъ бороться лишь *крестьянинъ—пролетарій* и *почти или полу-пролетарій*, т.-е. условія существованія и интересы котораго тѣсно связаны съ таковыми наемнаго рабочаго. Но если между крестьянствомъ—въ экономическомъ смыслѣ—и пролетаріатомъ существуютъ противорѣчія, которыя мѣшаютъ имъ соединиться въ одну партійную организацію, то между ними все же существуетъ рядъ интересовъ *общихъ* имъ *обоимъ* по отношенію *къ государству* и къ *другимъ* классамъ, что и даетъ имъ возможность итти *временно* вмѣстѣ. «Не *партійнаго* товарищества (Parteigenossenschaft), но *союзничества* (Bundesgenossenschaft)—вотъ что мы можемъ добиться отъ крестьянъ»—писалъ Каутскій по поводу агитаціи среди крестьянъ въ Америкѣ—классической агрикультурно-индустріальной странѣ *). Это всецѣло относится и къ русскимъ соціалъ-демократамъ.

Являясь самой рѣшительной *радикально-демократической* партіей, с. д. борется теперь за государственный порядокъ, который болѣе всего соотвѣтствуетъ интересамъ своего союзника—крестьянина. Она, далѣе, обѣщаетъ ему и впредь бороться за всяческое облегченіе матеріальнаго положенія крестьянства по отношенію въ государственной машинѣ. Въ области *поземельныхъ* отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ она обѣщаетъ *поддерживать* послѣдняго по стольку, по скольку это соотвѣтствуетъ сельско-хозяйственному прогрессу страны, по скольку поземельныя реформы являются необходимымъ условіемъ *свободнаго* функціонированія производительныхъ общественныхъ силъ. Но с. д. выступаетъ и съ чисто *пролетарской* аграрной программой. И въ интересахъ *пролетаріата*, въ интересахъ свободнаго проявленія пролетарской классовой борьбы *въ деревнѣ*, она требуетъ полнаго уничтоженія *отжившихъ* формъ *собственности*, феодальныхъ порядковъ, являющихся причиной сохраненія у насъ *крѣпостническихъ* и

*) „Bauernagitation in Amerika“ N. Z. 1901—1902 г.

кабальныхъ отношеній. По скольку *пролетарскіе* интересы и выставляемыя с. д. требованія совпадаютъ здѣсь съ *крестьянскими*, распространяются и на нихъ, по столько с. д. партія *представляетъ и интересы крестьянства*...

Остановимся подробнѣе на всѣхъ этихъ трехъ аграрныхъ программахъ.

II.

Уже изъ того факта, что партія конституціоналистовъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ одинаково зовутъ *въ свои ряды* крестьянство en masse, явствуетъ, что конкурренція по части ловли мужика должна быть между ними большая. Мы и видимъ, поэтому, что партія к.-д. и направляетъ всѣ свои стрѣлы главнымъ образомъ противъ с.-р., какъ и наоборотъ. Центръ тяжести аграрной программы с.-р. это, какъ мы уже сказали и какъ увидимъ подробно далѣе, *націонализація* земли. Ее то и подвергаютъ прежде всего критикѣ теоретики к.-д. партіи.

Сущность націонализаціи или, точнѣе, огосударствленія земли заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что поземельная рента вмѣсто перехода въ руки частныхъ собственниковъ становится достояніемъ государства. Такимъ образомъ, дань, удѣляемая всѣмъ обществомъ классу поземельныхъ собственниковъ, дань, все возрастающая при нормальныхъ условіяхъ капиталистическаго развитія, взимается уже государствомъ, которое и расходуетъ ее на общественныя, вѣрнѣе, государственныя нужды. Тотъ фактъ, что вопросъ о націонализаціи—и *коммунализаціи*—имѣлъ и имѣетъ много сторонниковъ среди теоретиковъ изъ буржуазнаго лагеря и былъ поднятъ въ капиталистическихъ странахъ еще въ концѣ XVIII столѣтія, находитъ себѣ историческое объясненіе въ томъ, что «поземельная собственность въ отличіе отъ всѣхъ другихъ формъ собственности уже на извѣстной ступени развитія капиталистическаго производства является *излишней и вредной* съ точки зрѣнія *самого этого производства*. Капиталистическое производство совершенно отдѣляетъ землю, какъ *орудіе труда*, отъ поземельнаго собственника и земледѣльца; она представляетъ для землевладѣльца лишь опредѣленный денежный налогъ, взимаемый имъ, благодаря своей монополіи, съ промышленнаго капиталиста, арендатора...». (Марксъ III B. II Th. 157 s.). Вотъ это то низведеніе землевладѣльца съ положенія «руководителя и господина процесса производства, и всего хода общественной жизни, къ роли простого поземельнаго ростовщика», къ роли паразита, питающагося плодами общественнаго развитія и задерживающаго прогрессъ сельско-хозяйственной культуры, вотъ это то противорѣчіе интересовъ частнаго землевладѣнія съ таковыми остальныхъ *производительныхъ* классовъ

и лежитъ въ основѣ требованія уничтоженія частной собственности *на землю* въ предѣлахъ капиталист. строя...

Но *этой* стороны, такъ сказать самой идеи націонализаціи, теоретикъ партіи к.-д. проф. Герценштейнъ въ своей критикѣ вовсе и не затронулъ *). Нашъ профессоръ такъ далекъ отъ пониманія ея, что упрекаетъ англійскаго с.-д. Гайндмана въ непослѣдовательности: «Какъ, молъ, онъ стоя цѣликомъ на почвѣ ученія К. Маркса, тѣмъ не менѣе высказывается за націонализацію земли...».

Гайдманъ указываетъ, что націонализація земли по любому плану не является рѣшеніемъ соціальнаго вопроса, но можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служить средствомъ для борьбы съ болѣе сильной тирраніей капитала **). Это совершенно вѣрно, вполнѣ соосвѣтствуетъ взглядамъ Маркса и, въ частности относительно Англіи, согласуется съ тѣмъ, что Марксомъ было высказано въ 60-хъ годахъ въ письмѣ къ д-ру Кугельману: «Я давно того убѣжденія, что *соціальная* революція должна серьезно начаться съ земли, т.-е. съ земельной собственности... Въ Англіи всякая эмансипація рабочаго класса должна начаться съ уничтоженіемъ поземельной олигархіи...». Г. Герценштейнъ, являясь апологетомъ буржуазной собственности на орудія производства, въ томъ числѣ и на землю, старается показать, что это *противорѣчіе* съ точки зрѣнія *соціализма* требовать націонализацію земли, разъ это не примѣнимо *одновременно* къ капиталу ***).

---

*) Въ томъ, что г. Герценштейнъ не коснулся „идеи націонализаціи“ упрекаютъ его и народники. Но ихъ пониманіе этой „идеи“ отлично отъ нашего. Такъ, г. Пѣшехоновъ указываетъ на то, что г. Герценштейнъ не затронулъ „сильной стороны“ теоріи Генри Джорджа, „его основной идеи“, заключающейся „въ мысли о несправедливости присвоенія ренты частными лицами“. Какъ читатель могъ убѣдиться, мы выводимъ идею націонализаціи изъ *экономики*, а не *этики*: появленіе этой самой „мысли о несправедливости“ слѣдуетъ искать въ экономическихъ условіяхъ, а не наоборотъ... Во-вторыхъ, г. Пѣшехоновъ высказываетъ одобреніе г. Герценштейну за то, что „онъ много и хорошо говоритъ, что нельзя противопоставлять землю капиталу и землевладѣльцевъ—капиталистамъ, что дѣлаетъ Джорджъ“. Между тѣмъ, какъ мы видимъ, противопоставленіе земли капиталу не только возможно, но и необходимо съ точки зрѣнія самого капиталист. производства. Это, конечно, еще не значитъ, что можно отождествлять интересы труда и капитала, какъ это дѣлаетъ г. Джорджъ...

**) И германскій соціалъ-демократъ Фишеръ въ своей брошюрѣ „Sociale Frage und Bodenverstaatlichung“ говоритъ: „Разрѣшеніе соціальнаго вопроса огосударствленіемъ земли есть во всѣхъ отношеніяхъ утопія... Но это не мѣшаетъ тому, чтобы огосударствленіе земли, которая никогда не можетъ быть конечной цѣлью рабочихъ, чтобы оно послужило соціалистическому движенію средствомъ для достиженія дальнѣйшаго“.

***) Съ нашимъ профессоромъ случился и другой грѣхъ. Вдавшись въ исторію вопроса о націонализаціи, онъ говоритъ: „Слѣдуетъ принять во вниманіе еще то обстоятельство, что многіе объявляютъ себя сторонниками націонализаціи земли, хотя въ дѣйствительности выступаютъ съ предложеніями, которыя имѣютъ очень мало общаго съ націонализаціей. Такъ, приходится встрѣ-

Оставляя, такимъ образомъ, въ сторонѣ *основу* вопроса, г. Герценштейнъ подвергнулъ подробному разбору Генри Джорджа и Флюршейма—задача, къ слову сказать, очень легкая: ему стоило лишь обратиться къ западно-европейской *буржуазной* критикѣ, которая давно показала несостоятельность ихъ теорій даже съ ея точки зрѣнія. Эта задача была для него и благодарная, такъ какъ косвенно касалась и нашихъ «націонализаторовъ», во многомъ сходныхъ съ западно-европейскими «поземельными реформаторами». Но именно въ виду этого сходства мы считаемъ нужнымъ остановиться на Г. Джорджѣ и К° и съ нашей, *марксистской*, точки зрѣнія.

«Антагонизмъ интересовъ—говоритъ Генри Джорджъ—существуетъ не между трудомъ и капиталомъ, какъ это обыкновенно думаютъ, а въ сущности между трудомъ и капиталомъ съ одной стороны и землевладѣльцемъ съ другой...» («Прогрессъ и бѣдность» 172 стр.). «Нужда и страданія, господствующія повсюду среди рабочихъ классовъ, повторяющіеся отъ поры до времени припадки промышленнаго застоя, стѣсненное положеніе капитала, стремленіе рабочей платы къ точкѣ голоданія... зависятъ отъ того факта, что земля сдѣлана исключительной собственностью немногихъ лицъ (304 стр.)... Мы изслѣдовали причину неравномѣрнаго *распредѣленія* богатства, этого проклятія и угрозы нашей цивилизаціи, и остановились на институтѣ частной собственности на землю...» (250 стр.).

Мы могли бы увеличить число цитатъ, но и проведенныхъ, кажется, достаточно, чтобы всякому, кто хоть мало-мальски уяснилъ себѣ сущность современнаго капиталистическаго производства, бро-

---

чать указанія на то, что націонализація земли входила въ число основныхъ требованій, предъявленныхъ въ 40-хъ годахъ чартистами". Въ дѣйствительности же они мечтали о раздѣлѣ земли въ мелкую собственность въ 2 акра. „Едва ли кто—заканчиваетъ г. Герценштейнъ—будетъ теперь считать такой проектъ націонализаціей, но въ 40-хъ годахъ его разсматривали, какъ націонализацію земли". („Аграрный вопросъ" 1905 г. 95 стр.). Смѣемъ увѣрить г. профессора, что и тогда вещи назывались своими именами. Г. Герценштейнъ очевидно забылъ, что въ чартистскомъ движеніи существовало *два* теченія: одно мелкобуржуазное, другое чисто пролетарское. Вотъ что писалъ по этому поводу К. Марксъ въ 1850 г. въ „Neue Rheinische Revue: „Главнымъ пунктомъ разногласія обѣихъ чартистскихъ фракцій это—аграрный вопросъ. О'Коннеръ и его партія хотятъ воспользоваться хартіей для того, чтобы надѣлить часть рабочихъ мелкими парцеллами и въ концѣ концовъ сдѣлать парцелляцію общимъ явленіемъ во всей Англіи... Тенденція *всякой буржуазной* революціи—расщепленіе крупной поземельной собственности; и поэтому такая парцелляція могла долгое время казаться рабочимъ, какъ нѣчто революціонное, хотя она регулярно дополняется неизбѣжной тенденціей мелкой собственности къ концентраціи и къ крушенію предъ крупной агрикультурой. *Революціонная* фракція чартистовъ противопоставляла этому требованію парцелляціи требованіе конфискаціи всей поземельной собственности и требовала, чтобы она не была подѣлена, но оставалась національной собственностью". (Nachlass III B. 469 s).

силась въ глаза наивность, чтобы не сказать сильнѣе, этихъ взглядовъ. Если физіократы считали землю *единственнымъ* источникомъ богатства, т.-е. накопленія мѣновыхъ цѣнностей, если для нихъ только земледѣльческій трудъ былъ производительнымъ, т.-е. создателемъ прибавочной цѣнности, если, далѣе, они считали индустріальныя сферы «непроизводительными» отраслями производства, придатками къ земледѣлію, то это имѣло извѣстное оправданіе: они жили въ эпоху, когда буржуазное общество еще только сбрасывало съ себя феодальную скорлупу, и въ странѣ преобладающаго земледѣлія, каковой тогда и была Франція. Поземельную ренту они еще могли тогда считать *всеобщей* формой прибавочной цѣнности, а процентъ и прибыль ея подраздѣленіями; тогда имѣли мѣсто рабочая, продуктная и особенно денежная формы ренты; капиталистическая только нарождалась. Но теперь, когда стало общеизвѣстнымъ, что *прибыль* есть первоначальная общая форма прибавочной цѣнности въ современномъ производствѣ, что функціонирующій *промышленный* капиталъ властвуетъ и распредѣляетъ цѣнности, что поземельная рента и процентъ являются лишь *развѣтвленіями* прибыли; когда, далѣе, извѣстно, что въ капиталистическомъ строѣ *городъ* господствуетъ надъ деревней, что средній уровень прибыли и для сельскаго хозяйства устанавливается *въ городѣ*, что капиталистическая рента сведена *къ избытку* надъ средней нормой прибыли—теперь объяснять всѣ противорѣчія современнаго строя лишь существованіемъ частной собственности на землю, теперь считать «единственнымъ источникомъ всѣхъ его бѣдствій» существованіе одной лишь *части* прибавочной цѣнности—капиталистической поземельной ренты—это значитъ игнорировать научные результаты, добытые политической экономіей со времени Ад. Смита *).

Если мы перейдемъ отъ теоріи къ проектамъ Генри Джорджа, Флюршейма и ихъ послѣдователей, то увидимъ, что современный способъ производства является у нихъ соотвѣтствующимъ благу всѣхъ, его нужно только освободить отъ отрицательныхъ сторонъ. Они стремятся къ примиренію «индивидуализма съ соціализмомъ», какъ они говорятъ, причемъ подъ послѣднимъ они подразумѣваютъ «справедливое» распредѣленіе. Они не понимаютъ того, что распредѣленіе, существующее въ капиталистическомъ строѣ, есть лишь оборотная сторона самого производства, и что никакой соціализмъ при индивидуальномъ хозяйствѣ немыслимъ... Подобно тому, какъ физіократы, несмотря на всю свою феодальную внѣшность, на дѣлѣ работали въ пользу *буржуазнаго* производства, такъ и наши націонализаторы, исповѣдуя

*) Лидеръ нѣмецкихъ „націонализаторовъ“ Флюршеймъ дополняетъ теорію Джорджа. Онъ считаетъ врагомъ современнаго производства не только ренту, но и процентъ.—Предпринимательская прибыль у него аналогична заработной платѣ.—Но и *источникомъ* % у него въ послѣдней инстанціи является частная собственность на землю стоитъ только устранить послѣднюю, и уничтожится %.

вульгарный соціализмъ, на дѣлѣ являются защитниками именно *капитала*. Конфискація земли государствомъ путемъ апропріированія, присвоенія, поземельной ренты — такова панацея отъ всѣхъ бѣдъ Генри Джорджа *); экспропріація земли съ вознагражденіемъ и сдача ея государствомъ въ арендное пользованіе—такова менѣе радикальная, но столь же, по ихъ мнѣнію, дѣйствительная мѣра Флюршейма, Уоллеса и ихъ присныхъ...

III.

Обратимся теперь къ нашимъ проповѣдникамъ націонализаціи земли съ г. Пѣшехоновымъ во главѣ. «Общественный характеръ крестьянскаго хозяйства—говоритъ онъ въ теоретическомъ обоснованіи своей аграрной программы — конечно, не ограничивается рамками сельскохозяйственнаго производства. При посредствѣ того же рынка оно тѣснѣйшимъ образомъ связано и со всѣми другими сторонами народнаго хозяйства... Если въ сферѣ земледѣльческаго производства упрочится трудовое хозяйство, то этимъ до извѣстной степени будетъ предрѣшено направленіе и всей остальной народо-хозяйственной жизни... Другими словами: мы надѣемся, что крестьянское трудовое хозяйство послужитъ исходной точкой и надежной опорой для переустройства всей соціальной жизни на трудовыхъ началахъ...» («Рус. Бог.» № 8, 115 стр.). Сообразно съ этимъ сущность аграрной программы, по мнѣнію г. Пѣшехонова заключается не только въ томъ, чтобы «освободить крестьянина отъ работы на помѣщика, освободить его отъ обязанностей подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора», но необходимо также опредѣлить «взаимное отношеніе между крестьянами, какъ между сельско-хозяйственными производителями, втянутыми въ сферу мѣновыхъ отношеній... Размѣщеніе населенія на территоріи и распредѣленіе между городомъ и деревней — основной процессъ народо-хозяйственной жизни... Аграрная реформа должна *найти* такую форму земельныхъ отношеній. Западная Европа, худо ли хорошо,

*) И идея „единаго налога“, связываемая съ именемъ Джорджа, взята имъ у физіократовъ. Извѣстно, что Тюрго пытался ввести impôt unique на поземельную ренту взамѣнъ всѣхъ налоговъ. Въ этомъ съ одной стороны возвеличеніи поземельной собственности физіократами—говоритъ Марксъ—а съ другой стороны ея отрицаніи, частичной *конфискаціи* путемъ налога, въ ихъ стремленіи утвердить капиталъ, видно уже отраженіе *противорѣчій* нарождающагося капиталистическаго строя на ихъ систему... Исключительнымъ обложеніемъ поземельной собственности, какъ единственнаго источника прибавочной цѣнности, они тѣмъ самымъ освобождали индустрію отъ государственнаго вмѣшательства... Французская революція выполнила, какъ извѣстно, конфискацію земли en grand. Физіократы, такимъ образомъ, на дѣлѣ работали рука объ руку съ энциклопедистами на пользу великой *буржуазной* французской революціи (См. Theorien über Mehrwert von Karl Marx. I B, 44—47 ss. 1905).

рѣшила эту проблему обращеніемъ земли въ *личную* собственность. Для насъ идти этимъ путемъ невозможно. Намъ нужно повернуть въ сторону собственности государственной; земля, т.-е. рента должна быть экспропріирована коллективностью, т.-е. *государствомъ...*» (120—121 стр.) Мы видимъ, такимъ образомъ, что точка зрѣнія стараго народничества сохранилась здѣсь во всей своей архаической простотѣ.

Все, что Россія пережила экономически со времени уничтоженія крѣпостнаго права, весь путь, пройденный ею въ сторону развитія денежнаго хозяйства, индустріальнаго капитализма, все совершившееся *перераспредѣленіе рабочихъ силъ* населенія вообще, и въ частности между *городомъ* и *деревней*, весь процессъ мобилизаціи земельной собственности, дифференціаціи крестьянства, появленіе на арену нашей исторіи съ одной стороны буржуазіи, а съ другой громадной арміи пролетаріата, какъ промышленнаго, такъ и сельскаго—все это совершенно игнорируется г. Пѣшехоновымъ и его единомышленниками. Забывается о томъ, что оффиціальные и неоффиціальные изслѣдователи въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что значеніе *земледѣлія* для крестьянства все *падаетъ*, что процентъ занимающихся исключительно хлѣбопашествомъ, достигаетъ, напримѣръ, въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губ. до 13,9% муж. населенія, а въ Кинешемскомъ уѣздѣ Костромской губ. лишь до 7,6% крестьянскихъ хозяйствъ, что, по даннымъ послѣдней переписи, среди крестьянства, какъ *сословія*, $^1/_6$ часть или 17 милл. душъ уже не связаны съ земледѣліемъ, т.-е. не являются крестьянами въ экономическомъ смыслѣ. Забывается, далѣе, о томъ, что растутъ мѣстные и, главнымъ образомъ, *отхожіе* промыслы, что «тяга» въ фабричные центры и города усиливается съ каждымъ годомъ—и это особенно съ земледѣльческихъ районовъ—что уже въ 1897 г. у насъ числилось 31% неземледѣльческаго населенія, причемъ этотъ % повышается среди мужчинъ, самодѣятельныхъ и лицъ молодыхъ возрастовъ—доказательство бѣгства изъ деревни наиболѣе *активныхъ* элементовъ. Забывается, наконецъ, что у насъ пролетаріатъ составляетъ minimum 17% всего населенія и 22% среди самодѣятельнаго—при этомъ 8% падаетъ на земледѣліе въ собственномъ смыслѣ,—и что за протекшіе 9 лѣтъ мы еще дальше ушли въ этомъ направленіи... Въ противоположность существующему и у насъ, какъ на *Западѣ*, процессу развитія, перенесшему центръ тяжести въ индустрію, въ противоположность тому факту, что и сельское хозяйство все больше и больше индустріализуется и становится въ зависимости отъ индустріи, въ противоположность тому, что крестьянство, какъ экономическій слой, неизбѣжно и у насъ теряетъ значеніе въ процессѣ *общественнаго производства*, въ противоположность, наконецъ, тому, что носителемъ соціальнаго строя *будущаго* является и у насъ, какъ и во всѣхъ культурныхъ странахъ, *пролетаріатъ*, въ противоположность всему этому г. Пѣшехоновъ и К° продолжаютъ

разсказывать старыя сказки, что мы все еще стоимъ «на распутьи», что мы вольны избрать себѣ самобытный, а не капиталистическій путь экономическаго развитія, и что «активное состояніе нашего крестьянства въ эту критическую эпоху народной жизни несомнѣнно можетъ и исторію заставить свернуть съ проторенной дороги»! (1. с. 121 стр.).

Но какой же путь рекомендуетъ намъ г. Пѣшехоновъ? Это—путь, который уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ былъ открытъ г. В. В. въ его давно опровергнутыхъ жизнію и забытыхъ «Судьбахъ капитализма въ Россіи»; этотъ путь—*государственный соціализмъ*, къ которому взывалъ тогда теоретикъ народничества, отчаявшись въ въ возможность политической свободы для своей страны... Какъ видно, старикъ Гегель былъ дѣйствительно правъ, говоря, что «всѣ великія міровыя событія» повторятся въ исторіи дважды, но правъ былъ и Марксъ, прибавляя къ этому: то, что въ первый разъ является трагедіей, во второй разъ оказывается фарсомъ...

Итакъ, исходнымъ пунктомъ «соціальнаго переворота», наканунѣ котораго мы, по словамъ г. Пѣшехонова, находимся, переворота, который перестроитъ всю общественную нашу жизнь на *высшихъ* экономическихъ началахъ и осуществленіе котораго является исторической миссіей нашего крестьянства, этимъ исходнымъ пунктомъ должна служить передача земли въ собственность государства. Чѣмъ же мотивируется необходимость именно такой аграрной мѣры? Прежде всего увѣренностью г. Пѣшехонова, и въ этомъ отношеніи онъ родной братъ Г. Джорджа, увѣренностью въ томъ, что стоитъ только произойти націонализаціи всей земли, и все остальное само приложится, и у насъ зацвѣтетъ трудовое хозяйство. «Вся сельскохозяйственная экономія страны—говоритъ онъ—несомнѣнно измѣнится: «неудоба» можетъ быть опять покроется лѣсами, и сады, быть можетъ, зацвѣтутъ тамъ, гдѣ теперь разстилаются степи...» Но такъ какъ это Пѣшехоновское «трудовое хозяйство» состоитъ изъ «*отдѣльныхъ* производителей» и мѣновыя отношенія у него остаются въ полной силѣ, то возникаетъ задача: «Передъ лицомъ рынка—заявляетъ онъ—всѣ производители *непремѣнно* должны быть поставлены въ равныя условія. Иначе одинъ будетъ продавать по такой цѣнѣ, какая для другого будетъ безусловно убыточна. Одинъ производитель, стало быть, будетъ давить на другого, одна мѣстность разорять другую или наживаться на ея счетъ... При личной собственности и капиталистическомъ хозяйствѣ—продолжаетъ онъ—возможность такого давленія устраняется выдѣленіемъ ренты изъ общественнаго продукта», тѣмъ, что она передается землевладѣльцу и входитъ въ издержки производства. Въ трудовомъ хозяйствѣ г. Пѣшехонова «мѣновыя отношенія тоже выдѣлятъ ренту изъ общественнаго продукта», и вотъ «въ цѣляхъ даже только этого *уравненія* отдѣльныхъ производителей на рынкѣ» необходимо огосударствленіе ренты... Такова теорія и практика г. Пѣшехонова!

Прежде всего спрашивается: откуда нашъ національ-реформаторъ взялъ, что въ капиталистическомъ строѣ «всѣ передъ лицомъ рынка поставлены *въ равныя условія*»? Мы знаемъ, что дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Неужели ему неизвѣстна роль *конкурренціи*, которая безжалостно душитъ здѣсь слабаго, которая является въ сферѣ *обращенія* орудіемъ обогащенія одного на счетъ другого, которая и даетъ возможность болѣе сильному выуживать какъ можно больше изъ общественной сокровищницы прибавочной цѣнности, и именно на счетъ другихъ отдѣльныхъ производителей? Мы укажемъ ему тогда, что уравненіе товаропроизводителей передъ лицомъ рынка въ капиталистическомъ строѣ давнымъ давно является *мечтой* особенно *мелкобуржуазнаго* соціализма, отличительной чертой котораго всегда и вездѣ является требованіе урегулированія *распредѣленія*, оставляя самый способъ производства безъ измѣненія. Вотъ что писалъ Фр. Энгельсъ по этому поводу въ предисловіи къ «Misère de la philosophie»: «Справедливость и равенство правъ таковы тѣ основы, на которыхъ буржуазія VIII и XIX столѣтій хотѣли бы создать свое общественное зданіе на развалинахъ феодальныхъ несправедливостей, неравенствъ и привиллегій. А опредѣленіе товарной цѣнности трудомъ и совершающійся соотвѣтственно этому мѣрилу цѣнности свободный обмѣнъ продуктовъ труда между равноправными товаровладѣльцами—это, какъ показалъ Марксъ, является реальной основой, на которой была построена вся политическая, юридическая и философская идеологія современной буржуазіи. Разъ стало извѣстнымъ, что трудъ мѣрило товарной цѣнности, то и бравый буржуа долженъ былъ почувствовать себя глубоко оскорбленнымъ въ лучшихъ чувствахъ своей души зломъ, царящимъ въ мірѣ, гдѣ этотъ основной законъ справедливости, хотя и признается по имени, но на дѣлѣ ежеминутно безцеремонно нарушается. И именно мелкій буржуа, трудъ котораго, — хотя бы это былъ трудъ лишь его домочадцевъ и учениковъ—ежедневно все болѣе и болѣе обезцѣнивается конкурренціей крупнаго производства и машинами, именно мелкій производитель долженъ страстно желать общества, гдѣ обмѣнъ продуктовъ по ихъ трудовой цѣнности получаетъ, наконецъ, полное и безусловное оправданіе. Другими словами, онъ долженъ жаждать общества, въ которомъ дѣйствуетъ исключительно и неограниченно лишь одинъ законъ товарнаго производства, но гдѣ уничтожены условія, которыя только и дѣлаютъ этотъ законъ дѣйствительнымъ, т.-е. другіе законы товарнаго и далѣе, капиталистическаго производства. Какъ глубоко эта утопія коренится въ мышленіи мелкаго буржуа — дѣйствительнаго или идейнаго - доказываетъ тотъ фактъ, что она развивалась систематически еще въ 1831 году Джономъ Греемъ, въ тридцатыхъ годахъ теоретически широко распространялась въ Англіи, гдѣ дѣлались и практическія попытки въ этомъ направленіи, въ 1842 г. была провозглашена новѣйшей истиной Родбертусомъ въ Гер-

маніи, а въ 1846 г. Прудономъ во Франціи; въ 1871 году она снова была объявлена Родбертусомъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса и одновременно съ этимъ его соціальнымъ завѣщаніемъ, а въ 1884 г. она опять становится предметомъ проповѣди господъ, стремящихся именемъ Родбертуса использовать прусскій государственный соціализмъ». («Das Elend der philosophie II Aufl 1892 г.» Vorw. XI и XII s.). Намъ нечего прибавить къ этой блестящей характеристикѣ мелкобуржуазныхъ реформаторовъ; мы можемъ лишь сказать нашему г. Пѣшехонову: De te fabula narratur...

Но г. Пѣшехоновъ, можетъ быть, возразитъ, что сказанное нами относительно положенія товаропроизводителей на рынкѣ приложимо лишь къ индустріи, а не къ земледѣлію, гдѣ дѣйствуютъ *свои* законы. Тогда мы спросимъ его: развѣ ему неизвѣстно, что, и при выдѣленіи ренты, крупный сельскохозяйственный капиталистъ нормально получаетъ среднюю прибыль въ то время, какъ мелкій самостоятельный производитель отъ продажи своихъ продуктовъ принужденъ сплошь и рядомъ пользоваться лишь нищенской заработной платой? И далѣе, развѣ ему неизвѣстно, что именно въ *капиталистическомъ* строѣ поземельная *рента* стала препятствіемъ къ прогрессу земледѣлія; и развѣ не зависимость отъ рынка, отъ *колебаній цѣнъ*, вызывающая постоянно измѣненія въ сельскохозяйственной культурѣ сообразно требованіямъ рынка, развѣ не это является причиной невозможности раціональнаго земледѣльческаго хозяйства въ строѣ, преслѣдующемъ лишь прибыль? Но пусть установится Пѣшехоновскій строй въ его даже *идеальномъ* видѣ, пусть земля—*вся* земля—станетъ достояніемъ «всего русскаго народа», рента—«коллективной собственностью», пусть произойдетъ «великое переселеніе» и размѣщеніе населенія по территоріи всея Россіи и пусть установится трудовое земледѣльческое хозяйство *отдѣльныхъ товаропроизводителей*, спрашивается: развѣ желѣзные законы товарнаго обмѣна отъ этого перестанутъ дѣйствовать?

Проектируемая г. Пѣшехоновымъ и его единомышленниками аграрная реформа предполагаетъ уже существованіе «*денежной* ренты». Но эта форма ренты въ свою очередь «предполагаетъ уже значительное развитіе торговли, городской индустріи, вообще товарнаго производства, а съ нимъ и денежнаго обращенія, она предполагаетъ, далѣе, извѣстную высоту развитія мірового рынка» (Марксъ III. B. II. Th. 331 — 333 ss.). А разъ это такъ, то неужели же исторія ничего не говоритъ г. Пѣшехонову о той роли, которую можетъ сыграть *торговый* капиталъ въ странѣ съ такимъ трудовымъ хозяйствомъ? Развѣ тогда не можетъ произойти «капитализація земледѣльческихъ доходовъ» этихъ самостоятельныхъ производителей, развѣ исторія молодыхъ капиталистическихъ странъ не показываетъ, что международный капиталъ, начиная именно со сферы *обращенія*, подчиняетъ себѣ въ концѣ концовъ и *производство*. И въ земледѣліи, г. Пѣшехоновъ и вообще

гг. соціалисты революціонеры, не только земля, но и *капиталъ*—здѣсь также и въ смыслѣ орудій производства—является могучимъ факторомъ. Интенсивное хозяйство требуетъ не только земли, труда, но и капитала. Уравненіе въ правахъ на землю еще не устраняетъ *неравенства* въ условіяхъ производства... Къ чему же въ концѣ концовъ можетъ повести это Пѣшехоновское «трудовое хозяйство»? А къ тому, къ чему проводило вездѣ земледѣльческое хозяйство отдѣльныхъ крестьянскихъ производителей съ господствующей денежной рентой—къ *капитализму*. Спрашивается: зачѣмъ же намъ возвращаться назадъ, кружиться по какимъ-то «самобытнымъ» путямъ, чтобы въ концѣ концовъ опять выйти на ту дорогу, по которой мы уже идемъ? Безполезный это трудъ, г. Пѣшехоновъ!

IV.

Аграрная программа г. Пѣшехонова не только утопична съ экономической точки зрѣнія, но она опасна и въ *политическомъ* отношеніи. «За послѣдніе годы, — писалъ онъ въ 1904 году въ сборникѣ «Нужды деревни»,—у насъ въ печати и даже въ *правительственныхъ* кругахъ неоднократно поднимался вопросъ о націонализаціи правъ на земельныя нѣдра, а также и на силу рѣкъ и водопадовъ. Едва ли нужно доказывать, что такая реформа могла бы быть проведена почти безболѣзненно». И г. Пѣшехоновъ указываетъ тамъ правительству путь постепенной *частичной* экспропріаціи частнаго землевладѣнія съ *выкупомъ*. Съ тѣхъ поръ прошелъ годъ; г. Пѣшехоновъ стоитъ теперь за *полную* экспропріацію частновладѣльческихъ земель съ выкупомъ на счетъ «имущихъ классовъ»; онъ не споритъ и противъ конфискаціи. Онъ считаетъ, далѣе, «важнѣйшей задачей аграрной реформы экспропріацію *всѣхъ крестьянскихъ* земель»—неизвѣстно только на чей счетъ. Къ слову сказать: экспропріаціи крестьянства не требуетъ ни одинъ соціалистъ на Западѣ, это ужъ привиллегія нашихъ соціалъ-революціонеровъ. Однако, не смотря на то, что онъ—употребляя выраженіе К. Михайловскаго—зашелъ въ этомъ направленіи дальше далекаго, политическая сторона дѣла отъ этого не измѣнилась.

«Нельзя и думать,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—что теперь можно начать новую жизнь безъ организованной *принудительной* власти... Государство должно явиться *собственникомъ земли*... Рента принимаетъ налоговую форму, чѣмъ пріобрѣтаетъ ту эластичность, какая необходима при постоянно измѣняющейся мѣновой коньюнктурѣ... Въ распоряженіе государства поступитъ все большая и большая доля національнаго продукта». И такъ какъ у г. Пѣшехонова, какъ и у всякаго государственнаго соціалиста, «общество», «народъ» совпадаетъ съ государствомъ, то оказывается, что при такой реформѣ «проблема національнаго богатства вполнѣ совпадаетъ съ проблемой народнаго бла-

гособственія, ибо все большая и большая часть, какъ я уже сказалъ, національнаго продукта будетъ поступать въ распоряженіе коллективности». Точь въ точь какъ у Жореса ростъ косвенныхъ налоговъ во Франціи оказался ростомъ началъ коллективизма въ капиталистическомъ строѣ.

Г. Пѣшехоновъ былъ совершенно правъ, когда въ прошломъ году обращался съ планомъ націонализаціи къ самодержавному правительству. Но нашъ соціалъ-революціонеръ, какъ видно, и не догадывался, что государство въ видѣ поземельнаго собственника и одновременно съ этимъ, какъ суверенъ, рента въ видѣ налога, а экономическое и политическое отношеніе производителей къ государству въ видѣ зависимости *подданныхъ* и есть какъ разъ форма свойственная *азіатскимъ* государствамъ. Здѣсь,—говоритъ Марксъ,—нѣтъ частной собственности на землю, а есть частное и общее владѣніе и пользованіе земель, но государство здѣсь высшій поземельный властелинъ. «Суверенитетъ здѣсь это—концентрированная на національномъ основаніи поземельная собственность» (III B. II Th.).

Но г. Пѣшехоновъ теперь намъ важно заявляетъ: «Государство, которое передвинетъ землю въ опредѣленномъ направленіи, не страшно и въ качествѣ поземельнаго собственника». Почему? Да потому—отвѣчаетъ онъ—что, «если земля будетъ передвинута въ сторону трудящихся массъ, то благодаря этому соотношеніе политическихъ силъ рѣзко измѣнится». Но вѣдь земля передается имъ государству, какъ «организованной принудительной власти»—значитъ, произойдетъ усиленіе *этой власти*. Или г. Пѣшехоновъ думаетъ, что собственность современнаго государства—хотя бы и правового—и собственность трудящихся массъ одно и то же?

Г. Пѣшехоновъ не знаетъ, что «именно въ отношеніи собственника орудій производства къ непосредственному производителю лежитъ внутренняя тайна, скрытое основаніе всей общественной конструкціи, а поэтому и политической формы отношеній суверенитета и зависимости, короче говоря, всякой специфической государственной формы» (Марксъ). Проектъ націонализаціи г. Пѣшехонова дѣйствительно могъ быть «легко выполненъ» нашей *самодержавной* бюрократіей. Къ счастью за истекшій годъ много измѣнилось, и для нея теперь это не по силамъ...

Ну, а какъ бы обстояло дѣло съ Пѣшехоновской націонализаціей въ *правовомъ* государствѣ? Въ своей критикѣ проекта германской соціалъ-демократической программы 1891 г. Энгельсъ зло надсмѣхался надъ тѣми соціалистами, которые уже въ *буржуазномъ* строѣ видятъ и считаютъ возможнымъ осуществленіе соціализма «по частямъ». Онъ какъ бы предчувствовалъ появленіе Бернштейновъ и Жоресовъ... «Уговариваютъ самихъ себя и партію—писалъ онъ — что современное общество вростаетъ въ соціализмъ, не спрашивая себя, не должно ли

оно при этомъ неизбѣжно выйти и изъ своей старой общественной формы и не должно ли оно такъ же разбить свою старую скорлупу, какъ ракъ свою; какъ будто бы въ Германіи оно не должно еще кромѣ того разбить оковы полу-абсолютистскаго и къ тому еще безконечно испорченнаго политическаго порядка». Это говорится о Германіи, что же сказать о Россіи въ настоящій моментъ! Но допустимъ, что мы добьемся демократическихъ государственныхъ началъ. Для всякаго ясно, что при доминирующей роли крестьянства—какъ о томъ мечтаютъ соціалисты-революціонеры—эта государственная форма можетъ быть въ лучшемъ случаѣ мелко буржуазно-демократическая республика. Но, какъ Энгельсъ писалъ въ свое время Лафаргу, и демократическая республика можетъ быть такъ же враждебна пролетаріату, какъ и монархія; какъ и послѣдняя, она «вполнѣ опредѣляется своимъ *реальнымъ содержаніемъ*»... Классическій примѣръ—Швейцарія.

Пѣшехоновское трудовое хозяйство отдѣльныхъ товаропроизводителей является, какъ мы уже сказали, по существу своему хозяйствомъ *мелкобуржуазнымъ*. Государство, покоящееся на такомъ базисѣ, защищающее такіе интересы, продолжаетъ оставаться организаціей *господства* и огосударствленіе ренты, т. е. земли, должно свестись и въ немъ къ *фискальной* эксплуатаціи. Слѣдуетъ, далѣе, помнить, что мелкое крестьянское хозяйство и по своей основѣ и по своей природѣ пригодно быть фундаментомъ всемогущей и многочисленной бюрократіи. Оно создаетъ однообразіе отношеній и положенія во всей странѣ и способствуетъ, слѣдовательно, равномѣрному воздѣйствію со стороны главнаго суверенаго центра на всѣ части этой однообразной массы. Уничтожая дворянское средостѣніе между массой народа и государственной властью, она способствуетъ также всестороннему и прямому вмѣшательству этой власти и ея органовъ въ жизнь народа (Марксъ). Аграрная программа г. Пѣшехонова, и вообще соціалистовъ-революціонеровъ, можетъ, такимъ образомъ, у насъ и при *правовомъ* государственномъ порядкѣ повести къ усиленію *бюрократіи*; и если мы и перескочимъ черезъ прусскую полицейскую государственную форму, то мы легко съ такой программой можемъ попасть въ монархію покроя Наполеона III... Г. Пѣшехоновъ, повидимому, самъ теперь начинаетъ чувствовать обоюдоострый характеръ проектируемыхъ с.-р. поземельныхъ реформъ. «Поднимайте выше знамя «Земли и Воли»,—восклицаетъ онъ въ послѣдней книжкѣ «Рус. Бог.» (№ 10, 1905 г., 145 стр.),—иначе явится какой-нибудь авантюристъ, который со анаменемъ «Царь и Земля» поведетъ народъ черезъ пугачевщину къ диктатурѣ»...

V.

Передъ нами теперь вопросъ: каково же вообще отношеніе соціалъ-демократіи къ *націонализаціи* земли? Какъ извѣстно, въ «Коммун. Ма-

нифестѣ» и въ «Программѣ германской коммунистической партіи», обнародованной въ мартѣ 1848 г., Марксъ и Энгельсъ выставляли требованіе націонализаціи земли и ипотекъ... И въ своемъ предисловіи ко *второму* изданію «Крестьянской войны» Энгельсъ писалъ: «Точно также—какъ и промышленные—и *сельскіе рабочіе* могутъ только тогда избавиться отъ своего ужаснаго бѣдственнаго положенія, когда прежде всего главное орудіе ихъ труда—земля будетъ изъята изъ частной собственности *богатыхъ крестьянъ* и еще болѣе богатыхъ помѣщиковъ, обращена въ общественную собственность и обрабатываться ассоціаціями сельскихъ рабочихъ на ихъ общій счетъ. Здѣсь мы сталкиваемся со знаменитымъ рѣшеніемъ Базельскаго интернаціональнаго рабочаго конгресса: въ интересахъ общества необходимо обратить землю въ общественную, національную собственность. Это рѣшеніе имѣло въ виду главнымъ образомъ страны, въ которыхъ преобладаетъ крупное землевладѣніе, гдѣ въ связи съ этимъ ведется крупное хозяйство, а въ этихъ крупныхъ хозяйствахъ имѣется одинъ господинъ и множество наемныхъ рабочихъ. Такое положеніе вещей въ общемъ и по сію пору преобладаетъ въ Германіи, и потому это рѣшеніе послѣ Англіи въ *высшей степени современно именно для Германіи*». Отсюда видно, что Энгельсъ стоялъ за націонализацію земли въ Англіи и Германіи еще въ концѣ 60-хъ годовъ, и тѣмъ не менѣе требованіе это вычеркнуто именно германской соціалъ-демократіей изъ ея теперешней программы—minimum. Чѣмъ вызвана такая перемѣна? На это существуютъ основательныя *экономическія* и *политическія* причины. Разсмотримъ ихъ.

До *конца* 70-хъ годовъ цѣны на хлѣбъ возрастали во всѣхъ капиталистическихъ странахъ; вмѣстѣ съ этимъ быстро росла и рента. «Чѣмъ больше капиталу вложено въ землю—читаемъ мы въ III-мъ томѣ «Капитала»—чѣмъ выше развитіе земледѣлія и вообще цивилизаціи въ данной странѣ, тѣмъ выше растетъ рента на акръ, какъ и вся сумма рентъ, тѣмъ колоссальнѣе дань, которую общество уплачиваетъ крупнымъ землевладѣльцамъ въ формѣ прибавочныхъ прибылей; но это до тѣхъ поръ, пока всѣ земли, взятыя разъ подъ культуру, остаются всѣ способными выдержать конкурренцію...» Извѣстно, что существованіе дифференціальныхъ формъ ренты возможно лишь тогда, когда регулирующая рыночная цѣна производства выше дѣйствительной средней цѣны производства, которую мы получимъ, если раздѣлимъ сумму дѣйствительныхъ цѣнъ производства всѣхъ продуктовъ на земляхъ различнаго качества на сумму этихъ продуктовъ. Земля худшаго качества опредѣляетъ здѣсь *рыночную цѣну*. «Создается *ложная* общественная цѣнность; она вытекаетъ изъ закона рыночной цѣнности, которому подчинены земледѣльческіе продукты». Вслѣдствіе монополіи на землю «весь тотъ *минусъ*, который получается для общества при реализаціи его труда въ земледѣліи, становится *плю-*

*

сомъ для поземельныхъ собственниковъ» (Марксъ). Но допустимъ, что произошла «націонализація», какъ того желаетъ Генри Джоржъ или г. Пѣшехоновъ, т.-е. рента передается государству или, какъ при «соціализаціи», общинамъ—«ложная общественная цѣнность», при сохраненіи прежняго способа производства, остается въ полной силѣ. Только въ *высшемъ кооперативномъ* строѣ она устраняется. Но тоже можетъ сдѣлать въ данной странѣ *иностранная* конкуренція — сказалъ въ 60-хъ годахъ Марксъ. Это и произошло во *второй* половинѣ 70-хъ годовъ.

Въ своихъ комментаріяхъ къ III т. «Капитала» Фр. Энгельсъ въ 90-хъ годахъ самъ указывалъ на происшедшее измѣненіе и нарисовалъ картину той пертурбаціи, которую вызвало въ западно европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ появленіе на міровомъ рынкѣ новыхъ странъ съ *дешевымъ* хлѣбомъ. «Часть земель—писалъ онъ—стала въ Европѣ для земледѣлія окончательно внѣ конкурренціи, рента *упала повсюду*, паденіе цѣнъ и паденіе производительности вновь прилагаемыхъ капиталовъ стало правиломъ въ Европѣ, и отсюда вопли аграріевъ отъ Шотландіи до Италіи и отъ южной Франціи до восточной Пруссіи». Отсюда, прибавимъ мы, и крики *со стороны этихъ господъ* объ «націонализаціи» земли, ипотекъ и торговли хлѣбомъ... Не ясно ли, что если бы *буржуазнымъ* реформаторамъ удалось добиться въ Англіи націонализаціи въ 70-хъ годахъ, то отъ этого выиграли бы только лендлорды. Въ предѣлахъ и на основахъ *капиталистическаго* строя эта «націонализація» можетъ произойти лишь путемъ *выкупа*. Съ тѣхъ поръ рента упала здѣсь на 30% и болѣе. Гг. лендлорды получали бы проценты на вырученные тогда капиталы, а всѣ потери несло бы государство. Тоже самое и въ Германіи, гдѣ арендная плата казенныхъ земель въ 7 восточныхъ провинціяхъ за 1875—1899 гг. упала болѣе чѣмъ *на половину*.

Въ странахъ *собственнаго* веденія сельскаго хозяйства, какъ въ Германіи, гдѣ отдѣленіе земледѣлія отъ землевладѣнія совершается фактически путемъ *ипотекъ*, огосударствленіе земли можетъ быть осуществлено при посредствѣ огосударствленія ипотекъ. Но, какъ извѣстно, ипотеки ростутъ вмѣстѣ съ поднятіемъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, а вмѣстѣ съ этимъ и цѣнъ на землю. Далѣе паденіе этихъ цѣнъ не останавливаетъ роста суммы ипотекъ. Землевладѣльцы становятся все болѣе и болѣе не въ силахъ выполнить свои обязательства. Націонализація ипотекъ обезпечила бы банки въ полученіи %, рискъ палъ бы на государство, которое бы расплачивалось за землевладѣльцевъ...

Націонализація земли приложима, главнымъ, образомъ къ странамъ съ *концентрированной* капиталист. поземельной собственностью. Энгельсъ писалъ вышеприведенныя строки до Франко-прусской войны и

слѣдовательно, до образованія. священной германской имперіи прусской націи. То, что было приложимо тогда къ Англіи, могло быть приложимо къ Германіи *того* времени, т.-е. преимущественно къ Пруссіи съ преобладающимъ юнкерскимъ хозяйствомъ. Но на западѣ и на югѣ современной Германіи, какъ и въ Швейцаріи и во Франціи, преобладаетъ крестьянское землевладѣніе. Каково отношеніе Маркса, Энгельса и вообще западно-европейскихъ послѣдователей научнаго соціализма къ экспропріаціи государствомъ *крестьянъ*? Нигдѣ и никогда они не выступали за націонализацію земель *послѣднихъ*.

Намъ незачѣмъ по этому вопросу цитировать здѣсь Энгельса въ его брошюрѣ: «Крестьянскій вопросъ въ Германіи и во Франціи», написанной въ 1894 г., намъ незачѣмъ цитировать Либкнехта или изъ «Agrarfrage» Каутскаго. Всѣмъ извѣстно, что тамъ опредѣленно и ясно сказано, что экспропріація крестьянства не *въ интересахъ* соціалъ-демократіи и не входитъ въ ея *намѣренія*. Но мы укажемъ здѣсь на Вандервельда, который стоитъ за огосударствленіе земли въ Бельгіи. *Крестьянская* собственность на землю и капиталистическая—говоритъ онъ—вещи различныя и экономическія категоріи, соотвѣтствующія различнымъ ступенямъ развитія; *смѣшивать ихъ нельзя*. Мелкая крестьянская поземельная собственность кажется намъ отсталой по сравненію съ капиталистической въ смыслѣ *производства*, но выше ея въ смыслѣ распредѣленія. Капитализмъ ведетъ къ ея уничтоженію и соціализму незачѣмъ гнаться за экспропріаціей крестьянъ. Соціализмъ высказывается противъ *капиталист.* поземельной собственности, которая имѣетъ цѣлью поземельную ренту, а не противъ той, которая служитъ *орудіемъ производства*. Націонализація должна коснуться *концентрированной* поземельн. собственности. («Der Socialismus und die Kapitalistische Umwandlung der Landwirtschaft», Neue Zeit 1899—1900).

Націонализація земли у соціалъ-демократіи тѣсно связана съ обработкой ея *ассоціаціями* сельскихъ рабочихъ. Объ этомъ неоднократно говоритъ Энгельсъ. Объ этомъ писалъ въ 60-хъ годахъ G. Eccarius въ своей брошюрѣ противъ Милля, просмотренной Марксомъ. Того же взгляда придерживался и Лассаль. Въ письмѣ его къ Родбертсу, относящемуся къ 1863 г. мы читаемъ: «Сегодня эта мѣра—т.-е. націонализація дифференціальной поземельной ренты—*невозможна*. Но развѣ вы не видите, что она можетъ быть облегчена и выполнена, если государство отдастъ землю ассоціаціямъ сельскихъ рабочихъ» («Documente des Socialismus» 1903 г.). Но націонализація съ ассоціаціями возможна лишь при *диктатурѣ пролетаріата*. Когда Марксъ и Энгельсъ въ 1848 г. выставляли требованіе націонализаціи, то, какъ Энгельсъ самъ признался это въ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи» Маркса, они считали тогда буржуазную революцію прологомъ къ слѣдующей за ней непосредственно революціи пролетарской.

Жизнь, какъ извѣстно, обманула эти ожиданія; капиталистическій міръ оказался живучѣе, эластичнѣе, чѣмъ предполагали. А этотъ урокъ не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ русскихъ соціалъ-демократовъ все-таки говорить о возможности наступленія *въ самомъ ближайшемъ* будущемъ у насъ «соціалистическаго переворота»!

Огосударствленіе земли имѣло бы извѣстный смыслъ, если бы *производство* въ земледѣліи достигло такой ступени развитія, когда оно требовало бы государственнаго хозяйничанія. Но вѣдь этого сказать нельзя. Земледѣліе въ этомъ отношеніи отсталѣе другихъ отраслей производства. Къ чему можетъ тогда повести огосударствленіе частновладѣльческой земли? Къ сдачѣ въ аренду? Кому? Лишь самостоятельнымъ непосредственнымъ производителямъ-крестьянамъ? Но исключеніе капиталистовъ означало бы увѣковѣченіе въ земледѣліи всеобщей посредственности. Мы все-таки стоимъ на томъ, что крупное производство выше мелкаго, и что капиталистическое хозяйство является теперь носителемъ культуры въ земледѣліи. Обработка, значитъ, земли государствомъ на свой счетъ? Но *казенныя* хозяйства всегда терпѣли неудачу и кончались вездѣ сдачей въ аренду.

Ну, а сдача земли ассоціаціямъ сельскихъ рабочихъ? Вопросъ о *производительныхъ* товариществахъ въ современномъ общественномъ строѣ десятки лѣтъ обсуждался германской соціалъ-демократіей, и требованіе учрежденія производительныхъ товариществъ при содѣйствіи современнаго государства, существовавшее еще въ Готской программѣ, теперь выброшено. Этимъ самымъ признана неосуществимость при настоящихъ условіяхъ націонализаціи съ ассоціаціями работы. Въ своей критика проектъ новой программы аграрной коммиссіи на франкфуртскомъ съѣздѣ Каутскій указываетъ, что превращеніе сельскихъ рабочихъ въ ассоціаціи рабочихъ теперь утопично; оно создало бы *рабочую аристократію*, интересы которой были бы отличны отъ интересовъ другихъ слоевъ пролетаріата, а *производство* этихъ ассоціацій потерпѣло бы крушеніе на современномъ рынкѣ *).

Но скажутъ намъ соц.-революціонеры: это все приложимо къ Западу, а у насъ въ Россіи существуетъ *община*, самобытное производительное товарищество. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ подробно въ слѣдующей статьѣ о «соціализаціи» земли.

Но на ряду съ указанными нами экономическими причинами существуетъ еще рядъ чисто политическихъ, побуждающихъ соціалъ-демократію выступить противъ огосударствленія земли.

---

*) Завоеваніе политической власти пролетаріатомъ и для Энгельса являлось предпосылкой для огосударствленія земли, ипотечныхъ долговъ и государственной поддержки сельскохозяйственныхъ ассоціацій—отвѣчаетъ Каутскій гг. ревизіонистамъ. „Въ рамкахъ современнаго государственнаго и общественнаго порядка“ Энгельсъ ничего знать не хотѣлъ объ этихъ мѣрахъ („Noch einige Bemerkungen zür Agrarprogramm“ Die N. Z. 1894—95 II. B.).

Пока пролетаріатъ не завладѣлъ государственной машиной, онъ долженъ стремиться ослабить современную государственную власть. Всякое усиленіе государственной власти въ предѣлахъ современнаго производства равносильно усиленію власти въ ущербъ интересамъ пролетаріата. Передача ренты въ руки правительства это значитъ сдѣлать его менѣе зависимымъ отъ парламента, что, при «паденіи» парламентаризма въ *буржуазныхъ* странахъ, еще болѣе ухудшило бы дѣло, такъ какъ это ослабило бы значеніе бюджетнаго права—орудія и основу всякаго парламентаризма. «*Увеличеніе прибыли и ренты государства средствами общества противорѣчитъ пролетарской точкѣ зрѣнія*»—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Каутскій.

Огосударствленіе, какъ мы уже сказали, возможно въ *предѣлахъ* и на основахъ *буржуазнаго* правоваго строя только путемъ выкупа, а это значитъ увеличеніе налоговъ, усиленіе зависимости государства отъ класса капиталистовъ, усиленіе классоваго господства буржуазіи. Точно также и огосударствленіе ипотекъ увеличило бы эту зависимость государства отъ капитала, такъ какъ государство можетъ осуществить эту мѣру, лишь увеличивъ свои долги на сумму ипотечныхъ долговъ. Далѣе, пониженіе ипотечнаго % государствомъ должно лечь на другіе слои населенія. Нѣтъ, наконецъ, никакихъ основаній сдѣлать крестьянъ *государственными* должниками и увеличить этимъ ихъ зависимость отъ капиталистическаго государства.

Вотъ почему германская соціалъ-демократія, строго стоящая на почвѣ научнаго соціализма, отвергаетъ націонализацію земли и ипотекъ. Вотъ почему на Бреславльскомъ конгрессѣ вынесли резолюцію: требованіе этихъ мѣръ даетъ эксплуататору государству новыя средства и этимъ дѣлаетъ классовую борьбу пролетаріата еще болѣе тяжелой; такой проектъ ставитъ капиталистическому государству задачи, которыя можетъ осуществить лишь государственный строй, въ которомъ пролетаріатъ завладѣлъ политической властью.

Уже высказанныя нами выше положенія, надѣемся, достаточно выясняютъ, почему соціалъ-демократія въ Россіи, гдѣ къ тому же преобладаетъ крестьянское мелкое хозяйство—все равно общинное или подворное—и гдѣ, далѣе, вопросъ о націонализаціи всей земли несомнѣнно встрѣтитъ отпоръ со стороны Польши, Литвы, Прибалтійскаго края, Закавказья и другихъ областей *), почему русскіе соціалъ-демократы энергично выступаютъ противъ этой мѣры въ настоящій историческій моментъ.

А. Финнъ-Енотаевскій.

---

*) Когда пишущій эти строки на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ писателей, въ апрѣлѣ текущаго года, выступилъ, какъ р. с.-д., противъ резолюціи с.-р. о націонализаціи земли, то онъ встрѣтилъ живой откликъ со стороны писателей, представлявшихъ интересъ различныхъ другихъ національностей А. Ф.

ВЪ МОЕМЪ ГОРОДѢ.

Языкъ цвѣтовъ мнѣ странно теменъ—
Языкъ полей, луговъ, садовъ;
Мой городъ—онъ вѣдь такъ огроменъ,
И въ немъ ни солнца, ни цвѣтовъ.
И иногда въ душѣ усталой—
Какъ будто камень; душно жить;
Кругомъ гранитные кварталы
И все, и все,—чтобы давить.

Да, тяжело. Въ немъ улицъ длинныхъ
Бѣжитъ безъ устали змѣя;
Въ немъ трудъ... и стонъ дѣтей невинныхъ...
И пота рабскаго струя;
Въ немъ фабрикъ дышущія трубы
Застлали дымомъ неба сводъ;
Въ немъ нищета... синѣютъ губы...
Въ немъ жизнь ужасна какъ уродъ.

Но я люблю мой городъ. Міру
Онъ счастье, знаю я, куетъ;
Онъ міру въ жертву, какъ кумиру,
Цвѣты и солнце отдаетъ;
И часъ придетъ... тогда могуче
Вздохнетъ мой городъ-великанъ,
И разорветъ онъ гнета тучи,
И рабства цѣпь, и сна туманъ.

Билитъ.

Роль печати во время австрійской революціи 1848 года.

I.

Вѣнская печать предмартовскихъ дней и журналистика полнаго драматическихъ моментовъ 1848 года,—это двѣ такія различныя величины, которыя не поддаются никакому сравненію. Гельфертъ сравниваетъ ихъ съ жалкой, скрипящей шарманкой и могучимъ органомъ, изъ котораго извлекаются величественные аккорды и бурные мотивы, увлекающіе и потрясающіе зрителей сотнями смѣлыхъ регистровъ. Австрійскій сатирикъ Сафиръ пишетъ, что въ домартовское время австрійскій журналистъ былъ счастливъ лишь—во снѣ, потому что онъ могъ при этомъ видѣть сны безъ цензуры и храпѣть безъ полиціи.

Въ Вѣнѣ въ домартовское время издавались только двѣ частныя газеты: «der Beobachter» и «Wiener Zeitung», которую цензурировали всѣ, начиная съ полицейскихъ чиновъ и кончая высшими бюрократами. 11 Марта 1792 года былъ изданъ придворный декретъ, по которому газетамъ разрѣшалось сообщать «лишь дѣйствительные факты или общественныя событія изъ другихъ странъ. Но при этомъ не должно быть вреднаго резонерства». Не удивительно, если при такихъ условіяхъ австрійская пресса начала XIX *) столѣтія, по описанію Визнера, была слѣдующей: «Одна газета была похожа на другую, какъ одѣтыя въ форму сиротскія дѣти, живущія отъ подачекъ благотворителей». О разнообразной культурной жизни въ различныхъ частяхъ Габсбургской монархіи не находилось и слѣда въ провинціальныхъ газетахъ. Валлахъ долженъ былъ такъ же думать и чувствовать, какъ и итальянецъ, нѣмецъ какъ мадьяръ, послѣдній какъ славянинъ, всѣ обнаруживали одинаковую степень культурности, тѣ же мысли и взгляды, или правильнѣе, то же отсутствіе мыслей ивзглядовъ.

У народа была отнята возможность видѣть факты въ какомъ-либо освѣщеніи. Народъ не могъ составить себѣ о нихъ какое бы то ни было мнѣніе. Объ истинномъ значеніи печати въ домартовскій періодъ не имѣли въ высшихъ австрійскихъ сферахъ никакого представленія. Тамъ строго придерживались принципа: «все для народа, но ничто—посредствомъ народа». Ста-

*) Матеріаломъ для этой статьи послужили слѣдующія сочиненія.
Freiherr von Helfert: Die Wiener Journalistik im Iahre 1848.
E. von Zenker: Geschichte der Wiener Journalistik während des Iahres 1848.
Adolf Wiesner: Denkwürdigkeiten der oesterreichischen Censur.
Keschauer: Das Iahr 1848.

ринный, испробованный принципъ устойчивости, говорилъ Генцъ, долженъ быть удержанъ всѣми силами, и потому всякую идею о реформахъ считали равносильной съ переворотомъ, революціей, анархіей. Поэтому окружили себя высокимъ валомъ административныхъ мѣропріятій и разумную оппозицію лишили слова. Правительство фабриковало газетныя статьи о томъ, что Австрія представляетъ собою счастливую Аркадію, искусно выкраивала благопріятныя статьи изъ иностранныхъ газетъ, и въ концѣ концовъ и само вѣрило тому, что въ государствѣ царитъ тишь да гладь, да Божья благодать.

Таковы были результаты безпощадной цензуры. Но въ послѣдніе годы предъ 1848 годомъ начали раздаваться энергичные протесты противъ этой опеки и порабощенія прессы. 11 мая 1845 года девяносто девять вѣнскихъ писателей съ поэтомъ Грильпарцеромъ во главѣ подали правительству меморандумъ, въ которомъ,—Боже упаси,—не требовалась отмѣна цензуры, а лишь ея справедливое и точное примѣненіе на основаніи «инструкцій 1810 года». Въ пражскомъ сеймѣ въ 1847 году князь Густавъ Ламбергъ въ зажигательной рѣчи мотивировалъ петицію чешскихъ сословій противъ существовавшей цензурной системы. Эта петиція была отправлена императору, и—она была признана уклоненіемъ отъ сеймовыхъ полномочій! Князу Ламбергу была объявлена монаршая немилость, и онъ огорченный отправился въ свое имѣніе.

Но 11 января 1848 года правительство издало циркуляръ о централизаціи цензуры. Въ Вѣнѣ была организована цензурная дирекція и высшая инстанція—цензурная коллегія изъ нѣсколькихъ гофратовъ различныхъ вѣдомствъ. Авторъ имѣлъ право требовать отъ дирекціи представленія мотивовъ запрещенія или конфискаціи и могъ обжаловать ея рѣшеніе коллегіи. Это было бы благодѣяніемъ для повседневной прессы, если бы только была возможна аппелляція и на запрещеніе политическихъ статей. Онѣ по прежнему оставались безправными, и благодѣяніемъ аппелляціи пользовались лишь научныя, беллетристическія и юмористическія статьи. Политика по прежнему оставалась въ немилости и загонѣ. И ужъ на слѣдующій день проявились результаты этого циркуляра. Въ торжественномъ засѣданіи, недавно основанной императорской академіи наукъ, президентъ ея Гамеръ-Пургшталль заявилъ, что на основаніи высочайше утвержденнаго устава работы академіи находятся внѣ всякой цензуры. Эту часть отчета засѣданія—цензура запретила. Гамеръ бѣгалъ отъ директора полиціи къ министру, но ничего не могъ достичь!

Въ эти тревожные дни правительство не имѣло никакого представленія о критическомъ положеніи. При дворѣ думали, что притѣсненіями прессы разливается масло на волны взбаломученнаго моря, и подливали масла въ огонь. То, что населеніе при другихъ условіяхъ встрѣтило бы съ обычнымъ терпѣніемъ, теперь вызывало всеобщее негодованіе. И въ это время одинъ чиновникъ, Канкоферъ, заявляетъ съ самоувѣренностью директору цензуры: «положитесь на меня; чрезъ шесть недѣль въ Вѣнѣ не будетъ ни одной запрещенной книги и газеты». Онъ изолировалъ Австрію отъ Европы, такъ что ни одна птица не могла пролетѣть чрезъ границу безъ его вѣдома! Скоро послѣ начала дѣятельности этого пресловутаго чиновника, общество вѣнскихъ книго-

издателей отправило адресъ императору. Такой же адресъ составили и вѣнскіе писатели, но оба адреса постигла одна и та-же участь: ихъ бросили въ корзину.

28 февраля подобно ракетѣ распространилось извѣстіе о парижской революціи, о низверженіи Луи-Филиппа, о провозглашеніи республики; затѣмъ послѣдовали извѣстія о революціи въ Баваріи, Саксоніи и др., и особое впечатлѣніе произвела зажигательная рѣчь Кошута въ венгерскомъ сеймѣ. Духъ новаго времени насильственно проникалъ въ Австрію, возбужденіе охватывало самые широкіе слои населенія. Въ юридически-политическомъ обществѣ, въ ремесленномъ союзѣ, въ коллегіи врачей, среди студентовъ, въ кофейняхъ и ресторанахъ, на улицѣ,—всюду лихорадочно обсуждались европейскія событія. А въ это самое время—какъ верхъ наивности—офиціальная вѣнская газета «Beobachter» заявляла, что «императоръ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никакія стремленія къ перевороту не нарушали правового порядка».

Въ обществѣ наблюдается тогда лишь кажущійся хаосъ. Среди различныхъ политическихъ программъ, среди національныхъ требованій можно было отличить одно единодушное требованіе: *свобода печати.* Событія въ Вѣнѣ шли къ неизбѣжному концу. Въ союзахъ, клубахъ, собраніяхъ, проявлялась лихорадочная дѣятельность, демократическая идея вмѣстѣ съ національной покоряла все, и хотя мнѣнія о будущемъ государственномъ строѣ были еще неясны, неопредѣленны и отрывочны, тѣмъ не менѣе люди различныхъ лагерей сошлись на общемъ всѣхъ одинаково воодушевлявшемъ требованіи—свободы печати.

Свобода печати! Этотъ возгласъ раздавался вездѣ, его эхо проникало въ далекую провинцію. И въ петиціи промышленнаго ферейна отъ 6-го марта, и въ знаменитой массовой петиціи вѣнскихъ гражданъ, переданной сейму, и наконецъ въ петиціи студентовъ, переданной въ тотъ же день студентами эрцгерцогу Людвигу—всюду на первомъ мѣстѣ находилось требованіе свободы печати. Хотя эрцгерцогъ выслушалъ студентовъ очень немилостиво, тѣмъ не менѣе цѣль была достигнута: его познакомили съ положеніемъ. 13-го марта созванный сеймъ, находясь подъ впечатлѣніемъ массовой петиціи гражданъ, разработалъ адресъ императору, въ которомъ исключительно обсуждались различные вопросы о печати и о ея положеніи, указывалось какое возбужденіе всюду вызвалъ послѣдній циркуляръ о цензурѣ, и требовался правовой порядокъ для прессы. Въ петиціи студентовъ требовалась «свобода печати и слова для возстановленія правильныхъ отношеній между монархомъ и народомъ».

13-го марта—знаменательный день въ исторіи вѣнской революціи. Въ этотъ день, когда сеймъ обсуждалъ адресъ императору, во дворѣ сейма собралась огромная толпа, и никому до сихъ поръ невѣдомый Фишгофъ произнесъ рѣчь, которая сдѣлала его народнымъ вождемъ. Онъ выставилъ главнымъ народнымъ требованіемъ свободу печати и приэтомъ сослался на слова Шеридана: «Пусть мнѣ дадутъ рабскую верхнюю палату, пусть мнѣ дадутъ подкупную нижнюю палату, но пусть мнѣ также дадутъ и свободную печать—и тогда я вызываю

*

ихъ всѣхъ на бой! Пусть только они тогда попытаются посягнуть на свободныя учрежденія старой Англіи!»

14-го марта вѣнскій дворъ сдѣлалъ первую уступку народу. Въ этотъ день на улицахъ австрійской столицы распространялась слѣдующая прокламація: «*Его Величество соблаговолилъ отмѣнить цензуру и опубликовать законъ о печати*». Съ бурнымъ ликованіемъ было встрѣчено это извѣстіе. Народъ валилъ густой толпой къ конной статуѣ либеральнаго монарха Іосифа II, увѣнчалъ его вѣнкомъ и вложилъ въ руку знамя съ начертанными словами: «свобода печати!» Въ туже ночь во всѣхъ кафе, клубахъ и общественныхъ мѣстахъ циркулировалъ слѣдующій юмористическій скорбный листъ: «14-го марта 1848 года мирно почила госпожа цензура, рожденная въ полночь». Скоро однако послѣдовало отрезвленіе. Новое ожесточеніе смѣнило ликованіе, когда замѣтили, что въ императорскомъ манифестѣ не было тѣхъ двухъ словъ, изъ-за которыхъ велась борьба,—не было словъ: свобода печати. Съ такимъ недовѣріемъ всѣ относились къ придворнымъ сферамъ, гдѣ пускались на хитрости и увертки. «И эта *некорректность въ дѣйствіяхъ*, пишетъ Ценкеръ, въ особенности въ вопросахъ о свободѣ печати, проходитъ красной нитью чрезъ всю исторію вѣнской революціи. Она то была главной причиной многихъ насилій, въ которыхъ позже обвиняли возбужденный народъ».

Чиновникъ цензурной дирекціи Канкоферъ упорно настаивалъ на своихъ старыхъ привиллегіяхъ. Когда 14-го марта нѣсколько приказчиковъ книжныхъ магазиновъ, ужъ вооруженные, какъ національные гвардейцы, проникли въ канцелярію для ревизіи книгъ и требовали выдачи конфискованныхъ книгъ, старый канцелярист ощетинился. Но другіе молодые чиновники стали на сторону манифеста и безпрекословно выдали книги. И эти комнаты, ставшія теперь безцѣльными, были превращены въ казармы для новой гражданской стражи, и первыми начальниками этой стражи были—два писателя: Карлъ Рикъ и Адольфъ Наске.

15 марта, когда недовѣріе къ манифесту становилось все сильнѣе, былъ изданъ новый императорскій декретъ слѣдующаго содержанія: «*Свобода печати посредствомъ нашей декларації объ отмѣнѣ цензуры точно такъ же гарантирована, какъ и въ другихъ государствахъ, гдѣ она существуетъ*». И въ этотъ день вѣнскіе писатели обратились къ обществу съ призывомъ воспользоваться свободой печати для блага родины и для успокоенія умовъ.

Съ этого момента вѣнская печать получила слово, которымъ она пользовалась безпрепятственно въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Но прежде, чѣмъ представить дѣйствія этой революціонной прессы, считаемъ необходимымъ освѣтить отношеніе существовавшей прессы къ событіямъ послѣднихъ мартовскихъ дней, этого перваго періода революціоннаго года. Изъ вѣнскихъ газетъ попрежнему лишь двѣ «der Beobachter» и «Wiener Zeitung» были политическими ежедневными органами. Когда событія во Франціи, Швейцаріи и въ австрійской Италіи все осложнялись, молчать о нихъ не представлялось никакой возможности

Эти газеты старались лишь ослабить впечатлѣніе, илюстрировать событія по возможности наивно или же рисовать самыми яркими красками послѣдствія революціи. Еще 29 Февраля эти газеты помѣстили телеграммы, что «въ Парижѣ все спокойно». А за день передъ этимъ Меттернихъ получилъ сообщеніе о революціи въ Парижѣ. И когда сверженіе Филиппа не подлежало сомнѣнію, «Wiener Zeitung» разсуждала: «Это вѣдь было бы настоящей революціей. Или можетъ быть, отправленная второпяхъ телеграмма ошибочна? Или же можетъ быть, мятежники временно завладѣли телеграфомъ и шлютъ ложныя извѣстія?»

Иначе относилась къ событіямъ провинціальная пресса, въ особенности очень распространенная тогда «Grenzbote», во главѣ которой находился піонеръ свободной печати *Игнацъ Куранда*, имя котораго неразрывно связано съ исторіей развитія австрійской прессы. Въ то время, какъ еще 13 и 14 марта корифеи вѣнской беллетристики помѣщали въ газетахъ невинные разсказы, напр. о женщинѣ, «которая никогда не смѣялась», поэты помѣщали стихи о міровой скорби и о несчастной любви, а театральные критики пускались въ длинныя разсужденія о балетѣ, Куранда въ своемъ журналѣ выступилъ въ роли неустрашимаго борца за гражданскія права. Онъ говорилъ о себѣ: я свободомыслящъ и честенъ, но я не революціонеръ и даже не радикалъ. Его журналы въ зеленой обложкѣ, постоянно запрещаемые цензурой, все же распространялись въ тысячахъ экземпляровъ различными путями и раскрывали обществу глаза. Законъ о свободѣ печати развязалъ всѣмъ писателямъ руки. Они какъ бы проснулись послѣ тяжкаго сна и радостно протирали глаза, освободившись отъ давившаго ихъ кошмара. Конечно, далеко не всѣ оказались на высотѣ положенія; многіе не хотѣли, другіе не могли отказаться отъ рабьяго языка, и о нѣкоторыхъ журналахъ острили, что они тайно подвергаются цензурѣ, добровольно, по привычкѣ, изъ привившейся имъ боязни. Но замѣчательно, что прежде всѣхъ освоилась съ положеніемъ офиціальная «Wiener Zeitung». Конечно, ея офиціальный отдѣлъ остался прежнимъ, но неофиціальный приспособился къ новымъ условіямъ. Такъ въ номерѣ отъ 15 марта она правдиво передаетъ всѣ событія революціонныхъ дней и привѣтствуетъ свободу печати въ восторженныхъ выраженіяхъ. Тутъ же и свѣжая «австрійская пѣсня», и «новая народная пѣсня», а въ слѣдующемъ номерѣ даже обсуждается вопросъ о возможности парламента! Позже одинъ изъ героевъ мартовскихъ дней помѣстилъ статью объ эмансипаціи евреевъ, а Палацкій свою сенсаціонную статью о значеніи Австріи. Онъ писалъ тогда: «въ разнообразіи народовъ, населяющихъ Австрію, заключается ея міровое значеніе; она представляетъ собою необходимое звено въ цѣпи европейскихъ государствъ, и если бы Австріи не существовало, ее пришлось бы придумать». Какъ извѣстно, это выраженіе Палацкаго цитируется вплоть до нашихъ дней.

Свободомысліе офиціальной «Wiener Zeitung» дошло до того, что когда прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV произнесъ оскорбительныя слова о нѣмецкой націи, она помѣстила рѣзкій «отвѣтъ германской націи королю» столь рѣзкій, что онъ вызвалъ дипломатическія осложненія. Австрійскому по-о

сланнику пришлось долго доказывать, что правительство отвѣтственно лишь за офиціальный отдѣлъ, и что съ неофиціальнымъ оно не имѣетъ ничего общаго! Неофиціальный отдѣлъ принялъ политическую программу либеральнаго юридическаго общества. Конечно, въ эти дни возникло очень много газетъ, руководимыхъ большей частью людьми неспособными, не проникнутыми сознаніемъ лежащей на нихъ отвѣтственности. Эти газетки существовали недѣлю, двѣ, и лишь одной изъ нихъ, самой маленькой «Die Constitution» выпало на долю стать руководящимъ органомъ прогрессивной части общества.

Въ общемъ вѣнская печать, а вмѣстѣ съ нею и летучіе листки, получившіе въ эти дни особое распространеніе, не воспользовались полученной неожиданно свободой. Пресса сохранила прежній патріархальный характеръ дореволюціоннаго времени. Политическихъ партій тогда еще не существовало, такъ какъ *всѣ* были за прогрессъ, всѣ *должны были* быть за него. Не было ни партій, ни полемики, не было ни политическихъ программъ, ни людей, готовыхъ защищать свои убѣжденія. Летучіе листки отдавались безпрерывному ликованію, они радостно хоронили умершее полицейское государство. Одинъ изъ современниковъ такъ характеризуетъ вѣнскую прессу мартовскихъ дней: «Пресса была вполнѣ похожа на народъ: она была счастлива и безпечна, какъ дитя безъ наставника, и съ радостью и вѣрой смотрѣла въ глаза славному будущему».

И неожиданно, въ эти дни медоваго мѣсяца свободы вѣнской печати, оптимизмъ которой началъ принимать непростительныя формы, выступилъ одинъ маленькій человѣкъ съ маленькой газеткой, который ударилъ сильной и нервной рукой по новымъ струнамъ, рѣзкіе звуки отозвались въ сердцѣ народа и вызвали отовсюду откликъ. Этотъ маленькій человѣкъ, горбунъ *Леопольдъ Гефнеръ*, котораго прокричали Терситомъ и Катилиной, Дантономъ и Маратомъ, представляетъ самую интересную личность въ исторіи вѣнской печати. Баронъ Гельфертъ такъ описываетъ Гефнера: «Маленькій горбунъ, недовольный собою и всѣмъ міромъ, ожесточенный, полный ненависти ко всѣмъ, кто носилъ сюртукъ изъ тонкаго сукна и имѣлъ лучшія манеры». И этотъ горбунъ однимъ ударомъ измѣнилъ характеръ этихъ дней. Исчезло ликованіе, наступили дни анализа, злобнаго обличенія, грозныхъ требованій. Его газетка «Constitution» вызвала столь огромную сенсацію, что ее трудно постичь теперь. Съ ранняго утра до поздней ночи контора газеты осаждалась покупателями. Если кто либо держалъ на улицѣ въ рукахъ газету и жадно проглатывалъ ея строчки,—это была «Constitution»; въ кофейныхъ, ресторанахъ, читальняхъ требовали только газету Гефнера, ея изданіе достигло небывалой въ Вѣнѣ цифры—15 тысячъ!

Первый номеръ, составленный исключительно Гефнеромъ въ шляпочномъ магазинѣ, за конторкой, гдѣ онъ служилъ, вышелъ 20 марта, и первая статья была посвящена бюрократіи. «Чиновничество съ наслѣдственностью и продажностью мѣстъ, съ его упрямствомъ и ретроградностью, его жадностью и удивительной способностью размножаться»... Этими словами Гефнеръ началъ свою газету. Во второмъ номерѣ онъ помѣстилъ «открытое письмо» знаменитому

прелату и проповѣднику Зедлачеку, въ которомъ злобно обличалъ всѣ темныя стороны монастырской эксплоатаціи. Тутъ же онъ обрушился впервые на «Камарилью» двора, причисляя къ ней всѣхъ народоненавистниковъ. Затѣмъ въ слѣдующихъ нумерахъ онъ выступилъ въ защиту средняго человѣка, противъ аренды, противъ десятиннаго сбора и всѣхъ привиллегій дворянства. Своимъ скальпелемъ онъ раскрывалъ самымъ безпощаднымъ образомъ всѣ язвы государственнаго организма. И пароль «Камарилья», изданный «Constitution», сталъ паролемъ всѣхъ, кто служилъ свободѣ, демократической независимости и благу народа. Гефнеръ послѣ зрѣлаго обсужденія помѣстилъ въ заголовкѣ своей газеты мотто, которое до сихъ поръ не встрѣчалось ни въ одной европейской газетѣ: «Freiheit und Arbeit»—свободы и работы, и эти слова стали программой политическаго движенія. Казалось, онъ боялся, что не успѣетъ высказаться. что у него окажется мало времени, чтобы вызвать въ странѣ всѣ преобразованія, что ея силы изсякнутъ въ борьбѣ съ реакціей, и онъ спѣшилъ, задыхался, и каждый номеръ его газеты былъ полонъ новыхъ плановъ, новыхъ требованій, часто неясныхъ и неопредѣленныхъ. Въ одномъ изъ номеровъ онъ пишетъ: «было бы дѣтски глупо думать, что безъ всякихъ болей возникнетъ свободное общество. Было бы даже не естественнымъ, если бы свергнутая партія мрака, которая за исключеніемъ короткаго перерыва при императорѣ Іосифѣ имѣла силу и почести въ теченіе многихъ столѣтій,—теперь не оказывала никакого сопротивленія, не пыталась вернуть реакцію». Гефнеръ влилъ первую каплю яда въ бокалъ радостнаго напитка, и многіе современники обвиняли его въ томъ, что онъ «нарушилъ гармонію». Но развѣ онъ могъ противъ голоса своей совѣсти молчать только ради «гармоніи»? Вѣдь ему было извѣстно, что онъ долженъ бить въ набатъ, что онъ долженъ заставить общество не почивать на лаврахъ, а упрочить основы свободы. Гефнеру было извѣстно, что Виндишгрецъ намѣренъ объявить въ Вѣнѣ осадное положеніе, что позади него находится сильная партія, желающая вызвать насильственный переворотъ и заковать народъ въ еще болѣе тяжелыя цѣпи. И онъ зналъ, что будущему закону о прессѣ нельзя довѣрять. Уже чрезъ недѣлю, 22 марта, д-ръ Бефгеръ, членъ коммиссіи законодательства о печати, издалъ брошюру, въ которой писалъ слѣдующее: «То, что годится для политической зрѣлости Англіи и умѣреннаго демократизма Америки, то не годится для пересадки на почву нашей молодой свободы. Намъ недостаетъ политической зрѣлости, политическаго воспитанія, политическаго образованія, политическаго такта. Въ особенно неумѣстной была бы полная свобода печати теперь, когда преобладаютъ элементы броженія, а не созиданія».

Всѣмъ было ясно, что отъ коммиссіи для разработки закона о печати хорошаго ждать нельзя. Непосредственно послѣ отмѣны цензуры 14-го марта придворная канцеляріи получила предписаніе приступить къ разработкѣ закона о печати по образцу германскихъ государствъ. Но для того, чтобы въ этотъ промежутокъ времени пресса не совершила нападокъ на императора, государство и религію, уже 17-го марта императоръ издалъ циркуляръ къ президенту придворной канцеляріи, чтобы временно администрація придержива-

лась правилъ, разработанныхъ юристами на основаніи общихъ законовъ объ уголовномъ положеніи. Этотъ циркуляръ состоитъ изъ шести короткихъ параграфовъ въ которыхъ указываются отвѣственныя личности и судебныя учрежденія, которымъ подвѣдомственны проступки по печати, и перечисляются случаи, когда должна произойти конфискація. *Но этотъ циркуляръ императора не былъ опубликованъ.* Въ этотъ же день императоръ назначилъ особую коммиссію, которая должна была облечь въ законодательную форму обѣщаніе монарха ввести свободу печати. И эта коммиссія разработала законопроектъ, вызвавшій въ скоромъ времени роковыя послѣдствія. Онъ отличался ясностью и предоставилъ огромныя права администраціи. Такъ напр. § 20 назначалъ чувствительныя наказанія для лицъ, которыя будутъ «оскорблять или осмѣивать чиновъ австрійской администраціи или ихъ дѣятельность». И руководясь этимъ «параграфомъ ненависти», бюрократія имѣла возможность ковать новыя цѣпи для прессы. Этотъ законъ, прячась подъ мантіей «мѣръ пресѣченія», пытался постепенно ввести предварительную цензуру. Конфискація со стороны полиціи или прокуратуры могла послѣдовать не только въ тѣхъ случаяхъ, когда могла быть констатирована преступная дѣятельность, но даже при нарушеніи требуемыхъ закономъ формальностей! Когда 1-го апрѣля этотъ законъ былъ опубликованъ, онъ вызвалъ бурю негодованія. Барометромъ для народныхъ чувствъ былъ въ то время университетъ, и правительство, сознавая, что ему не такъ легко достигнуть благосклонности со стороны этого народнаго трибунала, отправило туда профессора Гие для объясненія и смягченія дѣйствія новаго закона о прессѣ. Гие хотѣлъ въ 4 часа прочесть объ этомъ публичную лекцію, но нетерпѣливые не хотѣли ждать, и на университетской площади было устроено торжественное аутодафе, было сожжено нѣсколько экземпляровъ оттисковъ новаго закона! Въ четыре часа проф. Гие прочелъ свою лекцію, которую студенты съ трудомъ выслушали до конца и потребовали, чтобы ему отвѣтилъ—студентъ Шнейдеръ. Послѣдній выступилъ съ однимъ очень убѣдительнымъ аргументомъ: *Америка не имѣетъ никакого закона о печати*, и чувствуетъ себя при этомъ счастливой и преуспѣваетъ. И его доводъ вызвалъ громъ рукоплесканій. Говорили и другіе политики, и собраніе рѣшило отправить къ министру Пиллерсдорфу коммиссію съ требованіемъ взять неудачный законъ обратно. Министръ просилъ представить письменный меморандумъ.

Вѣнская пресса была въ это время откликомъ университета, и въ теченіе всего революціоннаго года она руководствовалась взглядами и требованіями студенчества. Гефнеръ пишетъ въ эти дни въ своей «Constitution»: «Я слишкомъ возмущенъ, моя кровь клокочетъ, я лишенъ возможности оцѣнить по достоинству этотъ памфлетъ на конституцію». И даже правительственная «Donau-Zeitung» констатируетъ, что новый законъ не соотвѣтствуетъ свободѣ печати. Правительство не рѣшилось послѣ этого опубликовать этотъ законъ о печати, что однако не помѣшало президенту высшаго суда предписать всѣмъ апелляціоннымъ судамъ руководствоваться въ будущемъ новымъ закономъ.

«И если, пишетъ Ценкеръ, проанализировать всѣ событія, начиная съ

14-го марта, то развертывается картина невообразимаго хаоса: отмѣна цензуры безъ обѣщанія свободы печати; императорская поправка слѣдующаго дня съ обѣщаніемъ свободы печати; октроированной законъ о печати 17-го марта; неопубликованіе его директоромъ придворной канцеляріи; новый, еще болѣе драконовскій законъ; его непризнаніе министромъ; неопубликованіе его въ офиціальномъ органѣ и—циркуляръ высшаго суда!»

Такимъ образомъ, въ концѣ апрѣля никому не было извѣстно, существовалъ ли законъ о печати, или нѣтъ. Неофиціальный отдѣлъ офиціальной «Wienez Zeitung» не считался ни съ какимъ закономъ и писалъ все, что ему было угодно, и развѣ можно было ожидать, чтобы остальныя газеты были лояльнѣе самой лояльной? «Много говорили объ анархіи прессы въ 1848 году, говоритъ Ценкеръ, и это, пожалуй, вполнѣ правильное названіе, но кто вызвалъ это невозможное положеніе? День 1-го апрѣля—изданіе закона о печати былъ роковымъ для дальнѣйшаго развитія революціи, такъ какъ независимо отъ анархіи въ печати министерство оказалось неспособнымъ выдержать первое испытаніе, и раньше популярный Пиллерсдорфъ потерялъ въ этотъ день благосклонность и довѣріе народа. Если правительство имѣло въ виду бросить печать въ бурный водоворотъ, то оно не могло придумать средства, болѣе цѣлесообразнаго, какъ законъ о печати 1-го Апрѣля. Онъ повліялъ на либераловъ подобно яркокрасной матеріи и вызвалъ бѣшенство среди журналистовъ». «Wiener Zeitung» писала 2-го апрѣля: «Развѣ пресса можетъ при такихъ условіяхъ быть барометромъ общественнаго мнѣнія, можетъ ли она надѣяться успѣшно защищать самые святые интересы народа противъ произвола чиновничества, и еще больше,—просвѣщать администрацію?» И даже безцвѣтная Theaterzeitung рѣшилась заявить, что «законъ о печати подтверждаетъ обвиненіе, что бюрократы и аристократы намѣрены изуродовать всѣ обѣщанія его величества, что повторяется попытка подчинить слово произволу полиціи».

Въ эти дни еще болѣе горячо, страстно и гнѣвно звучалъ протестъ того же Гефнера. Онъ писалъ тогда: «Со скорбью брата, который видитъ свою сестру опозоренной, съ скорбью сына, который видитъ своего стараго отца обезчещеннымъ, я читалъ подпись министра Пилерсдорфа подъ этимъ документомъ реакціи. Я слишкомъ возмущенъ, моя кровь слишкомъ сильно кипитъ, чтобы я могъ спокойно обсудить это недостойное посягательство на конституцію. Я и мои друзья будемъ и впредь безбоязненно писать только правду. И пусть противъ насъ возбудятъ обвиненіе, пусть насъ осудятъ предъ всѣмъ народомъ,—если посмѣютъ! Только недавно милостивое слово монарха раскрыло двери тюремъ. Что-жъ? Заключите насъ снова туда,—если смѣете!»

И въ то же самое время вѣнская пресса приступила къ горячему обсужденію рабочаго вопроса. Нѣкоторыя радикальныя газеты предоставили свои страницы въ распоряженіе рабочихъ. И мы встрѣчаемъ здѣсь ужъ вполнѣ опредѣленныя требованія, максимальный рабочій день, минимальную заработную плату, всеобщее избирательное право, право собраній, союзовъ и пр.

Ту же цѣль преслѣдовалъ и цѣлый рядъ летучихъ листковъ, среди которыхъ особаго вниманія заслуживаютъ: «Къ моимъ братьямъ рабочимъ» Шика, «Человѣческія права рабочихъ» Браунера, «Ко всѣмъ рабочимъ классамъ Вѣны» профессора Неймана. Эти летучіе листки свидѣтельствуютъ, что въ революціонномъ движеніи 48 года подлѣ сплоченной и организованной буржуазіи не менѣе важную роль игралъ и рабочій классъ.

Но въ срединѣ апрѣля выступила на общественной аренѣ и третья группа: строгіе монархисты, фанатики умѣренности, и въ своихъ органахъ печати они проповѣдывали свои идеи. Эта происшедшая въ теченіе одного только мѣсяца раздвоенность въ вѣнской журналистикѣ не была результатомъ распри въ средѣ журналистовъ;—она была точнымъ отраженіемъ измѣнившагося общественнаго мнѣнія Вѣны. Въ первые дни революціи всѣ были воодушевлены одной и той же идеей. Но въ то время, какъ движеніе разросталось, выросъ цѣлый лѣсъ новыхъ политическихъ вопросовъ, мнѣнія расщеплялись и размножались, возникли новые элементы, принявшіе новую точку зрѣнія. Дворянство, клерикалы, высшее чиновничество, всѣ они убѣдились, что новыя уступки послѣ 15-го марта, ничего не давшаго, кромѣ легкой окраски старой сословной конституціи, выходятъ за предѣлы лойяльной революціи и угрожаютъ уничтоженіемъ ихъ старыхъ привилегій. Матадоры перваго движенія, старые либералы предмартовскаго періода, стали первыми ренегатами свободы; среднее же сословіе, зажиточные граждане, купцы и фабриканты еще находились въ рядахъ революціонеровъ, такъ какъ ихъ программа еще не была осуществлена. Но теперь они узнали, какой будетъ новая конституція, объявленіе которой ожидали чрезъ нѣсколько дней, и высказали свое полное удовлетвореніе. Въ тоже самое время ихъ пугали, какъ маленькихъ дѣтей, призракомъ коммунизма анархіи, и чѣмъ больше жертвъ вызывало освободительное движеніе, тѣмъ болѣе пополнялись ряды реакціонеровъ.

Возникли новыя газеты, утверждавшія, что революціонеры заходятъ слишкомъ далеко, что они хотятъ выкроить для Австріи самое лучшее и самое свободное платье. Правда, особаго вліянія они не имѣли, и въ тоже самое время достаточно было одной статьи въ радикальной «Donau-Zeitung», чтобы вызвать паденіе одного министра. Среди реакціонныхъ газетъ выдвинулась «der Zuschauer», которая обливала помоями все, что носило имя демократіи, либерализма, революціи, эмансипаціи, а парламентъ называла царствомъ антихриста.

15-го мая народныя массы подали правительству петицію; и поведеніе ихъ было столь угрожающимъ, что ужъ на слѣдующій день испуганное правительство объявило недѣйствительнымъ навязанную народу 25-го апрѣля конституцію и созвало первый парламентъ съ одной палатой, отмѣнивъ камеру господъ. Историческія событія этой эпохи мы указываемъ лишь въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, поскольку они имѣютъ отношеніе къ той роли, которую сыграла въ это время австрійская пресса. 17-го мая вѣнскій дворъ вмѣстѣ съ императоромъ тихо и незамѣтно оставилъ Вѣну, а 18-го изумленная столица узнала о переселеніи двора въ Иннсбрукъ. Редакторы «Wiener Zeitung»

помѣстили статью объ отъѣздѣ императора, который они сравнивали съ бѣгствомъ Людовика XVI. Эта статья была закончена слѣдующими словами: «послѣдній день его пребыванія въ Вѣнѣ былъ бы первымъ днемъ республики».

18-го мая появилось воззваніе къ гражданамъ, подписанное четырьмя журналистами, предлагавшими поручить временное регентство Іоанну, самому популярному принцу императорскаго дома, который освободилъ бы монархію отъ бездны, угрожающей ее проглотить. Но Гефнеръ, редакторъ «Constitution», и Тувора, редакторъ «der Freimüthige», сѣли въ экипажъ и объѣхали всѣ предмѣстья Вѣны, отъ одной фабрики къ другой и предлагали рабочимъ составить новое правительство. Планъ Гефнера былъ слѣдующій. Съ 30 тысячами рабочихъ проникнуть въ государственную канцелярію, занять государственную типографію и тоже съ помощью все увеличивающейся толпы занять всѣ правительственныя учрежденія, назначить отъ имени насильственно удаленнаго въ Иннсбрукъ императора новое правительство съ диктаторскими полномочіями, предпринять цѣлый рядъ арестовъ и отправить делегатовъ къ венгерскому министерству, славянскому конгрессу и германскому парламенту. Но представители вѣнской радикальной журналистики ошиблись въ разсчетахъ: вѣнскій народъ не пошелъ за ними. Исторія ихъ ареста, ихъ заключенія въ тюрьму, во время котораго народъ хотѣлъ неоднократно разстерзать ихъ, представляетъ печальныя страницы въ исторіи вѣнской революціи. И въ то время, какъ редакторы этихъ газетъ томились въ тюрьмѣ и ждали приговора, ихъ газеты продолжали неустрашимо бороться съ правительствомъ и проповѣдывать освободительныя идеи. 30-го мая по требованію делегатовъ вѣнскаго студенчества эти журналисты были освобождены изъ заключенія.

II.

Лѣтомъ 1848 года съ газетами произошло тоже самое, что позже съ банками и акціонерными компаніями: всѣ хотѣли издавать газету и ломали себѣ голову, какъ-бы создать что либо новое, до сихъ поръ еще небывалое. Гельфертъ утверждаетъ, что въ мартѣ приступили къ изданію восьми новыхъ газетъ, въ апрѣлѣ появились на газетномъ рынкѣ 23 новыхъ изданія; въ маѣ къ нимъ прибавились 15 новыхъ газетъ и въ іюнѣ снова 26. Въ эти мѣсяцы Вѣна была положительно наводнена новыми періодическими изданіями. Журналистика,—это дитя движенія, не имѣетъ для своего развитія болѣе благопріятной почвы, какъ красное поле революціи. Въ дни, когда право на общественную дѣятельность и на роль народнаго трибуна получается не посредствомъ экзаменовъ или атестатовъ, устава или принадлежности къ тому или другому классу, а посредствомъ душевныхъ порывовъ, личной неустрашимости и даже страсти къ приключеніямъ, каждый, кто только кое какъ владѣетъ перомъ, думаетъ, что онъ призванъ быть публицистомъ. И всѣ эти газетные выскочки были лишены, конечно, всякого фактическаго матеріала, всякого реальнаго содержанія, они подобно лирическимъ стихотвореніямъ были переполнены лишь безумной, непонятной страстью,—а дѣйствительная жизнь

била живымъ ключемъ. «И въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Ценкеръ, революція это опьяняющій, прекрасный міръ жизни, который быстро пробѣгаетъ передъ нами и въ это короткое мгновеніе вспугиваетъ во всѣхъ углахъ самыхъ холодныхъ сердецъ всѣ страсти».

Особую сенсацію вызвала въ эти дни газетка «Geradeaus» (впередъ). Она распространялась не посредствомъ разносчиковъ, а на особой тачкѣ, надъ которой развѣвались нѣмецкіе національные флаги. Газетка,—въ восьмую долю обыкновеннаго листа, продавалась баснословно дешево—по одному крейцеру ($^3/_4$ коп.), и тиражъ ея скоро достигъ 15 тысячъ экземпляровъ. Умѣренно радикальная окраска дѣлала ее очень популярной въ публикѣ, и газетная тачка всюду бралась съ боя. Однажды вѣнцы были изумлены, увидѣвши на улицахъ оригинальныя телѣжки въ формѣ римскихъ башенъ. Онѣ были окрашены въ бѣлый цвѣтъ, съ позолоченными зубцами. Эти телѣжки продавали новую газету «Omnibus», которая стоила также одинъ только крейцеръ, хотя и издавалась въ четверть листа. И съ этого момента возникла бѣшенная конкуренція дешевыхъ газетъ, которыя стремились давать какъ можно больше печатной бумаги, не заботясь о выборѣ матеріала. Въ эти дни появилась на улицахъ газетка съ своеобразнымъ именемъ «Ohne Hose» (безъ штановъ). Ее продавалъ разносчикъ, одѣтый въ костюмъ Спартака съ фригійской шапкой на головѣ, и лошадь, тащившая тачку, была окрашена въ красный цвѣтъ. Многіе бросались послѣ этого на оригинальныя имена, и скоро приступили къ изданію газетъ: «Politischer Esel» (политическій оселъ), «Pst! Pst! Warum? Volksfragen (пстъ! почему? Народные вопросы), и т. д. Вполнѣ понятно, что при этой безумной конкуренціи политическая окраска стала лишь модой, разсчитанной на спекуляцію и на возбужденіе народа. Къ счастью, всѣ эти газетки недолго жили.

Многіе «историки» съ особымъ удовольствіемъ констатируютъ, что австрійская пресса революціоннаго періода стояла на самомъ низкомъ уровнѣ журналистики, что она была переполнена гнусными памфлетами, интригами, бранью, что въ ней царилъ площадный тонъ. И это паденіе прессы произошло въ промежутокъ времени между майской и октябрьской революціей. Но были ли всѣ эти гнусноети и грубости привилегіей лишь радикальной журналистики, или же эти міазмы находились тогда въ воздухѣ, заражая «благонамѣренную» прессу? Ценкеръ приводитъ въ своемъ сочиненіи отрывки и изъ «Kirchenzeitung» (церковная газета), и изъ реакціонной «Geissel» (Бичъ), отрывки, полные букетовъ изъ брани, глумленія и клеветы.

Конечно, въ этотъ періодъ полной деморализаціи вѣнской прессы возникли и честные, и серьезные органы. 26-го мая возникла газета «der Mann der Volkes»; 30-го мая ея изданіе было перенесено «на баррикады», какъ печаталось въ заголовкѣ газеты, и здѣсь она просуществовала три дня, ярко, подобно метеору, освѣтивъ все значеніе вѣнской революціи. Во второй половинѣ іюня группа литераторовъ, игравшихъ руководящую роль во время революціонныхъ дней, приступила къ изданію серьезной газеты «der Radikale». Но скоро серьезные политики вышли изъ состава редакціи, и газета стала пропа-

гандировать разрушеніе и полное уничтоженіе всего существующаго. Третьимъ выдающимся изданіемъ іюньскихъ дней было «Politischer Studenten-Courier», во главѣ котораго находились два студента. Кто знаетъ, какую роль сыграли студенты во время революціи 48 года, тотъ можетъ легко представить себѣ окраску и направленіе ихъ газеты. Они впрочемъ иллюстрировались посредствомъ мотто газеты: ««der Freiheit ihre Gasse (дорогу-свободѣ). И студенчество, и его газета сохранили за собою руководящую роль до конца революціоннаго движенія. Позже эта газета не желала быть выразительницей мнѣній только студенчества, и въ подзаголовкѣ помѣщалось: «органъ всей демократіи, но не какой-либо фракціи».

Но самой важной газетой 1848 года считается «die Presse», которая оказала рѣшающее вліяніе на всю молодую австрійскую литературу того времени. Исторія этой газеты связана самымъ тѣснымъ образомъ съ именемъ писателя Августа Цанга, бывшаго раньше офицеромъ австрійской арміи. Замѣчательно, что среди журналистовъ и писателей 48 года мы встрѣчаемъ много офицеровъ, совѣсть которыхъ не позволяла имъ дольше оставаться въ арміи. Они мѣняютъ саблю на редакціонное перо и не задумываются отправиться на баррикады, когда отъ нихъ этого требуютъ обязательства. Особую извѣстность пріобрѣлъ офицеръ *Месенгауеръ*, писавшій въ «der Radikale» и ставшій позже во главѣ національной гвардіи. Этотъ талантливый писатель былъ позже казненъ княземъ Виндишгрецомъ, и недавно вѣнскій писатель Фрицъ Тельманъ драматизировалъ его судьбу. Эта интересная драма временъ революціи будетъ скоро поставлена въ одномъ вѣнскомъ театрѣ.

«Presse», для которой также была назначена минимальная цѣна въ одинъ крейцеръ, выступила съ слѣдующей програмной статьей. «Наша революція, писала она, представляла своеобразное зрѣлище, она не явилась результатомъ нужды, она не была вызвана непониманіемъ правителей при рѣшеніи матеріальныхъ вопросовъ;—она была вызвана чувствомъ зрѣлости, охватившимъ всѣ классы населенія. Разбили цѣпи опеки, такъ какъ никто не хотѣлъ дальше оставаться ребенкомъ». Газета называла себя сторонницей «чистой демократіи» въ отличіе отъ партійной; она хотѣла посредствомъ наставленія и обученія достичь духовнаго равенства, и въ своихъ сужденіяхъ, въ своемъ отношеніи къ злободневнымъ вопросамъ она рѣзко отличалась отъ прочихъ демократическихъ газетъ, хотя и помѣстила въ подзаголовкѣ пароль: «равное право для всѣхъ». Но при этомъ «Presse» имѣла въ виду *другую свободу*, чѣмъ крайніе радикалы того времени, не яркокрасную, превращающую все въ одинъ хотя и восторженный, но разрушающій сумбуръ. Она обращалась къ публикѣ, желавшей общаго успокоенія и разумнаго выясненія ситуаціи, стремившейся возстановить право и законность. И успѣхъ «Presse» въ лучшихъ классахъ общества былъ поразительный.

Первый нумеръ этой газеты вышелъ 10 іюля, за недѣлю до учредительнаго собранія парламента. И въ это время стало извѣстно, что Эрнестъ Шварцеръ, редакторъ «Oesterreichische Zeitung», принялъ портфель министра общественныхъ работъ. Но журналистовъ не радовала честь, оказанная одному

изъ ихъ собратьевъ;—наоборотъ, они старались сдѣлать его положеніе въ кабинетѣ невозможнымъ.

Въ тоже самое время въ Вѣнѣ издавался цѣлый рядъ политическихъ юмористическихъ и сатирическихъ газетъ, которыя въ безпощадной формѣ преслѣдовала реакцію, и среди шутокъ и остротъ часто дѣлали сенсаціонныя разоблаченія. Собственно говоря, юмористическій отдѣлъ имѣлся во всякой ежедневной политической газетѣ. Лойяльные юмористическіе журналы успѣха не имѣли, и «Humorist» Сафира въ это время скоро совершенно потерялъ свое прежнее значеніе. Первымъ юмористическимъ революціоннымъ журналомъ слѣдуетъ считать «Charivari» (Кошачья музыка). Здѣсь осмѣивалась высшая аристократія, и даже не было пощады вѣнскому двору, все еще находившемуся въ Инсбрукѣ.

Появились и газеты, издаваемыя самими рабочими и ихъ организаціями. Возникшая въ началѣ революція безработица принимала все болѣе грозныя формы по мѣрѣ того, какъ предприниматели начали проявлять болѣзненную осторожность. Со всѣхъ концовъ Австріи стекались въ Вѣну рабочіе, надѣясь здѣсь, въ котловинѣ политической жизни, найти занятіе. Возникла борьба изъ-за заработной платы, борьба, вызвавшая паденіе газетчика-министра Шварцера. Онъ счелъ необходимымъ уменьшить плату рабочимъ, находившимся на казенныхъ работахъ, и это вызвало движеніе, приведшее къ кровавому столкновенію рабочихъ съ національной милиціей. Шварцеръ ушелъ, доказавъ, что можно быть хорошимъ журналистомъ, но плохимъ министромъ. Наборщики типографій выступили съ опредѣленными оформулированными требованіями, и напуганные предприниматели уступили имъ на всѣхъ пунктахъ. Позже, когда ситуація выяснилась и общество успокоилось, владѣльцы типографій не сочли нужнымъ исполнить данныя ими обѣщанія, и всѣ попытки наборщиковъ достичь того, чтобы парламентъ санкціонировалъ закономъ ихъ требованія, остались безуспѣшными. Тогда они приступили къ изданію своихъ собственныхъ газетъ. Въ это время возникли: «Oesterr. Typographie», «Wiener Arbeiter Courier», Arbeiter Zeitung, «Concordia», Herold и др. Но всѣ эти газеты рабочихъ особымъ успѣхомъ не пользовались, и одна за другой прекращали въ короткихъ промежуткахъ свое существованіе. Въ это время потускнѣло значеніе не одной только рабочей прессы. Съ того момента, какъ вѣнская революція достигла своего кульминаціоннаго пункта, вѣнская пресса перестала дѣйствовать захватывающимъ образомъ на общество. До тѣхъ поръ, пока не было организовано народное представительство, газета представляла собою единственную арену, гдѣ обсуждалось безчетное число вопросовъ и желаній, взбаломученныхъ событіями 13 марта. Вѣдь революція вспыхнула въ Вѣнѣ безъ опредѣленной программы, и всѣ въ унисонъ требовали свободы, безцензурной прессы, народной милиціи и конституціи. Теперь оказалось необходимымъ вылить всѣ эти заманчивыя представленія въ опредѣленныя формы, прежде чѣмъ примѣнить ихъ въ дѣйствительности. И не было никого, кто могъ-бы взяться за эту тяжелую задачу, никого, кромѣ все той же безпокойной, неустановившейся прессы. Задача была очень тяжелой и неблагодарной. Изъ

хаоса различныхъ взглядовъ и направленій скоро выдѣлились двѣ группы, одинаково стоявшія на почвѣ свободы, но ожесточенно боровшіяся другъ съ другомъ. Одни хотѣли подражать Англіи и Бельгіи и были сторонниками постепеннаго развитія, другіе руководствовались молодой исторіей Франціи. На сторонѣ первыхъ было среднее сословіе, уже тогда обнаружившее признаки распаденія, вызваннаго новыми формами производства; вторые же опирались на пролетаріатъ. До тѣхъ поръ общество еще не проникось сознаніемъ этихъ контрастовъ во взглядахъ и направленіяхъ, и лишь теперь, когда эти контрасты впервые столкнулись, предстояла безпощадная, ожесточенная борьба взглядовъ и направленій.

Эта ожесточенная публицистическая борьба не прошла безслѣдно, хотя она часто и принимала уродливыя, отталкивающія формы. Майская революція уже рѣзко отличалась отъ мартовской: она возникла при вполнѣ разработанной программѣ, парламентъ былъ построенъ на прочной почвѣ, и онъ нашелъ уже сгруппированныя партіи и общественное мнѣніе, безъ которыхъ его первыя работы оказались бы безрезультатными.

Въ сентябрѣ вѣнская радикальная пресса принуждена была отказаться отъ сдержанности, она убѣдилась, что правительство поддерживаетъ въ Вѣнѣ реакцію и надѣется съ помощью черносотенцевъ, дѣйствовавшихъ вызывающимъ образомъ, вернуть прежній режимъ; въ лицѣ пресловутаго фельдмаршала графа Латура правительство интриговало противъ освободительнаго движенія въ Венгріи. Времени терять нельзя было, и пресса, стоявшая на стражѣ общественныхъ интересовъ, забила въ набатъ.

Многіе историки указываютъ на то, что октябрьская революція была искусственно вызвана «травлей разнузданной радикальной прессы», подкупленной мадьярами. Дѣйствительно, октябрьская революція не была *программной*. До нѣкоторой степени можно было согласиться и съ тѣмъ, что вѣнская журналистика того времени обострила контрасты различныхъ классовъ общества и вызвала въ нихъ броженіе. Но развѣ революціи не меньше содѣйствовала цѣлая цѣпь событій, начиная съ временнаго закона о печати, октроированной конституціи, безпрерывныхъ нападеній на національную гвардію черносотенцевъ и кончая искусственно вызваннымъ возмущеніемъ неорганизованныхъ рабочихъ? Развѣ само правительство не спекулировало насчетъ революціи, чтобы затѣмъ подавить ее и возстановить прежній режимъ? И въ результатѣ—кровавый эпизодъ 6-го октября, во время котораго министръ графъ Латуръ былъ повѣшенъ на фонарѣ. Но виновата ли была въ этой кровавой расправѣ пресса? Дѣйствительно ли она была подкуплена венгерцами? На эти вопросы, затрагивающіе честь вѣнской прессы революціоннаго года, даетъ отвѣтъ Ценкеръ и приводитъ слѣдующіе факты. Симпатіи, которыми пользовалась Венгрія въ демократической прессѣ уже съ перваго момента революціи, до того усилились въ сентябрѣ, что венгерскій вопросъ сталъ главнымъ пунктомъ для газетныхъ дискуссій. Чувствовали солидарность съ Венгріей вслѣдствіе равенства борьбы за общіе идеалы свободы съ однимъ общимъ врагомъ.

Живущіе въ Вѣнѣ венгерцы оперировали вмѣстѣ съ вѣнцами, а въ Вен-

гріи нѣмцы раздѣляли энтузіазмъ мадьяръ. Революціонное движеніе въ Венгріи, возникшее на національной почвѣ, позже поддерживалось солидарностью всѣхъ народовъ Австріи, домогавшихся общей для всѣхъ политической свободы. Поэтому вѣнцы съ неменьшей страстностью протестовали позже противъ бомбардировки Праги. Теперь же особенно симпатизировали мадьярамъ еще потому, что было ясно, что желаютъ оттѣснить мадьяръ отъ законной почвы, чтобы заглушить въ нихъ всякую мысль о свободѣ посредствомъ военной диктатуры. Къ этому вѣнская пресса не могла относиться равнодушно; она знала, что эта судьба ждетъ и Австрію, что свобода Венгріи—это вообще свобода. Это вызвало невѣроятное возбужденіе вѣнской прессы, и даже газеты, которыя первоначально враждебно относились къ Венгріи, открыто стали на ея сторону.

Радикальная пресса рѣзко обрушилась на военнаго министра графа Латура, доказывая, что благодаря его настояніямъ хорватскія полчища съ «разбойникомъ» Елачичемъ во главѣ были натравлены на мадьяръ, и требуя, чтобы графъ Латуръ, главное орудіе придворной камарильи, былъ проданъ суду.

«Политика двора,—восклицаетъ сравнительно умѣренная и серьезная «Presse»,—это политика революціи, отъ столь высокаго мѣста не долженъ быть подаваемъ подобный примѣръ народамъ Австріи! Формы законности должны быть соблюдаемы; конституціонный тронъ отъ этого своего достоинства не потерялъ бы, а народамъ законъ показался бы столь святымъ, что ни одно нарушеніе его не осталось бы безнаказаннымъ. Почему не сформировано стройное министерство, которому было бы поручено осуществить всѣ необходимыя мѣропріятія? Но дворъ по прежнему придерживается мертвой политики».

Таково было положеніе, когда неожиданно произошло событіе, еще болѣе возбудившее общественное мнѣніе. 30-го сентября нѣкоторыя радикальныя газеты опубликовали перехваченныя письма графа Латура, въ которыхъ послѣдній обѣщаетъ Елачичу содѣйствіе австрійскихъ полковъ для подавленія венгерскаго возстанія и крупную денежную поддержку. И бывшій министръ-журналистъ Шварцъ заявляетъ въ своей газетѣ, что «графъ Латуръ нарушилъ слово, данное имперскому собранію, и скомпрометировалъ отвѣтственность конституціоннаго министра». «Studenten-Courier» помѣстила въ тотъ же день знаменитую революціонную пѣсню «à la lanterne» (на фонарь!).

Таковы событія, предшествовавшія октябрьской революціи.

Виндишгрецъ со своими войсками медленно приближался къ Вѣнѣ, готовившейся дать отпоръ императорскимъ войскамъ. Въ эти дни, когда всякій способный носить оружіе отправлялся на городскіе валы, чтобы служить подъ знаменами Мессенгауэра, когда готовились къ осадѣ и штурму и тоскливо ждали помощи отъ мадьяръ, въ эти октябрьскіе дни никого не интересовала пресса, и она постепенно потеряла значеніе. Дѣло шло не о политикѣ и программахъ, а о борьбѣ на жизнь и смерть.

Виндишгрецъ взялъ Вѣну и ввелъ въ ней военную диктатуру. Для прессы онъ ввелъ драконовскіе законы, и въ городѣ, гдѣ бряцаніе сабель офицеровъ заглушало всякіе голоса, для свободной прессы не было мѣста. И если кто-либо изъ журналистовъ поднималъ голову, его предавали военному суду. Это

произошло десять мѣсяцевъ послѣ провозглашенія свободы печати... И развилась снова низменная, угодничающая, пресмыкающаяся пресса, послѣ того, какъ нѣкоторые безпокойные журналисты были приговорены военнымъ судомъ къ десяти и двѣнадцатилѣтней каторгѣ... Нечего говорить, какою стала новая пресса. Она снова начала жить изо дня въ день политическими, литературными и общественными сплетнями; серьезной политики она не смѣла касаться.

III.

Намъ остается еще независило отъ исторіи вѣнской прессы въ связи съ революціей 1848 года указать на два момента, которые въ томъ году оказали большое вліяніе на развитіе прессы и общественнаго самосознанія. Это—*суды присяжныхъ по дѣламъ печати и стачка журналистовъ*.

Временныя правила о судопроизводствѣ по дѣламъ печати были изданы 18-го мая. «Вопросъ о виновности и невиновности, говорится въ § 2, рѣшается судомъ присяжныхъ, къ которому отъ случая къ случаю присоединяется коллегія судей. Судъ долженъ быть гласнымъ и устнымъ. Но судъ можетъ назначить тайное засѣданіе, если гласность разбора угрожаетъ нравственности общества. Присяжные не обязаны руководствоваться свидѣтельскими или другими показаніями, — они рѣшаютъ, руководясь только голосомъ совѣсти. Обвинительный приговоръ произносится только при рѣшеніи двухъ третей большинства присяжныхъ. Кассація по дѣламъ печати не существуетъ. Выборы присяжныхъ совершаются *всѣми гражданами* того или другого города, достигшими 24-лѣтняго возраста и пользующимися всѣми гражданскими правами, безъ различія вѣроисповѣданія. Функціи присяжнаго засѣдателя представляютъ собою не только гражданскую честь, но и гражданскій долгъ, и никто не можетъ уклониться отъ этого долга безъ извинительныхъ причинъ».

Читателю ясно, что уже въ первое время по изданіи закона возникла масса дѣлъ, которыя подлежали разбору судомъ присяжныхъ. Въ іюнѣ было подано 170, а въ іюлѣ 200 жалобъ.

Но журналисты игнорировали все это и продолжали писать такъ, какъ если бы не существовало никакого закона о печати и никакого суда. Положеніе прокурора было въ высшей степени затруднительнымъ. Такъ какъ редакціи не были обязаны доставлять ему провѣрочныхъ экземпляровъ, то онъ принужденъ былъ абонироваться на газеты и именно на тѣ, которыя стремились къ сверженію правительства и существующаго строя. Винклеръ утверждаетъ, что преступныя статьи помѣщались въ такомъ огромномъ количествѣ, что прокуроръ затруднялся, кого раньше привлечь къ суду.

Изъ первыхъ обвиненій, возбужденныхъ прокуроромъ противъ газетъ, обращаетъ на себя обвиненіе редакторовъ газеты «Wiener Katzen-Musik», въ которой была помѣщена рѣзкая статья противъ князя Виндишгреца и «господства солдатъ», противъ солдатъ и офицеровъ, — «грубой, дерзкой, необразованной аристократической банды». Общество читало эту газету съ удовольствіемъ, потому что въ это тяжелое время эта газета была единственной, которая развлекала читателя политическими шутками и остротами, подчасъ грубыми. Но

обвиненія, которыя возбуждалъ прокуроръ, клались большею частью подъ сукно; правительство старалось избѣгать нареканій, и консерваторы требовали безуспѣшно, чтобы «напомнили вредной прессѣ о существованіи закона о печати».

24-го августа, на другой день послѣ кровавыхъ столкновеній въ Пратерѣ, приступили къ разбору перваго процесса о проступкахъ въ печати. Это было событіемъ первой важности какъ для журналистовъ, такъ и для общества, такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что присяжные засѣдатели при первомъ рѣшеніи станутъ на опредѣленную точку зрѣнія относительно дѣятельности прессы. Обвиненіе было возбуждено противъ «Studenten Courier», — студенческой газеты, сыгравшей важную роль въ періодъ майской революціи и бывшей честнымъ, горячимъ, хотя и неопытнымъ руководителемъ прогрессивнаго общества. Эта газета съ свойственной ей горячностью выступила въ защиту республиканскаго строя, и въ нумерѣ отъ 11-го іюля она писала: «вѣнцы! привыкните къ этому слову, но не смѣшивайте республику съ анархіей. Лишь при республиканской конституціи народъ можетъ безпрепятственно итти по пути къ счастью... Вы придете скоро къ заключенію, что содержаніе монархическаго правительства съ блестящимъ придворнымъ штатомъ сопряжено съ огромными расходами». Эта статья вызвала негодованіе буржуазіи, и многіе бюргеры, предоставившіе студентамъ безплатный столъ и квартиру, отказали имъ въ этомъ. Этотъ номеръ «курьера студентовъ» былъ конфискованъ прокуроромъ. Но эту статью перепечатала газета «Freie Warte», и редакторъ ея прибавилъ отъ себя слѣдующее: «Чего мнѣ бояться? Я буду заключенъ въ тюрьму? Отлично; тогда мои читатели будутъ получать политическія статьи изъ арестнаго дома. Это меня не устрашитъ, и я буду постоянно утверждать, что я считаю республиканскій образъ правленія идеаломъ конституціоннаго строя». Прокуроръ принужденъ былъ привлечь къ судебной отвѣтственности и редактора «Freie Warte».

И публика повалила валомъ къ первому засѣданію новаго суда присяжныхъ. Университетъ позаботился о томъ, чтобы въ залѣ было много студентовъ, а на улицѣ терпѣливо стояла многотысячная толпа въ ожиданіи рѣшенія присяжныхъ. Обвиняемые студенты-редакторы явились въ мундирахъ академическаго легіона. Изъ 36 присяжныхъ явились въ судъ 31, и студенты отклонили нѣсколько присяжныхъ изъ умѣренной буржуазіи. Прокуроръ въ своей рѣчи указалъ на то, что журналисты имѣютъ право обсуждать всѣ формы правленія, въ томъ числѣ и республиканскую. Но въ спокойной, достойной формѣ. Они совершаютъ преступленіе, возбуждая народныя массы.

Въ своей защитительной рѣчи студентъ Бухгеймъ указалъ, что «республика—это идеалъ свободы. Суверены не назначены Богомъ, наши предки избрали себѣ вождей по собственному усмотрѣнію, отсюда начало династій. Въ библіи указывается, что Богъ создалъ людей, но не королей, и позже, какъ категорически утверждаетъ библія, Богъ назначилъ іудеямъ царя, чтобы наказать ихъ за ихъ грѣховность. Такимъ образомъ, короли стали олицетвореніемъ божьяго гнѣва». Дальше Бухгеймъ указалъ, что призывъ къ вѣнцамъ не довольствоваться достигнутымъ, а стремиться къ достиженію совершенныхъ

политическихъ формъ не заключаетъ въ себѣ ничего преступнаго. Другой редакторъ, студентъ Петеръ защищался болѣе остроумно. Онъ сказалъ: «я отрицаю, что у насъ существуетъ теперь монархическая форма правленія (Императоръ и дворъ находились въ это время въ Иннсбрукѣ), а какой формы правленія мы достигнемъ,—это зависитъ не отъ прокурора, а отъ народа и парламента». Затѣмъ онъ обратился къ присяжнымъ. «Рѣшайте по совѣсти, справедливо. Не забывайте, что предъ вами находятся члены корпораціи, которая 13-го марта подняла оружіе во имя свободы. И если вы насъ осудите, наши идеи будутъ жить дальше».

Послѣ получасоваго совѣщанія присяжные вынесли обвиняемымъ оправдательный вердиктъ. Раздались громовые аплодисменты; всѣ ликовали и поздравляли другъ друга. Такимъ образомъ, при первомъ процессѣ о печати правительство потерпѣло пораженіе. Слѣдующіе процессы ужъ не оканчивались такъ благополучно для журналистовъ, присяжные неоднократно выносили обвинительные приговоры, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о клеветѣ противъ государственныхъ дѣятелей и министровъ. Но радикальная пресса все же пользовалась въ это время неограниченной властью.

10-го октября пріостановилось изданіе газеты «Zuschauer», потому что наборщики и печатники типографіи отказались отъ работы и требовали, чтобы «редакція приняла новую тенденцію». И «Studenten Courier», обсуждая эту стачку, писалъ слѣдующее: «въ этомъ мы не усматриваемъ никакого терроризма, потому что тѣ газеты, которыя подъ покровомъ законности каждое честное освободительное движеніе клеймятъ анархіей, не могутъ быть терпимы». Консервативный писатель Велькеръ такъ характеризовалъ въ Франкфуртѣ вѣнскую прессу: «каждый журналистъ рисковалъ жизнью, если дерзалъ высказать что-либо, непріятное господствующей терроризирующей партіи, и въ тоже время многіе редакторы, не желая рисковать жизнью, принуждены были пронимать многія статьи, даже если онѣ шли въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ ихъ газетъ».

Молодая конституціонная пресса, не руководствовавшаяся никакими соображеніями, не продиктованными самымъ крайнимъ конституціонализмомъ, скоро вступила въ конфликтъ съ первымъ учредительнымъ собраніемъ. Первый австрійскій парламентъ засѣдалъ въ манежѣ, и ложи журналистовъ находились непосредственно подлѣ верхнихъ рядовъ скамеекъ депутатовъ. Журналистамъ вслѣдствіе этого расположенія представлялась возможность бесѣдовать съ депутатами, обмѣниваться съ ними мнѣніями и оказывать вліяніе на ихъ рѣшеніе. Кромѣ того журналисты имѣли свободный доступъ въ залъ для общихъ бесѣдъ депутатовъ, такъ какъ только чрезъ этотъ залъ они могли попасть въ свои ложи, и журналисты могли здѣсь безпрепятственно вести переговоры съ депутатами.

«Этотъ залъ, саркастически замѣчаетъ баронъ Гельфертъ, превратился поэтому въ политическую биржу, и многіе журналисты требовали здѣсь у депутатовъ объясненій и оправданій относительно той или другой вотировки». И однажды всѣ семьдесятъ журналистовъ, представители вѣнской, провинціальной

и заграничной прессы демонстративно оставили залъ засѣданій и удалились. Оказалось, что одинъ изъ распорядителей депутатовъ, по постановленію бюро парламента, открылъ для журналистовъ новыя двери, которыя вели чрезъ конюшни, и заколотилъ прежнія, предоставлявшія имъ возможность находиться и въ залѣ для бесѣдъ. Журналисты усмотрѣли въ этомъ обиду, и на собраніи въ одномъ кафе постановили бойкотировать парламентъ до тѣхъ поръ, пока они не получатъ удовлетвореніе. Здѣсь же былъ разработанъ протестъ, который былъ отправленъ парламенту, и въ которомъ, указывая на то, что пресса призвана контролировать учредительное собраніе, журналисты высказали ожиданіе, что это недостойное постановленіе будетъ отмѣнено.

Слѣдующее засѣданіе парламента было вялымъ и скучнымъ, пустыя ложи журналистовъ безпрерывно напоминали депутатамъ, что ихъ совѣщанія остаются негласными, что никто въ мірѣ не узнаетъ объ ихъ резолюціи. Депутаты сознавали, что вслѣдствіе бойкота журналистовъ они отрѣзаны отъ всего міра. Конечно, положеніе журналистовъ было не менѣе затруднительнымъ, потому что общество долго не вынесло бы эту тяжелую ситуацію, и компромиссъ, казалось, былъ абсолютно необходимымъ. Журналисты для защиты своихъ интересовъ основали союзъ или, какъ его иронически называли, парламентъ журналистовъ. Студенты оказались на ихъ сторонѣ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія парламента. Послѣдній не могъ остановиться ни на одномъ рѣшеніи и постановилъ, что конфликтъ долженъ быть улаженъ самимъ бюро парламента. Произошло соглашеніе, по которому для журналистовъ былъ назначенъ новый болѣе достойный входъ въ ихъ ложи. Доступъ же въ залъ для бесѣдъ депутатовъ остался для нихъ надолго закрытымъ.

Еще нѣсколько словъ о прессѣ осаднаго положенія. Уже изъ Лунденбурга князь Виндишгрецъ, приближавшійся съ своими полками къ Вѣнѣ, потребовалъ отъ жителей Вѣны, чтобы они сдались императорскому правительству и чтобы національная гвардія сложила оружіе. Въ слѣдующемъ циркулярѣ онъ потребовалъ, чтобы всѣ газеты за исключеніемъ офиціальной «Wiener Zeitung» пріостановили свое изданіе. Журналистъ Фребель, сознавая, что правительство намѣрено посягнуть на самыя святыя права народа, сказалъ товарищамъ: «будемъ сражаться; если насъ не уложатъ пули солдатъ, мы окончимъ нашу жизнь на висилицѣ». Журналисты проявляли храбрость не только въ редакціяхъ, за письменнымъ столомъ, но и на городскихъ валахъ. И позже, по объявленіи диктатуры, многіе попали въ тюрьмы и провели здѣсь многіе годы, другіе добровольно отправились въ изгнаніе, не желая измѣнить своимъ убѣжденіямъ.

Первоначально журналисты были убѣждены, что народъ побѣдитъ «императорскихъ бунтовщиковъ», и нѣкоторыя газеты предлагали отправить въ лагерь Виндишгреца народныхъ коммиссаровъ, которые бы открыли арміи глаза. Журналисты, ночью работавшіе въ редакціяхъ, днемъ съ оружіемъ въ рукахъ находились на городскихъ валахъ. Другіе поддерживали народъ, заботились, чтобы онъ не падалъ духомъ; они ходили изъ одной казармы въ другую и

всюду ободряли защитниковъ столицы. Позже Мессенгауэръ сформировалъ изъ журналистовъ и интеллигенціи особый отрядъ для поддержки порядка въ осажденномъ городѣ. Этотъ отрядъ долженъ былъ пойти первымъ въ линію огня. 28 октября императорскія войска предприняли первый штурмъ и взяли послѣ кровопролитнаго сраженія предмѣстья Вѣны. 1 ноября Вѣна находилась въ рукахъ князя Виндишгреца, объявившаго диктатуру.

Этимъ заканчивается австрійская революція 48 года. Для вѣнской прессы наступили черные дни, и лучшія газеты навсегда добровольно прекратили свое существованіе.

Но свою миссію пресса 48 года свято выполнила. Она *воспитала* населеніе Австріи. Въ теченіе этихъ восьми мѣсяцевъ десятки и сотни газетъ, изъ которыхъ многія существовали недѣлю, другія мѣсяцъ, большинство не больше полугода, убѣдили населеніе, что управленіе страной можетъ быть успѣшно только при непосредственномъ участіи народа, подъ его строгимъ контролемъ, что между правителями и управляемыми не должна находиться раздѣляющая ихъ стѣна и что первымъ условіемъ успѣшнаго государственнаго развитія является свободная и независимая печать. И это убѣжденіе народа не могло быть искоренено даже самой строгой диктатурой Виндишгреца.

Въ общемъ австрійцы никогда не забудутъ, что студенты, писатели и рабочіе завоевали имъ своей геройской и самоотверженной дѣятельностью человѣческія права.

Д-ръ Л. Соколовскій.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи)

Русская буржуазія и русское правительство.—Революція въ деревнѣ.—Революція въ войскахъ.—Почтово-телеграфная забастовка.—Соціалъ-демократическая рабочая партія и рабочія организаціи.

Смѣна самодержавныхъ настроеній даетъ удивительныя отраженія въ русской жизни. Добродушная довѣрчивость князя Святополкъ-Мирскаго дала намъ 9-е января и либеральные горизонты. «Прямая искренность» графа Витте—17-октября и «конституцію». И только лишенный пріятныхъ качествъ, сухой и томительный, Булыгинъ такъ и войдетъ въ исторію, сотворивъ 6-го августа самую томительную скуку. Не слѣдуетъ ли, исходя изъ этихъ комбинацій, ожидать въ скоромъ времени милаго сіятельнаго простака, который дастъ Россіи самое страшное звѣрство и... демократическую республику?

Къ этому, во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ. Къ демократической республикѣ настойчиво стремится пролетаріатъ, а звѣрство ждетъ новаго временщика, если только самъ гр. Витте кое-какъ, не обладая нужными свойствами милой простоты, не устроитъ его. Каждое новое событіе въ русской революціи становится все значительнѣе и организованнѣе, всѣ буржуазныя, либерально-

демократическія, конституціонно-демократическія и пр. партіи и группы по немногу отстаютъ и теряютъ революціонный темпъ, и только одинъ пролетаріатъ тѣмъ же увѣреннымъ шагомъ идетъ къ своей цѣли, и только одна русская соціалъ-демократія освѣщаетъ ему соціально политическій подъемъ. Всѣ части населенія, кому такъ или иначе нуженъ итогъ революціи, полный итогъ, сознательно примыкаютъ къ пролетаріату и вѣнчаютъ его лаврами вождя освобожденія. Ноябрь,—увидимъ это ниже,—далъ этому сильныя доказательства.

А правительство? а графъ Витте? Графъ Витте все таинственнѣе умолкаетъ. Чрезвычайно словоохотливый въ октябрѣ, въ началѣ ноября онъ еще пробовалъ самъ заговорить съ рабочими, такъ какъ они единственные еще не бесѣдовали съ нимъ. «Братцы!»—началъ графъ. Но, какъ извѣстно, рабочіе не сочли нужнымъ поддержать пріятный разговоръ съ хорошимъ человѣкомъ. Послѣ этого гр. Витте еще больше сосредоточился, не зная, съ кѣмъ бы ему поговорить. Да и охотниковъ поразвлечь растерявшагося графа, потолковать о томъ, о семъ, поразузнать, какъ тамъ нашъ Фердинандъ выпутывается, находилось все меньше. Курсъ на депутаціи палъ, телеграммная бумага обезцѣнилась. Изрѣдка лишь залетали провинціальные адреса, но ихъ было такъ мало, и содержаніе ихъ было такъ необычно по своей устарѣлости, что, кажется, и тоскующій графъ не обратилъ на нихъ вниманія. По крайней мѣрѣ, его отвѣты неизвѣстны. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ могъ внимать слѣдующимъ заявленіямъ, сдѣланнымъ *въ ноябрѣ*?

Суражское земское собраніе «въ полномъ сознаніи» рѣшило выразить «глубокое довѣріе» графу и постановляетъ просить командированнаго въ губернію генералъ-адъютанта Дубасова усилить строгость преслѣдованія виновныхъ въ аграрныхъ безпорядкахъ. Московское биржевое общество, «зная хорошо жизнь Россіи», проситъ вѣрить, что «только въ васъ одномъ, ни въ комъ другомъ» есть спасеніе. Горнопромышленники, горнозаводчики и горные дѣятели юга Россіи, «свято вѣря царскому слову, сказанному предъ лицомъ всего человѣчества», выражаютъ довѣріе его сіятельству и постановили приложить всѣ силы—мѣры, чтобы и т. д. Новгородская дума спѣшно извѣщаетъ, что нѣтъ ея согласія на резолюцію московскаго съѣзда, и еще поспѣшнѣе укрѣпляетъ непреклонную волю «нашего обожаемаго монарха», а потому «признаетъ безусловно необходимымъ просить» то, что выражено въ непреклонныхъ актахъ. Череповецкое земское собраніе проситъ «убрать» самозванцевъ, утверждающихъ, что «земскихъ учрежденій и правительства не существуетъ». Епифанская дума «сочувствуетъ», а собраніе землевладѣльцевъ Новохоперскаго уѣзда «довѣряетъ и проситъ не стѣсняться».

Вотъ и всѣ телеграммы изъ провинціи. Не будетъ же графъ, хоть онъ человѣкъ прямой, отвѣчать, что «въ полномъ сознаніи» нынче не довѣряютъ, что сказанныя слова относятся не ко всему человѣчеству, а только къ двумъ-тремъ крупнымъ европейскимъ банкирамъ, что непреклонность нынче склоняется больше, чѣмъ по семи надежамъ, что многіе древніе софисты не только земскія учрежденія, но и все какъ есть отрицали, что онъ, Витте, давно не

стѣсняется, какъ и съ нимъ не стѣсняются... Говорить все это ужъ лишнее, и гр. Витте молчитъ.

Депутацій у премьеръ-министра было всего три. Депутація отъ московскаго городского общественнаго управленія была принята еще радушно. Московскіе отцы города освѣдомлялись, не повредило ли бы московскому губернатору, если бы при немъ состоялъ комитетъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. Гр. Витте нашелъ, что это—идея. Еще москвичи склонялись мыслію къ возстановленію оберъ-полицеймейстера. Гр. Витте согласился, что и оберъ-полицеймейстеръ—идея. Вторая депутація—отъ партіи правового порядка. Академикъ И. И. Янжулъ, представитель депутаціи, сталъ въ позицію и спросилъ, хорошій ли изъ него почтальонъ-штрейкбрехеръ выйдетъ. Гр. Витте сконфузился и послалъ профессора, депутацію и всѣхъ 5.000 членовъ партіи на осмотръ къ начальнику главнаго управленія почтъ и телеграфовъ. Еще меньше получила третья депутація, отъ московскаго съѣзда. Представители просвѣщенной буржуазіи говорили по писанному, графъ выслушалъ,—и ничего не сказалъ.

Всѣ эти пустяковыя обращенія къ явному представителю правительства принадлежатъ исключительно крупной буржуазіи. И это значитъ, что престижъ гр. Витте палъ, что непустяковыя требованія буржуазія послѣ предъявитъ болѣе дѣйствительному правительству. Провинціальные «люди порядка» поняли ясно, что гр. Витте не больше, какъ advocatus diaboli, муза самодержавія, скромно умолкающая, лишь только начинаетъ говорить вооруженная сила. Въ самый разгаръ его словоизверженій, на другой день послѣ 17-го октября, рескриптомъ на имя Трепова высочайше была объявлена «горячая благодарность» всѣмъ чинамъ полиціи имперіи «за ихъ беззавѣтно-вѣрную службу при чрезвычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ». Рескриптъ, правда, не былъ опубликованъ, но, вѣроятно, это сдѣлано съ той цѣлью, чтобы не мѣшать пѣнію музы. Но, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе отвлекали вниманіе провинціи отъ говорящаго графа разные тайные голоса. «Не жалѣя жертвъ» подавлять безпорядка,—гласила телеграмма начальника штаба одесскаго военнаго округа на имя мелитопольскаго уѣзднаго воинскаго начальника. *Всякія* толпы «разсматривать, какъ банды мятежниковъ и разстрѣливать ихъ до полнаго уничтоженія»,—командовалъ въ царствѣ польскомъ генералъ-адъютантъ Скалонъ. Военное положеніе въ Кіевѣ и Кіевской губ., а также въ Черниговской, Саратовской, Пензенской и нѣкоторыхъ уѣздахъ Симбирской воровскимъ, тайнымъ манеромъ вводитъ Дурново, не справляясь съ мнѣніемъ «кабинета» премьеръ-министра. Наконецъ, всю внутреннюю политику тишайшимъ образомъ направляетъ самая незамѣтная фигура, замѣнившая вседержителя Трепова, г. Рачковскій, завѣдующій политической частью департамента полиціи. Онъ обнаружился совсѣмъ недавно, благодаря угнетенному молчанію Витте.

Такимъ образомъ, чѣмъ ближе мы подходимъ къ центру истиннаго, тайнаго правительства, тѣмъ рѣже слышится человѣческій голосъ. Краткая команда, секретный приказъ здѣсь замѣняютъ бисеръ краснорѣчія гр. Витте. А г. Рачковскій, самый центръ, даже весь цѣликомъ — нѣчто секретное. Можетъ быть, онъ и не Рачковскій. Сначала въ Краковѣ, а затѣмъ и въ Женевѣ въ

осьмидесятыхъ годахъ онъ былъ эмигрантомъ Николаемъ Чепуренко, и подъ такой фирмой улавливалъ въ свои сѣти настоящихъ русскихъ эмигрантовъ. Въ Парижѣ въ девятидесятыхъ годахъ онъ былъ начальникомъ «дозорнаго депо» и назывался Леонардомъ. Онъ же организовалъ «народъ и охрану» въ Москвѣ во время коронаціи Александра III. Другъ Судейкина, тайный соблазнитель Льва Тихомірова, оберъ-сыщикъ и шефъ черносотеннаго корпуса,—онъ вводитъ теперь «порядокъ» въ Россіи.

Всероссійскій порядокъ, устраиваемый скандальнымъ авантюристомъ! Государственная власть, представляемая темной личностью съ неизвѣстной фамиліей! Въ этомъ тайномъ позорѣ сконцентрировалась вся царская Россія, къ которой направлены вожделѣнія нѣкоторой части буржуазіи. Всѣ эти уменьшающіеся въ числѣ вѣрноподданническіе адреса, привѣтствія, просьбы,—все это чрезъ голову реформатора—Витте попадаетъ въ руки грязной камарильи. И буржуа это поняли. Они бѣгутъ. Изъ Петербурга бѣжало заграницу 30.000 собственниковъ, изъ Ростова-на-Дону—600. Эта волна, несомнѣнно, еще сильнѣе поднимется. Изо всѣхъ городовъ Россіи выльется за рубежъ въ эмиграціонномъ потокѣ наша финансовая, промышленная и землевладѣльческая аристократія. И, конечно, не отъ революціоннаго пролетаріата она спасается. Ее страшитъ слишкомъ обнаженный революціей союзникъ, самодержавіе. За гр. Витте, который подъ эгидой самодержавія способствовалъ процвѣтанію крупной буржуазіи, который далъ ей правительственную власть для порабощенія рабочаго класса, открылось вдругъ—меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ,—гноище. Но, вѣдь, нашей подросшей буржуазіи, какъ и зрѣлой западно-европейской, нуженъ подлинный порядокъ и хорошо разсчитанная увѣренность въ будущемъ. Иначе она не согласна ни съ графомъ разговаривать, ни съ сыщикомъ шептаться. Но вмѣсто увѣренности ей преподносятъ темныя авантюры, даже неизвѣстно отъ кого исходящія. Вмѣсто явной власти на мѣстахъ, она, въ лицѣ горнопромышленника Ф. А. Львова, раскрываетъ невѣроятнѣйшую «правительственную» іерархію. Въ запискѣ, представленной г. Львовымъ гр. Витте, точно и ясно формулировано, что генералъ Евгеній Васильевичъ Богдановичъ, съ благословенія митрополита Владиміра, основалъ въ Москвѣ, Курскѣ, Тамбовѣ, Твери, Одессѣ, Ростовѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Томскѣ и др. городахъ «боевыя дружины» правительственныхъ патріотовъ, что эти дружины объединяютъ не 100.000 человѣкъ, какъ прихвастнулъ Богдановичъ передъ царемъ, а только 6.090 человѣкъ, что остальную силу обѣщали доставить изъ участковъ Клейгельсъ, Нейдгартъ (оба), Медемъ, Дедюлинъ, Богдановичъ сынъ, Слѣпцовъ, Столыпинъ, Азанчевскій, Пилларъ-фонъ-Пильхау, Курловъ, Лопухинъ, Роговичъ, Ширинкинъ и другіе въ числѣ 103 администраторовъ. И, наконецъ, вмѣсто готоваго къ повиновенію народа, жаждущаго буржуазнаго порядка, ей въ лживыхъ донесеніяхъ показываютъ статистовъ, даже не говорящихъ, а поющихъ фразы изъ какого-то несуразнаго либретто: «Нашъ царь очень добръ, онъ ихъ не накажетъ, и мы сами хотимъ расправиться съ измѣнниками»,—такъ яко бы кричала толпа томскихъ громилъ по словамъ всеподданнѣйше зарапортовавшагося начальника гарнизона г. Томска.

Конечно, обманутую въ лучшихъ чувствахъ буржуазію ничто теперь не заставитъ поддерживать союзъ съ самодержавіемъ. Крупная буржуазія равнодушно отворачивается отъ некрасиво погибающаго режима и спасаетъ себя и свои капиталы за границу императорской Россіи. Новыя молитвословія за царствующій домъ согласно манифесту 17-го октября, составляющіяся синодомъ *), какъ бы удачно они ни были составлены, менѣе всего способны остановить потокъ эмигрантовъ. И еще только въ послѣдній разъ, наскоро петербургскіе фабриканты пытаются использовать еще не отмѣненные законы о стачкахъ («не дожидаясь того времени, пока будутъ изданы новые, болѣе совершенные законы»,—гдѣ ужъ ждать, когда идутъ сборы въ отъѣздъ!), а потому обращаютъ вниманіе министра-юстиціи на «ежедневныя насилія, совершаемыя незначительною горстью смутьяновъ надъ тысячами спокойнаго рабочаго населенія». Конечно, гг. фабрикантамъ весьма дорогъ будущій правовой строй Россіи, возвѣщенный 17-го октября, и они его очень расхваливали въ своемъ ходатайствѣ. Но при всемъ томъ, манифестъ — манифестомъ, а имъ между прочимъ, спасаться пора: нельзя ли еще разокъ по старой справедливости, а не по новому закону?

Такъ относится крупная промышленная буржуазія къ облагодѣтельствовавшему ее погибающему царизму. Любопытно отмѣтить, что крупные землевладѣльцы, наоборотъ, весьма искренно привязаны къ самодержавію, и на своемъ съѣздѣ въ Москвѣ только и занимались пѣніемъ «Боже, царя храни». И это вполнѣ понятно. Имъ нуженъ не «общественный порядокъ», а сохраненіе того же крѣпостническаго уклада, который далъ имъ земельныя богатства. Ихъ судьба непосредственно связана съ судьбами самодержавія. Но и они навѣрно предлагаютъ удовлетворить крестьянскую нужду казенными и удѣльными землями, утверждая въ неприкосновенности свою собственную.

Пока что и крупная, и средняя буржуазія оставили серьезную надежду на своего политическаго патрона, и приводятъ въ боевую готовность свою классовую силу. Петербургскіе фабриканты образовали союзъ спеціально для борьбы съ забастовками. Не выжидая ни удовлетворенія своего ходатайства, ни новыхъ, болѣе совершенныхъ законовъ, они отвѣтили вызывающимъ закрытіемъ заводовъ на требованія пролетаріата. За ними послѣдовали и провинціальные предприниматели. Къ 16-му ноября въ Петербургѣ было закрыто 72 завода и получилось 110.000 чел. безработныхъ, въ Москвѣ—26 заводовъ и 58.634 безработныхъ, въ Ревелѣ—4 зав. и 8.000 безраб., во Владимирѣ—6 зав. и 16.000 безраб., въ Варшавѣ—1 зав. и 9.324 безраб., въ Кіевѣ—1 зав. и 3.000 безработныхъ **). Это было настоящимъ состязаніемъ въ классовой мощи и экономической выдержкѣ. Правительство, конечно, пришло на помощь своимъ ученикамъ, и первыми въ Петербургѣ закрылись казенные заводы. Но провокаціонный пріемъ, разсчитанный на частичныя возмущенія пролетаріата и на рядъ послѣдовательныхъ побѣдъ капитала надъ нимъ, не принесъ удовлетво-

*) „Рус. Вѣдомости“ отъ 1-го ноября.
**) „Русь“ отъ 17-го ноября.

ренія предпринимателямъ. Пролетаріатъ все же подвигается впередъ, и безработные вмѣсто того, чтобы разрушить революціонную спайку класса, какъ то думала буржуазія, еще сильнѣе укрѣпили ее. «Резервная армія» рабочихъ, которую капиталъ въ «нормальныхъ» условіяхъ такъ хорошо привѣшиваетъ тяжелымъ ядромъ къ пролетаріату, во время революціи только увеличиваетъ революціонную инерцію массы.

Средняя буржуазія, въ лицѣ представителей, главнымъ образомъ, купеческаго капитала, точно также озабочена организаціей своихъ силъ. Образуется всероссійскій торговопромышленный союзъ, который на первомъ планѣ ставитъ экономическія задачи и намѣренъ организовать «экономическое содружество торговопромышленныхъ классовъ и ихъ служащихъ». «Политика» признается лишь въ той степени, въ какой она способствуетъ выполненію основной цѣли союза. Эта профессіональная организація класса намъ кажется тѣмъ болѣе замѣчательной, что она говоритъ о полномъ крушеніи стараго политическаго авторитета. Всѣ буржуазные слои ищутъ силъ для укрѣпленія «порядка» въ своихъ же экономическихъ интересахъ и выбираютъ для этого самый простой путь,—объединеніе буржуазныхъ профессій. Политика настолько дискредитирована, самодержавная практика въ этой области настолько недоброкачественна, даже съ точки зрѣнія русскаго купца, что дольше держаться ея невыгодно. Предоставляя мертвымъ хоронить мертвыхъ, торговый капиталъ озабоченъ организаціей своихъ жизненныхъ силъ.

Такимъ образомъ, революція обнажила позоръ государственной власти, отдѣлила отъ нея всѣ имущіе классы и организуетъ ихъ съ самаго корня, на почвѣ чисто экономическихъ интересовъ. Революція начинаетъ создавать себѣ контръ-революцію, не черносотенную, а буржуазную, контръ-революцію «экономическаго содружества» фабрикантовъ и торговцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что «содружество» въ скоромъ времени дастъ себя знать и во вражеской пролетаріату политикѣ, не ограничиваясь чисто экономической войной. Но создать себѣ врага,—это тоже одна изъ побѣдъ революціи.

* * *

Неопредѣленно-демократическая масса крестьянства вошла въ общій потокъ, какъ революціонно-демократическая струя. Двадцать шесть губерній охвачены пожаромъ аграрныхъ волненій. Стихійное возбужденіе крестьянъ, конечно, еще не поддается организаціи и выражается въ формѣ рѣзкихъ вспышекъ недовольства. Поджоги помѣщичьихъ усадебъ, построекъ, вырубка лѣсовъ, захватъ скота и хлѣба—обычныя явленія крестьянскихъ волненій. Громятъ и истребляютъ все, что попало подъ руку, безъ всякаго смысла. Вотъ, напр.. характерная картина уничтоженія имѣнія кн. Прозоровскаго-Голицына въ Саратовской губ. Разгромивъ службы, экономическія постройки, монополькy, лавки, «толпа отправилась во дворецъ и начался въ полномъ смыслѣ погромъ. Били мраморныя статуи, рвали рѣдкія картины, ковры. Много было взято оружія, лампъ, самоваровъ, подушекъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей. Когда участники погрома набрали столько, сколько можно унести, дворецъ зажгли и удалились. На обратномъ пути зажгли конюшню. Дольше всего горѣлъ дво-

рецъ. Временами казалось, что горитъ не дворецъ, а происходитъ изверженіе вулкана. Дворецъ былъ построенъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ и представлялъ собой историческій музей. Въ немъ была прекрасная библіотика французскихъ и нѣмецкихъ философовъ, картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ разныхъ направленій, посуда, японскія изящныя мелкія произведенія, статуи изъ лучшаго мрамора и т. д».

Усадьбы сжигаются безотносительно къ тому, какова репутація помѣщика или каковы были ранѣе отношенія крестьянъ и владѣльца. Въ той же Саратовской губ. уничтожены постройки мѣстныхъ либеральныхъ-земцевъ—Львова, Ермолаева, Веселовскаго и др. Въ Балашовскомъ, Аткарскомъ, Петровскомъ и Сердобскомъ уѣздахъ уцѣлѣвшія помѣщичьи усадьбы считаютъ единицами. Все это сопровождается въ разныхъ мѣстахъ и аграрнымъ терроромъ.

Но именно эта безсмысленность разгрома, это все уничтоженіе является не только характернымъ признакомъ настоящихъ волненій, но и полной смысла формулировкой крестьянской революціи. «Поджогъ владѣльческихъ построекъ мотивируется крестьянами двумя соображеніями: а) если постройки будутъ сожжены, то помѣщики не будутъ въ состояніи скоро вернуться въ деревню, и, слѣдовательно, легче упрочится новый порядокъ землевладѣнія; б) если постройки останутся цѣлы, то онѣ послужатъ удобнымъ помѣщеніемъ для казаковъ, къ которымъ у крестьянъ всеобщая ненависть» *).

Предусмотрительность крестьянъ доходитъ до того, что былъ случай сожженія школы, такъ какъ зданіе школы—одна изъ лучшихъ построекъ въ деревнѣ, и помѣщики за неимѣніемъ собственной усадьбы смогутъ удовольствоваться и хорошей деревенской постройкой. Однимъ словомъ, идетъ радикальное уничтоженіе «паучьихъ гнѣздъ», какъ говорятъ крестьяне. Помѣщику съ семьей предлагаютъ удалиться, снабжая его подводами для вывоза имущества, и послѣ этого наступаетъ тщательное сглаживаніе всѣхъ слѣдовъ помѣщичьяго хозяйства, помѣщичьяго пребыванія. Земля же, какъ обыкновенно заранѣе рѣшается и о чемъ во многихъ мѣстахъ даже составляются общественные приговоры, должна съ весны перейти міру въ уравнительное пользованіе.

Во главѣ нападающихъ на помѣщичьи усадьбы крестьянъ стоятъ вооруженныя боевыя дружины. Урядниковъ и стражниковъ они арестовываютъ, у сборщиковъ отбираютъ деньги. Дѣлежомъ же хлѣба, продуктовъ и денегъ въ Саратовской губ. завѣдуютъ особые комитеты или братства изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Кромѣ помѣщиковъ и администраціи, крестьяне считаютъ своимъ врагомъ и духовенство. Делегаты крестьянскаго союза на московскомъ съѣздѣ констатировали особенное нерасположеніе къ послѣднему. Такъ, въ Богородскомъ уѣздѣ, крестьяне на митингахъ рѣшили только «не признавать земскихъ начальниковъ и урядниковъ». Но съ духовенствомъ они поступаютъ болѣе рѣшительно. Священникъ с. Аниково допустилъ у себя въ церкви проповѣдь о крамольникахъ. Прихожане заявили ему: «Если ты еще, батька, будешь та-

*) „Рус. Вѣдомости“ отъ 8-го ноября.

кія проповѣди говорить,—не ходи больше по приходу». Батюшка послѣ этого сталъ извиняться и даже отслужилъ панихиду по павшимъ борцамъ за свободу.

Въ одной губерніи крестьянскія волненія съ преобладающей политической окраской, въ другой чисто аграрныя, тамъ—сравнительно сознательныя и организованныя, здѣсь—стихійныя и сметающія все на своемъ пути,—но вездѣ ясно опредѣляется противникъ, который вызываетъ удары возставшихъ массъ. Администрація, духовенство, помѣщики,—вотъ враги, осмысливающіе безсмысленную ярость. Въ этой точной локализаціи вражескаго стана и въ осадѣ его и заключается пока ясная, объединяющая всю крестьянскую массу революціонная задача. Администрація, духовенство и помѣщики—это значитъ самодержавіе, православіе и народность, три кита крѣпостническаго режима, сдавившаго крестьянъ. Самодержавные земскіе начальники, православные утѣшители и завѣдующіе исконной народностью дворяне одинаково ненавистны крестьянамъ, одинаково возбуждаютъ ихъ бѣшенство уже однимъ своимъ присутствіемъ. Эти сельскія фигуры для крестьянъ—олицетвореніе всѣхъ ихъ золъ, всего ихъ угнетенія. Всѣ три слишкомъ знакомы крестьянамъ, и потому крестьянская революція даже въ такомъ стихійномъ потокѣ направилась по вполнѣ опредѣленному руслу. Смыть начисто всѣ три крѣпостническихъ устоя, которые незыблемо стоятъ и послѣ, такъ называемаго, освобожденія крестьянъ,—въ этомъ всеобъединяющая цѣль и организація деревенской революціи. «Свобода или смерть»—гласила надпись на красномъ флагѣ боевой крестьянской дружины Саратовской губ. И этотъ лозунгъ наиболѣе точно выражаетъ содержаніе аграрныхъ волненій. Въ немъ не зачѣмъ искать якобы сплотившихъ и наэлектризовавшихъ *все* крестьянство соціалистическихъ идеаловъ. Призывъ говоритъ ясно о томъ, что подтверждаютъ всѣ факты движенія: крестьянамъ нужна свобода отъ полицейскихъ, духовныхъ и экономическихъ путъ, свобода отъ доставшагося по наслѣдству крѣпостничества, отягченнаго еще новыми, капиталистическими условіями развитія самодержавнаго государства. Нужна свобода отъ гнета императорской Россіи или дальше нѣтъ силъ выносить его.

Другой властный кличъ, поднимающій крестьянъ,—«земля!» Революціонность этого требованія всецѣло вытекаетъ изъ его демократичности. Точно также и здѣсь нельзя говорить о соціалистической тенденціи этого лозунга. Пока событія показали, что отобраніе земли совершается въ пользу опредѣленныхъ обществъ. Такъ, напр., въ селѣ Николаевскій Городокъ, Саратовской губ., гдѣ аграрное движеніе приняло наиболѣе организованную форму, приговоръ, составленный передъ захватомъ экономіи, гласилъ между прочимъ: «Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне такого-то села, собравшись на сходъ (число), рѣшили всю землю такого-то помѣщика (удѣла, монастыря и т. д.), какъ не по праву ему принадлежащихъ, передать безъ выкупа въ пользу такихъ-то крестьянскихъ обществъ» *). Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить степень демократичности въ требованіи земли, приходится считаться съ каждымъ отдѣльнымъ обществомъ,

*) „Новая Жизнь“ отъ 12-го ноября.

его экономической дифференціаціей, занятіями населенія и т. д. Задача весьма затруднительная, которой революція еще не дала рѣшить самимъ крестьянамъ. И изъ примѣрныхъ приговоровъ о захватѣ можно видѣть только то, что демократическій характеръ отобранной земли не имѣетъ всероссійскаго, національнаго значенія: онъ ограничивается предѣлами даннаго общества и, слѣдовательно, не можетъ итти въ сравненіе съ той дѣйствительно всеобщей формой демократіи, которой добивается россійскій пролетаріатъ.

Во всякомъ случаѣ, аграрное движеніе приняло опредѣленно революціонный и неопредѣленно демократическій видъ. Чѣмъ сознательнѣе оно совершается, чѣмъ больше поддается руководству партійной организаціи, тѣмъ больше оно удаляется отъ погромныхъ реформъ и проявленій аграрнаго террора, который наблюдается въ разныхъ мѣстахъ. Въ Екатеринославской губ., въ с. Широкомъ, большая толпа по наущенію священника пришла убить «жида», котораго другіе, организованные соціалъ-демократической партіей, крестьяне не выдали. Тогда толпа пошла громить домъ священника, и «крамольникамъ» же пришлось отстаивать его добро. Самое спокойное и планомѣрное теченіе волненій,—мы уже упоминали,—имѣло мѣсто въ с. Николаевскій Городокъ. Движеніемъ этимъ руководила мѣстная организація «Аграрной Группы Саратовскаго Комитета Р. С.-Д. Р. Партіи». Въ самомъ началѣ движенія на собраніи крестьянъ мѣстныхъ и ближайшихъ селъ и учениковъ мѣстнаго земледѣльческаго училища была принята слѣдующая резолюція:

«Мы, нижеподписавшіеся, всецѣло присоединяемся къ возставшимъ рабочимъ и поручаемъ своимъ уполномоченнымъ выработать планъ дѣйствій во время начавшейся революціи, которымъ мы и будемъ руководствоваться».

Здѣсь же былъ выбранъ районный «революціонный крестьянскій комитетъ» по два представителя отъ каждаго села. Комитетомъ была выработана программа дѣйствій «въ моментъ всероссійскаго возстанія», которая и была проведена настолько полно, что революція въ с. Николаевскій Городокъ далеко опередила общероссійскую.

Активныя дѣйствія начались 20-го октября. Въ волостномъ правленіи забраны были всѣ книги, касающіяся недоимокъ, воинской повинности и т. п. У старшины отобрали ключи и кассу. Въ квартирѣ пристава захвачены всѣ книги и оружіе, а къ его имуществу приставлена стража для охраны. Въ казенной винной лавкѣ смѣнили сидѣльца и конфисковали кассу. На почтѣ конфискованы касса, оружіе и телефонный аппаратъ. Вообще, оружіе отбиралось у всѣхъ, даже у частныхъ лицъ, а съ конфискованными деньгами былъ посланъ нарочный въ Саратовъ за оружіемъ же.

Разборка хлѣба, начавшаяся 21-го, опредѣленіе его количества въ экономіяхъ и распредѣленіе между нуждающимися производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ крестьянскаго комитета, въ полномъ порядкѣ, безъ насилій и недоразумѣній. «Нѣсколько вооруженныхъ дружинниковъ было послано по постановленію схода къ помѣщику Петрову съ предупрежденіемъ, что завтра приступятъ къ разборкѣ его экономическаго хлѣба, и съ предложеніемъ выдать имѣющееся у него оружіе, а также и 2.000 рублей на воору-

женіе. Все это было исполнено. Въ этотъ же день, между прочимъ, вооруженная дружина, дежурившая послѣдніе день и ночь, арестовала двухъ грабителей» *).

Тоже самое происходило и въ другихъ экономіяхъ. «Помѣщикамъ выдавалось за подписью «крестьянскаго соціалъ-демократическаго комитета» особая росписка «для предъявленія Учредительному Собранію». Изъ домашнихъ вещей не брали абсолютно ничего. А когда служащіе большой экономіи Беклемишева стали тащить имущество, то крестьяне потребовали отъ Беклемишева письменнаго удостовѣренія въ томъ, что они, крестьяне, «кромѣ хлѣба и оружія ничего не брали и брать не хотѣли».

23-го прибыли пушки и пулеметы, и вмѣсто революціоннаго порядка и удивительной дисциплины побѣдоносно былъ введенъ старый безпорядокъ и казацкая анархія.

Вообще, усмиряющія крестьянъ войска не только не уступаютъ, но и далеко превосходятъ несознательныя массы въ безумномъ проявленіи грубаго насилія. Мы видѣли проблески организованной революціонной дѣятельности крестьянской демократіи. Въ дѣйствіяхъ охранителей нельзя найти ничего подобнаго. Ихъ варварскій разгулъ не поддается описанію, да и какой аграрный терроръ можетъ сравниться по своей квалифицированной дикости съ царскимъ? Въ Тамбовской губерніи «работаетъ» исправляющій должность вице-губернатора г. Луженовскій. Крестьянъ возставшихъ деревень онъ подвергаетъ публичной поркѣ на площадяхъ, на глазахъ женщинъ и дѣтей. Гдѣ женщины принимаютъ участіе въ движеніи, тамъ не щадятъ и женщинъ и порютъ ихъ, оскорбляя стыдливость. Власти заявляютъ крестьянамъ, что, если они не сознаются, то власти велятъ съ одной стороны поджечь деревню, а съ другой начнутъ всѣхъ пороть. Изъ Борисоглѣбска телеграфируютъ «Русскимъ Вѣдомостямъ», что вице-губернаторъ Богдановичъ отдалъ приказъ «меньше арестовывать, а больше стрѣлять». Но... забитыхъ и замученныхъ бываетъ не меньше, чѣмъ застрѣленныхъ, сообщаютъ корреспонденты. Удовлетворится ли такой пропорціей этотъ типичный преступникъ, Богдановичъ?

Объявленіе губерній, объятыхъ волненіями, на военномъ положеніи, вооруженіе уѣздной стражи, кромѣ шашекъ, еще и винтовками, конечно, мало говоритъ кровожадному воображенію правительства. Оно придумало трехъ генералъ-адъютантовъ. Что это за оружіе, достаточно выяснилось изъ «успокоенія» с. Хованщины Саратовской губ. По сообщенію «Московской Газеты» ген.-адъютантъ Сахаровъ прибылъ туда 8-го ноября съ казаками и артиллеріей. Рѣчь его къ крестьянамъ была недолга и направлена была къ... разъясненію манифестовъ 17-го октября и 3-го ноября,—у генерала Сахарова оказались инквизиторски-обостренный вкусъ къ мучительству. Сельскій староста и предсѣдатель волостного суда пробовали выяснить царскому палачу положеніе дѣлъ, но были избиты казаками до потери сознанія, послѣ чего ген. Сахаровъ удалился въ зданіе волостного правленія, а крестьяне собрались

*) „Новая Жизнь“ отъ 12-го ноября.

передъ зданіемъ, саженяхъ въ 10—20 отъ него. Здѣсь ихъ допрашивалъ губернаторъ. «Признавайся, поджигалъ, грабилъ?»—«Нѣтъ, ваше превосходительство».—«Ага! казаки!» Казаки били, били посмѣнно, до потери сознанія, отрубали куски мяса отъ лица, вырывали волосы, бороды и затѣмъ сажали въ кутузку. Избито и арестовано всего 33 человѣка. Послѣ допроса губернаторъ прочелъ какой-то приговоръ и приказалъ крестьянамъ подписываться. Крестьяне отъ ужаса остолбенѣли, тогда казаки начали подгонять ихъ къ подписи плетьми.

22-го ноября въ Саратовѣ неизвѣстная женщина тремя выстрѣлами изъ револьвера убила генерала-опричника Сахарова. Убійство было совершено по приговору летучаго боевого отряда партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Но у правительства остался еще самый жестокій и ужъ неотъемлемый адъютантъ умирающаго режима—голодъ. Министру внутреннихъ дѣлъ, г. Дурново пришла въ голову мысль (впрочемъ, иниціативу приписываетъ себѣ г. Гурко) лишить волнующихся крестьянъ продовольственной помощи. И генералъ-адъютанты ужъ пробуютъ собственной властью привести въ исполненіе эту идею. Спеціально командированный изъ столицы голодъ, конечно, не подверженъ дѣйствію неизвѣстной карающей пули. Разсчетъ въ этомъ смыслѣ вполнѣ правиленъ. Но аграрное движеніе направлено, какъ мы видѣли, чрезвычайно сознательно противъ самодержавнаго строя. И съ искорененіемъ самодержавія, съ уничтоженіемъ поддерживающихъ его столповъ, вѣрный фельдмаршалъ всѣхъ бюрократическихъ силъ,—голодъ,—ужъ не страшенъ крестьянамъ. Пусть же посылаютъ безсмертную лейбъ-гвардію самодержавнаго режима.. Со смертью угасающаго режима, голоду некому будетъ служить вѣрой и правдой.

Это послѣднее мѣропріятіе вскрываетъ чрезвычайно знаменательный моментъ въ положеніи правительства, знамѣнательный особенно въ сопоставленіи съ аграрными волненіями, противъ которыхъ оно направлено. Въ то время, какъ крестьянская революція въ общемъ стихійна и безпорядочна, но начинаетъ кое гдѣ переходить въ организованную форму, правительственныя дѣйствія, начавшись съ организованныхъ администраціей и войсками убійствъ, спустились на еще болѣе низкую ступень дезорганизаціи: правительство обратилось за помощью къ наиболѣе стихійной и безсмысленной своей опорѣ, голоду. Это значитъ, что у самодержавія ужъ не хватаетъ организованныхъ хотя бы для преступленія, силъ. А казаки правительства уже теперь воспроизводятъ дезорганизаціонную работу голода. Въ Прибалтійскомъ Краѣ они разорили нѣсколько имѣній ничуть не хуже, чѣмъ ослѣпленные голодомъ крестьяне. Кто побѣдитъ въ этой борьбѣ, постепенно ли усиливающаяся демократическая организація крестьянъ, признающихъ руководительство пролетаріата въ возстаніи, или же быстро распадающаяся, заживо гніющая самодержавная монархія,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

* * *

Самымъ характернымъ показателемъ распада правительственнаго тѣла, его естественной смерти, служитъ состояніе арміи и флота. Если правительство еще питаетъ преступные замыслы, то войско уже не способно выполнять эти

«легальныя» порученія. Къ фактамъ, сообщеннымъ въ прошломъ обозрѣніи, мы можемъ присоединить массу новыхъ, еще болѣе значительныхъ, имѣвшихъ мѣсто въ ноябрѣ. Волненія въ войскахъ представляются въ видѣ вспыхивающихъ въ разныхъ мѣстахъ неудовольствій чисто профессіональнаго, военнаго характера, и выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная съ петицій, переходя къ митингамъ, забастовкамъ и, наконецъ, открытымъ возстаніямъ. Что это дѣйствительно органическій процессъ, видно изъ требованій, предъявляемыхъ солдатами: въ нихъ очень подробно перечисляется всѣ нужды *военнаго* быта, необходимость улучшенія пищи, платья, обращенія высшихъ чиновъ, уменьшенія срока службы и т. д. И почти всѣ волнующіяся части добавляютъ затѣмъ пункты политическаго содержанія, обнаруживающіе высокую степень сознательности въ «святой сѣрой скотинкѣ». Даже одинъ этотъ фактъ, что профессіональное движеніе солдатъ сейчасъ же получаетъ и соотвѣтствующую обстоятельствамъ политическую форму, показываетъ, какъ сильно революція организовала солдатскую массу.

Ноябрьская хроника военныхъ движеній выражается въ слѣдующихъ событіяхъ.

Волненія на профессіональной почвѣ съ предъявленіемъ требованій экономическаго характера и, вообще, объ улучшеніи быта, имѣли мѣсто: *въ Петербургѣ* въ Новочеркасскомъ полку, среди солдатъ «склада огнестрѣльныхъ припасовъ», въ электротехнической ротѣ (забастовка) и въ 8-мъ, 14-мъ и 18-мъ флотскихъ экипажахъ; *во Владикавказѣ* въ 81-мъ Апшеронскомъ полку; *въ Ломжѣ* въ 16-мъ Ладожскомъ полку; *въ г. Кальваріи* (Сувалкской губ.) въ 112-мъ пѣхотномъ уральскомъ; *въ Тифлисѣ* особенно среди запасныхъ гарнизона; *въ Барановичахъ* у заамурцевъ. Отношеніе начальства къ справедливымъ требованіямъ недурно иллюстрировалъ во Владикавказѣ извѣстный генералъ Свѣтловъ, тотъ самый, который запретилъ пользоваться своей фамиліей для печатнаго употребленія:—«Ну, заявляйте претензіи! Выходи, кому жизнь не мила!» сказалъ онъ апшеронцамъ, окруживъ ихъ казаками и артиллеріей.

Не ограничиваются экономическими требованіями, но присоединяютъ болѣе или менѣе опредѣленно—политическіе лозунги: *въ Могилевѣ* Кадниковскій полкъ, выставившій требованіе не «разгонять народъ»; *въ Ригѣ* «унтеръ-офицерскій» батальонъ, безпощадно разстрѣливавшій въ январѣ рабочихъ, потребовалъ освобожденія отъ полицейской службы; къ нему присоединились Вяземскій, Изборгскій и Ярославскій полки, *въ Самарѣ* 312-й березинскій пѣхотный полкъ грозитъ забастовать и рѣшилъ не воевать съ «внутреннимъ врагомъ»—мирными труженниками, ибо настоящими «внутреннимй врагами являются попы, купцы, помѣщики и прочіе господа адмиралы, которые жмутъ мирныхъ жителей»; *въ Вильнѣ* 18-го ноября на митингѣ солдатъ, представителей всѣхъ частей виленскаго гарнизона, призывъ къ политической борьбѣ вызвалъ громъ аплодисментовъ; *въ Асхабадѣ* солдаты 2-го закаспійскаго желѣзнодорожнаго батальона, къ которымъ присоединились всѣ части, кромѣ казаковъ, выпустили воззваніе и заявляютъ «вмѣстѣ съ убиваемымъ наро-

домъ»: «Да здравствуетъ свобода, далой убійцъ! Да здравствуетъ солдатъ, помогающій народу бороться противъ палачей!». *Въ Одессѣ* митингъ 400 солдатъ разнаго рода оружія въ числѣ прочихъ требованій выставилъ вооруженіе народа вмѣсто постояннаго войска; *въ Гродно* артиллеристы ставятъ тѣ же требованія, что и возставшіе въ Севастополѣ матросы, которые «присоединились къ революціонному рабочему народу, защищающему свои человѣческія права и требующему сверженія правительства и созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія»; гарнизонъ *Усть-Двинской крѣпости* присоединяется къ требованіямъ севастопольскихъ матросовъ; *въ Витебскѣ* депутація отъ солдатъ гарнизона 25-го ноября предъявила своему девизіонному начальству требованія, заключеніе которыхъ гласитъ: «Мы требуемъ истинной свободы, мыслимой только при демократической республикѣ! Мы требуемъ воли для народа вообще и для насъ въ частности!». *Въ Либавѣ* матросы и вообще *въ Прибалтійскомъ краѣ* солдаты открыто братаются съ революціонерами.

Въ этомъ перечнѣ мы не касаемся многочисленныхъ коллективныхъ заявленій отъ солдатъ въ редакціи столичныхъ и провинціальныхъ газетъ, хотя ихъ характеръ чрезвычайно революціоненъ, и, напр., солдаты Александро-Невскаго пѣхотнаго полка категорически объявляютъ въ «Новой Жизни», что «лопнетъ скоро и наше терпѣніе».

Чрезвычайно активными дѣйствіями, доходящими до открытаго возстанія, ознаменовалось движеніе: *въ Харьковѣ*, гдѣ Богодуховскій полкъ устроилъ 17-го демонстративное шествіе при явномъ сочувствіи прочихъ полковъ, расквартированныхъ въ городѣ,. причемъ въ этотъ же день на митингѣ паровозостроительнаго завода выступилъ открыто делегатъ отъ солдатъ мѣстныхъ полковъ и обѣщалъ рабочимъ содѣйствіе войскъ; *въ крѣпости Оссовицахъ* весь воинскій составъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ; *на Прагѣ* (Варшава) возсталъ 46-й пѣхотный полкъ; *въ Коттовицахъ*—вся пограничная стража; *въ Ревелѣ* хитростью обезоружены три «крамольныхъ» полка и арестованы; *въ Воронежѣ* 18-го и 19-го «бунтовалъ» дисциплинарный батальонъ; *въ Ставрополѣ* возсталъ батальонъ (800 чел.) и забаррикадировался въ казармахъ. 17-го пѣхотный батальонъ, стоящій *въ Екатеринодарѣ*, овладѣлъ арсеналомъ и вооружилъ рабочихъ. Революціонныя войска двинулись отсюда *въ Новороссійскъ* и, раздавъ мѣстнымъ рабочимъ оружіе, овладѣли городомъ. 18-го *въ Кіевѣ* саперы, вооруженные двинулись на митингъ къ рабочимъ, обходя всѣ полки, съ намѣреніемъ «снять» ихъ, но предусмотрительное начальство заперло артиллеристовъ и сняло замки съ орудій, которыя солдаты должны были захватить съ собой. Саперы (1.500 чел.) были разсѣяны предательскими выстрѣлами Азовскаго полка.

Одной изъ самыхъ интересныхъ попытокъ военнаго возстанія была, конечно, севастопольская. 11-го ноября 6-тысячная толпа матросовъ и рабочихъ устроила общій митингъ революціоннымъ путемъ, такъ какъ спеціально-военные митинги уже не удовлетворяли нижнихъ чиновъ: матросы признали революціонное руководство пролетаріата и революціонное выступленіе, только совмѣстное съ пролетаріатомъ. Адмиралъ Писаревскій, пожелавшій разсѣять

«сборище», былъ раненъ матросомъ Петровымъ, который вторымъ выстрѣломъ убилъ капитана Штейна. Эта вспышка сразу воспламенила массу. И затѣмъ уже матросы арестовали офицеровъ, къ возставшимъ присоединились активно броненосцы, на первомъ мѣстѣ «Очаковъ», и пѣхотныя роты. 12-го были выбраны делегаты отъ всѣхъ частей и экипажей, прибыли делегаты отъ брестскаго полка, крѣпостной артиллеріи и 7 большихъ судовъ. Рѣшено было пригласить на совѣтъ 5 представителей р. с.-д. р. п. Командованіе революціоннымъ флотомъ принялъ на себя лейтенантъ Шмидтъ. Требованія возставшихъ заключались въ созывѣ учредительнаго собранія, полномъ немедленномъ проведеніи въ жизнь всѣхъ пунктовъ манифеста и другихъ, касающихся военной жизни. Революціонныя войска и народъ овладѣли городомъ, поддерживая въ немъ образцовый порядокъ и устраивая торжественные митинги подъ знаменемъ р. с.-д. р. п.

15-го ноября правительственные войска, форты и суда подъ предводительствомъ генераловъ Каульбарса, Меллеръ-Закомельскаго и бойкаго фельетониста адмирала Чухнина вступили въ бой съ революціонерами и добили остатки русскаго флота. 16-го утромъ казармы были окончательно заняты непріятелемъ. 17-го Чухнинъ доносилъ: «Военная буря затихла, революціонная—нѣтъ».

И не затихнетъ. Возвращается манчжурская армія, этотъ очагъ революціи, который зажженъ позорной войной. Уже первая высадка плѣнныхъ во Владивостокѣ дала въ началѣ ноября внушительное предостереженіе. Броженіе уже захватило Харбинъ. Въ Сайгонѣ на крейсерахъ «Олегъ» и «Аврора» вспыхнули волненія среди матросовъ. «Помните товарищи,—оканчивается манифестъ плѣнныхъ офицеровъ,—что всѣмъ своимъ позоромъ, всѣми своими униженіями мы обязаны нашему самодержавному режиму». Военная опора царизма рушится. Морской министръ думалъ ее починить, перенеся квартиры севастопольскихъ офицеровъ изъ города на Корабельную сторону, къ казармамъ. Но революція—не квартирный вопросъ, и на жалкій приказъ Бирилева отъ 20-го октября Севастополь отвѣтилъ 11-мъ ноября. Но старый режимъ и тутъ не потерялся, и на всѣ роволюціонные удары арміи въ ноябрѣ отвѣтилъ, въ свою очередь, высочайшей благодарностью Семеновскому полку и казачьимъ войскамъ за ихъ «самоотверженную» службу «при поддержаніи порядка внутри имперіи». Умирающій строй имѣетъ еще силы только для того, чтобы благодарно отмѣчать всѣхъ, не приложившихъ руку къ его разрушенію.

Вся армія, какъ ясно видно изъ вышеприведеннаго обзора событій, неуклонно стремится къ полному сліянію съ возставшимъ народомъ и въ очень многихъ случаяхъ она сознательно выдѣляетъ изъ общей революціонной массы наиболѣе революціонный классъ пролетаріевъ. Его она выбираетъ своимъ передовымъ авангардомъ, его партію—своимъ руководителемъ, его лозунги пишетъ на своемъ знамени. Соціалистическій пролетаріатъ, такимъ образомъ, является первымъ вершителемъ судебъ русской революціи и въ нѣдрахъ самодержавія онъ готовитъ себѣ революціонную армію, которая на отдѣльныхъ вспышкахъ учится всероссійскому вооруженному возстанію.

Рабочій классъ,—вотъ источникъ живой воды для всѣхъ, кто слишкомъ

хлебнулъ мертвой воды самодержавія. Къ пролетаріату и его животворящимъ силамъ стремится все, что еще чувствуетъ себя способнымъ твердо устоять при паденіи царскаго строя.

Не только армія, но и самые интимные агенты правительства, полиція и дворники въ Петербургѣ, Варшавѣ, Гроднѣ, Вильнѣ начинаютъ отказываться отъ опаснаго союзника. Появились «сознательные» околоточные, «сознательные» городовые, которые кричатъ: «да здравствуетъ союзъ между рабочими и нашей группой городовыхъ», появились даже... «сознательные» сыщики, борющіеся противъ своихъ черносотенныхъ сослуживцевъ «за свободу человѣка». Всѣ спѣшатъ прочь отъ разлагающагося режима. И, когда наступитъ послѣдній рѣшительный бой, то самодержавье не найдетъ около себя тѣхъ, кого можно было бы поблагодарить.

* * *

Одновременно съ крушеніемъ внутренняго военнаго могущества и гражданскій устой самодержавія, чиновная армія, далъ сильную трещину. Съ 15-го ноября дружно началась и дружно ведется до сихъ поръ забастовка почтово-телеграфныхъ служащихъ. Что о нихъ знало русское общество? Оно знало чеховскаго телеграфиста Ятя, которому для полнаго торжества не хватало только электрическаго освѣщенія на чужой свадьбѣ. Суровыя условія жизни тружениковъ, крайняя степень ихъ изнуренія вслѣдствіе безпрерывной и напряженной работы, грошевое жалованье,—все это терпѣли «чиновники», терпѣли и, наконецъ, «какъ и весь рабочій народъ, вынуждены были прибѣгнуть къ забастовкѣ» *). Ихъ попытки объединиться въ союзъ встрѣтили шифрованную телеграмму начальника главнаго управленія почтъ и телеграфовъ г. Севастьянова, данную во всѣ города: «Немедленно уволить всѣхъ агитаторовъ и лицъ, имѣющихъ вліяніе на контору, другихъ *подкупить*, къ третьимъ прибѣгнуть мѣрами *застращиванія*, дальше снестись съ охраной и полиціей на случай чего, сдѣлать обыски, направивъ *по другому преступленію*, такимъ образомъ, чтобы при забастовкѣ ихъ опять не могли принять, ибо тогда они не могутъ представить свидѣтельства о политической благонадежности и о томъ, что подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоятъ».

15-го ноября съѣздъ при участіи 73 делегатовъ все-таки состоялся. На имя гр. Витте была послана телеграмма съ требованіемъ отмѣнить циркуляры Севастьянова и Дурново, запретившаго съѣздъ, и принять обратно 5 уволенныхъ товарищей. Срокъ для отвѣта гр. Витте былъ назначенъ къ 6 часамъ вечера. Отвѣта не получилось, и по всѣмъ линіямъ была послана депеша: «Отвѣта отъ Витте о принятіи уволенныхъ не получено. Бастуйте». Къ утру 16-го бастовали всѣ почтово-телеграфныя отдѣленія Россіи и была прервана связь съ Берлиномъ. 18-го делегаты съѣзда отправились къ гр. Витте, послѣдній не пожелалъ ихъ принять. На такой грубый пріемъ депутаты отвѣтили полнымъ достоинства обращеніемъ къ гр. Витте, въ заключеніе котораго объявляютъ: «Мы выставляемъ на нашемъ знамени тѣ самыя требованія, которыя

---

*) Манифестъ перваго всероссійскаго почтово-телеграфнаго съѣзда.

*

уже выставлены на знаменахъ всего трудящагося народа». Почтово-телеграфные работники, такимъ образомъ, примкнули открыто къ рядамъ революціоннаго пролетаріата и въ Петербургѣ вошли въ общую рабочую боевую организацію, совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Ихъ профессіональное движеніе силою вещей сейчасъ же превратилось въ революціонное, и они сознательно избрали истинный революціонный путь, который прокладывалъ рабочій классъ.

Послѣ отъѣзда петербургскихъ делегатовъ въ Москву на съѣздъ, жандармскимъ правленіемъ была послана телеграмма объ ихъ арестѣ. Телеграфисты задержали депешу до самаго пріѣзда делегатовъ изъ Москвы. Правительству отказано въ телеграфныхъ услугахъ.

21-го ночью арестовано бюро почтово-телеграфнаго съѣзда, между ними Парфененко, Рудневъ, Миллеръ, главные дѣятели союза. Съѣздъ выбралъ новое бюро черезъ три часа послѣ ареста стараго. А правительство посадило въ почтово-телеграфныя учрежденія воровъ (въ Москвѣ украдено 13.000 руб.), членовъ правоваго порядка, шантажистовъ, графинь и т. п. Совѣтъ министровъ объявляетъ: «Забастовка почтово-телеграфныхъ служащихъ прекращается». Резолюція общаго собранія почтово-телеграфнаго союза гласитъ: «Собраніе почтово-телеграфныхъ тружениковъ такъ называемому конституціонному кобинету Витте, Дурново и т. д. отвѣчаетъ: *Забастовка почты-телеграфа продолжается!*» Дурново объявляетъ ихъ «измѣнниками» и «мятежниками», — «почтово-телеграфные работники съ такимъ-же правомъ бросаютъ эти оскорбительныя слова обратно въ лицо г. Дурново», кладетъ резолюцію исполнительный комитетъ союза.

Борьба идетъ во всю, и сила почтово телеграфныхъ тружениковъ еще велика. Она велика не только профессіональной сплоченностью, но и, главнымъ образомъ, сознательнымъ единеніемъ съ пролетаріатомъ. Все истинно революціонное становится подъ рабочія знамена. Сознательная и наиболѣе демократическая часть крестьянства, армія, и самые покорные изъ правительственныхъ рабовъ, почтово-телеграфные чиновники, соединяютъ свои силы съ революціонной мощью рабочаго движенія. И рабочій классъ по праву принялъ жезлъ полководца въ великой борьбѣ. Велика на немъ отвѣтственность, но онъ пролилъ слишкомъ много своей крови, чтобы отказаться отъ предводительства, чтобы передать кому-либо отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія. Революція принадлежитъ пролетаріату, какъ и пролетаріатъ—революціи.

* * *

Что касается самого пролетаріата, въ его строго классовыхъ рамкахъ, то его революціонное выступленіе уже выразилось въ богатомъ разнообразіи рабочихъ организацій. Кромѣ чрезвычайно быстраго роста профессіональныхъ союзовъ во всей Россіи, революція доставила рабочему классу и совершенно новый видъ организованности. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ—это собраніе депутатовъ отъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ образовалось впервые въ Петербургѣ въ половинѣ октября. Съ тѣхъ поръ его дѣятельность и вліяніе чрезвычайно расширились, настолько, что на арестъ своего предсѣдателя 26-го ноября, онъ имѣлъ полное право отвѣтить царскому правительству лишь

короткой резолюціей: «Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ избираетъ новаго предсѣдателя и продолжаетъ готовиться къ вооруженному возстанію». Своевременность такой классовой организаціи диктуется съ такой необходимостью, что образованіе, вѣрнѣе, самообразованіе Совѣта совершилось ужъ въ Москвѣ, Костромѣ, Ростовѣ на Дону и во многихъ другихъ городахъ.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ революціонныя массы населенія сплачиваются вокругъ рабочаго класса, внутри послѣдняго совершается интенсивная организаціонная работа, которая выражается въ сплачиваніи пролетаріата по профессіямъ и, наконецъ, въ видѣ всеобъемлющаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Эти непартійныя пролетарскія организаціи ставятъ для настоящаго времени наиболѣе остро вопросъ, каково должно быть отношеніе Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи, какъ единственной представительницы пролетаріата, къ профессіональнымъ союзамъ и Совѣту.

Тактика соціалъ-демократіи рѣзко отличается отъ пріемовъ прочихъ партій, между прочимъ, однимъ чисто формальнымъ свойствомъ: она строго вытекаетъ изъ принциповъ соціалъ-демократіи. Тактика, опредѣляющая практическую дѣятельность партіи, должна быть логическимъ выводомъ изъ соціалъ-демократической программы. Въ этомъ логическомъ происхожденіи не только ея оправданіе,—пользуются логикой для оправданія своихъ дѣйствій и другія партіи,—но и критерій ея реальности. Нынче въ модѣ «реальная политика». Но въ ней дѣйствителенъ только лукавый разумъ, занятый не столько логикой, сколько торгомъ съ исторіей, съ самодержавіемъ. А потому «просятъ не смѣшивать»,—выражаясь торгашескимъ же языкомъ,—логическое умозаключеніе, воплощенное въ исторической реальности, и историческую реальность, выраженную въ торгующемся политиканѣ.

Казалось бы, такимъ образомъ, отношеніе соціалъ-демократіи къ указаннымъ рабочимъ организаціямъ опредѣляется уже самой сущностью партіи, на точномъ основаніи ея принциповъ. Но, вмѣсто того, наблюдается большая разноголосица и, самое главное, неувѣренность въ постановкѣ вопроса. Какъ понимать Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ,—какъ политическую, профессіональную или еще какую группу? раскассировать ли его или «по поступкамъ поступить?» водрузить ли надъ нимъ флагъ россійской соціалъ-демократіи или погодить и тѣмъ временемъ исподтишка завоевывать?—вотъ вопросы, на которые обыкновенно ищутъ отвѣта. Не меньшую, а, можетъ быть, и большую путаницу вызываютъ и профессіональные союзы. Вопрошатели ждутъ отвѣта у волнующагося пролетарскаго моря, а бурная поверхность вмѣсто того выбрасываетъ одну за другою разныя не по партійному организованныя группы рабочихъ

Несомнѣнно, революція даетъ еще много видовъ пролетарскаго соединенія Она только съ особенной остротой ставитъ старыя задачи, и нахлынувшая волна соціально-политической жизни несетъ съ собою только большее количество новыхъ организацій. Каково же можетъ быть тактическое отношеніе соціалъ-демократіи къ несоціалъ-демократическимъ группировкамъ?

Прежде всего необходимо отмѣтить одну принципіально недопустимую

ошибку, которую нерѣдко допускаютъ въ рѣшеніи задачи. Это частичное или даже полное забвеніе цѣли движенія въ интересахъ злободневнаго момента движенія. Здѣсь лишній разъ подтверждается, что Бернштейнъ опасенъ не своей критикой, а тѣмъ, что открылъ путь многимъ бернштейніанцамъ. И хоть русская революція совершается вопреки всѣмъ царскимъ и бернштейніанскимъ законамъ, но ея конкретный ходъ многіе склонны переоцѣнивать въ ущербъ соціалъ-демократическимъ цѣлямъ. Особенно это проявляется въ отношеніи къ популярному нынѣ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Уже одни перечисленные выше вопросы, касающіеся послѣдней организаціи, показываютъ, что интересъ къ Совѣту и всѣ затрудненія, вызванныя Совѣтомъ, заключены въ практикѣ дня, въ самомъ процессѣ движенія. Совѣтъ всплылъ на самомъ гребнѣ революціонной волны, всплывутъ и другія организаціи,—и всѣ встрѣчаютъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Какъ? почему? да, вѣдь, на этомъ самомъ мѣстѣ должна быть соціалъ-демократическая партія! а, можетъ быть, — глубокомысленно задумывается испытатель партійной истины,—и не должна? Въ такомъ случаѣ, гдѣ же партія этого рабочаго движенія?

Неправильна не только постановка вопроса, имѣющаго въ виду только движеніе, но и самъ вопросъ незаконенъ.

Партію можно искать только въ опредѣленномъ мѣстѣ, а не вездѣ, во всей шири рабочаго движенія. Предполагать партію вездѣсущей, значитъ, не понимать ея исторической роли. Еслибы Богъ присутствовалъ всюду,—говорила одна маленькая дѣвочка, слова которой приводитъ Ницше,—то это было бы неприлично. Для соціалъ-демократіи это было бы, кромѣ того, и нетактично. Соціалъ-демократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ, и, соотвѣтственно этому, ея тактика должна быть не любымъ, а только наибольшимъ приближеніемъ стихійнаго, безсознательно растущаго движенія къ всегда себѣ равному научному соціализму. Не революціонное увлеченіе, не соревнованіе съ разными организаціями въ успѣхѣ дня должно опредѣлять ея тактику,—это значило бы итти въ хвостѣ исторіи,—а только высшій предѣлъ самоопредѣленія класса, какой обнаружился въ данный моментъ движенія. Послѣднее выдвигаетъ много временныхъ, стихійныхъ группировокъ рабочихъ. Чѣмъ выше классовое содержаніе такой организаціи, тѣмъ непосредственнѣе она воспринимаетъ воздѣйствіе соціалъ-демократіи, чѣмъ ниже,—тѣмъ слабѣе. Но всѣ вмѣстѣ онѣ лишь опредѣляютъ въ данной исторической обстановкѣ ту ступень классоваго самосознанія, которой достигло рабочее движеніе. Выше ихъ, надъ ними развѣвается красное знамя соціализма, и его держитъ соціалъ-демократическая партія. Партія зоветъ за собою весь рабочій классъ, но водружаетъ свое знамя *надъ* высшей точкой его историческаго восхожденія, но водружаетъ его не *рядомъ* съ хотя бы самой революціонной рабочей организаціей. *Классъ* долженъ итти къ соціализму.

Соціалъ-демократія—безусловно классовая партія, но для класса въ цѣломъ не обязательно быть партійнымъ. Тотъ далекій моментъ, когда весь классъ будетъ одной партіей, а партія будетъ охватывать весь классъ, есть

вмѣстѣ съ тѣмъ моментъ уничтоженія общественныхъ классовъ и партійной политики. Это будетъ естественный конецъ всякихъ соціально-политическихъ революцій и, слѣдовательно, соціалъ-демократіи, какъ непрерывно революціонизирующей общество организаціи. До тѣхъ же поръ право на существованіе соціалъ-демократія получаетъ лишь отъ точнаго опредѣленія своихъ границъ внутри класса. Она существуетъ именно потому, что не весь классъ есть партія, что она не вездѣ можетъ существовать.

Съ развитіемъ производственныхъ отношеній каждая послѣдующая революція все сильнѣе сжимаетъ классы въ ихъ общественныхъ рамкахъ, и, соотвѣтственно, тѣснѣе сжимается внутри класса и соціалъ-демократическая партія, увеличиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ классовомъ объемѣ. И это уплотненіе партіи, эта—не будемъ бояться слова—все большая партійность ея является лучшимъ залогомъ вѣрности ея тактики и силы соціализма.

Выше надъ этой остановкой движенія, тѣснѣе вкругъ знамени,—въ этомъ заключаются всѣ принципы революціонной соціалъ-демократической тактики. Она реальна, потому что продѣлала вмѣстѣ съ рабочимъ движеніемъ весь историческій путь и опирается на всю прошлую исторію общества, она революціонна, потому что проложила этотъ путь впереди рабочаго класса, она, наконецъ, соціалъ-демократична, потому что ведетъ рабочее движеніе къ соціализму. Такая тактика является сильнѣйшей защитой въ борьбѣ революціонныхъ партій за свое историческое существованіе, и будущее принадлежитъ только организованнымъ по этому типу. Революціонный отборъ безпощаденъ, но онъ и создалъ соціалъ-демократію.

— Остановитесь! кричатъ увлеченные перипетіями движенія.—Куда, вы, впереди? А Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ?

Какъ же съ нимъ? принадлежать ему къ партіи или нѣтъ? А профессіональныя организаціи?

Все это «принадлежитъ» къ самому рабочему движенію, и только. Какъ бы ни расширялъ Совѣтъ сферу своего вліянія,—возможно даже, что онъ захватилъ нѣкоторыя партійныя функціи,—онъ возникъ въ стихійномъ ростѣ рабочаго движенія и для движенія. Чѣмъ сознательнѣе онъ представляетъ классъ, чѣмъ революціоннѣе дѣйствуетъ, тѣмъ лучше для самого рабочаго движенія. Но уже этимъ однимъ предрѣшается, что соціалъ-демократическая партія не тамъ, гдѣ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Она выноситъ знамя соціализма еще впередъ, дальше самаго революціоннаго Совѣта. У партіи—свои собственныя задачи, которыхъ она не должна и не можетъ уступать. Къ этому обязываетъ соціализмъ, требующій отъ стихійнаго историческаго процесса все болѣе точнаго приближенія къ соціалистическимъ принципамъ. Пусть даже всѣ члены Совѣта окажутся соціалъ-демократами, тѣмъ лучше для Совѣта, для рабочаго класса, достигшаго такой высоты сознанія. Ему легче будетъ воспринимать директивы партіи, легче слѣдовать за ней. Но все же Совѣтъ останется Совѣтомъ, т.-е. однимъ изъ моментовъ самого движенія, и знамя соціализма, партійное знамя соціалъ-демократіи не онъ держитъ. Самая вредная утопія заключается въ такой постановкѣ вопроса: либо Совѣтъ слѣдуетъ унич-

тожить, либо онъ долженъ стать партійнымъ. Уничтожить Совѣтъ, значитъ, уничтожить рабочее движеніе, соціально-историческій фундаментъ партійнаго зданія. Сдѣлать Совѣтъ партійнымъ, значитъ, срыть съ лица земли всю партію, оставивъ одинъ фундаментъ, принизить ее до одного изъ временныхъ самоопредѣленій движенія. Ни то, ни другое въ отдѣльности не составляетъ соціалъ-демократической рабочей партіи.

Мы не будемъ подробнѣе останавливаться на профессіональныхъ союзахъ. Относительно этой формы рабочаго движенія имѣется и достаточная общеизвѣстная литература, и еще болѣе достаточный опытъ. Этими организаціями управляютъ самыя стихійныя, самыя безсознательныя силы движенія. И если Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, сравнительно революціонную и сравнительно соціалистическую организацію, слѣдуетъ оставить внѣпартійнымъ, то тѣмъ болѣе такое рѣшеніе относится къ профессіональнымъ союзамъ. Да и сама исторія очень недвусмысленно показала, какъ не крѣпко держится партійное знамя внутри профессіональныхъ союзовъ. На Кельнскомъ конгрессѣ оно и совсѣмъ упало. Но, благодаря организованности пролетарскихъ группъ, профессіональные союзы представляютъ удобный случай для успѣшнаго развитія среди нихъ классоваго самосознанія и соціалъ-демократическихъ принциповъ. Большаго отъ нихъ нельзя получить.

Такимъ образомъ, соціалъ-демократическая рабочая партія можетъ существовать лишь для всего рабочаго движенія и надъ всѣми пролетарскими организаціями даннаго момента движенія, но ни въ одной изъ нихъ. Великая русская революція показала уже, какъ ясно классовое самосознаніе русскаго пролетаріата, она выдвинула уже нѣсколько организацій съ довольно яркой соціально-революціонной окраской. Но не слѣдуетъ забывать, что во время революціи— всѣ революціонеры, а у насъ, въ Россіи, сейчасъ, пожалуй, больше соціалъ-демократовъ, чѣмъ населенія во всемъ государствѣ. Это просто эффектъ революціоннаго процесса. Соціалъ-демократическая рабочая партія одна можетъ использовать разошедшуюся стихію, если только она твердо будетъ держать свое знамя въ своихъ рукахъ, не довѣряя никому изъ самыхъ передовыхъ рядовъ революціонныхъ кадровъ. Стихійную революціонность движенія она одолѣетъ лишь сознательной революціонностью соціализма.

І. Ларскій.

О РАБСТВѢ ВЪ ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТИ.

Присоединеніе къ Россіи Закаспійской области окончилось въ 1885 году. Въ это время у туркменъ, а также и въ Хивѣ рабство было распространено въ сильной степени. Объ этомъ помощникъ начальника Закаспійской области полковникъ Волковниковъ въ № 237 «Закаспійскаго Обозрѣнія» отъ 18-го сентября текущаго 1905 г. говоритъ такъ: «Всѣ рабы — мужчины, женщины и дѣти разныхъ возрастовъ, которыхъ мы дѣйствительно застали у туркменъ, тогда же были освобождены».

Къ сожалѣнію, глубоко вкоренившіеся, дурные нравы исчезаютъ не такъ легко и моментально, какъ пишетъ полковникъ Волковниковъ. Съ бюрократической и канцелярской точки зрѣнія, дѣйствительно, стоитъ лишь сочинить приказъ, и затѣмъ можно считать дѣло сдѣланнымъ. Подчиненные не преминутъ донести, что «все обстоитъ благополучно», но теперь мало кто вѣритъ въ правдивость такого волшебства. Опровергается фактами и утвержденіе полковника Волковникова. И это вполнѣ естественно.

Закаспійская область больше Франціи. На этомъ громадномъ пространствѣ разбросаны 375 тыс. жителей разныхъ племенъ. Дороги очень плохи и надзоръ сопряженъ съ великими трудностями. Если къ этому прибавить всѣмъ извѣстныя «культуртрегерскія» «качества» нашихъ чиновниковъ, то яснымъ станетъ, что уничтоженное на бумагѣ рабство вовсе не уничтожилось въ дѣйствительности.

Полковникъ Волковниковъ ограничивается краткимъ, категорическимъ утвержденіемъ. Гораздо было бы интереснѣе, если бы онъ подробно разсказалъ, какія мѣры были приняты къ искорененію рабовладѣнія, куда дѣвались освобожденные, какіе законы и суды были введены для личныхъ гарантій. И т. д. Эти подробности уяснили бы, что въ сущности почти все осталось по старому. Рабы остались на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнемъ положеніи. Они даже не узнали, что кто-то и гдѣ-то на бумагѣ измѣнилъ ихъ судьбу. Самъ полковникъ Волковниковъ въ томъ же номерѣ «Закаспійскаго Обозрѣнія» говоритъ: «По присоединеніи къ намъ Туркменіи за туземнымъ населеніемъ ея были сохранены *въ полной неприкосновенности* религія, обычаи и тотъ строй жизни, который существовалъ до занятія нами области... Споры поступаютъ въ народные суды, гдѣ *всѣ* дѣла рѣшаются по *мѣстному обычаю* (адатъ) и религіозному мусульманскому закону (шаріатъ) и администрація не имѣетъ права измѣнять эти рѣшенія по существу». Какую же гарантію представляютъ изъ себя такіе суды для освобожденныхъ рабовъ?

И дѣйствительно по настоящее время рабство все еще существуетъ въ Закаспійской области и въ Хивѣ. Тысячи рабовъ-персовъ находятся у іомудовъ, у гокланъ и у хивинцевъ; есть рабы и въ уѣздахъ Асхабадскомъ и Мервскомъ, но здѣсь ихъ немного, и, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, они здѣсь исчезаютъ подъ напоромъ не циркуляровъ, а просто измѣненій укладa жизни.

На туркменскомъ языкѣ сельскохозяйственный наемный рабочій называется дейханъ, служащій при домѣ — кулюкчи, чернорабочій — хызматьяръ, поденщикъ — гуннукчи. Но пусть полковникъ Волковниковъ скажетъ, что кромѣ этихъ вольнонаемныхъ людей нѣтъ еще работниковъ, именуемыхъ *куль*. Буквальный переводъ слова куль значитъ рабъ, крѣпостной, и ихъ и теперь у іомудовъ, у гокланъ и у хивинцевъ еще тысячи. Кулемъ здѣсь называютъ раба-перса, привезеннаго изъ Персіи или рожденнаго на мѣстѣ отъ родителей рабовъ, тоже въ свое время привезенныхъ изъ Персіи. Куль не получаетъ ни жалованья, ни поденной платы. Онъ не смѣетъ уйти отъ своего хозяина. За попытку бѣгства куля бьютъ, заковываютъ въ кандалы и не рѣдко безнаказанно убиваютъ. Многихъ кулей женятъ на привезенныхъ изъ Персіи дѣвушкахъ и женщинахъ, которыя тоже обращаются въ рабство. Ихъ дѣти испытываютъ участь своихъ родителей. Такъ дѣло шло въ прежнее время, такъ оно идетъ и теперь.

У хивинцевъ, іомудовъ и гокланъ убыль рабовъ постоянно пополняется привозомъ новыхъ персовъ изъ пограничнаго съ нами персидскаго Хоросана. Въ аулахъ Асхабадскаго и Мервскаго уѣздовъ рабовладѣніе идетъ на ущербъ. Здѣсь на старомъ положеніи доживаютъ свои дни лишь прежніе кули, «освобожденные» на бумагѣ.

Вопросъ о рабыняхъ въ Закаспійской области находится въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ вопросъ о куляхъ. Надо замѣтить, что у туркменъ нѣтъ и вольнонаемнаго женскаго труда. Всѣ женскія работы здѣсь выполняются или женами, или дочерьми, или вдовами, живущими при своихъ семьяхъ. Отсутствіе у туркменъ вольнонаемныхъ женщинъ сопровождается и отсутствіемъ одинокихъ рабынь. Тѣмъ не менѣе въ Закаспійской области тысячи женщинъ находятся въ совершенно рабскомъ положеніи. «Туркмены, — говоритъ полковникъ Волковниковъ,—очень сурово содержатъ своихъ женъ и смотрятъ на нихъ, *какъ на собственность*». Эти слова, однако, требуютъ поясненія.

Магометанскій законъ, какъ извѣстно, допускаетъ многоженство. Обычай требуетъ отъ туркменъ, чтобы они женились на туркменкахъ же. Жена-туркменка называется аялъ и къ ней мужъ относится вовсе не особенно сурово и не смотритъ на нее, «какъ на собственность». Таково общее правило, но затѣмъ идутъ многочисленныя исключенія.

У туркменъ нельзя усватать невѣсты, не уплативъ за нее ея родителямъ большой денежной суммы—калыма. Этотъ калымъ измѣряется сотнями рублей и часто достигаетъ 1.200 рублей. Такимъ образомъ женитьба здѣсь требуетъ тяжелыхъ расходовъ. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства развился привозъ женщинъ изъ персидскаго Хоросана. Жена-персіянка въ отличіе отъ женыгуркменки, которая называется аялъ, именуется *кырнакъ* и положеніе ея несравненно хуже жены-аялъ. На женъ-кырнакъ туркмены дѣйствительно смотрятъ, какъ «на собственность», и пріобрѣтаются жены-кырнакъ, главнымъ образомъ, для выполненія труднѣйшихъ работъ. Дѣти женъ-аялъ именуются просто магометанскими именами, напримѣръ, Сафаръ, Мератъ и т. д.,

а дѣти женъ-кырнакъ называются именами съ прибавкою презрительнаго слова куль, т.-е., рабъ, напримѣръ, Сафаръ-куль, Мератъ-куль и т. д.

Лѣтомъ этого года персидскому Хоросану пришлось испытать тяжелыя послѣдствія почти полнаго неурожая. Разореніе и голодъ понудили персовъ приняться за торговлю людьми, преимущественно женскимъ поломъ. Покупательный рынокъ нашелся въ Закаспійской области и въ Хивѣ. Многіе персы занялись скупкой по голоднымъ хоросанскимъ ауламъ дѣвушекъ, замужнихъ женщинъ, дѣвочекъ, мальчиковъ и даже мужчинъ. А рядомъ съ этой скупкой развилась и простая *кража* людей. Свой «товаръ» персы-скупщики и разбойники въ началѣ этого лѣта стали направлять въ аулъ Нухуръ Асхабадскаго уѣзда Закаспійской области, лежащій близъ персидской границы.

Нухурцы энергично взялись за работорговлю, какъ за очень выгодное дѣло. Покупаемые люди обходились имъ рублей по сту «голова въ голову», а въ продажу шли по 200 и 300 рублей. Барышъ громадный. Въ теченіе лѣта, по мнѣнію освѣдомленныхъ людей, всего было переправлено изъ Персіи въ Закаспійскую область и въ Хиву болѣе 5.000 человѣкъ, главнымъ образомъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣвочекъ. Въ Нухурѣ устроился, такъ сказать, «складочный пунктъ», гдѣ иногда въ ожиданіи отправокъ скоплялись сотни людей. На многихъ надѣвались цѣпи... Далѣе рабовъ направляли на рѣку Сумбаръ къ іомудамъ, къ гокланамъ, на сѣверъ чрезъ желѣзнодорожную станцію Арчманъ въ Хиву и отчасти въ уѣзды Асхабадскій и Мервскій. Все это продѣлывали ловкіе нухурцы. Они довозили своихъ жертвъ до желѣзной дороги на верблюдахъ, успокаивая плачущихъ женщинъ и дѣвушекъ ударами палокъ. Рабынь, отправляемыхъ на востокъ къ Мерву, нухурцы сажали во II-й классъ, гдѣ меньше любопытныхъ. «Товаръ» шелъ ходко, что и неудивительно при мѣстномъ калымѣ въ 800—1.200 рублей.

Ввезенныя такимъ образомъ персіянки въ числѣ, приблизительно, пяти тысячъ распредѣлились по состоятельнымъ іомудамъ, гокланамъ, хивинцамъ и другимъ туркменамъ. Здѣсь ихъ по большей части превратили въ женъ-кырнакъ, а частью обвѣнчали съ кулями съ цѣлью усилить кадры рабочихъ рукъ въ разросшихся хозяйствахъ. Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ прежніе года, но никогда работорговля не процвѣтала такъ, какъ лѣтомъ въ этомъ году: хоросанскій голодъ далъ этому дѣлу экстренный толчекъ и въ короткое время оно приняло необычайные размѣры.

Итакъ мы видимъ, что въ Закаспійской области и въ Хивѣ есть тысячи персовъ-кулей и тысячи персіянокъ, положеніе которыхъ совершенно рабское Кули лишены свободы передвиженія, работаютъ безъ жалованья и безъ поденной платы и не находятъ себѣ защиты въ законахъ и мѣстныхъ судахъ, которые нормируются обычнымъ правомъ. Персіянки въ положеніи женъ-кырнакъ или женъ-кулей, по вѣрному выраженію полковника Волковникова, являются простой «собственностью». Ихъ покупаютъ или крадутъ въ Хоросанѣ персы, перепродаютъ нухурцамъ, которые распредѣляютъ ихъ по ауламъ. Такимъ образомъ каждая персіянка проходитъ чрезъ руки 2—3-хъ посредниковъ, пока не попадетъ, наконецъ, въ мѣсто своей кабалы. Здѣсь она является

работницей подъ безграничной властью туркмена-хозяина, да и его женъ-аялъ. Развѣ это не рабство?

По вѣрному выраженію Бебеля, «рабство проходитъ всевозможныя ступени развитія, начиная съ невольничества и вплоть до «свободнаго» наемнаго труда нашего вѣка». Но положеніе у туркменъ и у хивинцевъ кулей и персіянокъ должно быть названо рабствомъ не въ эластическомъ смыслѣ этого термина, а въ его буквальномъ значеніи.

Замѣтка, написанная мною лѣтомъ на эту тему въ газетѣ «Наша Жизнь», вызвала уже упомянутое мною возраженіе полковника Волковникова. Онъ категорически заявляетъ, что при занятіи Россіей Закаспійской области всѣ рабы были освобождены и рабство было уничтожено. «*Ни одного* раба, — говоритъ полковникъ Волковниковъ, — за время владычества здѣсь русскихъ не было привезено изъ Персіи и продано нашему населенію».

Къ сожалѣнію, многіе факты убѣждаютъ, что полковникъ Волковниковъ ошибается. Послѣ того, какъ появилась моя замѣтка о рабствѣ въ «Нашей Жизни», я получилъ отъ разныхъ лицъ, вполнѣ достойныхъ довѣрія, не мало данныхъ и о куляхъ, и о торговлѣ персіянками. Но что еще болѣе удивительно, это то, что въ газетахъ «Асхабадъ» и «Закасп. Обозр.», цензируемыхъ мѣстной администраціей, отъ имени которой возражаетъ мнѣ и полковникъ Волковниковъ, мы находимъ полное подтвержденіе существованія рабства.

Въ № 231 «Закасп. Обозр.» отъ 11-го сентября этого 1905 года напечатано: «Проживающіе въ Верхне-Сумбарскомъ раіонѣ туркмены племени гокланъ покупаютъ въ пограничныхъ *персидскихъ* селеніехъ персидскихъ женщинъ и дѣвушекъ и *перепродаютъ* ихъ *скрытнымъ* образомъ туркменамъ же за хорошую цѣну».

Въ № 241 той же газеты отъ 23-го сентября 1905 г. напечатано, что туркменъ Мератъ похитилъ у одного перса въ Буджнурдѣ двухъ дочерей и продалъ ихъ за 100 тумановъ туркмену Сафару. Одну дѣвушку Сафаръ оставилъ себѣ, а другую перепродалъ іомудамъ. Братъ похищенныхъ персіянокъ обратился въ каракалинскій народный судъ. На разборѣ Сафаръ оправдывался, сваливая всю вину на Мерата, но судъ «призналъ Сафара виновнымъ въ томъ, что онъ позволилъ себѣ вступить въ *торгъ людьми, какъ скотиной*, и приговорилъ Сафара къ уплатѣ брату дѣвушекъ 100 тумановъ и къ 3-хъ мѣсячному аресту». Къ этому «Закасп. Обозр.» прибавляетъ: «*Побольше* (!) бы такихъ приговоровъ и *позорный торгъ* прекратился бы».

Восклицаніе газеты—«Побольше»—ясно доказываетъ, что въ Закаспійской области часто торгуютъ похищенными персіянками, «*какъ скотиной*», но суды недостаточно часто караютъ это преступленіе. Да и каковъ приговоръ, столь обрадовавшій малымъ довольную газету: за похищеніе людей, за продажу дѣвушекъ и за изнасилованіе ихъ всего только штрафъ и 3-хъ-мѣсячный арестъ... Не много.

Въ № 129 «Асхабада» отъ 16-го іюня этого 1905 г. мы находимъ: «Весною въ нашу область переселились на временное жительство около 300

семействъ персидскихъ курдовъ, спасавшихся отъ вымогательствъ кочанской бюрократіи. Положеніе этихъ голяковъ-бѣженцевъ было по-истинѣ ужасное. Нужда среди нихъ дошла до того, что они стали усиленно *распродавать* туркменамъ, главнымъ образомъ, нухурцамъ, *своихъ женъ* и дочерей, чтобы хоть этимъ путемъ спасти себя и остальныхъ членовъ семей отъ голодной смерти. *Купля-продажа живого товара* практиковалась въ широкихъ размѣрахъ и цѣна на *женщинъ* и дѣвушекъ пала баснословно низко. *Скупщики*, получая этотъ товаръ за безцѣнокъ, перепродавали его богатымъ съ большимъ барышомъ и многіе нажили себѣ хорошія деньги».

Таковы факты, пропущенные Закаспійской администраціей въ зорко цензируемыхъ ею газетахъ... И все-таки полковникъ Волковниковъ утверждаетъ, что съ присоединеніемъ области къ Россіи рабство нами было тогда же искоренено и что съ тѣхъ поръ «*ни одного раба*» не было продано изъ Персіи нашимъ туркменамъ. Ошибка полковника Волковникова безспорна и остается только изумляться, какъ мало освѣдомлена областная администрація о томъ, что дѣлается въ мѣстности, находящейся въ ея вѣдѣніи.

Полковникъ Волковниковъ исправляетъ должность помощника начальника Закаспійской области. Изъ этого факта вытекаетъ, что взгляды полковника Волковникова являются взглядами центральной и высшей областной власти. Такимъ образомъ объясненіе въ № 237 «Закасп. Обозр.» по своему происхожденію представляетъ изъ себя очень интересный и важный документъ. Остановимся на немъ поэтому нѣсколько подробнѣе.

Полковникъ Волковниковъ говоритъ, что въ присоединенной къ намъ Туркменіи за туземнымъ ея населеніемъ сохранены въ полной неприкосновенности религія, обычаи и прежній строй жизни за исключеніемъ аламанства—разбоя, калтаманства—воровства, казней и увѣчій.

Это утвержденіе вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Во-первыхъ, воровство туркменъ у туркменъ никогда не было освящено ни обычнымъ правомъ—адатомъ, ни шаріатомъ. Также никогда не поощрялся разбой въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимается русскимъ уложеніемъ о наказаніяхъ. До присоединенія Туркменіи къ Россіи туркмены просто находились почти въ постоянной войнѣ со своими сосѣдями. На этой почвѣ возникали, конечно, и набѣги на аулы враговъ, но разбоемъ эти набѣги могутъ быть названы лишь постольку, поскольку и вообще война можетъ называться разбоемъ. Утверждая, что туркмены были по обычаю воры и разбойники, полковникъ Волковниковъ совершенно несправедливо чернитъ эту народность и приписываетъ русскимъ то исправленіе нравовъ, въ которомъ русскіе, увы, совсѣмъ неповинны. Туркмены до присоединенія къ Россіи во взаимныхъ между собой отношеніяхъ отличались правдивостью и честностью; не то наблюдается теперь: въ аулахъ близъ городовъ кражи и обманы сильно увеличились и разъ *въ десять* чаще случаются, чѣмъ въ отдаленныхъ аулахъ, куда низкопробное культуртрегерство еще не проникло. Полковникъ Волковниковъ очень ошибается: въ Туркменіи многое измѣнилось и измѣняется и, къ сожалѣнію, не въ хорошую

сторону: съ русскими въ страну вторглась водка, опій, нищенство, проституція и сифилисъ... а когда придетъ съ Запада настоящее просвѣщеніе, это еще неизвѣстно.

Въ свободной Туркменіи не было судовъ, какъ постоянной организаціи. Тяжбы и жалобы разбирались уважаемыми стариками, въ родѣ нашихъ третейскихъ судей, къ которымъ стороны обращались добровольно. Рѣшенія постановлялись по адату и по шаріату въ зависимости отъ начитанности судящихъ стариковъ: знатоки писанія опирались на шаріатъ, болѣе простые—на обычное право—адатъ, который въ сущности не что иное, какъ тотъ же шаріатъ, вошедшій въ народное сознаніе. Приговоры не имѣли обязательной силы и стороны иной разъ кончали дѣла дракой, а то и убійствомъ, но это случалось рѣдко, такъ какъ аулы съ осужденіемъ относились къ ослушникамъ.

Теперь отъ этого прежняго уклада не осталось и слѣда. Учреждены постоянно организованные суды съ письмоводствомъ, съ апелляціонными и кассаціонными инстанціями. Судей утверждаетъ русская администрація, даетъ имъ значки, награждаетъ ихъ медалями, наказываетъ ихъ за проступки по службѣ. Въ судахъ предсѣдательствуютъ уѣздные начальники, пристава и т. д., снабженные дисциплинарною властью. Введена лѣстница наказаній: арестъ, тюрьма, ссылка въ Сибирь. Въ Мервскомъ уѣздѣ de facto были введены розги и нагайки. А свободная Туркменія знала лишь штрафы. И все-таки полковникъ Волковниковъ говоритъ, что русскіе оставили въ «полной неприкосновенности» туркменскіе обычаи и прежній строй жизни... Что это: обмолвка или незнаніе?

Пристава и уѣздные начальники, снабженные большою властью, скорѣе являются нарушителями обычаевъ, чѣмъ ихъ блюстителями. И это очень понятно: пристава и уѣздные начальники по большей части туркменскихъ обычаевъ не знаютъ и на мѣстномъ языкѣ не говорятъ. Но это не мѣшаетъ имъ вліять на судопроизводство, награждая послушныхъ судей и наказывая самостоятельныхъ. Въ результатѣ теперешніе туркменскіе народные судьи представляютъ изъ себя нѣчто гораздо еще болѣе жалкое, чѣмъ русскіе волостные соломоны.

Вопреки полковнику Волковникову нужно сказать, что почти весь строй жизни прежней свободной Туркменіи подвергнуть крутой ломкѣ. Область раздѣлена на уѣзды, приставства и старшинства. Введена и аульная администрація съ дисциплинарными правами. Введена податная система и натуральныя повинности—дорожная, перевозочная и т. д. Изданы правила объ осѣдлости, объ отлучкахъ. Недвижимая собственность нормируется документами. Браки, движимость, семьи—все это регистрируется и регламентируются. Ничего подобнаго не было въ свободной Туркменіи, «полная неприкосновенность» обычаевъ которой является чистой фантазіей.

Полковникъ Волковниковъ переводитъ калтаманъ словомъ *воръ*. И это не вѣрно. Воръ по-туркменски ögры, а калтаманъ значитъ просто *бѣднякъ*. Правда, что чужая собственность не рѣдко вводитъ въ грѣхъ голоднаго бѣдняка—калтамана, но это не даетъ права увѣрять, что бѣдняки и воры—синонимы.

Съ особенной настойчивостью полковникъ Волковниковъ старается доказать, что въ Закаспійской области нѣтъ торговли персіянками, а есть лишь обычные мусульманскіе браки съ уплатою за невѣсту калыма. Стремленіе полковника Волковникова вполнѣ естественно: вѣдь фактъ работорговли не можетъ служить хорошей аттестаціей для администраціи, которая въ теченіе многихъ лѣтъ все-таки не сумѣла искоренить столь позорнаго явленія. И все-таки полковнику Волковникову не удалось ничего доказать. Нормальные браки у туркменъ совершаются такъ. Самый уважаемый членъ семейства жениха отправляется въ семью невѣсты и здѣсь ее сватаетъ, условливаясь и о размѣрѣ калыма. Затѣмъ слѣдуетъ свадьба. У русскихъ есть профессіональные свахи, у туркменъ ихъ не было и нѣтъ. Изрѣдка туркменъ-женихъ умыкаетъ свою невѣсту, но этотъ обычай почти совсѣмъ исчезъ, такъ какъ суды въ такихъ случаяхъ приговариваютъ жениха-умыкателя къ уплатѣ двойного калыма. Какое же сходство съ такими браками имѣютъ описанные мною факты торговли персіянками? Ровно никакого. Персіанку покупаетъ или крадетъ въ Хоросанѣ персъ. Онъ перепродаетъ свою жертву нухурцу. Нухурецъ продаетъ персіянку туркмену. Здѣсь нѣтъ отношеній сватовства между семьями жениха и невѣсты, здѣсь два совершенно постороннихъ посредника, которые просто торгуютъ персіянками, какъ русскіе «барышники» торгуютъ лошадьми. Здѣсь кромѣ того, зачастую торгуютъ не только персидскими дѣвушками, но и персидскими *замужними* женщинами, что совершенно противорѣчитъ мусульманскому брачному закону.

Полковникъ Волковниковъ выставляетъ нухурцевъ, какъ свахъ, а не какъ работорговцевъ. Но это невѣрно. Во-первыхъ, какъ уже было сказано, у туркменъ нѣтъ свахъ, а сватаютъ невѣстъ лишь ближайшіе и почетнѣйшіе родственники жениха. Во-вторыхъ, нухурцы вообще презираемы туркменами. Это сказалось, между прочимъ, и въ 1881 году, когда нухурцы помогали русскимъ войскамъ и когда Геокъ-Тепе, послѣ взятія его русскими, былъ нухурцами разграбленъ. Прибѣгать къ нухурцу для сватовства никакой туркменъ не рѣшится. Другое дѣло — купить у нухурца персіянку, этого обычай не запрещаетъ.

Туркменъ говоритъ про нормальный бракъ: гелинъ-алды—невѣсту взялъ. Про покупку персіянки туркменъ говоритъ: гызъ сатынъ аллыптеръ—дѣвицу купилъ. Вотъ еще характерныя выраженія: гызы чекарды—дочь отдалъ; кырнакъ гиттерды—персіянку притащилъ; гызъ саты—дѣвочку продалъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что у туркменъ существуютъ совсѣмъ отдѣльныя выраженія для эпизодовъ нормальнаго брака и для эпизодовъ покупки персіянокъ. И опять возникаетъ вопросъ: почему все замаскировалъ полковникъ Волковниковъ—по незнанію или съ цѣлью оправдать бдительность областной администраціи?

«Родители-туркмены,—говоритъ полковникъ Волковниковъ,—смотрятъ на дочерей, какъ на статью дохода. Дѣвочки 2—3 лѣтняго возраста зачастую запродаются въ жены женихамъ». Это утвержденіе должно будто бы доказать, что туркмены не только на дѣвушекъ, но и на маленькихъ дѣвочекъ смо-

трятъ, какъ на предметъ выгоднаго калымнаго торга. Опять-таки ошибка. Туркмены, какъ и всѣ народы, живущіе сельской жизнью, не только не тяготятся многосемейственностью, но, наоборотъ, глубоко почитаютъ мать многихъ дѣтей. Чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ сильнѣе и богаче будетъ семейство. Однако, никто еще до сихъ поръ не слышалъ, чтобы туркмены радовались больше рожденію дочерей, чѣмъ сыновей. Это открылъ только полковникъ Волковниковъ и открылъ съ цѣлью доказать, что полученіе калыма — это центръ, вокругъ котораго вращается вся туркменская жизнь. Между тѣмъ обрученіе 2—3 лѣтнихъ дѣвочекъ вызывается совсѣмъ не тѣми причинами, которыя указываетъ полковникъ Волковниковъ. Здѣсь почва экономическая. Женатымъ туркменамъ отводится земельный надѣлъ, холостымъ—нѣтъ. Чтобы заполучить этотъ надѣлъ, туркмены и придумали писать своихъ сыновей женатыми, хотя бы на трехлѣткахъ.

По словамъ полковника Волковникова, нѣтъ ничего проще, какъ разводъ у туркменовъ. Мужъ трижды говоритъ своей женѣ слово—«талакъ» и дѣло кончено, жена уходитъ. Можно подумать, что туркмены разводятся со своими женами чрезвычайно часто. По это не такъ. На мужа, допустившаго себя до развода, туркмены смотрятъ съ величайшимъ презрѣніемъ.

Дѣятельность нухурцевъ по снабженію персіянками Закаспійской области и Хивы настолько извѣстна, что полковникъ Волковниковъ не счелъ возможнымъ ни обойти этого факта молчаніемъ, ни отрицать его. И вотъ выдвигается объясненіе: среди туркменъ есть адвокаты, ходатаи или посредники при сватовствѣ, именуемые векиль. Въ послѣдней роли всего чаще являются нухурцы, которые получаютъ вознагражденіе отъ родителей невѣсты и отъ родителей жениха. Все это толкованіе — сплошное недоразумѣніе. Векилемъ называютъ *выборное*, почетное, уполномоченное лицо. Векиль никогда не означаетъ свата или сваху уже потому, что такихъ понятій у туркменъ небыло и нѣтъ. Сватаютъ въ Туркменіи родственники жениха и въ очень рѣдкихъ случаяхъ — мулла. Взять за эту миссію какую-либо плату считается позоромъ и для дающаго, и для получающаго. Туркмены ненавидятъ нухурцевъ и никогда не позволятъ имъ вмѣшаться въ свое свадебное дѣло. Нухурцы просто являются посредниками по сбыту персіянокъ изъ Хоросана въ Закаспійскую область и въ Хиву. Но полковникъ Волковниковъ не желаетъ признать этого и выдаетъ нухурцевъ за векилей—профессіональныхъ сватовъ или свахъ.

Всѣ эти вопросы, а также рабское положеніе тысячъ кулей и позорную торговлю персіянками могли бы съ большой пользой освѣщать мѣстныя газеты. Но, къ сожалѣнію, до освобожденія печатнаго слова отъ цензурнаго гнета на мѣстныя газеты нельзя возлагать надеждъ. Газету «Асхабадъ» областная администрація прикрыла, а «Закасп. Обозр.», получающее казенную субсидію и печатающее сочиненія полковника Волковникова, конечно, не можетъ, да и врядъ ли желаетъ помѣщать на своихъ столбцахъ что-либо осуждающее русское культуртрегерство въ Средней Азіи.

Въ заключеніе остается упомянуть, что полковникъ Волковниковъ при-

знаетъ, что бывшій каракалинскій приставъ капитанъ Гопфенгаузенъ «взялъ» себѣ персидскую дѣвочку—съ цѣлью ее удочерить, о чемъ уже началъ хлопотать. Къ сожалѣнію, полковникъ Волковниковъ не указываетъ, когда именно Гопфенгаузенъ началъ свои хлопоты по удочеренію персіянки: не послѣ ли газетныхъ статей о работорговлѣ и не подъ давленіемъ ли этихъ статей? Но, оставляя этотъ вопросъ открытымъ, все-таки нельзя не сказать, что здѣсь много страннаго. Находясь какъ разъ въ центрѣ работорговли персіянками, приставъ вмѣсто того, чтобы бороться со зломъ, самъ пріобрѣтаетъ себѣ персидскую дѣвочку. Теперь послѣ газетнаго шума говорятъ, что приставъ взялъ персіянку, чтобы ее удочерить. Какой, подумаешь, возвышенный и терпимый взглядъ на инородцевъ, и это въ странѣ, гдѣ на персовъ и на персіянокъ смотрятъ съ презрѣніемъ, какъ на расу рабовъ и рабынь.

Въ № 183 газеты «Асхабадъ» напечатано, что вслѣдствіе появившихся въ «Нашей Жизни» замѣтокъ о «*будто бы*» существующей въ Закаспійской области торговлѣ персіанками, начальникъ области «поручилъ администраціи асхабадскаго и красноводскаго уѣздовъ *выяснить истинное* положеніе сего вопроса».

Наконецъ-то закаспійское начальство нашло нужнымъ «выяснить истину» о томъ, что у него дѣлается подъ носомъ. Что же, лучше поздно, чѣмъ никогда. Однако, еще лучше было бы до «выясненія истины» подождать съ опроверженіями. Но полковникъ Волковниковъ сдѣлалъ наоборотъ: онъ сначала рѣзко, безапелляціонно и категорически объявилъ, что въ области персіанками не торгуютъ, а теперь рѣшено, что «сей вопросъ нужно еще изслѣдовать»... Такова цѣна вообще нашихъ оффиціальныхъ опроверженій. Сидитъ администрація на своемъ мѣстѣ и въ лучшемъ случаѣ просто не вѣдаетъ, что у нея подъ дреманнымъ окомъ творится. Но лишь только печать позволитъ себѣ обличеніе, немедленно являются перуны: грубо опровергаютъ полковники и генералы, подлаиваетъ имъ какая-нибудь рептилія вродѣ «Закаспійскаго Обозрѣнія» и дѣло считается сдѣланнымъ, правда возстановленной. Однако, теперь положеніе стало болѣе сложнымъ. И вотъ приходится *послѣ* опроверженія заняться изслѣдованіемъ «сего вопроса», заняться «выясненіемъ истины», которая, явное дѣло, была только затемнена опроверженіемъ.

Въ № 274 «Зак. Обозр.» мы находимъ замѣтку тоже касающуюся работорговли. Здѣсь, между прочимъ, сказано: «Военный министръ, *не придавая особой вѣры газетнымъ замѣткамъ*, тѣмъ не менѣе призналъ необходимымъ обстоятельно разслѣдовать настоящее дѣло».

Разслѣдованіе, если только его произведутъ не сами виноватые, конечно, докажетъ, что «газетныя замѣтки» вѣры заслуживаютъ въ гораздо большей степени, чѣмъ администрація, допустившая торговлю персіанками. Довѣрчивость г-на министра къ администраціи и недовѣріе къ газетамъ должны быть уже подорваны и цитатами изъ закаспійскаго оффиціоза, и особенно тѣмъ, что закаспійскія власти сами рѣшили *послѣ* опроверженія «выяснить истину».

С. Протопоповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Европейское общественное мнѣніе и русская свобода.—Опасенія турецкаго султана.—Опасенія германской реакціонной печати.—Вильгельмъ II и Альфонсъ XII.—Тревожные признаки.—Германская соціалъдемократія и ремесленные синдикаты.—Борьба за избирательное право въ Австріи.—Положеніе Кабинета Руве въ Франціи.—Женская манифестація въ Лондонѣ.—Либеральная партія и ея положеніе.

«Передъ избіеніями, происходящими въ настоящее время въ разныхъ городахъ Россіи, блѣднѣютъ даже парижскія сентябрьскія убійства 1792 года!»—восклицаютъ иностранныя газеты по поводу послѣднихъ погромовъ въ русскихъ городахъ и избіеній безоружной толпы. Европейская печать ошеломлена такимъ изумительнымъ «осуществленіемъ манифеста о свободахъ». Въ тотъ же день, когда былъ объявленъ манифестъ, кровь полилась въ Петербургѣ и затѣмъ продолжала литься во всѣхъ городахъ. Гдѣ же конституція, которая должна спасти Россію? Гдѣ свободы, о которыхъ торжественно было возвѣщено въ манифестѣ? Общественное мнѣніе Европы недоумѣваетъ, но большинство германскихъ, англійскихъ и даже французскихъ газетъ, прямо обвиняютъ русскихъ реакціонеровъ, какъ организаторовъ избіеній. «Имъ нужно было укрѣпить царя въ ложномъ убѣжденіи, что сдѣланныя имъ уступки либеральному движенію ведутъ только къ новымъ смутамъ, а никакъ не къ успокоенію умовъ», замѣчаетъ французская газета, прибавляя, что все это доказываетъ, что революція въ Россіи должна будетъ принять гораздо болѣе кровавый характеръ, чѣмъ всѣ другія революціи, какія только происходили въ другихъ странахъ, причемъ особенностью русской революціи будетъ то, что всѣ ужасы и жестокости будутъ исходить не отъ тѣхъ, кто возсталъ противъ своихъ притѣснителей, а отъ тѣхъ, кто желаетъ, во что бы то ни стало, удержать власть въ своихъ рукахъ и силою сохранить существовавшій до сихъ поръ порядокъ вещей, ради собственной выгоды и собственнаго удобства».

Многія изъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ находятъ, что эти ужасающія избіенія безоружныхъ гражданъ нельзя считать исключительно только «внутреннимъ дѣломъ» Россіи. Конечно, иностранныя правительства могутъ не считать себя вправѣ вмѣшиваться, могутъ воздерживаться отъ представленій, (какія сдѣланы были въ свое время турецкому султану по поводу армянскихъ избіеній), но народы всего цивилизованнаго міра должны сказать свое слово, должны потребовать наказанія убійцъ и тѣхъ, кто дѣйствуетъ и прячется за ихъ спиной.

Вообще, событія въ Россіи совершенно сбиваютъ съ толку европейское общественное мнѣніе. Умѣренная печать находитъ, что требованіе введенія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права преждевременно, но развѣ есть другое средство успокоить русское общество и народъ? спрашиваютъ эти газеты. «Journal des Débats» полагаетъ, что съ введеніемъ всеобщаго голосованія въ Россіи откроется обширное поле для политической борьбы. «Трудно вообразить себѣ, что такое будетъ представлять Россія, превратившаяся въ страну всеобщаго избирательнаго права! Но, съ другой стороны, гдѣ же

исходъ?»—спрашиваетъ газета, прибавляя, что въ такой моментъ, когда революціонное движеніе представляется наиболѣе концентрированнымъ и наилучше организованнымъ, чѣмъ когда бы то ни было, то плохимъ утѣшеніемъ можетъ служить мысль, что въ Россіи все возможно, за исключеніемъ того, что правдоподобно!

Большинство европейской печати такого мнѣнія, что все, совершающееся теперь въ Россіи,—неправдоподобно! Происходитъ отчаянная борьба между рвущимся къ свободѣ народомъ и старымъ режимомъ и на эту борьбу съ удивленіемъ и ужасомъ взираетъ весь цивилизованный міръ. «Бюрократія не легко разстается съ жизнью и въ своей предсмертной борьбѣ хватается за все», говоритъ «Times». «Но если нужны еще какія нибудь доказательства ея полнаго нравственнаго банкротства, то наиболѣе рѣзко бросающимся въ глаза признаками ея полной несостоятельности, служатъ тѣ средства, къ которымъ она прибѣгаетъ для своего спасенія, та внутренняя смута, которую она старается распространить въ странѣ. «Вооруженный *хулиганизмъ*» можетъ считаться новымъ офиціальнымъ оружіемъ въ рукахъ русскихъ властей, и примѣръ Кишинева указываетъ, что правительство въ Россіи прибѣгаетъ къ нему уже не первый разъ. Однако, когда выдвигаются на сцену подобные методы, то конецъ не далекъ. Конфликтъ между правительствомъ и народомъ все продолжается, хотя временами онъ можетъ и не носить характера открытой войны. Повидимому, и въ офиціальныхъ кругахъ происходитъ тоже борьба и то одни, то другіе элементы выплываютъ на поверхность. Большинство офиціальныхъ сообщеній вноситъ еще большую смуту въ умы своимъ безнадежно безсодержательнымъ характеромъ и неясностью. Въ особенности это надо сказать о правительственныхъ воззваніяхъ къ народу и обществу, какъ разъ въ такое время, когда агенты правительства занимаются подстрекательствомъ къ безпорядкамъ, которые приводятъ къ убіеніямъ. Если бы дѣло не было такъ серьезно, то пожалуй, можно было бы посмѣяться надъ изумительнымъ самодовольствомъ, съ которымъ написаны всѣ эти правительственныя извѣщенія. Но при существующихъ условіяхъ, подобная политическая слѣпота должна возбуждать тревогу за будущее страны. Если бы русская бюрократія прислушивалась къ тому, что говорятъ о ней за предѣлами Россіи, въ Европѣ, то ей пришлось бы выслушать нѣсколько словъ горькой правды насчетъ своего поведенія и своего сопротивленія популярной реформѣ. Такъ какъ теперь часто упоминается о французской революціи, то не мѣшаетъ напомнить, что хотя революцію и началъ Парижъ, но она сдѣлалась дѣйствительной лишь тогда, когда вмѣшались въ нее крестьяне. Правители Россіи должны помнить, въ настоящее время наступаетъ серьезный моментъ и если они могутъ предотвратить грозу, то только при помощи честныхъ и широколиберальныхъ мѣропріятій. Но если они надѣются другими средствами подавить великое движеніе, охватившее Россію, то взрывъ будетъ ужаснѣе, чѣмъ они это воображаютъ. Мы можемъ только надѣяться, для блага и спасенія Россіи, что найдутся въ этой странѣ люди, достаточно разумные, чтобы понять серьезность положенія вещей, и достаточно энергичные, чтобы начать дѣйствовать прежде, чѣмъ будетъ поздно!»

*

Между прочимъ, «Times» обращаетъ также вниманіе на то впечатлѣніе, которое производятъ въ Турціи русскія событія. Въ Константинополѣ не скрываютъ удовольствія, смѣшаннаго впрочемъ съ нѣкоторою тревогой. Въ офиціальныхъ турецкихъ кругахъ, хотя и радуются униженію русскаго правительства, но испытываютъ въ тоже время опасеніе, что паденіе русскаго деспотическаго режима поколеблетъ этотъ режимъ и въ Турціи, которая останется тогда *единственною* европейской страной, сохраняющей отжившій и доказавшій свою полную несостоятельность государственный строй. Турецкая администрація, столь же негодная и продажная, какъ и русская, боится за свое будущее. Когда въ Россіи утвердится новое правительство, главное возраженіе, которое теперь турецкія власти ставятъ на видъ европейскимъ государствамъ, падетъ само собой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тогда турецкое правительство уже не будетъ имѣть право говорить Европѣ: «Всѣ тѣ злоупотребленія, которыя вы намъ ставите въ вину, существуютъ, и даже еще въ большей степени, въ Россіи. Мы не можемъ довѣрять искренности вашихъ гуманитарныхъ побужденій, когда вы съ такимъ равнодушіемъ смотрите на страданія многихъ милліоновъ русскихъ, поляковъ, финновъ, армянъ и евреевъ въ огромной русской Имперіи, гдѣ русское правительство превращаетъ введеніе ожидаемыхъ реформъ въ какой то недостойный фарсъ!» Пожалуй, никто въ Европѣ не слѣдитъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за развитіемъ положенія дѣлъ въ Россіи. Константинопольскій корреспондентъ «Times'a» увѣряетъ, что султанъ вначалѣ тайкомъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія при видѣ тѣхъ затрудненій, съ которыми теперь приходится имѣть дѣло Россіи, его исконному врагу. Но послѣдующія событія причинили ему тревогу. Вѣдь, если русская администрація, руководствующаяся совершенно такими же принципами, какъ и турецкая, будетъ свергнута, то пожалуй и турецкую ждетъ такая же участь! Султанъ не на шутку опасается за прочность своего трона, и эти опасенія вызываютъ усиленіе репрессій и преслѣдованій со стороны турецкихъ властей. Но несомнѣнно, что несмотря на всѣ эти репрессивныя мѣропріятія, (а можетъ быть и вслѣдствіе нихъ), младотурецкое движеніе въ Турціи очень возросло за послѣднее время и возможно, что революція въ Оттоманской Имперіи наступитъ также внезапно для турецкаго правительства, какъ она наступила для русскаго. Во всякомъ случаѣ такого единенія чувствъ и опасеній, какое существуетъ въ данный моментъ между турецкимъ и русскимъ правительствомъ, пожалуй, еще никогда не существовало между ними, и въ этомъ, по мнѣнію англійскихъ газетъ, заключается своего рода иронія судьбы.

Германскія либеральныя газеты видятъ главную опасность въ непослѣдовательности русскаго правительства, въ постоянномъ лавированіи властей и ихъ недобросовѣстности. «Русскаго Царя окружаютъ люди,—говоритъ «Berliner Tag»,—которые только компрометируютъ правительство въ глазахъ народа. Единственная умная голова—Витте, да и тотъ такъ повредилъ себѣ въ общественномъ мнѣніи неопредѣленностью и шаткостью своихъ воззрѣній, что ему никто уже болѣе не вѣритъ. Но и само правительство постоянно разрушаетъ

довѣріе, которое оно желало бы создать въ народѣ, своими *псевдоуступками*» Реакціонная германская печать съ замираніемъ сердца слѣдитъ теперь за русскими событіями: а вдругъ революціонная волна перекинется черезъ границу въ Германію и зальетъ ее? Это опасеніе сквозитъ въ каждой строкѣ такихъ газетъ какъ «Post». Нѣкоторыя изъ нихъ видятъ ужъ грозный призракъ польскаго возмущенія, попытки возстановленія великой Польши, и высказываются о необходимости «принятія мѣръ»; другія же со страхомъ говорятъ о резолюціяхъ соціалъ-демократическаго ферейна въ Бреславлѣ, проектирующаго ко дню открытія прусскаго ландтага уличныя демонстраціи въ пользу отмѣны трехклассной избирательной системы. Та часть общества, представителемъ взглядовъ которой является реакціонная печать, смущается такого рода перспективами и громко взываетъ къ полиціи. Франкфуртская газета замѣчаетъ по этому поводу, что всѣ эти страхи реакціонеровъ обусловливаются «нечистою совѣстью». Польская политика германскаго правительства стремилась всегда не къ примиренію, а къ угнетенію польской національности. Теперешняя Пруссія не съумѣла пріобрѣсти симпатій въ польскомъ населеніи; наоборотъ, она вступила съ нимъ въ открытую борьбу и въ результатѣ, вмѣсто того, чтобы укрѣпить германскій элементъ въ польскихъ провинціяхъ, привела къ тому, что поляки усилились въ экономическомъ, умственномъ и политическомъ отношеніи, благодаря выросшему у нихъ самосознанію, это уже ясно проявилось на всѣхъ послѣднихъ выборахъ. Слѣдуетъ помнить, прибавляетъ газета, что всякая политика преслѣдованія всегда приводитъ къ обратнымъ результатамъ. Вѣдь только благодаря культуркампфу центръ занялъ теперь такое могущественное положеніе, а исключительные законы о соціалистахъ подготовили ихъ побѣду и обезпечили имъ три съ половиною милліона голосовъ. Это должны бы имѣть въ виду всѣ правительства, польская политика обострила національную рознь до послѣднихъ предѣловъ и если теперь реакціонная печать, въ виду событій въ Финляндіи и русской Польшѣ, испытываетъ такую жгучую тревогу, то пусть она предприметъ пересмотръ германской политики въ Польшѣ и подумаетъ о томъ, не лучше ли измѣнить эту политику? И чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше.

Императоръ Вильгельмъ снова почувствовалъ приливъ краснорѣчія и въ промежутокъ трехъ дней произнесъ двѣ рѣчи. Въ одной, произнесенной въ Дрезденѣ, онъ говорилъ о своихъ постоянныхъ усиліяхъ, направленныхъ къ поддержанію мира, а въ другой онъ провозгласилъ тостъ въ честь пороха, который «долженъ быть всегда сухимъ», и сабли, «которая должна быть всегда отточенной», словомъ, все остается по прежнему и миръ обезпечивается штыками. Тоже самое сказалъ недавно юный испанскій король, который съ гордостью заявилъ, что «миръ между націями, являющійся высшею цѣлью, къ которой стремится прогрессивное человѣчество, покоится и теперь на вооруженной силѣ, какъ на самомъ прочномъ и солидномъ фундаментѣ. Чѣмъ могущественнѣе будутъ военныя силы каждой націи, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ всеобщій миръ»! Очевидно Альфонсъ XII беретъ за образецъ Вильгельма II, въ краснорѣчіи котораго всегда слышится бряцаніе меча. Этотъ звукъ уже

всѣмъ надоѣлъ и тяжело отзывается въ сердцахъ народовъ, но каждый изъ правителей, даже такой, едва оперившійся юный монархъ, какъ Альфонсъ XII, и тотъ считаетъ нужнымъ погремѣть своей саблей. Онъ сказалъ эти слова президенту Лубэ, въ отвѣтъ на его похвалу испанскаго войска, и французскія газеты, вродѣ «Temps», «Journal des Débats» и др., спѣшатъ выразить свою полную солидарность съ такими взглядами и, сближая рѣчи обихъ монарховъ, заявляютъ, что такого рода слова должны быть произнесены каждымъ главою государства и Франція также должна воскликнуть, что она держитъ свой «порохъ сухимъ» и «шпагу отточенной». Ихъ пугаетъ резолюція соціалистическихъ партій, переданная въ центральное соціалистическое бюро въ Брюсселѣ. Эта резолюція гласитъ: «какъ только явныя или тайныя событія начнутъ внушать опасеніе, что можетъ произойти конфликтъ между правительствами и война сдѣлается возможной, соціалистическія партіи соотвѣтствующихъ странъ должны немедленно вступить въ непосредственныя сношенія и обсудить совмѣстныя и комбинированныя дѣйствія рабочихъ и соціалистовъ, направленныя къ предотвращенію и недопущенію войны. Въ то же время секретаріатъ международнаго бюро долженъ увѣдомить объ этомъ всѣ соціалистскія партіи другихъ государствъ и принять на себя руководство дѣйствіями всей международной соціалистской партіи съ цѣлью предупрежденія и недопущенія войны».

Эта резолюція въ особенности возбуждаетъ гнѣвъ французскихъ патріотовъ и этимъ можно объяснить то нѣсколько странное явленіе, что рѣчь германскаго императора о необходимости держать свой порохъ сухимъ встрѣтила такой сочувственный откликъ въ большинствѣ умѣренной французской печати. «Aurore» и «Humanitè», однако, возмущаются этою рѣчью, «Aurore» видитъ въ ней вызовъ, брошенный Англіи, и называетъ эту рѣчь «грубымъ маневромъ», разсчитаннымъ на усиленіе ненависти между двумя народами, съ цѣлью заставить ихъ вступить на наклонный путь, который обыкновенно приводитъ къ разрѣшенію вопросовъ войной. Жоресъ въ «Humanité» указываетъ къ тому же на положеніе Россіи и говоритъ: «Побѣда демократіи въ Россіи непремѣнно должна будетъ отразиться и въ Германіи. Какимъ образомъ Германія въ состояніи будетъ сохранить у себя остатки феодализма и абсолютизма, когда даже тотъ народъ восточной Европы, который всего крѣпче былъ скованъ цѣпями рабства, наконецъ заявилъ свою свободную волю? Вѣдь такимъ образомъ Германія можетъ оказаться совершенно изолированной и притомъ не вслѣдствіе дипломатическаго заговора, не вслѣдствіе плановъ нападенія враждебныхъ державъ, а вслѣдствіе того противорѣчія, которое существуетъ между основнымъ на произволѣ, кастовымъ режимомъ Германіи и всею эмансипированною европейскою демократіей. Захочетъ ли тогда германскій народъ оставаться единственнымъ народомъ въ Европѣ, подчиняющимся личной волѣ одного человѣка и притомъ такого, который, повидимому, не очень расположенъ щадить нервы Европы? Какъ разъ теперь, въ такой моментъ, когда какъ будто наступаетъ нѣкоторое успокоеніе, этотъ человѣкъ произноситъ тостъ «о сухомъ порохѣ и отточенномъ мечѣ» и порождаетъ новые тревожные толки и коментаріи и истинную или искусственную панику. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшее

развитіе событій въ Россіи наведетъ германскаго императора на другія мысли»!

На другія мысли должны были бы навести императора Вильгельма и нѣкоторыя другія событія въ самой Германіи. Слухи о новой всеобщей забастовкѣ горнорабочихъ въ Рурскомъ округѣ и о предстоящихъ демонстраціяхъ въ пользу введенія общаго избирательнаго права въ Пруссіи, усилились въ послѣднее время и несомнѣнно вызываютъ нѣкоторую тревогу въ правительственныхъ сферахъ. Въ газетахъ появляются даже намеки на то, что Вильгельмъ II можетъ искать диверсію въ войнѣ, при чемъ газеты напоминаютъ, что года два тому назадъ одинъ изъ представителей баварской аристократіи сказалъ на публичномъ собраніи въ Мюнхенѣ, что лучшимъ средствомъ для предотвращенія соціалъ-демократической опасности служитъ война. Это заблужденіе еще очень прочно держится въ высшихъ сферахъ и можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Прогрессивная германская печать считаетъ даже нужнымъ высказать свои предостереженія по этому поводу, и стоя на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія, заявляетъ, что даже такая война, изъ которой Германія выйдетъ побѣдительницей, непремѣнно должна будетъ повести за собою внутренніе безпорядки, и однимъ изъ серьезныхъ послѣдствій этого явится, конечно, усиленіе соціалъ-демократіи въ государствѣ.

Много толковъ въ Германіи возбуждаетъ также и реформа избирательнаго права въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, т.-е. введеніе всеобщей подачи голосовъ на выборахъ въ баденскій сеймъ. До сихъ поръ такая система существовала только на выборахъ въ Рейхстагъ или имперскій парламентъ, выборы же въ парламенты отдѣльныхъ государствъ производились по прусскому методу и хотя въ разныхъ государствахъ существовали разныя системы выборовъ, но общею чертой всѣхъ этихъ системъ было ограниченіе права голоса. Баденцы же, всегда щеголявшіе своимъ либерализмомъ, и на этотъ разъ пожелали опередить другія государства, введя у себя дома такую же избирательную систему, какая существуетъ въ Имперіи. Либеральная партія въ Баденѣ, хотя и обязанная своимъ могуществомъ и парламентскимъ большинствомъ прежней системѣ выборовъ, не поколебалась однако измѣнить режимъ, который, въ свое время доставилъ ей большія выгоды и содѣйствовалъ ея возвышенію. По иниціативѣ именно этой партіей была произведена реформа избирательнаго права и новый законъ, вводящій всеобщую и тайную подачу голосовъ былъ примѣненъ впервые на послѣднихъ выборахъ, результатомъ которыхъ явилось, между прочимъ, значительное ослабленіе католическаго центра, имѣвшаго до сихъ большое вліяніе въ Баденѣ, какъ и вездѣ въ западной и южной Германіи. Баденскіе католики никакъ не ожидали этого; они надѣялись, напротивъ, что всеобщая подача голосовъ доставитъ имъ возможность окончательно побить либераловъ. Глава католиковъ, аббатъ Вакеръ, велъ очень дѣятельную пропаганду и католики выставили своихъ кандидатовъ во всѣхъ округахъ, разсчитывая на тайную поддержку консерваторовъ протестантовъ и предполагая, въ случаѣ нужды, заключить «Картель» съ консервативными кандидатами. Либералы очутились, такимъ образомъ, припертыми къ стѣнѣ и,

не имѣя возможности противостоять натиску, съ одной стороны центра, съ другой соціалистовъ, вступили съ послѣдними въ союзъ. Это былъ такой же «блокъ», который въ свое время образовался во Франціи, во времена министерства Комба. Результатомъ соединенныхъ усилій этого блока явилось все же пораженіе клерикализма, такъ какъ, несмотря на всѣ старанія, центръ пріобрѣлъ только пять голосовъ противъ прежняго (вмѣсто 23 — 28), соціалъ-демократовъ же въ баденскомъ парламентѣ стало теперь вдвое больше (вмѣсто 6 — 12) и въ общемъ антиклерикальныя партіи новой палаты обладаютъ въ настоящее время 46-ти голосами противъ 28-ми центра. Антиреакціонныя партіи вообще выиграли и имѣютъ большинство въ 42 голоса противъ 31 центра и консерваторовъ. Прогрессивная германская печать привѣтствуетъ это какъ побѣду надъ реакціей. Въ первый разъ, за многія десятилѣтія,—говоритъ она—свободомыслящее бюргерство объединенными усиліями участвовало въ избирательной борьбѣ и къ нему примкнула въ минуту опасности, до сихъ поръ стоявшая отъ него въ сторонѣ, соціалъ-демократія. Если бы даже успѣхъ и не оправдалъ ожиданій, то все же одинъ этотъ фактъ, что въ данномъ случаѣ была осуществлена идея единенія въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ интересахъ наиболѣе дѣйствительной побѣды надъ реакціей, получаетъ для будущаго огромное значеніе. Очень важно и то, что всѣ опасенія, которыя возбуждалъ раньше такой непривычный боевой союзъ, всѣ предсказанія, что между союзниками произойдутъ смуты и недоразумѣнія, которыми поспѣшитъ воспользоваться врагъ, оказались совершенно неосновательными. Ряды, хотя и непривычныхъ союзниковъ, держались хорошо и ни разу не измѣнили паролю данному вождями. Газеты твердо надѣются, что примѣръ, который подали лѣвыя партіи въ Баденѣ, подѣйствуетъ и на всю остальную Германію и въ особенности на тѣ бюргерскія партіи, которыя начинаютъ понимать, что при существующихъ, трудныхъ для либерализма условіяхъ, онъ можетъ сохранить свое положеніе лишь въ томъ случаѣ, если не будетъ раскалываться и безполезнымъ образомъ тратить свои силы.

Нѣмецкая бюргерская печать съ явнымъ удовольствіемъ констатируетъ расколъ, происходящій въ соціалъ-демократическомъ лагерѣ и отразившійся недавно въ преніяхъ на происходившемъ въ Іенѣ соціалъ-демократическомъ конгрессѣ. По мнѣнію либеральныхъ газетъ рознь гнѣздится очень глубоко и хотя конгрессъ принялъ резолюціи, предложенныя Бебелемъ, тѣмъ не менѣе, прежняго единства установить не удалось! Оппозиція въ нѣдрахъ самой партіи продолжаетъ существовать и она будетъ развиваться, не взирая ни на какія резолюціи конгресса, которыя имѣютъ въ виду убѣдить публику, что соглашеніе будто бы достигнуто.

Принятіе резолюціи о всеобщей политической забастовкѣ, однако, опровергаетъ пророчества либеральной печати и указываетъ, что принципы прежняго направленія стоятъ крѣпко. Несомнѣнно, если германское правительство дѣйствительно замышляетъ ввести въ систему выборовъ измѣненія въ реакціонномъ духѣ, то ортодоксальные принципы соціалъ-демократіи восторжествуютъ и всеобщая политическая забастовка явится главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ

реакціонными стремленіями правительства. Примѣръ Россіи служитъ въ данномъ случаѣ важнымъ указаніемъ и очевидно правительство понимаетъ это, такъ какъ въ реакціонной печати появились уже замѣтки, опровергающія приписываемое правительству намѣреніе ограничить избирательное право въ Германіи. «Теперь не время этимъ заниматься», говорятъ нѣкоторыя изъ консервативныхъ газетъ, на что передовые органы печати ехидно замѣчаютъ: «Конечно, не время, теперь когда рушился главный оплотъ всѣхъ реакціонныхъ, темныхъ силъ въ Европѣ. Было бы по меньшей мѣрѣ странно, если бы въ Германіи правительство отмѣнило всеобщее избирательное право, какъ разъ въ такое время, когда русское правительство вынуждено дать его, уступая натиску общественныхъ силъ».

Но все это относится къ будущему, въ настоящее же время дѣйствительно могуществу германской соціалъ-демократіи угрожаетъ нешуточная опасность со стороны ремесленныхъ ассоціацій, которыя въ Германіи слѣдуютъ по стопамъ англійскихъ трэдъюніоновъ. Германскіе ремесленные синдикаты, подобно прежнимъ англійскимъ трэдъюніонамъ, основываютъ свою организацію на почвѣ существующаго соціальнаго строя и не слишкомъ интересуются классовою борьбой. Случается также, что они принимаютъ явно реакціонный характеръ и издаютъ даже драконовскіе регламенты, на подобіе прежнихъ корпорацій или цеховъ. Вообще, всѣ эти синдикаты стояли почти исключительно на матеріальной точкѣ зрѣнія и съ гордостью указываютъ на достигнутые ими практическіе результаты.

На Іенскомъ конгрессѣ соціалъ-демократовъ упрекали «синдикалистовъ» (не имѣющихъ офиціальнаго представительства на конгрессѣ партіи), въ ихъ эгоизмѣ, инертности, нейтральномъ отношеніи и равнодушіи къ принципамъ марксистскаго катехизиса. Бебель, въ своей рѣчи, защищался отъ обвиненія въ желаніи создать оппозицію между синдикатами и партіей, но все же онъ наговорилъ столько непріятностей синдикалистамъ, что они, несмотря на весь свой индеферентизмъ, сочли все таки нужнымъ отвѣтить на эти нападки. Взаимныя отношенія партій и синдикатовъ обострились, благодаря всѣмъ этимъ пререканіямъ и весьма вѣроятно, что, несмотря на объединяющія резолюціи конгресса, въ дальнѣйшемъ каждый пойдетъ своею дорогой. Резолюція о всеобщей политической забастовкѣ вызвала бурю негодованія въ консервативной печати, которая упрекаетъ партію въ томъ, что она желаетъ пролитія крови! Но эти негодующія статьи выдаютъ сокровенныя мысли консерваторовъ и указываютъ, что избирательному праву дѣйствительно угрожала опасность. Консервативная газета «Post», за недѣлю до важныхъ событій, разыгравшихся въ Россіи, писала въ одной изъ статей: «Конечно, ни одно правительство, ни одна буржуазная партія, ни одинъ буржуазный политикъ и публицистъ, занимающій какой бы то ни было отвѣтственный постъ, не станетъ добровольно покушаться на измѣненіе существующаго избирательнаго права. Но неслыханныя и пагубныя для государства злоупотребленія соціалъ-демократіи, пользующейся для своихъ цѣлей избирательнымъ правомъ, могутъ въ концѣ концовъ сдѣлать то, что реформа этого права станетъ вопросомъ національнаго существованія». Но

тонъ этихъ газетъ теперь измѣнился, и если германское правительство, въ самомъ дѣлѣ, лелѣяло мечты объ измѣненіи системы выборовъ, то угрозы политической забастовкой и,— еще болѣе,—осуществленіе этой забастовки въ Россіи, несомнѣнно произвели свое дѣйствіе и врядъ ли эти планы правительства будутъ приведены въ исполненіе при данныхъ условіяхъ.

Полицейскимъ государствамъ рѣшительно не везетъ въ настоящее время. Вездѣ, гдѣ спокойствіе поддерживалось лишь искусственнымъ образомъ подъ давленіемъ угрозъ и насилій со стороны властей, теперь замѣчается сильное броженіе. Большинство европейской печати видитъ въ этомъ фактѣ непосредственное вліяніе русскихъ событій. Прежде всего это отразилось въ славянскихъ государствахъ, гдѣ скрытое недовольство вырывается теперь наружу. Въ Богеміи и Галиціи были избиты полицейскіе; въ Прагѣ стрѣляли, строили баррикады и власти прибѣгли къ военной силѣ. Вездѣ волнуются, происходятъ столкновенія, чаще всего вызываемыя безтактностью власти, ея грубымъ вмѣшательствомъ и произволомъ, что въ особенности ярко выразилось въ кровопролитномъ столкновеніи въ Вѣнѣ. Вооруженное вмѣшательство полицейской власти нигдѣ не могло остановить движенія въ пользу всеобщаго избирательнаго права, и оно быстро разлилось по всей австро-венгерской монархіи. Во всѣхъ большихъ городахъ устраиваются грандіозныя демонстраціи и либеральная вѣнская печать, до сихъ поръ почему-то умалчивавшая о размѣрахъ движенія, начинаетъ теперь съ тревогой говорить объ этомъ. Англійскія и французскія газеты, не говоря уже о германскихъ, озабоченныхъ распространеніемъ этого движенія, удѣляютъ теперь австро-венгерскимъ событіямъ не меньше вниманія, чѣмъ русскимъ, съ которыми ихъ ставятъ въ извѣстной связи. «Если австрійское правительство не поторопится съ введеніемъ широкой избирательной реформы, то ему придется имѣть дѣло съ массовымъ народнымъ движеніемъ», говоритъ «Times». Въ Венгріи доведенное до отчанія правительство уже сдѣлало «скачокъ въ демократію», замѣчаютъ газеты, и оно не можетъ поступить иначе въ Австріи, такъ какъ силою нельзя надолго остановить народное движеніе. Революціонное движеніе въ Россіи оказываетъ колоссальное вліяніе на австрійское движеніе, руководство которымъ находится теперь всецѣло въ рукахъ австрійской соціалъ-демократической партіи, хотя есть въ Австріи, даже въ бюргерскихъ сферахъ, политики, вполнѣ раздѣляющіе взгляды этой партіи на избирательную реформу. Соціалъ-демократія въ Австріи носитъ, впрочемъ, нѣсколько иной характеръ, нежели въ Германіи. Классовая борьба и марксистская доктрина отодвигаются на второй планъ и на первый планъ австрійскіе соціалъ-демократы выдвигаютъ борьбу за элементарныя политическія права и соціальный прогрессъ. На послѣднемъ соціалъ-демократическомъ парламентѣ въ Вѣнѣ главное вниманіе было удѣлено вопросу объ избирательной реформѣ и о мѣрахъ, которыя могутъ заставить правительство уступить народнымъ желаніямъ. Вопросъ о массовой забастовкѣ, по примѣру Россіи, былъ поставленъ на первую очередь. Новоизбранный депутатъ соціалистъ Викторъ Адлеръ сказалъ по этому поводу горячую рѣчь, въ которой предостерегалъ свою партію отъ увлеченія фантастическими взглядами, будто проле-

таріатъ можетъ такъ, сразу, при помощи волшебнаго слова «генеральная стачка», достигнуть власти. Надо всегда имѣть въ виду тѣ силы, которыми располагаетъ рабочій классъ. Но съ другой стороны, положеніе вещей въ Австріи таково и броженіе зашло такъ далеко, что массовая стачка является именно такимъ средствомъ, которое можетъ подвинуть рѣшеніе вопроса. Адлеръ вполнѣ сознаетъ, насколько опасно это средство и какъ трудно предвидѣть размѣры борьбы, но ничего другого не остается. Признавая необходимость примѣненія такого героическаго средства, Адлеръ даетъ исходъ своему пессимистическому настроенію въ слѣдующихъ горькихъ словахъ: «Въ Австріи сдѣлано все, чтобы умалить цѣну жизни. У насъ отнята всякая возможность жить по-человѣчески. Наша жизнь становится для насъ тяжелымъ бременемъ, она заключена въ такіе тиски, что мы начинаемъ чувствовать къ ней отвращеніе, и единственное хорошее употребленіе, которое мы можемъ изъ нея сдѣлать, это—принести ее въ жертву, чтобы завоевать народамъ новую жизнь, достойную этого названія!»

Адлеръ высказывается противъ всеобщей забастовки всѣхъ рабочихъ, но видитъ хотя крайнее, но могущественное политическое боевое средство въ массовой забастовкѣ отдѣльныхъ крупныхъ отраслей промышленнаго производства, къ которому слѣдуетъ прибѣгнуть въ рѣшительную минуту. Опредѣленіе момента, когда это средство должно быть примѣнено во всей его широтѣ, должно быть, по мнѣнію Адлера, поручено делегатскому совѣту рабочихъ организацій. Партейтагъ единогласно принялъ резолюцію Адлера, послѣ того, какъ представители всѣхъ важнѣйшихъ отраслей промышленности и всѣхъ австрійскихъ національностей высказались по этому вопросу.

Обсуждая возможность осуществленія всеобщей политической забастовки рабочихъ въ Австріи, нѣмецкія газеты говорятъ, что она будетъ сопровождаться гораздо большими затрудненіями, нежели въ Россіи. Надо принять во вниманіе, что культура, а также нравственная зрѣлость и дисциплина рабочихъ въ различныхъ областяхъ Австріи весьма различна, и легко могутъ возникать столкновенія между самими стачниками, которые и дадутъ поводъ государственной власти вмѣшаться, ради интересовъ общественной безопасности. Однако, на государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ Богеміи началась частичная забастовка, которая легко могла распространиться и перейти во всеобщую стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Первыми начали рабочіе чехи, но къ нимъ вскорѣ присоединились и другіе рабочіе соціалъ-демократы. Вѣнское столкновеніе усилило раздраженіе массъ и политика оттягиванія врядъ ли можетъ быть осуществлена теперь. Газеты передового лагеря горячо упрекаютъ австрійскую интеллигенцію, что она такъ равнодушно относится къ движенію. Можно ли упрекать послѣ этого правительство, что оно дѣйствуетъ такъ уклончиво? Можно ли требовать отъ генералъ-адъютантовъ, духовенства и придворныхъ дамъ, чтобы они вдругъ воодушевились идеей всеобщаго избирательнаго права, когда сами либеральные бюргеры не хотятъ ничего слышать объ этомъ? Достаточно прочесть либеральныя вѣнскія газеты, служащія выраженіемъ взглядовъ нѣмецкаго бюргерства какъ либеральнаго, такъ и національнаго,

чтобы убѣдиться въ этомъ. Нѣмецкій національный депутатъ Праде открыто высказался въ чешскомъ сеймѣ противъ всеобщаго избирательнаго права и ни одна изъ либеральныхъ газетъ не сочла нужнымъ сдѣлать ему по этому поводу какія-либо возраженія. Ясно, что австрійскіе нѣмцы не стремятся ко всеобщему избирательному праву, которое можетъ лишить ихъ прерогативъ. Они боятся, что въ парламентѣ, основанномъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ, можетъ образоваться клерикально-славянское большинство, которое подвергнетъ опасности не только положеніе нѣмцевъ въ Австріи, но и всю австрійскую культуру. Къ этому именно сводятся всѣ разсужденія нѣмецкой либеральной печати въ Австріи, очень напоминающія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разсужденія иныхъ русскихъ газетъ, говорящихъ о неподготовленности массъ, о рискованности введенія такой широкой реформы въ странѣ съ разнороднымъ населеніемъ и т. д., и т. д. Les beaux esprits se rencontrentpartout!—и вездѣ одинаковые мотивы выдвигаются на сцену противниками широкихъ реформъ.

Парламентскій «блокъ», организовавшійся—во французской палатѣ депутатовъ для проведенія необходимыхъ и важныхъ реформъ прогрессивнаго характера, повидимому, начинаетъ расшатываться. Поведеніе Рувье въ вопросѣ о синдикатахъ учителей—чуть не привело къ окончательному распаденію блока. Дѣло въ томъ, что учителя Сенскаго департамента образовали синдикатъ, который былъ объявленъ министромъ юстиціи Шомье незаконнымъ, вслѣдствіе чего противъ организаторовъ этого синдиката было возбуждено судебное преслѣдованіе. Суду придется теперь рѣшать вопросъ о правѣ учителей составлять союзы, но въ кабинетѣ на этотъ счетъ мнѣнія раздѣлились. Рувье и Шомье оспаривали это право у учителей также, какъ и у всѣхъ лицъ, состоящихъ на службѣ государства, и хотя другіе министры не раздѣляли этого взгляда, но побѣда все же осталась на сторонѣ Рувье и въ засѣданіи палаты депутатовъ онъ, съ обычною ему рѣзкостью, заговорилъ объ этомъ, разсчитывая на то, что радикалы и радикалы—соціалисты поддержатъ его и только одни соціалисты отдѣлятся отъ блока. Поэтому онъ такъ смѣло и поставилъ вопросъ о довѣріи и хотя предложенная въ этомъ смыслѣ резолюція была вотирована большинствомъ 70 голосовъ, но по ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что это большинство ничего не имѣло общаго съ прежнимъ блокомъ. Поддержали Рувье только члены прежняго мелиновскаго большинства и правой. Значительное большинство радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ не участвовало въ голосованіи. Само собою разумѣется, что расколъ, происшедшій въ парламентскомъ блокѣ, не можетъ не отразиться на положеніи министерства, которое является собственно продуктомъ этого блока и далеко не однородно по своему составу. Въ министерствѣ находятся трое радикаловъ и радикаловъ—соціалистовъ, на которыхъ косвеннымъ образомъ падаетъ порицаніе, высказанное правительству исполнительнымъ комитетомъ ихъ партіи за то, что оно приняло воту большинства, опиравшагося на парламентскую правую. Кабинетъ Рувье далъ торжественное обѣщаніе управлять страной, опираясь только на республиканское большинство, и теперь возникаетъ вопросъ, останется ли онъ вѣренъ этому обѣщанію или же открыто

станетъ опираться на большинство, состоящее изъ умѣренныхъ съ ихъ клерикальнымъ приверженцами изъ присоединившихся (ralliés) и націоналистовъ, кооперація которыхъ категорически отвергается радикалами. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе такихъ министровъ, какъ Берро, Дюбифъ и Бьенвеню Мартенъ, станетъ очень щекотливымъ, и несомнѣнно, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, это привело бы неминуемо къ кабинетному кризису. Но кабинетъ Рувье спасаетъ въ данный моментъ неопредѣленность международнаго положенія и опасенія внѣшнихъ осложненій, что и склоняетъ радикаловъ къ большой уступчивости. Тѣмъ не менѣе, положеніе кабинета Рувье стало очень непрочнымъ.

Въ февралѣ будущаго года во Франціи предстоятъ выборы новаго президента. Лубэ, съ достоинствомъ занимавшій этотъ постъ въ теченіе семи лѣтъ, вѣроятно, былъ бы избранъ вновь, но онъ не желаетъ этого. Въ виду этого уже теперь идетъ втихомолку агитація въ пользу нѣкоторыхъ кандидатовъ на президентское кресло, и какъ увѣряютъ газеты, число аспирантовъ никогда еще не было такъ велико, какъ въ настоящее время. Между прочимъ называютъ президента сената Фальера, Леона Буржуа, Бриссона и Берто и даже Поля Дешанеля, который одно время былъ преданъ забвенію, а теперь снова выплываетъ на сцену. Кромѣ нихъ указываютъ на Думера, который старательно прокладываетъ себѣ дорогу въ Елисейскій дворецъ и противъ котораго предостерегаетъ Жоресъ въ «Humanité». Еще въ Августѣ Жоресъ писалъ, что Думеръ подвергнетъ опасности всѣ республиканскія учрежденія. Конечно, онъ не посмѣетъ коснуться ихъ формы, но постарается разрушить ихъ духъ. Его избраніе, по словамъ Жореса, было бы сигналомъ къ внутреннему распаденію республики и къ опаснымъ международнымъ осложненіямъ, поэтому газеты извѣстнаго направленія уже теперь начинаютъ противъ него кампанію. Говорятъ, что старика Лубэ усиленно уговариваютъ согласиться на переизбраніе, для того только, чтобы избавить страну отъ опасности, которая ей угрожаетъ со стороны Думера, имѣющаго, какъ говорятъ, наибольшіе шансы попасть на президентскій постъ.

Въ Лондонѣ состоялась, еще никогда не бывалая, грандіозная демонстрація женщинъ, принадлежащихъ къ рабочимъ классамъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ процессіи участвовало около 6.000 женщинъ, большинство которыхъ составляли жены доковыхъ рабочихъ, землекоповъ и чернорабочихъ, страдающихъ теперь отъ безработицы. Изможденныя лица женщинъ, ихъ бѣдная одежда, ясно указывали на тѣ лишенія, которыя имъ приходилось переносить. Большинство женщинъ были съ дѣтьми, которыхъ они несли на рукахъ или же вели за руку, если они были въ такомъ возрастѣ, что могли идти сами.

Демонстрація была устроена лондонскимъ рабочимъ совѣтомъ и комитетомъ рабочихъ представителей. Мужчины несли знамена, сопровождая каждую отдѣльную группу женщинъ. На знаменахъ были надписи: «Рабочіе всего свѣта соединяйтесь!»—«На единеніи труда покоится надежда міра!» «Безработные

требуютъ права работать!» и т. п. На одномъ изъ знаменъ, которое несла женщина, было написано: «Женщины требуютъ права голосованія, чтобы трудиться надъ соціальнымъ спасеніемъ!»—«Дайти работу нашимъ мужьямъ и хлѣба нашимъ дѣтямъ!» красовалось на другомъ знамени. Несмѣтная толпа народа сопровождала женскую процессію, направлявшуюся вдоль улицъ и набережной Темзы до зданія департамента внутреннихъ дѣлъ, гдѣ Бальфуръ долженъ былъ принять депутацію женщинъ, желающую говорить съ нимъ отъ имени всѣхъ, страдающихъ отъ безработицы, мужчинъ и женщинъ. Депутатки были избраны изъ рабочей среды; это были жены и дочери рабочихъ, не имѣющихъ занятія въ данный моментъ и поэтому наиболѣе страдающія отъ безработицы. Они были очень бѣдно одѣты, а нѣкоторыя съ дѣтьми на рукахъ, которыхъ женщины старались всячески успокоить, чтобы они своимъ плачемъ не мѣшали имъ говорить.

Членъ парламента Вилль Круксъ и совѣтникъ Лэнсбюри представили депутацію Бальфуру. Лэнсбюри сказалъ, что въ депутаціи находятся женщины изъ самыхъ бѣднѣйшихъ округовъ Лондона, южнаго и восточнаго. Онъ настаивалъ на необходимости принятія мѣръ противъ безработицы. Женщины, не ради потѣхи, организовали свою процессію, сказалъ онъ, а для того, чтобы заставить правительство обратить вниманіе на бѣдственное положеніе безработныхъ. Имъ извѣстно, что Вестъэндъ (аристократическая часть Лондона) не дѣлаетъ ничего иначе, какъ подъ вліяніемъ паники, процессія же изъ нѣсколькихъ тысячъ голодающихъ женщинъ, конечно, должна произвести впечатлѣніе и заставить Вестъэндъ выйти изъ своего созерцательнаго состоянія.

Одна изъ депутатокъ прочла петицію женщинъ восточнаго и западнаго Лондона. Женщины,—говорилось между прочимъ въ этой петиціи,—не имѣютъ права голоса и не участвуютъ въ выработкѣ законовъ, которые управляютъ ими. Онѣ долго, молча переносили свою судьбу, но теперь онѣ рѣшили требовать, чтобы парламентъ принялъ какія-нибудь рѣшительныя мѣры для борьбы съ безработицей. У нихъ не было другого способа заставить услышать свой голосъ, кромѣ демонстраціи, къ которой онѣ и прибѣгаютъ въ данную минуту. Правительство можетъ быть увѣрено, что лондонскія женщины не станутъ болѣе молчать, не станутъ скрывать свою нужду и свое униженіе, но сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы заставить, наконецъ, зажиточные классы оглянуться на тѣ бѣдствія и нищету, на которыхъ зиждется великолѣпное зданіе современнаго капитализма.

По прочтеніи этой петиціи говорили многія изъ депутатокъ и нѣсколько ораторовъ мужчинъ, взявшихъ на себя защиту требованій женщинъ. Затѣмъ выступилъ съ длинною рѣчью Бальфуръ, въ которой онъ изложилъ взгляды правительства на вопросъ о безработицѣ и его планы борьбы съ этимъ бѣдствіемъ, но и то, и другое носило крайне неопредѣленный характеръ. Бальфуръ наговорилъ много фразъ и много распространялся о безполезности и даже вредѣ временныхъ мѣропріятій, но въ сущности ничего не сказалъ такого, изъ чего можно было бы заключить, что вопросъ о безработицѣ будетъ рѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ. Вообще Бальфуръ и тутъ

остался вѣренъ своей привычкѣ «лавировать», но его искусство на этотъ разъ не было оцѣнено какъ слѣдуетъ. Руководители депутаціи, Лэнсбюри, Круксъ и др. не скрыли своего разочарованія. Конечно, Бальфуръ былъ первымъ министромъ-президентомъ, признавшимъ существованіе вопроса о безработныхъ, хотя и весьма несовершеннымъ образомъ, но все-таки онъ долженъ былъ бы глубже вникнуть въ этотъ вопросъ. «Я бы желалъ, прибавилъ Круксъ, чтобы министръ-президентъ прожилъ хоть недѣлю въ Остъ-Эндѣ, среди безработныхъ». Эти слова вызвали шумное одобреніе у депутатокъ, которыя воскликнули: «Да, идите къ намъ, поживите среди насъ!» Послѣ этого депутація отправилась на большой митингъ, гдѣ были доложены подробности свиданія съ Бальфуромъ и вотирована резолюція, выражающая ему полное негодованіе по поводу его «безнадежнаго и безсодержательнаго отвѣта депутаціи». Въ сущности то, что сказалъ министръ-президентъ, сводится къ слѣдующему: «Что я могу сдѣлать?» «Ясно, что не надо обманывать себя; не слѣдуетъ обращаться, ни къ министру-президенту, ни къ королю — это безполезно. Надо черпать силы другъ у друга и путемъ единенія и развитія духа товарищества, можно будетъ достигнуть побѣды въ борьбѣ съ косностью правительства, дѣйствуя не въ интересахъ какой-нибудь большой политической партіи, а въ интересахъ всего народа!»

Грандіозная процессія женщинъ и пріемъ депутаціи у Бальфура, все это имѣло только цѣлью произвести впечатлѣніе, заставить заговорить печать и общество и выдвинуть вопросъ о безработныхъ на первый планъ. Цѣль эта достигнута. Но на кабинетъ Бальфура не возлагается никакихъ надеждъ, такъ какъ дни его сочтены и, вѣроятно, новому парламенту придется заняться выработкою мѣропріятій для борьбы съ безработицей, которая принимаетъ грозные размѣры. За нѣсколько дней до женской манифестаціи безработныхъ, въ Лондонѣ Чэмберленъ открылъ свой агитаторскій походъ въ Бирмингэмѣ рѣчью, которую онъ произнесъ передъ своими избирателями и въ которой заявилъ, что весь его финансовый планъ построенъ на томъ, чтобы «дать работу безработнымъ Англіи». Эта забота о безработныхъ стоитъ у него на первомъ планѣ, а достиженіе болѣе тѣсной связи метрополіи съ колоніями и вообще колоніальная политика—на второмъ. Затѣмъ онъ повторилъ то же самое и въ собраніи рабочихъ. Однако, онъ не объяснилъ слушателямъ, какимъ образомъ его таможенная политика можетъ притти на помощь страдающимъ отъ безработицы, а лишь разсыпался въ увѣреніяхъ, что только такимъ путемъ будетъ достигнуто полное развитіе и процвѣтаніе отечественной промышленности и всѣ получатъ занятія. Какъ извѣстно, впрочемъ, противники его отрицаютъ благодѣтельные результаты уничтоженія свободы торговли и съ цифрами въ рукахъ доказываютъ это. Голословныя же утвержденія Чэмберлена не могли оказать никакого дѣйствія на слушателей и общее впечатлѣніе отъ его рѣчей получилось весьма неопредѣленное. Чэмберленъ съ горечью отзывался о членахъ кабинета Бальфура, котораго онъ сравнивалъ съ хромоногимъ предводителемъ войска, и въ особенности досталось при этомъ лорду Розберри, отказавшемуся поддержать его таможенный проектъ. Своимъ при-

верженцамъ Чэмберленъ заявилъ, что онъ не желаетъ складывать оружія и будетъ бороться до конца. Его поддерживаетъ увѣренность въ справедливости его взглядовъ, но эту увѣренность онъ не могъ сообщить рабочимъ классамъ, которые никакъ не могутъ взять въ толкъ, какимъ образомъ вздорожаніе жизненныхъ припасовъ и сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности, можетъ способствовать улучшенію ихъ положенія! Въ виду скораго наступленія парламентскихъ выборовъ въ англійской печати усиленно обсуждается вопросъ о либеральной партіи, которой предстоитъ теперь выступить на политическую арену, послѣ довольно долгаго промежутка времени, когда она оставалась въ тѣни. Недавно происходило торжественное открытіе статуи Гладстона, поставленной въ самомъ центрѣ коммерческаго и политическаго Лондона, вблизи Странда, и въ рѣчи, которую произнесъ по этому случаю герцогъ Девоншайрскій, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Гладстона въ либеральной партіи, разошедшійся съ нимъ въ ирландскомъ вопросѣ, были указаны между прочимъ причины, вызвавшія ослабленіе этой партіи. Прошло нѣсколько лѣтъ со смерти Гладстона и вліяніе его начало улетучиваться, а образъ его сильно поблѣднѣлъ въ глазахъ его приверженцевъ. Его собственная партія значительно отошла отъ его коренныхъ взглядовъ, хотя его имя и находится у нея на устахъ. Прежней устойчивости, энергіи и силы въ борьбѣ уже нѣтъ.

Долгіе годы политическихъ неудачъ дурно отразились на партіи. Англійскіе политики, когда они серьезно посвящаютъ себя партійной жизни, отдаютъ ей обыкновенно и всѣ свои чувства, и всѣ свои стремленія. Поэтому если партія такъ долго остается въ тѣни, какъ это было съ либеральною партіей, то вожди ея должны чувствовать это не только какъ политическое несчастье, но также, какъ личную неудачу, которая, продолжаясь долго, порождаетъ глухое недовольство и раздраженіе. Именно это и замѣчается теперь въ рядахъ либеральной партіи. Она собирается завоевать страну, но молодыхъ борцовъ у нея мало. Никто не сомнѣвается, конечно, что теперь наступилъ чередъ либеральной партіи и она встанетъ во главѣ правительства, но надолго ли? Ирландскій вопросъ остается въ программѣ либеральной партіи и ни Кэмибелль Баннерманъ, ни другіе вожди не отбрасываютъ его въ сторону, какъ это сдѣлалъ Розберри, открыто отказавшійся отъ гомрулерской программы, но всѣ они согласны между собой не трогать этого вопроса, пока это возможно. Конечно, все будетъ зависѣть отъ того, какое большинство получатъ либералы на выборахъ. Если большинство будетъ незначительное, то имъ волей неволей придется опираться на ирландскихъ націоналистовъ. Во внѣшней политикѣ партія уже значительно уклонилась отъ точки зрѣнія Гладстона и поторопилась стать на сторону внѣшней политики консерваторовъ, присоединившись къ политикѣ союзовъ и соглашеній. Въ свою программу она вноситъ «продолженіе внѣшней политики въ этомъ же духѣ» и слѣдовательно безмолвно и уже заранѣе соглашается, изъ вниманія къ союзникамъ, на увеличеніе расходовъ на флотъ и армію, вопреки взглядамъ Гладстона, считавшаго бѣдствіемъ для страны эти расходы и опасавшагося, что союзы вовлекутъ Англію въ международныя осложненія.

Во времена Гладстона въ англійскомъ парламентѣ не было отдѣльной соціалистской партіи и такъ какъ онъ на первый планъ выдвинулъ заботу о благѣ народа, о бѣднѣйшихъ классахъ, то и могъ смотрѣть на себя, какъ на перваго представителя рабочаго народа. Въ настоящее время это измѣнилось и хотя представительство рабочихъ въ нарламентѣ еще не велико, но оно, конечно, увеличится на предстоящихъ выборахъ. Организованные рабочіе, прежде подававшіе голосъ за либераловъ, теперь, конечно, будутъ приводить своихъ кондидатовъ. Все это говоритъ въ пользу того, что положеніе либераловъ въ парламентѣ будетъ не изъ легкихъ и врядъ ли новое министерство можно будетъ считать особенно прочнымъ и особенно жизнеспособнымъ. Трудно ожидать, чтобы либеральной партіи удалось вернуть свое прежнее значеніе въ парламентѣ, и по всей вѣроятности будущее принадлежитъ другимъ, болѣе крайнимъ и болѣе отвѣчающимъ требованіямъ времени партіямъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Отношеніе японскаго народа къ заключенію мира.—Антиполицейскій бунтъ въ Токіо.—Успѣхи японскаго вліянія въ Китаѣ.—Послѣдствія войны.

Въ Европѣ, повидимому, были очень удивлены тѣмъ, какъ отнеслась японская нація къ мирному договору. Англійскій журналъ «Fortnightly Review» находитъ вполнѣ понятнымъ такое удивленіе, такъ какъ въ теченіе войны японскій народъ поражалъ всѣхъ своею сдержанностью и самообладаніемъ. Ни разу онъ не далъ волю своимъ чувствамъ, несмотря на блестящія побѣды, которыя могли бы вскружить голову любой другой націи. И вдругъ теперь, послѣ того, какъ былъ обнародованъ мирный доповоръ, сдержанность куда то испарилась и спокойствіе страны было нарушено самымъ неожиданнымъ рѣзкимъ образомъ. Но чтобы объяснить себѣ это, на первый взглядъ странное явленіе, надо вспомнить, что это была первая война Японіи съ европейскимъ государствомъ, такъ какъ изъ своей войны съ Китаемъ она не могла извлечь никакого опыта относительно того, какихъ результатовъ она можетъ ожидать отъ своей побѣды надъ какою-нибудь европейскою державой. По словамъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, японцы и сами не ожидали такой блестящей побѣды надъ Россіей. Конечно, они разсчитывали на побѣду, когда начинали войну, но все же не на такую; они не думали, что Россію можно такъ легко побѣдить, такъ какъ раздѣляли господствующее заблужденіе, что Россія сильна. О неустройствахъ Россіи они имѣли лишь смутное представленіе и обнаруживавшіеся, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій непорядки въ русской арміи и во всѣхъ отдѣлахъ администраціи русской Имперіи вызывали въ Японіи величайшее изумленіе. Это изумленіе, впрочемъ, раздѣляла и европейская печать. Никто не думалъ, что самодержавный строй русскаго государства довелъ страну до такой степени разложенія, которое искусно скрывалось до сихъ поръ подъ внѣшнимъ блескомъ мишурной позолоты. Но японцы не этому обстоятельству приписали свою побѣду и потому у нихъ и

явилось преувеличенное представленіе о томъ, какую награду они могутъ за нее получить. Японская печать поддерживала это впечатлѣніе, что Японія, какъ побѣдительница, можетъ диктовать побѣжденной Россіи условія мира. Само собою разумѣется, что полученіе контрибуціи считалось непремѣннымъ условіемъ, тѣмъ болѣе, что Японіи деньги нужны, въ особенности теперь, когда по окончаніи войны ожидается сильное оживленіе промышленности. Когда же получено было извѣстіе, на какихъ условіяхъ заключенъ миръ, то оно разразилось надъ Японіей словно ударъ грома. Японское населеніе взволновалось; въ народѣ стали говорить, что результаты, достигнутые его самопожертвованіемъ на полѣ битвы, почти уничтожены совѣщаніями дипломатовъ и великая цѣль войны—прочный миръ — не достигнута. Въ Японіи всѣ читаютъ газеты, онѣ распространены даже въ самыхъ низшихъ слояхъ населенія и поэтому естественно, что настроеніе массъ должно было отразиться въ печати, которая явилась выразительницей всеобщаго негодованія на принятыя условія мира. Это негодованіе вылилось также въ массовыхъ митингахъ и въ резолюціяхъ, требовавшихъ отставки кабинета и даже продолженія войны. Въ Токіо дѣло дошло до открытаго столкновенія съ властями, но это столкновеніе исключительно было вызвано безтактнымъ и вызывающимъ поведеніемъ полиціи, не желавшей допустить митинга въ городскомъ паркѣ, толпа сломала загородки и митингъ состоялся. Быть можетъ, дѣло ограничилось бы этими платоническими заявленіями негодованія, если бы дѣйствія полиціи не подлили масла въ огонь. Возбужденная толпа направилась къ дому министра внутреннихъ дѣлъ, котораго считала отвѣтственнымъ за незаконныя дѣйствія полиціи. Нашлись горячія головы, которыя предложили сжечь домъ министра, и толпа подхватила это предложеніе. Тутъ уже произошелъ настоящій бой съ полицейскими отрядами, вызванными на защиту дома министерства, подвергавшагося атакѣ. Въ свалкѣ было убито на мѣстѣ пять человѣкъ, 553 ранено, изъ нихъ шесть смертельно. Полицейскихъ было ранено 471 человѣкъ, кромѣ того, толпа сожгла 135 участковъ изъ 288, находящихся въ городѣ. Нападенія на полицію продолжались еще втеченіе нѣсколькихъ дней, причемъ образовались летучіе отряды, преслѣдовавшія полицейскихъ градомъ камней. Такимъ образомъ это возмущеніе, которому въ Европѣ придали характеръ бунта противъ заключенія мира, въ сущности было антиполицейскою демонстраціей, такъ какъ первоначальная цѣль—выразить негодованіе по поводу мира, совершенно отошла на задній планъ, благодаря вмѣшательству полиціи, обратившей на себя негодованіе массъ. Но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, безпорядки, разростаясь, охватили весь городъ и вызвали кровопролитія и разрушенія. Чернь рѣшительно во всѣхъ странахъ склонна бываетъ къ насиліямъ и ничего нѣтъ удивительнаго, что Японія не составила въ этомъ случаѣ исключенія.

«Eurgoréen» сообщаетъ небезынтересныя данныя объ успѣхахъ японскаго вліянія въ Китаѣ. Китайцы массами отправляются въ Японію учиться. Два года тому назадъ въ Японіи было только два китайскихъ студента, а теперь ихъ 2,641. Китайскія власти всячески поощряютъ это стремленіе китайской

молодежи учиться въ Японіи и кандидатамъ, обучавшимся въ Японіи, даются на государственныхъ экзаменахъ различныя льготы; между прочимъ они избавляются отъ провинціальныхъ экзаменовъ и могутъ прямо держать только окончательные экзамены въ Пекинѣ. Китайскіе студенты, прибывающіе теперь сотнями въ Японію, раздѣляются на три категоріи: одни изъ нихъ командируются въ Японію правительствомъ, другіе—мѣстными властями, а третьи ѣдутъ на свой счетъ. Возрастъ большинства студентовъ—отъ 20 до 30 лѣтъ, но есть и болѣе старые; такъ, напримѣръ, въ университетъ Токіо поступилъ 64-хъ лѣтній китаецъ. Китайскіе студенты устроили свой собственный клубъ въ Токіо и издаютъ четыре газеты, которыя распространяются въ Китаѣ черезъ японскихъ агентовъ и проповѣдуютъ идеи реформы и доктрину: «Китай для китайцевъ».

До сихъ поръ исторію войнъ изучали всегда только съ точки зрѣнія тѣхъ причинъ, которыя ихъ вызвали; теперь же, по мнѣнію «Independent Review» ихъ надо изучать съ точки зрѣнія послѣдствій, вызванныхъ ими. На глазахъ у насъ русско-японская война привела къ совершенно неожиданнымъ и великимъ послѣдствіямъ. Страна, погрязшая въ архаическихъ порядкахъ, застывшая въ устарѣвшихъ формахъ правленія, вдругъ всколыхнулась до самой глубины. Народъ, покорно влачившій цѣпи рабства и даже готовый считать ихъ священными, начинаетъ сознавать, что въ нихъ заключались его позоръ и униженіе. И это сдѣлала война! Кризисъ, переживаемый Россіей, отразился на всей Европѣ, и кто можетъ теперь же учесть всѣ послѣдствія великаго переворота, который совершается въ русской имперіи? Россія еще не превратилась въ конституціонное государство, но она перестала уже быть автократическимъ государствомъ. Самодержавіе мечется въ предсмертныхъ судорогахъ и эти судороги вызываютъ анархію въ странѣ. Но авторъ выражаетъ твердую увѣренность, что Россія выйдетъ изъ этого испытанія, обновленной и окрѣпнетъ. Далѣе онъ говоритъ о томъ вліяніи, которое должно оказать дѣлу мира преобразованіе Россіи. Великій, неизвѣстный *X.*, который представляла изъ себя Россія, гдѣ до сихъ поръ господствовала единоличная воля государя, теперь исчезъ. Россія не будетъ больше служить оплотомъ темныхъ реакціонныхъ силъ и оплотомъ милитаризма. Прежде всего это должна будетъ почувствовать на себѣ Германія и зданіе милитаризма пошатнется. Такимъ косвеннымъ путемъ русско-японская война окажется полезной дѣлу мира. Въ заключеніе авторъ совѣтуетъ основать «Публичную библіотеку мира», гдѣ каждый могъ бы изучать съ разныхъ сторонъ вопросы, касающіеся мира и изслѣдовать разнообразное вліяніе послѣдствій войны на судьбы человѣчества.

НАКАНУНѢ ВЫБОРОВЪ.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Министерство Бальфура подало въ отставку, а вмѣстѣ съ нимъ канулъ въ вѣчность и парламентъ, избранный въ 1900 году. На основаніи закона, принятаго еще въ 1716 году, этотъ парламентъ, могъ бы еще просуществовать до осени 1907 года, когда кончилось бы семилѣтіе его полномочій. Но англійскіе парламенты живутъ не бумажными полномочіями, а общественнымъ мнѣніемъ. Послѣднее столь же измѣнчиво, какъ жизнь, и столь же неустойчиво, капризно и загадочно, какъ и желанія ребенка. Пять лѣтъ тому назадъ Англія кипѣла воинственнымъ задоромъ, видѣла во всѣхъ иностранныхъ государствахъ враговъ и завистниковъ и серьезно считала себя въ опасности, а нынѣ она готова со всѣми державами заключать братскіе союзы. Мы не говоримъ, что въ 1900 году общественное мнѣніе въ Англіи было ложно, а теперь оно право. Наоборотъ, я скорѣе склоненъ думать, что въ воинственномъ задорѣ 1900 года оно было столь же право, сколько въ миролюбіи 1905 года. Но право ли оно было или нѣтъ, вопросъ посторонній. Для насъ важно только указать на эту черезвычайную перемѣну настроенія, которую въ 1900 г. трудно было даже предвидѣть, и многіе, даже глубокіе наблюдатели народной жизни Англіи, предсказывали продолжительное господство духа имперіализма, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ все болѣе разростаться и сдѣлаться на долгое время главнымъ направленіемъ политики, и не только въ Англіи, но и во всей Европѣ и Америкѣ.

Это мрачное предсказаніе не сбылось. Напротивъ, Соединенные Штаты возстановили самостоятельность Кубы и со дня на день ожидается возстановленіе самостоятельности Филиппинскихъ острововъ. Франція заключила съ Англіей договоръ, окончательно устраняющій всякіе поводы къ взаимной распрѣ и тѣсно сблизившій оба государства сердечнымъ согласіемъ («entente cordiale»). Трансвааль и Оранжевая колоніи, получивъ представительное правительство, теперь со дня на день ожидаютъ полной автономіи (отвѣтственнаго правительства), которая фактически означаетъ безграничную (за исключеніемъ иностранныхъ сношеній) національную самостоятельность. Но что еще замѣчательнѣе, неожиданнѣе и въ милліонъ разъ важнѣе, такъ это перемѣна въ Россіи, до сихъ поръ бывшей очагомъ воинственнаго имперіализма, кошмаромъ для мирнаго процвѣтанія европейскихъ народовъ и тайною причиной всякихъ международныхъ страховъ и осложненій.

При такомъ стремительномъ потокѣ событій и при такихъ поворотахъ въ общественномъ мнѣніи законный срокъ жизни англійскаго парламента, т.-е. семь лѣтъ, является чрезмѣрнымъ и не отвѣчающимъ дѣйствительности. Такая продолжительность полномочій имѣла еще, пожалуй, смыслъ въ началѣ 18-го вѣка, когда темпъ жизни былъ болѣе медленнымъ и общественное мнѣніе не столь поворотливымъ, какъ нынѣ. Но даже и въ 18-мъ вѣкѣ средняя про-

должительность англійской палаты общинъ (о которой собственно и идетъ тутъ рѣчь, когда говоримъ объ англійскомъ парламентѣ) не превышала 5 лѣтъ. Въ XIX-мъ же столѣтіи парламентъ въ среднемъ обновлялся еще чаще, продолжая сохранять свои полномочія въ среднемъ не больше четырехъ лѣтъ. Изъ 14 парламентовъ, избранныхъ въ царствованіе королевы Викторіи, лишь шесть продолжались болѣе 5 лѣтъ, и на протяженіи всего 19-го столѣтія мы находимъ лишь три парламента, достигшихъ шести лѣтъ.

Въ виду этихъ фактовъ все громче раздаются въ Англіи требованія объ отмѣнѣ закона о семилѣтіи парламентовъ, какъ устарѣлаго и отвергнутаго самой жизнью, но все еще могущаго служить въ рукахъ правящаго большинства орудіемъ для удержанія власти. Вредное дѣйствіе устарѣлаго закона довольно ярко сказалось въ поведеніи Бальфура и консервативнаго большинства только что отжившаго парламента. Это большинство получило свои полномочія въ 1900 году, въ разгаръ военныхъ страстей, когда англійское общество боялось, что либеральная партія можетъ уступить бурамъ и тѣмъ уронить значеніе Англіи въ глазахъ иностранныхъ правительствъ готовыхъ будто накинуться на нее. Возможно, что опасенія эти были ложныя. Но таково было здѣсь общественное настроеніе, которое и дало лорду Солисбери огромное большинство въ 134 голоса. Но это настроеніе, какъ мы уже замѣтили, быстро измѣнилось, и уже въ 1902 году появились ясные признаки паденія популярности кабинета министровъ, во главѣ котораго вмѣсто Солисбери сталъ уже Бальфуръ. На происходившихъ дополнительныхъ выборахъ консервативная или, точнѣе сказать, правительственная партія стала замѣтно терять сторонниковъ, въ то время какъ оппозиція стала все больше пріобрѣтать ихъ. Число голосовъ, подававшихся за кандидатовъ первой партіи сокращалось, а второй партіи—увеличивалось. Въ нѣкоторыхъ же участкахъ перемѣна оказалась настолько поразительной, что кандидаты оппозиціи успѣвали даже отвоевать мѣста, которыя прежде на выборахъ 1900 г. и предшествовавшихъ годовъ, оказывались почти цѣликомъ на сторонѣ консервативной партіи. Таковы, напримѣръ, были участки Сѣверный Лидсъ и Бюри. Еще болѣе замѣтнымъ сдѣлалось наступившее охлажденіе къ Бальфуру изъ выборовъ происходившихъ въ 1903 г. Послѣ поразительныхъ побѣдъ оппозиціонныхъ кандидатовъ въ разныхъ участкахъ, бывшихъ раньше вѣрными «крѣпостями» правительственной партіи, какъ наприм., въ Вульвичѣ, гдѣ правительство потеряло 6.034 голоса и былъ избранъ представитель рабочихъ Крукесъ, или въ Рапѣ, гдѣ никогда прежде кандидатъ либеральной партіи не выбирался, не оставалось уже никакого сомнѣнія, что политическій маятникъ махнулъ въ другую сторону. Вѣрнымъ признакомъ потери популярности правительствомъ Бальфура послужили и частыя смѣны министровъ и выходъ изъ его кабинета такихъ политическихъ дѣятелей, какъ Чемберленъ и герцогъ Девонширскій, не говоря уже о менѣе значительныхъ, какъ лордъ Гамильтонъ, Ратчи и лордъ Бальфуръ Бэрлійскій. Такія отставки несомнѣнно свидѣтельствовали объ отсутствіи единомыслія среди самихъ вождей правительственной партіи, разбродъ и разногласіе даже въ вершинахъ ея, а тѣмъ болѣе въ низахъ, въ

народной массѣ, руководствующейся не столько сухими партійными комбинаціями, сколько настроеніями минуты. Да, все это было ясно, но все же Бальфуръ оставался при власти, опираясь на свое парламентское большинство, продолжавшее сохранять свои полномочія въ силу закона 1716 года.

Приходится, однако, признать, что особенной бѣды отъ «узурпаціи власти» Бальфуромъ не произошло. Вообще, говоря объ Англіи, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такіе политическіе термины, какъ «власть», «партія», «правительство», «оппозиція» и т. под. не только имѣютъ здѣсь совершенно другое значеніе, чѣмъ въ Россіи, но иногда даже подразумѣваютъ и совершенно противоположныя понятія. Не останавливаясь теперь на обстоятельномъ выясненіи этихъ терминовъ, какъ они понимаются въ Англіи, скажемъ лишь, что «власть» (authority) въ Англіи совершенно неизвѣстна въ полицейскомъ и административномъ смыслѣ. Такихъ «властей», какъ въ Россіи, въ Англіи нѣтъ не только въ жизни, но и въ представленіи. Полиція, министры и премьеръ-министръ не только не «власть» сама по себѣ, но ихъ прямое назначеніе это именно охрана «власти», стоящей внѣ ихъ. Строго говоря, политическая наука Англіи вовсе и не знаетъ термина власти, всецѣло принадлежащій къ юриспруденціи. «Authority» это лишь сосудъ власти, которая сама по себѣ есть лишь правовое понятіе, указывающее на лицо или учрежденіе, которому поручено *исполненіе* того или другого закона. «Узурпація власти» въ Англіи значила-бы поэтому не произволъ, не личное усмотрѣніе, а *исполненіе закона* безъ надлежащаго на то уполномочія. Въ этомъ смыслѣ можно, и то въ видѣ гиперболы, говорить объ узурпаціи власти Бальфуромъ, хотя на самомъ дѣлѣ, въ виду закона 1716 г., ни о какой узурпаціи тутъ и рѣчи не могло быть.

II.

Отчего-же однако парламентское большинство оставалось вѣрно Бальфуру, хотя во всей сторонѣ замѣчался переворотъ въ общественномъ мнѣніи? Отчего члены парламента, избранные въ 1900 г., какъ сторонники Солисбери, оставались преданными и его преемнику Бальфуру и, не взирая на явное охлажденіе своихъ избирателей, поддерживали его до того дня, покуда онъ самъ не счелъ необходимымъ сложить съ себя званіе правительственнаго главы Англіи? Этотъ вопросъ въ сущности сводится къ другому: отчего члены парламента менѣе чутки, менѣе отзывчивы на общественныя настроенія, чѣмъ ихъ избиратели?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо раньше посмотрѣть, изъ кого состоятъ члены англійскаго парламента и каковы отношенія, существующія между ними и ихъ избирателями. Раньше всего можно установить, какъ общее правило, одинаково примѣнимое какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ конституціонныхъ странахъ, то, что избиратель болѣе искрененъ, чѣмъ избираемый. Въ то время какъ послѣдній можетъ стремиться въ парламентъ изъ тщеславія, или изъ желанія получать суточныя и другія вознагражденія, выдаваемыя во многихъ конституціонныхъ странахъ депутатамъ, или изъ тайной надежды попасть въ вожди и министры, а можетъ быть и ради рекламы для своихъ

торговыхъ и иныхъ личныхъ дѣлъ,—избиратель рѣшительно никакихъ непосредственныхъ личныхъ интересовъ въ подачѣ голоса, всегда тайнаго, и не можетъ имѣть. Онъ идетъ къ избирательной урнѣ, какъ гражданинъ, ради одного лишь исполненія священнаго долга и по личной, но безкорыстной, симпатіи къ той или другой партіи, къ тому или другому кандидату или принципу. Въ этомъ безкорыстіи избирателей собственно и кроется все преимущество делегаціоннаго способа правленія (парламентизма) передъ прямымъ народнымъ (референдумомъ), такъ какъ прямое вотированіе народомъ той или другой мѣры болѣе тѣсно связано съ личными интересами вотирующихъ, чѣмъ вотированіе черезъ делегатовъ, особенно парламентскихъ, избираемыхъ не ради вотированія какого-либо опредѣленнаго закона, а на опредѣленное время. Можно поэтому смѣло сказать, не боясь грѣшить противъ истины, что искренняя преданность гражданскому долгу болѣе свойственна избирателю, чѣмъ депутату, и слѣдовательно отзывчивость его на событія и общественныя теченія болѣе чутка, онъ менѣе склоненъ къ уступкамъ, компромиссамъ и выжиданіямъ, чѣмъ его представитель въ парламентѣ. Это особенно вѣрно въ Англіи, гдѣ парламентъ наполняется совершенно особымъ классомъ людей, имѣющимъ очень мало общаго съ парламентскимъ составомъ во Франціи, Германіи, Италіи и другихъ странахъ. Вслѣдствіе особыхъ условій выборовъ, какъ и вообще условій государственнаго устройства, англійскій парламентъ притягиваетъ къ себѣ людей, менѣе всего жаждущихъ общественныхъ перемѣнъ или серьезныхъ реформъ. Это объясняется тѣмъ, что хотя въ члены парламента можетъ быть избираемъ всякій британскій подданный, достигшій 21 года, если только онъ не занимаетъ опредѣленныхъ должностей и не объявленъ умалишеннымъ, на самомъ дѣлѣ могутъ попасть въ парламентъ лишь совершенно обезпеченные и богатые люди. Членъ парламента въ Англіи не только никакого вознагражденія отъ государства не получаетъ, но, въ силу своего почетнаго и общественнаго положенія, долженъ еще нести огромные расходы, отъ которыхъ частное лицо свободно. Разныя общественныя учрежденія въ предѣлахъ его избирательнаго участка, а иногда и за предѣлами его участка, смотрятъ на него, какъ на дойную корову. Къ члену парламента обращаются за пособіемъ и поддержкой спортсменскіе клубы, церкви, благотворительные базары, разныя общества и кружки, имѣющіе цѣлью самообразованіе, развлеченіе и политическія и законодательныя цѣли. Конечно, членъ парламента не обязанъ исполнять всѣ обращаемыя къ нему просьбы о денежной поддержкѣ; и многіе дѣйствительно отказываютъ «по принципу». Однако, страхъ потерять голоса на слѣдующихъ выборахъ, желаніе быть популярнымъ и любимымъ въ своемъ участкѣ и главнымъ образомъ установившійся обычай заставляютъ даже и скупого человѣка раскошеливаться. Но если еще можно отказать въ пособіи клубу крикетистовъ, то отказать въ поддержкѣ мѣстной партійной организаціи, цѣль которой состоитъ именно въ обезпеченіи избранія соотвѣтственнаго кандидата, уже никоимъ образомъ нельзя. Такимъ образомъ, чтобы имѣть честь представлять въ палатѣ общинъ тотъ или другой участокъ, нужно быть готовымъ жертвовать ежегодно на разныя дѣла огромныя суммы. Нѣкоторые члены палаты

общинъ, жаловавшіеся въ печати на излишнія денежныя требованія, предъявленныя къ нимъ ихъ избирательными участками, опредѣляли среднюю сумму требуемыхъ отъ нихъ расходовъ въ 4.000 ф. ст. въ годъ, т.-е. около 40.000 рублей. Но это, пожалуй, исключительные случаи. Суммы-же въ 5.000—10.000 рублей въ годъ составляютъ вполнѣ обычный расходъ. Съ другой стороны несомнѣнно есть такіе члены парламента, которые тратятъ и значительно больше, чѣмъ 4.000 ф. ст. въ годъ. Еще недавно, а именно въ концѣ 1905 г., представитель лондонскаго участка Далвича, нѣкій Гаррисъ, нажившій большія деньги въ южной Африкѣ, будучи въ Японіи, вспомнилъ о своихъ «бѣдныхъ избирателяхъ» или точнѣе бѣдныхъ жителяхъ своего избирательнаго участка («poor constituents») и по телеграфу распорядился выдать всѣмъ нуждающимся топливо и одѣяла. И тысяча человѣкъ воспользовались его щедротами, при счемъ, какъ послѣ оказалось, многіе изъ попрошаекъ, занесенные въ разные писки, получали по нѣсколько одѣялъ и цѣлыми тоннами топлива (каменнаго угля). Если исключить ирландскую партію, которая организована на совершенно особыхъ началахъ, то среди остающихся 588 членовъ (всего въ палатѣ общинъ 670) можно сосчитать не большо 10—15 человѣкъ такъ называемыхъ «бѣдныхъ», о которыхъ рѣчь будетъ дальше.

Но кромѣ расходовъ, связанныхъ со званіемъ члена парламента и являющихся въ концѣ-концовъ дѣломъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли жертвователя, есть еще расходы вполнѣ необходимые и требуемые закономъ, расходы, отъ которыхъ ни одинъ парламентскій кандидатъ не можетъ отказаться. Это именно расходы по производству выборовъ.

Долгое время лежавшій въ основѣ государственнаго устройства Англіи взглядъ на функціи государства, какъ лишь на охранительныя, а не распорядительныя и административныя, неминуемо сказался и на организаціи выборовъ. По этому взгляду государство призвано только охранять свободу и неприкосновенность гражданъ, какъ и все то, что эти граждане признаютъ законнымъ; *распоряжаться-же* разными дѣлами, касающимися государства, принимать на себя починъ, устраивать общія для всѣхъ удобства (какъ жел. дороги, каналы, библіотеки и пр.), принимать на себя посредничества и вообще принимать на себя «заботы и попеченія» о населеніи—не его дѣло и всецѣло предоставлено самимъ гражданамъ, которые частнымъ ли образомъ или общественными организаціями удовлетворяютъ свои нужды. Этотъ взглядъ, особенно сильно господствовавшій въ 18-мъ столѣтіи и первой трети 19-го, еще и теперь не потерялъ окончательно своей власти въ Англіи и даже въ новѣйшемъ законодательствѣ видны его слѣды.

При такомъ взглядѣ и организація выборовъ въ парламентъ является дѣломъ для государства постороннимъ. Пусть члены парламента соберутся, установятъ тотъ или другой законъ, и государство въ лицѣ своихъ министровъ, судей, шерифовъ и чиновниковъ будетъ слѣдить за его исполненіемъ и охраной, но какъ имъ попасть въ парламентъ, какъ собирать избирателей, какъ составлять избирательные списки, гдѣ имъ производить выборы и многія другія подробности, касающіяся полученія депутатскихъ полномочій—это ихъ личное

дѣло. Такимъ образомъ по настоящее время въ Англіи сохранились еще нѣкоторые выборные порядки, которые совершенно исключаютъ изъ ряда кандидатовъ людей бѣдныхъ. Кандидатъ обязанъ уплатить изъ собственнаго кармана, если, конечно, партія за него не платитъ, содержаніе лицъ, приглашаемыхъ для присутствованія въ мѣстахъ, гдѣ поставлены избирательные ящики. Въ зависимости отъ величины участка избирательныхъ ящиковъ бываетъ иногда разставлено во множествѣ пунктовъ, въ каждомъ изъ которыхъ обязательно засѣдаетъ надсмотрщикъ, такъ называемый «presiding officer» съ двумя помощниками. Плата ихъ обходится приблизительно 60 рублей для одного пункта, а такъ какъ рѣдко попадается избирательный участокъ, въ которомъ-бы не было устроено до шести отдѣльныхъ пунктовъ для подачи голосовъ, то въ общемъ одно вознагражденіе штата надсмотрщиковъ можетъ составить рублей 400—600. Кандидаты-же обязаны платить и за помѣщеніе и даже за самые избирательные ящики. Въ каждомъ помѣщеніи, гдѣ происходятъ выборы, обыкновенно устраиваются на счетъ-же кандидатовъ особыя перегородки, куда избиратель уединяется для проставленія на баллотировочной карточкѣ знака противъ имени избираемаго имъ лица. Затѣмъ идетъ, конечно, рядъ расходовъ на агентовъ, литературу, наемъ помѣщеній для митинговъ во время предвыборной компаніи и на многія другія потребности, вызываемыя партійной борьбой. Когда-то эти расходы достигали огромныхъ размѣровъ и прямо составляли подкупъ избирателей. Въ политической исторіи Англіи извѣстны, напримѣръ, выборы, прозванные «расточительными» и обошедшіеся въ 400.000 ф. стерл. Выборы эти происходили въ 1768 г. въ Нортгемптонѣ, гдѣ между собою боролись три графа: Галифаксъ, Нортгемптонъ и Спенсеръ, потерявшихъ въ этой борьбѣ почти все свое состояніе на угощенья избирателей и ихъ друзей и на другіе тому подобные расходы.

Такое развращеніе избирателя теперь уже немыслимо. Законъ охраняетъ самостоятельность избирателя и чистоту выборовъ не только косвеннымъ образомъ, установивъ тайное голосованіе, однодневную подачу голосовъ и прочія мѣры, ограждающія отъ соблазна или страха, но и прямымъ путемъ запрещенія расходовать на выборную компанію сумму болѣе опредѣленнаго закономъ максимума, и всякое отступленіе отъ закона довольно строго наказывается. Еще большее вліяніе на чистоту выборовъ имѣло, конечно, произошедшее въ 19-мъ столѣтіи огромное расширеніе круга избирателей. Тремъ вышеупомянутымъ графамъ пришлось, напримѣръ, имѣть дѣло въ Нортгемптонѣ всего съ 930 лицами, имѣвшими право голоса. И это въ свое время считалось огромнѣйшей цифрой, такъ какъ были избирательные участки всего съ нѣсколькими избирателями и даже только съ однимъ избирателемъ. Между тѣмъ теперь этотъ самый Нортгемптонъ считаетъ свыше 12.000 избирателей, которыхъ уже по одному ариѳметическому разсчету въ 13 разъ труднѣе подкупить, чѣмъ ихъ предшественниковъ въ 1768 г.

Однако, и теперь избирательная компанія требуетъ отъ парламентскихъ кандидатовъ еще очень большихъ денежныхъ средствъ. Законы 1872 и 1883 гг., ограничивающіе расходы на предвыборную агитацію, все же до-

пускаютъ въ деревняхъ 600 ф. ст. на первыя 2.000 избирателей и по 60 ф. ст. на каждую лишнюю тысячу избирателей. Такъ что, напримѣръ, избирательный участокъ средней величины, т.-е. съ 10.000 избирателей, можетъ законнѣйшимъ образомъ поглотить 1.130 ф. ст. кандидатскихъ денегъ, не считая обязательныхъ расходовъ, требуемыхъ закономъ для вознагражденія кларковъ и пр. Въ городахъ издержки допускаются въ меньшемъ размѣрѣ. Но само собою разумѣется, что въ виду крайней трудности контроля выборныхъ издержекъ, нужно полагать, что въ дѣйствительности онѣ достигаютъ большей цифры, чѣмъ та, которая разрѣшается закономъ. Хотя, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что за каждымъ шагомъ кандидата и его агентовъ и друзей зорко наблюдаютъ его противники—кандидатъ противной партіи и друзья и агенты послѣдняго. На основаніи офиціальнаго отчета объ общихъ парламентскихъ выборахъ, происходившихъ въ 1900 году, общая сумма кандидатскихъ расходовъ составляла для Англіи и Шотландіи 605.884, а для Ирландіи 21.227 ф. ст., что на каждый поданный голосъ составляло въ Англіи 4 шилл. 3 пенса, въ Шотландіи 4 ш. 7 п. и въ Ирландіи 4 шилл. Въ среднемъ же для всего соединеннаго королевства 4 ш. 4 п. Эти цифры выведены, конечно, на основаніи отчетовъ, доставленныхъ самими кандидатами съ оправдательными документами, и къ нимъ еще слѣдуетъ прибавить 150.278 ф. ст. обязательныхъ расходовъ. Но помимо расходовъ на веденіе избирательной борьбы, отъ желающаго выставить свою кандидатуру требуются еще и предварительныя солидныя пожертвованія въ партійную кассу для цѣлей организаціи и подготовки къ борьбѣ.

Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ тому, что въ англійскій парламентъ идетъ лишь очень богатый человѣкъ. Если-же туда попадаетъ и бѣдный человѣкъ, то лишь благодаря денежной поддержкѣ той или другой партіи или же личныхъ друзей. Такимъ способомъ въ парламентъ попалъ Джонъ Бернсъ, избирательныя расходы котораго были взяты на себя либеральной ассоціаціей его участка, и личное содержаніе его было обезпечено спеціальнымъ фондомъ, составленнымъ изъ пожертвованій рабочихъ организацій. На такихъ-же началахъ въ свое время былъ членомъ парламента Семъ Вудсъ, Бертъ и нѣкоторые другіе рабочіе вожди, которые въ общемъ составляли исключеніе, подтверждающее лишь правило.

III.

Ставъ собраніемъ богатыхъ людей, не только чуждыхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, но утопающихъ въ роскоши и не знающихъ, что дѣлать съ собою, англійскій парламентъ обратился изъ колизея партій въ «самый лучшій клубъ», какъ стали его называть въ послѣдніе годы, изъ арены борьбы въ мѣсто отдыха. Терраса, идущая вдоль зданія парламента со стороны Темзы, сдѣлалась любимымъ мѣстомъ великосвѣтскихъ барынь, и въ лѣтнее время можно здѣсь видѣть десятки группъ разодѣтыхъ въ шелкъ и кружева дамъ, угощаемыхъ за мраморными столиками своими родными, друзьями или просто знакомыми изъ членовъ парламента. Пить чай на террасѣ палаты общинъ

сдѣлалось даже признакомъ великосвѣтскости и богатства и дамы изъ «приличнаго общества» добиваются этой чести особенно энергично. Не хватаетъ только оркестра музыки, конечно, струнной, мягкой, отвѣчающей нуждамъ пищеваренія и мягкаго, безшумнаго флирта.

Къ сожалѣнію, точнаго распредѣленія членовъ палаты общинъ по роду занятій нѣтъ, да и не можетъ быть. Не можетъ быть именно потому, что хотя кандидаты и заявляютъ избирательному чиновнику (returning officer) о своемъ профессіональномъ званіи, послѣднее не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности или же дается лишь въ слишкомъ общей формѣ. Такъ, напримѣръ, среди членовъ парламента считается около 150 или 200 барристеровъ (адвокатовъ). Но званіе барристера ничего не доказываетъ. Большинство англійскихъ барристеровъ въ жизни ни одного пенса адвокатурой не зарабатывали и никогда не занимались ею. Названія «полковникъ», «маіоръ», «капитанъ» также очень обманчивы и далеко не всегда обозначаютъ, что носящій военное званіе членъ парламента дѣйствительно когда-то служилъ въ арміи. Въ большинствѣ случаевъ это купцы, банкиры и прочіе, состоящіе «офицерами» въ волонтерной арміи, больше похожей на гимнастическія общества, чѣмъ на военную силу. Таковы напримѣръ, «полковники» Бэнъ, Юзъ, Денни и др. На самомъ дѣлѣ первый банкиръ, второй—солиситоръ (адвокатъ), третій—судостроитель и т. д.

Но хотя и нѣтъ точной классификаціи членовъ парламента по ихъ занятіямъ, все-таки очень не трудно получить вѣрное представленіе объ ихъ характерѣ, внимательно ознакомившись съ ихъ, хотя бы и краткими, біографіями, обыкновенно печатающимися въ первый же день ихъ избранія. Изъ этихъ біографій видно, что чуть-ли не 99 процентовъ изъ членовъ парламента принадлежатъ къ очень богатымъ семьямъ, не знавшимъ и не знающимъ нужды. Однихъ старшихъ сыновей перовъ, т.-е. членовъ палаты лордовъ, и ближайшихъ наслѣдниковъ перскаго титула, было въ палатѣ общинъ свыше 30, и за исключеніемъ лишь около ста человѣкъ всѣ члены палаты общинъ были директорами въ разныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ.

Но если сами по себѣ богатство, полная обезпеченность и роскошь жизни плохіе побудители къ выступленію въ пользу экономическихъ реформъ, о которыхъ въ Англіи собственно и можетъ только быть рѣчь, и вообще къ большимъ перемѣнамъ въ общественномъ строѣ, то косвенное ихъ вліяніе еще хуже, и въ члены парламента рвется множество людей, у которыхъ нѣтъ ни богатства, ни досуга, ни даже политическаго тщеславія, но есть огромная жажда денегъ. Правда, парламентъ не Калифорнія, никакихъ золотыхъ розсыпей тамъ нѣтъ и никакихъ гешефтовъ тамъ учинять нельзя. Но зато парламентъ придаетъ блескъ и авторитетъ, и окружаетъ ничего не говорящее имя ореоломъ почета и солидности, весьма и весьма полезныхъ на биржахъ и въ учредительскомъ (грюндерскомъ) мірѣ. Званіе члена парламента имѣетъ вполнѣ реальную денежную цѣнность, и не удивительно поэтому, что за этимъ званіемъ гонятся даже и такія лица, которыя вообще зря деньги бросать не любятъ. Благодаря этому, въ англійской палатѣ общинъ образовался даже большой контингентъ «морскихъ свинокъ», какъ въ Англіи принято на-

ывать тѣхъ изъ фиктивныхъ директоровъ акціонерныхъ компаній; которые приглашаются лишь ради рекламы и вывѣски, получая за свое имя опредѣленное вознагражденіе.

Только этимъ, враждебнымъ серьезнымъ общественнымъ реформамъ, составомъ англійской палаты общинъ (о палатѣ лордовъ и говорить нечего) и можно себѣ объяснить полное безплодіе только что закончившаго свое существованіе парламента и лидерство консервативной партіи Бальфуромъ, столь чуждымъ жизни, столь отдаленнымъ отъ истинныхъ нуждъ народа и столь равнодушнымъ къ его потребностямъ. Чтобы измѣнить характеръ палаты общинъ и сдѣлать ее дѣйствительно зеркаломъ націи и полнымъ выразителемъ ея нуждъ, необходимо устранить эти преграды, которыя въ настоящее время стоятъ на пути бѣднаго человѣка, выступающаго или желающаго выступить парламентскимъ кандидатомъ, т.-е. необходимо снять съ его плечъ бремя избирательныхъ расходовъ и обезпечить его содержаніе. Это уже давно сознали рабочіе классы, которые чисто по денежнымъ причинамъ вынуждены посылать въ парламентъ своими представителями людей богатыхъ и земельныхъ аристократовъ. Очень часто можно было видѣть картину, не лишенную комизма, какъ молоденькій, только-что выскочившій изъ Оксфорда сынъ лорда-милліонера выступалъ на выборахъ въ чисто рабочемъ участкѣ и, обращаясь къ толпѣ, состоявшей сплошь изъ тружениковъ, проводящихъ свою жизнь въ вѣчной нуждѣ, предлагалъ себя въ вѣрные «представители ихъ интересовъ». Уже вскорѣ послѣ принятія билля 1867 г., т.-е. послѣ реформы, настолько понизившей избирательный цензъ, что голосованіе на парламентскихъ выборахъ сдѣлалось доступнымъ и для милліоновъ рабочаго класса, въ средѣ трейдъ-юніоновъ началось движеніе въ пользу избранія въ парламентъ представителей изъ самихъ рабочихъ. И первымъ рабочимъ въ англійской палатѣ общинъ, попавшимъ туда именно какъ представитель рабочихъ, а не разбогатѣвшимъ выскочкой, былъ Томасъ Бертъ, сынъ нортемберлендскаго углекопа и самъ начавшій жизнь работами въ шахтахъ. Бертъ былъ избранъ представителемъ своего роднаго Морнета еще въ 1874 г. и по настоящее время удержалъ за собою этотъ участокъ. Въ 1880 г. былъ избранъ каменщикъ Бродгерстъ, а затѣмъ углекопъ Фенвикъ, столяръ Кремеръ, и нѣкоторые другіе. Въ 1892 г. были избраны Киръ Гарди и Джонъ Бернсъ, а на дополнительныхъ выборахъ въ закончившійся парламентъ попали Вильямъ Круксъ, Шаклтонъ и другіе. За двумятремя исключеніями всѣ эти члены парламента изъ рабочаго класса содержатся или содержались на счетъ своихъ трейдъ-юніоновъ и другихъ фондовъ, собираемыхъ спеціально для этой цѣли, и расходы по выборамъ несли или спеціально рабочія-же организаціи или же мѣстная либеральная ассоціація, если въ ней преобладалъ радикальный элементъ. Особенно охотно либеральныя ассоціаціи начали принимать на свой счетъ расходы по выборамъ въ этихъ случаяхъ, гдѣ либеральная партія боялась потерять мѣсто, и въ то время выступавшій рабочій кандидатъ не казался очень «страшнымъ», т.-е. не объявлялъ себя крайнимъ и независимымъ соціалистомъ.

Въ общемъ, однако, членовъ парламента не только изъ рабочаго класса, но хотя бы изъ мелко-средняго трудящагося слоя населенія было до сихъ поръ очень незначительное число, настолько незначительное, что вожди большихъ партій безъ всякаго опасенія могли ими совершенно пренебрегать. Всего въ закончившемся парламентѣ ихъ можно было насчитать, и то съ нѣкоторой натяжкой, десять человѣкъ.

Попытки, принимавшіяся нѣсколько разъ вождями рабочихъ организацій къ созданію въ парламентѣ особой партіи, которая представляла бы собою одни лишь интересы труда, до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ. Имъ мѣшали, во первыхъ, отсутствіе достаточныхъ средствъ; во-вторыхъ, разномысліе въ отношеніи программы будущей партіи и, въ-третьихъ, личные дрязги и завистливое соперничество, занимающіе—увы и ахъ!—не послѣднее мѣсто даже въ политикѣ рабочихъ вождей. И потому одна за другой лопались разныя «лиги труда», «лиги представительства труда» и другія, и по той же причинѣ совершенно неуспѣшной и даже въ нѣкоторой степени вредной оказалась и основанная Киромъ Гарди въ 1892 г. «независимая рабочая партія», влачащая свое существованіе и понынѣ.

Лишь въ 1900 г. образовалась организація, которая, повидимому, сослужитъ на ближайшихъ выборахъ большую службу представительству рабочихъ. Эта организація извѣстна подъ именемъ «комитета трудового представительства», основаннаго съ цѣлью поддержки кондидатуры лицъ, которыя обязываются держаться въ порламентѣ особнякомъ отъ либиральной и отъ консервативной партіи. Сила и преимущество этого комитета передъ другими подобными организаціями состоитъ въ томъ, что онъ не выступаетъ съ собственной экономической или политической программой и не составляетъ самъ по себѣ какого-либо отдѣльнаго общества или группы лицъ. Въ своемъ составѣ онъ лишь объединяетъ для опредѣленной и единственной цѣли разнородныя организаціи рабочихъ. Членами комитета могутъ быть только такія лица, которыя представляютъ собою рабочіе союзы (трейдъ-юніоны), независимую рабочую партію и общество фабіанцевъ. И комитетъ обязанъ оказать всяческое содѣйствіе, денежное и моральное, всякому кандидату, рекомендованному однимъ изъ примкнувшихъ къ нему обществъ и выразившему согласіе на основное требованіе комитета стоять въ сторонѣ отъ либеральной и консервативной партій.

Конечно, ближайшіе общіе выборы должны будутъ послужить пробнымъ камнемъ для вліятельности комитета. Насколько выяснилось, онъ собирается выставить теперь 51 кандидата. И если имѣть въ виду, что къ комитету примкнули свыше 160 трейдъ-юніоновъ и 73 трейдъ-юніонскихъ совѣтовъ, являющихся представителями мѣстныхъ группъ рабочихъ организацій, то можно съ нѣкоторой достовѣрностью предсказать комитету большой успѣхъ. Во всякомъ случаѣ самъ комитетъ преисполненъ розовыхъ надеждъ, какъ это видно хотя бы изъ послѣднихъ сторонъ отчета его за 1904 г. Отчетъ этотъ былъ составленъ въ январѣ 1905 года, когда ожиданія скораго распущенія парламента для новыхъ выборовъ не оправдались.

«Мы сожалѣемъ,—говорилось, въ его заключительныхъ строкахъ,—что ожиданія общихъ выборовъ въ ближайшемъ будущемъ не оправдались. Мы готовы къ битвѣ, когда бы она ни наступила, и въ большинствѣ избирательныхъ участковъ, гдѣ выступаютъ наши кандидаты, сдѣланы уже надлежащія приготовленія. Общее мнѣніе таково, что выборы наступятъ раньше срока нашей слѣдующей ежегодной конференціи. Если это мнѣніе не ошибочно, то мы убѣждены, что наши преемники по должности (члены комитета) сумѣютъ представить слѣдующей конференціи отчетъ о побѣдахъ труда, какихъ эта страна еще не знала».

Наступающіе въ Англіи общіе выборы новаго парламента имѣютъ для насъ потому особый интересъ. Для насъ не важно, кто побѣдитъ: либералы или консерваторы. За послѣднія 30—40 лѣтъ обѣ партіи настолько приблизились другъ къ другу, что никакого разстоянія уже между ними не оставлено, и издали онѣ кажутся даже слившимися во-едино. Но новые выборы должны показать намъ, насколько расширилось представительство народа въ парламентѣ и насколько богатство отступаетъ передъ напоромъ жизненныхъ требованій. Для насъ даже не интересно, попадутъ-ли въ парламентъ соціалисты или индивидуалисты, просто потому, что въ Англіи даже между первыми и послѣдними нѣтъ той рѣзкой грани, какая наблюдается въ другихъ странахъ. Гораздо любопытнѣе для насъ и куда важнѣе для ближайшихъ практическихъ интересовъ народа будущій составъ парламента со стороны его искренности. Наполнится-ли парламентъ опять тѣмъ же кисельнымъ составомъ, какъ и прежде, тѣми-же пресыщенными земными благами людьми и тщеславными или равнодушными ничтожествами, или-же въ стѣнахъ его раздастся живой голосъ живыхъ людей, чувствующихъ сами и вѣрно отражающихъ чувства великой народной массы, жаждущей обновленія, отдыха и облегченія?

Вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ и должны дать ближайшіе выборы.

С. И. Рапопортъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Декабрь. 1905 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы. — Публицистика.— Исторія.—Соціологія и политическая экономія.—Философія и психологія.— Географія.—Указатель рецензій за 1905 г. въ «библіографическомъ отдѣлѣ».— Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

О. Чюмина. „Новыя стихотворенія“.—*Беранже.* „Полное собраніе сочиненій. Т. IV.

О. Чюмина. Новыя стихотворенія. Т. III. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. Третій томъ стихотвореній г-жи Чюминой распадается на два отдѣла—стихотвореній оригинальныхъ и переводныхъ. Эпиграфомъ къ обоимъ отдѣламъ служитъ оригинальное стихотвореніе—«Свободное слово»:

Свободное слово, безсмертное слово,
Ты—пламенной свѣточъ во мракѣ былого,
Ты гибло въ темницахъ, среди рудниковъ,
Томилось въ неволѣ подъ гнетомъ оковъ;
Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча;
Свободное слово, великое слово,
Въ плѣну у насилья, у коршуна злого,
Къ скалѣ пригвожденный титанъ Прометей,
Ты рвешься на волю изъ цѣпкихъ когтей.
Но годы промчатся—ты смѣло воспрянешь,
И, сильное правдой, любовью, добромъ,
Съ зарею надъ міромъ побѣдно ты грянешь,
Какъ божій ликующій громъ.

Читая теперь это стихотвореніе, когда всѣ газеты закрыты, рядъ редакторовъ и сотрудниковъ ихъ арестованы, противъ массы повременныхъ изданій возбуждено преслѣдованіе,—невольно вспоминаешь шутливую пѣсенку:

Рано пташечка запѣла,
Какъ-бы кошечка не съѣла...

По отношенію къ почтенному автору предсказаніе это сбылось съ буквальной точностью, такъ какъ г-жа Чюмина обвинялась нынѣ по 126 ст., угрожавшей ей всякими жупелами до каторжныхъ работъ включительно, и отъ предварительнаго ареста г-жа Чюмина отдѣлалась, внеся 1.000 р. залога. Краткій періодъ «свободнаго слова» закончился ввереженіемъ въ узилище его служителей, и пока (15-го декабря) не предвидится, когда и чѣмъ закончится вновь наступившій періодъ «каторги слова». Русскому читателю къ нему не привыкать, да и не одинокъ онъ въ новой борьбѣ за свободу слова. Воспрянулъ великій читатель—свободный народъ. «Енъ достанетъ», какъ говоритъ у Щедрина про мужика-плательщика его угнетатель чиновникъ. И мы говоримъ тоже: «ёнъ достанетъ» и себѣ, и намъ крѣпкую свободу, которую не отыметъ у насъ тотъ или иной указъ того или иного временнаго диктатора.

Бодростью, вѣрой и надеждой проникнуты всѣ оригинальныя стихотворенія третьяго тома. Значительная часть его помѣщена была у насъ, почему намъ и не приходится отмѣчать ихъ достоинства. Прекрасный стихъ, выдержанное настроеніе, красивыя описанія — составляютъ обычныя черты большинства стихотвореній г-жи Чюминой. Въ отдѣлѣ переводовъ, на ряду съ классиками В. Гюго, Бодлэромъ, Тэннисономъ, отведено много мѣста новѣйшимъ поэтамъ, съ которыми почтенный авторъ неутомимо знакомитъ русскихъ читателей, сближая ихъ съ такими новѣйшими представителями европейской поэзіи, какъ Верленъ, Роденбахъ, Ренье и др. Г-жа Чюмина, владѣя блестящимъ стихомъ, много сдѣлала для этого сближенія, и въ этомъ ей принадлежитъ большая заслуга въ русской литературѣ. *А. Б.*

Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ поэтовъ, подъ редакціей С. С. Трубачева, т. IV. Изд. П. Ѳ. Пантелѣва. СПБ. 1905 г. Четвертымъ томомъ заканчивается собраніе пѣсенъ Беранже: предшествующіе тома этого изданія уже позволяли въ извѣстной степени судить о достоинствахъ и недостаткахъ послѣдняго съ внѣшней и внутренней стороны. Какъ и въ предпослѣднемъ томѣ *), большинство переводовъ принадлежитъ А. Коринфскому; нѣсколько стихотвореній помѣщено въ переводѣ Курочкина, и по одному — въ переводахъ Костомарова, Ленскаго, Михайлова и *Иванъ-да-Марьи*. Въ книгѣ напечатанъ критическій очеркъ г. А. Троицкаго, пытающагося дать общую характеристику поэзіи Беранже. Объ этомъ очеркѣ необходимо сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ обратиться къ самимъ переводамъ.

Г. Троицкій, давая довольно вѣрное освѣщеніе настроенія французскаго общества въ эпоху, когда писалъ Беранже, и указывая, насколько творчество послѣдняго было въ духѣ и во вкусѣ его публики—не всегда даетъ правильную оцѣнку этого творчества. Онъ вполнѣ основательно выдвигаетъ значеніе политической сатиры Беранже, его нападокъ на реакціонное правительство, на іезуитовъ, на католическихъ мраколюбцевъ вообще, его вылазокъ противъ буржуазнаго общества—остроумныхъ и дерзкихъ, отличающихся, если не силою и глубиною, то мѣткостью, веселостью, блескомъ, и тѣми чисто національными особенностями французскаго духа, для которыхъ существуютъ непереводимыя слова «entrain» и «verve». Но г. Троицкій, повидимому, мало улавливаетъ характеръ поэзіи Беранже въ тѣхъ пѣсняхъ, предметомъ которыхъ не является сатира, во всѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ прославляется вино, веселье, любовь (или вѣрнѣе чувственное наслажденіе). Въ этихъ пѣсняхъ сказался духъ той толпы, которая рукоплескала ихъ творцу, духъ «легкой» поэзіи—чуждой глубины, чуждой идеала въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, ищущей удовольствія и забавы: больше ничего. Напрасно г. Троицкій, большой поклонникъ знаменитаго «лейбъ-поэта французскаго народа», хочетъ представить этого поэта инымъ, чѣмъ онъ былъ. Беранже сынъ своей страны, своей эпохи и опредѣленной соціальной группы; указывать на это не значитъ ставить ему это въ вину. Та публика, та *толпа*, изъ которой вышелъ Беранже, была чужда глубокихъ духовныхъ запросовъ, нравственныхъ убѣжденій, сознательнаго міровоззрѣнія. По словамъ самого г. Троицкаго, «чувства Беранже никогда не возвышаются» надъ чувствами этой толпы. Онъ можетъ быть серьезенъ и идеалистиченъ только въ одной области: въ своемъ *патріотизмѣ*. Во всемъ остальномъ онъ безпринципенъ, легкомысленъ и часто былъ-бы тривіаленъ, если-бъ его не спасало изящество формы. Поэтому-то чтеніе подрядъ его произведеній и оставляетъ зачастую впечатлѣніе такой ужасающей нравственной пустоты... г. Троицкій совершенно не замѣчаетъ этого; и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, защищаетъ Беранже отъ

*) Разборъ его см. „Міръ Божій“ за 1904 г. № 5.

обвиненія въ безнравственности и легкомысліи, доходя до курьезнаго утвержденія, что произведеніямъ Беранже чужда чувственность. Въ отвѣтъ на это надо бы спросить, что думаетъ авторъ критическаго очерка о такихъ произведеніяхъ, какъ «La bacchante», «Le saint», «La gaudriole», «La bonne fille», «L'éducation des demoiselles» и т. п?.. Конечно, въ нихъ нѣтъ «безнравственности» въ смыслѣ явнаго воспѣванія разврата *) нѣтъ разнузданнаго цинизма какого-нибудь Беккаделли. Но грязноватые намеки, беззаботно шутовское отношеніе къ чувству любви, весьма откровенныя и только по языку «приличныя» картины чувственнаго удовольствія, по поводу всего этого легкій смѣшокъ веселаго «blagueur'a»,— все это наполняетъ подобныя произведенія, а въ итогѣ они даютъ впечатлѣніе безсознательнаго и глубокаго нравственнаго паденія. Жаль, что г. Троицкій не ознакомился съ превосходной характеристикой Беранже въ книгѣ Шахова, «Очеркъ литературныхъ движеній XIX вѣка»; «быть можетъ образъ французскаго поэта представился-бы ему тогда въ болѣе правильномъ свѣтѣ. Врядъ ли онъ тогда высказывалъ-бы столь сомнительныя положенія и относительно религіозности Беранже, какъ онъ это дѣлаетъ на ст. X, весьма некстати цитируя пѣсню «Les deux soeurs de charité». Быть можетъ, прочтя главу Шахова, г. Троицкій лучше понялъ бы смыслъ своего собственнаго заявленія: «когда же (Беранже) напѣваетъ gaudriole, то пѣсню подхватываютъ *всѣ парижскія предмѣстья, таверны и кабаки*» **)...

Но во всякомъ случаѣ, Беранже поэтъ крупный и оригинальный. Его патріотическіе мотивы, нѣкоторыя картинки нравовъ, нѣкоторыя лирическія вещи, большинство сатиръ—по праву пользуются своею блестящею славою. Это истинные цвѣтки поэзіи.

Поэтому приходится лишній разъ пожалѣть о недостаткѣ въ Россіи хорошихъ поэтовъ—переводчиковъ. Коринфскій—безспорно даровитый въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ—какъ переводчикъ, стоитъ мѣстами ниже посредственности. У него пропадаетъ все изящество, вся мелодичность и грація подлинника—что вовсе не искупается точностью перевода. Что сказать о такихъ стихахъ («Дочь Дьявола»):

Принявъ видъ юноши, коварный сатана,
Въ годъ появленія страшившей міръ кометы,
Разъ встрѣтилъ въ Римѣ дѣвушку... Она
Отцемъ вдругъ сдѣлала его, сама-жъ скончалась.

Въ стихотвореніяхъ «Нашъ пѣтухъ», «Цыганка», «Сирена» есть крупныя ошибки. Вдобавокъ, у г. Коринфскаго несчастная наклонность—употреблять ямбъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этотъ размѣръ наименѣе подходитъ къ формѣ и содержанію подлинника.

Читатель отдыхаетъ на переводахъ Курочкина, но ихъ въ книгѣ очень мало. Главнымъ достоинствомъ изданія являются благія намѣренія издателя—дать русской публикѣ полное собраніе пѣсенъ Беранже. Надо надѣяться, что по этому пути съ лучшими результатами пойдутъ другіе.

Издана книга неважно. Рисунки всѣ скверно отпечатаны, а иные и сами по себѣ плохи. Въ оглавленіи перепутаны нѣкоторыя страницы.

С. Свириденко.

---

*) И то не всегда. „La cantharide“ заслуживаетъ и такого „упрека“.
**) Курсивъ нашъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Радищевъ. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву".—*Лео Бергъ.* „Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1905 г. СПБ. Цѣна 2 руб. Сто пятнадцать лѣтъ должно было пройти, чтобы русское общество имѣло, наконецъ, возможность прочесть замѣчательное произведеніе своего перваго проповѣдника политической свободы. Сто пятнадцать лѣтъ нужно было, чтобы всячески подавить интересъ къ этой книгѣ и стереть изъ памяти имя ея автора. Но общество съ честью вышло изъ борьбы съ необузданнымъ самовластіемъ: оно никогда не забывало ни «Путешествія», ни Радищева. Мало кто имѣлъ возможность прочесть это завѣщаніе славнаго родоначальника русскаго оппозиціоннаго движенія, но всѣ знали, что оно велико и замѣчательно. Впервые «Путешествіе» было переиздано Герценомъ въ 1858 г., въ Лондонѣ, но не могло считаться удовлетворительнымъ, потому что печаталось съ очень неисправнаго списка. Черезъ десять лѣтъ купецъ Шигинъ сдѣлалъ легальное изданіе, страшно обкарнавъ книгу въ угоду предержащей власти. Въ 1872 г. П. А. Ефремовъ попробовалъ издать всѣ сочиненія Радищева, но вмѣсто магазиновъ они попали въ костеръ, разложенный по приказанію гнавшаго литературу комитета министровъ. Зъ 1888 году благонамѣренному г. Суворину, въ видѣ особой любезности, было разрѣшено напечатать не болѣе 100 экземпляровъ «Путешествія» и не дешевле 25 рублей... Въ 1901 г. оно неисправно было напечатано въ «Библіографическомъ описаніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ» А. Е. Бурцева, а изданное отдѣльно въ 1903 г. П. А. Картавовымъ было вновь сожжено на министерскомъ кострѣ... Наконецъ, теперь, когда костра уже не разложишь и книгу не запретишь, «Путешествіе» появляется и, что особенно пріятно, въ прекрасномъ изданіи. Здѣсь мы имѣемъ не только вполнѣ исправное, но чисто научное изданіе. Воспроизведя «Путешествіе» по изданію самого автора 1790 г., издатели дали точныя и весьма подробныя указанія добавленій и разночтеній по подлинной рукописи, хранящейся въ государственномъ архивѣ. Съ точностью до послѣдняго слова вы видите и то, что было напечатано, и то, что было написано. Кромѣ того, въ книгѣ приложены двѣ статьи издателей: «Жизнь Радищева»—Н. П. Павлова-Сильванскаго и «Рукопись Путешествія»—П. Е. Щеголева. Съ точностью и обстоятельностью, свойственной обоимъ молодымъ авторамъ, написаны обѣ статьи, при чемъ первая хорошо знакомитъ читателя съ личностью Радищева и судьбою его произведенія. Приложенная библіографія біографіи и сочиненій автора позволяетъ каждому ознакомиться съ предметомъ въ исчерпывающей полнотѣ. Наконецъ, очень хороша и геліогравюра лучшаго портрета Радищева. Внѣшній видъ изданія не оставляетъ желать лучшаго. Вообще, надо надѣяться, что издатели встрѣтятъ со стороны читателей самую искреннюю благодарность.

Мих. Л—е.

Лео Бергъ. Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ. Перев. Л. Горбуновой. Москва. 1905 г. «Модное» заглавіе книги Берга можетъ вызвать въ настоящее время нѣсколько недовѣрчивое отношеніе у серьезнаго читателя, потому что къ сверхчеловѣку скоро можно будетъ примѣнить, mutatis mutandis, знаменитыя слова Гоголя о *добродѣтельномъ человѣкѣ*—«потому что праздно вращается на устахъ слово *сверхчеловѣкъ*, потому что обратили въ лошадь сверхчеловѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ чѣмъ ни попало»... Такое недовѣрчивое отношеніе, въ нѣ-

мецкомъ изданіи вызываемое въ извѣстной степени уже крикливою внѣшностью книги *), далеко не вполнѣ оправдывается ея содержаніемъ.

Безъ сомнѣнія, критическое изслѣдованіе о литературномъ и идейномъ значеніи «сверхчеловѣка» представляетъ живой и серьезный интересъ. И *планъ* Берга — прослѣдить это своеобразное культурное явленіе, этотъ сложный образъ, въ его возникновеніи и развитіи, привлекая къ разсмотрѣнію вопроса возможно большее количество матеріала—такой планъ слѣдуетъ признать вполнѣ удачнымъ. Удачнымъ оказывается и выполненіе отдѣльныхъ его частей: разсмотрѣніе элементовъ «сверхчеловѣчности» въ міросозерцаніяхъ различныхъ представителей духовной культуры XIX вѣка; сжатыя, порою выпуклыя и содержательныя характеристики; далекая отъ шаблона, богатая парадоксами и крайностями, но отнюдь не бѣдная мыслями, литературная критика. Своеобразіе взглядовъ Берга и его рѣзкость могутъ производить непріятное впечатлѣніе; однако, безспорная даровитость и оригинальность дѣлаютъ цѣннымъ знакомство съ этими взглядами. Подкупаетъ въ пользу автора и форма его произведенія—живой, изящный, мѣстами блестящій языкъ.

Но въ цѣломъ задача Берга, повидимому, оказалась ему не по силамъ. На первыхъ же порахъ онъ погрѣшилъ сбивчивостью въ постановкѣ основного вопроса: что такое сверхчеловѣкъ? Съ одной стороны рисуя послѣдняго какъ образъ, присущій спеціально XIX вѣку, авторъ, съ другой стороны, такъ расширяетъ понятіе «сверхчеловѣчности», что подъ него можетъ подойти вообще *всякое проявленіе могучей, опирающейся на самое себя, человѣческой индивидуальности.* Но представителей *такой* сверхчеловѣчности можно и должно искать гораздо раньше XIX столѣтія. Въ ихъ число попадутъ и тѣ древніе сѣверные викинги, которые, какъ Сигмундъ Брестиссонъ, не вѣрили въ боговъ и не считались съ людьми, а «вѣрили только въ себя и въ свою силу»; сюда же надо будетъ отнести и всѣхъ сильныхъ индивидуалистовъ классическаго міра и Ренессанса. Нѣтъ основанія игнорировать эти личности, при столь широкомъ опредѣленіи «сверхчеловѣка», которое, хотя и не дается Бергомъ, но прямо вытекаетъ изъ его изложенія. Нѣтъ основанія говорить, что «въ нашемъ столѣтіи народился новый богъ» (стр. 3 нѣмецк. изд.). Въ крайнемъ случаѣ, слѣдовало бы сказать, что въ этомъ столѣтіи съ новой силою *возродился* богъ, періодически нарождавшійся и нарождающійся въ исторіи человѣчества. Послѣднее само едва ли не старѣе *основныхъ свойствъ* сверхчеловѣка, какъ его рисуетъ Бергъ.

Игнорируя первоначальный генезисъ и болѣе раннія проявленія этихъ основныхъ свойствъ, авторъ съ тѣмъ бо́льшимъ усердіемъ изучаетъ ихъ въ современности, вслѣдствіе чего ему почти не остается мѣста для разсмотрѣнія специфическихъ особенностей *сверхчеловѣка XIX столѣтія.* И какъ разъ объ этомъ, современномъ, сверхчеловѣкѣ читатель не выноситъ опредѣленнаго представленія изъ сочиненія, заставляющаго ожидать развитія и обстоятельнаго разбора именно этой стороны вопроса.

На ряду съ основной неправильностью постановки, приходится отмѣтить другой недостатокъ книги: стремленіе къ всеобъемлемости, вырождающееся въ хаотичность. Авторъ заваливаетъ читателя колоссальнымъ, не соотвѣтствующимъ объему книги, обиліемъ самаго разнороднаго матеріала. Ансельмъ Кентерберійскій, Эврипидъ, Дарвинъ, Бисмаркъ, Ломброзо, Силезіусъ, Рабле́, Достоевскій... цитаты, имена, мнѣнія, заглавія смѣняются съ головокружительной быстротой, безостановочно несутся передъ читателемъ, точно льдины во время ледохода, громоздясь одно на другое, взаимно тормозя, сдавливая и

*) На синей обложкѣ виньетка въ импрессіонистскомъ стилѣ, изображающая обезьяну, прикрывающуюся маскою льва (Leipzig. 1897).

*

уродуя другъ друга. У Берга недостаетъ систематичности и послѣдовательности, чтобы дать читателю прочную руководящую нить въ этомъ движущемся лабиринтѣ.

Переводъ г-жи Горбуновой свободенъ отъ крупныхъ промаховъ, но хорошимъ его назвать нельзя. Мелкихъ неточностей много, встрѣчаются непростительныя ошибки въ собственныхъ именахъ (стр. 180). Негибкій, тяжелый, мѣстами неряшливый слогъ совершенно не передаетъ прекраснаго языка оригинала.

С. Свириденко.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Новомбергскій. „Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи".

Н. Новомбергскій. Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Лекціи, читанныя въ Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Спб. 1906 г. 302 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. Какъ лекціи въ высшемъ учебномъ заведеніи, эта книжка врядъ ли можетъ быть признана удовлетворительной: въ ней недостаетъ серьезнаго анализа законодательствъ о печати въ названныхъ государствахъ, недостаетъ и болѣе основательнаго знанія предмета. Но какъ работа для широкой публики, она должна быть признана очень удачной компиляціей довольно многочисленныхъ источниковъ. Читатель получаетъ свѣдѣнія по положенію дорогого для него вопроса—свободы слова—въ трехъ главныхъ европейскихъ государствахъ; узнаетъ, какъ развивалась тамъ временами система гнета и респрессій, не хуже нашей николаевской; какъ въ иныя эпохи общество, правда иногда ненадолго, вырывало свободу своей печати изъ рукъ деспотовъ и политическихъ авантюристовъ; какъ обманывали народъ и издѣвались надъ его, разумѣется, небезконечнымъ терпѣніемъ и т. д., и т. д. И когда читатель, дойдя до половины книги, хочетъ сказать: «какія все это родныя картинки»—ему открывается и домашнее, родное цензурное строительство деспотизма. Какъ и при обзорѣ Европы, здѣсь авторъ не сказалъ ничего своего, вторая половина его работы заимствована изъ общеизвѣстныхъ работъ спеціалистовъ русской цензуры и журналистики, но сводка эта сдѣлана живо и общедоступно. Есть неточности, есть несовсѣмъ правильное пониманіе законодательныхъ актовъ, но не въ такихъ, однако, рамкахъ, чтобы всю картину можно было назвать невѣрной.

М. Л—ке.

ИСТОРІЯ.

А. Дмитріевъ-Мамоновъ. „Декабристы въ Западной Сибири".

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири. Историч. очеркъ по оффиц. документамъ. Съ 35 фото-типогравюрами. Спб. 1905 г. Стр. 259, ц. 2 р. 50 к. Въ дни, когда русское общество только что поднялось на первую ступень того новаго конституціоннаго строя, о которомъ мечтали незабвенныя историческія личности 1825 г. и за попытку осуществленія этой благородной мечты заплатили длиннымъ рядомъ лѣтъ изгнанія и горя,—особенно умѣстно и желательно всякое историческое произведеніе, посвященное ихъ священной памяти. Первая глава книги г. Дмитріева-Мамонова, вышедшей 2-мъ изданіемъ (1-ое въ 1895 г.) посвящена тѣмъ общимъ условіямъ жизни декабристовъ въ Запад. Сибири, въ которыя ихъ ставило петербургское пра-

вительство и мѣстная высшая администрація. Несмотря на то, что Николай I сказалъ по поводу одной просьбы Штейнгеля, что «въ душѣ онъ ихъ всѣхъ простилъ давно»,—на самомъ дѣлѣ цѣлый рядъ распоряженій изъ Петербурга во время пребыванія декабристовъ въ Сибири показывалъ, что тамъ ихъ и ненавидѣли, и боялись. Письма декабристовъ въ Россію должны были черезъ мѣстное начальство препровождаться въ III отдѣленіе. Можно себѣ представить, черезъ сколько времени доходили ихъ письма до родственниковъ. Самъ Николай I требовалъ, «чтобы всѣ частныя сношенія государственныхъ преступниковъ и ихъ семействъ съ Россіей производились не иначе, какъ черезъ одного мѣстнаго генер.-губернатора». При этомъ требовалось, чтобы письма писались разборчивымъ почеркомъ (иначе ихъ совсѣмъ не отправляли): признакъ, что ихъ читали высшіе чины III отдѣленія. Правительство опасалось, чтобы въ распоряженіи декабристовъ не оказалось много денегъ, и потому имъ позволялось получать лишь опредѣленныя суммы въ опредѣленные сроки. Имъ запрещалось имѣть огнестрѣльное оружіе, отлучаться изъ мѣстъ поселенія (что очень вредило тѣмъ изъ нихъ, которые хотѣли бы заняться земледѣліемъ). Если они строили себѣ дома—за этимъ учреждался строгій надзоръ. Имъ не позволено было даже снимать съ себя портреты и «отправлять къ родственникамъ и къ кому бы то ни было», какъ объ этомъ письменно распорядился самъ Николай I. Мстительность правительства доходила до того, что даже вдовы декабристовъ находились подъ надзоромъ и имъ нельзя было возвращаться въ Россію. Правительство отняло у декабристовъ дѣтей, рожденныхъ до 1825 г., и не позволило родителямъ видѣться съ ними. Въ 40 годахъ оно даже рѣшило отобрать у декабристовъ дѣтей, родившихся уже въ Сибири, лишить ихъ родовыхъ фамилій и запереть въ казенныя учебныя заведенія. Словомъ, самодержавный абсолютизмъ въ лицѣ Николая I и его достойныхъ сподвижниковъ, чѣмъ только могъ, преслѣдовалъ и мстилъ провозвѣстникамъ русской свободы до самой смерти императора.

Книга составлена исключительно по оффиціальнымъ даннымъ, находящимся въ западно-сибирскихъ архивахъ, и потому конечно, является одностороннимъ, хотя и цѣннымъ, пособіемъ для біографіи декабристовъ въ западно-сибирскій періодъ ихъ жизни. Ихъ переписка (къ счастію, они имѣли возможность посылать свои письма помимо почты, частнымъ образомъ, «съ оказіей»), воспоминанія ихъ самихъ и сибиряковъ-современниковъ о нихъ—вотъ основныя матеріалы для біографій, а данныя чисто оффиціальныя являются лишь безпорно точными вехами, которыя оттѣняютъ наиболѣе рѣзкіе контуры внѣшней жизни декабристовъ. Въ книгѣ г. Дмитріева-Мамонова находятся данныя относительно 39 декабристовъ. Изъ 22 портретовъ только 15 представляютъ декабристовъ, поселенныхъ въ запад. Сибири. Большая часть портретовъ уже воспроизведена въ «Рус. Стар.», въ книгѣ Шильдера «Имп. Никол. I» (г. Дм.-Мам. повторяетъ и ошибку Шильдера, принявъ портретъ С. И. Муравьева Апостола за портретъ его брата Матвѣя Ивановича), и въ «Запискахъ» кн. Волконскаго и Якушкина. Дома Волконскаго, Трубецкого и Бестужева въ Чигѣ, кажется, воспроизведены впервые по фотографіямъ 80-хъ годовъ. Интересны виды читинскаго астрога и Туровскаго завода. Изъ портретовъ женъ декабристовъ въ книгу вошли портреты Волконской, Трубецкой и Анненковой

П. Г.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Б. Веселовскій. „Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ“.—*Ю. Лавриновичъ.* „Рабочіе союзы“.—*Карлъ Марксъ.* „Классовая борьба во Франціи въ 1848 г. до 1850 г.“.—*Карлъ Марксъ.* „Гражданская война во Франціи (1870—1871 г.)“.—*К. Каутскій.* „Эрфуртская программа“. „Общественная реформа“.—*А. Бебель.* „Будущее общество“.

Б. Веселовскій. Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ. Выпускъ первый. СПБ. 1905 г. Ц. 40 коп. Брошюра г. Веселовскаго, какъ показываетъ ея заглавіе, посвящена очень важному и чрезвычайно острому въ настоящій моментъ вопросу. Къ сожалѣнію, авторъ ея далеко не исчерпалъ вопроса, а лишь затронулъ нѣкоторыя его стороны, обѣщая, впрочемъ, обосновать свои взгляды болѣе солидно въ слѣдующихъ выпускахъ. Тѣмъ не менѣе и въ теперешнемъ своемъ выполненіи работа г. Веселовскаго можетъ сослужить полезную службу для тѣхъ многочисленныхъ наивныхъ русскихъ людей, которые видятъ въ большинствѣ либеральныхъ земцевъ не либеральныхъ аграріевъ, а какія то фантастическія внѣклассовыя существа, способныя дѣйствовать въ противорѣчіе съ классовыми интересами своей группы. Основная цѣль брошюры—доказать, что теперешнее земство является представителемъ одного опредѣленнаго класса населенія, именно средней буржуазіи, и что даже въ высочайшіе моменты своей альтруистической дѣятельности оно не проявляло рѣшительно никакого соціальнаго самопожертвованія. Авторъ умѣло группируетъ находившійся въ его распоряженіи довольно небогатый фактическій матеріалъ и прослѣживаетъ свою основную идею на цѣломъ рядѣ жизненныхъ теченій. Онъ приходитъ между прочимъ къ заключенію, что классовой характеръ русскаго земства оставался долго неяснымъ для широкихъ круговъ населенія потому, что въ самомъ земствѣ не было классовой борьбы, а ея не было вслѣдствіе того, что положенія 1864 и 92 гг. обезпечили подавляющее преобладаніе въ земствѣ одному опредѣленному классу. «Тамъ, гдѣ власть сосредоточена постоянно въ рукахъ одной и той группы, не можетъ быть рѣчи о «борьбѣ»; тамъ возможно лишь, какъ правило, подавленіе и пренебреженіе интересовъ невластвующихъ группъ населенія. И дѣйствительно, классъ среднихъ землевладѣльцевъ, захвативъ въ свои руки земскую дѣятельность, наложилъ на всю эту дѣятельность печать своихъ классовыхъ воззрѣній». Вотъ источникъ прекраснодушныхъ сожалѣній нѣкоторыхъ земцевъ, что «земская идея не привилась въ народѣ». Вотъ почему Чеховъ въ своихъ «Мужикахъ» имѣлъ фактическое основаніе горько иронически охарактеризовать отношеніе крестьянъ къ земству. По той же причинѣ такой вовсе не радикально настроенный писатель, какъ К. Ф. Головинъ, пришелъ къ заключенію, что «земство все болѣе переходитъ въ руки выработавшагося особаго класса мѣстныхъ дѣятелей, которые на земскую смѣту смотрятъ преимущественно, какъ на источникъ хорошихъ окладовъ для себя».

Наиболѣе интересной, хотя и наименѣе разработанной является у г. Веселовскаго попытка охарактеризовать классовой характеръ русскаго земства на основаніи его отношенія къ вопросу о мелкой земской единицѣ. Поднимая этотъ вопросъ, громадное большинство земцевъ все таки не разставалось съ излюбленной мыслью, что «представительствовать можетъ только» «просвѣщенное» меньшинство; массы же могутъ яко бы погубить своей «некультурностью» земское дѣло, «и чѣмъ дальше отъ населенія *лица управляющія*, тѣмъ болѣе земство гарантировано отъ нашествія современной татарской орды».

Характеренъ также фактическій матеріалъ, иллюстрирующій прямо таки поразительную изобрѣтательность земскихъ собраній въ отысканіи способовъ переложенія земскихъ налоговъ съ помѣщиковъ на крестьянъ (см. главу 6-ую).

Заканчиваетъ авторъ характеристикой отношенія земствъ къ такимъ прекраснымъ барометрамъ классового давленія, какъ экономическая статистика, соціальное законодательство, аграрный вопросъ и роль третьяго элемента въ творческой работѣ земства. Этихъ барометровъ совершенно достаточно и авторъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что тѣмъ, кто упорно отказывается видѣть въ дѣятельности земства проявленіе классовыхъ интересовъ господствующей группы, мы рекомендуемъ заняться прежде всего изученіемъ отношенія земскихъ собраній къ рабочему вопросу въ сельскомъ хозяйствѣ. Они увидятъ тогда, сколько земствами было проявлено въ этой области узко-классового эгоизма и какъ мало земскія собранія думали о меньшомъ братѣ; они увидятъ, далѣе, что земствами почти ничего не сдѣлано до сихъ поръ для огражденія интересовъ трудящихся массъ. *М. Гр.*

Ю. Лавриновичъ. Рабочіе союзы. Спб. 1905 г. Ц. 50 коп. Изд. О. Н. Поповой. Небольшая (200 стр.) книга г. Лавриновича вышла чрезвычайно кстати. Кромѣ бѣглаго теоретическаго обзора вопроса, она даетъ много ясныхъ и толковыхъ практическихъ указаній для всѣхъ жизненно заинтересованныхъ въ образованіи рабочихъ союзовъ.

Богатый фактическій матеріалъ подобранъ авторомъ довольно умѣло и способенъ заинтересовать даже самыхъ забитыхъ и темныхъ людей труда. Это, такъ сказать, активъ книги. Къ пассиву ея необходимо причислить излишнюю компилятивность, доходящую до того, что личные взгляды автора по самымъ основнымъ элементамъ синдикальнаго вопроса остаются неясными, и устарѣлость фактическихъ данныхъ по нѣкоторымъ странамъ напр. Бельгіи. Это послѣднее тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ русской періодической печати новѣйшія свѣдѣнія, хотя бы о Бельгіи, появлялись неоднократно. Пристрастіе къ компилятивному способу изложенія также обостряется тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Лавриновичъ цитируетъ исключительно источники на русскомъ языкѣ и притомъ такіе извѣстные какъ переводы книгъ Кулемана, Вебба, Рузье, Шмёле, а часто черпаетъ цѣлыя страницы изъ газетныхъ статей. Это объясняется, повидимому, самымъ происхожденіемъ труда, выросшаго, если не ошибаемся, изъ нѣсколькихъ докладовъ, прочитанныхъ г. Лавриновичемъ еще во времена недавняго темнаго царства. Но съ отмѣчаемыми недостатками книги еще можно примириться. Другое дѣло—главный первородный грѣхъ ея—именно то, что книга вышла еще до выступленія на сцену русской исторіи «союза борьбы за свободу печати» и поэтому въ самыхъ интересныхъ главахъ ея предательски пестрятъ вклеенныя на мѣсто вырѣзанныхъ—странички. Теперь можно писать «всю правду и только правду» и, конечно, мы не сомнѣваемся, что г. Лавриновичъ смогъ бы намъ разсказать на этой благородной почвѣ много интересныхъ и глубоко поучительныхъ для рабочаго класса вещей, о которыхъ ему пришлось поневолѣ умолчать. Это замѣчаніе особенно относится къ главѣ о созданіи рабочихъ союзовъ въ Россіи, которую дѣйствительность переросла уже на цѣлую вѣчность. При наличности свободы печати можно было бы замѣнить приложенные къ книгѣ примѣрные уставы профессіональныхъ союзовъ другими, гораздо болѣе опредѣленными и непріятными для буржуазіи.

Несмотря на всѣ указанные недочеты, книга г. Лавриновича можетъ быть очень полезна для массы мало сознательныхъ и не вполнѣ сознательныхъ рабочихъ, какъ элементарный учебникъ по одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ соціальной экономіи. *М. Гр.*

Карлъ Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Съ введеніемъ Фридриха Энгельса. Перев. съ нѣмецкаго Ѳ. К. Библіотека Маріи Малыхъ. № 59—60. Цѣна 20 коп. Эти историческіе очерки являются самымъ блестящимъ образцомъ того, какъ слѣдуетъ писать исторію. Написанные

въ 1850 г., когда еще свѣжи были въ памяти всѣ перипетіи европейскаго движенія 48-го года, когда еще не высохли брызги разбившейся революціонной волны, эти четыре журнальныхъ статьи обнаруживаютъ такой безпристрастный анализъ событій, такую точность и проницательность взгляда, какія трудно встрѣтить у позднѣйшихъ историковъ этой эпохи. И только ѣдкій сарказмъ и грозное остроуміе Маркса заставляютъ вспоминать, что «Классовую борьбу» писалъ современникъ, ближайшимъ образомъ заинтересованный въ судьбахъ побѣжденнаго пролетаріата.

Но въ самомъ ли дѣлѣ былъ побѣжденъ пролетаріатъ? не *этотъ* пролетаріатъ, выступившій въ февралѣ 1848 г., а, вообще, классъ, непрерывно осуществляющій революцію? потерпѣла ли пораженіе революція? Этотъ вопросъ Марксъ ставитъ въ самомъ началѣ своихъ очерковъ и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ.

«Побѣждены были пережитки дореволюціоннаго времени, результаты общественныхъ отношеній, не обострившихся еще въ рѣзкія классовыя противорѣчія,—лица, иллюзіи, взгляды, проекты, отъ которыхъ революціонная партія не была свободна до февральской революціи, отъ которыхъ и могла освободить не *февральская побѣда*, а только цѣлый рядъ *пораженій*.

«Однимъ словомъ, революція прокладывала себѣ дорогу не въ своихъ непосредственныхъ трагикомическихъ пріобрѣтеніяхъ, а, напротивъ, создавая сплоченную, могучую контро-революцію; только въ борьбѣ съ этимъ противникомъ разрушительная партія выросла въ дѣйствительную революціонную партію».

Дальнѣйшія строки этого произведенія Маркса и показываютъ, какъ пролетаріатъ въ своемъ стихійномъ освободительномъ движеніи заставилъ своего врага, буржуазію, поднять забрало и выступить въ его антиреволюціонной классовой сущности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и пролетаріатъ тѣснѣе замкнулся въ болѣе точныхъ соціальныхъ границахъ, теряя съ теченіемъ революціи своихъ временныхъ союзниковъ,—мелкую буржуазію, либеральныхъ революціонеровъ и пр. союзниковъ, которымъ ужъ на роду написано быть предателями революціи. Февральская революція была направлена, главнымъ образомъ, противъ финансовой аристократіи, этого «возрожденія Lumpenproletariat'a на верхахъ буржуазнаго общества». Уже этотъ одинъ фактъ показывалъ, что промышленная буржуазія не господствовала во Франціи и что, слѣдовательно, революція въ ея чистомъ видѣ борьбы фабричнаго рабочаго противъ фабриканта буржуа не могла имѣть мѣста. «Поэтому въ Парижѣ въ моментъ революціи событія толкаютъ французскій пролетаріатъ на попытки, превосходящія его силы, тогда какъ въ провинціи онъ, скученный въ отдѣльныхъ, разбросанныхъ промышленныхъ центрахъ, почти исчезалъ въ подавляющемъ большинствѣ крестьянства и мелкой буржуазіи». Организаціей пролетаріата были національныя мастерскія, его лозунгомъ «право на трудъ», «эта первая безпомощная формула революціонныхъ требованій пролетаріата», говоритъ Марксъ, вскрывая его безсмыслицу въ мірѣ буржуазныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, революція должна была совершить поляризацію общественныхъ элементовъ и разорвать туманную завѣсу надъ полемъ сраженія. И она доставила политическое господство капиталу. Это было побѣдой буржуазіи, а пролетаріатъ выдѣлила въ иной организаціи, не имѣющей ничего общаго съ національными мастерскими, въ качествѣ самостоятельной политической партіи, отколовшейся отъ демократической партіи мѣщанъ,—это было побѣдой пролетаріата. Съ этого момента революція стала само собой и «получила свой *собственный*, *оригинальный* обликъ, а это стало возможнымъ лишь тогда, когда на первый планъ ея властно выступилъ новый революціонный классъ, фабричный пролетаріатъ». До этого момента революція произвела рядъ промежуточныхъ группировокъ, значеніе которыхъ Марксъ вскрываетъ въ неподражаемо мастерской формѣ. Трусость, лукавство, желѣзная

необходимость дня заставляютъ различныя партіи и промежуточные классы бросаться то къ союзу съ революціоннымъ пролетаріатомъ, то въ объятья крупной буржуазіи, отстаивающей «общественный порядокъ». Но мѣщанству горше всего и пришлось, и революція не принесла этой золотой срединѣ ни награды, ни надеждъ.

Картина революціоннаго очищенія классовъ отъ «союзнаго» сора, нарисованная Марксомъ въ 1850 г., имѣетъ не только историческій интересъ. Ея тема повторяется во всѣхъ революціяхъ, и мы, въ Россіи, сейчасъ воочію можемъ видѣть всю эту трагедію мелко-буржуазныхъ, либерально-конституціонныхъ и пр. терзаній, которыя почти буквально копируютъ колебательныя движенія своихъ внѣклассныхъ предковъ между двухъ огней. Но, что въ 1847 г. было результатомъ безсознательнаго процесса, то теперь, благодаря ясности классовыхъ отношеній, дѣлается точно также по необходимости, но сознательно. Ибо, въ чемъ выражается путь воздѣйствія соціалъ-демократіи, этой чисто классовой партіи революціоннаго пролетаріата? «Задолго до того момента, когда она сама достигнетъ власти, она приводитъ къ преобразованію буржуазно-демократическихъ партій, которыя должны усвоить себѣ, по крайней мѣрѣ, часть требованій нашей партіи, для того, чтобы сильнѣйшій классъ, пролетаріатъ, не ускользнулъ окончательно изъ рукъ» *). Русская соціалъ-демократія уже заставила принять буржуазно-демократическія партіи нѣкоторыя изъ своихъ требованій, вродѣ требованія всеобщаго, прямого и пр. избирательнаго права. Но всѣ эти наши конституціоналисты-демократы и имъ подобные должны знать и помнить, что, если демократы 48-го совершали предательство, такъ сказать, «за своей спиной», въ стихійномъ процессѣ, то теперь такъ предать пролетаріатъ можно лишь на виду у всѣхъ.

Извѣстный интересъ,—хотя въ настоящее время, а, особенно для русскихъ, только историко-литературный,—представляетъ предисловіе Энгельса въ той его значительной части, гдѣ онъ говоритъ о невозможности при современныхъ условіяхъ революціоннаго возстанія въ видѣ уличной борьбы съ баррикадами. Необходимо отмѣтить, что Энгельсъ имѣетъ въ виду лишь *баррикадную* борьбу, и потому всѣ ссылки Бернштейна и др. на его авторитетъ, якобы отрицающій значеніе насилія въ соціальной революціи, не выдерживаютъ простой справки съ источникомъ, предисловіемъ къ «Классовой борьбѣ». Кромѣ того, даже и за баррикадами Энгельсъ признаетъ моральное значеніе, когда онѣ способствуютъ замѣшательству среди солдатъ, имѣющихъ склонность перейти на сторону возставшихъ. Утверждать, что баррикадная борьба устарѣла и совсѣмъ непригодна, уже потому нельзя, что всегда, говоритъ Энгельсъ, «даже въ классическое время уличной борьбы баррикада дѣйствовала болѣе морально, чѣмъ матеріально. Она была средствомъ привести войско въ замѣшательство. Удавалось ей продержаться до тѣхъ поръ, пока эта цѣль достигалась, побѣда была за ней; не удавалось,—борьба кончалась пораженіемъ». Такимъ образомъ, никакихъ новыхъ недостатковъ баррикада не обнаруживаетъ, вѣрнѣе сказать, наоборотъ, ея испытанныя достоинства все тѣ же и такъ же способствуютъ революціи, какъ и раньше.

Русскія баррикады «матеріально» до сихъ поръ не выдерживали натиска войскъ, но весьма возможно, что ихъ моральная несокрушимость скоро дастъ себя знать **). Все разростающееся движеніе въ русской арміи создаетъ такія благопріятныя условія для уличнаго возстанія, что одинъ видъ инсуррекціонныхъ баррикадъ, несомнѣнно, подѣйствуетъ на русскія войска, какъ въ самое

---

*) К. Каутскій. „Къ критикѣ теоріи и практикѣ марксизма". Изд. Е. М. Алексѣевой. Стр. 265.

**) Писано до 9-го дек., когда начались „баррикадные дни" въ Москвѣ. И теперь (15-го дек.), когда мы дѣлаемъ это примѣчаніе, вопросъ о баррикадахъ еще не рѣшенъ въ Москвѣ. *Ред.*

«классическое время уличной борьбы», когда побѣда инсургентовъ обусловливалась переходомъ солдатъ на сторону революціи. Это революціонизированіе арміи, ея «замѣшательство»—нынѣ совершенно достовѣрный фактъ. Тѣмъ болѣе, значитъ, слѣдуетъ обращать вниманіе на истинный смыслъ замѣчаній Энгельса, не останавливаясь на его попутной критикѣ чисто *техническихъ* недостаткахъ баррикадъ. *Л. Б.*

Карлъ Марксъ. Гражданская война во Франціи (1870—1871). Съ предисловіемъ Ф. Энгельса. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Н. Ленина. Второе изданіе. Книгоиздательство «Буревѣстникъ». Одесса. 1905. Цѣна 15 коп. Когда въ 1848 г. Парижскій пролетаріатъ осмѣлился выступить противъ буржуазіи, какъ отдѣльный классъ со своими классовыми интересами, онъ получилъ іюньскіе дни, этотъ тріумфъ буржуазіи. Но въ полномъ блескѣ своей кровожадности и безпощадной мстительности буржуазія явилась въ 1871 г. Классовая борьба 1789 г. превратилась въ гражданскую войну 1871 г.

28-го мая послѣдніе защитники Коммуны были уничтожены, а черезъ 2 дня, 30-го мая, Марксъ представилъ генеральному совѣту Международнаго Общества Рабочихъ свое произведеніе, въ которомъ очертилъ кратко и мѣтко сущность парижскихъ событій.

Что такое Коммуна? Здѣсь, конечно, мы не станемъ пересказывать блестящей характеристики Маркса. Мы приведемъ лишь тѣ его указанія, которыя намѣчаютъ аналогичные пути для русской революціи вслѣдствіе полнаго сходства основной ситуаціи борющихся классовъ.

Коммуна явилась на смѣну Второй Имперіи. Эта имперія является чистѣйшимъ прототипомъ нашей отечественной. Государственный переворотъ служилъ ей метрикой, говоритъ о первой Марксъ, «всеобщая подача голосовъ—санкціей, а сабля—скипетромъ». Тутъ все сходится, и даже всеобщую подачу голосовъ для полной копіи въ послѣднее время думаютъ у насъ привлечь къ спасенію монархіи. Вторая Имперія, наконецъ, «заявляла притязанія на объединеніе всѣхъ классовъ вокругъ вновь ожившаго призрака національной славы», и объявила войну Германіи. Наша всероссійская имперія не съ меньшими претензіями и не съ большими результатами вызвала войну съ Японіей. Наконецъ, соціально экономическое значеніе и той, и другой опредѣляются одной и той же ролью. «Подъ господствомъ ея буржуазное общество, освобожденное отъ политическихъ работъ, достигло такой высокой степени развитія, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись въ необъятныхъ размѣрахъ; биржевая спекуляція праздновала свои космополитическія оргіи; нищета массъ рѣзко выступала рядомъ съ нахальнымъ блескомъ безпутной роскоши, нажитой надувательствомъ и преступленіемъ. Государственная власть, стоявшая, повидимому, высоко надъ обществомъ, была въ дѣйствительности самымъ вопіющимъ скандаломъ этого общества, разсадникомъ всяческой мерзости». Развѣ въ этихъ строкахъ не заключается вся императорская Россія и пророкъ ея, г. Витте? Развѣ наша буржуазія можетъ иначе объяснить свое политическое значеніе? Какъ и ея французскій прообразъ она пользовалась имперіализмомъ, этой «самой проституированной и самой послѣдней формой государственной власти», какъ орудіемъ своего освобожденія отъ крѣпостничества и орудіемъ порабощенія труда капиталу.

«Коммуна была прямой противоположностью имперіи. Крикъ: «да здравствуетъ соціальная республика», которымъ парижскій пролетаріатъ привѣтствовалъ февральскую революцію, выражало лишь неясное стремленіе къ такой республикѣ, которая не только уничтожила бы монархическую форму классоваго господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно опредѣленной формой такой республики». Поэтому, создавъ различными мѣро-

пріятіями «дешевое правительство» и «истунную республику», Коммуна не могла ограничиться этимъ заложеніемъ фундамента дѣйствительно демократическихъ учрежденій. Въ области демократическаго строительства Коммуна только доказала, что рабочій классъ—единственный еще способный на общественную иниціативу. И тотъ самый средній классъ, — мелкіе торговцы, ремесленники, купцы,—который въ 1848 г. подавляли возстаніе рабочихъ, теперь, когда ему пришлось выбирать между разоряющей его имперіей, которая покровительствовала биржевой спекуляціи и искусственнымъ ускореніемъ централизаціи капитала экспроптіировала значительную часть этого средняго класса,—и Коммуной, онъ примкнулъ къ рабочимъ. Разсчетливое крестьянство точно также нашло для себя болѣе выгоднымъ признать Коммуну.

Но сущностью Коммуны, тайной ея вліянія было то, что она явилась *правительствомъ рабочаго класса*. Она была «той давно искомой политической формой, въ которой могло бы совершиться экономическое освобожденіе труда». Большинство этого правительства состояло изъ членовъ Международнаго Товарищества Рабочихъ, преимущественно послѣдователей Прудона, меньшинство—изъ бланкистовъ. Но Коммуна въ цѣломъ не выражала воззрѣній ни тѣхъ, ни другихъ, и ея дѣйствія строго вытекали изъ ея классоваго положенія. Поэтому она стала «не парламентскимъ учрежденіемъ, а дѣловой коллегіей, соединявшей въ себѣ какъ исполнительную, такъ и законодательную власть». Это политическое опредѣленіе Коммуны слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, чтобы понять ея роль и ея значеніе.

Мы не можемъ не указать, что съ этой послѣдней стороны Коммуна является прототипомъ русской «дѣловой коллегіи» рабочаго класса, Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, вліяніе котораго основывается не на тѣхъ или иныхъ взглядахъ его членовъ, а лишь на его пролетарскомъ характерѣ, на томъ безошибочномъ выраженіи, которое Совѣтъ даетъ волѣ рабочаго класса. Но, если русскій Совѣтъ въ этомъ отношеніи поставленъ въ благопріятныя условія, имѣя передъ собой директивы соціалдемократіи, то Коммуна, какъ мы видѣли, совершенно лишена была такихъ руководящихъ указаній. Бланкисты были соціалистами лишь по революціонному инстинкту, прудонистамъ съ ихъ мелкобуржуазнымъ соціализмомъ былъ чуждъ пролетарскій соціализмъ. Парижскому пролетаріату, такимъ образомъ, въ лицѣ представляющей его Коммуны пришлось у себя же самого учиться. Руководясь пролетарскимъ инстинктомъ, Коммуна тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ поступала вполнѣ правильно. Свои же дѣйствія она открыла актомъ, возможнымъ только при диктатурѣ рабочаго класса: она выпустила воззванія къ провинціямъ, приглашая всѣ коммуны свободно соединиться съ Парижемъ въ одну національную организацію, организацію, впервые созданную дѣйствительно самой націей. Сверженіе государственной власти, являющейся паразитомъ націи, и замѣна ея политическимъ господствомъ пролетаріата освобождаетъ, такимъ образомъ, дѣйствительную націю, ибо разбившій свои цѣпи пролетаріатъ уничтожаетъ всякую классовую іерархію и политическое господство однихъ надъ другими. Конецъ Коммуны оказался не менѣе поучительнымъ, чѣмъ ея возникновеніе и жизнь.

Когда народная война, затѣянная правительствомъ, оказалась просто-напросто мошеннической продѣлкой, имѣющей исключительной цѣлью отсрочку классовой борьбы; когда, несмотря на это или, лучше сказать, благодаря этому, классовая борьба вспыхиваетъ пожаромъ гражданской войны; когда освободившійся пролетаріатъ изорвалъ національный мундиръ классоваго господства,—тогда «противъ пролетаріата національныя правительства едино суть». Побѣжденныя и побѣдившія войска соединяются, чтобы избить парижскій пролетаріатъ.

«Парижъ рабочихъ со своей Коммуной,—закончимъ мы заключительными словами сочиненія Маркса—всегда будетъ чевствуемъ, какъ славный предвѣстникъ новаго общества. Его мученики воздвигли себѣ памятникъ въ великомъ сердцѣ рабочаго класса. Его палачей исторія уже теперь приговорила къ тому позорному столбу, отъ котораго никто не въ силахъ будетъ ихъ оторвать». *Л. Б.*

К. Каутскій. Эрфуртская программа. Съ 3-мя предисловіями автора. Полный переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 20 коп. Книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колоколъ». Москва. 1905. К. Каутскій. Общественныя реформы. Цѣна 20 коп. Изданіе тоже. А. Бебель. Будущее общество. Цѣна 10 коп. Изданіе тоже. «До тѣхъ поръ, пока не удастся вмѣсто «Капитала» дать другую теоретическую основу соціализма, общія положенія моей книги также не будутъ нуждаться въ пересмотрѣ». Такими словами заканчиваетъ Каутскій свое обширное предисловіе къ 5-му изданію Эрфуртской программы въ 1904 году. Книга эта написана Каутскимъ въ 1891 г. въ видѣ «проекта» новой программы соціалъ-демократической партіи. Спеціальная коммиссія, выбранная на партійномъ конгрессѣ въ Галле, въ нѣкоторыхъ пунктахъ развила ее, и такимъ образомъ выработанная программа была принята Эрфуртскимъ конгрессомъ въ 1891 г., какъ оффиціальная программа партіи, каковой она и остается до сихъ поръ.

Эрфуртская программа, какъ подчеркиваетъ самъ Каутскій между прочимъ и во взятой нами цитатѣ, во всѣхъ своихъ общихъ положеніяхъ и теоретическихъ построеніяхъ не только опирается на «Капиталъ» Маркса, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и цѣликомъ заимствуетъ изъ него тезисы. Этому обстоятельству Каутскій и приписываетъ силу программы, ея «способность противостоять модѣ, которая часто мѣняется». И только новые факты заставили автора внести нѣкоторыя измѣненія въ первоначальный текстъ: по вопросу о паденіи мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ ему «пришлось выразиться осторожнѣе», что, однако, не повліяло на измѣненіе старой тенденціи,—вытѣсненія въ сельскомъ хозяйствѣ мелкаго производства крупнымъ,—и по вопросу о кризисахъ Каутскому пришлось слегка измѣнить текстъ, опять-таки ничуть не отступая отъ выставленнаго ранѣе основного принципа.

Эрфуртская программа по точности формулировки принциповъ соціалъ-демократіи, по стройности міровоззрѣнія и популярности изложенія является однимъ изъ лучшихъ образцовъ соціалистической литературы. Ея содержаніе достаточно хорошо извѣстно русскому читателю, чтобы распространяться о немъ здѣсь. Если она не даетъ непосредственнаго отвѣта на нашу русскую дѣйствительность,—чего и нельзя требовать отъ программы, то, съ другой стороны, она даетъ неизмѣримо больше: методъ марксизма во всей его научной строгости и агитаціонной ясности. Въ періодъ русской самой значительной въ человѣческой исторіи революціи къ нему необходимо какъ можно чаще обращаться и тщательнѣе имъ пользоваться. Этотъ методъ исключаетъ всякій шаблонъ, но онъ же поможетъ не растеряться въ самой многообразной соціальной обстановкѣ. Какова бы послѣдняя ни была, она подчиняется законамъ капиталистическаго строя и является однимъ изъ этаповъ къ неизбѣжному наступленію соціализма.

Изданіе Эрфуртской программы фирмою «Колоколъ»—одинъ изъ лучшихъ переводовъ, дѣйствительно полный и снабженный интересными предисловіями.

Одинъ изъ отдѣловъ программы носитъ названіе «Государство будущаго». Принципіальныя основанія соціалистическаго строя и извѣстная тенденція его, опредѣленныя въ программѣ, получаютъ болѣе подробное развитіе въ слѣдующей брошюркѣ Каутскаго, которая въ русскомъ переводѣ получила цензурное наз-

ваніе «Общественныя реформы». Въ ней, конечно, меньше всего говорится о реформѣ, и главная ея цѣль заключается, съ одной стороны, въ доказательствѣ неизбѣжности соціальнаго переворота, а съ другой, въ выводѣ необходимыхъ слѣдствій изъ свершившейся революціи. Какъ ученый мыслитель, Каутскій въ этой второй части и не думаетъ фантазировать насчетъ будущаго государства и дѣйствій пролетаріата, захватившаго политическую власть въ свои руки: «я говорю не о томъ, что онъ *захочетъ* дѣлать на основаніи той или иной теоріи, подъ вліяніемъ того или иного настроенія, а о томъ, что онъ *вынужденъ будетъ* дѣлать, побуждаемый своими классовыми интересами и подъ давленіемъ экономической необходимости».

Еще болѣе детализированный синтезъ соціалистическаго общества представляетъ изданное «Колоколомъ» произведеніе Бебеля подъ заглавіемъ «Будущее общество». Оно представляетъ часть извѣстнаго сочиненія Бебеля «Женщина и соціализмъ». Построенія Бебеля и Каутскаго въ значительной степени и во многихъ даже не существенныхъ пунктахъ вполнѣ сходятся, такъ какъ и Бебель въ своихъ разсужденіяхъ исходитъ изъ экономическихъ интересовъ рабочаго класса, необходимо образующихъ формы соціалистическаго общества, и тѣхъ жизнеспособныхъ силъ капитализма, которыя старое общество передастъ новому.

Не останавливаясь на этомъ синтезѣ, который во всякомъ случаѣ даетъ чрезвычайно цѣнное, подъ знакомъ будущаго, освѣщеніе современнаго строя и соціальную положительную характеристику пролетаріата, мы отмѣтимъ, въ заключеніе, предположенія Каутскаго о формахъ соціальнаго переворота. Если, говоритъ онъ, «прежнія революціи были возмущеніями народныхъ массъ противъ правительства, то грядущая революція,—исключая, быть можетъ, Россіи,—должна бы носить характеръ скорѣе борьбы одной части народа противъ другой». Разсуждая о вліяніи финансовыхъ затрудненій на крушеніе существующаго строя, онъ считаетъ финансовый крахъ правительствъ невозможнымъ, такъ какъ классъ капиталистовъ имѣетъ всѣ основанія охранять и поддерживать правительство. Увеличеніе государственныхъ долговъ можетъ быть фактомъ революціоннымъ «лишь по стольку, по скольку оно ведетъ къ усиленію налогового бремени, а, слѣдовательно, и къ возмущенію низшихъ классовъ, но оно едвали можетъ привести,—опять-таки за исключеніемъ, *быть можетъ*, Россіи,—къ прямому финансовому краху».

Однимъ изъ сильныхъ оружій соціальнаго переворота Каутскій считаетъ политическую стачку пролетаріата. И изъ всѣхъ разсужденій Каутскаго можно сдѣлать самостоятельный выводъ, что Россія находится въ особо благопріятной обстановкѣ для соціальной революціи. У насъ примѣняется не только новѣйшее оружіе организованнаго пролетаріата, политическая стачка, но имѣютъ силу еще и старыя добрыя средства, къ которымъ ужс нечувствительны западно-европейскія правительства. *Л. Б.*

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

А. Богдановъ. „Эмпиріо-монизмъ“.—„Проблемы психологіи. Ложь свидѣтельскихъ показаній“.

А. Богдановъ. Эмпиріо-монизмъ. Статьи по философіи. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1904 года. Цѣна 80 коп.

Его же. Эмпиріо-монизмъ. Статьи по философіи. Книга II. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1905 года. Цѣна 70 коп.

Богдановъ, авторъ вышепомѣченныхъ книжекъ, выдаетъ себя за представителя

новаго философскаго направленія—эмпиріо-монизма. Это новое направленіе, по его мнѣнію, является углубленіемъ и завершеніемъ эмпиріо-критицизма, представители котораго, главнымъ образомъ, Махъ и Авенаріусъ. Признавая задачею познанія описаніе даннаго въ опытѣ, конечно, обобщающее и систематизирующее, эмпиріо-критицизмъ, по глубокому убѣжденію Богданова, неизбѣжно приходитъ къ дуализму, къ допущенію двухъ въ существѣ гетерономныхъ областей опыта—физическаго и психическаго. Хотя эмпиріо критицисты, разлагая физическое и психическое на тождественные элементы, именно, разсматривая психическое какъ элементы, поставленные въ отношеніе къ нервной системѣ, физическое же—какъ тѣ же самые элементы внѣ этой зависимости, и въ состояніи установить единство опыта по матеріалу, однако, они должны признать въ опытѣ двѣ принципіально различныя, несводимыя къ единству закономѣрности—закономѣрность физическаго и закономѣрность психическаго. Устранить этотъ дуализмъ, съ которымъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ примириться наше познаніе, и поставить вмѣстѣ съ тѣмъ на мѣсто эмпиріо-критицизма новое направленіе—эмпиріо-монизмъ и составляетъ задачу обѣихъ книжекъ автора, особенно въ статьяхъ «идеалъ познанія» (книга I) и «вещь въ себѣ» (книга II).

Для выполненія поставленной задачи Богдановъ прежде всего пытается дать точное опредѣленіе понятій «физическаго» и «психическаго», выдвинуть на видъ ихъ основные, конститутивные признаки. Характерный признакъ физическаго онъ видитъ въ объективности, общезначимости, психическаго—въ субъективности. А такъ какъ для него общезначимыми являются тѣ пространственныя и временныя отношенія, которыя оказываются согласованными въ опытѣ различныхъ людей, то физическое для него представляетъ собою на дѣлѣ не что иное, какъ соціально-организованный опытъ, психическое же—индивидуально-организованный опытъ. Это добытое опредѣленіе «физическаго» и «психическаго» до извѣстной степени, думаетъ авторъ, бросаетъ новый свѣтъ на указанный дуализмъ. Мы теперь уже знаемъ, пишетъ онъ, что двѣ принципіально различныя закономѣрности, находимыя нами въ опытѣ, вытекаютъ одинаково изъ нашей собственной организаціи, что онѣ выражаютъ собою двѣ біологически организующія тенденціи, въ силу которыхъ мы выступаемъ въ опытѣ одновременно какъ особи и какъ элементы соціальнаго цѣлаго; мы уже можемъ въ настоящее время найти, изучая біологическую и соціальную исторію человѣчества, отвѣтъ на вопросъ, почему такихъ тенденцій двѣ. Но,—продолжаетъ авторъ, достигнутаго результата еще недостаточно для окончательнаго устраненія дуализма, ибо прослѣдить его генезисъ не значитъ уничтожить его. Недостаточно для этого по его собственному заявленію, и другого приводимаго имъ соображенія, что въ ходѣ развитія индивидуально-организованный опытъ обнаруживаетъ тенденцію все болѣе и болѣе приспособляться къ соціальному, ибо непосредственный опытъ приноситъ все новыя и новыя переживанія и вмѣстѣ съ тѣмъ все новыя и новыя частныя противорѣчія. Поэтому-то Богдановъ и приходитъ къ необходимости провозгласить, что дуализмъ въ самомъ опытѣ не устранимъ, и что полное и окончательное уничтоженіе его возможно лишь въ области познанія. Въ послѣдней, по его мнѣнію, требуется прежде всего признаніе психо-физическаго или, точнѣе, психо-физіологическаго параллелизма, допущеніе функціональной зависимости психическаго и физическаго, словомъ, допущеніе, что психическій и нервно-физіологическій ряды на дѣлѣ представляютъ одинъ процессъ, не психическій, не физіологическій, а психо-физіологическій, который должно изучать тѣмъ же методомъ, что и физіологическія явленія, именно, энергетическимъ.

Но, признавая двѣ принципіально различныя формы функціональной зависимости—причинность и параллелизмъ, мы, пишетъ авторъ, во второмъ томикѣ

своихъ философскихъ статей, все еще получаемъ крайне дисгармоничную систему познанія: грандіозный міръ непрерывныхъ причинныхъ связей, къ которому сбоку прилѣплена ограниченная область отношеній чистаго параллелизма, и, чтобы сохранить полную независимость этой области, на границѣ ея поставленъ ангелъ строгаго позитивизма съ огненнымъ мечомъ, недопускающій никакой завоевательной попытки со стороны причиннаго познанія. Поэтому для окончательной побѣды надъ дуализмомъ необходимо, по его мнѣнію, показать тождество этихъ обѣихъ категорій—причинности и параллелизма. Сдѣлать же это съ его точки зрѣнія не представляетъ никакого труда. Въ самомъ дѣлѣ, для него все различіе между двумя указанными категоріями сводится къ тому, что причинность представляетъ собою строгую функціональную зависимость предшествующихъ фактовъ съ послѣдующими, параллелизмъ же—функціональную зависимость одновременныхъ фактовъ, причемъ главнымъ полемъ ея приложенія является отношеніе физіологическаго и психологическаго: при наличности извѣстнаго состоянія нервныхъ центровъ заключаютъ къ одновременному существованію опредѣленныхъ «фактовъ сознанія» и наоборотъ. Но разъ мы допустили, что физическое вообще есть не что иное, какъ результатъ группировки и систематизаціи сначала индивидуальной, а потомъ коллективной, то мы должны признать, что въ частности физіологическій процессъ объективно представляетъ не что другое, какъ воспріятіе—въ психикѣ другихъ существъ—соотвѣтственнаго физіологическаго процесса. Такъ какъ далѣе, такое воспріятіе въ психикѣ другихъ людей неизбѣжно запаздываетъ по сравненію съ психическимъ процессомъ, къ которому оно соотвѣтствуетъ, то, строго говоря, и въ параллелизмѣ дѣло идетъ о послѣдовательности, и, слѣдовательно, нѣтъ по существу никакого различія между нимъ и причинностью. Такимъ образомъ монистическое пониманіе всѣхъ явленій возможно, заключаетъ авторъ, только на точкѣ зрѣнія панпсихизма, т.-е. при допущеніи, что психическое; какъ болѣе раннее, не просто параллельно физіологическому, а является его причиною, и не только его, но и всего физическаго, ибо послѣднее принципіально не отличается отъ физіологическаго. Правда, Богдановъ величаетъ этотъ панпсихизмъ научнымъ, признаетъ его вполнѣ отличающимся отъ обычнаго, именно, чрезъ то, что онъ причину неорганической природы видитъ не въ психическомъ въ строгомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ ассоціативной связи элементовъ, ассоціативно-организованной группировки ихъ, а въ непосредственно данномъ, эмпирически неопредѣленномъ, непосредственномъ опытѣ. Словомъ, здѣсь постулируется въ опытѣ не два, какъ утверждалось раньше, а три типа связей, три группировки элементовъ-ощущеній: 1) непосредственная, 2) ассоціативная – міръ психическихъ явленій и 3) объективная—міръ физическихъ явленій, причемъ физическое сообразно степени своей организованности является дѣйствіемъ или отраженіемъ то первой, то второй группировки. Однако, такъ какъ такое допущеніе въ опытѣ на ряду съ физическимъ и психическимъ еще чего-то третьяго, не физическаго и не психическаго—само собою понятно, просто фантастическое допущеніе, то мы должны признать, что различіе между научнымъ панпсихизмомъ Богданова и обычнымъ падаетъ, и что, такимъ образомъ, въ лицѣ эмпиріо-монизма мы имѣемъ дѣло съ самымъ наивнымъ старымъ давно уже сошедшимъ со сцены панпсихизмомъ.

Мы изложили въ связи основное ядро новаго ученія Богданова, насколько было возможно сдѣлать это по отношенію къ ученію, покоящемуся на массѣ фантастическихъ построеній и противорѣчій. Какъ мы видѣли, результатъ, къ которому привело Богданова его стремленіе къ монизму,—самый наивный панпсихизмъ; и, слѣдовательно, всѣ недостатки послѣдняго присущи и эмпиріомонизму. Не останавливаясь на вскрытіи этихъ недостатковъ, мы здѣсь постараемся оцѣнить тѣ логическіе пріемы, при помощи которыхъ авторъ пере-

водитъ насъ отъ эмпиріо-критицизма къ панпсихизму. Изъ предшествующаго изложенія ясно, что онъ достигаетъ этого не путемъ дѣйствительнкй критики и углубленія эмпиріо-критицизма, а путемъ внѣшняго сліянія съ послѣднимъ совершенно чуждой ему точки зрѣнія, результатомъ чего и явились непримиримыя противорѣчія. Допуская вмѣстѣ съ эмпиріо-критицизмомъ, что все наше познаніе есть описаніе даннаго въ опытѣ, и, слѣдовательно, приспособляется къ послѣднему, Богдановъ, позднѣе, провозглашаетъ, что только въ области познанія уничтожаются неустранимый въ опытѣ дуализмъ, и что, слѣдовательно, опытъ долженъ приспособляться къ познанію. Вмѣстѣ съ эмпиріо-критицизмомъ Богдановъ сначала проводитъ рѣзкую грань между «тѣломъ» и «воспріятіемъ тѣла» (книга 1-я, стр. 17), между физическимъ и психическимъ, онъ даже ставитъ въ заслугу эмпиріо-критицизму, что этотъ послѣдній въ противоположность имманентному идеализму не укладываетъ дѣйствительности въ рамки психическаго, но признаетъ психическое лишь за часть опыта. Однако, въ ходѣ своего изслѣдованія онъ опять-таки погружаетъ физическое въ область психическаго, опредѣляя первое какъ соціально-организованный опытъ, т.-е. какъ опредѣленнаго рода воспріятія. Говоря иными словами, онъ возвращается къ отвергаемому имъ раньше одностороннему идеализму, только въ его наиболѣе грубой формѣ, въ формѣ панпсихизма; достигаетъ же онъ этого путемъ смѣшенія психо-физическаго параллелизма съ психо-физіологическимъ, путемъ подмѣны разсмотрѣнія физическаго и психическаго какъ двухъ различныхъ закономѣрностей, двухъ точекъ зрѣнія изученія дѣйствительности, разсмотрѣніемъ ихъ какъ двухъ различныхъ міровъ.

Однимъ словомъ, Богданова захватилъ тотъ самый кризисъ позитивизма, и въ частности эмпиріо-критицизма, который переживаетъ наше время. Но въ эмпиріо-монизмѣ нашего автора онъ не нашелъ ни разрѣшенія, ни даже ясной формулировки: онъ ввергъ Богданова въ сознаніе безнадежнаго раздвоенія съ самимъ собою, и лишилъ его работу всякой цѣнности. *N. N.*

Проблемы психологіи. Ложь свидѣтельскихъ показаній. Вып. I. Ц. 1 р. 65 к. Сборникъ статей, заглавіе котораго выписано выше, представляетъ выдающійся интересъ и по темѣ, и по изложенію. Первымъ въ сборникѣ (выходящемъ под. ред. И. Н. Холчева) помѣщенъ вступительный очеркъ одного изъ творцовъ прикладной психологіи какъ науки—Вильгельма Штерна. Исключивъ изъ сферы прикладной психологіи нормальный, этическій элементъ и ограничивъ кругъ ея вѣдѣнія реальной областью духовной жизни человѣка, нѣмецкій ученый сообразно двоякой цѣли этой дисциплины устанавливаетъ два подвида ея: «психогностику», какъ опору для психологическаго *сужденія*, и «психотехнику», какъ ученіе о *средствахъ* психическаго воздѣйствія. Большая часть книги посвящена психотехникѣ, т.-е. ученію о средствахъ психическаго воздѣйствія въ цѣляхъ воспитанія и усиленія наблюдательности, способности воспріятія, воспроизведенія и памяти. Наука только зарождающаяся, психотехника въ будущемъ можетъ выработать стройную систему правилъ, указаній и методовъ, которые съ одной стороны кореннымъ образомъ измѣнятъ взглядъ на сущность дѣтской лжи, переутомленіе, оцѣнку достовѣрности свидѣтельскихъ показаній и пр., а съ другой установятъ необходимыя предосторожности при допросѣ свидѣтелей и введутъ въ школу принципъ воспитанія памяти. Переходя въ частности къ вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ, Штернъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ причинъ ошибочности свидѣтельскихъ показаній; субъективный и искажающій въ то же время элементъ вносится въ показаніе и различіемъ воспріятія въ связи съ неодинаковымъ функціонированіемъ воспринимающихъ органовъ чувствъ (различная у разныхъ людей острота зрѣнія, слуха и пр.), и аффективнымъ состояніемъ воспринимающаго (моментъ страха, ужаса, радости, любви, ненависти и пр.); далѣе на степень достовѣрности показанія существеннымъ обра-

зомъ вліяетъ длительность воспринимаемаго событія, промежутокъ времени между событіемъ и показаніемъ о немъ, методъ допроса, вліяніе на свидѣтеля обстановки суда и пр. Ввиду всѣхъ перечисленныхъ моментовъ, роковымъ образомъ искажающихъ дѣйствительность въ свидѣтельскомъ показаніи, Штернъ вслѣдъ за Буссе и Клауссманомъ признаетъ желательной психологическую экспертизу свидѣтелей, но пока, впредь до выработки наилучшей почвы для широкаго примѣненія экспертизы, считаетъ нужнымъ обращаться къ ней только въ крайнихъ случаяхъ. Напротивъ, А. Ф. Кони въ блестящей, какъ всегда—художественно написанной статьѣ разсматриваемаго сборника—«Свидѣтели на судѣ» отстаиваетъ противоположный взглядъ: по его мнѣнію подобная экспертиза потребовала бы огромнаго количества спеціалистовъ-экспертовъ, затягивала бы и отягчала положеніе подсудимаго, всей тяжестью легла бы на свидѣтелей, ошибающихся bona fide и была бы безсильна уличить завѣдомо-лгущаго свидѣтеля. По мнѣнію А. Ф. Кони, для улучшенія качествъ свидѣтельскихъ показаній на судѣ, необходимо и достаточно другое—забота о лучшей постановкѣ предварительнаго слѣдствія; судъ присяжныхъ—судъ совѣсти, въ значительной мѣрѣ компенсируетъ разногласіе между объективной истиной и показаніями свидѣтелей на судѣ.

Въ ст. «Психологія свид. показаній» О. Гольдовскій приводитъ опыты Штерна для анализа человѣческой памяти и наблюдательности и разсматриваетъ вопросъ, насколько данныя эксперимента приложимы къ условіямъ дѣйствительной жизни. Опыты Штерна поставлены были такъ: испытуемыя лица втеченіе опредѣленнаго времени разсматривали незнакомую имъ довольно сложную картину и затѣмъ описывали ее, сначала непосредственно послѣ разсматриванія, потомъ повторно, черезъ опредѣленные промежутки времени. Конечно, опыты подобнаго рода существенно отличаются отъ условій обыденной жизни: объектъ вниманія изолированъ отъ посторонніхъ вліяній; какъ фикція, онъ не можетъ достигнуть силы реальной обстановки; онъ лишенъ сопутствующей жизненной обстановки—движенія, звуковъ и пр., наконецъ объектъ этотъ лишенъ логической связи съ другими явленіями, каковая связь облегчаетъ запоминаніе. Но зато въ другихъ отношеніяхъ условія опытовъ Штерна благопріятнѣе, чѣмъ это бываетъ въ жизни: испытуемые—молодые, интеллигентные и значитъ, особенно впечательные люди; вниманіе ихъ было искусственно напряжено, чего у свидѣтелей по отношенію къ мимолетнымъ впечатлѣніямъ не бываетъ; объектъ разсматривался испытуемыми продолжительное время, показанія первичныя давались тотчасъ-же, а повторныя—черезъ 1—3 недѣли; судебные свидѣтели даютъ ихъ по прошествіи мѣсяцевъ и больше; не было, далѣе, мѣста моментамъ аффекта и внушенію. Трудно, конечно, усчитать выгодныя и невыгодныя стороны опытовъ, да и размѣры этихъ опытовъ пока не такъ велики, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать стойкіе, безспорные выводы, но во всякомъ случаѣ крайне любопытно установить, что при этихъ условіяхъ получается огромный процентъ ошибокъ. Ошибки эти чаще всего, правда, количественнаго свойства: испытуемые опускаютъ детали, преувеличиваютъ число объектовъ и пр., но очень нерѣдко также *искажаютъ* дѣйствительность, выдумаютъ то, чего нѣтъ на картинѣ; измѣняютъ взаимное положеніе предметовъ, деталируютъ обстановку и пр. Эти ошибки въ такой-же мѣрѣ относятся къ перцепціи впечатлѣній, какъ и къ аперцепціи ихъ и столько-же относятся къ воспріятію впечатлѣній въ первичномъ «показаніи», сколько и къ памяти въ показаніяхъ повторныхъ.

Наибольшую долю ошибокъ вноситъ ошибочность воспоминанія, которое вовсе не есть безстрастный актъ сознанія, копирующій воспринятое, а сложный актъ, въ которомъ участвуетъ и воля, въ которомъ сказывается стремленіе дополнить и выяснить наличный психическій матеріалъ. Вторичныя по-

казанія имѣютъ еще одинъ источникъ ошибокъ: на мѣсто воспоминанія видѣннаго объекта становится память *словъ*, воспоминаніе о данномъ уже прежде показаніи. Между впечатлѣніями видѣннаго происходитъ въ сознаніи *борьба за существованіе;* болѣе слабыя изъ нихъ погибаютъ, а остальныя стимулируются и крѣпнутъ за счетъ погибшихъ. Но ошибки зависятъ не только отъ недостатка памяти, а и отъ слабости самокритики у даннаго лица, слабаго чувства контроля надъ объективной цѣнностью даннаго впечатлѣнія; здѣсь мы приходимъ къ новому ряду причинъ ошибокъ — причинамъ индивидуальнымъ, зависящимъ отъ интеллектуальнаго уровня свидѣтеля, его темперамента, возраста, пола и пр.

Остальныя статьи книги касаются вопроса о воспріятіи дѣйствительности (ст. Ганса Гросса и И. Холчева), далѣе соотношенія воспоминанія и дѣйствительности (пр.-доц. А. Н. Бернштейна), вліянія на качество свидѣтельскихъ показаній душевныхъ болѣзней и смертныхъ съ ними состояній (проф. Крамера) и свидѣтельскихъ показаній дѣтей школьнаго возраста (Маркса Лобзина). Первыя двѣ изъ этихъ статей носятъ болѣе теоретическій характеръ, остальныя заключаютъ въ себѣ богатый экспериментальный матеріалъ: опыты Штерна, Листа, Липмана, Лобзина и др. Выводы изъ этихъ опытовъ дѣлаются очень осторожно и съ оговорками, но и при этомъ условіи они представляютъ глубокій, выдающійся интересъ.

Въ концѣ книги приложено нѣсколько примѣрныхъ картинокъ для производства опытовъ и нѣсколько кривыхъ, иллюстрирующихъ вліяніе дѣтскаго возраста и душевныхъ болѣзней на ошибочность показаній.

Эпиграфомъ для вступительной статьи (Штерна), который могъ бы служить эпиграфомъ и для всей разбираемой книги, избранъ: studere destruit, studuisse construit — процессъ изученія разрушаетъ, законченное же изученіе или достигнутое знаніе—созидаетъ. Дѣйствительно, процессъ изученія психологіи свидѣтельскихъ показаній колеблетъ нашу вѣру въ достовѣрность показанія добросовѣстнаго и разумнаго свидѣтеля, подрываетъ наше довѣріе къ показаніямъ, даже даннымъ подъ присягой, а слѣд., и довѣріе къ человѣческому правосудію, въ которомъ свидѣтельскія показанія играютъ такую значительную роль. Но это недовѣріе и страхи прежде всего не слѣдуетъ преувеличивать: въ современномъ состязательномъ процессѣ имѣется цѣлый рядъ моментовъ—перекрестный допросъ, прямыя улики и пр., — которые въ значительной степени компенсируютъ возможную ошибочность показаній. Съ другой стороны, когда человѣчество «достигнетъ знанія» и прикладная психологія, теперь находящаяся im Werden, станетъ на твердую почву мирно поставленныхъ опытовъ, человѣчество научится принимать мѣры предосторожности противъ ошибокъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ или, по крайней мѣрѣ, опредѣлять «коэффиціентъ ошибокъ».

Мы горячо рекомендуемъ читателю эту въ высшей степени содержательную и глубоко-интересную книгу. Врачъ *Л. Василевскій.*

ГЕОГРАФІЯ.

Оланьонъ. „Сибирь и ея экономическая будущность".

Оланьонъ. Сибирь и ея экономическая будущность. Переводъ съ франц. А. Д. Погрузова. Спб. 1905. Стр. 252. Ц. 2 р. Для русскаго читателя въ настоящее время, а тѣмъ болѣе для сибирскаго, книга Оланьона не имѣетъ никакого значенія не только потому, что во многихъ частяхъ она уже значительно устарѣла (въ оригиналѣ она вышла въ 1901 г., а свѣдѣнія автора

относятся къ 1900 г.), но и потому, что онъ интересуется не описаніемъ Сибири, а тѣмъ, насколько, какъ и гдѣ могутъ быть приложены французскіе капиталы къ эксплоатаціи ея естественныхъ богатствъ. Какъ иностранецъ, едва ли знакомый съ русскимъ языкомъ и совершенно неосвѣдомленный въ русской литературѣ о Сибири, Олиньонъ опускаетъ безъ вниманія такіе важные вопросы, какъ вопросы о переселеніяхъ, о формахъ землепользованія въ Сибири, о народномъ образованіи и народномъ здравіи, объ инородцахъ и т. п., такъ что заглавіе его книги «Сибирь» далеко перекрываетъ ея одностороннее содержаніе. Приходится удивляться, почему книга Олиньона удостоилась перевода. Какъ мы уже упомянули выше, свѣдѣнія Олиньона теперь значительно устарѣли. Данныя о числѣ населенія сибирскихъ большихъ городовъ, напр., далеко нѣтъ въ дѣйствительности. Все, что онъ сообщаетъ объ Жибаэтузской желѣзнодорожной вѣтви и о добычѣ угля въ этой мѣстности совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ и упоминанія о нѣкоторыхъ банкирскихъ конторахъ и промышленныхъ обществахъ, на самомъ дѣлѣ прекратившихъ уже существованіе. Книга переведена лицомъ, весьма плохо знакомымъ съ Сибирью: говорится о «вѣчно-мрачномъ небѣ» Сибири, въ числѣ сибирскихъ рыбъ упоминается корюшка, фабрика Перепалавы оказывается подлѣ Иртыша и т. п. Незнакомство переводчика съ Сибирью доказывается и тѣмъ, что мало извѣстныя собственныя имена болѣе или менѣе перевраны: острова Брюжевскіе (Брехивскіе), р. Кана (Канъ), Цимцовъ (Земцовъ), гора Изышъ (Йзыхъ), село Бійское (Бейское), Зайсаненъ (Зайсанъ), Усть-Кустъ (Кутъ) и т. п. Книгу нисколько не украшаютъ нѣсколько совершенно случайно выбранныхъ и плохо сдѣланныхъ рисунковъ: русская духовная миссія на границахъ Китая (Улили), видъ заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Тюмени, пивовареннаго завода въ Тобольскѣ, села Алтайскаго въ Бійскомъ уѣздѣ. Какое значеніе имѣютъ подобныя иллюстраціи? Прочіе рисунки тоже не болѣе характеризуютъ страну. Такимъ образомъ, переводъ книги Олиньона нужно считать совершенно лишнимъ и не имѣющимъ никакихъ шансовъ на широкое распространеніе. *П. Г.*

Содержаніе „библіографическаго отдѣла" за 1905 годъ.

Беллетристика.

Альманахъ К-ва. «Грифъ». (Май) *Л. Б.*
С. А. Ан-скій. «Разсказы». (Сент.). *А. Б.*
Алексѣй Ачкасовъ. «Пѣсни русскихъ писателей о волѣ». (Мартъ). *Л. В.*
Петеръ Альтенбергеръ. «Эскизы». (Январь). *Л. Б.*
Беранже. «Полное собраніе сочиненій». Т. IV. (Декабрь). *Свириденко.*
Владиміръ Бернштамъ. «За право» (Май). *Вл. Кр-дъ.*
Александръ Блокъ. «Стихи о прекрасной дамѣ». (Мартъ). *Л. В.*
Софія Благодушная. «Какъ онъ пошелъ въ народъ». (Августъ). *А. Б.*
Н. Н. Брешко Брешковскій. «Опереточныя тайны». (іюнь) *А. К.*
И. П. Бѣлоконскій. «Разсказы». (Февраль). *Л. Б.*
Торъ Гедбергъ. «Гергардъ Гримъ». (Май). *С.*
Викторъ Гофманъ. «Книга вступленій. Лирика». (Іюнь). *Л. В.*
«Душа Японіи». «Японскіе романы, повѣсти, разсказы, баллады и танки». (Іюль) *А. Б.*
Карменъ. «На днѣ Одессы». (Апрѣль). *Л. Б.*

А. К. «Стихи». (Октябрь). *Л. В-ій.*
Сельма Лагерлефъ. «Въ Іерусалимъ». (Іюнь). *Л. Б.*
Н. Ленау. «Фаустъ». (Февраль). *С.*
Эмерихъ Мадачъ. «Трагедія человѣчества». (Январь). *С.*
Сергѣй Маковскій. «Собраніе стиховъ». (Августъ). *Ѳ. Батюшковъ.*
Мирэ. «Жизнь». (Февраль). *Л. Б.*
Н. П. Огаревъ. «Стихотворенія». (Май). *С. Ашевскій.*
Оптимистъ. «Въ ожиданьи». (Октябрь). *Ѳ. Б.*
А. Н. Островскій. «Полное собраніе сочиненій». (Апрѣль). *Г. К.*
А. В. Переводчикова. «Стихотворенія». (Сентябрь). *Вл. Кр.*
Станиславъ Пшибышевскій. «Сыны земли». (Мартъ). *Л. Б.*
Пѣсни свободы. «Сборникъ». (Августъ). *А. Б.*
А. Ѳ. Радченко. «На распутьи». (Октябрь) *Л. В-ій.*
О. Рунова. «Утреннички и другіе разсказы». (Октябрь). *Л. В-ій.*
М. Д. Рывкинъ. «Въ духотѣ». (Февраль). *Л. Б.*
Анна Саксаганская. «Разсказы». (Апрѣль). *Л. Б.*
Сборникъ молодыхъ писателей. (Августъ). *А. Б.*
Зеленый сборникъ. «Стихи и проза». (Августъ). *А. Б.*
«Нижегородскій сборникъ». (Апрѣль). *Вл. Кр-дъ.*
Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1904 годъ. Книга Третья. (Мартъ). *Ѳ. Батюшковъ.*
Сѣверные цвѣты. «Ассирійскіе». (Октябрь). *А. Б.*
Танъ. «Стихотворенія». (Августъ). *А. Б.*
О. Чюмина. «Новыя стихотворенія». (Декабрь). *А. Б.*
О. Шапиръ. «Не повѣрили». (Іюнь). *Ѳ. Б.*
С. Г. Фругъ. «Полное собраніе сочиненій т. III.). (Май). *Л. В.*
Адамъ Эленшлегеръ. «Ярлъ Гаконъ». (Апрѣль). *С.*
Семенъ Юшкевичъ. «Разсказы». Т. II. (Мартъ). *А. Б.*
А. М. Ѳедоровъ. «Земля». (Іюль). *А. Б.*

Критика и исторія литературы,

Андреевичъ. «Опытъ философіи русской литературы». (Іюль) *С. Ашевскій.*
Андреевичъ. «Л. Н. Толстой». (Ноябрь). *С. Ашевскій.*
Евгеній Аничковъ. «Литературные образы и мнѣнія». (Іюль). *Ѳ. Б.*
Николай Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина». (Май) *С. Ашевскій.*
Лео Бергъ. «Новѣйшіе Модернисты». (Декабрь). *Свириденко.*
А. К. Бороздинъ. «Литературныя характеристики». (Сентябрь). *С. Ашевскій.*
М. Лемке. «Эпоха цензурныхъ роформъ» 1859—1865 годовъ. (Февраль.) *С. Ашевскій.*
А. В. Никитенко «Записки и дневникъ. 1804 — 1877 гг.» (Январь). *С. Ашевскій.*
Н. А. Пыпинъ. «Н. А. Некрасовъ». (Янв.) *С. Ашевскій.*
А. Радищевъ. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (Дек.) *М. Л—ке.*
Гуго Риманъ. «Музыкальный словарь». (Май). *Викторъ Вальтеръ.*
І. Скартацци ни. «Данте». (Сент.).
Н. Я. Стечькинъ. «Максимъ Горькій». (Май). *Ѳ. Б.*
К. М. Ѳедоровъ. «Н. Г. Чернышевскій». (Ноябрь). *С. Ашевскій.*

Публицистика.

П. А. Бадмаевъ. «Россія и Китай». (Августъ). *А. Б.*

Н. Бѣлозерскій. «Записки учителя». (Мартъ). *А. Б.*

В. Дорошевичъ. «Собраніе сочиненій». (Августъ). *А. Б.*

Н. П. Дружининъ. «Очерки крестьянской общественной жизни». (Октябрь). *И. М. В.*

С. М. Житковъ. «Когда Россія побѣдитъ Японію?». (Сентябрь). *А. Б.*

Проф. Ѳ. Зѣлинскій. «Изъ жизни идей». Т. I. (Мартъ). *А. Богдановичъ.*

Ѳ. Зелинскій. «Изъ жизни идей». Т. II. (Октябрь). *А. Б.*

М. А. Ильинъ. «Вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи. Законъ 2 іюня 1903 г. (Февраль). *В. Ш.*

И. Левитовъ. «Желтороссія какъ буферная колонія». (Октябрь). *А. Б.*

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. «Общедоступное разъясненіе новаго закона 2-го іюня 1903 г. о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ». (Февраль). *В. Ш.*

Лордъ Маколей. «О гражданскихъ правахъ евреевъ». (Окт.) *И. М. В—скій.*

Л. В. Новгородцевъ. «Германія и ея политическая жизнь». (Янв.). *А. Б.*

Новомбергскій, Н. «Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи». (Декабрь). *М. Л—ке.*

Аф. Петрищевъ. «Замѣтки учителя». (Мартъ). *А Б.*

А. С. Пругавинъ. «Монастырскія тюрьмы». (Яннарь). *Ю. Лавриновичъ.*

«Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ». Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. (Мартъ). *Л. Б.*

К. Скальковскій. «За годъ». (Мартъ). *Л. Б.*

А. И. Скибневскій. «Фарфорово-фаянсовое производство Гжельскаго района Московской губ. въ санитарномъ отношеніи». (Февраль). *В. Ш.*

Сулержицкій. «Въ Америку съ духоборами». (Іюнь). *В. Е.*

А. И. Фаресовъ. «Семидесятники». (Мартъ). *А. Б.*

У. Уорнеръ. «Неотложное дѣло». (Январь). *И. Василевскій.*

Исторія всеобщая и русская. Мемуары.

Д. Д. Ахшарумовъ. «Изъ моихъ воспоминаній». (Августъ). *А. Б.*

Альберъ Вандаль. «Возвышеніе Бонапарта». (Ноябрь). *Е. Тарле.*

Проф. Р. Ю. Виппперъ. «Учебникъ древней исторіи». (Февраль). *В. Сторожевъ.*

Prof Friedrich von Wieser. «Ueber Vergangenheit und Zukunft der oster reichischen Yerfassung». (Октябрь). *П. Б—нъ.*

Проф. М. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи украинскаго народа». (Февр.). *В. Сторожевъ.*

А. Дмитріевъ-Мамоновъ. «Декабристы въ Западной Сабири». (Дек.). *П. Г.*

А. Ефименко. «Южная Русь». (Августъ). *А. Лотоцкій.*

И. Забѣлинъ «Исторія города Москвы». (Май). *В. Сторожевъ.*

Н. П. Загоскинъ. «Исторія Императорскаго Казанскаго университета». (Іюнь). *Евг. Тарле.*

Н. Карѣевъ. «Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка». (Іюнь). *Е. Т.*

А. И. Маркевичъ. «Таврическая губернія во время крымской войны». (Апрѣль). *В. Сторожевъ.*

П. Г. Мижуевъ. «Крестьянское царство». (Іюль). *М. Бернацкій.*

Н. Мировичъ. «Страница изъ великой французской революціи». (Авг.). *А. Б*

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. (Октябрь). *С. Ашевскій.*

Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Т. I. (Мартъ). *Евг. Т.*

С. В. **Пантелѣева.** «Нидерланды и Бельгія». (Ноябрь). *Е. Тарле.*

Л. **Пантелѣевъ.** «Изъ воспоминаній прошлаго». (Іюнь). *А. Б.*

Планъ государственнаго преобразованія графа М. М. Сперанскаго. (Іюнь). *В. Сторожевъ.*

К. **Скальковскій.** «Воспоминанія молодости». (Ноябрь). *Мих. Лемке.*

Баронъ М. А. Таубе. «Христіанство и международный миръ». (Апр.). *Е. Т.*

Е. Н. **Щепкина.** «Чтенія по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ». (Февраль). *В. Сторожевъ.*

Фюстель де-Куланжъ. «Исторія общественнаго строя древней Франціи». (Февраль). *Евг. Т.*

Юридическія науки. Государственное право.

В. Беджготъ. «Государственный строй въ Англіи». (Окт.). *Е. Тарле.*

І. В. Гессенъ. «Судебная реформа». (Мартъ). *В. Сторожевъ.*

Дайси. «Основы государственнаго права Англіи». (Май). *Е. Т.*

Еллинекъ. «Декларація правъ человѣка и гражданина». (Май). *Т.*

А. Л. Лоуэлль. «Правительства и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы. (Авг.). *В. Е.*

Антонъ Менгеръ. «Новое ученіе о государствѣ. (Ноябрь). *В. Е.*

Н. Сѣверный. «Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. (Ноябрь). *В. Е.*

Соціологія, политическая экономія, финансы.

С. Bouglè. Solidarisme et liberalisme. (Авг.). *П. Берлинъ.*

Б. Веселовскій. «Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ». (Дек.). *М. Г—ій.*

Dr. jur. Oscar Wettstein. Ueber das Verhältnis zwishen staat und Presse mit besonderer Berucksichtigung der Schweiz. (Іюль). *Ф. Гольдштейнъ.*

Ог. де Виннъ. «Среди фламандскихъ рабочихъ». (Мартъ). *М. Бернацкій.*

«**Ежегодникъ**» Министерства Финансовъ. Вып. 1904 г. (Іюль). *Л. Б.*

В. Зомбартъ. «Идеалы соціальной политики». (Янв.). *Л. Б.*

Изданія: «Молотъ», «Буревѣстникъ», «Козминъ», «Алексѣева», «Демосъ», «Разсвѣтъ», «Впередъ», «Лучъ», «Новая Заря». (Ноябрь). *В. Р.*

К. Каутскій. «Эрфуртская программа». (Дек.). *Л. Б.*

«**Экономическое ученіе.**» К. Маркса въ изложеніи Карла Каутскаго. (Сент.). *Л. Б.*

А. Колкотинъ. «Кустарный вопросъ въ Россіи». (Мартъ). *М. Бернацкій.*

В. П. Колобаевъ. «Забастовки и заработная плата». (Сент.). *В. Ш.*

Ю. Лавриновичъ. «Рабочіе союзы». (Дек.). *М. Г—ій.*

«**Письма Фердинанда Лассаля**» къ К. Марксу и Энгельсу. (Окт.). *Л. Б.*

П. Лафаргъ. «Американскіе тресты». (Іюнь). *Л. Б.*

Карлъ Марксъ. a) Историческіе очерки Германія въ 1848—50 гг. b) Итоги 48-го года. (Ноябрь). *П. Берлинъ.*

Карлъ Марксъ. «Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 г. (Дек.). *Л. Б.*

Карлъ Марксъ. «Гражданская война во Франціи (1870—1871 г.). (Дек.). *Л. Б.*

П. П. Мигулинъ. «Война и наши финансы». (Май). *М. Бернацкій.*

П. Г. Мижуевъ. «Соціологическіе этюды». (Апр.). *М. Бернацкій.*

Проф. А. Н. Минлашевскій. «Стачки и соціальный вопросъ». (Сент.). *В. Ш.*

Франческо Нитти. «Основныя начала финансовой науки». (Апр.). *А. Рыкачевъ.*

В. Норовъ. «Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики». (Апр.). *М. Бернацкій.*

«Очерки по крестьянскому вопросу». Сборникъ подъ редакціей проф. А. А. Мануилова. Вып. II. (Февр.). *М. Бернацкій.*

Л. Б. Скаржинскій. «Забастовки и рабочія сотоварищества». (Сент.). *В. Рыжовъ.*

«Составъ служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ» въ отношеніи подданства языка и образовательнаго ценза. (Май). *В. Шарый.*

«Статистика» выхода рабочихъ за границу съ 1900 по 1903 г. (Іюнь). *В. Шарый.*

Клара Цеткина. «Женщина и ея экономическое положеніе». (Авг.). *Л. Б.*

У. Шмеле. «Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи». (Янв.). *Ю. Лавриновичъ.*

Б. Уэббъ. «Кооперативное движеніе въ Англіи». (Авг.). *Л. Б.*

Карлъ Родбертусъ Ягецовъ. «Сочиненія». Т. I. (Мартъ). *М. Бернацкій.*

Философія и психологія.

Р. Авенаріусъ. «Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи Л. Луначарскаго». (Окт.). *N N.*

«Библіотека философовъ». XI. Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе. (Сент.). *N. N.*

Богдановъ, А. «Эмпиріомонизмъ». (Декабрь). *N. N.*

Проф. Виндельбандъ «Прелюдіи». Философскія рѣчи и статьи. (Февр.). *N. N.*

Вильгельмъ Виндельбандъ. «О свободѣ воли». (Апр.). *N. N.*

Робертъ Гейеръ. «Герои Ибсена съ психіатрической точки зрѣнія». (Апр.). *Л. В—ій.*

Гаральдъ Гефдингъ. «Философскія проблемы». (Іюнь). *N. N.*

Гансъ Корнеліусъ. «Введеніе въ философію». (Май). *N. N.*

Фридрихъ Паульсенъ. «Иммануилъ Кантъ». (Іюль). *N. N.*

«Проблемы психологіи». (Декабрь). *N. N.*

Л. Шестовъ. «Апоѳеозъ безпочвенности». «Іюль». *N. N.*

Куно-Фишеръ. «Исторія новой философіи». (Іюнь). *N. N.*

И. И. Фоминъ. «Введеніе въ исторію философіи». (Сент.). *N. N.*

Естествознаніе. Геологія. Географія

S. A. Arrhenius. «Физика неба». (Апрѣль). *А. Т.*

F. Auerbach. «Царица міра и ея тѣнь». (Сентябрь). *В. Агафоновъ*

Л. Бергъ. «Рыбы Туркестана». (Октябрь). *П. Ю. Ш.*

Е. Варминга. «Растеніе и его жизнь». (Іюль). *И. Новопокровскій.*

Вселенная и человѣчество. (Іюль). *Н. П. Л.*

С. П. Глазенапъ. «Друзьямъ-любителямъ астрономіи». (Янв.). *А. П. А.*

П. Головачевъ. «Сибирь: природа, люди, жизнь». (Октябрь). *Г. Б.*

Г. И. Ивановъ. «Начальный курсъ географіи». (Май). *П. Г—овъ.*

В. Капельнинъ и В. Флеровъ. «Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній». (Февраль). *Б. Федченко.*

К. Келлеръ. «Жизнь моря». (Сентябрь). *Н. П. А.*

К. Кейльгакъ. «Практическая геологія». (Январь). *В. Аг.*

Викторъ Кименталь. «Какъ слѣдуетъ учиться». (Сент.). *В. Агафоновъ.*

Г. В. Коннъ. «Невидимые богатыри». (Май). *Врачъ Л. В—ій.*

Проф. П. А. Костычевъ. «Почва, ея обработка и удобреніе». (Май). *В. Аг.*

Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ сост. технологъ І. Хатавнеръ. (Февраль). *Туд—скій.*

Лекціи Лоренца. «Видимыя и невидимыя движенія». (Февр.). *Туд—скій.*

Небесныя свѣтила составилъ В. П. Вахтеровъ. (Сентябрь). *Н. П. А.*

А. П. Нечаевъ. «Картины родины». (Май). *В. Агафоновъ.*

Д. М. Никольскій. «Пресмыкающіяся и земноводныя Россійской Имперіи». (Октябрь). *П. Ю. Щ.*

С. Ньюкомъ. «Астрономія для всѣхъ». (Іюль). *Н, П. А.*

Оланьонъ. «Сибирь и ея экономическая будущность». (Декабрь). *П. Г.*

Э. Реклю. «Земля и люди». (Май). *П. Г—овъ.*

Рихардъ. «Новѣйшіе успѣхи въ области электричества». (Февраль). *Туд—екій.*

С. Ростовцевъ. «Опредѣлитель растеній для школъ и самообразованія». (Апрѣль). *Грумъ-Гржимайло.*

Сергѣй Рупинъ. «Въ Маньчжуріи». (Май). *П. Г—овъ.*

F. P. Treadwell. «Курсъ аналитической химіи въ 2-хъ томахъ». (Январь). *Д. М.*

Альфредъ Р. Уоллесъ. «Мѣсто человѣка во вселенной». (Февр.), *Н. П. А.*

М. В. Усковъ. «Первые уроки естествовѣдѣнія». Часть І. (Янв.). *В. Аг.*

Г. Якобсонъ и В. Біанки. «Прямокрылыя и ложно-сѣтчатокрылыя Россійской Имперіи». (Апрѣль). *Б. Федченко.*

Г. Г. Якобсонъ. «Жуки Россіи и Западной Европы». (Май). *Н. Грумъ-Гржимайло).*

Проф. В. Шимкевичъ. «Курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ». (Октябрь). *П. Ю. Щ.*

Медицина и гигіена.

Н. Новомбергскій. «Черты врачебной практики въ московской Руси». (Апрѣль). *Врачъ Л. В - ій.*

Врачи А. А. и В. Д. Черевковы. «Курсъ гигіены для среднихъ учебныхъ заведеній». (Октябрь). *Врачъ Л. Васильевъ.*

Д-ръ Хмѣлевскій. «Патологическій элементъ въ личности и творчествѣ Фридриха Ницше». (Іюль). *Врачъ Л. В—ій.*

Народныя изданія.

В. Алексѣевъ. «Народовластіе въ древней Руси». (Іюнь). *Л. К—ва.*

В. Анучинъ. а) «Сибирскія легенды». «Вѣчный скиталецъ». «Тахмахъ». б) «Уважили». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Н. Астыревъ. «Книга Жизни». (Январь). *Л. К—ва.*

Д. Айзманъ. а) «Саванъ». б) «Въ чужой сторонѣ». (Іюнь) *Л. К—ва.*

В. М. Б—въ. «Война съ Японіей». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Н. Березинъ. «Чао-Сянъ. Страна утро. Корея и корейцы». (Январь) *Л. К—ва.*

Е. И. Булгакова. «Заря будущаго». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Н. П. Вѣлоконскій. «Корея». (Январь). *Л. К—ва.*

И. Вазовъ. «Подъ игомъ». (Январь). *Л. К—ва.*

У. А. В—въ. «Какъ защищать свои имущественныя права на судѣ». (Январь). *Л. К—ва.*

В. В. Водовозовъ. «Всеобщее избирательное право на Западѣ». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Е. Волкова. а) «Въ лютое время». б) «Несчастный женихъ». (Январь). *Л. К—ва.*

Э. Геккель. «Подъ солнцемъ Индіи». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

М. Георгіевскій. «Японія и японцы». (Январь). *Л. К—ва.*

Франкъ Гердъ. «Вопль дѣтей». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Годъ на материкѣ южнаго полюса. (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

А. Горбуновъ. «Гарантіи личной свободы въ Англіи». (Іюнь). *Л. К—ва.*

С. Гусевъ-Оренбургскій. «Чужая вина». (Іюнь). *Л. К—ва.*

О. Давыдова. «Изъ воспоминаній учительницы». (іюнь). *Л. К—ва.*

И. И. Дитятинъ. «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ жизни московскаго государства». (Іюнь). *Л. К-ва.*

Дмитріева. а) «Ванька» б) «Марфушка». (Іюнь). *Л.К—ва.*

Н. П. Дружининъ. «Волостной сходъ». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

С. Живаго. «Страница изъ исторіи народнаго освобожденія въ Швецаріи». (Іюнь) *Л. К—ва.*

Зарницы, сборникъ стихотвореній. (Январь). *Л. К—ва.*

Е. Звягинцевъ. «Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX в.). (Іюнь) *Л. К—ва.*

К. Каутскій. «а) Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. б) Ирландія (Іюнь). *Л. К-ва.*

А. А. Кизеветтеръ. а) «Протопопъ Аввакумъ» б) «Русское общество въ XVIII ст.» в) «XIX в. въ исторіи Россіи» г) «Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX в.» д) «Кузнецъ—гражданинъ». (Январь). *Л. К—ва.*

Клочковъ. «Земскіе соборы въ старину». (Іюнь). *Л. К—ва.*

В. Короленко. «Страстная суббота». (Іюнь). *Л. К-ва.*

Крѣпостное право на Руси. «Сборникъ». (Іюнь). *Л. К—ва*

П. Лакомбъ. «Краткая исторія французскаго народа». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Лангманъ. «Бартель Туразеръ». (Іюнь). *Л. Кв—а.*

Гекторъ Мало. «Безъ семьи». (ноябрь) *Вѣра Фигнеръ.*

Л. Мельшинъ. «На Китайской рѣкѣ». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Ф. Мускатблитъ. «Битва при Ляоянѣ». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ*

Ф. Мускатблитъ. «Народное представительство». (Іюнь). *Л. К—ва.*

В. А. Мякотинъ. «На зарѣ русской общественности». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Ив. Наживинъ. «Среди могилъ». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Ив. Наживинъ. «Въ стѣнахъ». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Общедоступные разсказы изъ русской исторіи. (Іюнь *Л. К—ва.*

Д. Петрушевскій. «Великая хартія вольностей». (Январь). *Л. К—ва.*

Ѳ. Поступаевъ. «Пѣсни рабочей жизни». (Январь) *Л К—ва.*

Промыслы и торговля. въ древней Руси. сост. Владиміръ Лабунскій. (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

С. Русова. «Друзья римскаго народа братья Гракхи». (Январь). *Л. К—ва.*

С. Русова. а) «Какъ болгары добыли себѣ свободу». б) «На счастливыхъ островахъ». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Н. Рубакинъ. «Дѣдушка время». (Январь). *Л. К—ва.*

Ребакинъ. «Наша война съ Японіей». (Январь). *Л. К—ва.*

М Сабинина. «Изъ жизни земли». (Ноябрь) *Вѣра Фигнеръ.*

«Севастополь и его оборона». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

С. Т. Семеновъ. а) «Въ родной деревнѣ Гаврила Скворцовъ». б) «Родныя души». в) «Крестьянскіе разсказы». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Е. Сно. «Разсказы о родной странѣ и ея обитателяхъ». Десять очерковъ. (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

К. К. Суздальцевъ. «Другъ фабричныхъ дѣтей Ричардъ Остлеръ (Іюнь). *Л. К—ва.*

Н. Сѣверовъ. «Шербекскіе разсказы». (Іюнь). *Л. К-ва.*

В. Сѣрошевскій. а) «Кули». б) «Чукчи». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Тагѣевъ-Рустамъ-Бекъ. «Черезъ Алай и Памиръ». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Танъ. а) «Пашенькина смерть». б) Чорный студентъ». в) «Землепроходъ». г) Кто первый пролилъ на землѣ кровь». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Е. Н. Тихомирова. «Картинки изъ японской жизни». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Л. Н. Толстой. «Тяжелое бремя». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Де Турже-Туржанская. «Сапожникъ». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

А. Фагаццаро. «Холера». (Іюнь). *Л. К—ва.*

П. Хотымскій. «На новомъ мѣстѣ». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Человѣкъ-чудовище повѣсть съ французскаго въ изложеніи А. Юрьева. (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Черноморскія степи. «составлены Н. Далевской» (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Что такое Земскій соборъ. (Іюнь). *Л. К—ва.*

Вл. Щерба. «Изъ исторіи русской школы». (Январь). *Л. К—ва.*

Д. Языковъ. «Біографіи а) О. О. Садовской, б) А. Хомякова, в) А. Сухово-Кобылина, г) Ѳ. Тютчева». (Ноябрь). *Вѣра Фигнеръ.*

Л. Юрьева. «Дѣло Жерома». (Іюнь). *Л. К—ва.*

Н. М. Ѳедоровъ. «Дальній Востокъ. Японія, Корея и Манчжурія» (Января). *Л. К—ва.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го октября по 15-е ноября 1905 г.).

Н. Г. Чернышевскій. Полное собраніе сочиненій (въ 10 том., съ 4 портр.). Томъ VII. Современникъ 1860—1861. Основанія политической экономіи Д. С. Милля. Спб. 1905. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Ц. по подп. 15 руб., съ пер. 20 р.

Н. Новомбергскій. Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Лекціи. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

В. Тотоміанцъ. Формы рабочаго движенія. Спб. 1906. Изд. Н. Глаголева. Ц. 80 к.

Фридрихъ Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Перев. съ нѣм. Г. Котляра. Спб. 1906. Изд. то-же. Ц. 70 к.

Свящ. Н. Дьяковъ. Въ Манчжуріи съ Сибирскими стрѣлками (1904 г.). Спб. 1905. 1-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

Гр. Чалхушьянъ. Армянскій вопросъ и армянскіе погромы въ Россіи. (Панисламизмъ). Посвящается незабвен. памяти Г. Джаншіева. Ростовъ на/Д. 1905. Ц. 20 к.

Николай Бухъ-Полтевъ. Механико-экономическая параллель. Харьковъ. 1905. Изд. Н. Бухъ. Ц. 30 к.

П. Богаевскій. Красный крестъ въ развитіи международнаго права. Ч. I. Москва. 1906. Ц. 3 р.

Іог. Гербартъ. Главнѣйшія педагогическія сочиненія въ систематическомъ извлеченіи. Пер. съ нѣм. А. Адольфа. Москва. 1906. Изд. Тихомирова. Ц. 2 р. 25 к.

Н. Н. Черненковъ. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. Вып. I-й. Москва. 1905. Изд. Книгоиздат. «Новое Товарищество». Ц. 80 к.

Проф. М. Красноженъ. Тернія и плевелы въ нашихъ университетахъ. Къ вопросу объ университетской реформѣ. Юрьевъ. 1905. Ц. 50 к.

Проф. М. Красноженъ. Современные вопросы. Ц. 20 к.

— Дополненіе къ краткому очерку Церковнаго права. Ц. 20 к.

— Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. Ц. 25 к.

В. Розановъ. Около церковныхъ стѣнъ. Въ 2-хъ томахъ. Т. I. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Вернеръ Зомбартъ. Фридрихъ Энгельсъ (1824—1895 гг.). Изъ исторіи развитія соціализма. Пер. съ нѣм. Г. Котляра. Спб. 1905. Изд. Глаголева. Ц. 7 к.

Е. Фальборкъ и В. Чарнолускій. Національное собраніе. Спб. 1905. Изд. то-же. Ц. 1 р.

Карлъ Каутскій. Томасъ Моръ и его утопія. Перев. съ нѣмец. М. А. и А. І. Генкель. Спб. 1905. Изд. М. Пирожкова. Ц. 1 р. 25 к.

Софія Соколова. Критика этики Спенсера. Спб. 1905. Изд. то-же. Ц. 1 р.

Н. П. Дружининъ. Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права съ изложен. предположен. о реформѣ въ Россіи и закона о Госуд. Думѣ. Москва. 1905. Изд. Тихомирова. Ц. 1 р.

В. Ѳ. Дерюжинскій. Изъ исторіи политич. свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906. Ц. 2 р.

А. Флеровъ. Указатель книгъ по вопросамъ воспитанія и обученія. Критич. обзоръ педагогич. литературы. Москва. 1905. Вып. I-й. Изд. Тихомирова. Ц. 1 р. 50 к.

Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ Россіи вообще и за 1903 г. въ частности. Состав. секрет. III отд. В. Тотоміанцъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

С. Бородаевскій. Учрежденія мелкаго кредита въ 1903 году. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Избранныя произведенія нѣмецкихъ и франц. писателей, подъ редакц. С. А. Манштейна (съ истор.-литер. введеніями и спец. словарями). Спб. 1905. Изд. С. Манштейна. — Вильбрандтъ. «Розенгартенъ» и «Внутри и внѣ». Ц. 60 к. Нов. нѣм. писатели. Второй томъ. Ц. 60 к. Шиллеръ. Исторія тридцатилѣтней войны. Ц. 60 к. Вольтеръ. Исторія Карла XII. Ц. 60 к. Додэ. «Письма съ мельницы» и «Понедѣльнич. разсказы». Ц. 60 к. Местръ. «Параша-Сибирячка». Ц. 50 к. Новые французскіе писатели. Ц. 60 к. Тьерри. Завоеваніе Англіи. Ц. 60 к.

Книгоиздательство Е. Мягкова «Колоколъ». Первая библіотека. Москва. 1905. № 5. Ф. Лассаль. Гласный отвѣтъ Центр. Комитету. Ц. 5 к. № 6. Ж. Тэдъ. Коллективизмъ (съ франц.). Ц. 3 к. № 8. Изъ исторіи соціаль-демократіи въ Германіи. Сост. по книгѣ Р. Эсселя: «Герман. соц.-дем.». Ц. 10 к. № 9. А. Бебель. Очерки по женскому вопросу. Женщина и соціализмъ. Пер. съ нѣм. В. Поссе. Ц. 80 к. № 10. Его же. Будущее общество. Ц. 10 к. № 11. О всеобщемъ избирательн. правѣ, подъ ред. И. Рожкова. Ц. 3 к. № 13. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Капитализмъ и коммунизмъ. Перев. съ нѣм. Ц. 3 к. № 17. А. Бебель. Академики и соціализмъ. Ц. 5 к.

Изданія Горбунова-Посадова. Москва. 1906. Состав. И. Горбуновъ-Посадовъ. Красное солнышко. Первая кн. для чтенія дома и въ школѣ. Ц. 18 к. Ясная звѣздочка. Вторая книга. Ц. 40 к. Азбука-картинка, съ подвиж.-разрѣзн. буквами. Ц. 10 к. Кругомъ Свѣта. Ц. 1 р. 60 к.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ 2 ИЗДАНІЕМЪ

СБОРНИКЪ

„На славномъ посту“.

Сборникъ этотъ былъ составленъ и изданъ въ ознаменованіе сорокалѣтія литературной дѣятельности покойнаго Н. К. Михайловскаго.

Цѣна **3** руб.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

О русской сатирической журналистикѣ.—*PS.* Нашъ отвѣтъ „Сыну Отечества".

I.

Достаточно бросить бѣглый ретроспекитвный взглядъ на эпохи освободительнаго и революціоннаго движенія западно-европейской исторіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ онѣ совпадаютъ съ необычайнымъ подъемомъ сатирическаго творчества въ литературѣ. Сатира, а въ ближайшія къ намъ времена, и карикатура, достигаетъ въ эти эпохи высшихъ предѣловъ художественной цѣнности, и лучшія, міровыя, имена въ этой области творчества начинаютъ свою карьеру именно въ дни массоваго революціоннаго броженія.

Эпоха возрожденія, освободившая личность и культуру отъ вѣкового гнета католической церкви, выдвинула колоссальную фигуру Рабле, который «страшному общественному недугу своего времени предписалъ огромныя дозы смѣха». Въ двухъ его извѣстныхъ сатирахъ, «Гаргантюа» и «Пантагрюэль», до нашихъ дней не утратившихъ интереса, въ рѣзкой, острой формѣ вылилось все духовное, моральное и соціальное броженіе его бурной эпохи.

Сто лѣтъ спустя, когда и для Англіи наступило время кипучей политической дѣятельности, когда на островахъ вспыхнула борьба за независимость Ирландіи, общественное движеніе отозвалось въ литературѣ появленіемъ гнѣвной сатиры Свифта. Сатирикъ огромнаго таланта и силы, это былъ, по вѣрному замѣчанію Теккерея, Самсонъ, съ костью въ рукѣ бросающійся на враговъ и побивающій ихъ.

Приближаясь къ эпохѣ великой французской революціи, нельзя не вспомнить прежде всего Вольтера, сатирическіе памфлеты котораго, направленные противъ жрецовъ и царей и обильно приправленные при томъ «галльскою солью», будили въ возмущенныхъ уже сердцахъ французской буржуазіи неумолимую ненависть къ деспотизму.

Peuple! que la flamme s'apprête;
J'ai déjà, semblable au prophète,
Percé le mur d'iniquité:
Volez, detruisez l'injustice;
Saisissez au bout de la lice
La désirable liberté *).

Въ его многочисленныхъ памфлетахъ, сатирахъ, комедіяхъ ясно слышался первый боевой кличъ, призывавшій къ разгрому стараго, покоящагося на поколебленномъ уже авторитетѣ режимѣ. Вольтеръ инсценировалъ прологъ той великой революціонной драмы, занавѣсъ которой немного лѣтъ спустя взвилась,—какъ замѣтилъ Наполеонъ—съ первымъ актомъ знаменитой исторической комедіи Бомарше «Свадьба Фигаро». «Vous vous êtes donné la peine de naître, et

*) Народъ! пусть разгорается твое пламя. Подобно пророку, я пробилъ уже стѣну беззаконія; летите же, разрушайте несправедливость, завладѣвайте желанной свободой.

rien de plus» («Вы дали себѣ трудъ родиться, и больше ничего»). Эти язвительныя слова, которыми Фигаро опредѣляетъ дворянство, кичившееся своими привилегіями, вполнѣ опредѣляютъ революціонную сущность сатирической комедіи. И безспорно правъ историкъ литературы, утверждавшій, что «всякій, имѣющій глаза, могъ уже замѣтить красную шапку на головѣ торжествующаго Фигаро, а имѣвшій неглухими уши могъ услышать изъ глубины сцены глухіе удары гильотины».

Но это все-таки еще не революція, а только вступленіе къ ней. Когда же мы проникнемъ въ самую гущу революціоннаго движенія, которое окончательно поглотило всѣ силы населенія, то литературное выраженіе этого движенія представится намъ въ слѣдующемъ видѣ. Писатель, не имѣющій ни достаточнаго спокойствія, ни досуга для сколько-нибудь значительнаго произведенія—съ одной стороны, читатель, по тѣмъ же причинамъ не питающій никакой склонности зачитываться объемистой книжкой—съ другой, и въ результатѣ абсолютное преобладаніе на литературномъ рынкѣ небольшихъ по размѣрамъ памфлетовъ и газетъ, газетъ, безъ числа газетъ. Tout comme chez nous, добавимъ мы въ скобкахъ.

Памфлеты и статьи политическаго характера, чередуясь и переплетаясь съ соціальными темами, конечно, главенствовали въ этомъ дружномъ революціонномъ хорѣ. Но сатира, сатира, выражавшая всѣ степени искренняго паѳоса, неизмѣнно составляла ихъ живую душу, и въ каждомъ газетномъ листкѣ читатель вмѣстѣ съ новостями дня, вмѣстѣ съ серьезнымъ ихъ освѣщеніемъ неизбѣжно наталкивался и на болѣе или менѣе злую шутку и на проникнутую негодованіемъ сатиру.

Чтобы показать, какъ писались газетныя статьи въ эти бурные для Франціи годы, приведемъ здѣсь два болѣе или менѣе случайныхъ образца.

Вотъ, напримѣръ, статья «О парижскихъ и другихъ буржуа», напечатанная въ «Révolutions de Paris» 5—12 марта 1791 г. «Буржуа—пишетъ журналистъ—далеко не демократъ. Онъ монархистъ по инстинкту. Овцы также держатся за единоличную власть. Ничто не могло бы оторвать ихъ отъ пастуха, который, однако, стрижетъ ихъ такъ коротко, что даже задѣваетъ кожу, продаетъ ихъ мяснику, когда онѣ откормлены, или рѣжетъ ихъ для собственной кухни. Но овцы безъ собаки и пастуха оказались бы въ большомъ затрудненіи и не знали бы, что имъ дѣлать со своей свободой. Точно также и буржуа. На скалѣ живыхъ существъ его слѣдуетъ помѣстить между человѣкомъ и муломъ; онъ стоитъ въ срединѣ между этими двумя видами; это—оттѣнокъ, служащій переходомъ отъ одного къ другому; довольно часто онъ идетъ прямикомъ, подобно второму, иногда же пытается мыслить, подобно первому, но это не всегда удается ему» *).

Неудачное бѣгство Людовика XVI въ Вареннъ дало поводъ Кондорсе въ «Республиканцѣ» напечатать письмо «молодого механика», который брался

*) А. Оларъ. „Политич. Исторія Французской Революціи“. М. 1902 г., стр. 120.

изготовить для конституціонной коммиссіи въ двѣ недѣли и за недорогую цѣну короля съ королевской семьей и даже со всѣмъ дворомъ,—короля, который участвовалъ бы во всѣхъ торжествахъ, подписывалъ бы бумаги и давалъ бы констутуціонную санкцію. «Если будетъ рѣшено—писалъ «молодой механикъ»—что для монархіи существенно, чтобы король выбиралъ и отрѣшалъ министровъ, при чемъ, согласно здравой политикѣ, онъ, какъ извѣстно, долженъ сообразоваться съ желаніями партіи, владѣющей большинствомъ въ законодательномъ собраніи, президентъ котораго является однимъ изъ ея вождей, то легко придумать такой механизмъ, съ помощью котораго король будетъ получать списокъ министровъ изъ рукъ очередного президента, съ выраженіемъ благосклонности и величія на лицѣ... Мой король будетъ безопасенъ для свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ, при аккуратной починкѣ, былъ бы безсмертнымъ, что даже еще лучше чѣмъ быть наслѣдственнымъ. Можно было бы даже объявить его неприкосновеннымъ, безъ несправедливости, и непогрѣшимымъ, не впадая въ абсурдъ» *).

Іюльская революція во Франціи выдвинула такія крупныя сатирическія дарованія, какъ Беранже, а затѣмъ, въ самомъ концѣ ея, и Барбье. При всей своей скромности, Беранже не могъ самъ не признать своей почетной доли въ тріумфѣ 1830 г., который онъ давно предчувствовалъ и которому онъ много помогъ своими сатирическими пѣсенками. «Острыя стрѣлы этихъ пѣсенъ—говоритъ онъ въ своей прощальной пѣснѣ (Adieu, chansons!)—вонзались въ самый тронъ и здѣсь народъ подхватывалъ ихъ и снова металъ ихъ дружною толпою. И потомъ, когда этотъ тронъ осмѣлился угрожать своими громами, старыя ружья въ три дня низвергли его».

Что касается карикатуры, являющейся сатирой въ изобразительномъ искусствѣ, то связь ея съ освободительнымъ движеніемъ можетъ быть иллюстрирована освободительнымъ движеніемъ Германіи въ 1848 г. Этотъ годъ наивысшаго напряженія революціонной борьбы въ Германіи былъ также и годомъ основанія сатирическаго листка «Kladderadatsch», который въ теченіе многихъ лѣтъ затѣмъ оставался лучшимъ образцомъ изъ всего, что могла создать сатирическая журналистика всего культурнаго міра.

II.

Когда мы перейдемъ собственно къ русской журналисткѣ, то въ ея исторіи необходимо отмѣтить два момента особеннаго подъема сатирическаго настроенія, а именно первую половину царствованія Екатерины II-ой въ XVIII столѣтіи и періодъ 60-хъ годовъ въ XIX-мъ.

Вступленіе на престолъ Екатерины II совпадаетъ съ моментомъ усиленнаго броженія среди русскаго шляхетства. Только что раскрѣпощенное Петромъ III, но далеко еще не удовлетворенное указомъ 1762 г., дворянство энергично стремилось къ окончательной эмансипаціи, причемъ идеологическія основы для своего движенія оно щедрою рукою черпало изъ сокровищницы, снабжавшей

*) Ibid, стр. 167—168.

идеями весь тогдашній культурный міръ. Екатерина II-я, сама воспитанная на просвѣтительной философіи XVIII вѣка и мечтавшая преобразовать весь политическій и соціальный строй Россіи на началахъ разума и свободы, охотно пошла на встрѣчу господствовавшему движенію. Уже при самомъ вступленіи на престолъ она объявила, что манифестъ 1762 г. «болѣе стѣсняетъ дворянскую свободу, нежели отечественная польза требовать можетъ».

Въ дальнѣйшей же своей реформаторской дѣятельности она, какъ видно изъ Наказа, намѣтила для дворянства привиллегированное положеніе той посредствующей власти, которая, по Монтескье, отличаетъ монархическое правленіе отъ деспотіи.

Закипѣла реформаторская работа, коснувшаяся самыхъ разнообразныхъ частей сложнаго государственнаго механизма, начиная съ просвѣщенія, посредствомъ котораго мечтали даже создать «особую породу людей», и кончая всѣми частями управленія, которыя, по словамъ Екатерины, «вышли изъ своихъ основаній» и нуждались въ самой широкой децентрализаціи. Заколебались и затрещали многіе изъ устоевъ стараго государственнаго режима и на ихъ мѣсто поспѣшно стали воздвигаться новые. И въ этомъ смыслѣ разсматриваемый періодъ можетъ быть названъ революціоннымъ.

Правда, это была «революція сверху», и, какъ въ большинствѣ подобнаго рода революцій, многія ея проявленія въ концѣ концовъ оказались оптическимъ обманомъ. Она не столько разрушала элементы стараго порядка, сколько перетасовывала ихъ, занималась не столько творчествомъ, сколько штопаньемъ и починкой.

Литература, какъ правдивое зеркало каждой создающей ее эпохи, вполнѣ точно отразила и присущія екатерининскому времени черты.

Въ качествѣ несомнѣннаго признака того факта, что русскій государственный организмъ переживаетъ какой то внутренній кризисъ, какъ-то вдругъ, казалось, невѣдомо откуда, одинъ за другимъ появились сатирическіе журналы, совершенно заполонившіе литературный рынокъ. «Всякая Всячина», «Трутень», «Живописецъ», «И то и сё», «Адская Почта», «Смѣсь», «Парнасскій Щепетильникъ», «Поденщина», «Вечеръ», «Кошелекъ», и др. другъ передъ другомъ изощрялись въ сатирической оцѣнкѣ современной имъ дѣйствительности.

Такова внѣшняя сторона екатерининской сатиры—бьющая въ глаза, шумная и крикливая, какъ было шумно и крикливо все въ этомъ показномъ, разсчитанномъ на всемірный эффектъ царствованіи. Содержаніе же сатиры ясно показывало, что источникъ ея лежитъ не въ глубинѣ народнаго сознанія, а питается всецѣло и исключительно отъ избытковъ господствующаго класса и его царственной покровительницы Екатерины II. Сатира того времени не только не толкала правительство впередъ, къ какимъ нибудь новымъ уступкамъ, но сама рабски шла на помочахъ у правительства, высмѣивая лишь то зло, которое уже было осуждено оффиціальною властью. Здѣсь екатерининская сатира ни на шагъ не подвинулась впередъ отъ сатиры петровскаго времени, которую, въ лицѣ единственнаго ея представителя Кантемира, Добролюбовъ

характеризовалъ слѣдующими словами. «Ставши подъ покровомъ оффиціальныхъ распоряженій, онъ смѣло каралъ то, что и такъ отодвигалось на задній планъ разнообразными реформами, уже приказанными и произведенными... Въ то время, когда вводилась рекрутская повинность, Кантемиръ изощрялся надъ неслужащими; когда учреждалась табель о рангахъ, онъ поражалъ боярскую спѣсь и мѣстничество, когда народъ отъ притѣсненій и непонятныхъ ему новостей всякаго рода бѣжалъ въ расколъ, онъ смѣялся надъ мертвой обрядностью раскольниковъ; когда народъ нуждался въ грамотѣ, а у насъ учреждалась академія наукъ, онъ обличалъ тѣхъ, которые говорили, что можно жить, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры» *)...

Связь сатиры екатерининскаго времени съ правительственной дѣятельностью была во всякомъ случаѣ не слабѣе кантемировской. Екатерина чуть ли ни сама первая открываетъ сатирическую войну, принимая живое участіе во «Всякой Всячинѣ». Она же даетъ сигналъ и къ окончанію этой войны: въ 1773 г. она прекращаетъ (по крайней мѣрѣ на продолжительный срокъ) свое сотрудничество въ обличительной литературѣ, въ 1774 г. прекращаются и сатирическіе журналы.

Сатира очень строго сообразуетъ удары своего бича съ направленіемъ и силою правительственныхъ актовъ, почтительному восхваленію которыхъ отдаютъ неизмѣнную дань всѣ журналы. И критика такъ тѣсно сплетается съ лестью, что даже у самой Екатерины вырывается язвительный вопросъ: «ай, сударь, доподлинно ли это критика или хитро сложенный пукъ хвалы?» Наконецъ, правительство, при всей тогдашней якобы свободѣ печати, очень зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы этотъ «хитро сплетенный пукъ хвалы» сатирическихъ журналовъ не превратился бы и въ самомъ дѣлѣ въ свободную критику. Едва ли по крайней мѣрѣ добровольно закрыты были журналы Н. И. Новикова «Трутень» и «Живописецъ», въ которыхъ сатира не всегда являлась скрытымъ панегирикомъ правительству, а затрагивала иногда вопросы нѣсколько глубже другихъ журналовъ.

III.

Добролюбовъ, въ только что цитированной нами статьѣ, посвященной сатирѣ екатерининскаго времени, обобщаетъ свои выводы и даетъ слѣдующую характеристику русской сатиры вообще: «Мы позволимъ себѣ—говоритъ онъ—указать на одну особенность нашей родной сатиры, до сихъ поръ почти не удостоенную вниманія ученыхъ изслѣдователей. Особенность эта состоитъ въ томъ, что литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ—и между тѣмъ, все-таки не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной небходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ. Это значитъ, что и сатира у насъ вовсе не есть «слѣдствіе зрѣлости общественной среды», а объясняется совер-

*) Соч. Добролюбова, т. I, „Русская сатира екатерининск. времени“, стр. 99.

шенно другими причинами. Причины эти не трудно понять: сатира явилась у насъ, какъ привозный плодъ , а вовсе не какъ продуктъ, выработанный самой народной жизнью».

Въ первой своей части это замѣчаніе представляется намъ безспорнымъ. Это наблюденіе чуткаго литературнаго критика, впервые отмѣтившаго сатирическую нотку, красной нитью пронизывающую всю нашу литературу. Смѣхъ, вскрывающій непримиримое противорѣчіе между идеей и фактомъ, слышится въ каждомъ произведеніи нашей беллетристики, какъ старой, такъ и новой.

Но юморъ нашей литературы далеко не «роскошь» и не «забава». Сатира наша не привозный плодъ, а собственное наше дѣтище, выросшее на чудовищной антитезѣ между верхами и низами русскаго населенія. Въ то время, какъ литература наша все время держится на уровнѣ европейской мысли, всѣ теченія которой не ускользаютъ отъ ея болѣе или менѣе внимательнаго изученія, низы населенія, иначе говоря весь русскій народъ искусственно задерживается самодержавнымъ правительствомъ во мракѣ полнаго невѣжества. Даже въ періоды самаго свирѣпаго цензурнаго террора русская литература успѣвала, всѣми правдами и неправдами, пріобщаться къ самымъ смѣлымъ завоеваніямъ европейской мысли. Но даже въ моменты самаго либеральнаго настроенія, къ какому только способно русское самодержавіе, оно всѣми средствами, отъ административной высылки и до каторги и висѣлицы включительно, боролось съ тѣми, кто шелъ къ народу популяризировать идеи, уже легализированныя русской журналистикой. Цѣлыя арміи поповъ, шпіоновъ, жандармовъ, урядниковъ, инспекторовъ и всякихъ иного званія и вѣдомства охранителей стояли на пути, по которому русская мысль со страницъ журналовъ могла приблизиться къ народу, и всячески охраняли его отъ малѣйшихъ проблесковъ свѣта. Писатель пописывалъ, читатель, и притомъ очень немногочисленный сравнительно читатель, почитывалъ, а вся огромная масса населенія страны коснѣла въ невѣжествѣ и страхѣ. Неудивительно, что и читатель, усваивая идеи, въ избыткѣ преподносимыя ему литературой, но не имѣя никакихъ средствъ для реализаціи этого духовнаго богатства, робко ежился въ своемъ углѣ и старался дѣлать видъ, что ничего то онъ не знаетъ, ни о чемъ то онъ, бѣдный, не слышалъ.

Единственное, что роднило писателя съ читателемъ, что являлось для нихъ въ то же время практическимъ результатомъ ихъ совмѣстной духовной работы—это юморъ, смѣхъ, освобождавшій ихъ отъ цѣпей жестокаго режима. И оба они высмѣивали этотъ режимъ, высмѣивали все, что ихъ окружало, и съ чѣмъ не могла мириться критическая мысль, и этотъ смѣхъ ободрялъ ихъ, потому что то, надъ чѣмъ смѣешься, перестаетъ быть страшнымъ и кажется ничтожнымъ и мелкимъ.

Изъ того, что сатира петровскихъ и екатерининскихъ временъ шла въ своихъ обличеніяхъ не собственной дорогой, а слѣдовала за правительственной властью, еще нельзя заключать о ничтожномъ ея значеніи или о значеніи ея, какъ привознаго продукта, чуждаго русской почвѣ.

Сатира растетъ и крѣпнетъ параллельно росту освободительнаго или рево-

люціоннаго движенія. Сатира отражаетъ въ себѣ избытокъ идей, усвоенныхъ даннымъ обществомъ, какъ революція—избытокъ накопившейся энергіи. Сатира не создаетъ новыхъ идей, она не творитъ, а лишь популяризируетъ, преслѣдуя нарушенное равновѣсіе между усвоенной уже идеей съ одной стороны и фактами современной дѣйствительности—съ другой. Точно также и революціонныя эпохи являются эпохами не творчества, а только реализаціи накопленныхъ и усвоенныхъ раньше идей.

Ясно, стало быть, что источникъ, высота и напряженіе сатирическаго и революціоннаго подъема должны находиться въ полномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. И такъ какъ дѣло обновленія государственной жизни Россіи, которое, съ извѣстными перерывами и колебаніями, совершалось въ XVIII столѣтіи, было собственно дѣломъ одного господствующаго класса, то, само собою разумѣется, что и сатира того времени могла быть идейнымъ выраженіемъ только этого революціоннаго процесса, только въ русло этого послѣдняго она могла устремить свой потокъ.

Исключенія, какъ извѣстно, только подтверждаютъ правило. И по отношенію къ сатирѣ екатерининскаго времени отдѣльныя имена Новикова и особенно Радищева говорятъ намъ о силѣ сатирическаго потока, который не весь могъ быть умѣщенъ въ отведенное для него русло. Мысль всегда опережаетъ практику. И, конечно, отдѣльныя волны сатирической мысли не могли не опередить практической работы классовой дворянской революціи. Уже Новиковъ въ своихъ сатирическихъ журналахъ дѣлалъ осторожные, легкіе набѣги на крѣпостное право, на почвѣ котораго собственно и совершалась тогдашняя дворянская эмансипація. Съ нимъ, какъ съ сатирикомъ, справились однако безъ особеннаго труда. Но ужасъ, прямо ужасъ, потребовавшій для своего изцѣленія сильныхъ средствъ застѣночныхъ дѣлъ мастера Шешковскаго, вызвала въ правящихъ сферахъ извѣстная книга Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», съ ея характернымъ эпиграфомъ изъ Телемахиды: «Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй».

Что эта послѣдняя, вышедшая изъ «уязвленной страданіями человѣческой души» сатира дѣйствительно на много лѣтъ опередила свое время, объ этомъ можетъ судить теперь каждый, кто захотѣлъ пріобрѣсти книгу. Характерно, что понадобилось 115 лѣтъ, понадобилось провозглашеніе правительствомъ конституціонныхъ свободъ, понадобился затѣмъ самочинный захватъ этихъ свободъ самимъ обществомъ, чтобы книга Радищева, наконецъ-то, вышла въ свѣтъ, вышла революціоннымъ путемъ.

IV.

Славное имя Радищева можетъ служить намъ связующимъ звеномъ между екатерининскимъ временемъ и эпохой такъ называемыхъ «великихъ реформъ». Самодержавное правительство Александра II, вынужденное крымскимъ разгромомъ приняться за дѣло оздоровленія государственнаго организма Россіи, обнаруживало большую склонность разрѣшить основной крестьянскій вопросъ простымъ дарованіемъ крестьянамъ личной свободы, безъ выкупа. И только энер-

гическое вмѣшательство общества и печати, въ которыхъ живы были освободительныя традиціи Радищева, заставили правительство расширить планъ крестьянской эмансипаціи въ смыслѣ обязательнаго надѣленія землею на началахъ выкупа.

Такимъ образомъ, хотя Александръ II, публично заявившій, что «лучше освободить крестьянство сверху, чѣмъ ожидать освобожденія его снизу», и питалъ себя иллюзіей, что онъ «совершаетъ революцію сверху», но на самомъ дѣлѣ событія совершились нѣсколько иначе.

Всѣ реформы его царствованія являлись результатомъ борьбы, въ которой самодержавное правительство играло далеко не прогрессивную роль. Оно по силѣ возможности сопротивлялось, торговалось и, наконецъ, уступало давленію демократической части общества, за которымъ молчаливо, но въ довольно таки угрожающей позиціи, стояли огромныя массы крестьянства. Открытой борьбы, со всѣми присущими ей атрибутами, конечно, не было, но возможность ея представлялась тѣмъ болѣе вѣроятной, что отдѣльныхъ крестьянскихъ бунтовъ эта эпоха насчитываетъ не мало. Отсюда—половничатость всѣхъ осуществляемыхъ реформъ, отсюда—и большая глубина и напряженность сатиры, которую правительство могло подавлять, но дирежировать которою оно было уже не въ силахъ. И если для полной характеристики эпохи Екатерины II-ой мы могли бы ограничиться именами реформаторовъ и сатириковъ, то для характеристики эпохи Александра II мы должны были бы дополнить нашъ списокъ именами революціонеровъ, начиная съ Михайлова (процессъ 1861 г.) и кончая Перовской, Желябовымъ и другими (процессъ 1881 г.).

Характеристику сатиры этого періода мы давать здѣсь не будемъ. Читатели нашего журнала имѣютъ для этого достаточный матеріалъ, какъ въ нашемъ очеркѣ о Салтыковѣ, *) котораго выдвинула именно эта эпоха, такъ и въ очеркѣ М. К. Лемке, посвященномъ сатирическимъ журналамъ періода 1857—1864 гг. **) Напомнимъ лишь, пользуясь матерьялами этой послѣдней статьи, причину окончательной судьбы всѣхъ этихъ «Весельчаковъ», «Искръ», «Гудковъ», «Зрителей», «Занозъ» и другихъ сатирическихъ журналовъ, возникшихъ и погибшихъ въ этотъ освободительный періодъ русской исторіи.

Еще во время предварительной разработки проекта освобожденія крестьянъ, печать довольно рѣшительно заявляла о томъ, что этотъ актъ долженъ служить необходимымъ прологомъ къ общей реформѣ суда, адтинистраціи и мѣстнаго самоуправленія. Правительство, подъ дружнымъ напоромъ общественнаго мнѣнія, усвоило эту программу, хотя при осуществленіи ея и постаралось урвать въ свою пользу весьма существенные куски отъ всѣхъ реализуемыхъ реформъ. Въ одномъ лишь самодержавное правительство не желало сдѣлать общественнымъ требованіямъ никакой уступки: — каменной стѣной оградило оно себя и всѣхъ своихъ агентовъ отъ прямого общественнаго контроля и суда, и за эту крѣпостную стѣну оно не допускало никого посторонняго. Опричина

*) См. „М. Е. Салтыковъ. Опытъ литературной характеристики“. „Міръ Б.“ 1904 г., кн. 4, 6 и 7. –

**) См. „Міръ Божій“ 1903 г. №№ 6, 7 и 8.

и земщина продолжали, какъ и во времена Ивана Грознаго, стоять другъ передъ другомъ двумя вражескими лагерями, и противъ прочно укрѣпившейся въ своихъ позиціяхъ опричины, земщинѣ не оставалось никакого иного способа веденія военныхъ дѣйствій, какъ партизанскаго. Эту задачу и взяли на себя, главнымъ образомъ, сатирическіе листки, и Михайловскій не даромъ прозвалъ Курочкина «предсѣдателемъ суда общественнаго мнѣнія» Въ этомъ заключалось ихъ общественное значеніе, въ этомъ таилась причина ихъ гибели. Самодержавное правительство, всячески ограждая своихъ агентовъ отъ отвѣтственности передъ судомъ, не замедлило пустить въ ходъ всѣ свои скорпіоны, чтобы обезопасить своихъ слугъ отъ суда гласности. Всѣ удары правительства въ борьбѣ съ журналистикой направляются въ эту именно сторону.

Въ 1857 г. министръ народнаго просвѣщенія Норовъ приказомъ по цензурѣ обращаетъ вниманіе на «*полицейское направленіе*, которое своевольно и неумѣстно принято въ послѣднее время большинствомъ нашихъ періодическихъ изданій». Онъ подтверждаетъ «всѣмъ цензорамъ впредь быть осмотрительнѣе въ пропускѣ статей, которыя дѣлаютъ изъ журналовъ какую-то *уголовную палату*, а изъ всѣхъ чиновниковъ и администраторовъ, безъ разбора лицъ, — *подсудимыхъ* журнальному суду». За этимъ циркуляромъ въ изобиліи посыпались другіе, все болѣе и болѣе ограничивающіе права сатирической журналистики. Какъ видно изъ оффиціальныхъ документовъ того времени, правительство рѣшительно не находило возможнымъ мириться съ тѣмъ, чтобы журналистика осмѣливалась принимать на себя «роль публичнаго обвинителя противъ должностныхъ лицъ и *даже* цѣлыхъ присутственныхъ мѣстъ» *). Правительство ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ, чтобы журналистика могла «составлять судебную инстанцію на полицейскую расправу, предварять судебныя рѣшенія, вторгаться въ кабинетъ мирнаго чиновника, залѣзать къ нему въ служебный портфель, ревизовать, переворачивать его бумаги, сплетничать, доносить публикѣ и не публикѣ, диктаторски направлять такъ называемое общественное мнѣніе» и пр. **) Словомъ, для цензоровъ сатирической литературы создавались въ министерскихъ канцеляріяхъ обширные кодексы, которые совершенно уничтожили этотъ видъ литературы. И до нашего времени уцѣлѣли лишь жалкіе макулатурные листки, изъ которыхъ теща и порнографія вытѣснили всякую видимость ихъ былого общественнаго значенія.

V.

Такъ потянулись долгіе годы безправія. Русскій народъ казался погруженнымъ въ какой то тяжелый, полный кошмаровъ сонъ, и только быстро возрастающій ростъ политическихъ процессовъ и дознаній, сопровождающихся массовымъ истязаніемъ русскихъ людей въ тюрьмахъ, въ изгнаніи и ссылкѣ,

*) Изъ записки предсѣдателя комитета 1861 г. для пересмотра цензурнаго устава.

**) Изъ записки комиссіи 1862 г. для пересмотра цензурнаго устава.

свидѣтельствовалъ о томъ, что этотъ сонъ не такъ ужъ безнадеженъ. И Россія въ самомъ дѣлѣ просыпалась. Достаточно было первыхъ позорныхъ пораженій нашей арміи на театрѣ войны, какъ искра національнаго сознанія стала разгораться все болѣе и болѣе яркимъ пламенемъ. Литература, пренебрегая цензурными скорпіонами, значительно приподняла тонъ, обыватель пересталъ быть рабомъ, пересталъ бояться шпіоновъ и заговорилъ языкомъ свободнаго гражданина.

Въ сатирической литературѣ первой ласточкой русскаго возрожденія явился «Зритель», начавшій выходить лѣтомъ 1905 г. Этотъ журналъ съ перваго же номера обнаружилъ рѣшительное стремленіе отдѣлить себѣ отъ пошлыхъ шаблоновъ существовавшей юмористики и стать на путь политической сатиры. Однако, не смотря на всѣ его попытки обмануть бдительность цензурныхъ псовъ, онъ долженъ былъ появляться передъ читателемъ въ крайне изуродованномъ видѣ, а на 17-мъ номерѣ и совсѣмъ замолкнуть, такъ какъ 2-го октября былъ пріостановленъ по распоряженію знаменитаго отнынѣ творца государственной думы Булыгина. Къ счастью, пріостановка на этотъ разъ оказалась непродолжительной. Разыгралась октябрьская забастовка, на которую правительство отвѣтило манифестомъ 17-го октября, а 30-го «Зритель», украшенный красными знаменами на первой страницѣ, снова появился передъ публикой. За нимъ поспѣшилъ цѣлый рой другихъ журналовъ: «Стрѣлы» (30-го октября), «Сигналъ» и «Пулеметъ» (13-го ноября), «Буреломъ» (26-го ноября), «Дятелъ» (30-го ноября) и въ декабрѣ: «Пламя», «Жупелъ», «Фонарь», «Волшебный Фонарь», «Нагаечка», «Свобода», «Митингъ», «Пули» и другіе. О предстоящемъ выходѣ еще новой арміи сатирическихъ журналовъ въ газетахъ ежедневно пестрѣютъ объявленія.

Здѣсь мы не станемъ давать индивидуальной характеристики перечисленныхъ журналовъ. Для этого еще не настало время, тѣмъ болѣе, что внѣшность и содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ больше говоритъ о ихъ торопливости, чѣмъ о достаточной подготовленности. «Свобода», напримѣръ, съ полною откровенностью даже сама заявляетъ, что вышла безъ намѣченныхъ редакціей отдѣловъ и съ уменьшеннымъ количествомъ рисунковъ, вышла раньше срока, потому что надо было спѣшить: «событія не ждутъ...—объясняетъ журналъ—идетъ революція»...

Признаемъ эту мотивировку достаточно убѣдительной и не будемъ ставить въ вину журналамъ тѣхъ маленькихъ деффектовъ, которыми многіе изъ нихъ грѣшатъ. А въ общую всѣмъ имъ заслугу нельзя не поставить тотъ фактъ, что, при всей спѣшности ихъ выпуска, они, по выдержанности тона и опредѣленности содержанія, значительно опередили наши старые юмористическіе журналы. Правда, и эти послѣдніе добросовѣстно стараются перейти на новыя темы, но старая теща и разные фривольные сюжетцы вмѣстѣ съ привычкой завертывать остроты въ теплыя и просторныя ватныя одѣяла, сильно мѣшаютъ имъ приспособиться къ новымъ требованіямъ времени. И беззубымъ укусомъ неудачнаго конкуррента представляется намъ слѣдующее замѣчаніе одного изъ этихъ старомодныхъ увеселителей: «Въ чрезвычайномъ наплывѣ на литератур-

ный рынокъ грубыхъ и бранныхъ выходокъ нѣтъ, увы, ни сатиры, ни юмора» «Стрекоза», № 48).

Итакъ, мы будемъ говорить здѣсь только о *новыхъ* сатирическихъ журналахъ. Оцѣнка, данная ими современной дѣйствительности, представляетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что, несмотря на значительную численность этихъ журналовъ,—многіе изъ нихъ имѣли совершенно необычный въ нашей литературѣ тиражъ, достигающій ста и болѣе тысячъ экземпляровъ. Это значитъ, что ихъ голосъ прозвучалъ въ унисонъ настроенію огромнымъ массамъ русскаго читателя.

Общая картина русской жизни въ первыхъ (послѣ 17-го октября) номерахъ журналовъ вызываетъ къ себѣ полное недовѣрія, недоумѣвающее, но пока еще шутливое отношеніе.

Вотъ, напр., «Отрывокъ изъ французскаго учебника»:

«*Упражненіе.* Эта конституція, довольны ли вы ею дѣти? Да, господинъ, мы ею очень довольны и каждый день отправляемся въ больницу, гдѣ лежатъ нашъ добрый папаша и наша добрая мамаша. А вашъ старшій братъ, дѣти? Извините, господинъ, что онъ не говоритъ своего мнѣнія о конституціи, такъ какъ уже похороненъ. Магазины, почему ихъ заколачиваютъ? Мы ждемъ манифеста, дѣти, о дарованіи свободы». («Сигналъ» № 1).

«Буреломъ» (№ 1) указываетъ способы приготовленія «этой» конституціи:

«Берутъ нѣсколько «вѣрныхъ слугъ отечества», нѣсколько ротъ солдатъ, и, не жалѣя, патроновъ. Всѣмъ этимъ нагрѣваютъ народъ, пока онъ не вскипитъ. *Мажутъ* его... по губамъ обѣщаніями. *Много болтаютъ* до полнаго охлажденія и подаютъ на столъ въ формѣ Государственной Думы безъ народныхъ представителей».

«Зритель» (№ 20) по поводу той же Государственной Думы недоумѣваетъ:

«Что это, право?—избиратели, избиватели... Кто же въ Думу-то попадетъ?»

Недоумѣвая по поводу причинъ этой «неразберихи» въ правительственныхъ дѣйствіяхъ, журналы объясняютъ ее полной растерянностью правительства передъ событіями:

«Вопросъ объ учрежденіи въ Россіи республики, вопреки распространившимся слухамъ, еще не обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ—увѣряетъ «Сигналъ» (№ 4):—Въ придворныхъ сферахъ проектъ встрѣчаетъ мало сочувствія».

Кое-кто пытается всетаки помочь читателю разобраться въ тайнахъ современной политики. «Зритель» (№ 24) даетъ, напр., такой совѣтъ:

„Если хочешь знать не втуне,
Что намъ *нынче* принесло,
Справся лишь, кто *наканунѣ*
Ѣздилъ въ Царское Село".

Болѣе прочный критерій для лицъ, желающихъ оріентироваться въ хаосѣ современности, предлагаютъ «Стрѣлы» (№ 6). Журналъ рекомендуетъ строго отличать *законы*, которые опубликовываются собственно для иностранныхъ банкировъ, отъ *административныхъ распоряженій*, которыя издаются для русскихъ подданныхъ.

На послѣдней страницѣ «Жупела» (№ 1) мы находимъ прекрасную иллюстрацію («Орелъ-оборотень») въ развитіе этой мысли: для внѣшней политики—эффектная внѣшность, для внутренней—неприглядная сущность.

Пріемы осуществленія каждой изъ «возвѣщенныхъ» свободъ въ отдѣльности подтверждаютъ общія замѣчанія.

Свободу союзовъ «Стрѣлы» (№ 1) иллюстрируютъ въ видѣ полицейскаго, который держитъ въ дружескихъ объятіяхъ хулигана и мясника-черносотенника. Свобода собраній даетъ поводъ «Зрителю» (№ 18) нарисовать идиллическую фигуру околодочнаго, который 18-го октября обращается къ собравшейся толпѣ съ рѣчью:

«Господа, ну чего вы, право? Все, слава Богу, устроилось. Собранія разрѣшены, говорить можно вволю, такъ разойдитесь-же».

Свобода печати по новому закону опредѣляется «Дятломъ» въ такомъ противопоставленіи:

«Подцензурная печать сначала осматривается, а потомъ конфискуется, а свободная—сначала конфискуется, а потомъ осматривается».

Еще болѣе рѣзко расходится съ фактомъ провозвѣщенное слово «о дѣйствительной неприкосновенности личности»:

Мы свободны! Мы, какъ дѣти,
Съ теплой вѣрой вдаль взглянули...
А вокругъ—казаки, плети,
Льется кровь и свищутъ пули!

(„Стрѣлы“, № 4).

Положеніе опредѣляется съ достаточной ясностью, и «Стрѣлы» въ этомъ же номерѣ (№ 4) открываютъ журналъ зловѣщимъ, полнымъ мистическаго ужаса изображеніемъ «надвигающейся реакціи».

Другіе журналы въ текстѣ характеризуютъ положеніе такими же красками:

Съ востока—моръ, зловѣщая чума,
На западѣ—холера и аресты,
На югѣ—смерть, кровавыхъ „сотенъ“ тьма,
А съ сѣвера—штыки и... манифесты.

(„Зритель“, № 23).

„Въ верху“ все осенью дышало;
А конституція мигала,
Какъ плошки сала въ царскій день;
Свободы радостная сѣнь
Рукой безстыдной обнажалась:
Густѣлъ реакціи туманъ
И черной сотни караванъ
Тянулся въ Питеръ. Приближалась
Совсѣмъ ужъ сверная пора:
Стоялъ Игнатьевъ у „двора“.

(„Сигналъ“, № 4).

Быть можетъ, въ эстрактѣ, который мы приготовили для нашего читателя изъ отзывовъ сатирическихъ журналовъ объ общемъ положеніи страны, этотъ переходъ отъ юмора къ трагизму покажется кому-нибудь неожиданнымъ или мало обоснованнымъ. Но надо помнить, что сатира точно также, какъ и ка-

рикатура, выигрываютъ въ ясности, когда онѣ заняты не установленіемъ принциповъ, а индивидуализируютъ объекты своихъ нападеній. И этотъ знаменательный переходъ къ трагизму станетъ понятнымъ, когда мы остановимся на отдѣльныхъ элементахъ, изъ которыхъ собственно и сложилась общая картина.

VI.

Изъ отдѣльныхъ персонажей современнаго правительства — или, какъ теперь стало всѣмъ извѣстнымъ—правительствъ, наибольшее вниманіе сатирическіе журналы удѣлили Витте. Оно и понятно. Во-первыхъ, гр. Витте является авторомъ манифеста 17-го октября и долженъ былъ бы явиться и реализаторомъ «возвѣщенныхъ» свободъ. Во-вторыхъ, онъ долгое время интриговалъ и мистифицировалъ общество, изображая изъ себя двуглаваго Януса. Онъ пытался всѣми средствами убѣдить всю Россію, весь міръ, что русское государство—это собственно и есть онъ, графъ Сергѣй Юльевичъ Витте, съ подначальнымъ ему кабинетомъ. А то вдругъ, дѣлая видъ угнетенной невинности, онъ недвусмысленно начинаетъ кивать на собственный свой кабинетъ, мимо кабинета и выше кабинета.

Въ «Сказкѣ о хитромъ Сергѣѣ» «Жупелъ» разсказываетъ о томъ, какъ на Руси водворилась смута и какъ для ея усмиренія сочинили государственную думу и пригласили Митюху.

Сталъ орудовать Митюха:
Шипко дрался онъ по уху
Да вдобавокъ—каждый разъ
Влѣпитъ въ брюхо, либо въ глазъ.
Донималъ онъ заточеньемъ
И военнымъ положеньемъ,
Билъ и плеткой, какъ умѣлъ,
И патроновъ не жалѣлъ.

Смута однако не унималась. Смущенное начальство рѣшило пригласить хитраго Сергѣя, и онъ:

Настрочилъ въ одинъ присѣстъ
Небывалый манифестъ.

Начальство заартачилось было принять такое неудобное для него средство, но Сергѣй сейчасъ же успокоилъ его:

Пусть Митюха остается,
Пусть по прежнему дерется,
Пусть палитъ еще сильнѣй—
Все мнѣ на руку, ей-ей!
Я уступокъ не желаю,
Я вѣдь только *обѣщаю*,
А потомъ... Клянусь я вамъ,
Ничего я *имъ* не дамъ!

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ стихотвореніемъ находятся и помѣщенная въ «Стрѣлахъ» (№ 3) каррикатура, гдѣ гр. Витте, въ поварскомъ костюмѣ, изготовляетъ возвѣщенныя свободы на маргариновомъ маслѣ. Припра-

вами къ этой стряпнѣ служатъ тщательно разставленныя на полочкѣ склянки съ надписями: погромы, военное положеніе, черная сотня и др. Разумѣется, плита дымитъ во всю, что, видимо, смущаетъ повара.

Декоративное усердіе, которое проявилъ премьеръ въ поискахъ «людей» для кабинета министровъ, доставилъ журналамъ много веселаго матеріала. Но вотъ кабинетъ, заново обставленный подержанной мебелью, готовъ, и сатира спѣшитъ привѣтствовать его:

Вотъ они, мужи искомые
Нуждъ отечества печальники!
Эва! лица-то знакомые—
Тѣ же все столоначальники!

(„Зритель", 19).

Заигрываніе премьера съ разными группами населенія и особенно его неудачное братанье съ рабочими, для всѣхъ очевидная ложь правительственныхъ сообщеній, нагло извращающихъ факты, все это нашло себѣ должную оцѣнку въ сатирическихъ листкахъ. Не укрылись, разумѣется, отъ сатиры и тайныя цѣли всей этой совсѣмъ нехитрой механики.

Въ № 3 «Сигнала» дана карикатура: «Портной». Графъ Витте, при тускломъ свѣтѣ сальнаго огарка, воткнутаго въ пустую бутылку «монополькы», учердно штопаетъ двуглаваго орла. Работа, видимо, производится на спѣхъ, неумѣло, бѣлыми нитками, такъ что всѣ заштопанныя мѣста только подчеркиваютъ полную негодность стараго хлама. № 4 того же журнала продолжаетъ и поясняетъ основную мысль карикатуры. Здѣсь графъ Витте выступаетъ уже въ роли торговца имъ же заштопаннаго товара. Жалкое, умоляющее выраженіе его лица, съ одной стороны, и презрительная гримаса иностраннаго банкира—съ другой,—показываютъ, что вся работа портного пропала даромъ, и что охотниковъ на штопанную птицу найти мудрено.

Постепенно обнажая скрытыя пружины политики Витте, сатирическія журналы вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣняютъ свое отношеніе къ ней. Шутки по его адресу, хотя бы даже и злыя, появляются все рѣже и рѣже. Негодующія строки, какъ бы сами собой вырываются изъ подъ пера.

Свобода съ облаковъ на землю опустилась,
Но на Руси она худой пріемъ нашла.
Въ раздумьи у рѣки она остановилась—
Погода бурная была.
У берега челнокъ, а въ челнокѣ—графъ Витте...
Не знаетъ, плыть иль нѣтъ? А онъ ее манилъ!
Рѣшилась! Поплыли... И графъ ее сердито
Въ потокахъ крови утопилъ.

(„Буреломъ", 2).

Чисто обывательская недальновидность, которую долго дѣлили сатирическіе журналы со всѣми умѣренными буржуазными слоями населенія, дѣлала ихъ похожими на страусовъ, отворачивающихся отъ очевидной опасности. Такъ хотѣлось повѣрить искренности всѣхъ многочисленныхъ конституціонныхъ завѣреній премьера, что глаза невольно отворачивались отъ его перепачканныхъ въ народной крови рукъ. Хотѣлось думать, что это не кровь, а

только перчатки кроваво-краснаго цвѣта на чисто вымытыхъ рукахъ. Въ крайнемъ случаѣ, когда уже нельзя было не замѣчать крови, утѣшали себя надеждой, что это лишь брызги кровавыхъ дѣлъ, совершаемыхъ не имъ, а только палачами, окружающими гуманнаго премьера. Иллюзія эта находила опору для себя въ двухъ обстоятельствахъ.

Во-первыхъ, какъ доказательство искренности признанія на верху конституціонныхъ началъ приводился выходъ въ отставку, такого столпа реакціи, какимъ былъ Побѣдоносцевъ, о которомъ «Зритель» (№ 19) писалъ:

Благочестивый старичекъ,
Онъ вынесъ бы антихриста явленье,
Онъ вынесъ бы и свѣтопреставленье,—
Но конституціи онъ вынести не могъ.

И если онъ поспѣшилъ уйти, то, слѣдовательно, актъ 17-го октября есть дѣйствительно актъ отреченія отъ принциповъ самодержавнаго режима. Аргументъ казался убѣдительнымъ, и «благочестивый старичекъ» на своихъ сгорбленныхъ отъ тяжести лѣтъ и преступленій плечахъ долженъ былъ вынести весь огромный репертуаръ проклятій, который посыпался въ догонку похороненнаго, казалось, режима. Въ стихахъ, прозѣ, въ карикатурахъ несчастнаго старца наградили эпитетами, изъ которыхъ «кровожадный вампиръ» былъ далеко не самымъ сильнымъ, а «отвратительная жаба»—далеко не самымъ презрительнымъ.

Во-вторыхъ, рядомъ съ визиратомъ Витте, въ качествѣ наслѣдія отъ «стараго режима», находился другой визиратъ—Трепова, и въ распоряженіи этого послѣдняго была вся военная и черносотенская организація россійскаго самодержавія. И оставивъ въ сторонѣ Витте, сатира весь свой гнѣвъ обрушила на браваго генерала, ему одному приписывая всѣ тѣ потоки крови, которые были пролиты въ Россіи во славу манифеста въ первые дни послѣ его опубликованія. Треповъ залилъ манифестъ народной кровью—таково было единодушное мнѣніе всей, не только сатирической, печати. И г. Шебуевъ въ «Пулеметѣ» (№ 1) образно повторилъ это обвиненіе, воспроизведя манифестъ съ отпечаткомъ окровавленной руки и съ надписью: «Къ сему листу Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Треповъ руку приложилъ».

Какъ извѣстно, по дѣлу о «Пулеметѣ» возникъ судебный процессъ. Намъ лично возможность процесса представлялась въ слѣдующимъ видѣ. Сначала возникаетъ дѣло по обвиненію г. Шебуева генераломъ Треповымъ въ клеветѣ. Судъ вызываетъ свидѣтелей, экспертовъ и ставитъ вопросъ: «правда ли, что «къ сему листу» Треповъ приложилъ свою окровавленную руку?»—Правда, правда—скажутъ въ одинъ голосъ свидѣтели и эксперты. И тогда уже возникаетъ новое обвиненіе, на этотъ разъ противъ Трепова, которое мы, изъ уваженія къ симпатіямъ генерала, готовы были бы передать на разсмотрѣніе хотя бы военно-полевого суда. Въ 24 часа вопросъ былъ бы рѣшенъ и вмѣстѣ съ Треповымъ снятъ съ очереди, что, вѣроятно, весьма и весьма содѣйствовало бы успокоенію судейской и общественной совѣсти. Но на дѣлѣ все пошло шиворотъ на выворотъ, и самый судъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ массы

сатирическихъ журналовъ, превратился въ сатиру на судъ, вынесшій г. Шебуеву, а не Трепову жестокій приговоръ съ юмористической мотивировкой.

Вмѣстѣ съ Треповымъ не ушли отъ суда общественнаго, какъ успѣли они ускользнуть пока отъ суда уголовнаго, и всѣ его достойные соратники, организаторы черносотенскихъ погромовъ, всѣ эти Слѣпцовы, Курловы, Нейдгарты, Скаллоны и прочіе герои, именъ которыхъ мы перечислять здѣсь не станемъ. Надѣемся, что скоро настанетъ день, когда длинные списки ихъ, украшенные перечнемъ черносотенныхъ подвиговъ, понадобятся для опредѣленія имъ болѣе реальнаго возмездія, чѣмъ то, которое можемъ предложить имъ мы, вооруженные лишь перьями, скромные литераторы. А пока что извлечемъ изъ журналовъ, просто для образца, строки, посвященныя хотя бы одному изъ этихъ дѣятелей, чтобы читатель могъ судить о степени признанія сатирой ихъ заслугъ передъ родиной.

Вотъ какое стихотвореніе посвящаетъ, напр., «Зритель» (№ 22) командующему войсками одесскаго военнаго округа барону Каульбарсу, «требовавшему» отъ подчиненныхъ ему войскъ «самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій оружіемъ»:

Жилъ въ лѣсу свирѣпый барсъ,
А въ Одессѣ—Каульбарсъ.
Дикій барсъ звѣрей съѣдалъ,
Каульбарсъ въ людей стрѣлялъ.
Барсъ лишь сытымъ быть хотѣлъ,
Каульбарсъ людей не ѣлъ.
Барсу—пуля суждена,
Каульбарсу—ордена.
Почему же участь барса
Хуже доли Каульбарса?
Или дайте орденъ барсу,
Или пулю Каульбарсу. и т. д.

VII.

Но вотъ ушелъ отъ видимаго участія во внутренней политикѣ Треповъ. Замолкли появившіеся было въ печати слухи о преданіи суду 24 черносотенныхъ губернаторовъ. А графъ Витте, послѣ продолжительныхъ и упорныхъ поисковъ конституціоннаго министра внутреннихъ дѣлъ для своего кабинета, остановилъ, наконецъ, свое вниманіе на П. Н. Дурново. Позиція премьера опредѣлилась настолько ясно, что даже самъ Петръ Бернгардовичъ Струве заявилъ гдѣ-то, что онъ не желаетъ больше разговаривать съ гр. Витте и представляетъ ему отнынѣ идти безъ помѣхи своей собственной дорогой.

Что же касается Дурново, то продолжительная, хотя и съ удивительной внезапностью прерванная при Александрѣ III-мъ служба его по части политическаго сыска, создала ему настолько прочную репутацію, что сомнѣваться въ ней было никакъ нельзя.

Проведеніе въ жизнь основныхъ началъ конституціонныхъ свободъ поручено было человѣку, который за эти самыя начала успѣлъ уже на своемъ вѣку повѣсить десятки, сгноить въ тюрьмахъ сотни и сослать въ Сибирь тысячи

лучшихъ русскихъ людей. Съ такимъ конституціоннымъ фортелемъ оказалась не въ силахъ справиться даже сатира, и этимъ только объясняется, почему новаго министра сатирическіе журналы встрѣтили сразу, что называется, оглоблями, не пустивъ въ него ни одной шутливой стрѣлы.

Не говоря уже о эпитетахъ, («провокаторъ», «химическая обструкція на всю Россію», «палачъ» и т. д. и т. д.), изъ которыхъ каждый могъ бы свалить съ ногъ сколько нибудь чувствительнаго къ моральнымъ ударамъ человѣка, журналы, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались дать полностью оцѣнку новому члену «конституціоннаго» кабинета. «Зритель» во время почтово-телеграфной забастовки не могъ дождаться даже обычнаго срока своего выхода и появился «экстреннымъ выпускомъ», посвященнымъ Дурново. Передъ текстомъ экстреннаго выпуска огромнымъ шрифтомъ изображалась цѣль его: «Мы требуемъ отставки П. Н. Дурново». Весь текстъ и единственная карикатура были посвящены болѣе детальной разработкѣ этой темы.

Раньше, въ № 21, тотъ же журналъ даетъ такую характеристику министру:

Ты сочѣстилъ въ себѣ, великій
Министръ всероссійскихъ смутъ,
Духъ полицейскій, норовъ дикій,
Арканъ, улыбку, ласку, кнутъ...

«Дятелъ» (№ 1) для этой цѣли пародируетъ извѣстную пѣсеньку Миньоны:

Ты знаешь край, гдѣ все насильемъ дышетъ,
Гдѣ льется кровь рѣкой по волѣ палачей,
Гдѣ юность „смерть ему“ отъ черной сотни слышитъ,
Гдѣ въ селахъ, въ городахъ—охота на людей.
Тамъ Дурново царитъ, другъ искренній свободы,
Готовитъ для нея тюремные онъ своды.

Не удивительно, что при этой, можно сказать, законченной оцѣнкѣ министра, разоблаченный г. Стаховичемъ эпизодъ съ овсомъ показался русской сатирѣ такой маленькой министерской слабостью, о которой даже и говорить не стоитъ. И журналы, за исключеніемъ «Волшебнаго Фонаря», почти не коснулись даннаго случая.

«Жупелъ» извлекъ «изъ архива прошлаго столѣтія» игривый эпизодъ:

„Убрать эту свинью въ 24 часа“.

«На основаніи этой краткой, но выразительной Высочайшей помѣтки одинъ изъ самодержавствующихъ агентовъ нынѣшняго правительства, о которомъ, впрочемъ, ничего кромѣ дурного сказать не рѣшаемся, былъ еще въ XIX вѣкѣ сданъ въ сенаторы за невинную въ сущности продѣлку игриваго свойства, за которую въ доброе помѣщичье время дворового человѣка сдали бы въ солдаты.

Правдивость этой пикатной исторической справки можетъ быть удостовѣрена, между прочимъ, и въ испанскомъ посольствѣ».

VIII.

Въ неразрывной связи съ конституціоннымъ кабинетомъ Витте—Дурново русская сатира должна неизбѣжно разсматривать и ту страшную силу—армію,—которая находится въ его полномъ распоряженіи.

Очень кстати вспоминаетъ «Дятелъ» извѣстное стихотвореніе гр. А. Толстого: «Федорушка».

Когда изумленный «невпорушка» спрашиваетъ:

„На кого же, матушка, на кого-жъ, Федорушка,
Рать тебѣ татарская
Силище жандармская?

Несчастная Федорушка даетъ отвѣтъ:

— На себя, родименькій, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла съ жалобой,
Чтобъ „ура“ кричала бы.

Во времена Алексѣя Толстого поражались, что «Федорушка», т.-е. наша злополучная родина, на себя самое готовила какую то особенную «рать татарскую», въ видѣ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. А что сказалъ бы Толстой теперь, увидѣвъ, что противъ Федорушки направлены вооруженныя силы всѣхъ сыновей ея, которыхъ она воспитывала для охраны своихъ владѣній противъ чужеземнаго вторженія?

Въ самомъ дѣлѣ, съ кѣмъ борется сейчасъ русская армія? Противъ кого направляетъ правительство страшные удары ея вооруженной силы? Правительство давно уже привыкло считать своимъ законнымъ правомъ вооруженной силой отвѣчать на законнѣйшія требованія инородцевъ, къ которымъ оно причисляло за одно и всю русскую учащуюся молодежь и всю русскую интеллигенцію. Теперь же, въ эти дни армія ведетъ непрерывную войну въ деревняхъ—съ крестьянствомъ, въ городахъ—съ рабочими, въ портовыхъ городахъ—съ матросами, и, наконецъ, въ Москвѣ, въ самомъ сердцѣ Россіи, она артилеріей разстрѣливаетъ обывателей вообще, уже окончательно не считаясь ни съ званіемъ, ни съ классомъ, ни съ національностью, ни даже съ поломъ и возрастомъ избиваемыхъ. Если всѣ эти мишени и жертвы ружейнаго и орудійнаго огня—враги отечества, то гдѣ же—скажите!—друзья его? Гдѣ, наконецъ, само отечество? Не умѣстилось же все оно въ кабинетъ графа Витте или на Фонтанкѣ, въ департаментѣ полиціи?

Положеніе, занятое русской арміей въ нынѣшніе революціонные дни, мало, разумѣется, способствуетъ ея популярности. Но и при всемъ томъ сатира все же съ полною деликатностью обходитъ несчастнаго солдата, поставленнаго межъ двухъ огней. Тѣмъ большимъ гнѣвомъ караетъ она высшихъ и низшихъ руководителей арміи, которые такъ усердно отступали отъ вооруженнаго врага на поляхъ Манчжуріи и которые съ такой бравадой производятъ свои лихіе набѣги на безоружныхъ соотечественниковъ. Впрочемъ, въ «московскомъ дѣлѣ» эти храбрые

руководители показали себя вполнѣ достойными манчжурскихъ героевъ. Они доказали, что смѣло ведутъ въ атаку свои кавалерійскіе и пѣхотные полки только противъ совершенно безоружнаго «врага». Но если развѣдочная служба обнаружитъ, что «врагъ» вооруженъ, что сотнямъ солдатскихъ винтовокъ онъ можетъ противопоставить десятокъ «браунинговъ», то храбрые полководцы, въ родѣ Дубасова, предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ выдвинуть артилерію. Пусть сгоритъ вся Москва, со всѣмъ ея населеніемъ, зато самъ полководецъ будетъ внѣ всякой опасности и сможетъ сочинить лишнее лживое «сообщеніе» для конституціоннаго кабинета Витте—Дурново.

О подвигахъ адмирала Дубасова сатирическіе журналы пока еще не успѣли сказать своего слова. Только «Буреломъ» (№ 3) посвятилъ ему два рисунка. На одномъ Дубасовъ стоитъ среди кроваваго моря полуразрушенной Москвы:

Хоть ему и будетъ вновѣ
На сухомъ просторѣ,
Но и тамъ потоки крови.
То же море... море.

О подвигахъ другихъ героевъ, воспѣтыхъ русскою сатирою, мы распространяться не станемъ, а для образца приведемъ на удачу двѣ-три выдержки.

О знаменитомъ корнетѣ (нынѣ поручикѣ) Фроловѣ, нанесшемъ 18-го октября профессору Тарле сабельный ударъ въ голову, «Сигналъ» (№ 1) говоритъ:

Лишь обагряя руки
Въ крови профессоровъ,
Имѣть касательство къ наукѣ
Способенъ юноша Фроловъ.

Въ томъ же «Сигналѣ» напечатаны слѣдующія донесенія съ театра военныхъ дѣйствій:

«Одесса. Солдаты рвутся въ бой. Духъ войска превосходный. Генералъ Каульбарсъ.

Ростовъ-на-Дону. 12-го ноября. Убиты: Яковъ Финкельштейнъ 2 лѣтъ и Сара Крумеръ 3 лѣтъ. Съ нашей стороны потерь нѣтъ».

Заговоривъ о «христолюбивомъ воинствѣ», естественно вспоминаешь и о святыхъ отцахъ—пастыряхъ церкви. Скажемъ нѣсколько словъ и о нихъ.

Черносотенная роль православнаго духовенства оцѣнена сатирическими журналами съ достаточной полнотой. Особенно досталось знаменитому кронштадтскому дѣятелю Ивану Сергіеву, такъ досталось, что нельзя не согласиться со «Стрѣлами» (№ 4), которыя справедливо замѣчаютъ:

Пали пастырскія акціи.
Ждетъ святой отецъ реакціи,
Чтобы снова возсіять...

Только, пожалуй, не дождется онъ возсіянія.

Впрочемъ, «Зритель» (№ 20) думаетъ, что святые отцы обладаютъ такой эластичностью, что съумѣютъ приспособиться ко всякому положенію. Было время, когда диктовалъ Синоду Побѣдоносцевъ.

И смиренные пишутъ отцы:
„Конституція—бѣсу угодна!
Отслужить панихиды по ней
И о томъ объявить всенародно!“

Теперь вершителемъ синодскихъ судебъ состоитъ кн. Оболенскій, который, если вѣрить «Зрителю», думаетъ о конституціи нѣсколько иначе.

И смиренные пишутъ отцы:
„Конституція—Богу угодна!
И молитву о благости сей
Пусть возносятъ въ церквахъ всенародно!“

IX.

Рабочій и крестьянскій вопросы сатирическіе журналы трактуютъ главнымъ образомъ, какъ вопросы политическіе, почти не касаясь ихъ соціальной сущности.

Рабочій, какъ истинный герой революціи, появляется преимущественно въ рисункахъ, изображающихъ или наиболѣе острые моменты борьбы, или моменты торжества революціоннаго движенія. Въ «Сигналѣ» (№ 2), напримѣръ, ноябрьская политическая забастовка передана рисункомъ, который варьируетъ извѣстную картину, изображающую заступничество Николая Чудотворца за приговоренныхъ къ смертной казни. Только здѣсь приговоренные къ казни—матросы, а вмѣсто св. Николая, останавливающаго занесенную уже надъ головой матроса руку палача, изображенъ рабочій. Въ «Пулеметѣ» (№ 2) на кровавомъ фонѣ революціи изображенъ рабочій. Надпись подъ картиной—«Его рабочее величество пролетарій всероссійскій». Жаль только, что чисто немѣцкое лицо «всероссійскаго пролетарія» выдаетъ иностранный источникъ картины. Мы ничего не имѣемъ противъ позаимствованій у иностранцевъ, но при данныхъ условіяхъ позаимствованіе становится фальсификаціей.

Въ фальсификаціи, но только нѣсколько иного характера, повиненъ и «Дятелъ», помѣстившій у себя переводъ «Ткачей» Гейне, но не отмѣтившій, что переводъ принадлежитъ П. Л. Лаврову. Сдѣлавъ это указаніе, мы позволимъ себѣ и нашихъ читателей познакомить съ прекраснымъ стихотвореніемъ въ прекрасномъ переводѣ:

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами;
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами:
„Германія, саванъ тебѣ мы соткемъ,
„Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!
„Проклятіе богу, передъ кѣмъ мы съ мольбою
„Склонялися въ голодъ и холодъ зимою!
„Напрасно мы ждали, надежды полны,
„Онъ насъ обманулъ, одурачены мы!
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!
„Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ!
„Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ;
„Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ;
„Стрѣлять по собакамъ!“—онъ отдалъ приказъ!

„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!
„Проклятье тебѣ, о нашъ край лицемѣрный,
„Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
„Гдѣ въ мигъ увядаетъ цвѣтокъ полевой,
„Гдѣ кормится тлѣньемъ червякъ гробовой!
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!“
Челнокъ снуетъ, станокъ гремитъ.
И день, и ночь все ткачъ сидитъ:
„Мы старой Германіи саванъ соткемъ,
„Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
„Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!“

Настроеніе крестьянскихъ массъ удачно передаетъ «Зритель» (№ 21) въ стихотвореніи «Еремѣева думка». Прислушиваясь къ разнымъ, то печальнымъ, то радостнымъ вѣстямъ изъ столицы, Еремѣй упорно мечтаетъ о «прирѣзкѣ землицы». Наконецъ, общее движеніе захватываетъ и его:

„А ну-ка! добудемъ маленько землицы“
Сосѣдямъ сказалъ Еремѣй.

«Пламя» (№ 1), какъ бы продолжаетъ этотъ разсказъ о Еремѣѣ:

Всѣ взапуски сулятъ крестьянину почетъ:
Онъ будетъ выбирать любимцевъ въ засѣданье!
Кровавыя пока онъ слезы льетъ.
Его пока—сынамъ, быть можетъ, въ назиданье—
Безславная рука сѣчетъ.

Партійныя симпатіи большинства разсмотрѣнныхъ сатирическихъ журналовъ едва-ли поддаются сколько нибудь точному опредѣленію.

Отношеніе ихъ самихъ къ дѣйствующимъ партіямъ также мало уловимо, потому что выражается оно чаще всего въ формѣ легкихъ партизанскихъ набѣговъ, которые не всегда даже даютъ возможность уяснить мотивы той или иной предпринятой вылазки. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя сатирическія набѣги въ область партійныхъ разногласій представляются намъ настолько интересными, что было бы жаль обойти ихъ молчаньемъ.

Вотъ, напримѣръ, «Набившій оскомину діалогъ», подслушанный «Стрѣлами» (№ 1):

С.-Р. „Я въ вашей узости для дѣла вижу вредъ,
Я „всѣхъ трудящихся“ подъ знамя созываю“...
С.-Д. „Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ
И буржуазную твою натуру знаю“...

О конституціоналистахъ-демократахъ, въ просторѣчіи именуемыхъ «кадетами», тотъ же журналъ (№ 5) говоритъ:

— «Кадеты» категорически высказались за ограниченную монархію.

— Вполнѣ послѣдовательно: ограниченное народолюбіе, ограниченная смѣлость, ограниченная программа и въ pendant ограниченная монархія».

«Зритель» (№ 22) повѣствуетъ о томъ, какъ

Богатые, *земцы* важные,
Со душами со кристальными,
Со мыслями либеральными
На поклонъ къ лисѣ торопятся...
. . . . . .

Съ ней вы малость поторгуетесь,
Поторгуясь, почеломкаетесь,
Почеломкаясь, хвостами повиляете,
А народъ простой,
Что мужикъ честной,
Скажетъ вамъ спасибо вѣрное,
То спасибушко примѣрное,
Для усадебъ только скверное!..

А что касается совсѣмъ безпартійнаго, просто ротозѣйствующаго обывателя, то ему тотъ же «Зритель» (№ 20) даетъ весьма ядовитую, но въ общемъ очень близкую къ правдѣ характеристику:

Въ углу сидѣла Акулина,
Ждала.
Какъ вдругъ застукала машина,
Пошла...
Какъ спохватилась наша баба
„Ахти!“
Али спросить мнѣ кондуктора
Пойти...
Туда-ли сѣла ненарокомъ?!.
Бѣда!..
Вишь, дура баба спохватилась
Когда...
Идетъ машина полнымъ ходомъ—
Гляди!
Теперь попробуй-ка, разиня,
Сойди!
Ужъ, видно, надо покориться
Судьбѣ...
Сидѣть бы дома, Акулина,
Тебѣ!..

X.

Нашъ обзоръ затянулся, и мы должны его закончить или, вѣрнѣе, оборвать, не коснувшись цѣлаго ряда вопросовъ и темъ, поднятыхъ сатирическими журналами.

Однако, въ заключеніе, нельзя не отмѣтить появленія въ журналахъ одной совершенно новой темы. Тонкая, пикантная, почти неуловимая для простаковъ эта новая тема обладаетъ тремя слѣдующими видимыми признаками: ею очень охотно пользуются новые сатирическіе журналы; къ ней, какъ мотыльки къ лампѣ, весьма тяготѣютъ гг. прокуроры; она же и ненавистна гг. прокурорамъ, потому что на ней они такъ же легко обжигаются, какъ обжигаются на лампѣ мотыльки. Одинъ прокуроръ уже обжегся, возбудивъ судебное преслѣдованіе противъ г-жи Чюминой и г. Чуковскаго по обвиненію ихъ въ оскорбленіи Высочества и Величества въ № 3 «Сигнала». Сатирика часто манитъ задача индивидуализировать пороки, приписавъ ихъ какой-нибудь мифической, а, можетъ быть, и существующей личности, однако не называя ее. Прокуроры весьма склонны приподнимать легкіе покровы безъимянной сатиры

и подъ ними узнавать тѣхъ или иныхъ болѣе или менѣе высокихъ особъ Правда, въ этой склонности одинаково повинны и читатели. Но читатель если онъ и догадался, онъ посмѣется и только. Много-много, если ему захочется подѣлиться своимъ открытіемъ съ пріятелями. Совсѣмъ иное положеніе догадливаго прокурора. Онъ идетъ въ судъ и самымъ публичнѣйшимъ образомъ обнажаетъ заподозрѣнную имъ высокую особу, обвиняя ее по всѣмъ пунктамъ заинтересовавшей его сатиры. Подъ судъ попадаетъ въ этихъ случаяхъ не сатирикъ, а та самая особа, интересы которой прокуроръ тщится яко-бы защищать. Услуга выходитъ медвѣжья. Судья краснѣетъ, прокуроръ выходитъ изъ себя и начинаетъ божиться, доказывая, что высокая особа даже въ тысячу разъ безнравственнѣе, чѣмъ изображенное въ сатирѣ лицо. А сатирикъ, сидя на скамьѣ подсудимыхъ, торжествуетъ и заноситъ на бумагу штрихи новой, еще болѣе тонкой, еще болѣе язвительной шарады.

Окончательный итогъ нашему обозрѣнію мы можемъ подвести словами г. С. Гусева-Оренбургскаго, который въ стихотвореніи «Мидасъ» («Жупелъ», № 1) даетъ оцѣнку общественно-политическаго значенія сатиры. «Въ былыя времена наивны люди были, какъ дѣти малыя». Какіе нибудь неограниченные Мидасы, съ ослиными ушами, распоряжались ими, при помощи кнута, нагайки, плети, а избитые рабски-преданно ихъ-же привѣтствовали. Но судьба—насмѣшница:

Проказникъ Фигаро подъ золотой короной
Ихъ уши длинныя случайно подсмотрѣлъ.
И вотъ... прощай наивная легенда!
Какой съ тѣхъ поръ себя ни окружалъ
Мидасъ разгнѣванный усиленной охраной,
Какимъ сатрапамъ власть ни поручалъ,
Какъ угрожающе ни шевелилъ ушами,—
Вдали, вблизи,—стоустою толпой
Народъ кричитъ упорно предъ дворцами:
— Долой, Мидасъ, долой!

Вл. Кранихфельдъ.

PS. «Журнальные отголоски» октябрьской книжки «Міръ Божій», въ той ихъ заключительной части, гдѣ я, въ связи со статьей гр. Л. Толстого: «Великій Грѣхъ», мимоходомъ коснулся аграрныхъ программъ гг. Пѣшехонова и Новоторжскаго, вызвали, совершенно неожиданно для меня, цѣлый переполохъ въ народническомъ лагерѣ. Не считая себя спеціалистомъ по аграрному вопросу, я отмѣтилъ статьи названныхъ авторовъ лишь постольку, поскольку мнѣ казалось необходимымъ въ журнальномъ обозрѣніи познакомить читателей съ существующими по данному вопросу теченіями, представленными одновременно въ послѣднихъ (въ тотъ моментъ) книжкахъ «Русской Мысли» и «Русскаго Богатства». При этомъ я отнюдь не предлагалъ никакой своей теоріи и тѣмъ болѣе не выражалъ претензіи быть истолкователемъ соціалъ-демократическихъ взглядовъ по данному вопросу. Вся моя роль ограничилась лишь сопоставленіемъ трехъ точекъ зрѣнія и нѣсколькими, самыми необходимыми на мой взглядъ, критическими замѣчаніями.

*

Представьте же себѣ мое удивленіе, когда я узнаю изъ «Сына Отечества», что я—чуть ли ни единственный представитель марксизма, наиболѣе полно изложившій взгляды этого лагеря по аграрному вопросу. По крайней мѣрѣ, газета мои именно скромныя замѣчанія треплетъ въ двухъ фельетонахъ, изъ которыхъ одинъ (не помню номера газеты) г. А. Гуковскаго посвященъ мнѣ частью, а другой (№ 227) г. Веніамина Маркова—цѣликомъ.

Я былъ бы очень радъ, конечно, если это, повторю, совершенно незаслуженное вниманіе ко мнѣ выразилось бы въ серьезныхъ статьяхъ освѣдомленныхъ въ вопросѣ людей. И читатели «Сына Отечества», да и я съ ними, могли бы тогда кое-что новое узнать, кое-чему научиться. Къ сожалѣнію, однако, научиться намъ изъ этихъ статей ничему не пришлось, такъ оба фельетониста на этотъ разъ постарались лишь блеснуть своимъ искусствомъ легкаго литературнаго наѣздничества, и ничего больше.

Всѣ диверсіи по моему адресу со стороны г. Гуковскаго сводятся къ слѣдующему. Когда я говорилъ о націонализаціи земли, то сказалъ, между прочимъ, что «осуществленіе этой идеи намъ представляется возможнымъ лишь въ кореннымъ образомъ обновленныхъ, въ смыслѣ соотношенія силъ, условіяхъ жизни, хотя бы даже и задолго до обобществленія всѣхъ орудій производства».

Г. Гуковскій вообразилъ, что въ моемъ лицѣ онъ сдѣлалъ важное открытіе, что, наконецъ-то, нашелся марксистъ, который призналъ возможность націонализаціи *до* обобществленія всѣхъ орудій производства. Какъ это ни печально—для г. Гуковскаго, присвоившаго себѣ пріоритетъ открытія, и для меня, которому усвоенъ пріоритетъ признанія важной для человѣчества истины,—но я долженъ освѣдомить г. Гуковскаго, что *первымъ* марксистомъ, сдѣлавшимъ это признаніе, былъ не я, а самъ Карлъ Марксъ, высказавшійся въ этомъ смыслѣ полъ-столѣтія тому назадъ. Такое же признаніе дѣлаетъ и К. Каутскій, и другіе видные представители соціалъ-демократіи.

Г. Веніаминъ Марковъ пользуется той же цитатой изъ моей статьи для нѣсколько иного по формѣ выпада. Онъ говоритъ: «Суть спора между г. Кранихфельдомъ и гг. Пѣшехоновымъ и Новоторжскимъ и иже съ ними заключается въ томъ: возможно ли осуществленіе идеи націонализаціи земли *до* обобществленія всѣхъ другихъ орудій производства, или нѣтъ?» И разъ—утверждаетъ г. Марковъ—и я, Кранихфельдъ, и мои противники сошлись въ данномъ вопросѣ, то у насъ не можетъ быть мѣста и для другихъ разногласій. «Изъ-за чего же сыръ-боръ загорѣлся»—недоумѣваетъ онъ. Очевидно, г Марковъ повѣрилъ «открытію» г. Гуковскаго и на этой почвѣ хотѣлъ поразить меня. Но вѣдь оказывается, г. Марковъ, что и Марксъ, и Каутскій держатся такого же взгляда, и тѣмъ не менѣе у нихъ остались пока еще кое-какія разногласія съ гг. Пѣшехоновымъ и Новоторжскимъ.

Дальше г. Марковъ упрекаетъ меня въ томъ, будто бы я, «благодаря догматической дремотѣ, выписалъ изъ Каутскаго такой текстъ, который не только не подтверждаетъ того, что онъ (я) хотѣлъ доказать, но подкрѣпляетъ противное мнѣніе». Слѣдующая за этимъ аргументація г. Маркова дѣйствительно убѣждаетъ насъ въ томъ, что взятая нами цитата изъ «Аграрнаго

вопроса» не могла удовлетворить нашего оппонента. Онъ просто не понялъ ее, и намъ, для вразумленія г. Маркова, слѣдовало бы выписать не 10 строкъ, а 10 страницъ. Но, быть можетъ, г. Марковъ будетъ такъ любезенъ, что возметъ на себя трудъ ближе познакомиться съ цитированой книжкой и безъ нашего посредничества?

Наконецъ, послѣдній и очевидно самый неотразимый наѣздъ г. Маркова сводится къ слѣдующему. Изъ моихъ же собственныхъ—видите-ли—поясненій и сдѣланныхъ мною цитатъ ясно, что между г. Пѣшехоновымъ и г. Новоторжскимъ есть существенное различіе во взглядахъ. И вдругъ, въ заключительныхъ своихъ замѣчаніяхъ, я позволилъ себѣ «соединить ихъ воедино», ихъ, изъ которыхъ одинъ (г. Пѣшехоновъ) все время настаиваетъ на націонализаціи, а другой (г. Новоторжскій) на соціализаціи земли. Таково самое серьезное обвиненіе, предъявленное мнѣ въ № 227 «Сына Отечества». А черезъ день, въ № 229 той же газеты, въ составъ редакціи которой вошли такіе спеціалисты по аграрному вопросу, какъ гг. Пѣшехоновъ и Черновъ, въ статьѣ «*Наша Программа*», мы читаемъ: «Въ области соціально-экономическихъ отношеній въ качествѣ основной задачи партія ставитъ *націонализацію* (соціализацію) всей земли». Иначе говоря, самъ «Сынъ Отечества» между націонализаціей и соціализаціей земли ставитъ знакъ полнаго равенства, а мнѣ чуть ли не въ преступленіе вмѣняется даже лишь нѣкоторое, частичное, обобщеніе этихъ двухъ принциповъ.

Таковы въ «Сынѣ Отечества» писатели, перомъ владѣющіе.

Вл. Кр.

НОВОЕ ПОКУШЕНІЕ НА СВОБОДУ ПЕЧАТИ.

Слово было объявлено свободнымъ по манифесту 17-го октября и въ теченіе пяти недѣль осуществлялась въ Россіи та свобода печати, которая, и по толкованію графа Витте, подразумѣвалась сама собой въ понятіи свободы слова, какъ составная часть въ родовомъ опредѣленіи. Однако, реализовать на дѣлѣ данное обѣщаніе правительства пришлось все же революціоннымъ путемъ: компромиссъ, предложенный премьеръ-министромъ, представлялъ слишкомъ большую опасность, если бы представители печати сдались на него. Этотъ компромиссъ заключался въ томъ, чтобы все формально оставалось по прежнему, и цензурный уставъ, и главное управленіе по дѣламъ печати, и комитетъ цензуры и т. д., но по слову графа Витте цензура смотрѣла бы сквозь пальцы на все, что печатается, и фактически не оказывала бы никакого давленія на печать. Это значило бы: тѣшьтесь, господа, на нѣкоторое время, воображая себя на свободѣ, а потомъ, когда вздумается, мы васъ опять всѣхъ къ рукамъ подберемъ, подтянувъ намѣренно ослабленныя возжи, какъ у разыгравшагося коня, которому даютъ пробѣжаться, чтобы затѣмъ надежнѣе управлять имъ. Но общество не желаетъ быть въ роли «управляемой скотинки» и традиціонное сравненіе отжило свой вѣкъ вмѣстѣ съ паденіемъ идеи

абсолютизма. Оно не желаетъ только «воображать себя на свободѣ», а хочетъ ощущать эту свободу всѣми фибрами своей души, какъ здоровый организмъ тяготится всякими стѣсненіями въ нормальномъ отправленіи своихъ функцій. Представители печати дали дружный отпоръ покушеніямъ на ея свободу и сорганизовались въ союзы для коллективнаго бойкота цензуры. Такихъ союзовъ возникло нѣсколько. Центральное мѣсто между ними занялъ «Союзъ въ защиту свободы печати», основанный, подъ другимъ лозунгомъ—союза *борьбы* за свободу слова,—еще за нѣсколько дней до манифеста 17-го октября. Первоначально въ него входили представители ежедневной прессы, но вскорѣ составъ его значительно расширился; къ газетамъ—присоединились другія повременныя изданія съ программами политическаго и общественнаго характера, безъ различія направленій, но всѣ въ равной степени отстаивающія принципъ свободы печати.

Первую роль въ Союзѣ играли по весьма понятной причинѣ газеты. При этомъ наблюдался единственный въ своемъ родѣ случай, когда представители совершенно различныхъ направленій, и крайняя лѣвая и консервативные органы, какъ «Новое Время», «Слово», «Разсвѣтъ» и даже «Свѣтъ», сходились съ «Сыномъ Отечества», «Нашей Жизнью», «Русской газетой», «Der Freund», «Новой Жизнью» и другими представителями лѣвой—для общей цѣли защиты свободы печати. Этотъ Союзъ несомнѣнно сыгралъ свою роль въ теченіе мѣсяца неослабной борьбы противъ цензуры. Постановленія общаго собранія делегатовъ, своевременно печатаемыя во всѣхъ органахъ повременной прессы, могли представиться внушительнымъ отпоромъ общественнаго мнѣнія и противъ нѣкоторыхъ мѣропріятій правительства. Но вотъ послѣдовалъ указъ 24 Ноября съ новыми, правда, названными лишь «временными» правилами о печати. Сравнительно съ прежнимъ уставомъ, конечно, временныя правила представляютъ значительную уступку въ пользу добытой «самочинно» свободы печати, но во второй своей части, съ пункта VI изъ двѣнадцати перечисленныхъ статей, заключается цѣлый рядъ ограниченій, признанныхъ Союзомъ сразу непріемлемыми. И во первыхъ, временныя правила относятся лишь къ періодической печати, такъ что книги и брошюры оставлены въ прежнемъ положеніи подцензурныхъ (съ предварительной или безъ предварительной цензурой) изданій. Сохранена предварительная цензура для объявленій и придворныхъ извѣстій. Введено новое осложненіе въ случаяхъ обвиненія о клеветѣ въ повременномъ изданіи: дѣло можетъ быть возбуждаемо и разсматриваемо подлежащимъ судомъ *по мѣсту жительства потерпѣвшаго*. Къ чему это? Затѣмъ, подъ травестіей судебныхъ постановленій проступаетъ цѣлый рядъ чисто административныхъ распоряженій вплоть до мѣры—пріостановленія инкриминируемаго изданія до судебнаго приговора, пріостановленія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, въ тѣ мѣсяцы, когда производится подписка на изданіе) равносильно съ его полнымъ прекращеніемъ. Такъ какъ сверхъ того имѣется въ виду лишь коронный судъ, ибо о судѣ присяжныхъ нигдѣ нѣтъ упоминанія, то судебная инстанція является исключительно органомъ правительственнымъ, а при объявленномъ «объединеніи» правительственныхъ цен-

тральныхъ учрежденій остается проблематичнымъ размежеваніе между судомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Большинство параграфовъ въ п. VIII—IX, какъ было кѣмъ то справедливо замѣчено, носитъ явно боевой, злободневный характеръ и по растяжимости формулировки можетъ навлечь обвиненіе въ уголовномъ преступленіи по всякому вопросу современнаго общественнаго движенія. Изъятыми изъ печати оказываются вопросы о забастовкахъ (съ ограниченіемъ: при условіяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 1358[2] и 1358[3] улож. о наказаніяхъ (сводъ зак. т. XV, по прод. 1902 г.)», но эти условія не могутъ быть предугаданы до событій, а post factum всякія статьи о стачкахъ могутъ быть подведены подъ эти условія), о прекращеніи или пріостановкѣ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ, о воспрещенныхъ закономъ скопищахъ,—что совершенно не вяжется съ положеніемъ о свободѣ собраній—о передвиженіи войскъ или морскихъ силъ даже тогда, когда это касается обстоятельствъ внутренней политики и т. д.

Отдѣльно сказано—«объ оскорбленіи въ печати войска или воинской части», что представляется въ полномъ соотвѣтствіи съ оговоркой въ печальной памяти временныхъ правилахъ о печати, изданныхъ въ 48 году прошлаго вѣка въ Австріи, послѣ обнародованія манифеста, гарантировавшаго свободу печати, и также наперекоръ ему, о чемъ читатель можетъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія въ печатаемой въ этой же книжкѣ журнала статьи д-ра Соколовскаго. Разница лишь въ томъ, что въ Австріи временныя правила брали подъ свое покровительство не войска, а «чиновъ администраціи или ихъ дѣятельность». Наши временныя правила въ этомъ отношеніи либеральнѣе: бюрократія, въ цѣломъ, не выдѣлена въ особомъ, покровительствуемомъ положеніи, какъ войско, и слѣдовательно критиковать «чиновъ администраціи или ихъ дѣятелъность», повидимому, не возбраняется. Изобличенія бюрократическаго режима принесло у насъ свои плоды: даже правительство отказывается вступиться за бюрократію, какъ за сословіе, особенно чувствительное къ оскорбленіямъ въ печати. Но какъ, вообще, можетъ быть нанесено оскорбленіе не личности, а сословію? Гдѣ грань между изобличеніями, раскрытіемъ дѣйствительныхъ язвъ и злоупотребленій въ средѣ представителей даннаго сословія, и тѣмъ, что можетъ быть произвольно истолковано какъ оскорбленіе? Всякое указаніе на недостатки, всякое разоблаченіе уродливыхъ явленій можетъ быть признано оскорбленіемъ.

Выдѣлять войско отъ другихъ сословій въ этомъ отношеніи не было никакого основанія кромѣ боязни дѣйствительныхъ разоблаченій, ибо ни духовенство, ни купечество, никакое другое сословіе не оговорено особо во временныхъ правилахъ.

Въ цѣломъ ихъ нельзя иначе квалифицировать, какъ новымъ покушеніемъ на свободу печати, послѣ того, какъ въ теченіе съ лишнимъ мѣсяца печать осуществляла у насъ эту свободу и прекрасно обходилась безъ всякихъ особыхъ законовъ о печати подобно тому, какъ дѣло обстоитъ въ Америкѣ. Столь простое и ясное положеніе, на которомъ зиждится принципъ свободы печати, что всякое выраженіе мнѣнія должно быть свободно, и такимъ образомъ карамъ

подлежатъ лишь проступки черезъ печать на общихъ основаніяхъ уголовной отвѣтственности внѣ указанной свободы мнѣній,—обойдено временными правилами, и мы возвращаемся къ тому же, что было въ Австріи полвѣка тому назадъ, гдѣ—«некорректность въ дѣйствіяхъ правительства, въ особенности въ вопросахъ о свободѣ печати... была главной причиной многихъ насилій, въ которыхъ тоже обвиняли возбужденный народъ (см. в. стр. 4)». Надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься составителямъ пременныхъ правилъ.

Союзу печати не оставалось ничего иного дѣлать по обнародованію указа, какъ объяснить его неудовлетворительность и держаться прежней политики, т.-е. реализовать на дѣлѣ возвѣщенную манифестомъ свободу слова. Постановленіе въ такомъ духѣ было единодушно составлено и обнародовано въ газетахъ. Этимъ актомъ законченъ первый періодъ дѣятельности Союза: побѣда надъ цензурой была одержана, благодаря дружной стойкости членовъ этого и другихъ Союзовъ продставителей печати. Теперь предстояло выработать иныя формы борьбы уже не противъ упраздненной цензуры, а противъ произвольныхъ распоряженій представителей судебной власти. Такой общей, единообразной формы борьбы или точнѣе самообороны не удалось выработать въ Союзѣ, и у представителей органовъ печати остается лишь одно неотъемлемое орудіе, это—право протеста. Правда, оно сводится лишь къ заявленію мнѣнія; но что по существу представляетъ изъ себя общественная печать, какъ не выраженіе мнѣнія страны въ заявленіяхъ отдѣльныхъ личностей и группъ населенія?

Въ искренности, прямотѣ и свободѣ мнѣній вся сила печати, а въ отсутствіи другихъ орудій для активной борьбы—ея слабость, поскольку писатель остается въ предѣлахъ своей профессіональной дѣятельности. Даже форма забастовки не подходитъ къ органамъ политической прессы, ибо молчаніемъ прогрессивная печать наказываетъ лишь себя самое, совершаетъ актъ пассивнаго самоубійства, очищая поле всякимъ реакціоннымъ и обскурантнымъ органамъ печати, кооторые будутъ лишь радоваться вмѣстѣ съ правительствомъ добровольному уходу противника съ боевой позиціи.

На фонѣ такихъ условій дѣятельности разыгрался въ Союзѣ защиты свободы печати инцидентъ по поводу закрытія восьми газетъ за обнародованіе документа—обращенія къ народу нѣсколькихъ группъ лицъ, подписавшихся подъ него въ качествѣ исполнительныхъ органовъ: совѣтъ рабочихъ депутатовъ, главный комитетъ всероссійскаго крестьянскаго союза, центральный комитетъ и организаціонная коммиссія россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и комитетъ польской соціалъ-демократической партіи. Данный документъ былъ разосланъ во всѣ редакціи газетъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ появился съ титуломъ «манифеста», въ другихъ просто подъ заглавіемъ—«къ народу», въ третьихъ, наконецъ, въ отдѣлѣ хроники. Номера газетъ, въ которыхъ текстъ за указанными подписями былъ напечатанъ, подверглись съ полудня конфискаціи, а къ вечеру пріостановлены изданія, опечатаны типографіи, и редакторамъ предъявлено уголовное обвиненіе съ заключеніемъ подъ арестъ до по-

становленія суда, если немедленно не будетъ представленъ залогъ за каждаго въ размѣрѣ до 10.000 рублей.

Въ собраніи Союза печати, происходившемъ въ тотъ же вечеръ 2-го декабря, когда извѣстія о судьбѣ конфискованныхъ изданій и производимыхъ арестахъ приносились делегатами черезъ каждыя четверть часа, наряду съ сообщеніями о новыхъ репрессіяхъ и карахъ, постигшихъ въ тотъ же день нѣсколько юмористическихъ иллюстрированныхъ изданій,—былъ одинъ моментъ сильнаго подъема духа, объединившій представителей сорока повременныхъ изданій. Въ анализъ по существу инкриминируемаго текста уже не входили: правительство насильственными мѣропріятіями парализовало возможность критики и оцѣнки справедливости или несостоятельности изложенныхъ въ текстѣ данныхъ. Всѣ встали на точку зрѣнія исключительно лишь принципа свободы печати. Чѣмъ оправдывалась мѣра пріостановленія изданій, напечатавшихъ присланный въ редакцію документъ? Развѣ свобода печати не служитъ между прочимъ и тому, чтобы не было болѣе такъ называемой подпольной печати и всѣмъ предоставлена была возможность судить и о дѣйствіяхъ даже крайнихъ революціонныхъ партій, съ правомъ обсужденія ихъ программъ и мѣропріятій? Съ формальной точки зрѣнія обращеніе «къ народу» представляетъ изъ себя выраженіе мнѣнія группы лицъ о современномъ финансовомъ, экономическомъ и политическомъ состояніи Россіи, мнѣнія, что правительство на краю банкротства и разоряетъ страну. Исходя изъ общихъ соображеній и фактическихъ указаній, составители «обращенія» приходятъ къ выводу, что сверженіе правительства необходимо для оздоровленія страны. Они, наконецъ, сообщаютъ о *своемъ* рѣшеніи—отказа отъ платежей, требованія при всѣхъ сдѣлкахъ уплаты звонкой монетой, возвращенія вкладовъ изъ *ссудо*-сберегательныхъ кассъ и, наконецъ, заявляютъ, что не признаютъ новыхъ займовъ правительства, не допуская уплаты по этимъ долгамъ. Насколько изложенныя мѣры борьбы противъ банкротства правительства, которое влечетъ за собой общее разореніе,—цѣлесообразны или же наоборотъ не пріемлемы,—обсуждать теперь не приходится. Критика возможно только тогда, когда противникъ имѣетъ такое же право голоса. Весь вопросъ на собраніи делегатовъ Союза заключался тогда лишь въ томъ, чтобы найти способъ какъ реагировать на запрещеніе и пріостановленіе газетъ, напечатавшихъ текстъ. Послѣ преній по этому вопросу, былъ моментъ, когда единодушный порывъ товарищеской солидарности охватилъ присутствующихъ и всѣ, безъ разсужденій, изъявляли готовность поставить себя въ одинаковое положеніе съ потерпѣвшими, установить круговую поруку и перепечатать инкриминируемый текстъ безъ комментарій, откладывая его обсужденіе до слѣдующаго номера. Моментъ былъ красивъ; настроеніе единодушно; даже «Новое Время» громко заявило о своей готовности итти вмѣстѣ съ другими, завтра же обнародовать документъ, если это рѣшеніе будетъ единогласнымъ. Но настроеніе оказалось неустойчивымъ; порывъ не привелъ къ немедленнымъ результатамъ; делегаты нѣкоторыхъ изданій отсутствовали; другіе заявили о своихъ недостаточныхъ полномочіяхъ. «Новое Время» тоже «вспомнило», что не было опрошено мнѣніе сотрудниковъ по этому вопросу, и пред-

ложило отложить на день исполненіе постановленія. Актъ протеста—въ смыслѣ дѣйствія, а не заявленія мнѣнія,—оказался не по плечу собравшимся, и на слѣдующій день нѣкоторые члены союза съ «Новымъ Временемъ» во главѣ откололись отъ него. Форма круговой поруки, очевидно, имѣла смыслъ только при немедленномъ осуществленіи перепечатокъ. Черезъ три, четыре дня—условія измѣнились и на новомъ собраніи членовъ Союза, именно въ виду новыхъ условій, въ виду того, также, что новыя изданія, выходящія взамѣнъ прежнихъ, не напечатали инкриминируемаго текста,—прежнее постановленіе признано было необязательнымъ, такъ какъ не достигало цѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается невозможной и оцѣнка названнаго документа по существу, такъ какъ пріостановленіемъ изданій правительство оградило его отъ всякой критики. И вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно выяснилось, что наперекоръ обѣщаніямъ манифеста 17 октября у насъ нѣтъ свободы печати. За короткій срокъ послѣ выхода указа 24 ноября—возбуждено болѣе 90 дѣлъ противъ органовъ печати; но по контексту Временныхъ Правилъ выходитъ, что дѣла эти могутъ быть не столько уголовно-судебнаго характера, а представляются такими же, какъ и раньше, административными усмотрѣніями, лишь въ новой перелицовкѣ инстанцій, передъ которыми должны выступить отвѣтчики.

Итакъ, законной свободы печати все еще у насъ нѣтъ. На нее наложены новые узы. И никакое успокоеніе невозможно, пока возвѣщенное не будетъ реализовано полностью.

Ѳ. Батюшковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Политика „министерства 17 октября“. — II. Новый избирательный законъ.— III. Третья политическая стачка и вооруженное возстаніе.

I.

Догорѣли огни, облетѣли цвѣты либеральнаго праздника. Торгъ между гр. Витте и цензовой оппозиціей не состоялся. Либеральная партія снова растерянно стоитъ у разбитаго корыта, а «министерство 17 октября» энергично заглаживаетъ слѣды кратковременной слабости и дѣятельно укрѣпляетъ разрушенныя позиціи самодержавія. Въ то же время народныя массы съ пролетаріатомъ во главѣ, ни на минуту не уклоняясь отъ давно намѣченной линіи непримиримой «критики оружіемъ», самоотверженно проливаютъ кровь въ героической борьбѣ за освобожденіе измученной деспотизмомъ страны. Творческій хаосъ царитъ повсюду. Россія превратилась въ грандіозную мастерскую, гдѣ работники будущаго, волнуясь и спѣша, выковываютъ основы новаго соціально-политическаго строя.

Въ этой великой работѣ роль «министерства 17 октября», ставшая теперь ясной для всѣхъ и бывшая для насъ ясной даже въ недолгій моментъ либеральнаго праздника, является и жалкою и преступною ролью. Она и не можетъ быть иною.

Правительство гр. Витте было вынесено къ власти революціонною волною, но оно не вытекло изъ революціи. Революціонная буря расшатала всѣ основы стараго режима, но не смела его съ лица земли. Самодержавный строй погибъ безвозвратно, но остался весь механизмъ самодержавно-полицейскаго государства, осталось правительство стараго режима, осталась власть, которой не была противопоставлена народная организація, способная къ защитѣ пріобрѣтенныхъ позицій. Размахъ революціи не достигъ еще необходимой силы; нуженъ былъ новый ударъ, къ которому она стала готовиться съ лихорадочною быстротою. Къ этому удару стала готовиться и старая власть.

Реакціонеры совершенно облыжно обвиняли министерство гр. Витте въ бездѣйствіи. Почтенная компанія, дѣйствительно, не пошевельнула пальцемъ для осуществленія свободъ, торжественно обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября, но она неуклонно и даже безъ особой конспиративности дѣлала все, чтобы помѣшать народу осуществить завоеванныя права.

Оглядываясь теперь назадъ, мы безъ труда увидимъ, что вся дѣятельность «кабинета» была непрерывною цѣпью реакціонныхъ ухищреній, своевременно по достоинству оцѣненныхъ только соціалдемократическою печатью.

Въ то время, какъ либеральные политики еще возлагали надежды на портсмутскаго графа, въ то время, какъ на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ лились горячія рѣчи титулованныхъ и родовитыхъ краснобаевъ о необходимости довѣрія, заря россійской свободы была окрашена въ кровавый цвѣтъ погромами и разстрѣлами гражданъ. Мы не имѣемъ основаній предъявлять г. Витте обвиненій въ организаціи погромовъ. Въ этомъ преступленіи первый «конституціонный» кабинетъ явился только укрывателемъ. Онъ покрылъ щитомъ правительственнаго авторитета преступныхъ вождей неудачнаго вооруженнаго возстанія черной сотни. Но затѣмъ начинается рядъ дѣйствій, отвѣтственность за которыя всецѣло и нераздѣльно ложится на выступившее въ личинѣ свободолюбія министерство. Уже 23 октября кутаисская губернія была объявлена на положеніи усиленной охраны. Въ тотъ же день варшавскій генералъ-губернаторъ пріостановилъ всѣ газеты за безцензурный выходъ. 28 октября введено военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ; 29 октября—въ Черниговской, Саратовской, Тамбовской, Курской и Пензенской губерніяхъ. Съ тѣхъ поръ почти не проходитъ дня, чтобы та или иная мѣстность не была изъята изъ сферы даже россійской законности и не отдана въ распоряженіе грубой военной силы, во власть генераловъ, которыхъ не хватало на поляхъ Манчжуріи, но которыхъ, какъ и пулеметовъ, оказалось слишкомъ достаточно для гражданской войны. Для усмиренія голодающихъ крестьянъ въ деревни были отправлены генералъ-адъютанты, своими дѣйствіями напоминавшіе, по меньшей мѣрѣ, о временахъ татарскаго нашествія.

Все это происходило еще въ относительно свѣтлый періодъ, когда гр. Витте надѣялся какимъ-нибудь хитроумнымъ ходомъ, безъ контрибуціи, разсчитаться съ народомъ за грѣхи самодержавія. Когда же выяснилось, что революціонное сознаніе народныхъ массъ стоитъ настолько высоко, что поднимаетъ даже уровень цензовой оппозиціи, то правительство окончательно перешло въ на-

ступленіе, первоначально направивъ силы на лѣвый флангъ народной арміи, на организаціи революціоннаго крестьянства и, главнымъ образомъ, пролетаріата. Рабочія собранія даже въ пресловутые «дни свободы» въ большинствѣ случаевъ не разрѣшались. Газеты, посвятившія себя выраженію и защитѣ интересовъ рабочаго класса, подвергались конфискаціи и судебному преслѣдованію. Программа соціалъ-демократической партіи, единственная программа рабочаго класса во всѣхъ странахъ всего міра, была запрещена къ обнародованію, несмотря на то, что милліоны россійскаго пролетаріата уже давно считаютъ эту программу международнаго соціализма и своей программой. Союзы рабочихъ и служащихъ въ государственныхъ и общественныхъ предпріятіяхъ объявлены преступленіями. Попытка почтово-телеграфныхъ труженниковъ отстоять свои права встрѣчена была суровыми репрессіями и привела къ продолжительной и тяжелой стачкѣ. Борьба желѣзнодорожныхъ служащихъ въ закаспійской области окончилась еще болѣе трагически. Одичавшій на афганской границѣ комендантъ крѣпости Кушки арестовалъ «агитаторовъ», предалъ ихъ полевому суду, причемъ еще до суда распорядился поставить висѣлицы. Только угроза новою всероссійскою забастовкою заставила правительство умѣрить рвеніе расходившагося сатрапа. Висѣлицы пришлось оставить свободными, но арестованные инженеры и техники и до настоящаго времени сидятъ въ крѣпостныхъ казематахъ.

Крестьянскій съѣздъ закончился арестомъ бюро. Когда же судебная власть не нашла въ дѣйствіяхъ членовъ бюро преступленія и освободила ихъ, то они снова были заключены въ тюрьму административнымъ порядкомъ по распоряженію охраннаго отдѣленія. Преслѣдованіе обрушилось и на многочисленныхъ членовъ крестьянскаго союза, разсѣянныхъ по деревнямъ и стремившимся придать сознательный характеръ стихійному и полуанархическому крестьянскому движенію.

Еще болѣе безпощадный разгромъ постигъ боевыя организаціи городского пролетаріата: совѣты рабочихъ депутатовъ, возникшіе въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ и, подъ вліяніемъ соціалъ-демократической партіи, направлявшіе рабочую мысль и рабочее дѣло въ русло дѣйствительной защиты истинныхъ нуждъ рабочаго класса. 26-го ноября былъ арестованъ предсѣдатель петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ Хрусталевъ (Георг. Степ. Носарь), 4-го декабря—его замѣститель—Яновскій и большая часть совѣта. 3-го декабря были, по рѣшенію судебной палаты, «пріостановлены впредь до приговора», т.-е. фактически закрыты 8 петербургскихъ газетъ—вся петербургская прогрессивная печать. Редакторы ихъ привлечены къ отвѣтственности и освобождены отъ ареста только подъ залогъ въ 10.000 рублей. Въ концѣ ноября появились, наконецъ, и плоды законодательной дѣятельности гр. Витте, предпринятой имъ «въ развитіе» основныхъ началъ манифеста 17-го октября. По словамъ г. Витте, являющимся яркимъ примѣромъ развратнаго политиканства кабинета, законодательная работа министерства, роль котораго, разсуждая здраво, должна была ограничиться только скорѣйшимъ созывомъ народныхъ представителей, объясняется «необходимостью изданія временныхъ правилъ, обезпечивающихъ пользованіе благами гражданской свободы». Въ дѣйствитель-

ности, всѣ временныя правила и указы послѣднихъ недѣль стремятся исключительно къ одной цѣли: отнять у народа тѣ свободы, которыми онъ фактически пользуется послѣ побѣды первой политической стачки.

Временныя правила о печати 24-го ноября были первымъ тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ освобождающемуся народу. Какъ извѣстно, во время октябрьскихъ дней петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ и пб. союзъ рабочихъ печатнаго дѣла постановили набирать и печатать только тѣ изданія, которыя откажутся признавать цензурный намордникъ. Подъ вліяніемъ этого рѣшенія, высказались въ томъ же смыслѣ и колебавшіеся раньше союзы либеральной буржуазіи: союзъ для защиты свободы печати, въ который вошли представители всѣхъ главнѣйшихъ петербургскихъ газетъ, включая даже «Нов. Время», а затѣмъ и союзъ журналистовъ и союзъ книгоиздателей. Несмотря на убѣжденія гр. Витте, редакторы и издатели буржуазныхъ изданій имѣли въ тѣ дни достаточно мужества, чтобы не уступить ни сладкимъ рѣчамъ сіятельной сирены, ни угрозамъ недавняго сподвижника Плеве и автора правилъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты. Въ вопросѣ о свободѣ печати буржуазія въ тѣ дни твердо отстояла свою позицію отъ подходовъ двуликаго Януса. Графъ Витте долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ. Пролетаріатъ еще не былъ истощенъ борьбой и какъ буржуазная оппозиція, такъ и портсмутскій герой одинаково опасались раздувать снова только что затихшую борьбу. Свобода печати, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ осуществилась. Правительство ловило и конфисковало многія изданія, но эти безпомощныя усилія никого не пугали. Газеты, дѣйствительно, говорили все, что считали нужнымъ сказать и смѣло приподнимали, пользуясь всѣми возможностями, покровъ тайны, такъ долго прятавшій отъ народа безконечныя преступленія центральныхъ и мѣстныхъ властей. Это была странная «свобода». Она основывалась на рѣшительности революціи и растерянности реакціи, надъ ней непрестанно висѣла угроза дикаго насилія, но тѣ, кто не былъ связанъ собственнымъ убожествомъ, умѣли воспользоваться моментомъ. Правила 24-го ноября явились попыткою—отчасти удавшеюся—отнять эту свободу. Разныя мудрыя птицы россійской политической кунсткамеры сравниваютъ новыя правила о печати со старымъ уставомъ о цензурѣ и, разумѣется, съ умиленіемъ отмѣчаютъ ихъ прогрессивный характеръ. Но этотъ методъ сравненія болѣе чѣмъ нелѣпъ. Если бы временныя правила 24-го ноября появились во времена Плеве, то можно было бы говорить объ ихъ прогрессивномъ значеніи. Послѣ же того, какъ печать пользовалась фактической свободой, съ изданіемъ новыхъ правилъ русское слово не только ничего не пріобрѣло, но почти всего лишилось. Правительство отмѣнило разрѣшительный порядокъ возникновенія изданій и установило явочный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно установило цѣлый рядъ, въ общемъ, достаточно суровыхъ наказаній не только за обычныя преступленія и проступки, совершенныя путемъ печати, но и за мнѣнія, т.-е. оставило себѣ полную возможность бороться съ тѣмъ, что называлось раньше вреднымъ направленіемъ и что, въ дѣйствительности, представляло мнѣнія, неугодныя въ данный моментъ даннымъ лицамъ изъ правящихъ сферъ.

Сущность новыхъ правилъ заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что

правительство даетъ полную свободу открывать періодическія изданія, но предоставляетъ себѣ полную свободу прекращать ихъ, когда сочтетъ нужнымъ. Формы прекращенія измѣнены. Вмѣсто четырехъ министровъ, закрывавшихъ раньше изданіе, оно теперь пріостанавливается впредь до приговора судебной палатою, т.-е. усмотрѣніемъ трехъ членовъ судебнаго учрежденія. Практика послѣднихъ дней показала, что слуги самодержавія, одѣтые въ судейскіе мундиры, не менѣе рѣшительно защищаютъ интересы отжившаго строя, чѣмъ одѣтые въ министерскіе и полицейскіе мундиры. Газеты «пріостанавливаются» съ такою энергіей и въ такомъ количествѣ, что исчезаетъ сознаніе, живемъ-ли мы въ государствѣ, объявленнымъ конституціоннымъ, или продолжаемъ прозябать подъ гнетомъ Сипягиныхъ и Плеве.

И это воспоминаніе о прошломъ тѣмъ болѣе основательно, что правительство не ограничится въ предпринятой борьбѣ противъ свободы слова правилами 24 ноября; оно неизбѣжно, роковымъ образомъ вынуждено будетъ пойти дальше. Въ настоящемъ своемъ видѣ новый законъ *не имѣетъ никакого практическаго смысла.* Это—жалкая выдумка бумажныхъ людей, а не дѣловой планъ реакціонной кампаніи. Пока соблюдается свобода открытія новыхъ изданій,—закрытіе старыхъ всегда останется нелѣпой игрой, единственнымъ оправданіемъ которой можетъ быть надежда разорить издателя матеріальными жертвами, связанными съ перемѣною заголовка. Но разъ изданіе выдерживаетъ матеріальныя затрудненія, ничто не можетъ помѣшать ему на другой день послѣ пріостановки появляться подъ инымъ названіемъ, заявленіе о которомъ наученные горькимъ опытомъ издатели будутъ дѣлать заблаговременно. Очевидно, правительство должно ограничить свободу возникновенія новыхъ изданій, и оно это не замедлитъ сдѣлать старымъ путемъ тайныхъ или явныхъ циркуляровъ. Правила даютъ возможность это сдѣлать, такъ какъ предусмотрительно обходятъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли право издатель выпустить въ свѣтъ свое изданіе, если въ теченіе установленнаго срока не получитъ отъ администраціи билета на право печатанія.

Реакціонная политика обязываетъ, и, вѣроятно, въ самомъ близкомъ будущемъ многострадальной русской прессѣ грозитъ ожесточенная битва за свободу слова, столь торжественно объявленную 17 октября и столь безцеремонно отнятую 24 ноября.

«Укрѣпивъ свободу печати» 24 ноября, кабинетъ Дурново-Витте 29 ноября съ такимъ же успѣхомъ «укрѣпилъ» и свободу стачекъ. И въ этомъ случаѣ, рабочій классъ фактически уже завоевалъ себѣ полную свободу защиты своихъ интересовъ въ формѣ стачки. Министерство могло поставить своей задачею только отнятіе этой свободы, и оно сдѣлало это. Временныя правила 29 ноября стремятся охватить борющійся пролетаріатъ мертвою петлею.

Законъ о стачкахъ, какъ извѣстно, въ теченіе цѣлаго года подготовлялся комиссіею Коковцова еще при самодержавіи. Г. Коковцовъ оказался не въ состояніи что-либо произвести. Конституціонное министерство обнаружило большую дѣловитость и выработало законъ, который по своей реакціонности далеко оставляетъ за собою проэкты убогаго бюрократа стараго порядка. Напри-

мѣръ, г. Коковцовъ предполагалъ запретить стачки въ предпріятіяхъ общественно-необходимыхъ съ точнымъ перечисленіемъ этихъ предпріятій. Кабинетъ Витте—Дурново ставитъ вопросъ шире. Новыя правила не указываютъ точно предпріятій, въ которыхъ стачка является наказуемой. Они отдѣлываются общею фразою: «предпріятія, прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности которыхъ угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія». Такимъ образомъ, опредѣленіе характера предпріятія возлагается на администрацію и судъ. Можетъ-ли быть сомнѣніе, что они не примутъ къ сердцу политическихъ настроеній высшихъ сферъ и не объявятъ прекращеніе работъ на нашихъ многочисленныхъ казенныхъ заводахъ опаснымъ для безопасности государства? Судъ исполнитъ свой «долгъ», тѣмъ болѣе, что министерство юстиціи уже разсылаетъ прокурорамъ и предсѣдателямъ палатъ циркуляры, призывающіе судебное вѣдомство, не стѣсняясь средствами, бороться съ освободительнымъ движеніемъ, а въ скоромъ времени предполагается даже отправка особыхъ «судебныхъ генералъ-адъютантовъ» для натаскиванія мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей въ виду предстоящей охоты на борцовъ за свободу. Очищенные отъ «ненадежныхъ» элементовъ и подготовленные надлежащими внушеніями наши суды, безъ сомнѣнія, не станутъ уклоняться отъ твердой линіи реакціи и не остановятся предъ проведеніемъ въ жизнь даже той статьи новыхъ правилъ, которая грозитъ заключеніемъ въ крѣпость до четырехъ лѣтъ членамъ стачечныхъ комитетовъ, названныхъ въ законѣ неопредѣленнымъ именемъ «сообществъ»—очевидно, для вящшаго устрашенія стачечниковъ.

Но перломъ правилъ «о свободѣ» стачекъ является поразительный пунктъ о наказаніи за «отлученія отъ общенія». Если рабочіе или служащіе прервутъ личныя сношенія съ какимъ-либо предателемъ, шпіономъ или провокаторомъ, втершимися въ ихъ товарищескую среду,—они подвергаются тюремному заключенію. Принуждать людей «общаться» съ тѣми, съ кѣмъ они не желаютъ имѣть никакихъ сношеній, принуждать подъ угрозою тюрьмы,—больше этого не выдумаютъ даже г.г. Витте и Дурново. Творчество ихъ должно изсякнуть послѣ такого tour de force реакціоннаго законодательства. Они совершили все зло, на которое способны, и самый добрый совѣтъ, который можно дать премьеру, теперь только одинъ: умри, Денисъ, и больше не пиши. Дальше въ насиліи надъ личностью итти нельзя. Но г. Витте продолжаетъ писать. Въ тотъ же день 29-го ноября онъ публикуетъ указъ о новыхъ полномочіяхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ. Согласно указу, тамъ, гдѣ прекращено сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ, но еще продолжаютъ «имѣть пребываніе военные начальники не ниже командировъ бригадъ»,—тамъ вышеперечисленные чиновники (если они сохранились) могутъ ввести военное положеніе. Тамъ, гдѣ генераловъ не имѣется, тѣже администраторы могутъ ввести чрезвычайную или усиленную охрану. Нужно замѣтить, что чрезвычайная охрана, начавшая примѣняться въ широкихъ размѣрахъ съ наступленіемъ «конституціоннаго» періода нашей исторіи, предоставляетъ помпадурамъ не только заключать въ узы непокорныхъ лицъ, но и

секвестровать ихъ имущество, поручая его для небезвыгоднаго управленія чиновникамъ. Такимъ образомъ, гр. Витте признаетъ, что самодержавіе расползлось и можетъ сохраняться лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, при помощи особо энергичныхъ мѣръ. Центральное правительство потеряло организующее значеніе. Оно бросаетъ своимъ сатрапамъ лозунгъ: «спасайся, кто можетъ», и становится лишь однимъ изъ такихъ сатраповъ. И только по мѣрѣ того, какъ на мѣстахъ беретъ верхъ черносотенная армія, идейное руководство центральнаго правительства воплощается въ практическія послѣдствія. Но дальше идейнаго вліянія на черныя сотни кабинетъ Витте—Дурново не идетъ и неспособенъ итти. При такихъ условіяхъ ему ничего не остается, какъ расчленить страну на сатраніи и заранѣе дать мѣстнымъ администраторамъ индульгенцію на убійства, пожары, грабежи и насилія.

Такъ 29-го ноября, въ сущности, заканчиваетъ путь государственной дѣятельности г. Витте въ качествѣ главы конституціоннаго министерства. Правила о печати и стачкахъ надняхъ будутъ дополнены еще правилами о союзахъ и собраніяхъ, столь же реакціонными, какъ и первыя. Министерству 17-го октября тогда ничего не остается дѣлать. Подъ личиной либерализма оно сковало юридическія цѣпи для народа, взявшаго 17-го октября политическую свободу. Теперь придворная камарилья не нуждается болѣе въ лицемѣрномъ политиканствѣ. Реакція опредѣлила свои позиціи и ей не нужны прикрытія въ видѣ агента европейской биржи, болтливаго краснобая оффиціальныхъ пріемовъ и правительственныхъ сообщеній. Быть можетъ, европейскіе банкиры еще оттянутъ на время паденіе г. Витте, но они не спасутъ его. Реакція нуждается въ человѣкѣ дѣла; она ищетъ генерала—по чину или по душѣ,—который былъ бы свободенъ отъ тѣхъ отравленныхъ думъ объ европейскомъ биржевомъ капиталѣ, отъ которыхъ не можетъ, при всей угодливости, освободиться портсмутскій графъ. Она ищетъ человѣка, беззаботнаго насчетъ Европы, который съ казацкою тупостью и казацкою лихостью накинетъ арканъ на свободу. Другого пути для реакціи нѣтъ. Положеніе выяснилось. Въ 1848 г. Марксъ писалъ о прусскомъ правительствѣ, что его «прежній лозунгъ былъ: никогда «листъ бумаги» не станетъ между королемъ и народомъ; нынѣшній—между королемъ и народомъ долженъ быть только листъ бумаги. Истинная конституція Пруссіи, это—осадное положеніе».

Эти слова характеризуютъ политику россійскаго царскаго правительства наканунѣ 1906 года.

II.

11-го декабря министерство Витте-Дурново разрѣшилось, наконецъ, новымъ избирательнымъ закономъ. Проектъ этого закона былъ готовъ уже въ ближайшіе дни послѣ манифеста 17-го октября, и промедленіе въ его опубликованіи объясняется, очевидно, желаніемъ правительства измѣрить силу революціоннаго движенія, чтобы не сдѣлать безъ особой и крайней необходимости слишкомъ большихъ уступокъ народу.

Вялая и предательская тактика либеральныхъ «успокоителей» показала царскому правительству, что сегодняшній день еще принадлежитъ ему, и оно нѣсколько робѣя, но съ достаточною дерзостью бросило народу новый вызовъ.

Законъ 11-го декабря—достойное произведеніе переживающаго агонію режима. Путанный, противорѣчивый, проникнутый явно реакціонными намѣреніями и въ то же время вынужденный удовлетворять или дѣлать видъ, что удовлетворяетъ требованія народа, этотъ актъ останется вѣчнымъ памятникомъ позорнаго конца самодержавія. Сколоченное кое-какъ, громоздкое и сложное зданіе «народнаго» представительства вызываетъ столько недоумѣній и затрудненій, что невольно рождается сомнѣніе даже въ его технической осуществимости. Недаромъ даже послушная петербургская дума съ ея черносотенными гласными постановила «ходатайствовать», чтобы правительство позаботилось издать ясно и точно редактированный законъ, а не туманные обрывки, въ которыхъ запутаются даже опытные юристы. Разборъ внутреннихъ и редакціонныхъ противорѣчій акта 11-го декабря представлялъ бы большой интересъ, но въ настоящей статьѣ мы остановимся только на тѣхъ новыхъ чертахъ «народнаго» представительства, которыя устанавливаются реформированнымъ закономъ. Путаницу и противорѣчіе его мы пока оставимъ, тѣмъ болѣе, что самъ законодатель съ меланхолическою откровенностью признаетъ эти «недостатки». «Вводимыя новымъ закономъ поправки и дополненія къ порядку, установленному въ положеніи о выборахъ въ государственную думу,—гласитъ объяснительная записка,—страдаютъ, конечно, нѣкоторыми недостатками, какъ и всякая избирательная система, которая построена на различныхъ для разныхъ классовъ основаніяхъ, а потому съ точки зрѣнія стройности и логическихъ основаній, могутъ вызвать не мало возраженій». Тѣмъ не менѣе, министерство не сочло себя въ правѣ отрѣшиться отъ началъ сословности и ценза, которыя будто бы составляютъ историческія формы дѣятельности общественныхъ группъ въ Россіи. Переводя это заявленіе на понятный языкъ, мы ясно видимъ, что авторы закона 11-го декабря отрицаютъ въ немъ всякій логическій смыслъ, но признаютъ его политическую цѣнность въ качествѣ системы угнетенія народа. Съ этой точки зрѣнія новый законъ отличается даже выдержанностью принциповъ.

Двадцатипятилѣтній возрастъ для избирателей, сословно-классовая перегородка между отдѣльными избирательными группами, многостепенность выборовъ, отсутствіе гарантій тайны голосованія, отсутствіе свободы предвыборной агитаціи и предвыборныхъ и избирательныхъ собраній,—всѣ эти испытанныя средства обезпеченія господства правительства и имущихъ классовъ надъ народными массами остаются въ полной силѣ и при новомъ избирательномъ правѣ, расширяющемъ кругъ избирателей. Да и самое расширеніе не оправдываетъ оптимистическихъ надеждъ.

Прежде всего, законъ позаботился усилить позицію крупнаго частнаго землевладѣнія. Согласно акту 11-го декабря, избирательныя права распространяются на арендаторовъ крупныхъ имѣній и управляющихъ крупными экономіями. Эта категорія избирателей, являющаяся однимъ изъ самыхъ реакціонныхъ общественныхъ слоевъ, значительно укрѣпитъ растущую партію русскихъ

аграріевъ. Избирательныя права мелкихъ землевладѣльцевъ остались безъ измѣненія. Они, какъ и по положенію 6-го августа, выбираютъ на съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ только уполномоченныхъ, при чемъ мелкіе арендаторы и управляющіе уже не участвуютъ въ этихъ предварительныхъ съѣздахъ и могутъ воспользоваться правомъ голоса въ городскомъ избирательномъ съѣздѣ наравнѣ съ земскими служащими и другими лицами, проживающими въ деревнѣ. Такимъ образомъ, представители крупнаго землевладѣнія могутъ быть увѣрены, что имъ удастся подобрать желательный составъ выборщиковъ.

Кругъ городскихъ избирателей расширенъ всѣми лицами, владѣющими въ теченіе года какой-либо обложенной налогами недвижимой собственностью или платящими какой-либо промысловый налогъ, или служащими въ государственныхъ общественныхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ за исключеніемъ низшихъ служащихъ и рабочихъ, или, наконецъ, лицами, занимающими въ теченіе года на свое имя отдѣльную квартиру. Такимъ образомъ, получаютъ избирательное право—въ крупныхъ городахъ двухстепенное, а въ уѣздныхъ и мелкихъ — трехстепенное — всѣ владѣльцы недвижимой собственности, чиновники, значительная часть представителей либеральныхъ профессій.

Крестьяне остаются въ прежнемъ безправномъ положеніи. Законъ призналъ за ними одно право: право перевыбора волостныхъ уполномоченныхъ. Четырехстепенность крестьянскихъ выборовъ получила, слѣдовательно, новое подтвержденіе.

Наиболѣе важной задачею новаго закона было удовлетвореніе политическихъ требованій рабочей массы, съ такими жертвами доказавшей свое сознательное и внимательное отношеніе къ судьбамъ страны. Актъ 11-го (декабря не могъ уклониться отъ этихъ требованій, но онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы свести къ нулю дѣйствительное значеніе формальнаго представительства рабочаго класса.

Рабочіе, занятые въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, образуютъ особую избирательную курію. Правомъ голоса пользуются только рабочіе мужского пола. Что касается возраста рабочихъ избирателей, то законъ даетъ на этотъ вопросъ противорѣчивый отвѣтъ. Очевидно, появится «разъясненіе», которое устранитъ вытекающую сейчасъ изъ неясности закона возможность участія въ выборахъ всѣхъ рабочихъ безъ различія возраста.

Выборы трехстепенные; сначала выбираются уполномоченные, которые затѣмъ выбираютъ выборщиковъ для избранія членовъ Госуд. Думы.

Уполномоченные выбираются по слѣдующему разсчету: въ предпріятіяхъ съ общимъ числомъ рабочихъ мужского пола отъ пятидесяти до тысячи избирается *одинъ* уполномоченный; въ предпріятіяхъ съ общимъ числомъ рабочихъ свыше тысячи—одинъ уполномоченный на каждую тысячу рабочихъ. Въ уполномоченные могутъ быть избираемы лица, достигшіе 25 лѣтъ и работающіе въ томъ предпріятіи, въ которомъ производятся выборы, *не менѣе* шести мѣсяцевъ. Избирательныя собранія назначаются въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ владѣльцами предпріятій, т.-е., по большей части, въ самыхъ зданіяхъ фабрикъ и заводовъ. Списки уполномоченныхъ чрезъ администрацію промышленнаго

предпріятія передаются губернаторамъ. Уполномоченные въ губернскихъ и городскихъ избирательныхъ собраніяхъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы, избираютъ выборщиковъ. Число ихъ опредѣлено ст. 2 отд. V закона 11-го декабря: всего 236 человѣкъ.

Что же дастъ рабочимъ это представительство? Ничего, кромѣ раздраженія постоянной неудовлетворенности!

Прежде всего, не говоря о томъ, что росписаніе умалчиваетъ о представительствѣ такъ назыв. окраинъ, оно оставляетъ безъ избирательныхъ правъ рабочихъ 5 губерній Россіи: Бессарабской, Витебской, Вологодской, Ковенской и Олонецкой. Рабочіе этихъ мѣстностей исключены совершенно изъ участія въ политической жизни страны. Почему? Про то вѣдаютъ гг. Витте и Дурново. Затѣмъ, представительство по промышленнымъ заведеніямъ мелкаго типа ведетъ только къ тому, чтобы въ число выборщиковъ попало какъ можно меньше сознательныхъ рабочихъ. По новому закону 10.000 рабочихъ одного завода выбираютъ десять уполномоченныхъ, а 10.000 рабочихъ фабрикъ и заводовъ по 50 человѣкъ—200 уполномоченныхъ. Причины ясны. На большихъ заводахъ и фабрикахъ въ безсознательной рабочей массѣ скорѣе вырабатывается пролетарскій духъ, развивается классовая солидарность, поднимается энергія классовой борьбы. Большая и сплоченная масса пролетаріата нелегко поддается воздѣйствіямъ и стойко защищаетъ свои интересы и своихъ выборныхъ людей. На мелкихъ предпріятіяхъ рабочіе не представляютъ грозной массовой силы; они лично извѣстны администраціи предпріятія, и она легко можетъ «принять мѣры» для устраненія нежелательныхъ лицъ и выбора покорныхъ овецъ въ уполномоченные рабочихъ. При такихъ условіяхъ борцу за рабочее дѣло, представителю международной революціонной соціалъ-демократіи, такъ же трудно будетъ попасть въ уполномоченные, какъ верблюду пройти въ игольное ушко.

Однако, допустимъ, что рабочіе избрали уполномоченными и даже выборщиками людей, вполнѣ сознающихъ интересы своего класса и очередныя задачи политической борьбы. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что россійскій пролетаріатъ получитъ возможность отстаивать свои нужды въ Госуд. Думѣ. По росписанію, число выборщиковъ отъ рабочихъ—236. Общее же число выборщиковъ въ 51 губ. равняется 7.626. Рабочіе повсюду остаются въ несомнѣнномъ меньшинствѣ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, 24 выборщика отъ рабочихъ должны раствориться въ 207 выборщикахъ отъ другихъ классовъ (160—отъ города и 47—отъ губерніи). Мало того. Предусматривая возможность того, что въ нѣкоторыхъ городахъ и губерніяхъ рабочіе могутъ увлечь на свою сторону выборщиковъ изъ крестьянъ или горожанъ, законъ съ циничною откровенностью представляетъ распредѣленіе рабочихъ выборщиковъ между городскимъ и губернскимъ избирательными собраніями—губернскимъ по дѣламъ о выборахъ комиссіямъ, составъ которыхъ обезпечиваетъ такое распредѣленіе рабочихъ, что они не получатъ ни одного представителя въ Госуд. Думѣ.

Цѣль новаго закона и проста, и ясна. Самодержавное правительство согласно «даровать» населенію свободу только подъ условіемъ, что населеніе «свободно» выразитъ одобреніе и довѣріе самодержавному правительству. Для

этого, народные представители несомнѣнно должны быть просѣяны чрезъ самое густое рѣшето всевозможныхъ ограниченій.

Эта цѣль, разумѣется, нисколько не совпадаетъ съ цѣлями революціоннаго народа. Комедія представительства, затѣваемая кабинетомъ Витте-Дурново, столь же мало пріемлема, какъ и неудавшаяся пьеса г. Булыгина. Дума гг. Витте-Дурново должна раздѣлить судьбу Думы г. Булыгина: она должна быть отвергнута. Это—основное положеніе нашей тактики по отношенію къ новой Думѣ. Если мы его усвоимъ твердо и во всей полнотѣ, то острый вопросъ о томъ, бойкотировать выборы или нѣтъ, потеряетъ свою остроту. На первый планъ тогда выдвигается организація революціонныхъ силъ народа, которыя возьмутъ на себя борьбу не только съ пережитками деспотизма, но и съ предательскими попытками захвата народныхъ правъ фальсифицированнымъ народнымъ представительствомъ. Тамъ, гдѣ революціонныя силы достаточно многочисленны и зрѣлы, чтобы непосредственно перейти къ созданію независимыхъ всенародныхъ выборовъ, тамъ, разумѣется, нѣтъ необходимости считаться съ легальными выборами. Ихъ нужно не бойкотировать, а просто игнорировать. Тамъ же, гдѣ революціонная мысль и политическое сознаніе населенія еще слабо, тамъ, быть можетъ, придется воспользоваться избирательнымъ процессомъ въ его первыхъ стадіяхъ для того, чтобы придать сплоченность и единство разрозненнымъ элементамъ революціи. Тогда борьба съ Думой и похитителями народныхъ правъ завяжется въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ.

Во всякомъ случаѣ, наша тактика должна быть непремѣнно объединена принципомъ полнаго отрицанія фальсифицированной Думы и неуклоннаго стремленія къ Учредительному Собранію. Формы же этой тактики могутъ быть разнообразными, мѣняясь въ зависимости отъ конкретныхъ условій политической обстановки каждаго даннаго момента.

III.

Въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, по Россіи перекатываются грозныя волны *третьей* политической стачки, на этотъ разъ во многихъ мѣстахъ перешедшей въ вооруженное возстаніе. Она началась, по постановленію петербургскаго и московскаго Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ и центральныхъ учрежденій соціалистическихъ партій съ 12 час. дня 8-го декабря. Декабрьская стачка не входила въ очередныя задачи организованнаго революціоннаго пролетаріата. Въ третьемъ и послѣднемъ номерѣ газеты россійск. соц.-демократич. рабочей партіи, вышедшемъ 8-го декабря, опредѣленно говорится, что пролетаріатъ вынужденъ прибѣгнуть къ стачкѣ вызывающей политикой правительства.

«За полтора мѣсяца, протекшіе послѣ 17-го октября,—писала газета,—пролетаріатъ не успѣлъ запастись матеріальными средствами, не успѣлъ хоть сколько-нибудь поправить расшатанное благосостояніе своихъ семей. По прежнему, вступая въ борьбу, онъ бросаетъ на чашку вѣсовъ голодъ и страданія своихъ женъ и своихъ дѣтей. Дѣлу защиты народной свободы онъ снова жерт-

вуетъ тѣмъ единственнымъ, чѣмъ онъ владѣетъ, — насущнымъ кускомъ хлѣба».

Требованія народа, выставленныя декабрьской стачкой, формулированы слѣдующимъ образомъ:

«Учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго и избирательнаго права.

Уничтоженіе всѣхъ временныхъ правилъ. Уничтоженіе военнаго и осаднаго положенія, чрезвычайной и усиленной охраны, уничтоженіе всѣхъ другихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Отмѣна военныхъ судовъ и смертной казни. Полная гарантія неприкосновенности личности, свободы слова, печати, сходокъ, союзовъ, стачекъ и распространеніе этихъ правъ также и на армію и флотъ, прекращеніе политическихъ процессовъ, включая сюда также процессы по печат и

Немедленная отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ отдѣльныхъ націй и вѣроисповѣданій.

Освобожденіе всѣхъ политическихъ заключенныхъ.

Выполненіе особыхъ требованій, поставленныхъ арміей, флотомъ, желѣзнодорожными служащими и служащими почтъ и телеграфовъ.

Переходъ земли къ народу.

Признаніе восьми-часового рабочаго дня основнымъ политическимъ правомъ народа, наряду съ свободой слова, совѣсти другими основными политическими правами».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціалъ-демократическая партія, предвидя, что въ данный моментъ «революція со скрещенными руками» въ формѣ стачки уже исчерпана и что дальнѣйшій процессъ революціоннаго развитія фатально толкаетъ къ активному наступленію на крѣпость стараго режима, указала—ближайшія конкретныя задачи, разрѣшеніе которыхъ должно было обозначить переходъ революціонной борьбы въ высшую стадію. По словамъ «Сѣв. Голоса», «бастуя и останавливая всю экономическую жизнь, пролетаріатъ не ждетъ болѣе никакихъ обѣщаній, никакихъ манифестовъ, не удовлетворится никакими частными перемѣщеніями политическихъ фигуръ правительственнаго персонала. Онъ не прекращаетъ борьбы до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣстныя власти не сдадутъ своихъ полномочій выбранному отъ мѣстнаго населенія органу временнаго революціоннаго управленія. Пока этому народному управленію не будутъ переданы государственное казначейство, военные арсеналы и распоряженіе полицейскими силами. Народное управленіе, опираясь на выбравшее его населеніе, организуетъ вооруженіе народа. Мѣстныя военныя силы или распускаются, или присягаютъ новому свободному порядку. Администраторы организовавшіе черносотенные погромы и вводившіе въ дѣйствіе мѣры, нарушающія свободу гражданъ, арестуются народнымъ управленіемъ для преданія ихъ свободному суду. Признавшая новый порядокъ армія организуется на началахъ свободнаго самоуправленія солдатъ».

Достиженіе этихъ цѣлей, однако, не было связано исключительно съ декабрьской забастовкой. С. д. партія указывала на нихъ только какъ на «программу ближайшаго революціоннаго періода, программу, не навязанную

какой-нибудь предвзятой мыслью, а естественно вытекающую изъ политическаго положенія, созданнаго революціонными событіями послѣднихъ мѣсяцевъ».

Это предвидѣніе оправдалось. Даже въ Петербургѣ, гдѣ стачка не перешла въ возстаніе, она сопровождалась постоянными столкновеніями съ войсками и остановилась на границѣ открытаго наступленія. Въ Харьковѣ, Сормовѣ, Саратовѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ стачечникамъ пришлось выдержать сраженія съ войсками, причемъ иногда судьба боя рѣшалась только артиллерійскимъ огнемъ. Наконецъ, въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, вспыхнуло организованное вооруженное возстаніе. Одинадцать дней длилась героическая борьба революціонеровъ съ правительственными войсками. Только напряженіе всѣхъ силъ позволило правительству залить кровью революціонный пожаръ древней столицы. Но уже надъ Ураломъ, Кавказомъ, Донецкимъ бассейномъ поднимается зарево революціонныхъ огней. Великая россійская революція вступаетъ въ новую, высшую фазу развитія. Но эта фаза представляетъ настолько большой—и не только текущій, но и историческій интересъ, что мы посвятимъ ей особую статью.

Ник. Іорданскій.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Содержаніе журнала «Міръ Божій» за 1905 годъ.

Агафоновъ, В. Педагогическія мечтанія и дѣйствительность, апрѣль, II отд.

— Профессіональные союзы, іюнь, II отд.

— Двѣ интересныя брошюры, іюль, II отд.

— Старые гимны разуму, свободѣ и «эгоистическому» героизму («Что дѣлать» Н. Г. Чернышевскаго, 2 изд. 1905 г. «Историческія письма», изд. 1905 г.), октябрь, II отд.

— М. Ю. Гольштейнъ, ноябрь, отд. II.

Азбелевъ, Н. Политическія партіи и общественное мнѣніе въ Японіи, январь, стр. 175, февраль, стр. 99.

— О промышленности и торговлѣ въ Японіи, октябрь, стр. 63.

А-въ, Н. П. Мысли по поводу гибели русскихъ тихоокеанскихъ эскадръ, іюль, II отд.

Аничковъ, Евгеній. Маминъ — Сибирякъ (критическій очеркъ) октябрь, стр. 216.

Айзманъ, Давидъ. Гнѣвъ. Разсказъ, сентябрь, стр. 35.

Ашевскій, С. Изъ исторіи Московскаго университета (къ полуторавѣковому юбилею: 1755—1905), февраль, стр. 1, мартъ, стр. 109, апрѣль, стр. 104, май, стр. 112, іюнь, стр. 1.

— Къ изданію сочиненій Герцена, декабрь.

Батюшковъ, Ѳ. Къ предпринятой реформѣ законоположеній о печати, мартъ, II отд.

— Къ польско-русскимъ отношеніямъ. (Посвящается полякамъ друзьямъ), апрѣль, II отд.

— Д. Л. Мордовцевъ (некрологъ), іюль, II отд.

— Обреченные. А. Купринъ «Поединокъ», августъ, II отд.

— Къ свободѣ научнаго преподаванія, октябрь, II отд.

— Міръ безрадостный, но все-же миръ, сентябрь, II отд.

— «Но Брутъ вѣдь честный человѣкъ», ноябрь, отд. II.

— Новое покушеніе на свободу печати, II отд.

Башкинъ, В. Стихотворенія: Осенніе мотивы: 1) Пѣсни безъ названія, 2) Осенняя буря, 3) На родинѣ, 4) Въ саду, октябрь, стр. 120.

Бельтрамелли, Антоніо. Предатель (разсказъ), пер. съ итал. Е. Лазаревской, февраль, стр. 290.

Бибикъ, А. Во чревѣ кита, очеркъ, январь, стр. 230.

Билитъ. Передъ походомъ, (разсказъ), апрѣль, стр. 30.

— Стихотвореніе: Слово, апрѣль, стр. 123.

— Стихотвореніе: «Пойду», ноябрь.

— Костенко и Якимовъ, сцены изъ военнаго быта, декабрь.

— Мой городъ, стихотвореніе, декабрь.

Бланкъ, Р. М. Итоги антисемитизма въ Германіи, май, стр. 138, іюнь, стр. 72.

Богучарскій, В. Изъ прошлаго русскаго общества. (Записки русскаго декабриста И. Дм. Якушкина. «Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола». Памяти Костомарова), іюнь, II отд.

— Новое о прошломъ, іюль и августъ, II отд.

— Кровавый синодикъ, декабрь.

Булыгинъ, П. Счастье, повѣсть, янв., стр. 31, февр., стр. 33.

Бунинъ, Иванъ. Стихотвореніе. Сапсанъ (Поэма), апр., стр. 27.

— Dies iгае, авг., стр. 136.

— 1) Осенью, 2) ***, окт., стр. 34.

Василевскій, Л. М. Стихотвореніе: ***, май, стр. 46.

— 1) Весенняя гроза, 2) Бѣлыя ночи, іюнь, стр. 127.

Васильевъ, В. Смѣна «фирмы» (повѣсть. Изъ воспоминаній мастерового), февр., стр. 223, мартъ, стр. 36, апр., стр. 124.

Вейнбергъ, Петръ. У Гисбахскаго водопада, стихотв., ноябрь.

Виппперъ, Р., проф. «Грановскій и его общественно-историческіе взгляды», ноябрь.

Волжскій. Религіозно-нравственная проблема у Достоевскаго, іюнь, стр. 161, іюль, стр. 109, авг., стр. 137.

Галина, Г. Стихотвореніе: Тихій свѣтъ, янв., стр. 260.

— «Болитъ душа моя», апр., стр. 123.

— Весенній дождь, май, стр. 46, ***, сент., стр. 34.

Гамсунъ, Кнутъ. На негритянскомъ островѣ, разсказъ, пер. съ норвежск. К. Ж., окт., стр. 106.

Г—ій, М. Судъ Prud-hommes въ Бельгіи, его организація и дѣятельность. (Письмо изъ Брюсселя), окт., II отд.

Гюго, Викторъ, Караванъ, стихотвореніе, пер. О. Чюминой, дек., стр. 27.

Гейерстамъ, Густавъ. Борьба душъ, романъ, пер. съ шведск. З. Зеньковичъ, янв., стр. 148, февр., стр. 157, май, стр 17, іюнь, стр. 179.

Даманская, А. Проѣздомъ, разсказъ, авг., стр. 161.

Дерманъ, А. Вернулся, разсказъ, окт., стр. 99.

Дживелеговъ, А. Армянскій вопросъ и современная смута на Кавказѣ, ноябрь.

Евлаховъ, Александръ. Къ трехсотлѣтію «Донъ Кихота», май, стр. 47.

Елистратовъ, А. Свобода собраній и союзовъ въ Западной Европѣ. (Историческій очеркъ), іюль, стр. 2.

Инсаровъ, Х. Ламене и его время, янв., стр. 70, февр., стр. 70.

Іорданскій, Н. Наканунѣ земской реформы шестидесятыхъ годовъ. (Историческій очеркъ), мартъ, стр. 1, апр., стр. 64, авг., стр. 174.

Кенджиро Токутоми. Нами-Ко (современный японскій романъ), пер. со шведск. К. Ж., янв., стр. 194, февр., стр. 259, мартъ, стр. 189, апр., стр. 155.

К—а, В. Стихотвореніе: Чайка, іюнь; стр. 232.

Клейнбортъ, Л. Къ введенію государственнаго страхованія рабочихъ въ Россіи, май, II отд.

— Всеобщее избирательное право, янв., стр. 245.

Клейнбортъ, Л. Капитализмъ и экономическое положеніе евреевъ въ Россіи, апр., стр. 240.

— Подоходный налогъ, іюнь, стр. 233.

Ковалевскій, Максимъ. Новое соціологическое общество, августъ, II отд.

Ковальскій, К. А., Жизнь—мгновеніе (Изъ серіи «Война»), разск., ноябрь.

Конопницкая, Марія. На нормандскомъ берегу. (Разсказы), пер. съ пол. Н. К—ой, мартъ, стр. 88.

Крандіевская, А. Охранитель, разсказъ, декабрь, стр. 30.

Кранихфельдъ, Вл. Земскіе соборы и современные ихъ апологеты, мартъ, 244.

— Памяти Шиллера (1806—1905 гг.), май, II отд.

— Подъ Краснымъ знаменемъ, ноябрь, отд. II.

Лачиновъ. Іуда, разсказъ изъ заводской жизни, декабрь.

Ладыженскій, Вл. Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ, апр., стр. 188.

— Стихотвореніе: Памяти А. П. Чехова, іюль, стр. 1.

—«Марсельеза», пер. съ франц., ноябрь.

Лемке, Мих. Къ сорокалѣтію «великой» реформы, апр. стр. 1.

— Чаадаевъ и Надеждинъ (по неизданнымъ матеріаламъ), сент. стр. 1., окт., стр. 122, ноябрь, дек.

Лозинскій, Евгеній. Изъ исторіи муниципальнаго хозяйства, сент., стр. 112.

Лосицкій, А. Этюды о населеніи Россіи (по переписи 1897 г.), авг., стр. 224.

Лукьяновъ, А. Стихотворенія: «Изъ Асныка, 1) Безъ границъ 2) Не говори!, февр., стр. 32.

— Изъ Асныка: Двѣ эпохи, мартъ, стр. 137.

— Стихотвореніе, ноябрь.

— Стихотвореніе, декабрь.

Лучинская, Анна На фонѣ пейзажа (Картина), мартъ, стр. 228.

Любославскій, Г. Проф. Метеорологія—какъ наука, ея задачи и методы, окт., стр. 157.

Маковскій, С. Стихотвореніе: * * *, янв., стр. 260.

Майеръ, Густавъ, «Очеркъ общественно-экономическихъ ученій съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XIX вѣка», пер. съ нѣм. *Г. Котляра*, отд. III, іюль, авг., сент., окт., ноябрь, дек.

М. Л. Съ натуры (Очеркъ), сент., стр. 208.

М—къ П—въ, Послѣдніе дни Портъ-Артура (Изъ воспоминаній участника обороны), окт., стр. 1, ноябрь.

Максуелль, У. Б. «Джонъ-Мортонъ, нищенствующій апостолъ», романъ. Пер. съ англ. Л. Сердечной, отд. III, янв., февр., мартъ, апр., май, іюнь

Муйжель, Викт. Мужичья смерть, разсказъ, мартъ, стр. 138.

Немоевскій, А. Легенды, переводъ съ польскаго Н. К-вой, май, стр. 209.

Оппѣда. Г. Нервы, разсказъ, пер. съ нѣм. А. Колокольцевой, сент., стр. 171.

Оршанскій, И. Г. Проф. Положеніе психологіи въ ряду наукъ, май, стр. 186, іюль, стр. 178.

Осиповичъ, Н. М. Средь шумнаго бала, іюль, стр. 22.

— За что? Очеркъ, декабрь.

Пантелѣева, С. Въ Восточную Сибирь, изъ воспоминаній, декабрь.

Петрищевъ, А. «Обыкновенныя отношенія», апр., стр. 197.

— Обыкновенныя обвиненія и «дружественныя отношенія», авг., II отд.

Пименова, Э. Теодоръ Рузвельтъ, XXV президентъ Соединенныхъ Штатовъ, февр., 296.

— Американскія работницы, іюль, стр. 206.

Піотровскій, К. Л. Борьба за Тихій океанъ, переводъ съ польскаго, май, стр. 1.

Поступаевъ, Ѳ. Стихотвореніе: Въ плѣну желѣза и огня, мартъ, стр. 35.

— Негативы: 1) У колыбели, 2) Въ ученьи, 3) Пѣсня на голодный мотивъ, разсказы, окт., стр. 238.

Потапенко, И. «Мужъ чести», повѣсть, май, стр. 70, іюнь, стр. 94, іюль, стр. 85, авг., стр., 100.

Протопоповъ, С. Рабство въ Закаспійской области, декабрь, отд. II.

Пэринъ, Ник. Вегетаріанство, сент., стр. 152.

Р., С. Безъ таланта, повѣсть, іюль, стр. 17.

Рапопортъ, С. И. Воспитаніе избирателя въ Англіи. (Письмо изъ Лондона), апр., II отд.

— Борьба женщинъ за право. (Письмо изъ Англіи), іюнь, II отд.

— Роль общественнаго мнѣнія въ англійскомъ законодательствѣ (Дайси «Законъ и общественное мнѣніе въ Англіи», 1905), октябрь, II отд.

— Представительное правленіе и парламентъ въ Англіи, мартъ, стр. 177.

— Устроители англійской жизни, ноябрь, стр. 1.

— Наканунѣ выборовъ, письмо изъ Англіи, декабрь, отд. II.

Роветта, Джероламо. Въ тенетахъ; драма въ 4 дѣйствіяхъ, пер. съ итал. Р-ой, августъ, стр. 22.

— Въ смертный часъ, раз., пер. съ итальян., ноябрь.

Родъ, Эдуардъ. Побѣдитель, романъ, пер. съ франц. З Журавской, окт., ноябрь, дек.

Розенбергъ, Р. Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней, пер. съ нѣм. О. Ѳ. Павловской, подъ редакціей проф. исторіи искусствъ А. А. Павловскаго, съ многочисл. иллюстраціями, ч. I, отд. III, янв., февр., мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Рубиновъ. И. Американская бюрократія, сент., II отд.

Свѣтловъ, В. О развитіи конституціонныхъ формъ въ Швейцаріи, янв., стр. 1.

Сергѣевъ-Ценскій, С. Лиза Виноградова, этюдъ, февр., стр. 121.

— Въ уголкѣ, разск., ноябрь.

Скельдборгъ, Іоганъ. Золотой холмъ, романъ изъ жизни рабочихъ, пер. съ датскаго М. и Е. Соломиныхъ, отд. III, іюль, авг., сент., окт.

Соболевъ, М. проф. Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи, іюнь, стр. 211.

Соколовскій, Л. Роль печати во время австрійской революціи, 1848 г., дек., отд. II.

Танъ, Въ Италіи, очерки, май, стр. 160, іюнь стр. 52.

— Развязка, повѣсть изъ жизни города Пропадинска, окт., стр. 35, нб.

Тарле, Е. Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства, іюль, стр. 59; авг., стр. 80; сент., стр. 79.

— Паденіе абсолютизма, введеніе, декабрь, стр. 1.

Тимофеевъ, С. А. Постепенное уменьшеніе способности измѣняться въ связи съ вопросомъ о причинѣ вымиранія видовъ, іюнь, стр. 251.

Тихоновъ, Влад. Антонъ Павловичъ Чеховъ. Воспоминанія и письма, авг., стр. 1.

Тотоміанцъ, В. Сельско-хозяйственная производительность Россіи въ новомъ освѣщеніи, янв., II отд.

— Бюрократическая опасность, май, стр. 177.

Тхоржевскій, Ив. Стихотвореніе: Мельница (Emile Verhaeren «Les Soirs»), сент., стр. 170.

Фаминцынъ, А. Второй съѣздъ международной академіи наукъ, декабрь, стр. 230.

Финнъ-Енотаевскій, А. Крестьянскій вопросъ и аграрныя программы, декабрь, стр. 242.

Черемновъ, А. Стихотвореніе, янв., стр. 30.

— Стихотвореніе, сент., стр. 34.

Чена, Джованни. Цѣною жизни, романъ, пер. съ итальянск. Е. Лазаревской, іюнь, стр. 128., іюль, стр. 133, авг.—196, сент.—131.

Чернобаевъ, Е. Стихотвореніе: Духъ горъ (Изъ Маріи Конопницкой), май, стр. 15.

Ц, Дмитрій. Стихотвореніе: Всадникъ зла, февр., стр. 314.

— Сонеты, май, стр. 137.

— Быть можетъ, мы послѣдніе пѣвцы, май, стр. 232.

— Изъ весенняго альбома, іюль, стр. 107.

Эмиль фонъ Шенаихъ-Каролата. Гансъ безъ гроша (Поэма), пер. О. Н. Чюминой, февр., стр. 148.

Шанхазарова, Т. Затмись мѣсяцъ! разск. пер. съ армян., ноябрь.

Шейнисъ, Л. Къ вопросамъ избирательнаго права, ноябрь.

Шмидтъ, П. Ю. Иммунитетъ и сыворотки, февр., стр. 190.

Шницлеръ, Артуръ. Слѣпой Геронимо и его братъ, разсказъ, пер. съ нѣм. Г—къ, апр., стр. 84.

Щеголевъ, П. Памяти А. Н. Пыпина, янв., отд. II.

Холодковскій, Н. Проф. Современное состояніе ученія о партеногенезисѣ у животныхъ, янв., 102.

— Вопросъ о происхожденіи половъ, мартъ, стр. 69.

Ѳ—въ, А. Живопись и скульптура (На художественныхъ выставкахъ въ Петербургѣ), апр., II отд.

Ѳедоровъ, А. Стихотвореніе: Вино, янв., стр. 146.

— Весенній день, очеркъ, апр., стр. 217.

— Стихотвореніе: Море, авг., стр. 195.

— Сирень, очеркъ, сент., стр. 100.

— Махаонъ, очеркъ, ноябрь.

— Изъ Штериберга, стихотв., пер. съ нѣм., ноябрь.

Юшкевичъ, Семенъ. Левка Гемъ, разсказъ, янв., стр. 121.

— Новый пророкъ, разсказъ, іюль, стр. 230.

Эйнисъ, Л. Д-ръ. О самосохраненіи (Нѣкоторыя общедоступныя гигіеническія мѣры борьбы съ острыми и хроническими заболѣваніями), апр., стр. 227.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ.

Критическія замѣтки.

Январь. Запрещено цензурой.

Февраль. Запрещено цензурой.

Мартъ. Pro domo sua.—Два юбилея: московскаго и харьковскаго университета.—Проектъ «свободнаго нововременскаго университета». Книга г. Головачева «Россія на Дальнемъ Востокѣ».—Конецъ Суворинской «Желторосіи». Что мы въ Манчжуріи искали и что нашли.—Наше разочарованіе.—Единственный выходъ—ликвидація маньчжурской эпопеи.

Іюнь. Запрещено цензурой.

Іюль. «Петръ и Алексѣй» ром. г. Мережковскаго.—Конецъ трилогіи «Христосъ и Антихристъ». Неясность основной мысли трилогіи.—Интересъ послѣдняго романа для современнаго читателя. Борьба Петра съ духовенствомъ.—Духовный Регламентъ. Современныя настроенія въ духовной средѣ.—«Страна отцовъ» г. Гусева-Оренбургскаго.—Общая смута въ «странѣ отцовъ». Различное отношеніе къ ней среди духовныхъ. Возможная будущая роль духовенства.

Августъ. «Правда о войнѣ» г. Табурно.—Появленіе правдолюбцевъ.—Кривая правда хуже ясной лжи.—Въ чемъ правда г-на Табурно о войнѣ.—Мелочность его взглядовъ и указаній.—Его заключеніе о русскомъ солдатѣ.—Наивность автора и непониманіе коренной причины русскихъ неудачъ.

Сентябрь. «Разсказы» г. Арцыбашева.

Октябрь. Книга Флетчера «О Государствѣ Русскомъ». «Третій Римъ» повѣсть Калитина.—Старинное сказаніе въ нововременскомъ изложеніи. Враги «Третьяго Рима».—Инородцы всѣхъ видовъ.—Пре-

увеличенные страхи и необходимая травля.—Римъ въ прошломъ, по книгѣ Флетчера. Римъ современный въ дѣйствительности.—За кѣмъ будущее.

Ноябрь. Манифестъ 17-го октября.—Дикое недоразумѣніе бюрократіи. Визиратъ гр. С. Ю. Витте.—Конецъ мечтамъ, какъ первый актъ «объединеннаго правительства».—Частичная амнистія.—Привѣтъ выходцамъ изъ могилъ.—Памяти мертвыхъ.—Эпизодъ изъ романа «Андрей Кожуховъ».—Опять забастовка. *А. Богдановичъ.*

Театральныя замѣтки.

Январь. «Въ мутной водѣ», комедія А. А. Потѣхина. «Авдотьина жизнь», драма соч. С. Найденова.

Іюнь и Іюль. Метерлинкъ и Чеховъ въ исполненіи артистовъ московскаго художественнаго театра. *Ѳ. Батюшковъ.*

Изъ русскихъ журналовъ.

Январь. Новыя данныя по дѣлу Чернышевскаго.—Новая замѣтка о попыткѣ его освобожденія.—«Воспоминанія о Чернышевскомъ» В. Г. Короленко въ «Русскомъ Богатствѣ».—«Всемірный Вѣстникъ», ст. г. Батуринскаго. «Герценъ, его друзья и знакомые».—Еще о Сахалинѣ—ст. Сѣича въ «Русской Мысли».

Мартъ. «Вопросы Жизни»—январь; «Русское Богатство»—январь; «Вѣстникъ Права»—январь; «Вѣстникъ Европы»—февраль.

Апрѣль. «Русская Старина»—февраль; «Историческій Вѣстникъ»—мартъ; «Вѣстникъ Европы»—мартъ.

Май. «Вопросы Жизни»—апрѣль; «Русское Дѣло»—№ 3; «Вѣстникъ Европы»—апрѣль. *В. Богучарскій.*

Журнальные отголоски.

Іюнь. Вопросы жизни въ «Вопросахъ жизни».

Августъ. Пріемы и методы бюрократическаго творчества. Уроки франко-русской и русско-турецкой войнъ. Pour la bonne bouche.

Сентябрь. Отзывы провинціальной печати о законѣ 6-го августа. «Голосъ жизни». Пробуждающіяся силы и пробудившіяся потребности.

Октябрь. «Вѣсы». «Великій грѣхъ» гр. Л. Н. Толстого. «Русское Богатство» о націонализаціи земли.

Декабрь. О русской сатирической журналистикѣ.—*PS.* Нашъ отвѣтъ «Сыну Отечества». *Вл. Кранихфельдъ.*

Внутреннее обозрѣніе.

Январь. Запрещено цензурой.

Февраль. Запрещено цензурой.

Мартъ. I. Крестьянскій вопросъ и его значеніе.—Направленіе, данное ему Положеніемъ 19-го февраля и послѣдующимъ законодательствомъ.—Сельско-хозяйственные комитеты и, «Записка» предсѣдателя особаго совѣщанія о нуждахъ крестьянъ Положеніе вопроса въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Желательныя условія рѣшенія крестьянскаго вопроса.—II. Подзаконность дѣйствій должностныхъ лицъ.—Мѣры, намѣченныя комитетомъ министровъ.—Внутреннія условія законности дѣйствій какъ властей, такъ и гражданъ.—III. Хроника.

Апрѣль I. Акты 18-го февраля, ихъ связь и значеніе. Мнѣніе объ этомъ члена Государственнаго совѣта С. Ѳ. Платонова. Два проекта организаціи народнаго представительства. — Агитація «Московскихъ Вѣдомостей» и «черныя сотни».—Закрытіе коммиссіи г. Шидловскаго и условія рѣшенія рабочаго вопроса.—Крестьянскія волненія.—Дезорганизація учебнаго дѣла.—Къ характеристикѣ нашего финансоваго положенія.—Война или миръ?—II. Хроника.

Май. Группировка партій въ Россіи.—Высочайшій указъ 17-го апрѣля.—Постановленія всероссійскаго съѣзда промышленниковъ по рабочему вопросу.—Хроника.

Іюнь. Земская либеральная партія. Пересмотръ положенія объ усиленной охранѣ.—Новый законъ о печати.—Гибель русскаго флота.

Іюль. I. Проектъ м. в. д. Булыгина организаціи народнаго представительства и общій характеръ реформы. — Работы коммиссій.—Земское движеніе и пріемъ московской депутаціи.—Вопросъ о мирѣ или перемиріи.—II Хроника.

Августъ. I. Опытъ демократической программы.—II. Голоса сословнаго прошлаго.—III. Хроника внутренней жизни.

Сентябрь. I. Учрежденіе Государственной Думы.—II. Хроника.

Октябрь. I. Университетская реформа.—II. Изъ земскихъ сферъ.—III Хроника.

Ноябрь. I. 17-ое октября.—II. Несчастный край.—III. Аграрныя волненія.—IV. Хроника.

Декабрь. I. Политика «министерства 17 октября».—II. Новый избирательный законъ.—III. Третья политическая стачка и вооруженное возстаніе. *Ник.-Іорданскій.*

По поводу.

Январь. (Изъ жизни въ провинціи) «Русскій человѣкъ на rendez-vous».—Настроеніе ожиданія въ провинціи.—«Мы еще не умѣемъ говорить»,—Какъ «Московскія Вѣдомости» ходятъ въ «народъ».—«Почетные провокаторы» и изслѣдователи обывательской души: гг. Безруковы, Любомудровы, Поповы и Сопроновы.—Проектъ «курсовъ для досужихъ слушателей».—Мнѣніе Достоевскаго о психологіи русскаго шпіона.

Февраль. Запрещено цензурой.

Мартъ. (Изъ жизни въ провинціи). Необходимость убѣжденій въ

наше время.—Прововѣдь на эту тему «неоффиціальной части» разныхъ «Губерн. Вѣдомостей».—Признанія въ убѣжденіяхъ г. Бориса Никольскаго и что отсюда произошло въ «Русскомъ Собраніи».—Циркулярное разведеніе «собственныхъ убѣжденій».—Способы условленія обывателя въ присутствіи таковыхъ.—Недоразумѣнія, возникшія между «идеями» и головою проф. Харьковскаго университета г. Бродовича.

Апрѣль. (Изъ жизни въ провинціи). Четыре дня въ Баку.—Событія въ Курскѣ и др. городахъ.—Обывательское самочувствіе.—Теорія «моментальнаго помѣшательства» какъ оправданіе насилій.—Разныя «мирныя» воззванія.—Обывательская отповѣдь.

Май. (Изъ жизни въ провинціи). Нѣсколько фактовъ.—Нарождающіяся группы правой.—Есть ли у насъ правая?—Откуда слово «крамола»?—Галлерея портретовъ политическихъ младенцевъ.—Снова губернская «литература».—Настроеніе «простыхъ русскихъ людей».

Іюнь. (Изъ жизни въ провинціи). Общительные люди.—Полицейская экономія вмѣсто политической Экономіи.—Теорія и практика «своего дѣла».—Новѣйшая иллюстрація къ баснѣ «Незабудки и запятки».

Іюль. (Изъ жизни въ провинціи). Россія, какъ «тылъ арміи».—Просыпающаяся деревня и не проснувшаяся деревня.—Педагогическій «строй».—Лиги охранителей.—Переписка подольскихъ помѣщиковъ съ подольскимъ губернаторомъ «Древніе греческіе философы» Холмскаго уѣзда.—Еще двѣ позы.—Общій выводъ.

Августъ. (Изъ жизни въ провинціи). О русскомъ словѣ и «должномъ образѣ мыслей».—Обогащеніе русскаго разговора новыми словами.—Многочисленные толковники стараго добраго слова—«произволъ».—«Солнце міровой правды» въ домѣ коннозаводства.—Истинно русское слово и слово «истинно-русскихъ» людей.—«Отечественный союзъ».—Маленькое отрадное явленіе.

Сентябрь. (Изъ жизни въ провинціи). Разные случаи съ «направленіемъ».—Проектъ уничтоженія института политической невинности Практическіе выводы изъ этого проекта въ Гомелѣ.—Свободный художникъ г. Шараповъ.—Суздальскіе натурщики, курскіе и прибалтійскіе дворяне.—Крѣпостники подъ маской «самой обыкновенной старухи».—Народъ и «направленія».

Октябрь. (Изъ жизни въ провинціи).—Предвыборная агитація.—Книжка-агитаторъ.—О политическомъ пространствѣ.—Фокусъ въ политическомъ пространствѣ.—Политика въ прочихъ мѣстахъ.

Ноябрь. Великая русская революція и ея первый этапъ.—Контръ-революціонная нація.—Контръ-революціонное духовенство.—Амнистія.—Голосъ «общественнаго порядка».—Вторая фаза русской революціи.—Движеніе въ войскахъ.—Двѣ октябрьскихъ картины.

Декабрь. Русская буржуазія и русское правительство.—Революція въ деревнѣ.—Революція въ войскахъ.—Почтово-телеграфная забастовка.—Соціалъ-демократическая партія и рабочія организаціи.

І. Ларскій.

Иностранное обозрѣніе.

Январь. Борьба съ реакціей во Франціи.—Рѣчи Жореса и Анатоля Франса.—Дѣло Гренье.—Дебаты въ германскомъ рейхстагѣ.—Митингъ и рѣчь Чэмберлена въ Лондонскомъ Истъ-Эндѣ.—Отношеніе рабочей партіи къ предстоящимъ выборамъ въ Англіи. — Общее настроеніе Китая.

Февраль. Перемѣна министерства во Франціи.—Новый министръ-президентъ.—Смерть Луизы Мишель.—Положеніе англійскаго министерства.—Сэръ Кампбелль-Баннерманъ. —Безработица въ Англіи.—Македонскія дѣла,—Полемика Жореса съ графомъ Бюловымъ.—Стачка въ округѣ Руръ.

Мартъ. Германское правительство и стачка рабочихъ въ Рурѣ.—Общественное мнѣніе и его отношеніе къ стачкѣ.—Торговые договоры.—Полковникъ Пикаръ о войнѣ.—Годичное собраніе рабочаго комитета въ Ливерпулѣ. — Столкновеніе Рузвельта съ сенатомъ.—Новое примѣненіе доктрины Монроё.—Японскій университетъ.

Апрѣль. Пренія въ германскомъ рейхстагѣ.—Прусское правительство и академическая свобода.—Русско-германскія отношенія на трибунѣ рейхстага.—Патріотизмъ Бебеля и Жореса.—Настроеніе общества и печати во Франціи и Англіи.—Клерикалы и французская политика.

Май. Марокккскій вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Новый германскій министръ.—Австро-венгерскій кризисъ.—Критское возстаніе.—Македонское движеніе.—Шведско-норвежскій споръ.—Докладъ въ германскомъ колоніальномъ обществѣ.—«Китай для китайцевъ».—Новое пораженіе министерства Бальфура.—Толки о мирѣ.

Іюнь. Въ Англіи.—Недоѣдающія дѣти.—Японская администрація въ Кореѣ.—Критское возстаніе.—Делькассе и націоналисты.—Положеніе католической церкви во Франціи.—Побѣда сумасшедшаго муллы.—Венгерскія дѣла.—Рѣчь императора Вильгельма.—Японское войско.—Германскій законопроектъ о палатахъ труда.—Избирательныя права женщины.

Іюль. Послѣдствія восточно-азіатской войны. — Отставка Делькассе.—Рузвельтъ и императоръ Вильгельмъ.—Американскій имперіализмъ.—Толки о мирѣ.—Шведско-норвежскій конфликтъ.—Ростъ соціализма въ Америкѣ.

Августъ. Германія и марокккскій вопросъ.—Шовинизмъ націоналъ-либераловъ.—Честь арміи на судѣ.—Вліяніе войны.—Военный ферейнъ и народный учитель.—Полковникъ Пикаръ о германской арміи.—Политика князя Бюлова.—Венгрія и шведско-норвежскій конфликтъ.—Практическое разрѣшеніе шведско-норвежскаго конфликта.—Юбилей Маццини.—Парламентскій скандалъ во Франціи.—Измѣненіе характера англійской палаты общинъ.

Сентябрь. Опасенія за европейское равновѣсіе. — Свиданіе въ Бьёрке.—Соціалъ-демократическій митингъ въ Берлинѣ. — Отношеніе

французскаго общественнаго мнѣнія къ мароккскому соглашенію.—Отдѣленіе церкви отъ государства.—Важное значеніе этой реформы.—Борьба съ кабинетомъ Бальфура въ Англіи.—Венгерскій конституціонный кризисъ,—Норвежскій референдумъ.—Переворотъ въ Черногоріи.—Вліяніе духа времени.—Дѣятельность японцевъ въ Китаѣ.—Японское общество мира.—Иностранная печать о Государственной Думѣ.

Октябрь. Толки и предположенія по поводу мира. Мясной кризисъ въ Германіи.—Съѣзды германскихъ соціалъ-демократовъ.—Агитація въ Венгріи; національный вопросъ и избирательное право.—Шведско-норвежскій кризисъ.—Конгрессъ трэдъюніоновъ.—Британская ассоціація въ Южной Африкѣ.—Трудности колоніальной политики.—Возстаніе Гереро.—Македонскія дѣла.

Ноябрь. Европа о событіяхъ въ Россіи.—Отношеніе европейской печати къ Россіи прежде и теперь.—Борьба за всеобщее избирательное право въ Австріи.—Конгрессъ мира.—Германская печать и англо-японскій договоръ.—Германскіе съѣзды.

Декабрь. Европейское общественное мнѣніе и русская свобода.—Опасенія турецкаго султана.—Опасенія германской реакціонной печати.—Вильгельмъ II и Альфонсъ XII.—Германская соціалъ-демократія и ремесленные синдикаты.—Борьба за избирательное право въ Австріи.—Положеніе кабинета Рувье во Франціи.—Женская манифестація въ Лондонѣ. *Э. Шименова.*

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Январь. Уроки войны.—Статьи японскихъ авторовъ и толки о мирѣ.—Финансы Японіи.—Эволюція англійскаго трэдъ-юніонизма.

Февраль. Современный Лондонъ и англійскіе женскіе клубы.—Миръ и война.

Мартъ. Толки о мирѣ.—Перемѣна взглядовъ на войну.—Рабочій вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Организація труда въ Америкѣ.

Апрѣль. Толки иностранной печати о мирѣ и войнѣ.—Доктрина Монрое на Дальнемъ Востокѣ.—Демократизація театра Лордъ Керцонъ и правдивость европейца.

Май. Мадьярскій и Чешскій вопросы и ихъ значеніе для будущей роли Австріи.—Послѣ мукденской катастрофы.—Африканецъ о европейской цивилизаціи въ Африкѣ.—«Маффіа»—Японскіе солдаты.

Іюнь. Толки иностранной печати о роли Японіи въ Азіи и вызываемыя ею опасенія.—Женское движеніе въ Японіи.—Расовое превосходство.

Іюль. Воспитаніе и патріотизмъ.—Организаціи взаимопомощи у японцевъ.

Августъ. Переговоры о мирѣ.—Бѣлая или желтая опасность? Американскій милитаризмъ.—Какъ писалъ свои романы Эмиль Золя.

Сентябрь «Потсдамская опасность».—Англія и мусульманскій міръ.—Національное движеніе въ Аравіи.—Отчего побѣдила Японія?

Декабрь. Европейское общественное мнѣніе и русская свобода.—Опасенія турецкаго султана.—Опасенія германской реакціонной печати.—Вильгельмъ II и Альфонсъ XII.—Германская соціалъ-демократія и ремесленные синдикаты.—Борьба за избирательное право въ Австріи.—Кабинетъ Рувье во Франціи.—Женская манифестація въ Лондонѣ.

Октябрь Политическое равноправіе женщинъ Бельгійской кооперації.

Ноябрь. Англійскіе журналы о Русско-Японскомъ мирѣ.—Императоръ Вильгельмъ и отношеніе къ нему нѣмцевъ.—Германскій генеральный штабъ и гуманитарныя идеи.

Декабрь. Отношеніе японскаго народа къ миру.—Анти-полицейскій бунтъ въ Токіо.—Успѣхи японскаго вліянія въ Китаѣ.—Послѣдствія войны.

Э. Пименова.

Научный фельетонъ.

Январь. I) Физика, химія и минералогія II) Біологія и медицина. *В. Агафоновъ.*

Февраль. Астрономія въ 1904 г. *К. Покровскій.*

Мартъ. Роль коллоидальныхъ веществъ въ жизненныхъ процессахъ. О независимости двухъ частей желудка и о желудочномъ сокѣ.—Отравленіе при пищевареніи.—Значеніе углеводовъ и жировъ въ пищевомъ режимѣ туберкулезныхъ.—Какъ исчезъ бизонъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.. *В. Агафоновъ*

Май. I) Холера. II). Прорытіе Симплонскаго тунеля. *В. Агафоновъ.*

Іюль. Предстоящее солнечное затменіе.—Результаты опытовъ С. А. Мокржецкаго надъ внекорневымъ питаніемъ растеній. Микробъ сифилиса.—Новые способы анэстеріи. *В. Агафоновъ.*

Сентябрь. 1) Эпидемическій цереброспинальный менингитъ. 2) Успѣхи, серотерапіи. 3) Различали-ли наши историческіе и доисторическіе предки всѣ цвѣта? 4) Элизе Реклю. *В. Агафоновъ.*

Библіографическій отдѣлъ.

Въ теченіе года дано около 200 рецензій по различнымъ отраслямъ литературы и науки.—Въ отдѣлѣ «*Новости иностранной литературы*» дано не менѣе 150—180 рецензій по иностраннымъ книгамъ.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „МІРЪ БОЖІЙ“:

Вальтеръ Безантъ. Тайна богатой наслѣдницы. Ц. 80 к.
Реклю. Исторія земли. Ц. 1 р. 60 к.
Бородинъ. Процессъ оплодотворенія растеній. Ц. 1 р. 50 к
Павловъ. Морское дно. Ц. 60 к.
Его же. Вулканы на землѣ. Ц. 40 к.
Его же. Ископаемые слоны. Ц. 40 к.
Морисъ Вилькомъ. Чудеса микроскопа. Ц. 1 р.
Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Ц. 2 р.
Випперъ. Общественныя ученія. Ц. 1 р.
Сизеранъ. Рёскинъ и религія красоты. Ц. 80 к.
Фаминцынъ. Современное естествознаніе и психологія. Ц. 1 р.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
» » » » » Ч. III, в. 1-й. Ц. 75 к.
» » » » » Ч. III, в. 2-й. Ц. 1 р.
Ивановъ. Писемскій. Ц. 1 р.
Его же. Ив. Серг. Тургеневъ. Ц. 2 р.
Его же. Исторія русской критики. Ч. I и II. Ц. 2 р.
» » » Ч. III и IV. Ц. 2 р.
Его же. Изъ западной культуры. Сборн. I. Ц. 1 р. 50 к.
» » » Сборн. II Ц. 60 к.
Его же. Поэзія и правда міровой любви. Ц. 75 к.
Его же. Новая культурная сила. Ц. 1 р. 50 к.
Богдановичъ. Современный Китай. Ц. 75 к.
Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора. Ц. 1 р. 50 к.
Смирнова. Маха-Бхарата Ц. 50 к.
Острогорскій. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Ц. 40 к.
Его же. Очерки пушкинской Руси. Ц. 40 к.
Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I. Кіевская Русь (съ VI до конца XII в.). Ц. 80 к.
Челпановъ. Мозгъ и душа. 2-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
Его же. О памяти и мнемоникѣ. 2-ое изд. Ц. 60 к.

Складъ изданій: книжный магазинъ Карбасникова. Спб., Литейный пр., д. 46.

Въ конторѣ журнала „Міръ Божій“ (СПБ., Разъѣзжая, д. № 7) продаются:

Сочиненія **Милюкова.** Очерки по исторіи русской культуры.
» **Рожкова.** Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

Гг. подписчики, выписывая означенныя книги, за пересылку не платятъ.

Отъ бюро Всероссійскаго Союза учителей и дѣятелей по народному образованію.

Центральное Бюро обращается ко всѣмъ учителямъ и другимъ дѣятелямъ въ области народнаго просвѣщенія съ предложеніемъ вступить въ ряды Союза.

Переживаемый моментъ открываетъ передъ учителями широкое полѣ для общественной и профессіональной работы. На насъ ложится большая, чѣмъ когда либо, отвѣтственность, какъ на гражданъ, обязанныхъ приложить всѣ усилія, чтобы добиться приведенія въ жизнь началъ свободы и народовластія, и какъ на учителей: только при участіи сплоченнаго и организованнаго учительства возможно созданіе въ странѣ свободной демократической школы.

Нашъ союзъ, и теперь уже широко распространенный, долженъ охватить въ ближайшемъ будущемъ все сознательное, прогрессивное учительство. Бюро рекомендуетъ использовать въ этихъ цѣляхъ свободу собраній и союзовъ, установленную актомъ 17 октября.

Второй всероссійскій съѣздъ делегатовъ отъ всѣхъ группъ и отдѣленій Союза будетъ на Рождествѣ. Очень важно, чтобы къ этому времени союзъ объединилъ учителей во всѣхъ уѣздахъ и городахъ Россіи. Ноябрь долженъ быть посвященъ организаціи новыхъ группъ и расширенію уже существующихъ.

Бюро проситъ всѣ новыя группы, желающія принять участіе въ съѣздѣ, прислать къ 1-му декабря свѣдѣнія о своемъ составѣ. На каждые 25 лицъ долженъ быть выбранъ 1 делегатъ.

Правила для вступленія въ Союзъ.

1) Каждый членъ союза долженъ принимать уставъ союза.

2) Членами Союза могутъ быть бывшіе и настоящіе учителя и учительницы, какъ низшихъ, такъ и среднихъ школъ и дѣятели по народному образованію (завѣдующіе народнымъ образованіемъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, работники по внѣшкольному образованію, лекторы и т. п.).

3) Новыя группы и отдѣленія принимаются въ союзъ или мѣстными его отдѣленіями или центральнымъ бюро. Отдѣльныя лица принимаются мѣстными группами.

4) Центральное бюро рекомендуетъ сельскимъ учителямъ и учителямъ небольшихъ городовъ образовывать обще-уѣздныя отдѣленія, а учителямъ низшихъ и среднихъ школъ въ крупныхъ городахъ—общегородскія отдѣленія.

5) Каждая новая группа посылаетъ въ центральное бюро (Петербургъ, Чернышевъ пер., д. 16, кв. 34):

а) Списокъ своихъ членовъ съ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи каждаго, а также типа школы, въ которой онъ работаетъ и мѣста нахожденія ея (уѣздъ, волость, село) или рода просвѣтительной его дѣятельности.

б) Адресъ для сношеній бюро съ группой.

в) Членскіе взносы (не менѣе одного рубля ежегодно съ каждаго члена).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 г. НА

„ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“.

Иллюстрированный двухнедѣльный журналъ словесности, науки и библіографіи.

(2-й годъ изданія).

Издатели: Т-во **М. О. Вольфъ.**
Редакторы: **П. М. Ольхинъ** и **Л. М. Вольфъ.**

Подписная цѣна на годъ (24 №№) 4 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Т-ва М. О. Вольфъ, Гостиный дворъ, 18.

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“**, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ**, а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) **первыя 10 книгъ Салтыкова-Щедрина за 1905 г.**, получатъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1906 г. ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1906 годъ
(37-й годъ изданія)
на еженедѣльн. иллюстриров.
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе **1906** года:

52 **№№** художеств.-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40 **КНИГЪ** „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
ОСТАЛЬНЫЯ
30 КНИГЪ **М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

(„Сказки“, „Мелочи жизни“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Письма къ тетенькѣ“ и мн. друг. Войдутъ также не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ три сказки и комедія „Смерть Пазухина“).
(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
ПЕРВЫЯ
10 КНИГЪ **К. М. СТАНЮКОВИЧА**

(въ которыя войдутъ „Морскіе разсказы“, романы: „Безъ исхода“, „Два брата“ и рядъ разсказовъ), подъ редакціей и съ біографич. очеркомъ **П. В. Быкова.**
(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

12 КНИГЪ **„Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“**, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12 **№№** **„Парижскихъ модъ“**. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 **„ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“** на 1906 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.**; съ доставкой—**7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р.
За границу—**12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

☞ Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1906 г. со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 10 книгъ соч. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА за 1905 г.**, доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПБ. — 1 р. 50 к.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—2 руб. ☜

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

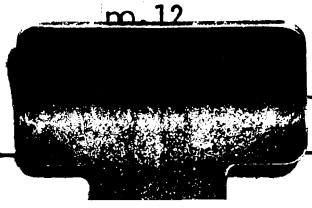
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.

AP 50
.M67
v.14
no.12
Dec 1905

Mir Bozhii.

AP 50
.M67
v.14
no.12

Mir Bozhii.



TY OF CHICAGO LIBRARY

U of Chicago
55015826